

ВЕСТНИК Томского государственного университета

2024. № 498. Январь

- ФИЛОЛОГИЯ
- СОЦИОЛОГИЯ
И ПОЛИТОЛОГИЯ
- ИСТОРИЯ
- ПЕДАГОГИКА
- ПРАВО

- PHILOLOGY
- SOCIOLOGY
AND POLITICAL SCIENCE
- HISTORY
- PEDAGOGICS
- LAW

TOMSK STATE UNIVERSITY JOURNAL

2024. № 498. January

*Свидетельство о регистрации СМИ № 018694
выдано Госкомпечати РФ 14 апреля 1999 г.*

Подписной индекс в объединённом каталоге «Пресса России» 46740

**НАУЧНО-РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Э.В. Галажинский, д-р психол. наук, проф. (председатель);
В.В. Демин, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.А. Глущенко, канд. ист. наук, доц. (отв. секретарь);
В.Н. Берцун, канд. физ.-мат. наук, доц.; **Е.В. Борисов**, д-р
филос. наук, проф.; **Д.С. Воробьев**, д-р биол. наук, доц.;
С.Н. Воробьев, канд. биол. наук, ст. науч. сотр.; **А.А. Глазунов**,
д-р физ.-мат. наук, проф.; **А.М. Горцев**, д-р техн. наук, проф.;
С.К. Гураль, д-р пед. наук, проф.; **Т.А. Демешкина**, д-р филол.
наук, проф.; **Ю.М. Ершов**, д-р филол. наук; **В.П. Зиновьев**, д-р
ист. наук, проф.; **А.Г. Коротаев**, канд. физ.-мат. наук, ст. науч.
сотр.; **И.Ю. Малкова**, д-р пед. наук, проф.; **В.П. Парначев**, д-р
геол.-минерал. наук, проф.; **О.В. Петрин**, директор Издательства
Томского государственного университета; **Л.М. Прокументов**, д-р
юрид. наук, проф.; **З.Е. Сахарова**, канд. экон. наук, доц.;
Ю.Г. Слижов, канд. хим. наук, доц.; **С.П. Сущенко**, д-р техн. наук,
проф.; **П.Ф. Тарасенко**, канд. физ.-мат. наук, доц.;
Г.М. Татьянин, канд. геол.-минерал. наук, доц.; **В.А. Уткин**, д-р
юрид. наук, проф.; **О.Н. Чайковская**, д-р физ.-мат. наук,
проф.; **Э.И. Черняк**, д-р ист. наук, проф.; **В.Г. Шилько**, д-р
пед. наук, проф.; **Э.Р. Шрагер**, д-р физ.-мат. наук, проф.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор –

В.П. Зиновьев,
д-р ист. наук, профессор

Заместители главного редактора:

Е.В. Борисов,
д-р филос. наук, профессор
Т.А. Демешкина,
д-р филол. наук, профессор
В.А. Уткин,
д-р юрид. наук, профессор

Ответственный секретарь –
Н.А. Глущенко,
канд. ист. наук, доцент

И.А. Айзикова,
д-р филол. наук, профессор
Р.Л. Ахмедшин,
д-р юрид. наук, профессор
Л.М. Прокументов,
д-р юрид. наук, профессор
П.П. Румянцев,
канд. ист. наук, доцент
А.Ю. Рыкун,
д-р социол. наук, профессор
В.А. Суровцев,
д-р филос. наук, профессор
В.Г. Шилько,
д-р пед. наук, профессор

**EDITORIAL COUNCIL
OF TOMSK STATE UNIVERSITY**

E. Galazhinsky, Dr. of Psychology, Professor (Chairman);
V. Demin, PhD in Physics and Mathematics, Associate Professor
(Vice Chairman); **N. Glushchenko**, PhD in History, Associate
Professor (Executive Editor); **V. Bertsun**, PhD in Physics and
Mathematics, Associate Professor; **Ye. Borisov**, Dr. of Philosophy,
Professor; **D. Vorobyov**, Dr. of Biology, Associate Professor;
S. Vorobyov, PhD in Biology, Senior Researcher; **A. Glazunov**,
Dr. of Physics and Mathematics; **A. Gortsev**, Dr. of Engineering,
Professor; **S. Gural**, Dr. of Education, Professor; **T. Demeshkina**,
Dr. of Philology, Professor; **Yu. Yershov**, Dr. of Philology;
V. Zinoviev, Dr. of History, Professor; **A. Korotaev**, PhD in Physics
and Mathematics, Senior Researcher; **I. Malkova**, Dr. of Pedagogy,
Professor; **V. Parnachev**, Dr. of Geology and Mineralogy, Professor;
O. Petrin, Head of TSU Press; **L. Prozumentov**, Dr. of Law, Professor;
Z. Sakharova, PhD in Economics, Associate Professor; **Yu. Slizhov**,
PhD in Chemistry, Associate Professor; **S. Sushchenko**, Dr. of
Engineering, Professor; **P. Tarasenko**, PhD in Physics and Mathematics,
Associate Professor; **G. Tatianin**, PhD in Geology and Mineralogy,
Associate Professor; **V. Utkin**, Dr. of Law, Professor; **O. Chaikovskaya**,
Dr. of Physics and Mathematics, Professor; **E. Chernyak**, Dr. of History,
Professor; **V. Shilko**, Dr. of Education, Professor; **E. Shrager**, Dr. of
Physics and Mathematics, Professor

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vasiliy P. Zinoviev,
Doctor of History, Professor

Deputy Editors-in-Chief

Evgeny V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
Tatiana A. Demeshkina,
Doctor of Philology, Professor
Vladimir A. Utkin,
Doctor of Law, Professor

Executive Editor

Nikita A. Glushchenko,
PhD in History, Associate Professor

Irina A. Aizikova,
Doctor of Philology, Professor
Ramil L. Akhmedshin,
Doctor of Law, Professor
Lev M. Prozumentov,
Doctor of Law, Professor
Petr P. Rumyantsev,
PhD in History, Associate Professor
Artem Yu. Rykun,
Doctor of Sociology, Professor
Valery A. Surovtsev,
Doctor of Philosophy, Professor
Victor G. Shilko,
Dr. of Education, Professor

Журнал индексируется в базе данных Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

Журнал индексируется в базе данных Russian Science Citation Index on Web of Science.

The Journal is indexed in the Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index.

The Journal is indexed in the Russian Science Citation Index on Web of Science.

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, входящих в международные реферативные базы данных и системы цитирования, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук», Высшей аттестационной комиссии.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОЛОГИЯ

Бешенкова Т.А. «Мир глазами Гарпа» Дж. Ирвинга как метароман.....	5
Варларо Ф. Лиственница в русской и итальянской картинах мира: сопоставительный аспект	13
Дроздова А.О., Семенова М.А. Рецепция художественного мира и биографического мифа И.С. Тургенева в романе В.В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»	19
Колчанов В.В. «Грачевский страус»: А.М. Горький и его издательское окружение в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»	27
Кондратьева О.Н., Ходасевич Е.М. Эволюция медиаконцепта «Майдан» в российских СМИ	37
Маматов Г.М. Концепция музыки К.Д. Бальмонта и её воплощение в книге стихов «Дар земле»	47

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Ливенцова Е.Ю., Кашпур В.В., Дунбинский И.А., Гойко В.Л., Александрова Ю.К. Тематический репертуар современных исследований ценностей, основанных на методах вычислительных социальных наук (CSS)	59

ИСТОРИЯ

Глушков А.В. Добровольные трудовые переселенцы в лесной промышленности Молотовской области в 1950-е гг.: притягивающие факторы	70
Казакова-Апкаримова Е.Ю. «Вольная» высшая школа на Урале в начале XX в.: народные университеты в российской провинции	80
Мокеев А., Белек К. Надгробные памятники суфийских шейхов в восточной части Кыргызстана караханидской эпохи	89
Попов И.Д. Херренхимзейский проект как прообраз Основного закона ФРГ	96
Рыскулов Т.А. Постоянное представительство Кыргызстана при Президиуме ВЦИК в 1924–1927 гг.	106
Соков И.А. Усилия администрации Джо Байдена по трансформации/реставрации мирового порядка в контексте американских правил	120
Тимофеева Н.П. Вернуться на Родину: советские работники нацистского принудительного труда, репатриированные и погибшие за рубежом (1941–1945 гг.), в культуре памяти современной России	128
Федоров А.Н., Протасов Е.Т. Замена руководства Бурят-Монгольской АССР в 1951 г.: о кадровой политике ЦК ВКП (б) в послевоенный период	134

ПЕДАГОГИКА

Ежова Г.С., Шилько В.Г. Изменение показателей психоэмоционального состояния и уровней тревожности студентов НИ ТГУ, обучающихся по дисциплине «Физическая культура и спорт»	144
Мутъев А.В. Кадровое обеспечение физической культуры и спорта в первое десятилетие после установления советской власти в Крыму	151
Петраш Е.А., Сидорова Т.В. Личностно-профессиональная позиция студентов направления подготовки «Педагогическое образование»	160

CONTENTS

PHILOLOGY

Beshenkova T.A. <i>The World According to Garp</i> by John Irving as a metanovel	5
Varlaro F. Larch in the Russian and Italian linguistic pictures of the world: A comparative aspect	13
Drozдова A.O., Semenova M.A. The reception of the artistic world and biographical myth of Ivan Turgenev in Vladimir Nabokov's <i>The Real Life of Sebastian Knight</i>	19
Kolchanov V.V. "Grachevsky ostrich": Maxim Gorky and his publishing environment in <i>The Fatal Eggs</i> by Mikhail Bulgakov	27
Kondratyeva O.N., Khodasevich E.M. The evolution of the media concept "Maidan" in the Russian mass media	37
Mamatov G.M. Konstantin Balmont's concept of music and its embodiment in his book of verses <i>A Gift to the Earth</i>	47

SOCIOLOGY AND POLITICAL SCIENCE

Liventsova E.Yu., Kashpur V.V., Dunbinsky I.A., Goiko V.L., Aleksandrova Yu.K. Thematic repertoire of contemporary value studies based on computational social science methods	59

HISTORY

Glushkov A.V. Voluntary labor migrants in the timber industry of Molotov Oblast in the 1950s: Pull factors	70
Kazakova-Apkarimova E.Yu. "Free" higher school in the Urals at the beginning of the twentieth century: People's universities in the Russian province	80
Mokeyev A., Belek K. Tombstones of Sufi sheikhs in Eastern Kyrgyzstan of the Qarakhanid period	89
Popov I.D. The Herrenchimsee project as a prototype of the Basic Law for the Federal Republic of Germany	96
Ryskulov T.A. Permanent Mission of Kyrgyzstan to the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in 1924–1927	106
Sokov I.A. Joe Biden Administration's efforts to transform/restore the world order in the context of American rules	120
Timofeyeva N.P. Back home: Soviet workers of Nazi forced labor who were repatriated and died abroad (1941–1945) in the memory culture of modern Russia	128
Fedorov A.N., Protasov E.T. Replacement of the Buryat-Mongolian ASSR leaders in 1951: On the CPSU Central Committee's human resource policy in the postwar period ...	134

PEDAGOGICS

Ezhova G.S., Shilko V.G. Changes in indicators of the psycho-emotional state and anxiety levels of the National Research Tomsk State University students studying physical culture and sports	144
Mutyev A.V. Staffing of physical culture and sports in the first decade after the establishment of Soviet power in Crimea	151
Petrash E.A., Sidorova T.V. Personal and professional position of students of the direction of training "Pedagogical Education"	160

Токтарова В.И., Казанцева О.Г. Образовательный потенциал технологии дата-сторителлинга: особенности и перспективы внедрения	170

ПРАВО

Абдуллина К.Р., Головастова Ю.А., Корнеев С.А. Нетипичные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания в период проведения специальной военной операции: в поисках оптимальной модели правового регулирования	180
Аксенов В.А., Одинцов С.В. Машиночитаемое право и его роль в функционировании маркетплейсов	190
Артемченко Н.В., Шимбарева Н.Г. Принудительные работы в системе уголовных наказаний: неиспользованные возможности	199
Глазков М.Б., Глазкова Е.И. Осуществление контроля за осужденными к ограничению свободы: некоторые проблемные аспекты	209
Поляков В.В. Высокотехнологичные преступления: концептуальные основы криминалистической методики расследования	217
Яковлев Е.А. Проблемные вопросы, связанные с исполнением уголовных наказаний в отношении иностранных граждан	225

Toktarova V.I., Kazantseva O.G. Educational potential of data storytelling technology: Features and prospects of implementation	170

LAW

Abdullina K.R., Golovastova Ju.A., Korneev S.A. Atypical types of exemption from criminal liability and punishment during the special military operation: In search of an optimal model of legal regulation	180
Aksenov V.A., Odintsov S.V. Machine-readable law and its role in the functioning of marketplaces	190
Artemenko N.V., Shimbareva N.G. Compulsory labor in the criminal penalty system: Untapped opportunities	199
Glazkov M.B., Glazkova E.I. Monitoring of persons sentenced to restriction of liberty: Some problematic aspects	209
Polyakov V.V. High-tech crimes: Conceptual foundations of forensic investigation methodology	217
Yakovlev E.A. Problematic issues related to the execution of criminal penalties for foreign citizens	225

ФИЛОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 82-31
doi: 10.17223/15617793/498/1

«Мир глазами Гарпа» Дж. Ирвинга как метароман

Татевик Артуровна Бешенкова¹

¹Институт мировой литературы имени А.М. Горького Российской академии наук,
Москва, Россия, x.tatevik@gmail.com

Аннотация. Рассматривается вопрос о жанровой принадлежности романа Дж. Ирвинга «Мир глазами Гарпа». Первая часть статьи посвящена истории классификации романа в зарубежном и отечественном литературоведении, вторая – проверке гипотезы о принадлежности произведения к жанру метаромана, в связи с чем анализируется позиция повествователя, взаимодействие рамочного и вставного нарративов (в частности взаимопроникновения мотивов), выделяется автометарефлексивный компонент романа. На основе проведенного анализа делается вывод о возможности причисления этого произведения к жанру метаромана.

Ключевые слова: метароман, автометарефлексивность, Джон Ирвинг, «Мир глазами Гарпа», метапроза.

Для цитирования: Бешенкова Т.А. «Мир глазами Гарпа» Дж. Ирвинга как метароман // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 5–12. doi: 10.17223/15617793/498/1

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/1

The World According to Garp by John Irving as a metanovel

Tatevik A. Beshenkova¹

¹ A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, x.tatevik@gmail.com

Abstract. The article aims to answer the question of whether *The World According to Garp* by John Irving can be referred to as a metanovel (a self-reflective or self-conscious novel). The theoretical background of the article is a monograph by the Russian scholar V.B. Zuseva-Ozkan, who coined a strict definition of the term and the genre's invariant structure. Despite possessing very strong traits of metafiction and being referred to as such in Patricia Waugh's *Metafiction*, *The World According to Garp* has not yet been called a metanovel. The first part of the article focuses on the history of the novel's genre definition. *The World According to Garp* is usually regarded as a Bildungsroman or Künstlerroman. As the article shows, these forms prevail in research for a number of reasons referring to the plot, structure, mode of narration and others, but the novel appears to be "broader" than them. As noted by the American researcher Raymond Wilson in his article, Irving's novel shifts among different modes of literature, one of which is Modernist Bildungsroman about an artist. This is alongside the mid-20th century novel of manners and a postmodernist novel, the latter becoming Wilson's general characteristic of *The World According to Garp* as a whole. The problem is that neither metafiction nor a postmodernist novel define the genre. The second part of the article tests the theory of *The World According to Garp*'s being a metanovel. As an autometareflective mode of literature, a metanovel must include self-reflective awareness. In relation to *The World According to Garp*, which encompasses a lot with embedded stories by fictional narrators and their reception, it means that the embedded narratives ought to correspond to the frame, and the reflections of the novel upon the embedded stories should be proven to be reflections on the novel itself. The analysis of the title, narration, different motifs of the novel and correlation of the embedded stories with other works by the real (empirical) author provides a basis for calling the novel a metanovel. The definition does not exclude all the traits of either a Bildungsroman, or an autobiographical or postmodern novel but can be a way of unifying the novel's varying characteristics under one umbrella-term.

Keywords: metanovel, self-reflection, metafiction, John Irving, *The World According to Garp*

For citation: Beshenkova, T.A. (2024) *The World According to Garp* by John Irving as a metanovel. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 5–12 (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/1

Предлагаемая статья посвящена малоизученному в отечественном литературоведении роману Дж. Ирвинга «Мир глазами Гарпа» (1978), точнее проблеме его жанрового целого. Принципиальная особенность структуры романа заключается в его двуплановости, сопряжении рамочного и вставных текстов и сложной игре их соотношением, которая делает этот роман выдающимся произведением американского постмодернизма. Большая часть «вставок» приписана главному герою-писателю, некоторые – другим вымышленным авторам (в первую очередь матери Гарпа, медсестре-мемуаристке Дженни Филдз, а также иным представителям обширной галереи «литераторов», среди которых критики, биографы, приемная дочь персонажа – поэт и др.). То есть в романе уживаются вставные тексты, относящиеся к мемуаристике, художественной прозе, рецензиям, интервью, эпистолярному жанру и поэзии (как профессиональной, так и любительской). Также в романе целиком приводится стихотворение Уоллеса Стивенса «Заговор против великана» (1917) – единственный вставной текст, автором которого не является Дж. Ирвинг; притом Гарп собирается писать роман с аналогичным заглавием как бы по мотивам стихотворения.

Изобилие вставных текстов разного характера и их соотношение с рамочным текстом особо остро ставят вопрос о жанре целого. Как правило, он решается в пользу романа воспитания. Также есть исследователи, которые, уделяя более пристальное внимание метарефлексивной составляющей произведения, характеризуют его как метапрозу (metafiction) [1. Р. 30, 47]¹. При этом необходимо отметить, что метапроза – обширное понятие, которое включает в себя произведения различных жанров, в которых ярко заявляет о себе метарефлексивный компонент, и потому метапроза еще не является жанровой характеристикой. Метароман в свою очередь – характеристика жанровая, однако можно ли назвать «Мир глазами Гарпа» метароманом? Двуплановая структура («роман героев» и «роман романа»), внимание к проблеме вымысла и достоверности и игра-конфликт, построенная на этой антиномии, казалось бы, дают для этого достаточные основания. Однако, как отмечает отечественная исследовательница В.Б. Зусева-Озкан, «роман становится метароманом лишь в том случае, если произведение обсуждается как целое, как особый мир. Причем речь идет об обсуждении того самого произведения, частью которого это обсуждение является. Роман, в котором присутствует только рефлексия над другими текстами либо рефлексия над “текстом в тексте” – произведением героя данного романа (хотя основной текст герою-творцу не приписан), – не является метароманом. Для признания того или иного текста метароманом необходимо, чтобы субъект и объект рефлексии совпали. Поэтому без дополнительных данных нельзя считать метароманом произведение о формировании художника...» [2. С. 32–33].

В «Гарпе», на первый взгляд, непосредственно представлена только рефлексия над «текстами в тексте»: их рецепция критиками, биографами, журналистами и самими персонажами занимает очень важное

место в романе. Однако, присмотревшись более пристально, можно обнаружить рефлексия и по поводу романного целого. Для этого следует провести анализ произведения на уровне мотивов, позиции повествователя и вопроса об авторстве, взаимодействия рамочного и вставного нарративов, которые постоянно сближают «роман романа» и «роман героев».

Прежде чем переходить к проверке обозначенной выше гипотезы, необходимо рассмотреть историю определения жанра «Мира глазами Гарпа» в отечественном и зарубежном литературоведении. Как уже отмечалось выше, чаще всего исследователи определяют «Мир глазами Гарпа» как один из видов романа воспитания (Bildungsroman) [3. Р. 457]. Е.М. Загарина, исследовавшая первые романы Ирвинга в контексте развития в них анализируемой ею формы американского романа воспитания, выделяет в «Мире глазами Гарпа» три важнейших критерия романа воспитания, а именно акцент на событиях, формирующих характер персонажа, описание творческого пути писателя и, наконец, связь становления личности с большими социальными и историческими процессами. Четкость выявления этапов его формирования также упоминается в качестве жанрообразующего принципа [4].

В пользу определения «Мира глазами Гарпа» как романа воспитания говорит и обилие вставных элементов, характерных для этой романной формы, особенно романа о художнике (Künstlerroman)². При этом следует отметить, что «традиция» в этом случае иронически переосмысливается и перед читателем предстает история об авторе, который создал свой лучший текст на заре карьеры, а дальше – погрузился в быт и творческие поиски, которые оборвала преждевременная смерть. Важная для романа воспитания дидактическая составляющая в «Мире глазами Гарпа» нивелируется иронией и неоднозначностью, а история о становлении персонажа, оставаясь важнейшей доминантой в сюжете, не выходит на уровень единства формы и содержания и, таким образом, не может стать жанровым определением.

Очень любопытна в этом контексте работа американского исследователя Р. Уилсона, который выделяет в произведении сразу несколько жанровых традиций. Уилсон утверждает, что «Гарп» представляет яркий пример постмодернистской литературы «восполнения» (the literature of replenishment – термин Дж. Барта из одноименной статьи) и условно делится на три части, каждая из которых тяготеет к особой традиции: произведение начинается как модернистский роман воспитания о творце в духе «Портрета художника в юности» Дж. Джойса, затем становится романом нравов в стиле Дж. Апдайка, а в конце превращается в роман, стилистически близкий к постмодернистским опытам Т. Пинчона, Дж. Барта или Р. Кувера [6. Р. 73].

То есть в некотором роде «Гарп» – это синтез романа воспитания и романа нравов с метафизическим комментарием к самим этим формам [6. Р. 75], притом уже в самом начале, условно обозначенном исследователем как роман воспитания модернистского толка, Ирвинг иронически переосмысливает избранную им самим форму, тем самым как бы предвосхищая

постмодернистский финал [6. Р. 80]; аналогичным образом он поступает и с серединой романа (романом нравов) [6. Р. 81].

Уилсон дополнительно привлекает внимание к подвижной позиции повествователя в романе и ее связи с доминированием той или иной жанровой традиции. Так, в условной первой части – романе о становлении художника – повествователь прячется под маской летописца-хроникера, тщательно документирующего свой труд. Во второй части (роман нравов) текст приближается к классическому роману всезнающего автора. Наконец, в третьей части происходит интересный сдвиг в повествовательной стратегии, потому что на сцену снова выходит документирование, но оно оказывается скомпрометировано и оборачивается псевдо-документированием постмодернизма. В третьей части становится ясно, что документы и высказывания, на которые ссылался повествователь в начале романа, могли быть фальсифицированы (наиболее авторитетный биограф Гарпа, очевидно, неблагонадежен), а сам роман в его финальных эпизодах может трактоваться как порождение фантазии персонажа.

Разумеется, силен в романе и биографический аспект (в некотором роде сам по себе роман воспитания генетически восходит именно к этой форме). Одна из видных исследовательниц современной американской литературы Н.В. Киреева в монографии о жанровой поэтике американского постмодернизма подробно останавливается на этом вопросе³: «Создавая образ писателя Гарпа, Ирвинг активно использует автобиографические элементы. Эта форма – литературная биография на грани документального и художественного, оказывается очень удобна для его задач, литературная биография переплетается у Ирвинга с романом воспитания и романом о художнике» [7. С. 73]. Автобиографичность выделяется и зарубежными исследователями «Мира глазами Гарпа» [8. Р. 41], а связь между приписанными Гарпу текстами и произведениями самого Ирвинга (см. далее) как бы усиливает этот автобиографический контекст. Однако встроенность игры с автобиографическим в систему мотивов романа дает основания для того, чтобы рассматривать условное автобиографическое в романе как саморефлективное.

Таким образом, с нашей точки зрения, «Мир глазами Гарпа» оказывается шире жанровой формы романа воспитания, а полистилистичность и та подчас противоречивая неоднородность, которая в нем наблюдается, может быть «унифицирована», если посмотреть на произведение именно как на метароман. Но для этого необходимо доказать, что рефлексия по поводу вставных текстов в нем так или иначе соотносится с рамочным текстом и является рефлексией по поводу всего романа, сознающего себя как эстетическое целое.

Первое, что обращает на себя внимание в этом контексте, – это заголовок: “The world according to Garp”, который «прошивает» роман на всех его структурных уровнях: от названий глав до отдельных упоминаний в тексте от повествователя и в приписанных персонажу произведениях. При самом поверхностном рассмотрении выделяется два альтернативных гарповскому

«взгляда» на мир: глазами Бензенхейвера («Мир глазами Бензенхейвера» – название бестселлера Гарпа и главы, в которой приводится фрагмент этого текста) и глазами Марка Аврелия (название главы, в которой рассказывается о последствиях аварии в семье Гарпа). В тексте романа подобный рефрен звучит в речи повествователя, например: «Если мы будем смотреть на мир глазами Гарпа, то мы обязаны помнить все» [9. С. 720] и во вставках, приписанных Гарпу: «в мире глазами Бензенхейвера ни одна тривиальная деталь не должна умалять злость такого преступления, как изнасилование» [9. С. 549]. Притом в первой (и единственной приведенной на страницах романа) главе «Мира глазами Бензенхейвера» этот оборот применяется трижды. Родственный ему рефрен “the account of the world by Theobald's sister” («картина мира глазами сестры Теобальда») [10. Р. 186] встречаем и в «Пансионе Грильпарцер» за «авторством» Гарпа. Усиливая значение заголовка-рефрена и его производных, аналогичный оборот завершает собой роман: «Но в мире глазами Гарпа все мы просто “терминальные случаи”»⁴. Такое сближение речи повествователя и речи персонажа становится больше чем приемом несобственно-прямой речи, оно способствует постоянному сопряжению двух планов романа.

Отмеченное совпадение заглавия романа и названий его глав с выражениями из текстов, приписанных персонажу, конечно, можно объяснить решением условного биографа-повествователя, но такое объяснение было бы лишь частичным, так как в вопросе заголовков «Мир глазами Гарпа» как раз выходит на метаровень, на уровень осмысления себя как целого. Это наиболее ярко проявляется в двух элементах. Первый – «обнажение приема», когда речь заходит о мемуарах Дженни Филдз. Написав уже множество страниц, Дженни, как опытный читатель, понимает, что ее книга «еще не началась» и начинается только тогда, когда медсестра находит выход: «бойкое», запоминающееся начало, которое задает книге тон, и заголовок, который становится рефреном, – той струной, играя на которой, Дженни собирает воедино свой «сумбурный» (messy) [10. Р. 135] манускрипт. «Я хотела работать и жить одна, это и сделало меня сексуально подозреваемой», – пишет Дженни [9. С. 202–203], и «сексуально подозреваемая» (Sexual suspect) становится названием ее воспоминаний. Гарп, характеризующий найденный матерью способ связать рассыпающийся текст рефреном-заголовком, фактически комментирует роман в целом.

Другой интересный аспект, касающийся заголовка, связан с фигурой повествователя. Дональд Уитком – наиболее авторитетный биограф Гарпа, пишет книгу «Безумие и грусть», посвященную творчеству писателя. Однако «безумие и грусть» – это не только эпитет, которым учитель Гарпа, Тинч, награждает его первый рассказ (что само по себе любопытно, но легко укладывается в парадигму романа о художнике, написанного кропотливым биографом); «Безумие и грусть» – также и рабочее название самого «Мира глазами Гарпа» [11. Р. 97].

То есть, в некотором роде, биография Гарпа, написанная Уиткомом, – это и есть «Мир глазами Гарпа».

Фигура повествователя – вопрос, на котором при рассмотрении жанра «Мира глазами Гарпа» следует остановиться отдельно. На первый взгляд кажется, что никто из персонажей не пишет непосредственно сам роман (как, например, в «Море, море» А. Мердок или «Бессмертии» М. Кундеры) и основной текст никому нельзя приписать, однако на самом деле все обстоит несколько сложнее. Текст романа может быть приписан сразу двум персонажам: Уиткому и самому Гарпу.

Наиболее показателен в этом контексте так называемый эпилог романа, его последняя глава («Жизнь после Гарпа»), в которой ретроспективно описывается, вплоть до самой смерти, жизненный путь всех тех, кто пережил Гарпа. Единственным персонажем, смерть которого никак не упоминается в главе, является именно «молодой»⁵ Уитком. Переживший всех героев биограф получает свободу действий и пишет о том, чему не осталось живых свидетелей, а достоверность его труда компрометируется уже одним только этим фактом⁶.

Эта же глава содержит и другой намек: возможно, роман пишет сам Гарп. Так, «эпилог» предваряется рассуждением о том, что Гарпу бы понравилась мысль о наличии эпилога. Отметим, что по сюжету Гарп к этой главе уже убит, но глава, тем не менее, «предупреждает нас о будущем, *каким мог его вообразить Т.С. Гарп*» (курсив мой. – Т.Б.) [9. С. 729], т.е. эпилог – это попытка персонажа, притом уже мертвого, вообразить жизнь после себя [6. Р. 86]. Это замечание, как бы допускающее атрибуцию романа Гарпу, небезынтересно сравнить с сожалениями Гарпа о том, что жизнь не структурирована как хороший старомодный роман [10. Р. 570]. Тогда, при такой интерпретации, Гарп – единственный автор романа о себе – просто выдумывает хроникера, который переживет всех персонажей и расскажет историю Гарпа и его семьи потомкам. В той же финальной главе, размышляя о смерти Гарпа, его издатель скажет: «Такую сцену смерти мог бы написать только Гарп» [9. С. 721]. Как подчеркивает Раймонд Уилсон, только в метапрозе персонаж может быть назван единственным лицом, способным создать сцену из романа, в котором он сам – персонаж [6. Р. 85].

Различные проявления рефлексии романа над собственной природой встречаются в тексте и до его финальной части. Так, расстроенный отказом журнала опубликовать его рассказ «Пансион Грильпарцер», Гарп узнает от учителя, мистера Тинча, что журналу, наверное, интересны «новые формы», т.е. такая литература, которая говорит «о самой себе», но ни Гарп, ни Тинч не знают, что это может означать [10. Р. 187]. Здесь, разумеется, присутствует ирония Ирвинга относительно сложной литературы, нацеленной на критиков и коллег-писателей, а не читателей, а не сам факт наличия такого комментария в тексте привлекает внимание к форме, и не только произведений Гарпа, но и романа в целом, который постоянно балансирует на грани постмодернистского романа (с его саморефлексией, вопросами о низком и высоком, вымысле и достоверности в литературе) и развлекательного чтения

для масс (с закрученным сюжетом, чрезмерной жесткостью и подчас нелепыми перипетиями). Таким образом, косвенно роман постоянно предпринимает попытки осмысления собственной природы, композиции и границ.

Дублирование мотивов в рамочном и вставных текстах также способствует сближению двух планов: «романа романа» и «романа героев». Часть вставных текстов в романе приведена целиком, а среди тех, что даны в пересказе, особое место занимают романы-замыслы, которые Гарп задумал, но не успел написать⁷. Мотивы, которые играют принципиальную роль как в «рамке», так и в различного рода «вставках», – это мотивы смерти, сна, насилия, письма, реального и вымышленного, мотив измены, отсутствующего отца и другие.

Мотив смерти заявляет о себе в самом начале романа, когда читателю дают понять, что главный герой умрет в ходе повествования (вторая глава открывается «цитатой» из Гарпа, который «всегда предчувствовал, что умрет молодым» [10. Р. 45]), ярко проявляется в больничных эпизодах, становится одним из важнейших в венских главах, а далее он начинает играть ключевую роль. Фактически таким же образом реализован мотив смерти в рассказе Гарпа «Пансион Грильпарцер». Рассказ представлен в тексте в двух фрагментах, между которыми Гарп сталкивается с первым в своей жизни опытом переживания смерти (уход из жизни проститутки Шарлотты) и на этом фоне переосмысляет образ послевоенной Вены. Тема смерти появляется в начале рассказа Гарпа, но она еще не звучит самостоятельно («когда умер мой дед», «в категории “С” родился и в ней же умрет» [9. С. 188]) и остается фактом сюжета или просто лексическим оборотом. Во второй «части» смерть становится важнейшим компонентом рассказа, который Гарп позже презентует слушателям как историю, в которой «одиннадцать главных героев, и семеро из них умирают» [9. С. 701]. Во второй части рассказа не только умирают почти все его персонажи, даже сам пансион – и тот становится безжизненным⁸. Финал «Пансиона Грильпарцер», таким образом, соотносится с финалом романа, в котором умирают все, кроме биографа, действующие лица.

Наиболее ярко мотив смерти в рассказе проявляется во сне бабушки героя Йоханны, из которого фактически и вырастает весь рассказ: сначала у Гарпа был только сон о смерти [10. Р. 146]. Мотив сна оказывается связан с мотивом смерти и в рамочном тексте. Гарп, тревожный отец, видит два сна о своих детях: в одном его старший сын Дункан выходит в никуда из открытого самолета, а Гарп кидается за ним, во втором – его младший сын Уолт просит разбудить его ото сна, но разбудить его невозможно [10. Р. 335]. Сам Уолт под впечатлением от рассказанной отцом сказки тоже видит сон: в нем он убегает от огромного пса и попадает под колеса; сквозь узкие окна машин водители не могли разглядеть мальчика. Узкие окна предвосхищают аварию, произошедшую по вине Гарпа: он, человек, ратующий за соблюдение всеми водителями района правил дорожного движения, будет вести автомобиль вслепую, и окна будут залеплены так же, как

окна машин из страшного сна Уолта: «как во сне», – скажет мальчик [9. С. 470].

В «Пансионе...» сон – это семейный кошмар, напоминание о смерти, передающееся по наследству, ужасающую силу воздействия которого может пересилить только сама реальность и сама смерть. В рамочном тексте сон тоже предвещает катастрофу, которая окажется кошмарнее самого сна. Смерть Робо (младшего брата героя) в «Пансионе Грильпарцер» и смерть Уолта в рамочном тексте «Мира глазами Гарпа» оказываются соотносены. Сны схожим образом работают в обоих пластах повествования: предвосхищая развитие сюжета, нагнетая ожидание неизбежного. Притом это предвосхищение выделяется в романе особенно, становясь самостоятельным мотивом – «подводной жабой»⁹.

Мотив смерти в своем самом драматическом выражении – смерти детской – также важен для романа на уровне и рамочного, и вставных текстов. В «Пансионе Грильпарцер» умирает ребенок, Робо; в «Мире глазами Бензенхейвера» умирает младший сын семейства, притом то, как именно он умирает (он задыхается жевательной резинкой старшего¹⁰), соотносится с «эпилогом» романа Ирвинга, где аналогичным образом, подавившись орехом, умирает Дункан Гарп.

Образ автомобиля и мотив смерти также оказываются связанными и тоже фигурируют на всех уровнях повествования. В рамке автомобиль – это место, где совершается измена и где наступает смерть (измена жены и авария; покушение на убийство Гарпа водителем белого «сааба»), во вставке эти мотивы дублируются, в первую очередь в «Мире глазами Бензенхейвера», где в автомобиле имеют место и убийство, и насилие, и половой акт. В еще одном приписанном Гарпу рассказе – «Бдительность», несмотря на всю его комичность, автомобиль тоже представляет опасность: разъяренный героем-рассказчиком водопроводчик О'Фекто на кроваво-красном грузовике едва не врежется в дом пожилой дамы, а в своем стихотворении о презервативах Гарп вспоминает об адюльтере, имевшем место в автомобиле.

Также принципиальное значение имеет в «Мире глазами Гарпа» мотив семьи, реализующийся, в частности, в образе отсутствующего отца. В первую очередь он проявляет себя в биографии заглавного героя, затем – в его творчестве, когда он начинает писать свой последний, неоконченный роман «Иллюзии моего отца», обращаясь именно к образу отца в поисках вдохновения и пробуждения воображения. Наиболее удачный из приписанных Гарпу текстов, «Пансион Грильпарцер»¹¹, также начинается с образа семьи, и его первое предложение: «Мой отец работал в Австрийском туристическом бюро» – еще одно обращение к отсутствующей фигуре отца.

Насилие – другой мотив, который представлен на обоих повествовательных уровнях. Это покушения на убийства, убийства, нападения, сексуальное насилие, выраженное в образе Элен Джеймс и членов общества «джеймсианок»; также с этим мотивом соотносится поимка Гарпом насильника-педофила, и даже – в ироничном свете – зачатие самого Гарпа, при котором его отец (смертельно раненный на войне и стремительно

регрессирующий башенный стрелок) находится в бессознательном состоянии. Во вставке роль этого мотива очень заметна в первой главе приписанного Гарпу романа «Мир глазами Бензенхейвера». Насилие связано тематически с мотивом «вожделения» (lust), ярко проявляющим себя в сюжетах о супружеских изменах и ставшим основой для романа Гарпа «Второе дыхание рогосца».

Мотив письма и литературного творчества – один из важнейших в структуре романа. В литературу здесь оказываются включены даже те, кто, казалось бы, ей противопоставлен (Джилси Слоупер, уборщица с особенным чутьем на бестселлеры – наиболее яркий образ). Многие побочные, часто безымянные персонажи в романе – писатели [10. Р. 519, 523, 572–573]. Помимо вымышленных авторов в романе так или иначе упоминаются и реальные: Ф. Грильпарцер, Ф.М. Достоевский, У.Стивенс. В «Мире глазами Гарпа» письмо подчас становится единственным способом коммуникации (у поэтессы Элен Джеймс и «джеймсианок» нет языков, и единственное слово в их мире – письменное; после аварии Гарп и сам не может говорить и вынужден пользоваться блокнотом для общения). Фактически мотив письма не проявляется на уровне внутренних текстов, но он является важным компонентом саморефлексии романа, постулирующим важность письменного слова как такового, его доминирующего значения в мире романа.

Наконец, следует упомянуть об антиномии вымысла и достоверности. На уровне сюжета она проявляется в том, как Гарп пытается нащупать свой творческий метод, разрываясь между опорой на воображение и опорой на свой опыт («реальность»). Этот же мотив важен для противопоставления автобиографии Дженни Филдз продуктам художественной переработки действительности за авторством ее сына. Достоверность и вымысел также важны для позиции повествователя, который опирается то на «документирование», то на чистое воображение, притом условная действительность, которую он «документирует», компрометируется посредством фигуры недостоверного рассказчика-Уиткома.

Показательна в этом контексте уже упоминавшаяся история о собаке, рассказанная Гарпом своему сыну Уолту перед сном. С точки зрения морали это поучительная история о важности осторожности при переходе улицы, с точки зрения сюжета – история о собаке и кошке, которая ее дразнила и которую затем переехал автомобиль. Эта история существует сразу в нескольких версиях: закончив рассказывать ее сыну, Гарп будет рассказывать альтернативные версии для жены, в которых дидактическая составляющая сводится на нет, а значение мотивов правдивости и вымысла возрастает. В альтернативных версиях используются те же элементы, что в оригинальной: собака, дразнящий, физическое увечье, военное наследие, европейский город (Вена), но они иначе взаимодействуют между собой. Если в «Пансионе Грильпарцер» Ирвинг выбрал демонстрацию образов «реальности» в рамке (образы Вены с ее пансионами, ватерклозетами, названиями блюд местной

кухни), а затем их трансформацию во вставку («Пансион Грильпарцер»), то здесь, напротив, показан обратный процесс: образы трансформируются, якобы стремясь достичь своих источников, того, «как было на самом деле», но эта обратная трансформация не происходит. Текст не дает ответа на вопрос о том, что было на самом деле и было ли.

Правдивого как такового нет, правдивым в романе становится то, чему верит читатель. Этот мотив станет узловым для «Мира глазами Бензенхейвера». Неординарного «критика» с чутьем на бестселлеры, уборщицу Джилси Слоупер, в романе Гарпа привлекает именно его «всамделишность». Любопытно, что жестокая и кровавая история, наполненная нелепыми смертями, безумием, фарсовостью и грустью, кажется Джилси настоящей¹².

Наконец, последнее, на чем следует заострить внимание, говоря о жанре романа Ирвинга, это условное «двойное бытие» приписанных Гарпу произведений и работ самого биографического автора. Первое опубликованное Гарпом произведение – рассказ «Пансион Грильпарцер», с одной стороны – является частью романа, с другой – рассказом реального биографического автора, Джона Ирвинга, опубликованным в 1973 г. как самостоятельное произведение¹³. Таким образом, текст, приписанный персонажу, идентичен тексту биографического автора и находится одновременно внутри рамки и вне произведения.

Помимо этого рассказа, в «Мире глазами Гарпа» так или иначе фигурируют три фрагмента романов, приписанных персонажу, притом каждый из них – это несколько искаженный вариант романов, написанных самим Ирвингом. Так, первый роман Гарпа «Бесконечные проволоочки» соотносится со «Свободой медведям» (первый роман самого Ирвинга), сюжеты обоих произведений вращаются вокруг освобождения зверей из Венского зоопарка и разворачиваются в послевоенной Вене. Второй роман Гарпа очевидно пародирует «Семейную жизнь весом в 158 фунтов» (третий роман Ирвинга). В обоих случаях рассказывается история о двух семейных парах, которые решаются на смелый эксперимент, меняясь партнерами. Привлекает внимание тот факт, что свой второй роман Ирвинг Гарпу не приписывает; однако его тень все же мелькает на страницах «Мира глазами Гарпа», где сообщается, что Гарп забросил второй роман на стадии черновиков и начал писать другой второй роман. Ему в творчестве Ирвинга соответствует «Человек воды» (1972), в «Мире глазами Гарпа» же читаем: «Гарп выбросил в мусорную корзину свой второй роман и начал второй роман» [9. С. 285]. Таким образом, параллель сохраняется. Более того, она выходит за границы романа: роман, который Гарп не успел дописать, – «Иллюзии моего отца» – тесно связан с «Отелем Нью-Гэмпшир» Ирвинга, изданным после «Мира глазами Гарпа» (а последний, в свою очередь, – уже на уровне заголовка с «Пансионом Грильпарцер»).

Ирвинг играет с границами романа, приписывая своему персонажу тексты, аналоги которых суще-

ствуют в его собственном творчестве, приближая роман к образцам метапрозы (ср. у Набокова – например, в метарассказе «Тяжелый дым», где герой читает «Защиту Лужина»).

Наиболее интересен в этом контексте роман «Мир глазами Бензенхейвера», сближающийся с «Гарпом» как на уровне мотивов (насилие, детская смерть, вожделение, измены, тревожность), так и посредством деталей формы: от заголовка до количества глав. В «Мире глазами Бензенхейвера», как и в «Мире глазами Гарпа», девятнадцать глав [10. Р. 443]. Издатель Гарпа публикует первую главу его романа в порнографическом журнале, и даже эта деталь сближает «Мир глазами Бензенхейвера» с рамкой, так как фрагмент романа (сцена зачатия Гарпа) также был опубликован в журнале «Playboy»¹⁴.

Безусловно, четвертый роман Ирвинга не повторяет буквально третьего романа Гарпа (или четвертого, если «держать в уме» роман, который Гарп не дописал), однако это неравенство объясняется важной для него антиномией реальности и воображения: фактов жизни и их художественного описания. Кроме того, роман автора и магнум опус персонажа получают схожую характеристику: «мыльная опера для взрослых» – именно так издатель Гарпа Джон Вулф охарактеризует «Мир глазами Бензенхейвера». Однако, с точки зрения Гарпа, сама жизнь, т.е. роман автора, – тоже мыльная опера [10. Р. 461].

Сближение двух пластов – «романа героев» и «романа романа» – очень важно для определения жанра «Мира глазами Гарпа», потому что если постоянная рефлексия над текстами в тексте является – в том числе и через это сближение – рефлексией над романом в целом, то «Мир глазами Гарпа» можно смело назвать метароманом. Общая мотивная структура, игры с рефренами, позиция повествователя и его фигура, а также конфликт реального и вымышленного, выступающий в качестве одного из важнейших мотивов произведения на всех уровнях, дают право обозначить роман Ирвинга как метароман первого «диалогического» типа (по классификации В.Б. Зусевой-Озкан, подробнее см.: [2. С. 33–39]). Этот тип метаромана характеризует взаимная проницаемость границ мира автора и мира персонажей при онтологической самостоятельности двух планов: бытия и творческого сознания [2. С. 36]. В таком типе метаромана в одной из своих ипостасей автор выступает как герой (Уитком), а персонаж (Гарп) оказывается причастен к созданию романа о себе самом. Разумеется, авторство Уиткома – одна из возможных интерпретаций, однако Гарп так или иначе задействован в создании романа о себе, и «Мир глазами Гарпа» с его постоянной рефлексией об отношении искусства и действительности является метароманом. Это определение позволяет избежать тех вопросов, которые остаются незакрытыми, если попытаться свести «Мир глазами Гарпа» к роману воспитания, семейному роману нравов или биографии, но притом не отрицает наличия в произведении ключевых характеристик всех этих жанровых форм.

Такая атрибуция «Мира глазами Гарпа» не только разрубает Gordian узел сугубо теоретической проблемы его жанровой принадлежности, но и принципиальным образом влияет на понимание произведения. Так как метароману как жанру присуща рефлексия о границах, отделяющих действительность от искусства, жизнь – от романа о ней, то рассмотрение произведения как метаромана неминуемо выводит исследователя на уровень осмысления важных для этого жанра онтологических проблем. Например, при интерпретации сходства романов Ирвинга с романами Гарпа в (авто)биографическом духе на первый план выйдут аспекты, которые помогут лучше понять творческую манеру автора и его методы работы с биографическим материалом. Однако, определяя «Мир глазами Гарпа» как метароман, исследователь, анализируя то же сходство, будет вынужден говорить и об антиномии реального и вымышленного, о соотносении

сти романа с миром за его пределами. Аналогичным образом при переходе от понимания романа Ирвинга как романа о художнике (или романа воспитания) к его трактовке как метаромана многочисленные «вставки» от Гарпа становятся не только фактами сюжета и способами характеристики персонажа, но и оказываются вовлечены в сложную игру смыслов. В метаромане комментарии о приписанных Гарпу произведениях оказываются комментариями о романе в целом, а само целое («Мир глазами Гарпа») не может быть понято вне соотносительности с частью («Миром от Бензенхейвера» и другими «вставками»). Таким образом, будучи понят как метароман, «Мир глазами Гарпа» предлагает читателю и интерпретатору более широкий (и глубокий) спектр вопросов для осмысления, и эти вопросы зачастую будут выходить за пределы романа как такового – в область общеполитических проблем.

Примечания

¹ Так, например, английская исследовательница Патриция Во в своей знаменитой монографии о метапрозе упоминает «Мир глазами Гарпа» в качестве примера метапрозаического текста [1. Р. 30, 47].

² «Роман воспитания манифестируется в фигуре повествователя, его оценках, часто иронии по отношению к герою и аналитическом подходе к изображению его жизни. Использование техники вставных историй, элементов эпистолярного жанра, включение в текст авторских рассуждений, часто иронического характера, – характерные ее проявления на уровне сюжета и повествования. Повествование от лица героя позволяет смягчить жесткость авторской позиции (“Зеленый Генрих” Г. Келлера), но не получает существенного распространения: повествователь то максимально сближается с героем, то удаляется от него, занимая позицию иронического наблюдателя, понимающего иллюзии героя, который еще не пришел к истине, и тем самым косвенно указывая на перспективу его развития» (см.: [5]).

³ Вопрос об оправданности жанрового подхода к литературе постмодернизма рассматривает в своей монографии Н.В. Киреева, в которой она анализирует постмодернистскую литературу США с точки зрения трансформации и развития в ней двух жанров: автобиографии и детектива (см., подробнее: [7]).

⁴ «Терминальные случаи» обыгрывает медицинскую терминологию и выражение “terminal cases” – «летальные исходы», «летальные случаи» [9. С. 762].

⁵ Уитком в романе упоминается именно с этим атрибутом: молодой «несмотря на то, что он не всегда будет молодым» [10. Р. 569–570].

⁶ Дополнительно неблагонадежность Уиткома усиливает то, что он фальсифицирует последние слова Гарпа и, любя объект своего изучения, как любят «дети и собаки», верит всему, что осталось после Гарпа (или тому, что так презентуют ему его наследники) [9. С. 722].

⁷ В романе целиком приводятся два рассказа Гарпа («Пансион Грильпарцер»; «Бдительность»), первая глава романа «Мир глазами Бензенхейвера», переписка с читательницей, рассказанная сыну сказка (устное творчество), стихи Дженни Филдз и Дженни Гарп, стихотворение Уоллеса Стивенса. Остальные тексты, а именно: романы Гарпа «Бесконечные проволоочки», «Второе дыхание рога носца», последующие главы «Мира глазами Бензенхейвера» (2–19), мемуары Дженни, стихотворение Гарпа о презервативах, замыслы романов «Иллюзии моего отца», «Смерть в Вермонте», «Заговор против великана», различные интервью и критические статьи даны в пересказе или просто упомянуты.

⁸ Грейл Маркус при «подсчете тел» в романе Ирвинга зафиксировал более 50 смертей (см.: [12]).

⁹ Подводная жаба – это ослышка четырехлетнего сына Гарпа, Уолта, который вместо «течение» (“undertow”) услышал (“Under Toad”). Интересно наблюдение Миллера, отмечающего, что Tod – смерть по-немецки [11. Р. 92].

¹⁰ Это тоже своеобразная «подводная жаба» «Мира глазами Гарпа», реализованная на уровне вставного текста. В самом начале «Мира глазами Бензенхейвера» Хоуп боится, что ее сын задохнется, подавившись печеньем, далее в романе другой ее ребенок умирает аналогичным, нелепым и трагичным образом.

¹¹ Сам Гарп называет этот рассказ своей первой и лучшей вещью [9. С. 701].

¹² Здесь, правда, стоит обратить внимание, что для персонажа романа характеристика «как в жизни» может быть приравнена к «как в рамке», и тогда мы, с одной стороны, получаем дополнительный признак для сближения «Мира глазами Гарпа» и «Мира глазами Бензенхейвера», с другой – оказываемся в очередном конфликте-сопоставлении реальности и вымысла.

¹³ В интервью для журнала “Rolling Stone” Ирвинг скажет, что из четырех лет, ушедших у него на работу над романом, два заняла работа над «Пансионом Грильпарцер», который он опубликовал в 1973 г. в зимнем номере журнала “Anteus” [13].

¹⁴ В посвящениях перед текстом романа Ирвинг перечисляет журналы, в которых публиковались его фрагменты (“Playboy”, “Gallery”, “Penthouse”, “Swank”), а также те, в которых фрагменты будущего романа публиковались в качестве отдельных произведений («Пансион Грильпарцер» выходит в журнале “Anteus” (зимний номер 1976. Р. 7–27); сказка о собаке и сон о ребенке, выпавшем из самолета, печатаются в журнале “Esquire” (June. 1977. Р. 109, 158–162); «Бдительность» печатается в “Ploughshares” (1977. № 4. Р. 103–114).

Список источников

1. Waugh P. *Metafiction: the theory and practice of self-conscious fiction*. London; New York: Methuen, 1984. 198 p.
2. Зусева-Озкан В.Б. Историческая поэтика метаромана. М.: Intrada, 2014. 448 с.
3. McKay K. Double Discourses in John Irving's *The World According to Garp* // *Twentieth Century Literature*. 1992. № 4. P. 457–475.
4. Загарина Е.М. Традиции романа воспитания в прозе Дж. Ирвинга конца 1960-х – 1980-х гг.: дис. ... канд. филол. наук. Саранск, 2011. 210 с.
5. Рымарь Т.М. Роман воспитания // *Поэтика. Словарь актуальных терминов и понятий* / под ред. Н.Д. Тамарченко. М.: Intrada, 2008. С. 218–219.
6. Raymond J. Wilson III. The postmodern novel. The example of John Irving's *The World according to Garp* // Bloom H. *John Irving*. Philadelphia: Chelsea House Publishers, 2001. P. 73–85.
7. Киреева Н.В. Постмодернистская литература США: особенности жанровой поэтики. 2-е изд., стереотип. М.: Флинта, 2014. 383 с.
8. Carton E. The Politics of Selfhood: Bob Slocum, T.S. Garp and Auto-American-Biography // *NOVEL: A Forum on Fiction*. 1986. № 1 (20). P. 41–61.
9. Ирвинг Дж. Мир глазами Гарпа: роман / пер. с англ. И. Тогоевой. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2022. 768 с.
10. Irving J. *The World According to Garp*. Black Swan, 2010. 612 p.
11. Miller G. *John Irving*. New York: F. Unger, 1982. 248 p.
12. Marcus Greil. Undercover: Garp–Death in the Family // *Rolling Stone*. August 24. 1978. URL: <https://greilmarcus.net/2014/08/05/undercover-garp-death-in-the-family-i-082478/> (дата обращения: 19.09.2022).
13. Marcus Greil. Interview with John Irving // *Rolling Stone*. December 13. 1979. URL: <https://greilmarcus.net/2018/02/26/the-world-of-the-world-according-to-garp-interview-with-john-irving-12-13-79/> (дата обращения: 05.05.2022).

References

1. Waugh, P. (1984) *Metafiction: the theory and practice of self-conscious fiction*. London; New York: Methuen.
2. Zuseva-Ozkan, V.B. (2014) *Istoricheskaya poetika metaromana* [Historical poetics of the metanovel]. Moscow: Intrada.
3. McKay, K. (1992) Double Discourses in John Irving's *The World According to Garp*. *Twentieth Century Literature*. 4. pp. 457–475.
4. Zagarina, E.M. (2011) *Traditsii romana vospitaniya v proze Dzh. Irvinga kontsa 1960-kh - 1980-kh gg.* [Traditions of the novel of education in the prose of J. Irving of the late 1960s–1980s]. Philology Cand. Diss. Saransk.
5. Rymar', T.M. (2008) Roman vospitaniya [Novel of education]. In: Tamarchenko, N.D. (ed.) *Poetika. Slovar' aktual'nykh terminov i ponyatiy* [Poetics. Dictionary of current terms and concepts]. Moscow: Intrada. pp. 218–219.
6. Wilson III, R.J. (2001) The postmodern novel. The example of John Irving's *The World according to Garp*. In: Bloom, H. *John Irving*. Philadelphia: Chelsea House Publishers. pp. 73–85.
7. Kireeva, N.V. (2014) *Postmodernistskaya literatura SSHA: osobennosti zhanrovoy poetiki* [Postmodern literature of the USA: features of genre poetics]. 2nd ed. Moscow: Flinta.
8. Carton, E. (1986) The Politics of Selfhood: Bob Slocum, T.S. Garp and Auto-American-Biography. *NOVEL: A Forum on Fiction*. 1 (20). pp. 41–61.
9. Irving, J. (2022) *Mir glazami Garpa: roman* [The World According to Garp]. Translated from English by I. Togoewa. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
10. Irving, J. (2010) *The World According to Garp*. Black Swan.
11. Miller, G. (1982) *John Irving*. New York: F. Unger.
12. Greil, M. (1978) *Undercover: Garp–Death in the Family*. *Rolling Stone*. August 24, [Online] Available from: <https://greilmarcus.net/2014/08/05/undercover-garp-death-in-the-family-i-082478/> (Accessed: 19.09.2022).
13. Greil, M. (1979) *Interview with John Irving*. *Rolling Stone*, December 13, [Online] Available from: <https://greilmarcus.net/2018/02/26/the-world-of-the-world-according-to-garp-interview-with-john-irving-12-13-79/> (Accessed: 05.05.2022).

Информация об авторе:

Бешенкова Т.А. – аспирант Института мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (Москва, Россия).
E-mail: x.tatevik@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Beshenkova, postgraduate student, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation). E-mail: x.tatevik@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.04.2023;
одобрена после рецензирования 05.07.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 03.04.2023;
approved after reviewing 05.07.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья
УДК 81' 373.612
doi: 10.17223/15617793/498/2

Лиственница в русской и итальянской картинах мира: сопоставительный аспект

Франческо Варларо¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия
f.varlaro1992@gmail.com

Аннотация. Исследуются характерные признаки концепта-образа лиственница в русских и итальянских языках. Установлено, что среди наименований деревьев, известных как в русском, так и в итальянском языках, лексема *лиственница*, хотя и встречается не столь часто, имеет как общие для обоих языков значения, так и различные. В художественных же картинах мира различия образов лиственницы будут более значительными: в русской, например, лиственница – вечное дерево, соединяющее прошлое и настоящее и хранящее память народа, в итальянской – символ защиты и устойчивости.

Ключевые слова: фитометафора, фитоним, лиственница/larice, дерево, итальянский язык, русский язык, языковая картина мира

Для цитирования: Варларо Ф. Лиственница в русской и итальянской картинах мира: сопоставительный аспект // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 13–18. doi: 10.17223/15617793/498/2

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/2

Larch in the Russian and Italian linguistic pictures of the world: A comparative aspect

Francesco Varlaro¹

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation, f.varlaro1992@gmail.com

Abstract. During the last years of the past century the conceptual sphere “the world of plants” attracted the attention of linguists. In many of their works, they analyse phytometaphor in comparison between two languages. The aim of this article is a comparative analysis of symbolic metaphors (metaphorical symbols) of phytonyms in the Russian and Italian languages. Attention is focused on the image of larch in the Russian and Italian cultures. To analyse this lexeme, many lexicographic sources were used, for example, dictionaries in both languages (Treccani, il Nuovo De Mauro, Efremova, etc.) and the national corpus of the Russian language. Moreover, works about Russian phytonyms (N. A. Mishankina and others), works about phytometaphors in different languages (E. I. Abramova), as well as literary texts in both languages (P. Levi, V. G. Rasputin, A. Manzoni, etc.) were also studied. The research employed componential, definitional and comparative methods. The study of the processes of metaphorization of phytonyms when compared with other languages turns out to be productive, as it allows to see the general and distinctive aspects in different linguistic worldviews. Semantic similarities and differences in the two metaphorical worldviews were revealed. The lexeme *larch* has common meanings in both languages: an ordinary tree, a plant product (wood), and building material. This lexeme is also used as a symbol of immortality, memory, and longevity. In addition, a detailed analysis of the use of this lexeme in the Russian and Italian languages showed that most of the differences were found in the literary texts. In Russian texts, larch is associated with sound and olfactory signs (it hisses, whispers, makes noise); it also is a permanent character in the prose of former prisoners (it symbolizes the dying image of the forest and reflects the typical colours of the Kolyma). The Siberian dialect has a synonym for the lexeme *larch* – the noun *listven'*, and in the dictionaries this word has the same meanings as the word *larch*. It is interesting how this lexeme is used in Rasputin's work: here is a *royal larch* (tsarskiy listven'), a royal, eternal, boundless, powerful tree that no one can cut down and which we see through the eyes of the heroine. The Italian literary texts showed that the lexeme has fantastic characteristics: it is a tree that contributes to the emergence of a new mixed human-tree life (Levi), it is a symbol of stability, inviolability and protection of human life; it actualizes the connection with religion (A. Manzoni) and immortality (G. D'Annunzio).

Keywords: phytometaphor, phytonym, larch/larice, tree, Italian language, Russian language, linguistic worldview

For citation: Varlaro, F. (2024) Larch in the Russian and Italian linguistic pictures of the world: A comparative aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 13–18. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/2

В настоящей работе рассматривается образ лиственницы в русской и итальянской картинах мира. Лексикографический и дискурсивный анализ лексемы *лиственница* дает нам возможность выявить общие и национально-специфичные черты этой символической метафоры.

Фитонимические единицы, в первую очередь наименования деревьев, считаются одним из основных элементов традиционной языковой картины мира, занимающим важное место в национальной культуре: дендронимы встречаются не только в мировой мифологии, фольклоре, народных и современных песнях (например, в русском роке [1]), но и художественно осмысляются в творчестве писателей (от произведений о детстве до лагерной прозы). Это означает, что дерево является одним из базовых концептов и культурных констант.

Растения как объекты природного мира часто попадают в сферу метафорического осмысления. Так, по мнению Н.А. Мишанкиной, «фитоморфная метафора специфична тем, что при гносеологическом моделировании в качестве опорных структур исходной понятийной области избираются три базовых фрагмента: 1) рост: особенно актуален этот параметр для одного из видов живого – растений, обычное состояние которого связано с ростом, если же растение перестает расти – оно умирает; 2) растение и его связь с топом; 3) структура растения/дерева: корень, ветви, кора, ядро» [2. С. 240]. В процессе метафоризации важную роль играют визуальные признаки, такие как внешний вид, форма, цвет и расположение в пространстве, долготеление, место произрастания, плоды и пр.

Лингвистический анализ дендронимов позволяет выявить особенности номинации, наличие живой или стертой внутренней формы, происхождение соответствующих лексических единиц, а также их роль в процессе метафорообразования. Значимость фитонимов в формировании и отображении картины мира говорящих объясняет их лексическую и стилистическую продуктивность и сочетаемость [3. С. 69].

Дерево в искусстве часто актуализирует человеческие и животные черты: в основных архетипических представлениях есть образы деревьев-людей, деревьев-животных, деревьев-людей-животных. Кроме того, в фольклоре дерево также антропоморфизировано: у него есть пол, возраст, оно дышит и испытывает эмоции. В былинах и сказках оно владеет речью. Образ *дерево-человек* может быть представлен как «дерево-леший» – антропоморфное существо и самостоятельный персонаж.

Согласно Русскому ассоциативному словарю [4], слово *дерево* вызывает следующие ассоциации:

ДЕРЕВО – жизни 68, зеленое 44, дуб 38, высокое 29, береза 17, растет 16, старое 11, куст, лес 8, дрова, желание, живое, крепкое 4, расти, цветет, развесистое, сад, солнце, трава, в лесу, вековое, величественно, вечности, вишня, вырастить, дождь, ель, кора, калина, крест, кустарник, лето, листва, столетнее, листопад, счастья, спилить, срубить, небо, облако, парк, плодоносящее, посадили, с плодами, тепло, яблоки, ясень.

Словарная статья содержит а) реакции на прямое значение (растет, старое, высокое, дуб, зеленое) и б) на метафору (дерево жизни, дерево желаний, живое, крест, сад, солнце). Родовое наименование *дерево* актуализирует ассоциации с видовыми наименованиями деревьев (кедр, береза, калина), с растениями другого рода (трава, кустарники, цветы), с местом произрастания (лес, сад) [5. С. 321].

В метафорической модели *дерево-человек* фитонимическая единица отражает антропологические характеристики, например интеллектуальную характеристику (*дуб* – глупый человек, дурак) и внешние характеристики человека (*стройный, как тополь, стройный, как кипарис* – о подтянутом, стройном человеке; *мощный, как дуб* – сильный и выносливый человек; *здоровый, как дуб* – о сильном, здоровом, большом мужчине; *стройная, как березка* – о красивой и стройной женщине).

Отметим, что изучение процессов метафоризации фитонимов при сопоставлении с другими языками оказывается плодотворным, так как позволяет увидеть универсальное и уникальное в разных языковых картинах мира. В тематической группе фитонимов, которые являются «донорами» в процессе метафорообразования, особое место занимает *лиственница*. Этот фитоним не является в достаточной степени исследованным, в том числе и в сопоставительном плане. Рассмотрим семантизацию этой лексемы в толковых и переводных русских и итальянских словарях, а также ее представление в энциклопедических источниках.

Согласно ряду русских словарей, таких как Толковый словарь С.И. Ожегова [6], Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова [7], Малый академический словарь [8], Толковый словарь Кузнецова [9] и Толковый словарь русского языка Ефремовой [10], у слова *лиственница* есть два значения: 1) крупное хвойное дерево семейства сосновых с ценной древесиной и мягкой, опадающей на зиму хвоей; 2) древесина этого дерева.

Иные значения, не представленные в толковых словарях, находим в словаре символов Д. Тресиддера [11]: дерево, имеющее наиболее *твердую и прочную древесину* (многие здания в Венеции стоят на стволах лиственницы); *символ бессмертия*. Лиственница считается *Древом Мира* у народов Сибири и может использоваться в траурных церемониях как *символ возрождения*. Семантика бессмертия мотивирована долгожительством растения: лиственница является свидетелем/соучастником событий из далеких времен [12].

Далее мы приведем примеры художественных текстов, где отмечаются сходные символические употребления этого наименования. Их можно встретить в Национальном корпусе русского языка [13] (НКРЯ). В результате анализа 433 документов и 1315 вхождений мы обнаружили, что *лиственница* является символом бессмертия, с которым ассоциативно связана и семантика памяти: «некоторые вековые лиственницы помнили те времена». Помимо этого, встречаются и другие актуальные смыслы лексемы *лиственница*, не связанные со словарными значениями: а) ботаниче-

ские варианты дерева, т.е. *алтайская, якутская, даурская, сибирская, ольгинская, колымская*; б) внешние признаки дерева, представленные прилагательными, обычно используемыми как характеристики людей и животных: *сухая, голая, кривая, наклоненная, старая, сильная, молодая, толстая, жидкая, жалкая, борода-тая, могучая, огромная, рогатая, высокая, перистая, мертвая*; в) звуковые и обонятельные признаки дерева – лиственница *иштит* и *стреляет, шепчет, шумит*; лиственница *ароматическая*. Примером реализации этого значения может быть стихотворение «Декабристские лиственницы» Е. Евтушенко, где поэт связывает запах этого дерева с запахом свободы.

Кроме того, лиственница – постоянный персонаж (визуальный элемент) в прозе бывших заключенных. Так, в миниатюре «Лиственница» из произведения «Крохотки» (1996–1999) А.И. Солженицын пишет о дереве, что оно необычное, почти экзотичное, находящееся всегда перед глазами:

«Что за диковинное дерево! Сколько видим ее – хвойная да хвойная. <...> Да как дружно осыпается и празднично – мельканием солнечных искр. Сказать, что – сердцем, сердцевиной мягка? Древесина лиственницы – *наинадежнейшая в мире*, и *топор ее не всякий возьмет*, и для сплава неподъемна. А покинутая в воде не гниет, крепится всё ближе к вечному камню. Ну а возвратится снова ласковое тепло – знать, еще годочек нам отпущен, можно и опять зазеленеть – и к своим вернуться через шелковистые иголки. Ведь – и люди такие есть» (здесь и далее в цитатах курсив мой. – Ф.В.) [14. С. 557].

В выделенных словах актуализируется значение «вечное дерево»: древесина *наинадежнейшая*, в воде не гниет, топор ее не всякий возьмет, крепится к вечному камню. Можно отметить, что, как и все прочие деревья, она возрождается к жизни, когда наступает тепло. Добавим, что в этом тексте реализуются символические значения, которые опираются на образ лиственницы в наивной картине мира (символ возрождения).

Известное значение долгожительства лиственницы находим в произведениях Ф.А. Абрамова¹ [15. С. 119], В.Т. Шаламова² [16. С. 278], а также во многих публицистических текстах.

В последних читаем: «...узнаём <...> ту вековую лиственницу, которую успел полюбить Достоевский. <...> До 1980 года был еще цел единственный “живой свидетель” венчания Достоевского с Исаевой – это лиственница, стоявшая некогда во дворе церкви» [17. С. 75]. Здесь дерево не только показано как наблюдатель какого-то отдаленного во времени события, оно является носителем памяти о событиях, связанных с пребыванием ссыльного писателя в Сибири.

Зеленая и желтая лиственницы передают сезонные изменения дерева. У В.Т. Шаламова – серебряные лиственницы, отражающие типичные цвета Колымы: серебряный и желтый, контрастирующие с вечной зеленью стланика: «Две белки небесного цвета, черномордые, чернохвостые, увлеченно вглядывались в то, что творилось за *серебряными лиственницами*» [18. С. 156].

Эмблематичным является упоминание лиственницы Е. Керсновской в описании лагерного быта: именно она связана с негативными ассоциациями: при побеге из места своего первого тюремного заключения, посреди холодной сибирской природы, героиня принимает лиственницу за останки мертвой лошади. Когда героиня понимает, что это всего лишь дерево, у нее начинается истерика. Если в произведениях В. Шаламова лиственница – свидетель, который может хранить память, символ жизни, в книге Е. Керсновской лиственница – обманутая надежда на жизнь:

«И вдруг за поворотом вижу я дохлую лошадь! Освежеванную. Кроваво-красную. Значит – свежую! Ура! Я рванула рысью. Откуда и сила взялась! Мясо – пусть дохлая конина – это спасение! Последний рывок. Последнее усилие. И я подбегаю. Увы! Меня ждало горькое разочарование. То, что я приняла за освежеванную тушу лошади, оказалось ошкуроченным лиственничным сутунком; у лиственницы такого темно-красного цвета, что она, особенно на фоне снега, вполне может сойти за освежеванную тушу» [19].

Более нейтральное цветовое значение, связанное с этой лексемой, прослеживается в произведении В.П. Астафьева, где желтый цвет лиственницы, наравне с красными шиповником и калиной, создает особый, осенний, умирающий образ леса: «Пестрый лист. Красный шиповник. Искры обклеванной калины в серых кустах. *Желтая хвойная опадь с лиственниц*. Черная, обнаженная в полях земля под горою. Зачем так скоро?!» [20].

В художественной картине мира В.Г. Распутина, как неоднократно отмечалось исследователями, лиственница, преобразованная в *листвен*, становится одним из ключевых концептов [21, 22]. Из 64 вхождений слова *листвен* в НКРЯ 33 приходятся на повесть «Прощание с Матёрой» (1976), где мы неоднократно встречаем выражение *царский листвень*: «Листвень – на “он” звали ее старики», т.е. это устаревшая диалектная форма слова (история разворачивается в деревне Матера на реке Ангаре). Царское, вековечное, необъятное, могучее дерево предстает «символом непобедимости природы» [23. С. 42], такое дерево не сдается человеку, а продолжает жить (дерево жизни), оно как мировое дерево, которое соединяет несколько миров. Об этом пишет автор, говоря о «поверье, повествующем, что как раз им, “царским лиственом”, крепится остров к речному дну, одной общей земле, и покуда стоять будет он, будет стоять и Матёра». Можно сказать, что листвень – это дерево, которое после победы над человеком «продолжало властвовать над всем вокруг» [24].

Завершая разговор о листвене В. Распутина, приведем высказывание А.И. Смирновой об одном из центральных смыслов образа листвень: «Посредством образа Царского Лиственя поддерживается идея сокровенности и незыблемости природного мира, земли как прародительницы всего живого, а значит, и человека» [21].

Итак, в русской художественной картине мира развиваются, модифицируются, актуализируются признаки лиственницы, которые отмечаются и в

наивной картине мира: она является символом бессмертия, возрождения и долголетия. Закономерны и контекстуальные контрасты (иногда выраженные лексической антонимией), образуемые парами разнообразных фитонимов.

Далее рассмотрим функционирование фитонима *лиственница* (*larice*) в итальянском языке. Итальянские словари, такие как Dizionario Garzanti Linguistica [25], il Nuovo De Mauro [26], Dizionario di Italiano Sabatini-Coletti [27], Grande Dizionario Hoepli Italiano [28], Tesoro della lingua italiana delle Origini [29], Dizionario Treccani [30], Vocabolario degli Accademici della Crusca [31], Dizionario della lingua italiana di Tommaseo [32] и Grande dizionario della lingua italiana [33] фиксируют те же значения, что и русские:

1. Лиственница (диал. устар. *larese, làrize*), пм. бот. Род хвойных растений семейства Сосновых, распространен в Альпах и Апеннинах высотой до 2000 м, характеризуется наличием опадающей листвы, в отличие от других хвойных.

2. Строительный материал, полученный из этого дерева: смолистый, твердый, плотный, чрезвычайно устойчивый к атмосферным воздействиям, к сжатию, растяжению и сгибанию; идеально подходит для производства оконных и дверных блоков, свай и т.д.

В итальянских художественных источниках мы встречаем примеры, где лиственница использована в иных значениях:

1. В «Ognissanti» А. Мандзони лиственница в паре с ольхой, демонстрируя высокую устойчивость к воде, очевидно, вписывается в провиденциальный Божий замысел, который создал эти растения, чтобы облегчить человеку удовлетворение основных жизненных потребностей:

Che il pino flessibile agli austri
Che docile il salcio alla mano,
Che il larice ai verni, e l'ontano
Durevole all'acque creò³

2) Г. Д'Аннунцио в «Il fastello della mirra» придает дереву женские характеристики («вымя» в значении «грудь»). Лиственница также выступает как символ бессмертия:

Mi fingevo che dalla durezza del larice sgorgassero due mammelle come dalla stuoia dei solitarii tentati nel deserto; mi fingevo che al mio desiderio si fendesse il larice immortale che non si fende mai (Мне показалось, что из твердыни лиственницы появились две груди, как из циновки отшельников, подвергшихся искушению в пустыне; мне показалось, что по моему повелению треснула бессмертная лиственница, которая никогда не трескается).

3. В рассказе П. Леви «Disfilassi» дереву придаются фантастические характеристики: лиственница (женский род в русском языке, но мужской род в итальянском языке) «опыляет» женщину, и у персонажа Амелии в венах течет «кровь» лиственницы.

Следует отметить, что эти символические характеристики связаны не с итальянской национальной, а с

авторской художественной картиной мира. Так, герой П. Леви гуляет в лиственничном и сосновом бору рядом с Азиаго с другом Марио Ригони Стерном, которому посвящает работы о растениях, в том числе и о лиственницах. В этом фантастическом мире, созданной автором экологической антиутопии, люди бросают вызов природе, не думая о последствиях. Из-за токсичного вещества под названием «ипостенон» окружающая среда загрязнилась, что привело к «дисфилаксии». В силу этого явления скрещивание между различными видами животных и растений (а также между двумя царствами) теперь может быть плодотворным. Сама Амелия, студентка колледжа, носила в себе восьмую часть растительной крови, так как ее прабабушка была оплодотворена пылью лиственницы. Последствия всего этого заключаются в том, что девушка может испытывать влечение к растительному миру.

Таким образом, в национальных русской и итальянской картинах мира реализуется образ лиственницы, включающий следующие признаки: *лиственница* и *larice* оба обозначают дерево из семейства сосновых и его древесину, которая используется как строительный материал. Национально-культурная семантика фитонима *лиственница* как в русском, так и в итальянском языке ограничена коннотациями, связанными с долголетием, вечной жизнью и особо крепкой, вечной древесиной.

Кроме того, у лексемы *лиственница* представленные в ассоциативном словаре семы не связаны с ботаническими характеристиками дерева, напротив, актуализируются ассоциативные, символические смыслы, свойственные национальной и художественной картинам мира: пространственные и временные характеристики: соединение миров, религиозные и мифологические образы и др. Следует отметить, что в русском языке лексема используется как *вечное* дерево, которое соединяет прошлое и настоящее, хранит память и связано в представлениях русских и народов России (например, якутов и бурят) с бессмертием.

Говоря о художественной картине мира, можно отметить, что в обоих языках она связана с представлениями о стойкости, выносливости, умении противостоять жизненным невзгодам. Мы выявили, что в русской художественной картине мира реализуются дихотомия при использовании лексемы *лиственница*: 1) актуализируются символические значения наивной картины мира (вечное дерево, символ возрождения и носитель памяти); 2) отражает цвета определенной местности в связи с индивидуально-авторской картиной мира.

Однако в рассмотренной итальянской художественной картине мира реализуются фантастические характеристики, связанные с индивидуально-авторской концепцией: дерево способствует появлению новой жизни человека-дерева (П. Леви), является символом устойчивости, незыблемости и защиты человеческой жизни; в нем актуализируется связь с религией (А. Мандзони) и бессмертием (Г. Д'Аннунцио).

Примечания

- ¹ «Пекашино распознают по лиственнице – громадному зеленому дереву, царственно возвышающемуся на отлогом скате горы. Кто знает, ветер занес сюда летучее семя или уцелела она от тех времен, когда тут шумел еще могучий бор и курились дымные избы староверов?».
- ² «Сколько лет – исковерканная ветрами, морозами, вертящаяся вслед за солнцем, – лиственница каждую весну протягивала в небо молодую зеленую хвою. Сколько лет? Сто. Двести. Шестьсот»
- ³ Что сосну, непреклонную южным ветрам,
Что послушную руке иву,
Что лиственницу к зимам и ольху,
Устойчивую к воде, создал.

Список источников

1. Петрова С.А. Символика растений в рок-поэзии В.Р. Цоя // XXI Царскосельские чтения : материалы междунар. науч. конф. СПб : Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2017. С. 303–307.
2. Мишанкина Н.А. Метафора в науке: парадокс или норма? Томск: Изд-во ТГУ, 2010. 282 с.
3. Абрамова Е.И. Лингвокультурный потенциал дендронима Oak и англо-кельтский символизм Дуба // Филология и человек. 2019. № 3. С. 66–81.
4. Русский ассоциативный словарь. URL: <http://www.thesaurus.ru/dict/> (дата обращения: 10.07.2022).
5. Варларо Ф. Образ дерева в «Колымских рассказах» Варлама Шаламова и в их переводах на итальянский язык // Сибирский филологический журнал. 2021. № 3. С. 317–330.
6. Толковый словарь С.И. Ожегова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (дата обращения: 10.07.2022).
7. Толковый словарь русского языка под ред. Д.Н. Ушакова. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (дата обращения: 10.07.2022).
8. Малый академический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (дата обращения: 10.07.2022).
9. Толковый словарь Кузнецова. URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (дата обращения: 12.07.2022).
10. Толковый словарь русского языка Т.Ф. Ефремовой. URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (дата обращения: 12.07.2022).
11. Тресиддер Д. Словарь символов. М. : Изд.-торг. дом «Гранд»; Фаир-пресс, 2001. 444 с.
12. Карасева К.М. Макрообраз леса в тетралогии Ф.А. Абрамова «Пряслины»: мифологический контекст // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2010. С. 126–130.
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/new/> (дата обращения: 15.07.2022).
14. Солженицын А.И. Лиственница // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. I. М. : Время, 2007.
15. Абрамов Ф. Пряслины: Трилогия. Л. : Лениздат, 1978. 472 с.
16. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. + т. 7, доп. Т. 2: Очерки преступного мира; Воскрешение лиственницы; Перчатка, или КР-2; Анна Ивановна: Пьеса / сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М. : Книжный Клуб Книговек, 2013. 512 с.
17. Пушкарева И.А. Ценностное осмысление темы «Достоевский в Кузнецке» в городской газете «Кузнецкий рабочий» конца XX в.: семан-тико-стилистический анализ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6(38). С. 67–85.
18. Шаламов В.Т. Собрание сочинений : в 6 т. + т. 7, доп. Т. 1: Рассказы 30-х годов; Колымские рассказы; Левый берег; Артист лопаты / сост., подгот. текста, прим. И. Сиротинской. М. : Книжный Клуб Книговек, 2013. 672 с.
19. Керсновская Е.А. Сколько стоит человек. М. : КоЛибри, 2022. 832 с.
20. Астафьев В.П. Затеси: книга коротких рассказов. М., 1972. 322 с.
21. Смирнова А.И. Русская проза второй половины века: вектор развития. М. : Изд-во МГПУ, 2011.
22. Козлов А.Е., Варларо Ф. Лексема «лиственн»: от фитонима к концепту // Критика и семиотика. 2022. № 1. С. 183–197.
23. Каменский Л.Г. В.Г. Распутин. Прощание с Матерой. Анализ текста. Литературная критика. Сочинения. М. : Астрель, 2006. 202 с.
24. Распутин В.Г. У нас остаётся Россия. М. : Институт русской цивилизации, 2015.
25. Dizionario Garzanti Linguistica. URL: <http://www.garzantilinguistica.it/> (дата обращения: 16.07.2022).
26. il Nuovo De Mauro. URL: <https://dizionario.internazionale.it/> (дата обращения: 16.07.2022).
27. Dizionario di Italiano Sabatini-Coletti. URL: https://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano/ (дата обращения: 18.07.2022).
28. Grande Dizionario Hoepli Italiano. URL: <https://dizionari.repubblica.it/italiano.html> (дата обращения: 18.07.2022).
29. Tesoro della lingua italiana delle Origini. URL: <http://tlio.ovi.cnr.it/TLIO/> (дата обращения: 25.07.2022).
30. Dizionario Treccani. URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (дата обращения: 25.07.2022).
31. Vocabolario degli Accademici della Crusca. URL: <http://www.lessicografia.it/> (дата обращения: 27.07.2022).
32. Dizionario della lingua italiana di Tommaseo. URL: <http://www.tommaseobellini.it/#/> (дата обращения: 27.07.2022).
33. Grande dizionario della lingua italiana. URL: <http://www.gdli.it/> (дата обращения: 01.08.2022).

References

1. Petrova, S.A. (2017) [The symbolism of plants in rock poetry by V.R. Tsoi]. *XXI Tsarskosel'skie chteniya* [XXI Tsarskoye Selo readings]. Proceedings of the International Conference. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. pp. 303–307. (In Russian).
2. Mishankina, N.A. (2010) *Metafora v nauke: paradoks ili norma?* [Metaphor in science: paradox or norm?]. Tomsk: TSU.
3. Abramova, E.I. (2019) Lingvokul'turnyy potentsial dendronima Oak i anglo-kel'tskiy simbolizm Duba [Linguistic and cultural potential of the dendronym Oak and the Anglo-Celtic symbolism of Oak]. *Filologiya i chelovek*. 3. pp. 66–81.
4. *Russkiy assotsiativnyy slovar'* [Russian associative dictionary]. [Online] Available from: <http://www.thesaurus.ru/dict/> (Accessed: 10.07.2022).
5. Varlaro, F. (2021) Concept of Tree in Varlam Shalamov's "Kolyma Tales" and Their Translations Into Italian. *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 3. pp. 317–330. (In Russian).
6. *Tolkovyy slovar' S.I. Ozhegov* [S.I. Ozhegov's explanatory dictionary]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ogegova/> (Accessed: 10.07.2022).
7. Ushakov, D.N. (ed.) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* [Explanatory Dictionary of the Russian Language]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/ushakov/> (Accessed: 10.07.2022).
8. *Malyy akademicheskii slovar'* [Small academic dictionary]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/mas/> (Accessed: 10.07.2022).
9. *Tolkovyy slovar' Kuznetsova* [Kuznetsov's explanatory dictionary]. [Online] Available from: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/> (Accessed: 12.07.2022).

10. *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka* T.F. Efremovoy [T.F. Efremova's explanatory dictionary of the Russian language]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/efremova/> (Accessed: 12.07.2022).
11. Tresidder, D. (2011) *Slovar' simvolov* [Dictionary of symbols]. Moscow: Izd.-torg. dom "Grand"; Fair-press.
12. Karaseva, K.M. (2010) Macro-Image of the Forest in F. A. Abramov's Tetralogy "Pryasliny": A Mythological Context. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena*. 123. pp. 126–130. (In Russian).
13. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/new/> (Accessed: 15.07.2022). (In Russian).
14. Solzhenitsyn, A.I. (2007) *Listvenitsa* [Larch]. In: *Sobranie sochineniy v tridsati tomakh* [Collected works in thirty volumes]. Vol. I. Moscow: Vremya.
15. Abramov, F. (1978) *Pryasliny: Trilogiya* [Pryasliny: Trilogy]. Leningrad: Lenizdat.
16. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t. + t. 7, dop.* [Collected works: in 6 volumes + volume 7, additional]. Vol. 2. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovok.
17. Pushkareva, I.A. (2015) Value Conceptualization of the Topic "Dostoevsky in Kuznetsk" in the City Newspaper Kuznetsky Rabochy of the Late 20th Century: Semantic and Stylistic Analysis. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 6 (38). pp. 67–85. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/38/6
18. Shalamov, V.T. (2013) *Sobranie sochineniy: v 6 t. + t. 7, dop.* [Collected works: in 6 volumes + volume 7, additional]. Vol. 1. Moscow: Knizhnyy Klub Knigovok.
19. Kersnovskaya, E.A. (2022) *Skol'ko stoit chelovek* [How much a person costs]. Moscow: KoLibri.
20. Astaf'ev, V.P. (1972) *Zatesi: kniga korotkikh rasskazov* [Zatesi: a book of short stories]. Moscow: Sovetskiy pisatel'.
21. Smirnova, A.I. (2011) *Russkaya proza vtoroy poloviny veka: vektor razvitiya* [Russian prose of the second half of the century: vector of development]. Moscow: MSPU.
22. Kozlov, A.E. & Varlaro, F. (2022) Leksema "listven'": ot fitonima k kontseptu [The lexeme "listven'": from phytonym to concept]. *Kritika i semiotika*. 1. pp. 183–197.
23. Kamenskiy, L.G. (2006) *V.G. Rasputin. Proshchaniye s Materoy. Analiz teksta. Literaturnaya kritika. Sochineniya* [V.G. Rasputin. Farewell to Matera. Text analysis. Literary criticism. Essays]. Moscow: Astrel'.
24. Rasputin, V.G. (2015) *U nas ostaetsya Rossiya* [We are left with Russia]. Moscow: Institut russkoy tsivilizatsii.
25. *Dizionario Garzanti Linguistica*. [Online] Available from: <http://www.garzantilinguistica.it/> (Accessed: 16.07.2022).
26. *il Nuovo De Mauro*. [Online] Available from: <https://dizionario.internazionale.it/> (Accessed: 16.07.2022).
27. *Dizionario di Italiano Sabatini-Coletti*. [Online] Available from: https://dizionari.corriere.it/dizionario_italiano/ (Accessed: 18.07.2022).
28. *Grande Dizionario Hoepli Italiano*. [Online] Available from: <https://dizionari.repubblica.it/italiano.html> (Accessed: 18.07.2022).
29. *Tesoro della lingua italiana delle Origini*. [Online] Available from: <http://tlio.oiv.cnr.it/TLIO/> (Accessed: 25.07.2022).
30. *Dizionario Treccani*. [Online] Available from: <http://www.treccani.it/vocabolario/> (Accessed: 25.07.2022).
31. *Vocabolario degli Accademici della Crusca*. [Online] Available from: <http://www.lessicografia.it/> (Accessed: 27.07.2022).
32. *Dizionario della lingua italiana di Tommaseo*. [Online] Available from: <http://www.tommaseobellini.it/#/> (Accessed: 27.07.2022).
33. *Grande dizionario della lingua italiana*. [Online] Available from: <http://www.gdli.it/> (Accessed: 01.08.2022).

Информация об авторе:

Варларо Ф. – аспирант, ассистент кафедры теории языка и межкультурной коммуникации Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: f.varlaro1992@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

F. Varlaro, postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: f.varlaro1992@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 24.08.2022;
одобрена после рецензирования 23.11.2023; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 24.08.2022;
approved after reviewing 23.11.2023; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 82-31
doi: 10.17223/15617793/498/3

Рецепция художественного мира и биографического мифа И.С. Тургенева в романе В.В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта»

Анастасия Олеговна Дроздова¹, Маргарита Андреевна Семенова²

^{1, 2} Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

¹ an.o.droz@gmail.com

² ma.a.semenova@utmn.ru

Аннотация. Характеризуется рецепция наследия И.С. Тургенева в первом англоязычном романе В.В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Заключается, что Набоков пародирует как тургеневские образы и сюжеты (влюбленность в роковую женщину; сновидчество; пейзажи; «живопись музыки и ночи»), так и биографический миф о Тургеневе, переданный в работах авторов русского зарубежья (А. Ремизов, Б. Зайцев). Писатель акцентирует пластический дар Тургенева: миры его произведений выступают для героев Набокова вариантом потусторонности.

Ключевые слова: рецепция, В.В. Набоков, И.С. Тургенев, биографический миф, пародия, роковая женщина, «Подлинная жизнь Себастьяна Найта», английский язык, потусторонность

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01025, <https://rscf.ru/project/23-78-01025/>

Для цитирования: Дроздова А.О., Семенова М.А. Рецепция художественного мира и биографического мифа И.С. Тургенева в романе В.В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 19–26. doi: 10.17223/15617793/498/3

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/3

The reception of the artistic world and biographical myth of Ivan Turgenev in Vladimir Nabokov's *The Real Life of Sebastian Knight*

Anastasiia O. Drozdova¹, Margarita A. Semenova²

^{1, 2} University of Tyumen, Tyumen, Russian Federation

¹ an.o.droz@gmail.com

² ma.a.semenova@utmn.ru

Abstract. The research aim is to determine forms of the reception of Ivan Turgenev's oeuvre in Vladimir Nabokov's first novel in English, *The Real Life of Sebastian Knight*. Until now, Turgenev's supertext in the novel has not been the object of a separate study, although researchers note the world-forming function of allusions to Russian and European classics. The study emphasizes the fact that the reception of Turgenev's work is present on the levels of plot and imagery: (1) Turgenev's plot about the character being obsessed with a femme fatale; (2) the mystical images of Turgenev and the principles of constructing an otherworldly space; (3) the biographical myth about Turgenev, represented in the works of writers contemporary with Nabokov. In the first stage of the analysis, we focus on a comparison of Nina Lecerf with Turgenev's femme fatales. Nabokov implements the features of the portrait of Turgenev's heroines – Maria Polozova, Clara Militch, Irina Ratmirova, Ellis, but in each case the similarity is incomplete. Unlike Turgenev's femme fatales, who subjugate the will of characters with their supernatural beauty and power, Nina Lecerf charms the characters with physical attractiveness that is difficult to put into words by V. and Sebastian. The article proves that being in love with Nina Lecerf is a challenge to the characters' imagination and literary gift. In the second part, we identify the features of Turgenev's biographical myth in the novel: Nabokov focuses on the historical-literary works of B. Zaytsev, A. Remizov, Yu. Aikhenvald, etc. The unclear aspects of Sebastian's and Turgenev's biographies are similar (hypochondria; attachment to a woman, interpreted as the cause of death); however, if in B. Zaytsev's fictionalized biography they are given a mystical-religious or psychological explanation, then in Nabokov's novel the "mysteries" of Sebastian's biography are not revealed, but activate the narrator's imagination and inspire the creation of his own fictional world. Nabokov uses the myth of Turgenev the dreamer, formed in A. Remizov's works. Unlike Turgenev's works, in Nabokov's novel, the dream images cannot be directly deciphered: they form a monogram connecting fantasy, the narrator's direct impressions, and memories. We conclude that the author's affinity to Turgenev's works and to the traditions of their interpretation is a poetological issue at the beginning of Nabokov's American career. Nabokov highly

assesses the “night theme” as a bright example of Turgenev’s style. Landscape images of “Bezhin Lea” are used by the narrator to create and describe fictional worlds. In *The Real Life of Sebastian Knight*, allusions to Turgenev’s works introduce the theme of otherworldliness as an alternative artistic world with which the characters feel their genetic connection.

Keywords: reception, Vladimir Nabokov, Ivan Turgenev, biographical myth, parody, femme fatale, *The Real Life of Sebastian Knight*, English language, otherworldliness

Financial support: The research was funded by the Russian Science Foundation, Project No. 23-78-01025, <https://rscf.ru/en/project/23-78-01025/>

For citation: Drozdova, A.O. & Semenova, M.A. (2024) The reception of the artistic world and biographical myth of Ivan Turgenev in Vladimir Nabokov’s *The Real Life of Sebastian Knight*. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 19–26. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/3

Введение

В начале писательской карьеры В.В. Набокова «общим местом» критики является возведение его литературной генеалогии к И.С. Тургеневу. Известен отклик Ю. Айхенвальда на роман «Машенька»: «У нас появился новый Тургенев» [1. С. 303]; А.В. Амфитеатров причисляет Набокова к авторам-«неотургенистам» [2. С. 628]. Из «Лекций по русской литературе» очевидно, что Набоков не считал романы Тургенева образцом прозы, однако высоко оценивал язык писателя, его талант передавать игру света и тени [3. Р. 263].

Цель работы – определить характер рецепции тургеневского наследия в первом англоязычном романе Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Роман, написанный в 1938–1939 гг. во Франции и опубликованный в 1941 г. в Америке, имеет переходный статус в творчестве писателя: ключевой поэтологической задачей Набокова является адаптация индивидуальной художественной системы к англоязычной культуре [4. Р. 1152–1153].

Исследователи подробно анализируют полигенетический контекст романа, его «гибридную интертекстуальность» [5. С. 191; 6; 7], однако до настоящего времени тургеневский код в произведении не выступал объектом отдельного исследования и не был прокомментирован. Между тем, в основе сюжета «Подлинной жизни Себастьяна Найта» лежит коллизия тургеневского типа: Набоков оставляет возможность интерпретации романа как «банального рассказа о встрече с “роковой женщиной”, которая разрушает былое личное счастье героя» [8. С. 220].

Как и в «Подлинной жизни Себастьяна Найта», в русскоязычных текстах Набокова аллюзии на прозу Тургенева связаны с мотивом влюбленности. Так, в «Машеньке» пародируются тургеневские символы «прошедшей любви» [9. С. 21]. В «Даре» воспоминания Федора Годунова-Чердынцева о первой любви и о вдохновении навеяны тургеневским запахом гелиотропов [10. С. 51].

Произведения Тургенева также обсуждают герои, претендующие на роль художников. К примеру, стихотворения в прозе пародирует маньяк Герман Карлович из романа «Отчаяния»: герой, следующий литературным канонам, не может создать оригинальное произведение. В «Даре» Федор отмечает заурядность тургеневских сюжетов («дурацкие тэтатэты в акатниках»), искусственность переходов от темы к теме («жеманное окончание глав»), но восхищается стилем писателя

(«все простим ему за серый отлив черных шелков», «русачью полежку иной его фразы») [11. Т. 4. С. 258].

Обращение к тургеневским сюжетам и образам на новом этапе карьеры носит авторефлексивный характер, помогает подвести итог русскоязычному периоду творчества. В «Подлинной жизни Себастьяна Найта» тургеневский свертхтекст представлен в трех формах: как любовная коллизия – через мотив роковой любви; на сюжетном и повествовательном уровне – с помощью трансформации биографического мифа о Тургеневе; как аллюзия на образы Тургенева, передающие переходные состояния сознания (сон, галлюцинации).

Нина Лесерф как пародия на тургеневских роковых женщин

Воплощением тургеневской femme fatale является любовница Себастьяна Нина Лесерф, представленная в романе в трех амплуа: соседка Найта в Блауберге певица Элен фон Граун; мадам Лесерф, подруга-француженка госпожи фон Граун; Нина Речная (Туровец), эксцентричная жена разорившегося русского эмигранта Пал Палыча. Исследователи подробно анализируют этимологию «имен» Нины Речной, выявляя ее роль как минимум в двух контекстах романа: шахматном (Нина – и ферзь, и тура, берущая «слона» Клэр Бишоп, и лже-королева [8. С. 226]) и интертекстуальном (сопоставление с героинями А.П. Чехова, А.С. Пушкина, Е. Баратынского [12. С. 9–10]).

В свете рассмотрения тургеневского свертхтекста множество имен Нины указывает на множественность литературных прототипов роковой женщины. На это сопоставление указывает впервые G. de Vries: упоминаемое в романе стихотворение Дж. Китса «La Belle Dame sans Merci» отсылает к целой галерее образов роковой женщины в русской литературе и, в частности в произведениях Тургенева [7. Р. 19]. Так, измена возлюбленной-иностранки и страстная привязанность к русской барышне – коллизия, сближающая «Подлинную жизнь Себастьяна Найта» и «Вешние воды». В образе Нины Лесерф концентрируются черты тургеневской роковой женщины, однако сходство с героинями этого типа оказывается неполным.

Как и Тургенев, Набоков подчеркивает «странность» облика роковой женщины. Рассказчик обращает внимание на необычную манеру мадам Лесерф смотреть на собеседника: «У ней было чудное обыкновение внимательно смотреть на вас – не в глаза, нет, а

на нижнюю часть лица, словно у вас там крошки или что-то еще, и неплохо бы это смахнуть» [13. С. 150]. Марья Николаевна Полозова из романа «Вешние воды» обладает «блуждающим» взглядом: «Эти глаза <...> словно кружили по его чертам» [14. Т. 8. С. 367], «в их светлом, почти холодном блеске проступало что-то недоброе» [14. Т. 8. С. 348]. На то, что Марья Николаевна способна гипнотизировать Санина, указывает ее «змеиная» фамилия. В отличие от властной тургеневской героини, странный взгляд Нины Лесерф – следствие необычного физиологического устройства глаз, напоминающего *ocellus* на крыльях бабочки: «странные, бархатные глаза ее с райками, посаженными чуть выше обыкновенного, не отрывались от моих губ» [13. С. 164]. Психологическая мотивировка «странного» взгляда роковой женщины нейтрализуется: если у Тургенева «фиксация телесности» облика Марьи Николаевны подчеркивает ее «царственную сущность» [15. С. 11], то роковая женщина Набокова – ветреница, завораживающая рассказчика физической привлекательностью.

Особенностью «странного» портрета роковой женщины и у Тургенева, и у Набокова выступают непослушные волосы. В «Дыме» прикосновение к распущившейся прическе возлюбленной происходит в момент, когда Литвинов теряет самообладание: «Он нагнулся к ее душистым рассыпанным волосам и, в опьянении благодарности и восторга, едва дерзал ласкать их рукой, едва касался до них губами» [14. Т. 7. С. 377]. Неуклюжее прикосновение В. к волосам Нины спровоцировано флиртующей героиней: «Она ухватила меня за плечо, и волосы ее легко пронесли по моей щеке» [13. С. 159]. Подчеркивается не значение жеста, а его соответствие литературному и, в частности, тургеневскому канону.

Еще одна черта «странного» портрета Нины – бледная кожа: «никогда не видал кожи с такою ровною бледностью» [13. С. 146], «он [Себастьян] целует ее, чтобы увериться, что она – не фарфоровая безделушка» [13. С. 154]. Необычная фарфоровая бледность лица является узнаваемой чертой Ирины из романа «Дым»: «с редкою в ее лета бледно-матовою кожей, чистою и гладкою как фарфор» [14. Т. 7. С. 281].

Объектом пародии выступает состояние «*taedium vitae*», у героев Тургенева вызванное неразделенной любовью. Так, образ дыма в пятой главе «Подлинной жизни Себастьяна Найта» отсылает к внутреннему монологу несчастного Литвинова: «Все дым и пар, думал он; все как будто беспрестанно меняется, всюду новые образы» [14. Т. 7. С. 397]. Если для Литвинова в дым превращаются изжитые воспоминания, то В., напротив, испытывает вдохновение и в дыме видит ожившие фантазии; «пыль клубилась в наклонном солнечном луче; завитушки табачного дыма соединились с ней и закружились медленно и вкрадчиво, словно бы обещающая любую минуту образовать живую картину» [13. С. 161]. Весь абзац пародирует пространные и прямолинейные тургеневские пояснения, которые, как отмечает Набоков в лекции, не оставляют «никакой поживы для читательской интуиции» [16. С. 124]: «Позвольте мне повторить здесь, что я не склонен обременять эти страницы чем бы то ни было, относящимся до меня лично;

думаю, читатель (и кто знает, быть может, и дух Себастьяна тоже) позабавится, если я сообщу, что какой-то миг помышлял о том, чтобы предаться любви с этой женщиной» [13. С. 161]. Адресата-художника может забавлять не только мелодраматическое клише (братья влюблены в одну и ту же особу), но и пародия на «излишнюю прямолинейность» Тургенева [16. С. 124] и на его «элементарные» переходы от темы к теме [16. С. 132] – от темы «дыма» к интроспекции влюбленного рассказчика.

Пародируется музыкальность героини Тургенева и сама музыка как форма коммуникации возлюбленных. Как и тургеневская Клара Милич, Нина обладает контральто [13. С. 131]. Героиня исполняет «цыганские песни» [13. С. 147] – ср.: у Клары Милич «лицо <...> цыганского типа» [14. Т. 10. С. 75], «Аратов не в силах был выкинуть из головы своей эту черномазую цыганку» [14. Т. 10. С. 76]. На то, что музыкальность – трафаретная черта роковой женщины, указывает образ граммофона: Нину окружает искусственная музыка, воспроизводимая машиной и затрудняющая общение героев («кошмар кошмаров: радиоприемник» [13. С. 149]).

В портрете Нины присутствуют черты, сближающие героиню с Эллис из повести Тургенева «Призраки». Эпизоды, связанные с поиском Нины Речной, отмечены изменением оптики рассказчика-биографа: «поток жизнеописания <...> заволокло бледным туманом» [13. С. 125]. В «Призраках» фигура героини-вампира полупрозрачна, как туман: «она казалась вся как бы соткана из полупрозрачного, молочного тумана» [14. Т. 7. С. 193]. Как и у вампира, руки Нины неестественно холодны: «кладя свою ледяную ладонь на мою» [13. С. 153] – ср. в «Призраках» «рука, лежащая холодноватым поясом вокруг моего стана» [14. Т. 7. С. 198]. У Тургенева жизненная сила рассказчика оказывается платой за ночные полеты с Эллис: его сердце «сжимается» [14. Т. 7. С. 204], «тает» [14. Т. 7. С. 206], «странным бьется» [14. Т. 7. С. 208], «медленно переворачивается» [14. Т. 7. С. 216]. Знакомство Себастьяна с Ниной происходит в момент, когда обостряется его сердечная болезнь. Вампирическая способность Нины забирать жизнь проявляется через касание: «Я говорила однажды доктору, что любые цветы, кроме гвоздик и нарциссов, засыхают, едва я к ним прикоснусь»¹ [13. С. 159]. Образ Нины в воспоминаниях Пал Палыча принимает гротескные черты: «Меня она высосала дочиста, и не в одном отношении. Деньги и душу, к примеру» [13. С. 142]. Вампирская сущность героини – объект иронии В., размышляющего о равнодушии Нины к творчеству Себастьяна: «это было бы то же, что толковать с летучей мышью о солнечных часах» [13. С. 166].

Вампирические черты Нины оцениваются В. как несовершенная мимикрия, тривиальное подобие: «оставим же мышь дрожа кружить в густеющем сумраке: нескладным подобием ласточки» [13. С. 166]. Сюжет об опасной женщине-демонессе травестируется, когда рассказчик любит красотою героини и сам принимает точку зрения вампира: «увидел крохотную бледную родинку на бледной щеке, нежные крылья

носа, складочки на верхней губе, то, как она наклонила голову, тусклую белизну горла» [13. С. 164]. В ранних произведениях В. Набокова родинка как деталь портрета указывает на земное происхождение сверхъестественных существ (ср., к примеру, бледную родинку на ноге ангела в рассказе «Слово»), по родинкам персонажи узнают своих соотечественников (тело Мартына из романа «Подвиг» имеет «многочисленные родинки, как часто бывает у русских» [11. Т. 3. С. 187]). За роковой личиной Нины Лесерф – привлекательная женщина, напоминающая рассказчику и Себастьяну героиню русской классики.

Исследователями тайна Себастьяна Найта рассматривается как вопрос об атрибуции вымысла. Задумка биографии может принадлежать как В., так и Себастьяну, или, согласно наблюдениям Г. Барабтарло, третьему лицу, «создателю» [17. С. 176]. Характеристика образа Нины Речной в рамках тургеневского свертхтекста высвечивает особенность набоковской калиптики (т.е. поэтики «узора», «мерцающих структур» [18. С. 313]), ее реализацию на уровне второстепенных персонажей: в романе постулируется «мерцание» нескольких автономных миров и субъектов повествования.

На фоне демиургических исканий главных героев второстепенные персонажи не просто вплетены в узор чужой судьбы, но и проживают в иной художественной системе. Увлечение героя *femme fatale*, в произведениях Тургенева закономерно заканчивающееся смертью (буквальной, как в «Кларе Милич», или в символическом ключе, как в «Дыме»), в романе Набокова является вариацией «дематериализации» героя [18. С. 314], его побега из мира-тюрьмы в иной фикциональный мир. По наблюдению А. Hansen-Löve, тайна и игра в романах Набокова приобретают «эротические импликации»: «порядок эротики» и «порядок игры», «любви и смерти» смешиваются перед тем, как герой исчезает [18. С. 316]. Возможность выхода за границы тюрьмы-времени обыгрывается в трузизме мадам Лесерф в духе тургеневской Марьи Николаевны: «Во что бы то ни стало сжигайте любовные письма. Прошлое превосходно горит» [13. С. 147].

Вариативность судьбы Нины («она могла пребывать в тюрьме, а могла и в Лос Анжелесе» [13. С. 157]), ровно как и неспособность В. объяснить измену Себастьяна («обе совсем не в моем вкусе – да и не в Себастьяновом, насколько я понимаю» [13. С. 156]), доказывает, что чувственный опыт героев не сводим к «здравому смыслу». Не потусторонняя, а земная красота Нины ослепляет Пал Палыча, его гениального двоюродного брата, В. и Себастьяна.

Попытки описать облик Нины – вызов для художника, поскольку они неизбежно ведут к повторению литературных клише: «Маленькая, крепкая грудь ее волновалась (Себастьян написал однажды, что это случается только в романах, но вот передо мной было доказательство его неправоты). Голубая жилка на бледной девичьей шее, казалось, пульсировала (впрочем, в этом я не уверен)» [13. С. 161]. Именно красота Нины, которая не может быть выражена в слове или запечатлена на фотографии или картине, является «неподдельной тайной» для Себастьяна-художника.

Интерпретация образа *femme fatale* полемична по отношению к современным Набокову литературно-биографическим работам о Тургеневе, где мотив роковой любви связывается с мистико-религиозными искажениями писателя.

Рецепция тургеневского биографического мифа

Во второй половине 1930-х гг. Набоков ведет активную полемику с авторами беллетризованных биографий, доказывая, что условно-объективное повествование неполноценно с исторической и эстетической точек зрения. Как отмечает В.А. Черкасов, поэтическая правда для В. Набокова является «выражением абсолютной истины о сути поэтического гения»: правда относится исключительно к художественному миру и языку автора [19. С. 191]. Проблема вымысла как основы любого биографического факта затрагивается в рассказе на французском языке «Mademoiselle O» (1936), в эссе «Пушкин, или правда и правдоподобие» (1937), а также в мистификаторском проекте – стихотворениях под псевдонимом «Василий Шишков» и одноименном рассказе 1939 г. Созданная в этот же период «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» – новый этап эксперимента с литературой «человеческого документа». Трансформируя жанровый канон мемуарно-биографической литературы, Набоков показывает, как фигура писателя-биографиста сама оказывается объектом мифологизации.

Одним из пародируемых образцов биографической эссеистики для Набокова выступают труды писателей русского зарубежья, устанавливающие параллель между трагической судьбой Тургенева и его творчеством. Образ Тургенева как «политического мыслителя» (П. Струве, П. Милуков) перекликается с образом Себастьяна в интерпретации бездарного мистера Гудмена: «Единственная цель у него – показать “несчастного Найта” как продукт и жертву того, что он именует “нашим временем”» [13. С. 74].

О внимании Набокова к интерпретациям наследия Тургенева можно судить по его более ранней критической статье «О восставших ангелах» («Руль», 1930), где объектом иронии оказывается стиль А. Ремизова в «Тридцати снах Тургенева». В. Набоков подчеркивает, что мистико-биографический подход автора не объясняет значение снов в тургеневских произведениях, а только порождает витиеватые «жемчужины слога» [11. Т. 3. С. 688]. Позиция В. Набокова полемична также по отношению к Б. Зайцеву и его беллетризованной биографии «Жизнь Тургенева»². Зайцев и Ремизов рассматривают биографический миф и художественный мир как явления одного порядка: «в выборе материала (мир души и сны Тургенева), в его интерпретации сказывается влияние психоаналитических концепций начала XX века, идей “новой критики” и работ символистов о Тургеневе» [20. С. 719]. В «Себастьяне Найте» попытки В. проследить связь между творчеством и биографией не открывают истины о чужой жизни, но ведут к стиранию границ между автором и героем.

«Темные места» биографического мифа Тургенева перекликаются с необъяснимыми эпизодами из жизни

Себастьяна. В биографии Зайцева устойчивым мотивом является внезапный отъезд героя. Так, Тургенев, подобно Григорию Литвинову в «Дыме», покидает Ольгу Александровну Тургеневу, которая, как предполагает Б. Зайцев, является прототипом Тани: «Нельзя даже сказать, сам он уехал, или некий легкий ветер унес его. Хорошо, или плохо он сделал, но это по-тургеневски» [21. С. 93]. Неожиданным отъездом Себастьяна заканчивается его роман с Клэр: «Себастьян опять оставил Англию и отсутствовал вплоть до января следующего года. Где он был, никто не знает» [13. Т. 1. С. 114]. Возможным местом пребывания Себастьяна является Италия («потому что любовники обычно едут туда» [13. Т. 1. С. 114]), для Набокова связанная с тургеневскими мирами, ср. в «Даре»: «Тургенев с его чересчур стройными видениями и злоупотреблением Италией» [11. Т. 4. С. 416].

Как и Тургенев, Себастьян Найт страдает симптомами, напоминающими грудную жабу. Медицинский диагноз не обязательно совпадает с ожидаемой причиной смерти: «Шарко определил *angine de poitrine* <...>. Ни невралгия, ни грудная жаба. Начинался рак спинного мозга» («Жизнь Тургенева») [21. С. 172]; «Что это за болезнь, от которой он умирает? Рак? Грудная жаба – та же, что у его матери?» («Подлинная жизнь Себастьяна Найта») [13. С. 181]. И Тургеневу – персонажу биографий, и Себастьяну приписывается озабоченность здоровьем: «Себастьян очень легко возбудим и нервен и всегда впадает в неоправданный пессимизм при любом ухудшении здоровья» [13. С. 176], «Известна мнительность Тургенева. В болезнях все казалось ему всегда наихудшим» [21. С. 99].

В произведениях Зайцева и Набокова «темные места» биографии художников по-разному оцениваются рассказчиками. Пробелы биографии Тургенева Зайцев пытается восполнить, реконструируя психологический портрет героя: в такой интерпретации «одержимость» Полиной Виардо продиктована попыткой освободиться от страха смерти [21. С. 129–130]. Размышления о мировоззрении писателя позволяют рассказчику эксплицировать собственные религиозно-философские убеждения: «Величайшей глубины России – ее религии – [Тургенев] почти не чувствовал» [21. С. 106].

В романе Набокова «темные места» биографии Себастьяна, напротив, остаются неразъясненными, заводят читателя и рассказчика-биографа в тупик, провоцируют на создание вымышленных версий. В финале романа игра воображения позволяет В. найти ответ на вопрос о «смысле мира» [13. С. 171]. Он открывается, вопреки ожиданию В., не в результате прозрения, а через знакомое рассказчику чувство жалости и любви, не требующее верификации: В. принимает незнакомца за Себастьяна, не зная, что брат уже умер [13. С. 189]. «Темные места» чужой жизни остаются неразгаданными: ключом к биографии Себастьяна является «художественная правда», к которой В. прибегает через собственный вымысел о брате.

Объектом пародии для Набокова оказывается сюжет о писателе-сновидце, активно разрабатываемый А. Ремизовым. Интерес Тургенева к лиминальным состояниям сознания впоследствии оказывается «общим

местом» тургеневского биографического мифа (см. также работу В.Н. Ильина 1958 г. [22. С. 144]). В произведениях Тургенева встреча с призраками или «сонные мечтания» предвещают гибель героя (см. «Бежин луг», «Степной король Лир», «Призраки», «Фауст» и др.). А. Ремизов называет сны «траурной каймой» тургеневских «картин жизни» [23. С. 307]. В оценке Набокова-лектора сновидческие образы Тургенева являются эстетически недостоверными: «его мистика вся окутана духами, зыбкой дымкой дождя» [16. С. 127]. В характеристике тургеневской мистики В. Набоков близок Ю. Айхенвальду: «в литературе он [Тургенев] кокетничал и с самой смертью» [24. С. 147]. По-тургеневски двойственная – бутафорская и пророческая – природа снов передается в «Подлинной жизни Себастьяна Найта».

С одной стороны, в романе Набокова сны имеют символическую природу. Пользуясь предложенной В. Топоровым типологией тургеневских снов, их можно отнести к «подлинным» снам [25. С. 131]. Так, В. снится искалеченная левая рука Себастьяна: «крошечные кисти рук, похожие на мышь передние лапки, фиолетово-розовые, мягкие, их было очень много» [13. С. 178]. Кошмар указывает на скорую смерть Себастьяна от болезни сердца. Как узнает рассказчик позднее, Себастьян испытывает «странное покалыванье в левой руке, словно от внутреннего зуда» [13. С. 96].

С другой стороны, во сне появляются детали, не имеющие символического значения, но выступающие в роли «вензеля», связывающего онирическое и условно-реальное пространство. К таким деталям относится «забытый наперсток», который мать В. убирает со «сцены» сна [13. С. 178]. Рассказчик видит наперсток после смерти Себастьяна: им изображается пешка Пал Палыча, причем после игры «забытый» наперсток кладется отдельно от шахматных фигур.

Пальцы как «вензель» сна и реальности предвещают творческую рокировку героев: переход В. с русского на английский язык и обретение художественного дара. В момент, когда В. снится сон об искалеченной руке Себастьяна, он не знает о неизлечимой болезни брата и о том, что она проявляется как зуд в руке. Однако рассказчик испытывает схожие симптомы по пути к умирающему Себастьяну: «несколько секунд рука моя страшно зудела, зацепленная его [солдата] рукавом» [13. С. 182]. Зуд в руке, переходящий от Себастьяна к В., также указывает на общий источник писательского дара героев: «оба мы – кто-то другой» [13. С. 191] – порождения фантазии русскоязычного автора.

Образ рассыпающихся пальцев Себастьяна во сне В. навевает языковой ассоциацией: он отсылает к эпизоду дуэли отца Себастьяна с Пальчиным. Такая трактовка противоречит символическому значению кошмара. Болезнь сердца (в случае Себастьяна) или ранение в грудь (в случае отца) не обязательно приводят к смерти. Отец умирает не из-за Пальчина, как ошибочно считают его знакомые, а от простуды месяц спустя после дуэли. Себастьян в своих романах оспаривает возможность смерти и, как доказывает Г. Барабтарло, не умирает в действительности: «Отраженный в

зеркале образ мним, и истинная жизнь Севастьяна Найта есть поистине мнимость» [17. С. 176].

Образы сна указывают на фикциональную природу сюжета и неправдоподобность смерти как варианта потусторонности. За смертью следует не исчезновение, а смена языка и переход в иную «форму бытия» [13. С. 191] – что происходит с забытым наперстком, который после окончания шахматной партии меняет символическое значение на утилитарное. В этом контексте рука и пальцы представлены как органы осязания, реагирующие на потусторонность: именно рукой героиписатели творят вымышленный мир. Лингвистические коннотации образа пальцев акцентируются, когда господин Зильберманн на пальцах пересчитывает освоенные им языки: остается «лишний» большой палец, обозначающий забытый русский язык.

Если символические «роковые» сны в произведениях Тургенева предвещают герою неминуемую гибель, то сны в «Подлинной жизни Севастьяна Найта» доказывают, что гибель героя невозможна.

Мистические образы Тургенева в романе наделяются металитературным значением. Они подчеркивают пространственную и темпоральную относительность мира героев, соотнесенного с чужими фикциональными мирами.

Во-первых, мистические коннотации сюжета о призраках порождены читательскими ассоциациями героев. Так, Севастьян разыгрывает Гудмена, выдавая чеховский образ Черного монаха за собственную галлюцинацию, вызванную переутомлением. Рассказчик признает, что «Голос в Тумане», который по законам фантастического повествования должен повествовать истинную историю жизни Севастьяна, является порождением его же фантазии [13. С. 66] – ср.: в «Бежине луге» Павлуша слышит голос умершего мальчика; Ремизов о Кларе Милич: «окликающий голос, принявший призрачный образ сна» [23. С. 274]. Рассказчик представляет призрак матери, когда приходит на место ее смерти в Рокебрюне. Роковая связь места и неупокоенной души, традиционная для романов о призраках (ср. образ Цезаря в «Призраках» Тургенева), нарушается: впоследствии В. узнает, что перепутал город (во Франции находится два Рокебрюна).

Во-вторых, еще при жизни персонажи могут стать призраками: чертами призрака наделяются «потерянные» герои, т.е. не находящие себе места или сознательно скрывающиеся. После измены Севастьяна Клэр «бродит, словно потерянная душа» [13. С. 113], поиск Нины Речной сравнивается В. с «неуклюжей погоней за призраком» [13. С. 152]. Характеристиками призрака и, в частности, возможностью пересекать границы вымышленных миров, наделяется не потустороннее существо, а рассказчик В.: «душа – это лишь форма бытия, а не устойчивое состояние» [13. С. 191]. Как призрачность характеризуются не форма посмертного существования персонажей, а форма существования героев в вымышленном мире.

Таким образом, трансформации жанра писательской биографии в «Подлинной жизни Севастьяна Найта» подсказаны традицией интерпретации классической литературы. Оспаривается оценка смерти как

«биографического факта», при том, что современные Набокову концепции тургеневской биографии базируются на образе писателя-пессимиста, предчувствующего свою смерть (Б. Зайцев, П. Бицилли, Т. Тхоржевский и др.). Набоков акцентирует жанровую закономерность: биографии классиков оказываются эгодокументом их авторов. К этой же мысли приходят критики: В. Ходасевич указывает на то, что в произведении Б. Зайцева «устанавливается между героем и автором род душевного сходства» [26. С. 518]; П. Бицилли считает, что «Жизнь Тургенева» «производит впечатление, аналогичное тому, какое остается от тургеневских произведений» [27. С. 475]. Влияние авторского мировоззрения на образ героя в романе Набокова воплощается в повествовательном парадоксе: «Стало быть – я Севастьян Найт» [13. С. 191].

Заключение

Таким образом, в «Подлинной жизни Севастьяна Найта» Набоков акцентирует спекулятивный характер биографических и психологических интерпретаций литературы. Севастьян и В. наделяются чертами, свойственными тургеневским героям-сновидцам: они восприимчивы к красоте, обладают чутким восприятием. Однако чувствовать потусторонность героихудожники способны не в результате мистического прозрения, а благодаря обостренной сенсорике и развитой фантазии.

Пародия на образ *femme fatale* не столько профанирует тургеневский сюжет о роковой любви, сколько передает искажения оптики пораженных красотой художников – их неспособность отвязаться от образцов языка, закрепленных в классической литературе. Непосредственное переживание красоты и влюбленности героями Набокова воспринимается как художественный вызов. Герои осознают необходимость передать и облик возлюбленной, и чувства, вызываемые им, в обход лингвистических клише.

Важным художественным открытием Тургенева, в рецепции Набокова, оказываются образы природы, дар изображения которых оценивается как необыкновенный. Так, замысел «самого легкого» романа Севастьяна сравнивается со сценой из «Бежина луга»: «Роман “Утерянные вещи”, в ту пору начатый Севастьяном, выглядит своего рода привалом в его литературных странствиях в поисках открытий <...> расседланные лошади, позвякивая, пасутся в темноте; отблеск лагерного костра; звезды над головой»³ [13. С. 114]. Воображая мысли Севастьяна, наслаждающегося летним Кембриджем, В. также обращается к тургеневской «живописи ночи» и ее ключевым образам, ср.: «К *вечеру* эти облака исчезают; последние из них, *черноватые* и неопределенные, как *дым*, ложатся *розовыми клубами* напротив заходящего солнца» («Бежин луг») [14. Т. 3. С. 86] – «смотрел на кудлатые, *лососевые облака*, наливавшиеся угрюмой медью в бледном вечернем небе <...> О каком-нибудь *мглистом закате* над *черным* русским ельником»⁴ («Подлинная жизнь Севастьяна Найта»; курсив наш. – А.Д., М.С.) [13. С. 64]. Набоков обращает внимание на пластическое начало дара Тургенева. Восприятие

красоты тургеневские герои переживают как встречу с судьбой или с потусторонностью.

В «Подлинной жизни Себастьяна Найта» не только пародируется тургеневская образность, но и создается сюжет, в котором герои попадают под влияние тургеневского стиля, а художники В. и Себастьян приобретают черты Тургенева – персонажа биографий. Англоязычный автор постулирует свою причастность к русской литературе и читательскому «интерпретативному» сообществу русской эмиграции: «набоковский

английский язык является не чем иным, как инобытием русской речи» [28. С. 268]. Переводя тургеневские образы в пространство англоязычного романа, Набоков нейтрализует их мистические и психологические коннотации, но акцентирует пластичность, чувственную достоверность художественной оптики писателя. Мир тургеневских романов предстает в «Подлинной жизни Себастьяна Найта» как один из возможных и даже привлекающих героев-художников вариантов потустороннего мира.

Примечания

- ¹ Присцилла Мейер отмечает, что такой сверхъестественной способностью обладает «ядовитая дама» Беатриче из новеллы Н. Готорна «Дочь Рапачини» [6. С. 125]. Творчество Н. Готорна является объектом рецепции И.С. Тургенева, близость их художественных миров проявляется в том числе и в противопоставлении «сильных женских» и «слабых мужских» персонажей [29. С. 112].
- ² Труд Б. Зайцева, стихотворения и роман «Подвиг» В. Набокова публикуются в одних номерах «Современных записок» в 1930–1931 гг.
- ³ В оригинале повторение звуков «s» и «d» передает позвякивание: «the clicking sound of unsaddled horses browsing in the dark; the glow of campfire; stars overhead» [30. P. 87].
- ⁴ В английском тексте передается плавность переходов оттенков цвета: «he would <...> looking at the wispy salmon-pink clouds turning to a dull copper in the pale evening sky <...>. Some misty sunset beyond a black Russian firwood» [30. P. 38].

Список источников

1. Бойд Б. Владимир Набоков: русские годы: Биография. СПб. : Симпозиум, 2010. 696 с.
2. Амфитеатров А.В. Собрание сочинений : в 10 т. Т. 9. Лиляша. Пути русского искусства. Литература в изгнании. М. : НПК «Интелвак», 2005. 688 с.
3. McLean H. Lectures on Russian Literature // The Garland Companion to Vladimir Nabokov / ed. by V.E. Alexandrov. New York : Routledge, 1995. P. 258–274.
4. Cornwell N. From Sirin to Nabokov: the transition to English // The Cambridge Companion to Nabokov / ed. by J.W. Connolly. Cambridge : Cambridge University Press, 2005. P. 151–169.
5. Кибальник С.А. Роман Набокова «The Real Life of Sebastian Knight» как гибридный текст Достоевского (Статья вторая) // Новый филологический вестник. 2020. № 2 (53). С. 185–192.
6. Мейер Присцилла. Набоков и неопределенность. Случай «Истинной жизни Себастьяна Найта». СПб. : Academic Studies Press, 2020. 272 с.
7. De Vries G. Silent Love. The Annotation and Interpretation of Nabokov's The Real Life of Sebastian Knight. Boston : Academic Studies Press, 2016. 221 p.
8. Кибальник С.А. Криптопоэтика романа В. Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта» // Проблемы исторической поэтики. 2023. № 1. С. 217–235.
9. Букс Н. Эшафот в хрустальном дворце. О русских романах Владимира Набокова. М. : Новое литературное обозрение, 1998. 208 с.
10. Грачева Ж.В. Семантический анализ ольфакторной лексики (на материале творчества В. Набокова) // Русистика: вчера, сегодня, завтра: XXXVIII Распоповские чтения : Материалы Междунар. конф. Воронеж : НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2020. С. 48–58.
11. Набоков В.В. Русский период. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 3, 4. СПб. : Симпозиум, 2006, 2002. 784 с.
12. Долинин А. После Сирина // Набоков В. Романы: Истинная жизнь Себастьяна Найта; Пнин; Просвечивающие предметы : пер с англ. М. : Худож. лит., 1991. С. 5–14.
13. Набоков В.В. Американский период. Собрание сочинений : в 5 т. : пер. с англ. Т. 1. СПб. : Симпозиум, 2004. 608 с.
14. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Т. 3, 7, 8, 10. М. : Наука, 1979; 1981; 1981; 1982. 527 с.; 560 с.; 544 с.; 608 с.
15. Волков И.О. «Итальянский текст» в повести И.С. Тургенева «Вешние воды» (1871) // Вестник Томского государственного университета. 2017. № 418. С. 5–13. DOI: 10.17223/15617793/418/1
16. Набоков В.В. Лекции по русской литературе. СПб. : Азбука; Азбука-Аттикус, 2016. 448 с.
17. Барабтарло Г. Сочинение Набокова. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 464 с.
18. Hansen-Löve Aage A. Эстетика «каллиптики». Аполлинские концепции в метафизической поэтике Набокова // Revue des études slaves. 2000. T. 72, fascicule 3-4. P. 311–317.
19. Черкасов В.А. Полемика В.В. Набокова с В.Ф. Ходасевичем – пушкинистом в эссе «Пушкин, или правда и правдоподобие» // Русская литература. 2009. № 3. С. 188–201.
20. Чубракова З.А. И. Тургенев в восприятии Б. Зайцева («Жизнь Тургенева») и А. Ремизова («Огонь вещей. Сны и предсонье») // Материалы международной научно-практической конференции, 26–28 октября 2013 г. Ереван : Лусабац, 2013. С. 715–730.
21. Зайцев Б.К. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 5. Жизнь Тургенева: Романы-биографии. Литературные очерки. М. : Русская книга, 1999. 544 с.
22. Александров В.А. Тургенев Иван Сергеевич (1818–1883) // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). 2003. Т. 4, № 3. С. 130–145.
23. Ремизов А.М. Ахру. Тургенев-сновидец. Тридцать снов // Собрание сочинений. Т. 7. М. : Русская книга, 2002. С. 262–304.
24. Айхенвальд Ю. Силуэты русских писателей. Вып. 2. М. : Издание «Научного Слова», 1908. 162 с.
25. Топоров В.Н. Станный Тургенев (Четыре главы). М. : РГГУ, 1998. 192 с.
26. Ходасевич В.Ф. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 4: Некрополь. Воспоминания. Письма. М. : Согласие, 1997. 744 с.
27. Бицилли П. Бор. Зайцев. Жизнь Тургенева. Париж, 1932 // Современные записки. 1932. № 48. С. 475–477.
28. Виролайнен М. Англоязычие Набокова как инобытие русской словесности // В.В. Набоков: pro et contra. Т. 2. СПб. : Изд-во РХГИ, 2002. С. 261–269.
29. Волков И.О. Роман Натаниэля Готорна «The Scarlet Letter» в творческом сознании И.С. Тургенева: от чтения к интерпретации // Сибирский филологический журнал. 2023. № 1. С. 102–115. DOI: 10.17223/18137083/82/7
30. Nabokov V.V. Novels and Memoirs 1941–1951. New York : Literary Classics of the United States, 1996. 710 p.

References

1. Boyd, B. (2010) *Vladimir Nabokov: russkie gody: Biografiya* [Vladimir Nabokov: Russian Years. Biography]. Saint Petersburg: Simpozium.
2. Amfiteatrov, A.V. (2005) *Sobranie sochineniy: V 10 t.* [Collected Works in 10 Volumes]. Vol. 9. Moscow: Intellvak.
3. McLean, H. (1995) Lectures on Russian Literature. In: Alexandrov, V.E. (ed.) *The Garland Companion to Vladimir Nabokov*. New York: Routledge. pp. 258–274.
4. Cornwell, N. (2005) From Sirin to Nabokov: the transition to English. In: Connolly, J.W. (ed.) *The Cambridge Companion to Nabokov*. Cambridge: Cambridge University Press. pp. 151–169.
5. Kibalnik, S.A. (2020) Nabokov's Novel "The Real Life of Sebastian Knight" As the Hybrid Dostoevsky's Hypertext (Article II). *The New Philological Bulletin*. 2 (53). pp. 185–192. (In Russian).
6. Meyer Priscilla. (2020) *Nabokov i neopredelennost'. Sluchay "Istinnoy zhizni Sebast'iana Nayta"* [Nabokov and Indeterminacy. The Case of the Real Life of Sebastian Knight]. Saint Petersburg: Academic Studies Press.
7. De Vries, G. (2016) *Silent Love. The Annotation and Interpretation of Nabokov's The Real Life of Sebastian Knight*. Boston: Academic Studies Press.
8. Kibalnik, S.A. (2023) Cryptopoetics of V. Nabokov's Novel "The Real Life of Sebastian Knight". *The Problems of Historical Poetics*. 1. pp. 217–235. (In Russian).
9. Buks, N. (1998) *Eshafot v khrustal'nom dvortse. O russkikh romanakh Vladimira Nabokova* [Scaffold in the Crystal Palace. About Russian Vladimir Nabokov's novels]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Gracheva, Zh.V. (2020) [Semantic analysis of olfactory vocabulary (based on the work of V. Nabokov)]. *Rusistika: vchera, segodnya, zavtra: XXXVIII Raspopovskie chteniya* [Russian Studies: Yesterday, Today, Tomorrow: XXXVIII Raspopov Readings]. Proceedings of the International Conference. Voronezh: NAUKA-YUNIPRESS. pp. 48–58. (In Russian).
11. Nabokov, V.V. (2006, 2002) *Russkiy period. Sobranie sochineniy v 5 tomakh* [Russian Period. Collected Works in 5 Volumes]. Vols 3, 4. Saint Petersburg: Simpozium.
12. Dolinin, A. (1991) Posle Sirina [Afer Sirin]. In: Nabokov, V. *Romany: Istinnaya zhizn' Sebast'iana Nayta; pnin; Prosvechivayushchie predmety* [Novels: The Real Life of Sebastian Knight; Pnin; Translucent Things]. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. pp. 5–14.
13. Nabokov, V.V. (2004) *Amerikanskiy period. Sobranie sochineniy v 5 tomakh* [American Period. Collected Works in 5 Volumes]. Translated from English. Vol. 1. Saint Petersburg: Simpozium.
14. Turgenev, I.S. (1979, 1981, 1981, 1982) *Polnoe sobranie sochineniy i pisem v tridsati tomakh* [Complete Workd and Letters in 30 Volumes]. Vol. 3, 7, 8, 10. Moscow: Nauka.
15. Volkov, I.O. (2017) Italian Text in I.S. Turgenev's "Torrents of Spring" (1871). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 418. pp. 5–13. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/418/1
16. Nabokov, V.V. (2016) *Lektsii po russkoy literature* [Lectures on Russian Literature]. Saint Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus.
17. Barabtarlo, G. (2011) *Sochineniya Nabokova* [Writings by Nabokov]. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Ivana Limbakh.
18. Hansen-Löve, A.A. (2000) Estetika "kaliptiki". Apollinskije kontseptsii v metafizicheskoy poetike Nabokova ["Calypitic" Aesthetics. Apollinian Concepts in Nabokov's Metaphysical Poetics]. *Revue des études slaves*. 72 (3-4). pp. 311–317.
19. Cherkasov, V.A. (2009) Polemika V.V. Nabokova s V.F. Khodasevichem – pushkinistom v esse "Pushkin, ili pravda i pravdopodobie" [V.V. Nabokov's polemic with V.F. Khodasevich, a researcher of Pushkin, in the essay "Pushkin, or the Real and the Plausible"]. *Russkaya literatura*. 3. pp. 188–201.
20. Chubrakova, Z.A. (2013) [Turgenev in Reception by V. Zaitsev ("The Life of Turgenev") and A. Remizov ("The Fire of Things. Dreams and Presleep")]. *I.S. Turgenev: russkaya i natsional'nyye literatury* [I.S. Turgenev: Russian and national literatures]. Proceedings of the International Conference. 26–28 October 2013, Erevan: Lusabats. pp. 715–730. (In Russian).
21. Zaytsev, B.K. (1999) *Sobranie sochineniy: V 5 t.* [Collected works: In 5 volumes]. Vol. 5. Moscow: Russkaya kniga.
22. Aleksandrov, V.A. (2003) Turgenev, Ivan Sergeevich (1818–1883). *Literaturnaya entsiklopediya russkogo zarubezh'ya (1918–1940)*. 4 (3). pp. 130–145. (In Russian).
23. Remizov, A.M. (2002) Akhru. Turgenev-snovidets. Tridsat' snov [Akhru. Turgenev the Dreamer. Thirty Dreams]. In: Remizov, A.M. *Sobranie sochineniy* [Collected works]. Vol. 7. Mscow: Russkaya kniga. pp. 262–304.
24. Aykhenvald, Yu. (1908) *Siluety russkikh pisateley* [Silhouettes of Russian Writers]. Issue 2. Moscow: Izdanie "Nauchnogo Slova".
25. Toporov, V.N. (1998) *Strannyi Turgenev (Chetyre glavy)* [Strange Turgenev (Four Chapters)]. Moscow: RSUH.
26. Khodasevich, V.F. (1997) *Sobranie sochineniy: V 4 t.* [Collected works: In 4 volumes]. Vol. 4. Moscow: Soglasie.
27. Bitsilli, P. (1932) Bor. Zaytsev. Zhizn' Turgenyeva. Parizh, 1932 [Bor. Zaitsev. Life of Turgenev. Paris, 1932]. *Sovremennye zapiski*. 48. pp. 475–477.
28. Virolaynen, M. (2002) Angloyazychie Nabokova kak inobytiye russkoy slovesnosti [Nabokov's English Language as the Otherworld of Russian Language]. In: *V.V. Nabokov: pro et contra*. Vol. 2. Saint Petersburg: RCHI. pp. 261–269.
29. Volkov, I.O. (2023) "The Scarlet "etter" by Nathaniel Hawthorne in the Creative Mind of Ivan Turgenev: from Reading to Explication. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal – Siberian Journal of Philology*. 1. pp. 102–115. (In Russian). doi: 10.17223/18137083/82/7
30. Nabokov, V.V. (1996) *Novels and Memoirs 1941–1951*. New York: Literary Classics of the United States.

Информация об авторах:

Дроздова А.О. – канд. филол. наук, научный сотрудник, старший преподаватель кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: an.o.droz@gmail.com

Семенова М.А. – студент, лаборант-исследователь кафедры языкознания и литературоведения Тюменского государственного университета (Тюмень, Россия). E-mail: ma.a.semenova@utmn.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.O. Drozdova, Cand. Sci. (Philology), research fellow, senior lecturer, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: an.o.droz@gmail.com

M.A. Semenova, student, laboratory assistant, research fellow, University of Tyumen (Tyumen, Russian Federation). E-mail: ma.a.semenova@utmn.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 13.10.2023;
одобрена после рецензирования 29.10.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 13.10.2023;
approved after reviewing 29.10.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья
УДК 821.161.1-1
doi: 10.17223/15617793/498/4

«Грачевский страус»: А.М. Горький и его издательское окружение в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца»

Владимир Викторович Колчанов¹

¹ Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина, Тамбов, Россия
vla-kolchanov@yandex.ru

Аннотация. Анализируются отношения М.А. Булгакова и А.М. Горького. На материале повести «Роковые яйца» показаны причины отчуждения художников. Описывается издательско-типографское окружение Горького. Изыскивается предполагаемое место пребывания Горького после возвращения из эмиграции, вскрываются исторический, социально-экономический и политический подтексты, затрагивающие поездки писателя по «обновляющейся стране» летом 1928 г. Пересматривается атрибуция: доказывается, что текст, датированный октябрём 1924 г., перерабатывался в 1930-е гг.

Ключевые слова: Горький, Сталин, фельетон, карикатура, мистификация, первая антиалкогольная кампания, «Смоленское дело», первый колхоз-гигант, «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе»

Для цитирования: Колчанов В.В. «Грачевский страус»: А.М. Горький и его издательское окружение в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 27–36. doi: 10.17223/15617793/498/4

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/4

“Grachevsky ostrich”: Maxim Gorky and his publishing environment in *The Fatal Eggs* by Mikhail Bulgakov

Vladimir V. Kolchanov¹

¹ Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russian Federation, vla-kolchanov@yandex.ru

Abstract. The aim of the article is to analyze the relationship between Mikhail Bulgakov and the “first proletarian writer” Maxim Gorky since the return of the latter from emigration in 1928. For various reasons, these relations in literary studies have not been fully identified and the points of contact and repulsions in them have not been established. Meanwhile, Bulgakov’s views on “Gorky as a man” and his role in the social process of the epoch, reflected in his works, can contribute to solving the problem of the artists’ mutual alienation. Therefore, the work uses not only biographical and historical-cultural methods, but also socio-economic and political commentaries. The material is the novel *The Fatal Eggs* and a feuilleton-like fragment from it. The study shows Gorky’s activities during his trips to the “renewing” country in the summer of 1928, describes the underground publishing and printing environment before the revolution and the publishing environment in the first two five-year plans of the national economy’s collectivization and industrialization. From the allusions of the story, using examples of historical and literary facts and information from the periodical press (the central newspapers *Izvestia* and *Pravda*), the alleged place of Gorky’s stay in Moscow in the summer of 1928 is sought, and the historical, socio-economic and political subtexts of the work are revealed: the first anti-alcohol campaign; the first demonstrative purges of the grassroots party apparatus and the lower management level in agriculture, industry and law enforcement agencies; the first experiment to create a giant collective farm in Smolensk province; the first public judicial and political trial – “The Case of the Economic Counter-Revolution in Donbass” (the so-called “Shakhty case”); the first plan for the construction of refrigerators in the country with a description of the structure of the “egg chamber”. These real events turn out to be encrypted in the story and represent allegories, attributive arguments and mystification at the same time: fantastic incidents in April–August 1928, allegedly seen from 1924. It is concluded that the work, traditionally considered by literary criticism as a response-satire on the death of Vladimir Lenin, changes in the country after the October and written in October 1924, was revised by Bulgakov in the 1930s. The revision was carried out for several reasons: the writer’s failed attempt to go abroad in the spring and summer of 1930 due to increased harassment by writers’ organizations and Stalin’s personal order to the talented writer to create a myth about a hero in the story, who will unexpectedly appear and save everyone at the time of the death of humankind mired in sins. The revision was facilitated by the coincidence of Stalin’s and Bulgakov’s aesthetic views and literary and genre preferences.

Keywords: Gorky, Stalin, feuilleton, caricature, hoax, first anti-alcohol campaign, “The Smolensk Case”, first giant collective farm, “The Case of the Economic Counter-Revolution in Donbass”

For citation: Kolchanov, V.V. (2024) "Grachevsky ostrich": Maxim Gorky and his publishing environment in *The Fatal Eggs* by Mikhail Bulgakov. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 27–36. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/4

О личных отношениях двух самых крупных писателей советской эпохи А.М. Горького и М.А. Булгакова, чей расцвет творчества пришелся на 1920–1930 гг., написано очень мало [1, 2]. Не лучшим образом обстоит дело и с исследованием философских и художественных параллелей в текстах у художников [3–10]. В истории русской литературы нахождение и оценка связей писателей-современников представляет до конца не решенную проблему. Трудности ее решения связаны с разностью происхождения и воспитания писателей, различием их политических, социальных и экономических взглядов, отсутствием личных встреч. Обращаясь к немногочисленным фактам их контактов – эпистолярному наследию, – можно констатировать, что «пролетарский» писатель в период возвращения из эмиграции к творчеству Булгакова охладел [11. С. 62, 109, 144, 191, 255, 291, 294, 303, 330, 370, 406, 446]. Чтобы понять отношение М.А. Булгакова к основателю нового творческого метода социалистического реализма и организатору I съезда советских писателей, фавориту двух руководителей Советского государства В.И. Ленина и И.В. Сталина Горькому, следует решить задачу другого свойства: обратиться непосредственно к творчеству Булгакова и проанализировать фрагмент фельетонного характера из сатирической повести «Роковые яйца», которую Горький в 1924 г. прочитал и похвалил. В ходе исследования возникла гипотеза, которая потребовала доказательств: отрывок в форме фельетона Булгаков вставил значительно позже 1924 г. Возникла карикатура на именитого современника, сделавшегося апостолом нового режима.

Не только Горький оказался в центре сатиры. Не обошел Булгаков в фельетоне и ближайшее издательское окружение «буревестника революции», возглавлявшее подпольную большевистскую печать до революции, – Ивана Ивановича Скворцова-Степанова (1870–1928), «патриарха безбожников» и «святого Иоанна», как «звали его в шутку» друзья [12. С. 193, 205], автора революционного «Манифеста» «Ко всем гражданам Москвы!» и бессменного редактора газеты «Известия» [13]; Михаила Степановича Ольминского (1863–1933), «рыцаря большевизма» [14], доверенного лица Ленина по партийным вопросам в газете «Правда» и редактора газеты «Социал-демократ» и Вадима Николаевича Подбельского (1887–1920), первого наркома почт и телеграфов.

В 1925 г., когда с повестью познакомились первые читатели, карикатура на видных большевистских агитаторов и пропагандистов в печати не могла появиться. Первоначальный вариант повести был другим, судить о нем сегодня невозможно. М. Горький, находясь за границей, «Роковые яйца» читал явно в первоначальной редакции, иначе наверняка бы узнал в сатире себя и свое окружение и не высказал бы восторга. В письме к М.Л. Слонимскому 8 мая 1925 г. он, по сути дела, подарил Булгакову перипетию повести: «Булгаков очень понравился мне, очень, но

он сделал конец рассказа плохо. Поход пресмыкающихся на Москву не использован, а подумайте, какая это чудовищно интересная картина!» [11. С. 109]. Старейший большевик И.И. Скворцов-Степанов, обладая в 1925 г. реальной властью, не допустил бы публикации повести в ее современном виде. Примечательно, что № 6 альманаха «Недра» за 1925 г., где повесть впервые полностью была напечатана, был арестован, скрыт в спецхранах, сама повесть выклеена, а в оглавлении сборника название вытравлено или зачищено лезвием. Неосведомленные читатели, заказывающие фото пленки этого номера в фильмофонде, не подозревали, что «Роковые яйца» в номере когда-то существовали: фотокадры тщательно скрывали содержание. В 2017 г. фильмофонд РГБ был частью аннулирован, частью реконструирован, печатные номера ушли в книгохранилище с открытым доступом, и манипуляции стали заметны. В этом убедится каждый, кто полистает экземпляры 6-го номера «Недр».

Сборник «Дьяволиада» 1925 г. издательства «Недра» («Мосполиграф»), номера журнала «Красная Панорама» (где повесть в сокращенном варианте под названиями «Луч жизни» и «Роковые яйца» была напечатана) и книга «Роковые яйца» (1928) рижского издательства «Литература» выглядят как новые. Это представляется странным: «Роковые яйца» пользовались большим читательским успехом и даже в 1930 г. оставались одним из наиболее спрашиваемых произведений в библиотеках» [15. С. 617].

Поэтому для того, чтобы увидеть процесс мистификации, протянувшийся на много лет и представивший повесть в таком виде, в каком она сегодня является читателям, обратимся к этому фрагменту. Он свидетельствует о длительной работе над повестью после 1924 г.

В фельетоне описывается реакция газетчиков на первую корреспонденцию о начале катастрофы в Смоленской губернии в 1928 г.:

В ночной редакции газеты «Известия» ярко горели шары, и толстый выпускающий редактор на свинцовом столе верстал вторую полосу с телеграммами «По Союзу республик». Одна гранка попала ему на глаза, он всмотрелся в нее через пенсне и захохотал, созвал вокруг себя корректоров из корректорской и метранпажа и всем показал эту гранку. На узенькой полоске сырой бумаги было напечатано:

Грачевка, Смоленской губернии. В уезде появилась курица величиною с лошадь и лягается как конь. Вместо хвоста у нее буржуазные дамские перья.

Наборщики страшно хохотали.

– В мое время, – заговорил выпускающий, хихикая жирно, – когда я работал у Вани Сытина в «Русском слове», допивались до слонов. Это верно. А теперь, стало быть, до страусов.

Наборщики хохотали.

– А ведь верно, страус, – заговорил метранпаж, – что же, ставить, Иван Вонифатьевич?

– Да что ты, сдурел, – ответил выпускающий, – я удивляюсь, как секретарь пропустил, – просто пьяная телеграмма.

– Попраздновали, это верно, – согласились наборщики, и метранпаж убрал со стола сообщение о страусе.

Поэтому «Известия» и вышли на другой день, содержа, как обыкновенно, массу интересного материала, но без каких бы то ни было намеков на **грачевского страуса** (выделено мною. – В.К.) [16. С. 103–104].

Сатирическому выпадку подвергались сразу четыре названных выше «старых большевика», связанных с подпольной большевистской печатью в дореволюционной России и с типографией газеты «Русское слово» в издательстве И.Н. Сытина: И.И. Скворцов-Степанов, М.С. Ольминский, В.Н. Подбельский и А.М. Горький.

Все четверо последовательно представлены под образами «выпускающего», «секретаря», «пропустившего» «пьяную телеграмму», «метранпажа» и автора «пьяной телеграммы». Первый, выведенный под именем Ивана Вонифатьевича (обыгрывающем, вероятно, словосочетание «вонь фатальная»), в роковой для страны 1917 г. был толст, носил пенсне и занимал должность помощника редактора в типографии газеты «Русское слово». 1 марта 1917 г. И.И. Скворцов-Степанов с ближайшими соратниками по партии Р.Э. Землячкой и М.С. Ольминским «в грузовике с солдатами» прибыл во ««владения» издателя Сытина» и «в верхнем этаже дома, где находились наборное и машинное отделения» [17. С. 77], принял руководство газетой «Известия Московского Совета». А «когда в Москве раздались первые октябрьские выстрелы», «сначала в Замоскворечье, в маленькой студенческой столовой Коммерческого института <...> а затем в небольшой комнате типографии Сытина» стал готовить «обращения и воззвания» к населению [17. С. 93–94.].

Второй «захватчик» типографии Сытина М.С. Ольминский двумя сутками ранее, 27 февраля 1917 г., «себя объявил редактором газеты» «Социал-демократ», «тотчас же усевшись готовить передовицу» [17. С. 277]. Располагались издательства газет «Известия» и «Социал-демократ» друг подле друга: и позже, когда Скворцов-Степанов редактировал «Социал-демократ» в связи со срочным вызовом Ольминского 5 марта по распоряжению Ленина в Петроград для возобновления работы газеты «Правда» [17. С. 278], и в то время, когда оба издательства перевели в «здание Капцовского начального училища в Леонтьевском переулке (теперь улица Станиславского)» «в дом № 19» [17. С. 79], и когда в Москве началась Октябрьская революция.

Доказательством, насколько Ленин доверял партийную организацию печати Ольминскому, фактически объявив его своим секретарем по газете «Правда», может служить тот факт, что «Постановлением ЦК лично Ольминскому в конце 1913 г. было дано право приостанавливать печатание полемических статей и посылать их на консультацию В.И. Ленину, даже если за их публикацию выступало большинство редакции» [14. С. 21]. Имел Ольминский и административные полномочия: именно по его решению секретарем МК

Эту «компанию» подпольщиков – Скворцова-Степанова, Ольминского, Подбельского – Булгаков, вероятнее всего, и имел в виду. Помогает выявить присутствие Горького в процитированном фрагменте «Роковых яиц»

была назначена Р.Э. Землячка, в то время как сам он определил себе скромный пост редактора «Социал-демократа» [17. С. 277].

Третьим участником налета на типографские мощности Сытина был В.Н. Подбельский, «член МК и руководитель его издательского дела, ответственный за выход и распространение “Социал-демократа” с самого первого номера, с марта 1917 года» [17. С. 292]. В дни вооруженного восстания в октябре 1917 г., писал В. Жуков, Подбельский «начал печатать номер на Пятницкой, в огромной типографии Сытина, такой знакомой еще с тех пор, когда был штатным сотрудником сытинского же “Русского слова”» [17. С. 293]. Именно он

лучше других знал – и по работе среди печатников, особенно сытинцев, и по собственному сотрудничеству в «Русском слове». Не бумага главное, а влияние того же «Русского слова» в стране: **что ни зайдет, поверят. А загигать там умеют, и оперативностью могут помериться хоть с американцами, такой второй корреспондентской сети, как у сытинской газеты, в России ни у кого нет...** (выделено мною. – В.К.)» [17. С. 305]

После победы восстания в Москве Скворцов-Степанов, принявший активное участие в расстановке политических сил на издательском олимпе, поддержал кандидатуру В.Н. Подбельского, выдвинутую основателем известного движения безбожников в стране Е.М. Ярославским и старинным тамбовским товарищем Подбельского Г.Н. Усиевичем на пост народного комиссара по делам почт и телеграфа РСФСР. Подбельскому, работавшему ранее в газете «Русское слово» в качестве метранпажа (как называлась в дореволюционное время должность старшего наборщика), предстояла участь закрыть это издание: по мнению Военно-революционного комитета, «в Московском отделении Петроградского телеграфного агентства засели саботажники, они искажали смысл телеграмм, распускали антисоветские сплетни одну другой нелепее», а газета «Русское слово» «как бы нарочно, подбирала такие сообщения из провинции, которые дискредитировали советскую власть» [18].

Четвертого участника печатного подполья из сытинского издательского дома – А.М. Горького – в процитированном фрагменте труднее разглядеть. Он не принимал участия в революционном захвате империи Сытина, но на основе некоторых фактов можно предположить, что автором «пьяной телеграммы» о «грачевском страусе» стал именно Горький. Горький активно сотрудничал с И.Н. Сытиным, всю зиму жил в его имении Берсеневке под Москвой и даже

обсуждал вопросы участия Сытина в работе издательства «Знание» (фактически большевистского) и реорганизацию сытинской газеты «Русское слово» (Горький собирался захватить руководство этой газетой, «подобрав небольшую, хорошо дисциплинированную компанию») [19].

и такой факт из жизни Скворцова-Степанова: «красный митрополит» был близким другом Горького и самым горячим сторонником его возвращения в СССР. По воспоминаниям А.В. Луначарского, «именно он провожал

вместе с тов. Халатовым Алексея Максимовича от границы в Москву. Оберегал он его, как мать больного ребенка, и был до высшего пункта счастлив горячей встречей, которую Москва оказала любимому писателю, настроением самого Горького и т.д.» [20. С. 7]

Наконец, на присутствие Горького в тексте повести обращает внимание деталь: «буржуазные дамские перья». Можно предположить, что в этой фразе (за раз делом «Известий» «По Союзу республик») Булгаков представил процесс создания «заведомо ложного» цикла очерков Горького «По Союзу Советов», задуманного давно и написанного после приезда в СССР в конце мая 1928 г.

По официальным данным, 16 июня пролетарский писатель побывал в редакции газеты «Известия», включился в ее работу и летом того же года посетил многие места СССР: «Курск, Харьков, Куряжскую колонию имени М. Горького, руководимую А.С. Макаренко, Днепрострой, Ялту, Симферополь, Донецкий бассейн, Баку, Тбилиси, Ереван, Сталинград, Казань, Н. Новгород и Ленинград». Об этом времени Горький впоследствии писал:

Книжка напомнила мне один из счастливейших дней моей жизни. Тогда, в 28 г., я приехал в Союз после шестилетней жизни за границей, где наблюдал, как линяют павлиньи перья буржуазной культуры, как загнивает мелкая и крупная буржуазия, растрепанная войной (выделено мною. – В.К.) [21. С. 354].

Эти его слова были оформлены семь лет спустя как письмо работнице фабрики «Красная роза» И.А. Рыбаковой от 30 января 1935 г., написанное по поводу ее книги «Другие дни» (М., 1934).

Датировка булгаковской повести – 1924 г., – таким образом, является мистификацией.

Но могла ли литературно-хронологическая мистификация существовать без политической? Почему именно о никому не известной смоленской Грачевке сообщается в телеграмме «пьяного» корреспондента? Ведь городка с таким названием на Смоленщине никогда не существовало.

По-видимому, это произошло потому, что, во-первых, сама телеграмма была «пьяная» и, следовательно, искажала название единственного населенного пункта на Смоленщине с похожим звучанием – Грачево, во-вторых, она подает ключ к шифру, к домыслу, скрывающемуся за советскими легендами и мифами.

Иными словами, в эзоповом плане, Булгаков, скорее всего, вновь высмеивал Скворцова-Степанова¹, а точнее, его лучшего друга и «идеального товарища» [23] – Горького. И не в смоленское Грачево, а в деревню и усадьбу Ховрино, или московскую Грачевку, названную так по фамилии последнего владельца имения купца М.С. Грачева.

Московская Грачевка до революции было местом знаменитым. Там самым причудливым образом обжились дачный поселок, ставший с последней четверти XIX в. излюбленным местом отдыха писателей и художников, уникальная «Ховринская лечебница» («приют») для «неизлечимо больных» (как тогда называли хронических больных) Московского губернского земства и дворец, построенный по образцу известного игорного дома Монте-Карло². Вероятно, и представил

сатирик знаменитого пролетарского очеркиста алкоголиком, «напившимся до страусов» и выбравшим необычный способ творческого амплуа – поработать в дорожном жанре, отдохнув предварительно в бывшем месте «приюта призрения» и «игорного курорта». А.М. Горький выпить любил: известно, что в его новом доме – особняке С.П. Рябушинского у Никитских ворот – в 1932–1933 гг. собирались писательские совещания-сабантуи, на которые приезжал сам Сталин [24; 25. С. 221–235].

Горький мог бывать в Грачевке и раньше (как многие русские писатели до революции), тем более после своего помпезного возвращения в 1928 г. из-за границы: там его ожидал сюрприз – в грачевском дворце тогда же неожиданно открылся санаторий закрытого типа. Писатель, как известно, страдал недиагностируемыми легочными заболеваниями – туберкулезом, плевритом, энфиземой и другими, много курил [26], а новое закрытое медицинское учреждение предназначалось для людей, нуждающихся в поддержании иммунных процессов в организме, и занималось физиотерапией.

Действительно, в подшивке газеты «Известия» с мая по август 1928 г. обнаруживаются странные факты. Прибытие Горького в Советский Союз освещалось достаточно подробно: фиксировались встречающие, остановки поезда, описывались митинги в Белоруссии и Москве, книжные выставки, организуемые в столице в честь писателя, экскурсии в Большой театр, на заводы, во Всесоюзную библиотеку имени В.И. Ленина, посещение редакции газеты «Известия» на Тверской и т.д. Но поездки писателя по Союзу Советов отражались скупо, в форме коротких телеграмм и походили на сводки погоды. И это в газете, где работал редактором его ближайший друг и одновременно директор института В.И. Ленина Скворцов-Степанов.

Таким образом, возможно, что в метафоре «грачевский страус» содержался намек на тайную операцию НКВД по укрыванию Горького в Грачевке. Внешне Горький походил на страуса: в профиль он напоминал птицу песчаных пустынь. Операция проводилась под непосредственным руководством тогдашнего главы НКВД Г.Г. Ягоды, с которым писатель поддерживал теплые дружеские и родственные отношения. Во время знаменитого путешествия на Соловки (Соловецкий лагерь особого назначения) в 1929 г., от которого Ягода под благовидным предлогом отказался, пролетарский писатель не смог спрятаться за спину всемогущего руководителя НКВД и предпочел не видеть правду. У Булгакова его поведение могло ассоциироваться с поведением страуса, прячущего голову в песок, и сатирик не упустил возможности нарисовать гротескный портрет.

Первый из исправительно-трудовых лагерей Советского Союза был образован в 1923 г. и носил название-аббревиатуру СЛОН. Поэтому фраза из отрывка повести может читаться по-другому: «– В мое время, – заговорил выпускающий, хихикая жирно, – когда я работал у Вани Сытина в “Русском слове”, допивались до слонов. Это верно. А теперь, стало быть, до страусов» [16. С. 104].

В скрытом карикатурном плане Скворцов-Степанов и Горький могли предстать в повести еще и как «ораторы на две темы – международное положение и вопрос о Доброкуре» из «города Грачевки», с которыми «целый день» «созванивался» в главе 8 «История в совхозе» А.С. Рокк.

С «международного положения» начинался любой номер «Известий» (за исключением единственного номера 123 от 29 мая с его передовицей «Максим Горький в СССР»). Скворцов-Степанов редактировал «Известия» до своей смерти осенью 1928 г. А вот тема выступления в «городе Грачевке» второго оратора – «Вопрос о Доброкуре», возможно, перекликается со знаменитым очерком Горького «Городок Окуров». Своим очерком о СЛОНе «Соловки», написанном в 1929 г., писатель давал «добро» всей внутренней политике Сталина.

В 1936 г. не останется в живых никого из четырех старых большевиков сытинского призыва. В 1937 г. репрессируют исполнителей возможной секретной операции под кодовым названием «Грачевский страус»: шефа НКВД Г.Г. Ягоду в 1937 г. арестуют и в 1938 г. расстреляют; следующего после Скворцова-Степанова – редактора «Известий» И.М. Гронского³, выезжавшего в Кёльн на Выставку достижений печати с целью уговоров Горького вернуться на родину, в 1937 г. отправят до начала «хрущевской оттепели» в ГУЛАГ⁴. Видного большевистского деятеля Я.С. Ганецкого (Фюрстенберга), встречавшего со Скворцовым-Степановым Горького на границе СССР, расстреляют в 1937 г. «по подозрению в шпионаже в пользу Польши и Германии» [28]. Председатель Госиздата А.Б. Халатов, «проводивший Горького от границы в Москву» и сопровождавший Горького в поездке по Союзу Советов летом 1928 г., будет репрессирован: в 1937 г. его исключат из партии, а в 1938 г. расстреляют. Остается предполагать, что Булгаков мог получить информацию о месте пребывания Горького в Москве по возвращении на родину только от «тайного друга», каким явился для него с момента известного телефонного разговора И.В. Сталин.

О чем писала газета в период возвращения Горького в страну и посещения им республик СССР в разделе «По Союзу республик»? Нам думается, этот второй, политический уровень внутренней жизни страны тоже имел в виду Булгаков в повести, говоря о «пьяной телеграмме» из Смоленской области. С середины мая 1928 г. под рубрикой «По Союзу республик» начали печататься материалы «Смоленского дела» о чистке партийно-административного аппарата Смоленской области. 9 мая по результатам работы на Смоленщине девяти комиссий из Москвы ЦК и ЦКК выпустили «известное постановление» о «Положении смоленской организации», а через 10 дней, 19 мая, от ЦК и ЦКК в Смоленск прибыл член ЦКК и замнаркома РКИ тов. А. Яковлев (будущий нарком земледелия, выступивший в повести в образе Птахи-Поросюка⁵) и вечером на фабрике «Катушка» организовал расширенный пленум губкома и губ. КК, который закончился 20 мая в 3 часа утра.

Прибытие столь высокого гостя и неожиданный сбор пленума зачинал события, которые станут в масштабах всей страны началом коренного перелома

народного хозяйства под руководством И.В. Сталина. Доклад был напечатан в «Известиях», и вся страна услышала о невиданном разложении партийной и производственной дисциплины: принудительном сожительстве на заводах и предприятиях мастеров участков, членов волысполкомов, секретарей партийных и комсомольских ячеек, начальников райотделов милиции с подчиненными им женщинами, проведением в руководство кулаков и бывших помещиков, многочисленных растратах денег и хищениях социалистической собственности, круговой поруке при сокрытии преступлений и др.

Из этого доклада Булгаков, надо заметить, мог почерпнуть название деревни Концовка близ усадьбы Шереметева в «Роковых яйцах», в которой «взвыли собаки»: «Секретарь концовского волкома, – назвал в числе прочих безобразий на расширенном пленуме губкома и губКК А. Яковлев, – виновный в отравлении граждан, остается безнаказанным» [30].

Но самой большой бедой в Смоленской губернии стало, как видно из речи т. Яковлева, массовое пьянство. Поэтому начиная с 24 мая (с № 119) газета на 4-й полосе регулярно печатала серию статей под заголовком «Смоленское дело», где в каждом номере обрушивалась, в первую очередь, на пьянство управленцев из разных сфер народного хозяйства.

Прочитываем лишь одну из публикаций о пьянстве, учитывая, что колонка «По Союзу республик» со «смоленским делом» размещалась в тех же номерах и даже полосах, где давалась информация о приезде Горького:

«31 мая». «По Союзу республик»: «Смоленское дело»: «Безобразия в типографии имени Смирнова»:

СМОЛЕНСК, 30 мая. (Роста). Третий вечер продолжается собрание рабочих типографии имени Смирнова, посвященное «смоленскому делу». На собрании выявился ряд безобразий и преступлений, имевших место в типографии. Выявились факты вопиющей безхозяйственности и беспробудного пьянства руководителей типографии вместе с ячейкой и фабзавкомом, которые совершенно не считались с интересами рабочих и покрывали свои и чужие преступления, решая все дела по-семейному. При выдаче заработной платы рабочих систематически обсчитывали, женщин принуждали к половой связи и т.д.

Над газетой «Рабочий путь» был установлен своеобразный контроль; заведующий газетным отделением Лобанов получил от директора типографии Постоева, бывшего офицера, приказ давать ему на просмотр все заметки, касающиеся типографии, сданные редакцией в набор. Были даже случаи, когда из сверстанных полос газеты заметки, говорящие о безобразиях в типографии, выбрасывались и заменялись другими [31].

Здесь же, в рубрике «По Союзу республик» читатель ознакомился с информацией о Горьком. Под заголовком «Горький в Москве» расписывался план мероприятий: вечером 31 мая присутствие «на специально созываемом расширенном пленуме Московского Совета в Большом театре» с просмотром фильма «Мать», 1 июня «посещение завода АМО», знакомство «с работой Моссовета», «2 июня утром знакомство с музеем своего имени при Всесоюзной Ленинской библиотеке», 3 и 4 июня отдых за городом, «с 5 июня посещение ряда предприятий», встречи с московскими рабочими, 9 июня Горький «принимал приглашение» на «объединенное заседание президиумов вместе с рабочими активистами» «общества Долой Неграмотность».

Под отдельным заголовком говорилось, что «30 мая А.М. Горький в сопровождении членов комиссии Халатова А.Б., Ганецкого Я.С. осматривал дом отдыха в “Узком” под Москвой, находящийся в ведении ЦЕКУБУ» [32]. Следующий номер газеты от 1 июня, на 2-й полосе в заметке «Горький в Москве» сообщал о посещении писателем Большого театра, а на 4-й полосе в рубрике «По Союзу советов» вновь печаталась «пьяная» корреспонденция, достойная пера самых острых фельетонистов. На целой полосе разыгрывалась настоящая вакханалия [33].

Нет ничего удивительного, что в газету «Известия» из «Роковых яиц» могла проскочить «пьяная телеграмма» о «грачевском страусе», и выпускающий редактор вычеркнул ее, зная о потоке телеграмм, описывающих поголовное пьянство в Смоленской губернии.

Алкоголизм всегда был бедствием для страны. Тем более обострился он на фоне тяжелого экономического положения, связанного с последствиями Гражданской войны. Правительство вынуждено было включить его наряду с эпидемиями, туберкулезом, венерическими заболеваниями, недостатком питания и рахитом в число так называемых «социальных болезней» общества [34]. Борьбу с алкоголизмом отнесла к одной из приоритетных своих задач РОКК – Российское общество Красного Креста, в июне 1928 г. РОКК приняло непосредственное участие в первых химических военно-воздушных учениях РККА и Осоавиахима. Произошли учения в период приезда Горького в Москву, о чем в специальной статье под заголовком «Итоги воздушно-химического учения» 6 июня сообщали «Известия» [35].

Это историческое событие – решительный поворот государственной политики на борьбу с алкоголизмом, аллегорически отраженный в повести, – указывает на то, что первоначальный текст «Роковых яиц», опубликованный в «Недрах», был другим и Булгаков редактировал поход гадов на Москву в 1928 г., привнес туда химическую войну с пресмыкающимися путем атак военно-воздушных эскадрилий с ядовитым газом. Заметим, что фамилия героя, выведшего гадов, восходит к известной здравоохранительной организации РОКК, принявшей впервые участие в военно-химических учениях РККА.

Вскоре процессы, схожие с таким, как «Смоленское дело» (в расследовании которого участвовали помимо 9 комиссий еще около 100 добровольцев – сознательных рабочих из центра), прошли в других областях Союза ССР. В тот момент, когда Горький 8 июня встречался с московскими писателями (4-я полоса: «Горький среди писателей», «М. Горький в “Крестьянской Газете”»), «пьяное дело» завели в Симферополе (4-я полоса, «По Союзу республик»: статья «Безобразия на керченских нефтепромыслах»); 12 июня газета писала «О безобразиях в харьковских трамвайных мастерских», 13 июня – «О разложении среди коммунальщиков Одессы», и т.д. «Патолого-рефлексологическим институтом им. академика Бехтерева» началось проводиться массовое анонимное анкетирование и поиски средств обуздания болезни. Складывается впечатление, что приезд Горького в СССР и поездки по Союзу республик продолжили антиалкогольную кампанию.

Итогом стало Постановление Совета труда и обороны «Ограничение продажи водки в городах и промышленных центрах», опубликованное в газете «Правда» за 18 августа 1928 г. Хотя меры предпринимались заранее: только в Ленинграде, как сообщала «Правда» 2 августа, «закрываются 70 пивных и винных магазинов» и указывался «принудительный ассортимент» в продаже [36]. Отказ от алкоголя и приобщение к чтению народов СССР должны были стать залогом успеха в будущем процессе коллективизации и индустриализации. В сознании народных масс подобные указы всегда отдавались, как говорится, «морозом по коже», и если читать повесть на языке аллегории, уже на следующие сутки после издания Постановления «Ограничение продажи водки в городах и промышленных центрах», «в ночь с 19-го на 20-е августа 1928 г. упал неслыханный, никем из старожилов никогда еще не отмеченный мороз. Он пришел и продержался двое суток, достигнув 18 градусов» [16. С. 114].

После пребывания в Москве известия о Горьком прервались. Последние его остановки фиксируются газетой «Известия» в заметке от 15 июня «Горький у ученых и просвещенцев» и в заметке от 16 июня о пребывании писателя в организуемой редакции журнала «Наши достижения» при Госиздате. Только почти через месяц в 160-м номере от 13 июля газета «Известия» сообщила, что Горький прибыл на Украину: Харьков, Запорожье и Донбасс; 15 июля писатель посетил Ялту, 17 июля – Ливадийский крестьянский санаторий, Алушту, 22 июля – Баку, 24 июля прибыл в Закавказье, 31 июля приехал в Сталинград, 9 августа приплыл на пароходе из Сталинграда на свою «малую родину» – Нижний Новгород.

О последнем, месячной давности, передвижении Горького до прибытия на Украину сообщала и газета «Правда» от 13 июня («М. Горький в Москве»: «Выступление Горького на всероссийском совещании рабочих университетов»; «В “В Красной Нови”»). Первое появление Горького на Украине газета датировала заметкой «М. Горький в Харькове» от 10 июля.

Таким образом, перерыв в освещении поездок Горького (16 июня – 10 июля не сообщалось ни о его передвижениях, ни о встречах, не упоминалось имя) в «Правде» и в самой массовой советской газете «Известия», где работал редактором его лучший друг, заставляет задаться вопросом: где находился в это время писатель, страдающий легочными заболеваниями?

На этот вопрос никогда не будет точного ответа, но о том, что приезд Горького и его очерки освещали перемены внутриполитического курса в стране (не только антиалкогольную кампанию, а начатую чистку народного хозяйства снизу вверх), говорят два факта.

Во-первых, параллельно со «смоленским делом» «Известия» в каждом номере печатали судебные материалы с первого показательного судебного процесса под названием «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе», оставшееся в истории как «Шахтинское дело». 4 июля, согласно газете «Известия», процесс в московском Доме Союзов был закончен, 7 июля в «Известиях» и «Правде» напечатан полуторастраничный «Приговор об экономической контрреволюции в Донбассе», а уже 13 июля рабочие официально встречали Горького на

Украине: поездку на родину, в Нижний Новгород, в личном плане, нужно было заработать: освятить своим присутствием на местах экономических преступлений первый открыто-показательный процесс в Москве.

Во-вторых, в газете «Известия» на момент приезда Горького в Москву был опубликован малоизвестный вариант коллективизации, проходящий мимо истории и принимающий в формате эксперимента крайне гипертрофированный характер. В № 124 за 30 мая 1928 г. после цикла заметок о Горьком («М. Горький в СССР»: «Максим Горький у железнодорожников», «М. Горький в Госиздате», «Пионеры и Горький», «Горький – почетный строитель», «К приезду в Ленинград») была напечатана статья представителя агитпропов ЦК и МК ВКП(б), корреспондента «Известий» и участника строительства первого опытного колхоза-гиганта Я. Бурова (Бурштейн Яков Иосифович) «Четыре месяца работы в опытной волости»⁶, в которой излагались практические результаты идей, высказанных им в ранее вышедшей книге «Деревня на переломе: (Год работы в деревне). М. ; Л. : Госиздат, 1926. 278 с. (В 1930-х гг. книга из библиотек была изъята, а ее экземпляры направлены в Спецхран для фильмокопирования).

В ней освещалась работа первой опытной Издешковской волости, Вяземского уезда, Смоленской губернии⁷. Чтобы булгаковедом увидеть аллегорическую параллель завязавшегося в Концовке ужаса, продолжившегося боями под Вязьмой, и первого опыта по созданию колхоза-гиганта с выехавшими туда двумя представителями центра, приведем фрагменты из статьи. Для сравнения проиллюстрируем их выдержками из текста повести, в которых совпадает место действия с царящей там панической атмосферой.

В ноябре прошлого года, незадолго до созыва XV партсъезда, в вяземском уезде Смоленской губернии была выделена одна из волостей (Издешковская) в качестве волости опытной (выделено мною. – В.К.) <...>

После выделения Издешковской волости в качестве опытной в Москве сформировалось групповое шефское общество, в которую вошли: завод «Динамо», ВСНХ СССР и Свердловский университет. На заводе состоялось под председательством рабочего-динамовца Ф. Нилова совещание о плане работ в деревне.

Решили: добиваться коллективизации волости (всего 6200 крестьянских дворов, 32 тыс. населения, направление хозяйства – льноводное и молочно-животноводческое) и вести работу таким темпом и в таком направлении, чтобы создать в течение ряда лет вместо 6 200 распыленных крестьянских хозяйств объединенный (из ряда районных колхозов) волостной крестьянский колхоз (выделено мною. – В.К.). <...>

Обстановка и постановка всей работы волости в общем через два года оказалась схожей с описанной мною в 1926 г. в книге «Деревня на переломе» (Издание ГИЗ, М., 1926). Тот же отрыв низовых работников и аппарата от населения и от сельского хозяйства, та же картина формального благополучия, казенщины и шаблонной работы, не способной заинтересовать население и вовлечь его в строительство при все растущей активности этого населения.

Нити этого положения вели в Смоленск, где вовсе не сразу вдруг, а годами нарывал «смоленский гнойник». <...>

В эти же первые месяцы работы мы проверили жизнеспособность выдвинутой Октябрем новой формы по работе в деревне – «опытной волости», как переходной ступени к будущим «образцовым волостям», о которых говорил Ильич.

<...> приведу старый, уже общезвестный вывод: деревне одной, без помощи промышленного культурного пролетарского города, не подняться. Эту истину приходится здесь повторять потому, что эта связь и эта помощь идет еще в виде помощи формальной, официальной, не дающей по существу никакой серьезной помощи низовому работнику и не побуждающей его искать пути строительства деревни.

Другой вывод, уже указанный мною в этой книжке: уездный центр не работает так, как надо работать после XV партийного съезда. Работает он, впрочем, много. Уездные работники мечутся, как угорелые, проводят кампанию за кампанией, но вся эта работа идет формально, показанному, без всякой живой мысли, со слабой инициативой (выделено мною. – В.К.) Такая работа также не в состоянии сколько-нибудь серьезно помочь низовому деревенскому работнику и вовлечь все население в работу [38].

Роковые яйца:

– Владимир Ипатьевич, эта анаконда из Смоленской губернии. Что-то чудовищное. Вы понимаете, что этот негодяй вывел змей вместо кур, и, вы поймите, они дали такую же феноменальную кладку, как лягушки! <...> Появились крокодилы и страусы. Части особого назначения и отряды государственного управления прекратили панику в Вязьме после того, как зажгли пригородный лес, остановивший движение гадов [16. С. 108]. <...>

Сообщалось, что эскадрилья аэропланов под Вязьмой действовала весьма удачно, заливая газом почти весь уезд, но что жертвы человеческие в этих пространствах неисчислимы из-за того, что население, вместо того, чтобы покидать уезды в порядке правильной эвакуации, благодаря панике металось разрозненными группами на свой риск и страх, кидаясь куда глаза глядят (выделено мною. – В.К.) [16. С. 111–112].

Есть еще одно дополнительное подтверждение, что повесть могла перерабатываться в 1928–1930 гг. В июльском номере «Правды» за 1928 г. встречается статья Р. Нюрина под названием «Мороз в июле». Хотя она касалась плана строительства первых холодильников в СССР, ее кричащий заголовок и содержание не могли не привлечь читателей, в том числе и Булгакова. В заголовке, как и в самой статье, содержалась информация, которая, возможно, помогла писателю воссоздать фантастические камеры Персикова/Рокка:

...Вот яичная камера, рассчитанная на 99 тонн яиц. При температуре в 0 яйца прекрасно сохраняются в ящиках в течение многих месяцев <...>

По своему механическому оборудованию Новороссийский холодильник первый в Европе, т.к. имеет машины последнего выпуска. Камеры не только снабжены трубами и аппаратами, проводящими в них холод, но и воздухоохладителями для увлажнения и очистки воздуха. Сухой воздух не всегда полезен – особые аппараты устанавливают степень его увлажнения. В течение суток воздух сменяется до трех раз. Наличие всегда свежего воздуха обеспечивает сохранность продуктов, а если к тому же имеются усовершенствованные осоматорные станции, убивающие микроорганизмы, то следует ли сомневаться в том, что яичко, полежавшее в камерах холодильника год, будет таким же свежим, как и в первый день своего появления на свет [39].

Способность впитывать информацию и пропускать ее через свое художественное воображение позволила писателю создать новую, неожиданную развязку в повести. Аллегорическое расползание гигантских колхозов по стране в виде огромных пресмыкающихся и их яиц стало и приемом фантазмагии, и сигналом воз-

мощного наступления сельско-хозяйственного апокалипсиса в стране.

К счастью, этот вариант коллективизации не прошел на пленуме ЦК ВКП(б) 11 июля 1928 г. Была принята резолюция лишь «Об организации новых (зерновых) совхозов». Совхозов-гигантов, подобных описанному Буровым волостному колхозу, было создано в стране в 1928 г. около десятка.

Это был скрытый подтекст «пьяной телеграммы» смоленского корреспондента: начиналась новая эпоха страны, получающая не алкогольное головокружение от НЭПа, а «головокружение от успехов» [40] социалистического строительства, которое ознаменовал приезд А.М. Горького и поездки «пролетарского писателя» по обновляющейся стране. Подобно Андрею Первозванному, до крещения Руси освящающему русскую землю, Горький освящал места для будущей коллективизации и индустриализации. На это намекал М. Булгаков в сатирической повести «Роковые яйца».

Выходит, что после неудачной попытки покинуть родину и разговора 30 апреля 1930 г. по этому поводу с И.В. Сталиным, полное содержание которого неизвестно, начался совершенно новый этап жизни Булгакова. Художник не только получил место режиссера в

крупнейшем театре страны, но и занялся переработкой повести «Роковые яйца». Мы не можем знать, насколько Сталин способствовал возвращению писателя к работе над повестью, но то, что ее новая редакция аллегорически включила в содержание события внутриполитической жизни государства летом 1928 г., становится доказательным. Возвращение Горького из эмиграции для освящения грядущих социально-экономических перемен (первая антиалкогольная кампания, первый эксперимент по созданию колхоза-гиганта с выходом на полную коллективизацию сельского хозяйства, первый показательный судебно-политический процесс над «врагами народа» под громким названием «Дело об экономической контрреволюции в Донбассе») венчались в повести мифом о народном герое, который придет и всех спасет. Его сила модернистски уподоблялась явлению мощной русской очистительной стихии – морозу, приравненному к богу и поставленному на машину легендарной железной империи Рима. Как заказчику Сталину должны были понравиться такие сюжет и финал, понравиться еще и тем, что посвященных было только двое – государь и его придворный писатель, которому первый стал «тайным другом».

Примечания

¹ О поездке в «бобок» еще одного прототипа И.И. Скворцова-Степанова – персонажа повести «Роковые яйца» «репортера Степанова» – см.: [22].

² Бывшая грачевская усадьба сегодня причисляется к одной из аномальных зон Москвы. Действительно, практически на одной территории располагаются церковь Знамения, белоснежное здание дворца, в котором сейчас находится московская областная больница восстановительного лечения, мрачный грачевский парк, а рядом до 2019 г. высилось грандиозное недостроенное здание новой больницы, окруженное кольцами колючей проволоки, – недавнее место тренировок спасателей МЧС, пристанище разного рода бродяг и искателей приключений.

³ «При Гронском тираж “Известий” вырос в четыре раза и перешагнул полтора миллиона экземпляров» (см.: [27]).

⁴ «В 1930-е годы, – пишет М.А. Ариас-Вихиль, – Гронский стал ближайшим доверенным лицом Сталина в области управления культурой и искусством и поначалу возглавлял Оргкомитет Союза Советских писателей (до середины 1933 года, затем на этом посту его сменил Горький)», первым отдав предпочтение термину «социалистический реализм» [25. С. 217–218, 226–227].

⁵ Подробнее о прототипе Птахи-Поросюка, первом народном комиссаре земледелия СССР (1929–1934) Я.А. Яковлеве (Эпштейне) см. в [29. С. 64–66].

⁶ Вторая, более объемная статья Я. Букова «О чем сигнализируют смоленские, рязанские, воронежские и другие дела (Из опыта работы на месте)» была напечатана в № 147 (от 27 июня) газеты «Известия». В ней автор, в частности, заявлял, что «мы идем также неуклонно к серьезнейшей углубленной работе на сети опытных пунктов – «опытных станциях» (опытные волости) во всех отраслях строительства» [37].

⁷ С 1923 г. шло активное объединение волостей вокруг уездных городов, смещение их с уездами, пока в 1929–1930 гг. не произошло их реформирование в районы во главе с районным центром.

Список источников

1. Примочкина Н.Н. М. Горький и М. Булгаков. Из истории отношений // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 1994. Т. 53, № 6. С. 52–63.
2. Михайлова Е.И., Назаров И.А. «Есть только один человек, который их может взять...»: А.М. Горький в истории возвращения М.А. Булгакова дневника и повести «Собачье сердце» (по материалам архива А.М. Горького) // Михаил Булгаков в потоке российской истории XX–XXI вв. : материалы Девятого Междунар. науч. чтений, приуроченных к дню ангела писателя. М., 2019. С. 107–123.
3. Примочкина Н.Н. Контексты фантастической прозы 1920-х гг. (А.М. Горький, М.А. Булгаков и др.) // Литература, культура и фольклор славянских народов. XIII Международный съезд славистов: доклады российской делегации / отв. ред. Л.И. Сазонова. М. : ИМЛИ, 2004. С. 238–247.
4. Борисова Л.М. Инфернально-сатирическое у Горького и Булгакова // Филологические науки. 2009. № 4. С. 46–55.
5. Таланова Е.А. Гештальт «тревога» в идиостиле автора (на материале романа М. Булгакова «Белая гвардия» и романа М. Горького «Мать») // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 2. С. 560–563.
6. Немцев В.И. «Панпсихизм»: Л. Андреев, М. Булгаков, М. Зощенко и другие в контексте философских идей Серебряного века // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2017. Т. 19, № 2. С. 106–111.
7. Гордович К.Д. Смерть персонажа в сюжетах произведений М. Горького, Е. Замятина, М. Булгакова // ActaEruditorum. 2018. № 28. С. 13–18.
8. Борисова Л.М. «Никогда не разговаривайте с неизвестными»: горьковский сюжет в романе М. Булгакова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Филологические науки. 2019. Т. 5 (71), № 4. С. 21–34.
9. Давыдова Т.Т. Россия и Африка в творчестве М. Горького, Е. Замятина, М. Булгакова: к проблеме литературных связей // Acta Eruditorum. 2020. № 33. С. 31–35.
10. Кораблев А.А. Классика и современность в творческом сознании Михаила Булгакова // Семиотические исследования. 2021. Т. 1, № 1. С. 49–60.
11. Булгаков М. Дневник. Письма. 1914–1940 / сост., подг. текста, коммент. В.И. Лосева. М. : Современный писатель, 1997. 640 с.

12. Горев М. Безбожник-большевик (из воспоминаний об И.И. Скворцов-Степанове) // Новый мир. 1928. № 11. С. 193–205.
13. Кадар Е.С. Становление газеты «Известия» под руководством И.И. Скворцова-Степанова // Вестник науки. 2021. Т. 4, № 6 (39). С. 13–19.
14. Амianto Ю.Н. Рыцарь большевизма (О М.С. Ольминском). М.: Госполитиздат, 1960. 32 с.
15. Соколов Б.В. Булгаков. Энциклопедия. М.: Эксмо; Алгоритм, Око, 2005. 831 с.
16. Булгаков М.А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. 751 с.
17. Гвардия Октября. Москва / сост. И.Г. Лупало. М.: Политиздат, 1987. 399 с.
18. Расин Б.И. Комиссар по делам печати // ВикиЧтение. URL: <https://biography.wikireading.ru/292074> (дата обращения: 22.04.2023).
19. Издатель Иван Дмитриевич Сытин – владелец Берсеневки. URL: <https://palindrom.su/izdatel-ivan-dmitrievich-syitin---vladelec-bersenevki> (дата обращения: 22.06.2023).
20. Луначарский А.В. И.И. Скворцов-Степанов // Красная Панорама. 1928. № 45. 9 ноября.
21. Горький А.М. Собрание сочинений: в 18 т. Т. 11. Произведения 1924–1931. М.: Худож. лит., 1962. 360 с.
22. Колчанов В.В. «Тамбов на карте генеральной...»: сатирическая повесть М.А. Булгакова «Роковые яйца» и «куриная история», в сем граде случившаяся, а также в столице и государстве, до и после того // Филологическая регионалистика. 2018. № 1–2. С. 5–20.
23. Горький М. И.И. Скворцов // Известия. 1928. 10 октября.
24. Филатьев Э.Н. Вожди и писатели // Главная тайна горлана-главаря. Ушедший сам. URL: <https://biography.wikireading.ru/hWwxN1q5Cg> (дата обращения: 02.05.2023).
25. Ариас-Вихиль М.А. Ромен Ролан и Максим Горький: историко-функциональные и общественно-политические аспекты литературного диалога (по материалам архива А.М. Горького): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2020. 473 с.
26. Ларинский Н. «...стесненная в своей свободе жизнь...»: История болезни Максима Горького. URL: http://uzrf.ru/publications/istoriya_i_bolezn/nikilay-larinskii-gorkii/?region=420 (дата обращения: 03.05.2023).
27. Мамлеев Дмитрий. Сталин – Грономскому: «Не лезь не в свое дело!» // Известия. 2006. 13 июля.
28. Ганецкий (Фюрстенберг) Яков Станиславович // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ганецкий,_Яков_Станиславович (дата обращения: 17.04.2023).
29. Колчанов В.В. «Троцкисты»: литературно-политический фарс и сатирические средства его выражения в повести М.А. Булгакова «Роковые яйца» // Нефилология. 2018. Т. 4, № 14. С. 60–71.
30. Что происходило в Смоленске? Доклад члена ЦКК и замнаркома РКИ тов. А. Яковлева на расширенном пленуме смоленского губкома и губКК // Известия. 1928. 22 мая.
31. «Смоленское дело»: «Безобразия в типографии имени Смирнова» // Известия. 1928. 31 мая.
32. Горький в Москве // Известия. 1928. 31 мая.
33. В «Смоленском угрозыске» (по телефону от нашего специального корреспондента) // Известия. 1928. 1 июня.
34. Социальные болезни общества // Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. М., 1969–1978. URL: <http://bse.uaio.ru/BSE/2402.htm> (дата обращения: 12.06.2023).
35. Итоги воздушно-химического учения // Известия. 1928. 6 июня.
36. В поход против пьянства // Правда. 1928. 2 августа.
37. Буров Я. О чем сигнализируют смоленские, рязанские, воронежские и другие дела (Из опыта работы на месте) // Известия. 1928. 27 июня.
38. Буров Я. Четыре месяца работы в опытной волости // Известия. 1928. 30 мая.
39. Нюрин Р. Мороз в июле // Правда. 1928. 28 июля.
40. Сталин И.В. Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Правда. 1930. 2 марта.

References

1. Primochkina, N.N. (1994) M. Gor'kiy i M. Bulgakov. Iz istorii otnosheniy [M. Gorky and M. Bulgakov. From the history of relations]. *Izvestiya Rossiyskoy akademii nauk. Seriya literatury i yazyka*. 53 (6). pp. 52–63.
2. Mikhaylova, E.I. & Nazarov, I.A. (2019) [“There is only one person who can take them...”]: M. Gorky in the history of the return of M.A. Bulgakov's diary and story “Heart of a Dog” (based on materials from M. Gorky's archive)]. *Mikhail Bulgakov v potoke rossiyskoy istorii XX–XXI vv.* [Mikhail Bulgakov in the stream of Russian history of the 20th–21st centuries]. Proceedings of the Ninth International. Readings. Moscow. pp. 107–123. (In Russian).
3. Primochkina, N.N. (2004) [Contexts of fantastic prose of the 1920s. (M. Gorky, M. Bulgakov, and others)]. *Literatura, kul'tura i fol'klor slavyanskikh narodov* [Literature, culture and folklore of the Slavic peoples]. Proceedings of the XIII International Congress of Slavists: reports of the Russian delegation. Moscow: IWL. pp. 238–247. (In Russian).
4. Borisova, L.M. (2009) Infernal'no-satiricheskoe u Gor'kogo i Bulgakova [Infernal satiricism in Gorky and Bulgakov]. *Filologicheskie nauki*. 4. pp. 46–55.
5. Talanova, E.A. (2015) Geshtal't “trevoza” v idiostile avtora (na materiale romana M. Bulgakova “Belaya gvardiya” i romana M. Gor'kogo “Mat”) [Gestalt “anxiety” in the author's idiosyncrasy (based on M. Bulgakov's novel “The White Guard” and M. Gorky's novel “Mother”)]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo*. 2. pp. 560–563.
6. Nemtsev, V.I. (2017) “Panpsychism”: L. Andreev, M. Bulgakov, M. Zoshchenko i drugie v kontekste filosofskikh idey Serebryanogo veka [“Panpsychism”: L. Andreev, M. Bulgakov, M. Zoshchenko and others in the context of the philosophical ideas of the Silver Age]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'nye, gumanitarnye, mediko-biologicheskie nauki*. 19 (2). pp. 106–111.
7. Gordovich, K.D. (2018) Smert' personazha v syuzhetakh proizvedeniy M. Gor'kogo, E. Zamyatina, M. Bulgakova [Death of a character in the plots of works by M. Gorky, E. Zamyatin, M. Bulgakov]. *Acta Eruditorum*. 28. pp. 13–18.
8. Borisova, L.M. (2019) “Nikогда ne razgovarivayte s neizvestnymi”: gor'kovskiy syuzhet v romane M. Bulgakova [“Never talk to strangers”: Gorky's plot in M. Bulgakov's novel]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo. Filologicheskie nauki*. 5 (71):4. pp. 21–34.
9. Davydova, T.T. (2020) Rossiya i Afrika v tvorchestve M. Gor'kogo, E. Zamyatina, M. Bulgakova: k probleme literaturnykh svyazey [Russia and Africa in the works of M. Gorky, E. Zamyatin, M. Bulgakov: to the problem of literary connections]. *Acta Eruditorum*. 33. pp. 31–35.
10. Korabev, A.A. (2021) Klassika i sovremennost' v tvorchestve soznaniy Mikhaila Bulgakova [Classics and modernity in the creative consciousness of Mikhail Bulgakov]. *Semioticheskie issledovaniya*. 1 (1). pp. 49–60.
11. Bulgakov, M. (1997) *Dnevnik. Pis'ma. 1914–1940* [Diary. Letters. 1914–1940]. Moscow: Sovremennyy pisatel'.
12. Gorev, M. (1928) Bezbozhnik-bol'shevik (iz vospominaniy ob I.I. Skvortsove-Stepanove) [Atheist Bolshevik (from the memoirs of I.I. Skvortsov-Stepanov)]. *Novyy mir*. 11. pp. 193–205.
13. Kadar, E.S. (2021) Stanovlenie gazety “Izvestiya” pod rukovodstvom I.I. Skvortsova-Stepanova [The formation of the newspaper “Izvestia” under the leadership of I.I. Skvortsov-Stepanov]. *Vestnik nauki*. 4:6 (39). pp. 13–19.
14. Amiantov, Yu.N. (1960) *Rytsar' bol'shevizma (O M.S. Ol'minskom)* [Knight of Bolshevism (About M.S. Olminsky)]. Moscow: Gospolitizdat.
15. Sokolov, B.V. (2005) *Bulgakov. Entsiklopediya* [Bulgakov. Encyclopedia]. Moscow: Eksmo; Algoritm, Oco.
16. Bulgakov, M.A. (1989) *Sobranie sochineniy: v 5 t.* [Collected works: in 5 volumes]. Vol. 2. Moscow: Khudozh. lit.

17. Lupalo, I.G. (1987) *Gvardiya Oktyabrya. Moskva* [Guard of the October. Moscow]. Moscow: Politizdat.
18. Rasin, B.I. (2023) *Komissar po delam pechati* [Commissioner for Press Affairs]. [Online] Available from: <https://biography.wikireading.ru/292074> (Accessed: 22.04.2023).
19. Palindrom.su. (2023) *Izdatel' Ivan Dmitrievich Sytin – vladelets Bersenevki* [Publisher Ivan Dmitrievich Sytin, the owner of Bersenevka]. [Online] Available from: <https://palindrom.su/izdatel-ivan-dmitrievich-sytin---vladelec-bersenevki> (Accessed: 22.06.2023).
20. Lunacharskiy, A.V. (1928) I.I. Skvortsov-Stepanov [I.I. Skvortsov-Stepanov]. *Krasnaya Panorama*. 45. 9 November.
21. Gor'kiy, A.M. (1962) *Sobranie sochineniy: v 18 t.* [Collected works: in 18 volumes]. Vol. 11. Moscow: Khudozh. lit.
22. Kolchanov, V.V. (2018) "Tambov na karte general'noy...": satiricheskaya povest' M.A. Bulgakova "Rokovye yaytsa" i "kurinaya istoriya", v sem grade sluchivshayasya, a takzhe v stolitse i gosudarstve, do i posle togo ["Tambov on the general map...": a satirical story by M.A. Bulgakov "The Fatal Eggs" and the "chicken story" that happened in this city, as well as in the capital and the state, before and after]. *Filologicheskaya regionalistika*. 1–2. pp. 5–20.
23. Gor'kiy, M. (1928) I.I. Skvortsov. *Izvestiya*. 10 October.
24. Filat'ev, E.N. (2023) *Vozhdi i pisateli* [Leaders and writers]. [Online] Available from: <https://biography.wikireading.ru/hWwxN1q5Cg> (Accessed: 02.05.2023).
25. Arias-Vikhil', M.A. (2020) *Romen Rolan i Maksim Gor'kiy: istoriko-funktsional'nye i obshchestvenno-politicheskie aspekty literaturnogo dialoga (po materialam arkhiva A.M. Gor'kogo)* [Romain Roland and Maxim Gorky: historical, functional and socio-political aspects of literary dialogue (based on materials from Gorky's archive)]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
26. Larinskiy, N. (2023) "...steshennaya v svoey svobode zhizn'...": Istoriya bolezni Maksima Gor'kogo ["...a life constrained in its freedom...": Maxim Gorky's case history]. [Online] Available from: http://uzrf.ru/publications/istoriya_i_bolezni/nikilay-larinskii-gorkii/?region=420 (Accessed: 03.05.2023).
27. Mamleev, D. (2006) Stalin – Gronskomu: "Ne lez' ne v svoe delo!" [Stalin to Gronsky: "Mind your own business!"]. *Izvestiya*. 13 July.
28. Wikipedia. (2023) *Ganetskiy (Fyurstenberg) Yakov Stanislavovich* [Ganetsky (Furstenberg), Yakov Stanislavovich]. [Online] Available from: https://ru.wikipedia.org/wiki/Ganetskiy,_Yakov_Stanislovovich (Accessed: 17.04.2023).
29. Kolchanov, V.V. (2018) "Trotskisty": literaturno-politicheskiy fars i satiricheskie sredstva ego vyrazheniya v povesti M.A. Bulgakova "Rokovye yaytsa" ["Trotskyists": literary and political farce and satirical means of its expression in "The Fatal Eggs" by M.A. Bulgakov]. *Neofilologiya*. 4 (14). pp. 60–71.
30. *Izvestiya*. (1928) Chto proiskhodilo v Smolenske? Doklad chlena TsKK i zamnarkoma RKI tov. A. Yakovleva na rasshirennom plenume smolenskogo gubkoma i gubKK [What happened in Smolensk? Report of comrade A. Yakovlev, a member of the Central Control Commission and deputy people's commissar of the Workers' and Peasants' Inspection, at the extended plenum of the Smolensk Provincial Committee and the Provincial Control Commission]. 22 May.
31. *Izvestiya*. (1928) "Smolenskoe delo": "Bezobraziya v tipografii imeni Smirnova" ["The Smolensk case": "Disgrace in the Smirnov printing house"]. 31 May.
32. *Izvestiya*. (1928) Gor'kiy v Moskve [Gorky in Moscow]. 31 May.
33. *Izvestiya*. (1928) V "Smolenskom ugrozyske" (po telefonu ot nashego spetsial'nogo korrespondenta) [In the Smolensk Criminal Investigation Department (by telephone from our special correspondent)]. *Izvestiya*. 1 June.
34. Prokhorov, A.M. (ed.) (1969–1978) *Sotsial'nye bolezni obshchestva* [Social diseases of society]. In: *Bol'shaya sovetskaya entsiklopediya: v 30 t.* [Great Soviet Encyclopedia: 30 volumes]. 3rd ed. Moscow. [Online] Available from: <http://bse.uaio.ru/BSE/2402.htm> (Accessed: 12.06.2023).
35. *Izvestiya*. (1928) Itogi vozdushno-khimicheskogo uchen'ya [Results of air-chemical studies]. 6 June.
36. *Pravda*. (1928) V pokhod protiv p'yanstva [On a campaign against drunkenness]. 2 August.
37. Burov, Ya. (1928) O chem signaliziruyut smolenskie, ryazanskie, voronezhskie i drugie dela (Iz opyta raboty na meste) [What do Smolensk, Ryazan, Voronezh and other cases signal (From the experience of working on site)]. *Izvestiya*. 27 June.
38. Burov, Ya. (1928) Chetyre mesyatsa raboty v opytной volosti [Four months of work in the experimental volost]. *Izvestiya*. 30 May.
39. Nyurin, R. (1928) Moroz v iyule [Frost in July]. *Pravda*. 28 July.
40. Stalin, I.V. (1930) Golovokruzhenie ot uspekhev. K voprosam kolkhoznogo dvizheniya [Dizziness from success. On issues of the collective farm movement]. *Pravda*. 2 March.

Информация об авторе:

Колчанов В.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина (Тамбов, Россия). E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Kolchanov, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Derzhavin Tambov State University (Tambov, Russian Federation). E-mail: vla-kolchanov@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.06.2023;
одобрена после рецензирования 26.10.2023; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 24.06.2023;
approved after reviewing 26.10.2023; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/15617793/498/5

Эволюция медиаконцепта «Майдан» в российских СМИ

Ольга Николаевна Кондратьева¹, Елена Михайловна Ходасевич²

^{1,2} Кемеровский государственный университет, Кемерово, Россия

¹ Olnik25@mail.ru

² elena.uslanowa@yandex.ru

Аннотация. Исследуются стадии жизненного цикла медиаконцепта «Майдан», сформировавшегося в XXI в. Характеристика каждой стадии включает анализ частотности, деривационной активности и семантики основного репрезентанта медиаконцепта, описание метарефлексивной активности медиарайтеров, а также рассмотрение аксиологических, дискурсивных и текстогенных характеристик нового медиаконцепта. Представленная методика может быть использована для описания эволюции иных медиаконцептов.

Ключевые слова: когнитивно-дискурсивный подход, медиаконцепт, медийный дискурс, эволюция медиаконцепта, майдан

Для цитирования: Кондратьева О.Н., Ходасевич Е.М. Эволюция медиаконцепта «Майдан» в российских СМИ // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 37–46. doi: 10.17223/15617793/498/5

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/5

The evolution of the media concept “Maidan” in the Russian mass media

Olga N. Kondratyeva¹, Elena M. Khodasevich²

^{1,2} Kemerovo State University, Kemerovo, Russian Federation

¹ Olnik25@mail.ru

² elena.uslanowa@yandex.ru

Abstract. The article deals with the study of a media concept in the dynamic perspective. The research is carried out in the framework of the cognitive and discursive approach. The aim of the study is to explore the main life cycle stages of the media concept “Maidan”. This concept turned out to be the main issue of the modern political conceptual sphere. The Russian media texts which were extracted from the newspaper sub-corpus of the Russian National Corpus, from the Medialogia system, and from Yandex. News serve as the material for the analysis. The time period for the analysis is 2000–2022. The corpus method, content analysis, component analysis, conceptual analysis, and discourse analysis were used while collecting and interpreting the speech material. The authors establish extra-linguistic and inter-linguistic factors which determine the development of the media concept “Maidan”, point out the strong correlation between the Ukrainian and world political events and the stages in the evolution of the concept. The following stages are singled out and described in the life cycle of the media-concept “Maidan”: proto-stage, onset and growth, growth and maturity, cultural stability. The characteristics of each stage include: the analysis of frequency, derivational activity and semantics of the main media concept’s representative, the study of the media writers’ reflexive activity and the description of the media concept’s axiological, discursive and text features. The authors demonstrate that the functioning of the media concept “Maidan” is characterized by significant changes in the ways of its linguistic representation, the growth of the recurrence of the keyword and the diversity of its derivatives. The semantic structure of the keyword and the conceptual layer of the media concept are changing, which is manifested in the emergence of new politicized meanings, which, moving into the nuclear zone, acquire the status of the main ones. The development of the media concept is accompanied by a complication of the forms of metalinguistic reflection (from metalinguistic definition and commentary to metalinguistic interpretation and paraprofessional reflection). The transition from the axiological ambivalence of the media concept to the monovalent (negative nature) is also recorded. The social significance of the media concept, initially manifested in the increase in the frequency of use of its representatives in the media and in the fashion for the word, gradually leads to the textogenicity of the media concept and its gradual penetration into other types of discourse. The authors come to the conclusion that the word ‘maidan’ has transformed from a recondite place-name to an urgent political media concept which is at the core of the modern discursive practices. The methodology of the media concept “Maidan” description suggested by the authors can be employed for the study of other media concepts’ life cycles.

Keywords: cognitive and discursive approach, media-concept, mass media discourse, evolution of concept, maidan

For citation: Kondratyeva, O.N. & Khodasevich, E.M. (2024) The evolution of the media concept “Maidan” in the Russian mass media. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 37–46. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/5

Введение

Начало XXI в. ознаменовалось многочисленными изменениями, затрагивающими различные сферы жизни общества, не стала исключением и политика, что привело в итоге к утрате актуальности отдельных элементов политической концептосферы и вхождению в ее состав «новых концептов, “схвативших” политическую реальность и прочно вошедших в политический лексикон не только профессиональных политиков и политологов, но и обычных граждан. В частности, одним из концептов, получивших активную практику употребления, стал концепт “Майдан”» [1. С. 168]. Многочисленные акции протеста, прошедшие на территории Украины и других государств, способствовали закреплению нового политического феномена в качестве важнейшего концепта современного общества и способствовали тому, что майдан стал «одним из значимых дискурсивных феноменов современной языковой ситуации» [2. С. 79].

Становление нового кванта политического знания происходит во многом благодаря национальным масс-медиа, которые, оказывая существенное влияние на общество, конструируют медийную картину мира [3–6 и др.] и ее единицы – медиаконцепты, представляющие собой особые ментальные конструкторы, отличающиеся от обычных «констант культуры» и являющиеся «результатом отраженной в текстах СМИ коллективной мировидческой рефлексии над современностью» [7. С. 9]. Сформировавшись в медийном дискурсивном пространстве, медиаконцепты способствуют трансформациям в коллективном сознании носителей языка, т.е. «перестраивают» их представление об отдельных фрагментах действительности. Кроме того, медиаконцепты обладают способностью к междискурсивным дрейфам и достаточно быстро проникают в иные виды дискурса, что во многом способствует пополнению национальной концептосферы [8–11 и др.].

Медиаконцепты, являющиеся средством отражения изменяющейся действительности, имеют динамическую природу. По мнению Н.Н. Болдырева, динамические концепты «передают разные способы и уровни схематизации накопленного опыта, конфигурирования знания и оперирования им в познавательно-языковой деятельности», отражая «контекстуально и ситуативно обусловленные конкретные смыслы» [12. С. 21]. Диахронический ракурс в изучении медиаконцептов «призван определить семантический статус и когнитивно-коммуникативные возможности концептов непосредственно в стадии их онтогенеза – оформления и обретения ими собственных ячеек в матрице культуры и общественного сознания» [7. С. 9].

Данная статья посвящена выявлению и анализу этапов эволюции медиаконцепта «Майдан» в дискурсе российских СМИ, что позволит рассмотреть особенности зарождения и развития нового ментального феномена, установить, какую роль в этом процессе играют

современные СМИ, а также выявить, какие смыслы и оценочные характеристики они транслируют реципиентам. Значимость подобных исследований, на наш взгляд, обусловлена следующими актуальными лингвистическими тенденциями: 1) установкой на изучение концептов в динамике; 2) устойчивым интересом к изучению воздействующего потенциала массмедиа как особой системы, трансформирующей информацию и создающей тем самым медиареальность и ее структурные составляющие – медиаконцепты; 3) потребностью в изучении новых единиц политической концептосферы, к числу которых относится и медиаконцепт «Майдан».

Эмпирическую базу исследования составили медиатексты за период 2000–2021 гг., извлеченные из трех источников: 1) «Национального корпуса русского языка» (газетный подкорпус) [13]; 2) системы мониторинга и аналитики СМИ «Медиалогия» [14]; 3) службы автоматической обработки и систематизации новостей «Яндекс.Новости» [15]. Отбор языкового материала осуществлялся с учетом принципа сплошной выборки, в результате была сформирована фактологическая база, включающая более 3 500 контекстов.

С целью формирования исследовательской карто-теки и дальнейшей ее обработки применялись корпусный метод и контент-анализ, что позволило получить достоверные данные о частотности использования в разные периоды лексемы *майдан* как имени исследуемого медиаконцепта и о частотности его иных репрезентантов. Для определения основных стадий в истории медиаконцепта «Майдан» использовался метод фокусной фрагментации материала, исследование особенностей функционирования медиаконцепта на каждой выделенной стадии его жизненного цикла осуществлялось с применением методов дефиниционного, компонентного и концептуального анализа, дискурса-анализа.

Принципы выделения этапов эволюции медиаконцепта «Майдан»

Изучение медиаконцепта в диахроническом аспекте требует фрагментации дискурса с целью выделения периодов для их последовательного сопоставления. Актуальным является предложенное Э.В. Будаевым разграничение двух типов фрагментации дискурса – равномерной и фокусной. При *равномерной фрагментации* осуществляется дробление временного периода на равные части, в то время как при *фокусной фрагментации* «шаг фрагментации не привязан к хронологии в астрономическом понимании» и вычленение периодов «связано с определенными политическими событиями» [16. С. 220], что позволяет установить корреляции между экстралингвистическими и лингвистическими факторами и потому является более продуктивным.

В настоящем исследовании выделение периодов в истории медиаконцепта «Майдан» строится на основе

фокусной фрагментации, т.е. через непосредственную привязку выделяемого этапа жизненного цикла медиаконцепта к политическому событию. Каждый шаг фрагментации соотносится с акциями протеста на Украине и в мире. Стимулом для *зарождения и роста* нового медиаконцепта стали акции протеста 2004–2005 гг.; способствовали эволюции медиаконцепта и его переходу на стадию *роста и зрелости* акции протеста 2013–2014 гг.; к переходу на стадию *культурной стабилизации* привели акции протеста 2017 г., а также подобные события за пределами Украины.

Названные факторы экстралингвистического характера являются своеобразным импульсом к трансформации когнитивной структуры медиаконцепта, следовательно, и к изменениям в его языковой репрезентации и в функционировании. Описание особенностей функционирования медиаконцепта на всех выявленных стадиях его жизненного цикла предполагает анализ 1) частотности, 2) деривационной активности, 3) семантики основного репрезентанта концепта, 4) метарефлексивной деятельности медиарейтеров, 6) аксиологической, 7) дискурсивной и 8) текстогенной характеристики медиаконцепта.

Описание жизненного цикла медиаконцептов традиционно представляет собой характеристику его траектории развития от момента зарождения до вхождения в национальную концептосферу или до его полного угасания.

Протостадия медиаконцепта «Майдан» (до 2004 г.)

Выделение данного периода значимо, поскольку именно на этой стадии формируется «пресуппозиционная матрица» и «прогностические контуры содержательного и аксиологического развертывания концепта» [7. С. 92]. Протостадия жизненного цикла отражает процесс функционирования лексемы-репрезентанта (вербального прототипа) медиаконцепта за пределами медиадискурса и до его медийной актуализации.

Частотность использования лексемы *майдан* в период, предшествующий «оранжевой революции», является достаточно низкой; в частности, в «Национальном корпусе русского языка» в медийном дискурсе зафиксировано всего 48 словоупотреблений. В других видах дискурса в характеризующий период лексема *майдан* также представлена незначительным количеством вхождений: например, количество словоупотреблений в художественном дискурсе составляет 327; в публицистическом – 155; в научном – 8; в бытовом – 2. Исходя из вышесказанного, допустимо сделать вывод о том, что на протостадии рассматриваемая лексема используется в различных дискурсивных практиках, а медиа не являясь единственной средой бытования слова. **Деривационная активность** лексемы *майдан* до 2004 г. также незначительна, в словарях зафиксировано только 6 производных слов (*майданище, майданник, майданичик, майданный, майданить, майданичать*), некоторые из которых имеют нулевой или единичный индекс употребления в большинстве дискурсов.

В обозначенный период лексема *майдан* используется преимущественно в очерченных словарями значениях –

это ‘площадь’ или ‘место проведения собрания’: *На майдане, перед храмом, собирав казацкие круги Степан Разин* (Труд-7, 2001); *А народные гуляния на главной площади страны, Майдане Незалежности, будут продолжаться до глубокой ночи* (Vesti.ru, 2002). Примеры наглядно демонстрируют, что **семантическая структура** слова изначально отличается максимальной простотой, в ней отсутствуют **политически маркированные смыслы**, которые станут доминирующими в массмедиа на следующих этапах развития медиаконцепта. Вышеперечисленные факторы объясняют отсутствие на протостадии примеров **метаязыковой рефлексии** над словом и его **нейтральную оценку**.

Функционирование лексемы *майдан* до 2004 г. связано с использованием слова как диалектного, например, на юге России и на Украине, либо как жаргонного, например, в воровском аргю. Посредством слова *майдан* в текстах рассматриваемого периода создается соответствующий колорит, например, быта донского казачества или быта заключенных: *На майдане у «лавки» с атаманской дочерью Наталией как-то она повстречалась, и «кажная» из них друг дружкой залюбовалась* (И.Ф. Быкадоров. «Донский казак – Тимофей Разин»); *Казаки тронули лошадей и поскакали по широкой улице на майдан, с которого и доносился шум человеческих голосов* (М.П. Старицкий. «Молодость Мазепы»); *Майдан – это игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к шотосу и другим азартным играм. Около майдана и карт непременно ютится всегда готовое к услугам ростовщичество, жестокое и неумолимое* (А.П. Чехов. «Остров Сахалин»); *Майдан это – закусовая, кабак, табачная лавочка, игорный дом и доходная статья тюрьмы* (В.М. Дорошевич. «Сахалин (Каторга)»). Подобные территориально и социально маркированные примеры соотносятся с выделенными В.В. Химиком двумя традициями в использовании лексемы *майдан* – «традиционно-исторической» и «арготической» [17. С. 58–60].

Стадия зарождения и роста медиаконцепта «Майдан» (2004–2013 гг.)

Референтной ситуацией, определившей зарождение медиаконцепта «Майдан», послужили события 2004 г. на Украине, связанные с «оранжевой революцией». С этого момента «лексема тюркского происхождения... “заиграла” новейшими и “забытыми старыми” семантическими “гранями”, привела в движение систему русского языка на разных уровнях» [18. С. 173], и в итоге майдан превратился «из заурядного топонима в важнейший политический концепт современного общества» [19. С. 80].

В данный период формирующийся медиаконцепт репрезентируется посредством лексемы *майдан* и словосочетаниями *оранжевая революция* и *помаранчевая революция*: *Произошедшие в стране за год изменения повлияли на политическую картину не меньше, чем “оранжевая революция” 2004 г.* (Lenta.ru, 2006); *Оппозиция призвала людей собираться на Майдане, началась “оранжевая революция”* (Коммерсант, 2010);

«Украинская *«помаранчевая революция»* не более, чем случайность (Новый регион 2, 2005).

На стадии зарождения медиаконцепта «Майдан» резко возрастает *частотность* употребления ключевого слова, так, количество вхождений, по статистическим данным ресурса «Медиалогия», составляет 60 748 словоупотреблений, при этом сохраняется низкая частотность использования лексемы *майдан* в других дискурсивных практиках. Вербально-деривационное поле медиаконцепта «Майдан» на стадии зарождения и роста включает в свой состав 18 производных слов (ср. 6 производных слов на предыдущей стадии), 15 из которых являются неодериватами (например, *майдаун, майданец, майданист, антимайдан, автомайдан, майданутый, постмайданный, замайданить, перемайданить, помайданить* и др.), что свидетельствует о высокой *деривационной активности* (подробнее см.: [20. С. 227–237]). Возрастающая плотность вербально-деривационного поля в совокупности с резким ростом частотности ключевого слова и некоторых его производных является показателем *социальной значимости* нового ментального конструкта.

В процессе обретения вербализованным понятием статуса концепта (в терминологии О.В. Орловой – «во-концептовления») «происходит усложнение его смысловой организации и увеличение семантического объема... усложнение смысловой структуры за счет появления в ней особого слоя социально отмеченных медийных смыслов» [7. С. 69].

Семантическая структура основного репрезентанта медиаконцепта (лексемы *майдан*) на данном этапе жизненного цикла характеризуется не только наличием ядерных сем ‘площадь’ и ‘место проведения собраний’, но и появлением новых политически обусловленных смыслов: 1) ‘место, площадь, где происходят протесты’: *Вечером Виктор Ющенко, Юлия Тимошенко и остальные лидеры оппозиции вышли на Майдан* (Коммерсант, 2004); *Рейтинг Януковича, конечно, падает, но эксперты уверены: ни на какой Майдан украинцы в ближайшее время не пойдут* (РБК Daily, 2006); 2) ‘акция протеста’: *Однако нового Майдана на Украине не будет* (РБК Daily, 2006); *Майдан в стране может повториться как реакция людей на безответственность власти* (Lenta.ru, 2009); 3) ‘участники акции протеста’: *Киевский майдан уже назвал Ющенко президентом Украины* (РИА Новости, 2004); *Переломным моментом, по ее словам, оказалась ситуация во время инаугурации Виктора Ющенко, когда майдан скандировал не только имя нового президента страны, но и имя его очаровательной соратницы* (Труд-7, 2005).

Заметим, что в рассматриваемый период ‘акция протеста’ в медиа интерпретируется как событие мирного характера, имеющее общие черты с митингом: *Чечетов называет субботний майдан пиар-акцией для спасения умирающей «Нашей Украины», обращая внимание на совпадение митинга со съездом пропрезидентской партии* (РБК Daily, 2007). Приведенные примеры наглядно демонстрируют трансформации, происходящие на семантическом уровне, в частности,

в массмедиа все чаще актуализируются политически обусловленные значения ключевого слова, мотивированные референтным событием.

Особый характер медийного дискурса, его способность трансформировать содержание попадающих в его пределы единиц являются теми факторами, которые «обуславливают повышенное внимание носителей языка к вербальной стороне политической жизни. Такое внимание находит отражение в метаязыковых высказываниях, метаязыковой рефлексии» [21, 22 и др.]. Активной *метаязыковой рефлексией* медиарайтеров, т.е. различного рода пояснениями, регулярно сопровождается в медиатекстах упоминание основного репрезентанта медиаконцепта – лексемы *майдан*. Употребляя слово в новом, отличном от традиционного значения, автор «вынужден во избежание коммуникативного сбоя комментировать это отступление» [23. С. 102–104].

На стадии зарождения и роста медиаконцепта «Майдан» метаязыковые рефлексии представлены в виде метаязыковых дефиниций и метаязыковых комментариев. *Метаязыковые дефиниции* содержат информацию справочного характера, приводимую автором для уточнения значения лексемы, это некие «информемы», подобным способом авторы чаще всего актуализируют исходное значение слова: *В пятницу вечером в центре Киева выстроилась живая цепь – от здания Союза журналистов на Крещатику через знаменитый майдан (площадь Независимости) до администрации президента Украины* (Vesti.ru, 2005); *Основным местом событий "оранжевой революции" был Майдан (площадь) Независимости в Киеве* (РИА Новости, 2009). Авторская рефлексия по поводу слова *майдан* заключена в скобки и представляет собой актуализацию прямого значения слова *майдан*, которое обнаруживается в толковых словарях, но дополнительно делается отсылка к городу, в котором разворачиваются события.

В медиатекстах анализируемого периода используются и *метаязыковые комментарии*, поскольку авторы стремятся не только привести словарную дефиницию, но и разъяснить читателям смысл, вкладываемый ими в слово *майдан*: *Майдан, как называют киевляне эту площадь, стал после "оранжевой революции" символом побед и поражений новой власти* (NEWSru.com, 2005); *Слово «майдан», обозначающее в украинском языке «площадь», стало символом протеста после «оранжевой революции» в 2004 г.* (Infox, 2010). В данных примерах медиарайтеры не только актуализируют в сознании читателей словарное значение (‘площадь’) и указывают языковую принадлежность лексемы (украинский язык), но и подчеркивают новый политизированный смысл, который приобретает слово *майдан* в связи событиями 2004–2005 гг. Выражение *символ протеста* акцентирует внимание на борьбе народа с произволом властей.

Зафиксированное усложнение семантической структуры лексемы *майдан*, сопровождающееся развитием политизированных смыслов, и активная метаязыковая рефлексия являются показателями, свидетельствующими о формировании *понятийного слоя* в

структуре медиаконцепта. Также следует отметить, что изначально нейтральная в плане оценки лексема *майдан* на стадии зарождения и роста медиаконцепта начинает приобретать *оценочность*, которая в этот период амбивалентна. Мелиоративные оценки достигаются за счет соотнесения майдана с такими традиционными позитивно оцениваемыми объектами, как *воля народа, свобода, демократия: Вечные ценности и идеалы Майдана: свобода, демократия, европейский выбор, добробут граждан, обеспечение будущих благ городу и стране в случае оказания им доверия на выборах* (КИД, 2005). Пейоративные оценки создаются преимущественно за счет акцентирования темы обмана, тирании, неоправданных ожиданий участников протеста: *Лидеры движения утверждают, что «...декларированные оранжевыми революционерами на “майданах” принципы демократии, свободы, равенства и благосостояния на деле обернулись тиранией»* (Главред, 2005); *Я имею в виду Майдан и обман, который состоялся в 2004 г., когда пиар-технология, политтехнология использовались для прихода «помаранчевой» власти* (From, 2008).

Стадия роста и зрелости медиаконцепта «Майдан» (2014–2017 гг.)

Названная стадия связана с референтной ситуацией «Революции достоинства» 2013–2014 гг., иначе называемой «Евромайданом». Соответственно, увеличивается количество репрезентантов нового медиаконцепта: *майдан, евромайдан, майдан 2.0, цветная революция, революция достоинства: Так называемая революция достоинства, победившая после бегства Виктора Януковича* (Парламентская газета, 2016); *Снова придя к власти в результате Майдана 2.0, оранжевые развернули сценарий репрессий по надуманным обвинениям* (Минпром, 2015); *В Киеве реализуется технология классической «цветной революции», дополненной актами вандализма* (Парламентская газета, 2014).

Частотность использования ключевого слова (имени) медиаконцепта и его иных репрезентантов рассматривается нами как показатель коммуникативной релевантности. В рассматриваемый период зафиксирован существенный прирост употребления имени медиаконцепта (387 658 вхождений, по данным «Медиадилогии»). Также наблюдается значительный рост количества неoderиватов с основой *майдан* (от 18 до 38 производных слов, например, *евромайдан, евромайданец, евромайдановский* и др.). Возрастает рекуррентность отдельных неoderиватов, одним из наиболее частотных становится неoderиват *евромайдан* (98 388), появившийся непосредственно на этой стадии жизненного цикла медиаконцепта и сразу отмеченный активным использованием в СМИ, что представляет собой попытку авторов выделить мероприятия 2013–2014 гг. как особые события в череде протестов.

Показателем *социальной значимости* на стадии роста и зрелости медиаконцепта является «мода на слово» [7. С. 101]. По наблюдениям И.Т. Вепревой, в разряд «модных» слов могут попадать не только

неологизмы, но и «старые» слова, «модными их делает актуализация в современном языковом пространстве» [24. С. 279], что и происходит с лексемой *майдан* после начала протестов на Украине. На частотность и модность лексемы *майдан* в рассматриваемый период обращают внимание и сами авторы медиатекстов: *«Слово МАЙДАН стало одним из наиболее часто употребляемых слов. <...> Сейчас среди обозревателей СМИ стало модным сравнивать это народное движение времен “евроинтеграции” с похожими событиями времен “помаранчевой” революции»* (Биржевой лидер, 2014).

Согласимся с мнением А. Сперанской, отметившей, что для русской лингвокультуры оценка «модное слово» все же скорее отрицательная, поскольку применение подобных слов зачастую не оправдано необходимостью [25], «модные» слова начинают активно вытеснять из оборота привычные номинации, например, лексема *майдан* заменяет в СМИ большинство наименований разного рода политических протестов – *протест, акция, митинг* и др. Мода на лексему *майдан* проявляется, во-первых, в ее активном использовании для характеристики политических протестов, происходящих за пределами Украины (например, *киргизский, сирийский, белградский, египетский майдан* и др.): *Таким образом, ядром киргизского майдана будут разорившиеся или стоящие на грани разорения торговцы с Дордоя и Кара-Суу* (Проект Однако, 2015); *Поэтому ликовать в связи с победой “египетского майдана” – значит в угоду сиюминутной эйфории закрывать глаза на безрадостные перспективы, ожидающие страну пирамид* (Невское время, 2014); во-вторых, в ироническом смысле майданом начинают называть любую конфликтную ситуацию: *Массовую драку во дворе кузбасского общежития окрестили «майданом»* (Ридус, 2015); *Так, некоторые блогеры уже окрестили акцию “майданом”, а в сети появились пророчества грядущей войны, которую якобы должно спровоцировать жилищно-коммунальное противостояние* (Газета.Ru, 2015).

В рассматриваемый период происходит дальнейшее усложнение и расширение семантики лексемы *майдан*, являющейся основным репрезентантом медиаконцепта. Ранее сформированные семантические признаки конкретизируются в медиатекстах, например ‘акция протеста’ предстает как ‘демонстрация’, ‘переворот’, ‘митинг’, ‘революция’, ‘мятеж’, ‘путч’, ‘восстание’ и пр.: *Майдан – это не свободные выборы, а демонстрация, проходившая всего лишь на одной площади* (Парламентская газета, 2014); *Несмотря на популярное сейчас сравнение с украинским Майданом, протесты в Ереване не угрожают российским интересам* (Новый день, 2015); *Майдан (Евромайдан) – массовые протестные акции в центре Киева и ряде других городов Украины зимой 2013–2014 гг., в результате которых в стране произошла насильственная смена власти* (lenta.ru, 2016); *Эта кланово-олигархическая система довела страну до Майдана и переворота* (Коммерсант FM, 2015); *27 декабря Дорогомиловский суд Москвы признал Майдан государственным переворотом* (lenta.ru, 2016); *Майдан – это революция, а революция всегда*

вызывает контрреволюционные **мятежи и интервенцию** (ZIK, 2014); *Памяти "небесной сотни"*, как на майдане называют погибших во время февральского путча (Vesti.ru, 2014). Принципиальным является подчеркивание насильственного характера протестов, сопровождающихся жертвами и кровопролитием: *Хроника «евромайдана»: как мирные протесты переросли в революцию* (Независимая газета, 2014); *После четырех часов уличных боев в районе Соборной площади сторонники Майдана вытеснили пророссийских активистов* (NEWSru.com, 2014).

Усложнение семантической структуры лексемы **майдан** сопровождается закономерным усложнением **метаязыковой рефлексии**, доминирующими формами которой становятся метаязыковая интерпретация и парaproфессиональная рефлексия. Отличие **метаязыковой интерпретации** от дефиниции и комментария заключается в том, что «говорящий, помимо эксплицитной языковой информации, поставляемой через текст, вербализует также интерпретирующее, или «глубинное», понимание лексической единицы, которое возможно при наложении языковой информации на другие типы информации – психологические, социальные, нормативные, морально-этические и т.п.» [23. С. 81]. Для авторов медиатекстов становится важным уже не столько разъяснение значения лексемы **майдан**, сколько закрепление в сознании читателей связанной с ней политически и социально значимой информации: *Это понятие [майдан] ворвалось в нашу мирную жизнь в конце 2013 г. Это слово стало популярным не только в России и Украине, но и во всем мире благодаря средствам массовой информации. Слово "Майдан" стало у всех ассоциироваться с беспорядками, грабежами и убийствами, происходящими в Киеве* (Непроявленный мир, 2016).

Парaproфессиональная рефлексия представляет собой высшую стадию метаязыковой деятельности, поскольку «в основу объяснительной трансформы ложится профессиональное или околопрофессиональное языковедческое знание: в текстах отражается рефлексия по поводу каких-либо собственно лингвистических аспектов функционирования слова» [7. С. 97], а также активно используется лингвистическая терминология (*лексикография, толковые словари, значение слова, прямое значение, эвфемизм* и др.): *Эвфемизм слова с прямым значением – площадь, площадка и различными другими переводными значениями начинает обретать новый устойчивый самостоятельный смысл в совсем другой сфере своей лингвистической жизни. Именно это и происходит со словом МАЙДАН* (Обретение смыслов, 2016).

Отличительной чертой стадии роста и зрелости является **текстогенность** медиаконцепта, понимаемая как «способность порождать вокруг себя массу текстов» [26. С. 63–67]. Продуктивной на данном этапе жизненного цикла медиаконцепта является сетевая литература, посвященная майдану. И.В. Булкина отмечает «огромную массу словесного творчества, порожденного киевскими событиями зимы 2014-го» [27]. Фе-

номен «майданной» поэзии становился объектом рассмотрения в работах И.В. Булкиной [27], Е. Кононенко [28], И. и Х. Шталя [29]. Примечательно, что усиление сетевой текстогенности медиаконцепта приводит к появлению уникальных «сетевых поэтических диалогов». Например, украинское стихотворение А. Дмитрук «Никогда мы не будем братьями» вызвало в российском сегменте интернета волну откликов, особую известность среди которых получил текст Т. Деркач «Никогда не бывайте вам русскими» (на ряде сайтов авторство ошибочно приписывалось композитору Ю. Лозе).

Стадия культурной стабилизации медиаконцепта «Майдан» (2017–2022 гг.)

Импульсом для написания данной стадии являются референтные события, произошедшие после «революции достоинства», это продолжающаяся череда протестов на Украине, например, «михомайдан» 2017 г., представлявший собой митинги, инициированные М.Н. Саакашвили, и череда протестов в мире: *«Михомайдан» готовит ответный удар. Сторонники Михаила Саакашвили грозят активизировать протесты и способствовать возвращению своего лидера на Украину* (Известия, 2018); *Венесуэльский майдан лишает Россию еще одного союзника* (Взгляд, 2019); *В Южной Корее начался свой Майдан* (Сегодня, 2017); *Майдан в Армении накануне решающих событий* (ИА REGNUM, 2018); *Белорусский майдан стал уникальным явлением в истории майданов («цветных революций») на постсоветском пространстве* (ИА REGNUM, 2021).

Новыми репрезентантами медиаконцепта на данной стадии становятся номинации **михомайдан** и **майдан 3.0**: *Параллельно с этим опальный политик собирал многотысячные митинги по всей Украине и даже организовал так называемый «МихоМайдан» против олигархов и коррумпированной власти* (Московский комсомолец, 2018); *Майдан 3.0: Кто поднимает Украину на бунт* (Свободная пресса, 2019).

Рост **частотности** упоминания имени медиаконцепта в российских СМИ на стадии культурной стабилизации достигает максимальных значений. В период 2017–2021 гг. зафиксировано 734659 употреблений. **Деривационная активность** в этот период существенно сокращается, вербально-деривационное поле пополняется только двумя производными словами, характеризующимися низкой частотностью употребления в массмедиа (*михомайдан, дебиломайдан*). Общее количество неодериватов в процессе эволюции медиаконцепта достигает 40 единиц.

На стадии культурной стабилизации не наблюдаются существенных изменений как в **семантической структуре** лексемы **майдан**, так и в понятийном слое одноименного медиаконцепта. Завершается уход на дальнюю периферию изначальных семантических признаков 'площадь' и 'место сбора людей', ядерным остается признак 'акция протеста'. Медиаконцепт «майдан» на финальной стадии своей эволюции окон-

чительно обретает собственное содержание – это политический протест, обладающий следующим набором признаков: 1) массовость; 2) длительность; 3) локализованность в определенной пространственной точке (на площади); 4) ультимативность; 5) смена власти; 6) подготовленность и проплаченность Западом; 7) насильственный характер протеста и наличие жертв: *Этому предшествовали массовые протестные акции во многих городах Украины, получившие название Майдан (Евромайдан)* (lenta.ru, 2017); *Восток и юг Украины начали «свой Майдан» в виде бессрочной акции протеста против произвола властей* (Независимая газета, 2016); *Майдан был уличным протестом, да и аналогии с Майданом возникают всегда, когда происходит уличный протест* (Кавказский узел, 2020); *Ультиматум от евроинтеграторов в Молдавии: Санду объявила о «майдане»* (EurAsia Daily, 2020); *Майдан (Евромайдан) – протестные акции, проходившие в ряде городов Украины зимой 2013–2014 гг., в результате которых в стране произошла насильственная смена власти* (lenta.ru, 2017); *Откройте рот и произнесите: Майдан – это переворот!* (Взгляд.ру, 2017); *Майдан – это госпереворот, совершенный при участии США* (РИА Новости, 2017); *Майдан – это технология американцев, спецоперация ЦРУ, козни Сороса, а не воля украинского народа* (Replyua.net, 2017); *Это не Майдан, белорусы не желают никакого обострения ситуации. Люди очень сильно надеются на мирные перемены* (Правмир, 2020).

Вхождение ключевого слова в активный словарный запас и известность его значения широкому кругу носителей языка приводят к спаду *метаязыковой рефлексии*, поскольку отсутствует необходимость в каких-либо разъяснениях, что достаточно хорошо чувствуют медиарайтеры, рассуждающие о судьбе слова майдан в русском языке: *То есть это слово и понятие входит в нашу жизнь и уже без дополнительных пояснений передает нам что-то понятное, знакомое, ассоциативно увязанное с нашим непосредственным жизненным или политическим опытом, с той информацией, которую мы получили в недавнее время* (Обретение смысла, 2016).

На стадии культурной стабилизации векторы негативной *оценочности* медиаконцепта «Майдан» становятся доминирующими, новый медиаконцепт прочно ассоциируется с такими отрицательно оцениваемыми объектами, как разрушение, деградация, преступление, нацизм и пр.: *Преступная сущность майдана дополняется слабоумием и непрофессионализмом* (Новостной фронт, 2018); *Итоги победы Майдана – упадок производства и превращение страны в сельскохозяйственную «сверхдержаву»* (Infocenter, 2018); *А вот на Украине никто и ничто не помешало им... профинансировать два нацистских Майдана* (Телескоп, 2020).

Для репрезентации и оценки медиаконцепта «Майдан» российские СМИ активно используют прецедентные тексты, например, фразеологизмы, восходящие к античной мифологии: *Майдан открыл ящик Пандоры*

и превратил Украину из... демократии в этнократию (ИА NewsFront, 2017), также исследуемый феномен сам порождает новые прецедентные тексты: *«Хорошее дело майданом не назовут и Нет бабла – нет Майдана!»* [30. С. 172]. Многочисленные отсылки к прецедентным текстам дают возможность медиарайтерам вовлечь в процесс интерпретации и оценки политических событий читателей, для которых используемый культурный код является хорошо известным и позволяет воспринимать транслируемую информацию в задаваемом массмедиа модусе. Большинство подобных примеров демонстрирует негативные векторы в восприятии и оценке майдана, способствуя формированию эмоционального отношения читателей к разворачивающимся на Украине событиям.

Описываемая стадия характеризуется усилением *текстогенности*, однако уже не только в русле сетевой, но и в сфере художественной литературы и публицистики, что является важным показателем *социальной значимости* медиаконцепта, а также свидетельствует о постепенной трансформации медиаконцепта в концепт культуры. Среди произведений, посвященных майдану, представлены не только мемуары очевидцев, но и художественные произведения: «Дневник Майдана» А. Куркова, «Майдан. Нерассказанная история» С. Кошкиной, «Вертеп. #РоманПроМайдан» О. Захарченко, «Пока майдан не разлучит нас» О. Хан, «В огнях майдана» А. Поповой и др. Разнообразие текстов, порожденных майданом, позволяет сделать вывод о переходе медиаконцепта *в другие виды дискурса* (художественный, публицистический, научный) и о способности медиаконцепта реализовывать миромоделирующую функцию, конструируя и реконструируя картину мира социума.

Заключение

Динамический подход, постулируемый в современной лингвоконцептологии как основной в изучении концептов, детерминирует рассмотрение онтогенеза медиаконцепта от момента его зарождения до достижения зрелости и культурной стабилизации. Функционирование исследуемого медиаконцепта «Майдан» в период 2004–2021 гг. характеризуется существенными изменениями в способах его языковой репрезентации, росте рекуррентности ключевого слова и разнообразии его дериватов. Изменения затрагивают семантическую структуру ключевого слова и понятийный слой медиаконцепта, что проявляется в появлении новых политизированных смыслов, которые, перемещаясь в ядерную зону, приобретают статус основных.

Сематические трансформации запускают метаязыковые процессы, при этом развитие медиаконцепта сопровождается усложнением форм метаязыковой рефлексии, что наглядно прослеживается в переходе от метаязыкового дефинирования и комментирования на стадии зарождения и роста к метаязыковой интерпретации и парaproфессиональной рефлексии на стадии роста и зрелости медиаконцепта. Изменения в оценочной составляющей структуры медиаконцепта «Майдан» связаны с пере-

ходом от аксиологической амбивалентности к одновалентности (негативного характера). Социальная значимость медиаконцепта, первоначально проявляющаяся преимущественно в росте частотности употребления в СМИ его репрезентантов и в моде на слово, постепенно приводит к текстогенности медиаконцепта и его поэтапному проникновению в другие виды дискурса (художественный, научный, публицистический и пр.).

Таким образом, медиаконцепт «Майдан» в процессе эволюции прошел все стадии жизненного цикла, поэтому может быть квалифицирован как *медиаконцепт полного цикла*. В процессе развития анализируе-

мый медиаконцепт приобрел ярко выраженные политизированные смыслы и оценочные характеристики, прочно закрепился в современной политической концептосфере. Проведенное исследование медиаконцепта «Майдан» позволяет сделать вывод об общих закономерностях эволюции медиаконцептов, возникающих благодаря интерпретационной деятельности СМИ и достигающих постепенной культурной стабилизации или угасающих, а апробированная и представленная в статье методика может быть использована для исследования динамики других медиаконцептов, позволяя провести анализ их эволюции.

Список источников

1. Скиперских А.В. Майдан как улей (зарисовки украинского политического протеста) // PolitBook. 2015. № 2. С. 167–179.
2. Нефедов И.В. Отражение взаимодействия социума и языка в интернет-дискурсе // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. 2015. № 3. С. 78–87.
3. Картины русского мира: современный медиадискурс / ред. З.И. Резанова. Томск : ИД СК-С, 2011. 288 с.
4. Кушнерук С.Л. Идеологическое миромоделирование в американском медиадискурсе // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 92–111. doi: 10.17223/19986645/67/5
5. Михайловская М.В. К вопросу о лингвистике информационно-психологической войны: идеологемы как инструмент семантического манипулирования // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 3. С. 222–232.
6. Радина Н.К. Методика идентификации контекстуальных идеологем в цифровом медиадискурсе (на примере медиадискурса о пандемии COVID-19) // Вестник Московского университета. Серия 10: Журналистика. 2021. № 5. С. 116–136. doi: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.116136
7. Орлова О.В. Дискурсивно-стилистическая эволюция медиаконцепта: жизненный цикл и миромоделирующий потенциал. Томск : Том. гос. пед. ун-т, 2012. 353 с.
8. Орлова О.В. Медиаконцепт «нефть» сегодня: становление нефтеумной метафоры // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 64. С. 76–92. doi: 10.17223/19986645/64/6
9. Новикова В.П., Челпанова Е.В. Медиаконцепт «гиг-экономика» на политической арене // Политическая лингвистика. 2019. № 5 (77). С. 88–96. doi: 10.26170/pl19-05-09
10. Фельде О.В. Временная и дискурсивная вариативность концепта «Богучанская ГЭС» // Сибирский филологический форум. 2021. № 4 (16). С. 58–71.
11. Цветова Н.С. Актуальные медиаконцепты: динамика ценностных смыслов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 107–116. doi: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-107-116
12. Болдырев Н.Н. Типология концептов и языковая интерпретация // Новая Россия: традиции и инновации в языке и науке о языке : материалы докладов и сообщений Междунар. науч. конф., посвящ. юбилею заслуженного деятеля науки РФ, д-ра филол. наук, проф. Л.Г. Бабенко, 28–30 сент. 2016 г., Екатеринбург, Россия. Москва; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2016. С. 16–25.
13. Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 17.01. 2022).
14. Информационно-аналитическая система «Медиалогия». URL: <https://www.mlg.ru/> (дата обращения: 15.07. 2021).
15. Служба автоматической обработки и систематизации новостей «Яндекс.Новости». URL: <https://yandex.ru/news/> (дата обращения: 12.01.2022).
16. Будаев Э.В. Сопоставительная политическая метафорология. СПб. : Научное издательство «Лань», 2020. 446 с.
17. Химик В.В. Майдан как феномен русской и восточнославянской языковой действительности // Политическая лингвистика. 2015. № 3 (53). С. 57–64.
18. Полякова Т.М. Функционирование украинизма майдан в русском политическом медиадискурсе // Политическая лингвистика. 2014. № 4 (50). С. 173–179.
19. Кондратьева О.Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа // Политическая лингвистика. 2017. № 5 (65). С. 80–84.
20. Ходасевич Е.М. Эволюция вербально-деривационного поля политического медиаконцепта «майдан» в российских СМИ // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2021. № 4. С. 227–237.
21. Трифонов Р.А. Вербальные элементы политического дискурса как объекты метаязыковой рефлексии в современной украинской публицистике // Политическая лингвистика. 2014. № 1 (47). С. 201–205.
22. Батулина А.В. Устойчивые словесные комплексы языка политики как объект метаязыковой рефлексии // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2021. № 6 (39). С. 661–665. doi: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).661-665
23. Вепрева И.Т. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М. : ОЛМА-Пресс, 2005. 377 с.
24. Вепрева И.Т. Лингвосоциопсихологические особенности модного слова // Лингвистика креатива-5 / отв. ред. Т.А. Гридина. Екатеринбург : УрГПУ, 2020. С. 276–297.
25. Сперанская А.Н. Мода на слова как привычка массового поражения // Новая университетская жизнь. 16.11.2011. URL: <https://gazeta.sfu-kras.ru/node/3072>
26. Шмелева Т.В. Кризис как ключевое слово текущего момента // Политическая лингвистика. 2009. № 2 (28). С. 63–67.
27. Булкина И. «Никогда мы не будем братьями»: украинская и русская поэзия киевского Майдана // Новое литературное обозрение. 2020. № 6(166). С. 399–413.
28. Kononenko С. Evangelie vid poetiv // Kritika. 2015. № 3/4 (209/210). P. 20–27.
29. Stahl H. Poesie als politische Partizipation: Der virale poetopolitische Diskurs um Anastasija Dmitruks Videogedicht “Nikогда my ne budem brat’jami” auf YouTube // Zeitschrift für slavische Philologie. 2015. Jahrgang 71. Ausgabe 2. P. 441–477.
30. Соболева И.А. Концепт «майдан» в современном украинском медиаполитическом дискурсе // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : межвуз. сб. науч. тр. / отв. ред. А.Г. Пастухов. Орел : Орлов. гос. ин-т искусств и культуры, 2014. С. 168–174.

References

1. Skiperskikh, A.V. (2015) Maydan kak uley (zarisovki ukrainskogo politicheskogo protesta) [Maidan like a beehive (sketches of ukrainian political protest)]. *PolitBook*. 2. pp. 167–179.
2. Nefedov, I.V. (2015) Otrazhenie vzaimodeystviya sotsiuma i yazyka v internet-diskurse [Reflection of society and language interaction in Internet discourse]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologicheskie nauki*. 3. pp. 78–87.
3. Rezanova, Z.I. (ed.) (2011) Kartiny russkogo mira: sovremennyy mediadiskurs [Pictures of Russian world: a modern mediadiscourse]. Tomsk: ID SK-S.
4. Kushneruk, S.L. (2020) Ideological World Modelling in American Media Discourse. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 92–111. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/67/5
5. Mikhaylovskaya, M.V. (2021) K voprosu o lingvistike informatsionno-psikhologicheskoy voyny: ideologemy kak instrument semanticheskogo manipulirovaniya [Linguistics of information and psychological Warfare: ideologically-bound units as an Effective tool of semantic manipulation]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 19: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*. 3. pp. 222–232. (In Russian).
6. Radina, N.K. (2021) Methodology for identifying contextual ideologemes in digital media discourse (a case study of media discourse about COVID-19 pandemic). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10: Zhurnalistika*. 5. pp. 116–136. (In Russian). doi: 10.30547/vestnik.journ.5.2021.116136
7. Orlova, O.V. (2012) *Diskursivno-stilisticheskaya evolyutsiya mediakontsepta: zhiznennyy tsikl i miromodeliruyushchiy potentsial* [Discursive-stylistic evolution of the media concept: life cycle and world-modeling potential]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University.
8. Orlova, O.V. (2020) The Media Concept Oil Today: The Formation of the Petroleum Metaphor. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 64. pp. 76–92. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/64/6
9. Novikova, V.P. & Chelpanova, E.V. (2019) Media Concept “Gig economy” on the Political Arena. *Politicheskaya lingvistika*. 5 (77). pp. 88–96. (In Russian). doi: 10.26170/pl19-05-09
10. Fel'de, O.V. (2021) Temporal and discursive variation of the “Boguchanskaya Hydroelectric Power Plant” concept *Sibirskiy filologicheskii forum*. 4 (16). pp. 58–71. (In Russian). doi: 10.25146/2587-7844-2021-16-4-92
11. Tsvetova, N.S. (2021) Current Media Concepts: Dynamics of Value Meanings. *Gumanitarnyy vektor*. 16 (4). pp. 107–116. (In Russian). doi: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-107-116
12. Boldyrev, N.N. (2016) [Typology of concepts and language interpretation]. *Novaya Rossiya: traditsii i innovatsii v yazyke i nauke o yazyke* [New Russia: tradition and innovation in science and language]. Proceedings of the International Conference. Yekaterinburg, Russia. 28–30 September 2016. Moscow; Yekaterinburg: Kabinetnyy uchenyy. pp. 16–25. (In Russian).
13. *Russian National Corpus*. [Online] Available from: <https://ruscorpora.ru/> (Accessed: 17.01.2022).
14. *Informatsionno-analiticheskaya sistema “Medialogiya”* [Information and analytical system “Medialogy”]. [Online] Available from: <https://www.mlg.ru/> (Accessed: 15.07.2021).
15. *Sluzhba avtomaticheskoy obrabotki i sistematzatsii novostey “Yandex.Novosti”* [Yandex.News, a service for automatic processing and systematization of news]. [Online] Available from: <https://yandex.ru/news/> (Accessed: 12.01.2022).
16. Budaev, E.V. (2020) *Sopostavitel'naya politicheskaya metaforologiya* [Comparative political metaphorology]. St. Petersburg: Naukoemkie tekhnologii.
17. Khimik, V.V. (2015) Maidan as a phenomenon of Russian and East Slavic linguistic reality. *Politicheskaya lingvistika*. 3 (53). pp. 57–64. (In Russian).
18. Polyakova, T.M. (2014) Ukrainianism *maidan* in the Russian political media discourse. *Politicheskaya lingvistika*. 4 (50). pp. 173–179. (In Russian).
19. Kondrat'eva, O.N. (2017) Maidan in the metaphorical mirror of the Russian mass-media. *Politicheskaya lingvistika*. 5 (65). pp. 80–84. (In Russian).
20. Khodasevich, E.M. (2021) Evolution of the Verbal-Derivational Field of the Political Media Concept of “Maidan” in the Russian Media. *Aktual'nye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki*. 4. pp. 227–237. (In Russian).
21. Trifonov, R.A. (2014) Verbal elements of political discourse as objects of metalingual reflection in contemporary ukrainian publicistics. *Politicheskaya lingvistika*. 1 (47). pp. 201–205. (In Russian).
22. Batulina, A.V. (2021) Stable verbal complexes of the language of politics as an object of metalanguage reflection. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 6 (39). pp. 661–665. (In Russian). doi: 10.34680/2411-7951.2021.6(39).661-665
23. Veprev, I.T. (2005) *Yazykovaya refleksiya v postsovet'skuyu epokhu*. Moscow: OLMA-Press.
24. Veprev, I.T. (2020) Lingvosotsiopsikhologicheskie osobennosti modnogo slova [Linguo-socio-psychological features of a fashionable word]. In: Gridina, T.A. (ed.) *Lingvistika kreativa-5* [Linguistics of the creative-5]. Yekaterinburg: Ural State Pedagogical University. pp. 276–297.
25. Speranskaya, A.N. (2011) Moda na slova kak privychka massovogo porazheniya [Fashion on words as a habit of mass defeat]. *Novaya universitetskaya zhizn'*. 16 November. [Online] Available from: <https://gazeta.sfu-kras.ru/node/3072>
26. Shmeleva, T.V. (2009) Krizis kak klyuchevoe slovo tekushchego momenta [Krizis (crisis) as the key word of the present moment]. *Politicheskaya lingvistika*. 2 (28). pp. 63–67.
27. Bulkina, I. (2020) “Nikogda my ne budem brat'yami”: ukrainskaya i russkaya poeziya kiev'skogo Maydana [“We will never be brothers”: Ukrainian and Russian poetry of the Kyiv Maidan]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. 6 (166). pp. 399–413.
28. Kononenko, C. (2015) Evangelie vid poetiv. *Kritika*. 3/4 (209/210). pp. 20–27.
29. Stahl, N. (2015) Poesie als politische Partizipation: Der virale poetopolitische Diskurs um Anastasija Dmitruks Videogedicht “Nikogda my ne budem brat'yami” auf YouTube. *Zeitschrift für slavische Philologie*. 71 (2). pp. 441–477.
30. Soboleva, I.A. (2014) Kontsept “maydan” v sovremenno ukrainskom mediapoliticheskom diskurse [Concept ‘maidan’ in modern ukrainian media-political discourse]. In: Pastukhov, A.G. (ed.) *Zhanry i tipy teksta v nauchnom i medijnom diskurse* [Genres and types of text in scientific and media discourses]. Oryol: Oryol ov. gos. in-t iskusstv i kul'tury. pp. 168–174.

Информация об авторах:

Кондратьева О.Н. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка и литературы Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: Olnik25@mail.ru

Ходасевич Е.М. – канд. филол. наук, преподаватель кафедры общих гуманитарных и социально-экономических дисциплин Кемеровского государственного университета (Кемерово, Россия). E-mail: elena.uslanowa@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.N. Kondratyeva, Dr. Sci. (Philology), professor, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: Olnik25@mail.ru

E.M. Khodasevich, Cand. Sci. (Philology), lecturer, Kemerovo State University (Kemerovo, Russian Federation). E-mail: elena.uslanowa@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 25.04.2023;
одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 25.04.2023;
approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 821.161.1
doi: 10.17223/15617793/498/6

Концепция музыки К.Д. Бальмонта и ее воплощение в книге стихов «Дар земле»

Глеб Максимович Маматов¹

¹ Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия,
zarra8@yandex.ru

Аннотация. Рассматривается тема музыки в книге стихов К.Д. Бальмонта «Дар земле», ее символика, мифопоэтике и композиции, а также связь этой темы с эстетикой поэта, мифологией древних народов и философией русских младосимволистов. С В.И. Ивановым и А. Белым Бальмонта роднит понимание музыки как объединяющей силы, концепция Мировой Симфонии, разделение мироздания на два противоположных начала, близких дионисийству и аполлонизму. Но музыка – звучание первостихии, ради которого необходимо принести себя в жертву. Мировая Симфония символизирует абсолютную гармонию в вечно изменяющемся мире, все части которого звучат в консонансном согласии.

Ключевые слова: Бальмонт, музыка, симфония, поэзия эмигрантского периода, «Дар земле», символизм

Для цитирования: Маматов Г.М. Концепция музыки К.Д. Бальмонта и ее воплощение в книге стихов «Дар земле» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 47–58 doi: 10.17223/15617793/498/6

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/6

Konstantin Balmont's concept of music and its embodiment in his book of verses *A Gift to the Earth*

Gleb M. Mamatov¹

¹ Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russian Federation,
zarra8@yandex.ru

Abstract. The article is dedicated to the theme of music in Konstantin Balmont's book of verses *A Gift to the Earth*. I analyze its symbols, mythopoetics, and composition. This theme is primarily described in the poet's theoretical works, in his books of travels (*Sun Power*, *Snake Flowers*, *Land of Osiris*, "*Light-Sound in Nature* and *The Light Symphony of Scriabin*", *Poetry like Magic*). In Balmont's aesthetical position, music is the cosmogony power, which participates in the creation of the world. It is created by the Sun and the Moon and correlates with the theme of cosmogony, Space, with World Symphony and Global Harmony. In this conception, the role of the Artist is extremely important. He is a son of the Sun and his music has world-creating power. But the Artist-Demiurge must sacrifice himself for this Great Music. Balmont's ideas are connected with his mythopoetic views and with the conception of the younger generation of Russian symbolists (A. Bely and V.I. Ivanov). The Artist is the torn and resurrected God. In Ivanov's poetics, this God is Dionysus; in Balmont's works, it is Osiris. Like in conceptions of Bely and Ivanov, in Balmont's art, the world space is constructed from two elements, and at the heart of this world is World Symphony. Balmont repeats central images of the Dionysian conception (wine, grape, death, dance, bacchanal, fire). But Balmont creates his conception based on other ideas. Apollo and Dionysus are transformed into Egyptian proleptic gods, and music is a divine spirit correlated with nature and heavenly luminaries. World Symphony symbolizes absolute harmony in the eternally transforming world, all parts of which sound in consonance concord. These views find a reflection in the book *A Gift to the Earth*. Music and Artist are a Divine Spirit, which has lived since the time of Chaos. In this harmony, the opposing elements of the World unite in Global Symphony. The central motif in the book is the sun music, which correlates with Ancient Egyptian myths. The sun and fire create a beautiful melody, which gifts sunlight and sun-sound to the earth. But the departure of the sun into the darkness symbolizes the death of music and the destruction of the world and life of the book's character, but the sun power is great and it wins. The image of the sun bell symbolizes the creation of the World and its new life, spring, flowering and fertility. I analyze the composition of *A Gift to the Earth*, which is close to the leitmotiv structure of Symphony; the composition is dynamic and whirling due to the constantly recurring leitmotivs and the rhythmic structure of the sonnets. This poetical symphonism is pronounced in the sonnet sequence "The Ring".

Keywords: Balmont, music, symphony, poetry of émigré period, *A Gift to the Earth*, symbolism

For citation: Mamatov, G.M. (2024) Konstantin Balmont's concept of music and its embodiment in his book of verses *A Gift to the Earth. Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 47–58. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/6

Введение

Изучая поэтику русского символизма, И.В. Корецкая пишет, что в указанном течении среди «искусств в духе романтической эстетики особенно почиталась музыка, наименее “рассудочный” и <...> наиболее “пророческий” тип творчества, проникающий в “тайну бытия”» [1. С. 79]. Одним из музыкальных поэтов она называет К.Д. Бальмонта – крупнейшего представителя старшего символизма [1. С. 88]. Тема музыки в его творчестве сквозная. В автобиографическом романе «Под новым серпом» он отмечал важность искусства звуков в своей жизни. Музыка обладает волшебной силой «завладевать душами», заставляя сердца биться в унисон, созидая гармонию из эклектики: «Единственная власть музыки, ее нездешнее, божеское преимущество сразу сливать воли и сердца, одним созвучием <...> сочетанием двух-трех звуков, и их чуть заметным уклонением к новому созвучию» [2. С. 1000]. Любовь к музыке, привитая матерью поэта Верой Николаевной нашла отражение в его лирике, поэтому у многих его книг музыкальные названия: «Фейные сказки. Детские песенки», «Жар-птица. Свирель славянина», «Птицы в воздухе. Строки напевные», «Хоровод времён. Всегласность», «Песни мстителя», «Песня рабочего молота». Важно, что и современники выделяли музыкальность как важную черту его лирики: «В музыкальных строках его звучит нам и грациозная меланхолия Шопена, и величие вагнеровских аккордов – светозарных струй, горящих над бездной хаоса» [3. С. 369].

В литературоведении к анализируемой теме филологи и музыковеды обращались часто. Исследователи изучали мифопоэтику музыки, ее связь с древними верованиями [4. Р. 126–127], образы [5; 6. С. 53, 73–74, 80–82; 7; 8. С. 131–136], концепцию звука/звучания [9. С. 254–267; 10. С. 91], отношения поэта с русскими композиторами [11; 12. С. 383–400; 13. С. 130–135]. Ряд работ посвящен синестезии в творчестве Бальмонта [4. Р. 126; 14. С. 121–124], синкретизму его поэтики [15]. Особое место занимают статьи о звуковой структуре его стихотворений и близости архитектоники его книг форме музыкального произведения [7; 16. С. 91–111]. Но лакунарной темой остается концепция музыки в книге «Дар земле», опубликованной в 1921 г. в Париже. В нее вошли миниатюры, написанные в последние дни, проведенные поэтом в России, и в первые годы эмиграции («в него [«Дар земле»] вошли стихотворения из “Перстня”, неизданной книги “Тропинки огня” и некоторые тексты из “Семи поэм”». <...> В контексте бальмонтовской эмигрантской лирики “Дар земле” рассматривать нельзя, однако уже заявлена тема, которая отныне станет для поэта главной, Россия» [17]. Н.А. Молчанова и П.В. Куприяновский пишут, что в книге нашли отражение события 1917–1920-х гг., а центральной темой стала общая для всех эмигрантов тоска по Отчизне [17]. Но в «Даре земле»

важность обретает концепция музыки, которая существенно отличается от музыкальности более ранней поэтики. В данном случае можно привести слова А. Белого, сказанные по поводу выхода «Будем как Солнце», о «перегибе» «от буддийской онемелости и величавого холода к золотисто-закатному, винному пожару дионисианства» [3. С. 366].

В многообразном звучащем художественном мире книги встречаются образы типичные, традиционные: трели птиц («Разливаются крики грачей», «И птичий щебет в забытии», «И лепет сказочный полужаснувших птиц»), вой ветра («Ветер заводит свой клич», «Бешено носится ветер»), журчание воды («И брызнул звонкий водопад»), голос (пение) («И смех ее светел, как звон серебра», «И далекая песня гребца на реке»), колокольчики («На тройке мчались мы под звуки бубенца»). Это доказывает важность аудиального восприятия мира, насыщенного разными звуками, что соотносится с мыслью Л.Л. Гервер: «Звуковой мир Бальмонта поражает своим многообразием – при том, что весь словарь звуков выдержан в едином смысловом ключе. <...> Многие стихотворения содержат настоящие каталоги звука» [6. С.81]. Действительно, в книге встречается более 40 лексем, обозначающих звучание: «звучный», «звон», «стозвонный», «перезвон», «созвучие», «певучий», «песня», «клич», «оклик», «перепев», «перепевный», «златоблаговест». У Бальмонта поэт даже древнерусский терем: «Все дни наши звеньями ласки мы мерим./ Нас Месяц дарит жемчугами./ А в полночь над нами узорчатый терем/ Резными поет петушками» («Созвенные») [18. С. 44].

Отметим миниатюру «Ночной дождь», где возникает ностальгическая тема. В шуме дождевых потоков, который «перепевом звучным» охватывает весь мир, герой слышит чудесную мелодию и вспоминает юность: «младенческие годы», «деревня, где родился я и рос», «первое свиданье», «старый сад», «береговой откос», «березовая роща». Тема музыки связана с циклической композицией, возникая в начальной («Я слушал дождь. Он перепевом звучным/ Стучал во тьме о крышу и балкон./ И был всю ночь он духом неотлучным/ С моей душой, не уходившей в сон» [18. С. 50]) и финальной («Я вспоминал невозвратимость счастья./ К которому дороги больше нет./ А дождь стучал и в музыке ненастья/ Слагал на крыше мерный менуэт» [18. С. 50]) строфах. В стихотворении тема музыки связана с эмигрантскими мотивами тоски по родине и ушедшей юности. В других произведениях музыкальная символика имеет иные коннотации, соотносясь с эстетикой поэта и русских младосимволистов.

Тема музыки в эстетических трудах Бальмонта

Название книги «Дар земле» можно трактовать как аллюзию на процесс жертвоприношения силам природы, что характерно для поэта, в чьей публицистике описываются заклятия людей в дар богам у языческих

народов: «Живое сердце, вырываемое из груди и поднимается рукою жреца к Солнцу, чтобы потом быть брошенным к лику страшного идола, хотело жить <...>. Но, символизируя вулканический Огонь, который, вырываясь из недр Земли, взматывается к Солнцу, это сердце не только гибло, но и знало, что его ждет блестящая новая жизнь» [19. С. 48]. В этом фрагменте из цикла очерков о мифологии ацтеков «Змеиные цветы» раскрыто авторское представление об аполлонизме и дионисийстве как единстве мировых стихий, слитых в образе солнца, основополагающего начала бальмонтовской космогонии. Обращение поэта к символике небесных светил позволило Н.П. Крохиной назвать Бальмонта аполлоническим эллином, в чьей поэзии царствует культ гармонии и красоты [20. С. 51]. На наш взгляд, это утверждение не бесспорно: в «Даре земле» дионисийское доминирует над аполлоническим. Важен тот факт, что на лирику Бальмонта 1920-х гг. оказала существенное влияние философия Вяч. Иванова [21. С. 70].

В творчестве поэта 1900-х гг. возникает мотив природного гармоничного космоса, состоящего из двух полушарий – Серебряного и Золотого Чертогов. В трактате «Солнечная сила» (1918), который стал прозаической прелюдией к книге «Будем как Солнце», мироздание зиждется на синтезе солярного и лунарного начал, каждое из них имеет свою силу и систему образов: «Луна, Лобзание, Снег, Молитва – четыре угла Чертога Серебряного, в котором любят и умирают. Солнце, Кровь, Гроза, и Жертва – четыре угла Золотого Чертога, в котором любят и живут» [22. С. 18]. В Солнце ярче выражено дионисийское начало, горящая звезда порождает творческую активность, вечную динамику в природе и связано с земледелием: «Оно принимает в несконченных рядах ликов и близкий нам лик Земли, которая травинкой, цветком, колосом и виноградной лозой мерирует Время» [22. С. 15], что близко Дионису по В.И. Иванову: «...бог умерший почитается как мужское начало подземной растительной мощи и нового возврата из сени смертной на лицо земли» [23. С. 120]. Важен и мотив опьянения: «...и дышит оно дурманящим духом нарцисса, и весело играет во все пьянящие игры Вещества» [22. С. 15]. Поэт упоминает танцующих менад, но для поэта вакханалия связана с солнечной силой: «Оно вцеловывает хруст и сдвиг в многоверстные полосы льда, мертвящего реку, и каждая мчащаяся капля водополя исполнена того же красивого творчества и той же оргийной пляски, с которой носятся над Русским прудом ласточки, побывавшие в Египте, и кружатся весенние хоробы девушки, вакханок всех стран» [22. С. 15]. Если Солнце – воплощение маскулинной энергии земли и огня, то Луна знаменует женское и влажное начало мироздания. Их синтез или создает творение искусства вселенского значения («Мировая Драма»), или приводит к деструктивным изменениям (потоп или пожар) [22. С. 17]. Светила имеют творческую энергию, Солнце – «гений превращения», а Луна – «гений преображения» [22. С. 15–16]. Но именно Солнце порождает жизнь, заставляя творца быть соучастником в его вечном созидании. Оно же способно вдохновлять на написание музыки, которая возникает из боли и животных

внутренностей: «Из тоски создает музыку. <...> Безгласное нутро животного обращает в рыдающие струны скрипки» [22. С. 12]. Художник – «творимый творец творящего творения», его роль заключается в созидании живой, творческой материи, а мир видится поэмой, части которой пребывают в вечной метаморфозе.

Эти идеи найдут продолжение в дальнейшем творчестве, где значение имеют космогонические мифы. Светила создают красоту: «Как Вечерняя звезда, звезда Утренняя, засвечаясь в голубых сумерках Неба, всегда загорается для души в первый раз <...> как детский смех, и стыдливость девической улыбки, и женская ласка, и певучее слово стиха» [24. С. 8]. Для поэта гармония – единство микро- (Малый мир, человеческое сознание) и макро- (Великий мир, безграничное, звездное) космосов (из травелога «Океания») [24. С. 13–14].

Рассмотрим концепцию музыки и творчества в очерках «Змеиные цветы» и «Край Озириса», где особое место имеет описание жертвоприношений и мифов о гибели и воскрешении богов. Музыка является стихией первоосновы, мироздательной силой: «Лик Земли еще не означался: было только безмятежное Море и все пространство Небес. Ничего еще не было, что было бы телом, ничего, что цеплялось бы за что-нибудь другое, что качалось бы, нежно касалось бы, что дало бы услышать звук в Небесах» [19. С. 93]. Библейская формула «В начале было Слово» имеет языческое истолкование. Это Слово – вселенский звук, чье появление стало причиной возникновения суши среди морской безбрежности. В этот момент творения возникает Мировая Симфония. Воплощением Космической Гармонии является союз человека и природы в неолитическую эпоху, «когда он создает космогонии и мифы, не оторвавшись еще от вечно-творческой Природы и чувствуя себя в слитной, вечно изменяющейся, мировой Симфонии, в которой он песня среди стозвучных песен» [25. С. 92].

Музыка связана со страданиями и жертвенностью ради обретения божественности. Для достижения чудесной гармонии нужно пережить опасности, несомые смертоносными стихиями: «...чтоб было Мирозданье со своими золотыми струнами, нужно также, чтоб струны порывались, чтобы струны, певшие так звонко, время от времени были порваны, и чтоб Ветер, в полноте Мироздания, был и холодным, и жестким» [19. С. 73]. Мир создается в муках, как и художественное произведение: «Я заглянул в многолистную книгу легенд, и с разных листов ее <...> на меня глянула <...> золотая мысль о Жертве, и о Преображении Жертвы, золотая мечта, и кроваво-красная, страшная, пугающая, и бесконечно-отрадная» [19. С. 73–74].

Поэт обращается к сюжету о гибели и воскрешении Озириса: «...означалась тень человека-бога, Озириса, что будучи богом, воплотился как человек, и был земножителем, и был царем, и был растерзан, и убитый воскрес, и стал владыкой царства бессмертного <...>. Прямо в окно мое глядел красный Месяц, и я не мог понять, ночное ли это светило Луна, посвященная чаровнице Изиде, или это ночное Солнце, которое, опустившись книзу с небесной высоты, начало свое многочасовое ночное шествие среди чудовищ и ужасов мрака,

чтобы наутро, – лик Озириса воскресшего, – снова сиять проснувшимся» [25. С. 69–70]. Озирис Бальмонта родствен Дионису Иванова. Поэты акцентируют внимание на растерзании бога, посмертной инициации, воскрешении, превращении в ночное солнце, противоположное дневному светилу, которым у Иванова становится Аполлон, а у Бальмонта – Амон-Ра. Рассмотрим сентенцию Вяч. Иванова: «В качестве бога страдающего и умирающего Дионис преимущественно отождествляется с солнцем запавшим и невидимым, светилом темного царства и сени смертной. <...> Аполлон – дневное, Дионис – ночное солнце, светящее в нижней полусфере, посвященному преданию в Элиде, так формулированному, вероятно, под дельфийским влиянием, но коренящемуся, по-видимому, в местном веровании в Диониса подземного – владыку отшедших и солнце теней» [23. С. 125]. У Бальмонта связь Озириса и Амона имеет иное значение: «...бог Солнца, Ра, сочетая свое имя с именами других богов, достигает, под именем Амон-Ра, все-Египетского значения, делается вышним царем всех богов, единым Богом, и постепенно принимает вторичный свой все-Египетский лик, лик бога убитого и воскресшего, пред-Христианский пресветлый лик Озириса» [25. С. 28]. Озирис – воплощение Амона-Ра, но не его противоположность. В обеих концепциях символисты отмечают тесную связь богов с музыкой. Бальмонт пишет об изобретении Озирисом свирели: «Он воззвал к воздушному богу Шу, зашумели камыши, зашептались тростники, зашелестели, ворвались в круглые отверстия тростников порывы ветра, зазвучала музыка, и так родилась свирель» [25. С. 71]. У Иванова флейта Диониса звучит земной музыкой, противопоставленной небесной лире Аполлона: «Борьба между Аполлоновой связующей струнной музыкой и прадионисийской разымчивой флейтой составляет одну из значительнейших страниц в истории древнейшей эллинской культуры» [23. С. 224].

В эстетических трудах о музыке и искусстве Бальмонт использует ту же образность, что и в очерках. Рассмотрим трактат о симфонической поэме «Прометей» А. Скрябина «Светозвук в природе и световая симфония Скрябина» (1917), где создается концепция Мировой Симфонии. Единство света и звука в скрябинской мистерии для Бальмонта становится наивысшей гармонией. Поэт выделяет синестезийность первородной музыки небесных светил, обладающих самобытным звучанием: «...эта мировая Певучесть, в подвижном своем лике, создает Autos Sacramentales рассветов и закатов, где цветовые симфонии и пляски красок не только сосуществуют, но и сопричинны с пением птиц и вскриками людей» [26. С. 11–12]. Художник выступает как носитель сакральной тайны искусства, жрец: «Творчески мыслящий и чувствующий художник <...> в миге чутком в сказку входит как в свой чертог, и знает, что звуки светят, а краски пьют, и запахи влюбляют, а слова разбивают горы и прорезают материи» [26. С. 13].

В трактате «Поэзия как волшебство» (1915) Бальмонт, на наш взгляд, полемизирует с А. Белым и Вяч. Ивановым. Творец в его понимании подобен растерзанному богу, чья кровь вводит в экстаз. Он приносит себя в жертву как Озирис и Дионис: «Если я полубог, и пойду к карликам, конечно, они убьют меня.

Снизойдя, я отдам свое божеское человеческому. Но малые человеки опьянятся моею кровью <...>. Хорош этот творческий напиток. <...> Стоит быть жертвой для него. А в душе есть Жертвенный Зверь» [27. С. 92]. Поэт – бог, должный быть растерзанным ради превращения в амброзию, опьяняющую и возвышающую дух и дарящую миру капли Красоты и радости. Мотив вина, неотъемлемая часть вакхических мифов, возникает у поэта в большинстве рассмотренных трудов и в его поэзии («Вино», «Хмель», «Хмельное Солнце», «Виноградарь»). Мировая Симфония – внеземная сила, проявляющаяся в сочинениях Вагнера и Бетховена как звуковое воплощение Софии: «Но мы не исчислим, почему тот или иной музыкальный вскрик Девятой Симфонии или Лоэнгрина, поражает нашу душу больше всего, – мы чувствуем только, что вот, мы прикоснулись к тайне» [27. С. 72]. В философии младших символистов (А. Белый, Вяч. Иванов) Хоральная симфония Бетховена и оперы Вагнера знаменовали духовное обновление мира, превращение человечества в хоровод и оргийное религиозное единство [28. С. 93–94; 29. С. 134–137]. У Бальмонта идея иная. Музыка – волшебство, ее природа энигматична и близка заклинанию [28. С. 71], а поэт – это маг, создающий художественные миры из ее энергии [28. С. 55, 83]. Для Бальмонта Симфония, как у других символистов, способна единить различные элементы в одно целое. В отличие от Вяч. Иванова и А. Белого, видевших соборность как хоровое братство людей, Бальмонт писал о музыкальном единстве мира как о слиянии различных частей бытия в природном гармоничном космосе [27. С. 56].

Таким образом, концепция музыки и искусства у Бальмонта в ряде позиций соприкасается с философией младосимволистов. Прежде всего, это понимание Мировой Симфонии как соборной силы, объединяющей сущее; разделение мира на два противоположных начала, взаимосвязанных друг с другом и упоминание сочинений Бетховена, Вагнера и Скрябина. Художник в мировоззрении Бальмонта является носителем неведомых сил, это бог-демиург, а музыка – сила, несущая и разрушение, и созидание. Важны для Бальмонта дионисийские мотивы жертвоприношения, опьянения, танца, цветения, плодородия, смерти, крови и огня. Однако существуют и явные отличия эстетических взглядов Бальмонта от философии его современников. Музыка соотносится с хтонической силой природных стихий, а божественность ее переплетена с могуществом светил. Дионис и Аполлон заменены божествами древних народов. Эллинизм младосимволистов, базирующийся на концепциях Р. Вагнера и Ф. Ницше, сменяется на архаичную мифологию. Важное место в идее мировой музыки у Бальмонта занимает концепция микрокосмоса (звучание неведомого мира меняет, прежде всего, человеческую душу).

Концепция музыки в книге стихов «Дар земле»

Рассмотрев эстетические труды Бальмонта, перейдем к исследованию концепции музыки в книге «Дар земле» (1921).

В программном стихотворении «Музыка» возникает аллюзия на идею гармоничного единства противоположностей. Музыка порождается из их *любвонной* взаимосвязи: «Музыка – женщина, пенье – мужчина,/ Даже и женское пенье./ В музыке звездная дышит картина/ Первого часа творенья./ Пение – после, в нем гулко эхо/ Дали, на миг приближенной./ Музыки дай мне, восторга, и смеха./ Петь тебя буду влюбленный» [18. С. 74]. Музыка – женская стихия, связывающаяся с темой первородного, хтонического начала, порождающим все материнским лоном. В данном случае звуковой фон песни есть нечто женственное и всеохватывающее. Поэзия же являет собой маскулинную природу. Звуки и слова без взаимодействия, без эротического слияния не представляют собой ничего, лишь в их экстатическом соитии порождается музыкальное произведение, символизирующее гармонию и являющее собой макрокосмос. Музыка есть колдовство, чара, которая околдовывает героя: «Женская чара владеет душою/ Вкрадливо, нежно, всевластно./ Женское сердце повсюду со мною./ Женщин пою не напрасно» [18. С. 74].

Однако не только музыка становится вечным духом, чей гул не теряется в веках. Образ творца в книге также связан с мотивом вечного звука. Художник – бессмертный дух, живший со времен до-космогонического хаоса, первоначальная стихия в стихотворении «Древней»: «Я чувствую, что я древнее, чем Христос,/ Древнее первого в столетиях Иудея,/ Древней, чем Индия, Египет и Халдея,/ Древней, чем первых гор пылающий откос» [18. С. 24]. Образ лирического героя можно интерпретировать двойственно. С одной стороны, это творец, который существует в любую эпоху, с другой стороны, это сам дух искусства, причем, здесь подразумевается его космогоническая роль, первым художником был Бог, витавший над просторами хаоса. Этот дух всемогущ и бесконечен, но в нем доминирует языческое начало, так как финальные стихи полностью отвергают религию как некий духовный стержень цивилизации, ставя ее по значимости ниже медузы: «К избранникам Судьбы идет от сердца уза,/ Все Божие Сыны живут в моих зрачках./ Но более всего я волн люблю размах,/ Всех вер священнее – медуза» [18. С. 24]. В сонете «Путь» предназначение поэта мыслится в его растворении в стихии музыки и небесного зодчества, он должен овеществиться и пережить метаморфозу в звуковой дух, бороздящий вселенную, стать мелодическим потоком и вернуться к первоистoku: «Вобрат в себя морскую глубину,/ Избрать разбегом небо голубое,/ Жить в скрипке, барабане и гобое./ Быть в сотне скрипок, слившихся в волну» [18. С. 17].

В связи с темой музыки как стихии первоосновы мотив тишины у Бальмонта «звучащий». Молчание мира воспринимается как особое переходное состояние природы, миг между безмолвием хаоса и музыкой творения. Во время безмолвия герой способен услышать природные благозвучия, которые несут воспоминания о первобытных временах и пространствах, связывая доисторическое прошлое героя и его настоящее:

«В тишине деревьев шелестящих,/ Перепевных, стройных, нешумящих,/ Лист к листу, листьями говорящих,/ Ловит мысль иные времена./ Океанский папоротник, лесом,/ Шелестит, завесы льнут к завесам,/ Пенится широкая волна./ Где я был за гранями столетий?» («В тишине») [18. С. 51].

Неслучайно книга стихов оканчивается миниатюрой «Звездный водомет», где появляется вновь образ Духа-Творца, наделенного божественными силами, создающего миры в просторах вселенной. Красота ночного неба, сложнейшие узоры из звезд, напоминающие струи застывшего фонтана («Я видел звездный водомет,/ Как будто Северное вдали сияние./ Воздушных искр застывший взлет,/ Сквозистых занавесей переливание» [18. С. 159]), – игра Мирового Духа, создание его волшебства: «От опал легчайший пух,/ Соткавший веерами игру слиянную,/ Смотрел в бездонность Вышний Дух,/ Стремя кудесничеством тоску безгранную» [18. С. 159]. Образ звездного фонтана представляется и позитивным, связанным с волшебством и божественностью Вышнего Духа, и трагическим: Теург находится в вечном одиночестве и в безграничной тоске, которую он должен преобразовать в воздушную игру. Необычно, что Творец предстает и как паук, сплетающий как бы из небесной и солнечной ткани особые миры, помимо него этой способностью наделено и солнце, ткань представляется всемирным полотном, на котором сплетено все сущее («Осень», «Час души», «Паутинки», «Мера», «Судьба», «Ворожба»). Очевидна архетипичность этого образа как Ткача-Божества, порождающего мир в древних мифологиях (Иштар, Нейт и Священный Паук в Египте, Афина в Греции).

Образ музыки как хтонической созидательной силы очевиден в мотиве пения светил. Символика солнца и огня опирается на древнеегипетскую мифологию в стихотворении «Четвёртый гимн Каирского папируса», которое посвящено Амон-Ра: «Единый лик в звенящем гуде,/ Творец единственный, поток без берегов,/ Из глаз твоих возникли люди./ Рот – сонм богов» [18. С. 131]. Звенящий гул – звуковой символ хаоса, в котором Амон-Ра создал гармонию; Ра несет исключительно творческую и витальную мощь, подобно Аполлону. Звуки хаоса трансформируются в гимны солнечному богу: «Создатель дрогнувшей Вселенной,/ Отец отцов, и бог, родитель всех богов,/ Прими напев наш вдохновенный,/ Весь жемчуг слов» [18. С. 132]. За солнцем сохраняется созидательная и божественная сила. Важно, что стихотворение связано с миниатюрой «Древней», где творец также был способен объять все века и пространства в едином взоре. Можно допустить, что в обоих случаях подразумевается связь творчества и солнечной божественной энергии, которая дана лишь избранным. Обретение солнечной божественности невозможно без жертвы и возрождения, что обнаруживается в предшествующем стихотворению «Четвёртый гимн каирского папируса» сонете «Живой и в смерти», посвященном Озирису: «Там в золотистых звездах потолок./ Там дева-мать, вернейшая супруга,/ Вернула в жизнь растерзанного друга» [18. С. 129]. Растерзание –

залог возрождения и обретения вечности для бога-музыканта и для Древнего Египта, который Бальмонт считал цивилизацией духа и красоты [30. С. 180–193]: «Вздыхаясь к Солнцу, обелиск высок./ Семь тысяч лет твой мед еще не выпит./ Живой и в смерти, сад богов, Египет» [18. С. 129]. Таким образом, эти стихотворения образуют «египетский диптих» в «Даре земле», в них показан цикл бытия солярного божества: космогония – мучительная гибель – возрождение – обретение вечности – победа над смертью.

Образ творческого солнца наблюдается и в других стихотворениях. В сонете «Жёлтая роза» солнце представлено пламенным цветком, дарующим поэту способность к пению: «Одним тобой я избран к жизни в мире,/ И светлый лик и дар певца мне дан,/ О, роза бездн, небесный Гюлистан,/ Верховный знак, чтоб звук зажегся в лире» [18. С. 7]. Творец выделяет себя как солнечного жреца, божественного избранника, несущего музыку небесного огня. В произведении сохранены главные идеи творчества; художник – Демиург, играющий мелодию изменяющегося мира, чей дар музыканта-лирика порожден солнцем: «Я принял в дух свой Солнце искони». На протяжении всей книги солнце сохраняет связь с музыкой как созиданием. В миниатюре «Пламецвет» чудесный цветок звучит гармонией огня («Неспетый вспев души, в любовь влюбленной»). Солнце выступает в своей связи с дионисийством («Он спаян Солнцем в перстень снов зажженных»). Лепестки небесного цветка сотканы из крови и огня: «Обрывок ткани, кровью напоенный», «Прицветником кровавым окаймленный», «Беседка лепестковая огней». Обретение солярных миров, к которым ведут огненные лестницы, стоят творцу жизни: «Я бросил сердце в это пламя мира,/ И вижу взлет горящих ступеней» [18. С. 11]. О. Ханзен-Лёве отмечает: «Если с дионисийским полюсом сопряжены символы “огня” <...> то в аполлоническом, естественно, доминируют визионерские мотивы “света”» [31. С. 107]. Пламя, несмотря на дионисийскую сущность, имеет звучание гармоничное и созидательное, потому аполлоническое и дионисийское в образе огня соединены. В этот контекст вписывается тема «цветочной синестезии». Связь огня с флорой создает тонкую магическую музыку. В стихотворении «Цветочный звон» благозвучие растений тихое, воздушное и сказочное. Гимн заре, который поют распускающиеся из бутонов цветы, – нечто волшебное, сплетенное из снов и грез: «Если цвет в дремоте лунной/ Расцветает в миге снов,/ С чуть разъятых лепестков/ Свеян звон легчайше-струнный,/ Легче праха от снегов,/ Тоньше пряди облаков,/ Тише фейных – к сильфе – слов» [18. С. 27]. Пение цветов объята пламенной гармонией: «Призрак музыки в Огне».

Огонь имеет способность издавать особую мелодию, которую слышит герой на небе и на земле. В стихотворении «Из пламени» стихия трансформирует мир в поэму-симфонию. Пожар лучей превращает небеса в грандиозный «синий храм», окруженный облаками-строфами и звучащий в благодатной музыке грозы, дарующей вдохновение: «Но, изведав свет жемчужных

строк,/ Дав громам восторг и буйство пеня,/ Синий храм спокоен и глубок,/ Вскинув огнецвет пресуществленья./ Мерная гармония вверх,/ Облака – преображенья чувства,/ Тучка к тучке – мысль и стих к стиху,/ Грозовые замыслы искусства» [18. С. 29]. Дионисийство имеет витальную природу, герои опьянены страстью, даруемой светилем. Но оно порождает и музыку смерти, dance macabre, который танцуют воинственные туземцы Океании. В миниатюре «Костёр» огненная сила опьяняет героя-воина, заставляя его убивать врагов и делать из их костей свирель: «Я взял свирель из кости человека,/ И песнью славы грусть утраты стёр» [18. С. 18]. Нельзя не согласиться с О. Ханзен-Лёве: «дионисийскому приличествуют духовые инструменты», которые «служат удлинением тела, и проявляют дионисийское участие в апокалиптическом» [32. С. 111]. Обратим внимание на стихи «Мы грабили селенья берегов,/ И пили меда полные кувшины» [18. С. 29]. Мотив меда также связан с дионисийством, о чем размышлял и В.И. Иванов. Важно, что у Бальмонта образы меда и пчел в книге соотносятся с Танатосом и Эросом и имеют особое звучание. Если в «Костре» это боевые кличи флейты, то в миниатюре «Вишня» звучит хрустальный звон пчелиных крыльев: «Пчелиных крыл хрустелен звон,/ К тебе все ближе, ближе он,/ Раскрой же чашечку цветка,/ Чтоб пела сладкая тоска» [18. С. 65]. После цветов на ветвях вырастают винные ягоды вишен, которые, как и мед, опьяняют героя: «А после, вишни белый цвет,/ Мелькнет, как ягод алый бред,/ И в нас вином войдет в свой срок/ Душистой вишни красный сок» [18. С. 65]. У поэта пчелиный мед связан с темой растерзания бога: «Из крови полубога, убитого карликами, и меда, собираемого пчелою с цветов <...> желтый пахучий мед и богомольный воск, что хранятся в заветных кладовых улья, эта звездность еле зримых цветочных пылинок, столь же нежных, как красочная пыльца крыльев бабочек, есть наиболее тонкая, и наиболее верховная из всего богатства самого цветка» [27. С. 91–92]. Образы меда и пчел связаны с солнцем, что наблюдается во многих его стихотворениях («Пчела» из книги «Птицы в воздухе» (1908)).

Мотиву солнечной музыки противопоставлена тема безмолвной тьмы, что соотносится с символической смертью огненной звезды. В стихотворении «Солнце» восприятие дневного светила иное. Уход солнца во мглу соотносится с потерей героем близкого существа, что несет страдания, гармония не дарует счастья, а в мире царствует мертвая, покрывающая все тишина: «Я стою на пределе, и шаром кровавым/ Ты уходишь за горы, уплываешь за Море,/ Я смотрю, но над лесом, осенним и ржавым,/ Только ветер – с собой в вековом разговоре./ Вот я один. Клад утрачен мой ценный./ И хоть целое Солнце заключаю я в сердце,/ Разлюбив человека, я лишился Вселенной./ Нет больше веры в единоверце» [18. С. 118]. Вселенная сменяется бездной. Герой находится в холодной пустоте, где отсутствие солнечной энергии обуславливает затихание звуков и исчезновение красок. Следующее за ним стихотворение «Ночь» открывается строчкой, отсылающей к лирическому сюжету «Солнца»: «Ночь, с миллионами солнц, разбросавшихся в дали бездонной,/ Ночь,

в ожерельях из звезд, и в запястьях из синих планет./ Ночь, всеокрестная тьма, и вселенский покой углубленный./ Ночь, замирение души, выходит не хотящей на свет» [18. С. 119]. Ночь представлена образами красочного звездного неба – это грандиозный космический пейзаж, торжественность этой картины придает использование гекзаметра и анафоры «Ночь», начинающей все строки; четкое дактилическое ударение на этом икте выделяет центральность этого мотива. Весь мир находится в первобытном хаосе вечной ночи. Душа пребывает в состоянии страха, молчание знаменует тьму, а отсутствие музыки заставляет героя желать смерти: «Ночь, ниспустиись мне в глаза, погрузи меня в вечный покой». Но свет побеждает тьму. В стихотворении «Как возникает стих» солнечная музыка дарует вдохновение, возникает мотив первобытного бытия творчества: «И в час, когда ударит Солнце/ Свой златоблагост по небу/ И колокол округло-синий/ Лучистой музыкой звучит/ <...> Так хорошо ему и больно./ Из тайны хочется на воздух./ Опять разрыв, опять раскрыть./ И разломился изумруд./ Мерцает алая гвоздика./ Блаженным светится румянцем./ Являет зарево желанья./ Поет безмолвным угольком» [18. С. 136]. Солнце представляется гигантским золотым колоколом, чей гром подобен пасхальному звону, что знаменует воскрешение мира, его солнечное, духовное перерождение и весенний расцвет.

Иное звучание в книге исходит от луны, пример этой музыки обнаруживается в сонете «Симфония». В этом стихотворении возникает мотив Мировой Симфонии, соотносящейся с космогонической мифологией. В ноктюрне повторяется идея музыкальной космогонии, появления первого звука среди хаоса, где существуют только море и луна: «В равнине вод зазыбилось движение./ И свежий, тишь прорвавши, всплеск возник» [18. С. 9]. Луна выступает божеством, преобразующим океанские просторы, отвечающие ей громом, небесное и водное соединяются в этой симфонии, а лунный свет обладает звучностью («Луна велит. В луче зазывает кимбала»): «Он перешёл в протяжный влажный клик./ Во вспехах волн всё дышит окруженье./ В Луне вверху магнит воображенья./ В глубинах взрыв, что с часом будет дик» [18. С. 9]. Это соединение лунного света и шума волн инструментировано аллитерациями на сонорный «л», щелевые «ш», «ж», «в». Такое сочетание согласных создает звучание плавное, соотносится с миниатюрой по смыслу, анаграмматически вводя тему влажности и имитируя звуки ночи, ее шелесты и шорохи. Следует учитывать мысль О. Ханзена-Лёве, выделявшего в мифопоэтическом символизме концепцию гармоний сфер, когда свет луны и звезд обладает прекрасной гармонией, что восходит к идеям Пифагора: «Мифологема гармоний сфер как выражение соответствия внутри космического устройства наделяет “звук”, “звучание” такой же миро- и животворящей энергией, как и визуально-визионерский свет (“свет”, “луч” и т.д.) и родственную ему экзистенциальную функцию огня, горения» [32. С. 94]. Мотив гармонии сфер проявляется и в других ноктюрнах, где звездное небо

издает чудесное звучание и заставляет петь различных существ («Созвенные», «Звезда»). Творец у Бальмонта обладает особенно тонким и чутким слухом, ради перевода этой музыки на язык слов, что важно в мифопоэтическом символизме [32. С. 74].

Луна у Бальмонта, как и солнце, дарит вдохновение и радость творчества, превращая плоть в музыку. Можно сказать, что внутренний и внешний миры тесно взаимосвязаны, а Musica Mundana и Musica Humana полностью слиты в героя, чья душа вмещает в себя вселенную («Любимая», «Зеленый диск», «Чара»). Это обусловлено идеями поэта. Музыка луны имеет большую изысканность звучания, в отличие от солнца. Ночное светило порождает серебряное пение соловья: «Природа посылает лунное серебро в горло соловья, и, покорный этому дару, трубадур Ночи слагает с начала мира лунно-любовные песни, он научил всех поэтов Земного Шара лунным балладам и влюбленности, всем музыкантам подарил лунные серенады и сонаты влюбленности. <...> В лунную же ночь он поет с такой стройностью, что Джалаладдин Руми, и Хаканий, и Гафиз от него переняли дар строить жемчужные ожерелья из слов и власть рассыпать розовые лепестки напевности пред ликами сладчайшими черноокой Персии» («Светозвук в природе и световая симфония Скрябина» (1917)) [27. С. 15–16].

«Дар земле» как поэтическая симфония

Важно, что тема мировой симфонии проявляется в мотиве гармонии леса («Морской волны седое бормотанье./ Органный бор в разбуженной глуши./ Все говоры вещанья хороши./ О, ветер, хорошо твое рыданье» («Говоры»)) [18. С. 10]) и на уровне композиции книги. Тема музыки выражена благодаря ритмической структуре и жанровой системе. Значимая часть стихотворений написана в форме сонета. Поэт стремится к абсолютной гармонизации, их ритмическая структура представляет собой почти всегда идеальный пятистопный ямб. Важна мысль А.И. Ванюкова о миниатюрах в книге «Сонеты Солнца Меда и Луны», «складывающихся в уникальную авторскую книгу сонетов, книгу символов, книгу-“чертог”. <...> Автор складывает и ведет “сонетное течение” <...> в котором основными, концептуальными являются заглавные символы, “звездные знаки”» [33. С. 181]. «Дар земле» также близок этой концепции, заданной в «Сонетах Солнца, Меда и Луны». Множество сонетов по своей форме и смыслу создают «книгу в книге», образуя шкатулочную композицию. Тематически все сонеты связаны. Соединение по символике и ритму создает единство книги, а сплетение мотивов и ритмов близко строению симфонии, когда ряд лейтмотивов (кратких музыкальных и постоянно повторяющихся фраз) создает цельность симфонического произведения, например, в симфониях Мендельсона и Моцарта: «...суть его состоит в варьированном проведении одной и той же темы или тем сквозь все части одной инструментальной композиции» [34. С. 74]. В симфонии лейтмотивы могут символически объединяться с помощью музыкальных средств, например, благодаря одинаковой тональности

(лейтмотив судьбы в Пятой симфонии Чайковского). Повторение лейтмотивов создает особые взаимосвязи между ними, которые можно назвать кольцевыми. Понятие лейтмотива сближает поэзию и музыку в полной мере. Более того, мотив круга в различных ипостасях возникает в книге «Дар земле», где дублирующиеся темы и ритмы создают циклы («Венок», «Круг»). Миниатюры соединяются в кольцо или хоровод, что создает композицию динамичную, *кружащуюся*. Квинт-эссенцией поэтико-симфонической концепции стал венок сонетов «Перстень». Основными темами книги, как было выявлено из предыдущего анализа, стали музыка, искусство, созидание, космогония, любовь и гармония. Эти темы проходят через всю книгу и постоянно повторяются в венке сонетов, который следует проанализировать подробнее.

Первый сонет представляет собой идиллическую картину созерцания лирическим героем «затона» около монастырского сада. Основная тема сонета – противопоставление гармонии и красоты мраку, куда падает герой: «Кто знал за страстным счастьем постриженье,/ Он перешел из мая в темноту,/ Но в сумраках я кружево плету./ Сцепление скреп и мраков разряженье» [18. С. 143]. Мотив падения сочетается с темой плетения, герой – творец-ткач, что повторяется во многих стихотворениях. Но конфликт хаоса и света разрешается, что типично для старшего символиста, священной полифонией церковного хора.

Второй сонет соприкасается с первым благодаря образу сада и круга («Нагроможденье каменных громад/ Безмерным перстнем остров оковало» [18. С. 144]), также в нем вводится тема музыки, основная для всей книги: «Душа, познав, разумный любит лад./ Кто знал разбег и все кипенье вала,/ В нем радостность скитанья миновала./ В нем струны тихой музыкой дрожат» [18. С. 144]. В этом катрене наблюдается противопоставление концепции музыки в книге, герой прошел путь творца-жертвы, осознав судьбу, потому его внутренняя музыка несет ему смирение и покой, что наблюдается и в образе цветов, которые противоположны цветам страсти в предыдущих стихах (пламецвет, черный тюльпан, вишня, желтая роза): «Красивы чаши крупных белых роз», «Кадильницы молитвенные лилий», «Гвоздики алой тонкий аромат».

В третьем сонете наблюдается противопоставление второму. Аромат гвоздики вводит героя в мир его молодости и страсти, описанный в предыдущих стихотворениях. В этой миниатюре появляются как бы два героя: молодой и старый, что выражено приемом автодиалога: «Ты был со мной, давно умерший брат,/ С тобой мы были в молнии одеты/ Мы были духи, гении, поэты,/ Я песни наши записать был рад» [18. С. 145]. Тут возникает образ поэта-духа, демиурга, основополагающий в книге стихов. В этом сонете появляются мотивы дионисийские, возникавшие в других миниатюрах; очевидно начало их развития в «Перстне», что соотносится с идеей о музыке и искусства в книге, где дионисийство побеждает: «О пламени иных желанных глаз./ Всех вышних звезд мерцает в них течение./ Всей Вечности предвозвещенный час./ Любимого к любимой приближенье» [18. С. 145].

Четвертый сонет продолжает тему любви, которая в нем соединена с мотивом круга. Эта корреляция мотивов знаменует цикличность от юности, когда происходит первая влюбленность («Когда весною любим мы впервые»), к зрелости, когда пламень этого чувства угаснет. Тема любовного кругового цикла связана с музыкой: «Любимого к любимой приближенье/ Пропето в Песни Песней всех времен./ На зыби самых яростных знамен./ В безумствах дел, в размахе достиженья» [18. С. 146]. Первые три сонета по своей ритмической структуре более традиционны, в данном случае начинается постепенное замедление звучания с помощью цезур, замедляющих звукоизвлечение, произношение сонетных строк особенно во втором катрене: «Тончайшая игра воображенья./ Дрожанье всех волшебных веретен –/ В жерле любви, – всевластен кто влюблен./ Без сна любви – беспечное круженье» [18. С. 146] (U / UU/ U / UU/ U / U( ) / U /U /U /UU/ U // U U /U // U /U /U / U U // U /UU/ U /U( )). В данном случае возникают свободные цезуры, появляющиеся в конце стиха и после второй стопы, что не характерно для постановки цезур в строгих стиховых формах. В финальном терцете цезура стоит между слогами во второй стопе («Позднее – тьмы и света в нас смешенье» – «U /U// /U /U /U /U»). В данном случае цезура как бы разрывает стопу на две части, акцентируя внимание на теме света и тьмы. На наш взгляд, столь сильное замедление в этом сонете также связано с музыкой, создавая имитацию романса и делая звучание мелодичным.

В пятом сонете возникает другая дионисийская тема книги – мотив стихии. Небо и море представлены в своей устрашающей громогласной мощи («В венце их молний, гром его раскат»). Стихийная сила заставляет героя вспоминать о своих ратных подвигах: «Я знал, как в битвах расцветает сталь». Совершенно иной смысл обретает цезура в этом сонете: «От берега до берега – моря./ В двух рубежах – пространство голубое./ Закат в одном – в другом краю – заря» [18. С. 147]. Нужно отметить, что этот сонет, в отличие от предыдущего, более динамичен за счет увеличения числа чистых ямбических стоп. Цезуры создают звучание резкое, мощное, близкое к декламации – «U / UU/ U / UU // U / (U)U/ U // U / UU/ U / U // U / U // U / U // U »). Такое маршевое звучание терцета связано с сонетом по смыслу (стихия, смерть, сражение).

В шестом сонете тема могущества стихии обретает иные смысловые оттенки, связываясь с мотивом творчества как природного, первобытного состояния; весь мир имеет гармоничное звучание: «Псалом вселенский вечной Литургии». Дионисийское состояние природы обуславливает ее красоту; важен мотив опьянения: «Лишь в бешенстве разлома все стихии/ Зиждительно красивы многократ./ Не только губит жатву крупный град./ В нем праздник формы, пляски круговые./ И старый сказ об искусившем Змие/ Весь перевит в пьянящий виноград» [18. С. 148]. Кружение приобретает иное значение. Это стихийная пляска, вакханалия, порождаемая искусством, она доводит творца до головокружения, как и все мироздание. В этом сонете лишь

одна цезура между обобщающим словом и однородными членами, но в данном случае пауза подчеркивает идею равенства всех живых существ перед ликом Творца: «Равны – цветок лужайки, горный скат...».

Седьмой сонет посвящен идее целостности как Мировой Симфонии, состоящей из противоположностей: «Сознание безумящий набат,/ И пляшущий бубенчик в поволоке/ Туманов предрассветных – одиноки/ И дружно слитны, звуку звук – собрат./ Что бьется выразительней для слуха» [18. С. 149]. Ради обретения этой Симфонии необходимо принести себя в жертву божеству искусства: «Вся жизнь есть жертва, мир – богослуженье,/ Все в жизни мировой есть выраженье» [18. С. 149]. Этот сонет наиболее медленный в венке, в нем шесть цезур, стоящих в разных местах, в данном случае паузы подчеркивают значимость темы слияния множества в единстве: «Все вещество – один священный Град» (UU/ U_ // U_ / U_ / U_), «Вся жизнь есть жертва, мир – богослуженье» (U_ / U_ / U_ // // UU/ U_ / U) – в этих строках цезура связана с темой сакральной и божественной музыки, объединяющей весь мир, что акцентируется двумя цезурами перед и после ударного икта («Мир») в разорванной третьей стопе. «Туманов предрассветных – одиноки/ И дружно слитны, звуку звук – собрат» (U_ / UU/ U_ / U // U_ / U_ / U (U)/ U_ / U_ / U // _ / U_ // U_). В этой фразе цезуры разрывают четвертую стопу третьего стиха и третью стопу четвертого, где возникает и пауза между четвертой и пятой стопами. Столь сильное замедление делает эти стихи особенно насыщенными по смыслу и звучанию.

В восьмом сонете искусство представлено единым и могущественным ликом, в котором звучат и горе, и радость. Ради бытия в творчестве необходимо пройти путь, полный тягот и испытаний: «Путь роз и путь тернового венца». Мотив круга, возникающий в образе тернового венца Христа, связывается с бытием религиозным, пророческой миссией поэта, приносящего себя в жертву как Спаситель. Музыка в этом сонете имеет священное значение, это проявление инобытия, звучащего в любом звуке вообще: «И мы могли бы в песне радость пить,/ Когда б закон миров нам был понятен: – / Все хочет хоть минуту говорить» [18. С. 150].

Девятый сонет связан с темой предназначения Творца. Искусство соединяет в себе отрицательные и положительные явления жизни, счастье неотделимо от горя: «Познать предел и рваться в беспредельность,/ И разрушать, чтоб новое творить./ Для царственного счастья созиданья/ Должны металл калить мы горячей./ Взять в нашу радость полноту страданья./ Сжать яхонт дня оправою ночей» [18. С. 151]. Искусство всегда связывается с разрушением, являющимся залогом построения нового.

В десятом сонете позиция художника изменена. Истинный творец должен вобрать в себя всю жизнь, «упиваться» ей и опьянеть дионисийски ради творческой благодати: «Упитья страстью, нежа и любя./ Упитья битвой, пляской вдохновенья,/ Упитья чем-нибудь, но до забвенья, –/ Вот лучший путь, чтобы найти себя» [18. С. 151]. Творчество – чрезмерное насыщение жизнью ради создания настоящего ше-

девра. Цезуры в этом сонете создают имитацию порывистой, страстной речи, переполненной эмоционально, подобно циклону: «Грозой, что ломит сучья по дубравам –» (U_ / U_ / U_ / UU/ U_ / U ( ) //), «Упитья чем-нибудь, но до забвенья –» (U_ / UU/ U_ / UU/ U_ / U ( ) //). Особенно явно данная тема проявляется в речи героя, отделенной цезурами («Призывом страсти: “Пей! Бери! Спеш!”» –» – U_ / U_ / U // _ / U_ // U_ //). Данный стих насыщен цезурами (три паузы), но замедление, как и риторические восклицания, здесь соотносится с эмоциональной переполненностью героя.

В одиннадцатом сонете творец предстает духом, способным трансформироваться в различных существ, о чем Бальмонт писал в стихотворении «Древней». Познание жизни во всей ее полноте, возможность превращения в пчелу, стрекозу, росу или грозу – все это позволяет создать живую ткань произведения искусства, которым являются в этом цикле симфония и поэтический текст: «Мелькнет, лампада ночи, светляком./ Нависнет аметистовым удавом,/ Червем, как храм, земли источит ком./ Возникнет альбатросом величавым,/ Задумает людей тканью учить/ Крестовиком, свою скрутившим нить» [18. С. 152]. В сонете возникает образ паука, которым является творец. Одиннадцатый сонет перекликается с первым, где поэт плетет кружево. Творчество вновь становится явлением близким плетению слов или нот в стихе или мелодии. Лампада ночи вводит образ луны, который обретает религиозное значение, это свеча в храме мира, которым в других миниатюрах является небо.

О творце-пауке написан двенадцатый сонет. Творчество понимается как могучая сила, способная сокращать богов. Вводится понимание мира как вечной метаморфозы, каждое существо имеет созидательные потенции: «Он радугой умеет распалить/ Отъединенный замок властелина,/ И так легко-изящна паутина,/ Что кружево лишь можно с ней сравнить [18. С. 153]. В этом сонете мотив круга, выраженный в образах кружева, паутины, узора, связан с полнотой жизни, могуществом искусства, способного вплетать в свои арабески целостность бытия. Появляется образ огня, дарующего творческие силы всем понимающим его мощь. Тринадцатый сонет отсылает к началу книги, где герой представлен горящим, но несгораемым в пламени: «Я горю, но не сожжен пожаром» («Мать моя»). В сонете огонь – и творческая сила, и стихия, помогающая герою преодолеть ужас бытия. Священное пламя – творческий дух, являвшийся всем мировым богам («Всем Буддам, Брамам, Зевсам, Иеговам»), что отсылает к миниатюре «Древней», где поэт – дух преображения, дарующий огонь очищения: «Сожжем себя, коль золота хотим,/ Сожги себя, коль хочешь возрожденья,/ Жар-Птицей будешь, реющей сквозь дым./ Из новых струн сверкнет иное пенье./ От перстня получи, – чтоб сон сменить, –/ Желанье в вечном миг свой сохранить» [18. С. 154]. Поэт должен пройти через горение ради воскрешения из пепла и обретения себя в новом статусе, подобно сказочной жар-птице или фениксу. Этот сонет вводит тему инициации, прохождения ада бытия ради Элизима искусства. Цезуры возникают в пред-

последней строке «От перстня получи, – чтоб сон смелить –» (U_ / UU/ U_ // U_ / U_ //). Поэт ставит смысловым акцент на теме сна, ухода в иной мир, куда ведет его героя волшебный перстень.

Четырнадцатый сонет необычен в венке и построен по принципу зеркала, так как он заканчивается стихами, являющимися первыми в первом сонете цикла («В воде затона ивы отраженье»), создавая внутри венка закольцованный отдельный цикл из четырнадцати сонетов. Поэт должен изменить себя с помощью огня, превратиться из минерала в драгоценный камень: «Умей огнем наряд свой изменить./ Был самородок в руднике глубоком./ В горнило брошен, изменил свой лик./ И круг искусно скован. Ярким оком/ В нем самоцвет колдующий возник» [18. С. 155]. Круговая структура венка сонетов знаменует преображение героя, прохождение им цикла от рождения до становления в нечто прекрасное и превращение в драгоценный камень в небесном кольце высокого искусства.

Финальный мадригал замыкает и венки сонетов, и всю книгу, становясь ключом к осмыслению феномена «Дара земли». Это стихотворение представляет собой подведение итогов размышления о бытии, искусстве и роли художника. Все в мире есть выражение некоего трансцендентного духа творчества и искусства, и каждый символ этого запредельного бытия должен обладать звучанием, даруемым священным огнем и порождаемым небесными светилами: «Морской волны вспененное движенье,/ В венце из молний гром, его раскат./ Орел, и тигр, и мотылек, и гад./ Все в жизни мировой есть выражень./ Все хочет хоть минуту говорить./ Молчанием и напряженным словом./ Звездой небес и запахом сосновым, –» [18. С. 156]. Сам мир представляется вечно меняющейся материей, в которой все элементы сотворяют и изменяют друг друга. Одним из возможных способов этих изменений становится пение, звук которого позволяет остаться эхом в вечности. В мадригале переплетаются основные мотивы как этого венка сонетов, так и «Дара земле»: дионисийская концепция искусства и Духа-Творца (море, волна, гром, молнии, огонь). Музыка есть первобытное стихийное начало, которое приводит поэта к духовному очищению через страсть, горение в священном пламени и его кровавое уничтожение, несущее бессмертие и преображение в бога или в небесное светило, что связывается с мифопоэтикой (миф об Озирисе и Амоне-Ра). В самом мадригале цезуры в конце четвертого стиха первой строфы и четвертого стиха первого тер-

цета выполняют и весьма необычную роль анжамбемана, объединяя между собой катрены, отделенные от терцин точкой и, собственно, терцеты в две смысловые части: «Любимого к любимой приближень, –/ Морской волны вспененное движенье <...> Звездой небес и запахом сосновым, – Крестовиком, свою скрутившим нить...» [18. С. 156]. Если первая часть есть описание разнородных элементов бытия и природы, то вторая – это выражение музыкального единства, данная композиция мадригала способствует и тому, что в сонете дан итог концепции музыки книги: искусство – священный дух, соединяющий элементы бытия в консонансном созвучии мировой симфонии, ради которой все на земле желает «в вечном миг свой сохранить».

Выводы

Концепция музыки и творчества в книге «Дар земле» вписывается в парадигму символистской эстетики как самого К.Д. Бальмонта, так и русских младосимволистов – В.И. Иванова и А. Белого. В книге находят отражение идеи музыки как стихийной силы, некоего первобытного духа, что восходит к культам Египта и Океании. Музыка – порождение солнца и луны, основных граней бальмонтовского космоса, она создается огнем, становясь духом творчества, заставляющим художника созидать. Это понимание наблюдается в миниатюрах о звучании солнца, где кроме космогонической могущественной музыки существует и клич костяной флейты, опьяняющий героя, отправляющегося на сражение и играющего на дудке из своего врага. У Бальмонта музыка содержит в себе связь с первобытным искусством, как одна из первостихий бытия. Ради искусства необходимо принести себя в жертву, сгореть в очистительном огне и выйти на новый цикл творческого существования. В книге возникает идея Мировой Симфонии, символизирующей абсолютную гармонию в вечно изменяющемся мире, все элементы которого должны зазвучать в мелодии. Эта концепция проявляется и в отдельных стихотворениях, и на уровне композиции, которая основана на принципе симфонизма. Книга «Дар земле» Бальмонта построена как музыкальное симфоническое произведение – на круговом сцеплении лейтмотивов, которыми являются образы и ритмы, чье повторение-вращение создает целостность книги и находит свое воплощение в венке сонетов «Перстень», являющемся кодой этой лирической симфонии.

Список источников

1. Корецкая И.В. Символизм // История всемирной литературы : в 8 т. Т. 8. М. : Наука, 1994. С. 78–94.
2. Бальмонт К.Д. Полное собрание поэзии и прозы в одном томе. М. : Альфа-Книга, 2011. 1399 с.
3. Белый А. Бальмонт // Луг зеленый. Критика. Эстетика. Теория символизма : в 2 т. Т. 1. М. : Искусство, 1994. С. 366–375.
4. Sundaram S. The land of thought: India as ideal and image in Konstantin Balmont's oeuvre. Columbus : The Ohio State University, 2004. 233 p.
5. Петрова Т.П. Певучая сила поэта Константина Бальмонта. Иваново : Изд-во О.В. Епишевой, 2012. 304 с.
6. Гервер Л.Л. Музыка и музыкальная мифология в творчестве русских поэтов (первое десятилетие XX века). М. : Индрик, 2001. 248 с.
7. Епишева О.В. Музыка в лирике К.Д. Бальмонта : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2008. 20 с.
8. Будникова Л.И. «Когда звучат аккорды мироздания...»: Музыка в поэтической мифологии К. Бальмонта // Литература в контексте современности. Челябинск, 2005. С. 131–136.
9. Эткинд Е.Г. Теория звукового символизма // Материя стиха. СПб. : Гуманитарный союз, 1998. С. 254–267.
10. Прокофьева Л.П. Авторская модель звуко-цветовых ассоциаций как составляющая идиостилия (по данным метатекста К. Бальмонта) // Метапоэтика. 2008. Вып. 1. С. 83–91.
11. Потяркина Е.Е. К.Д. Бальмонт и русская музыка рубежа XIX–XX веков : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2009. 30 с.

12. Штейнер О.А. С.И. Танеев и поэты Серебряного века // Конференция памяти Сергея Ивановича Танеева. 1915–2015. Сборник статей к 100-летию со дня смерти. М., 2015. С. 383–400.
13. Вершинина И. Бальмонт и Стравинский // Музыкальная академия. М., 1992. С. 130–135.
14. Абдуллин И.Р. Цветомузыкальные синестезии в поэзии Бальмонта // Электроника музыка, свет. Казань, 1996. С. 121–124.
15. Будникова Л.И. Творчество К. Бальмонта в контексте русской синкретической культуры конца XIX – начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 39 с.
16. Морина Л.П., Хмырова-Пруель И.Б. Звук как вещь: слышать – видеть – ощущать // Studia Culturae. 2019. Вып. № 1. С. 91–111.
17. Куприяновский П.В., Молчанова Н.А. Бальмонт. Жизнь замечательных людей. М. : Молодая гвардия, 2014. 352 с.
18. Бальмонт К.Д. Дар земле. Париж : Русская земля, 1921. 88 с.
19. Бальмонт К.Д. Змеинные цветы. М. : Скорпион, 1910. 249 с.
20. Молчанова Н.А. Аполлоническое и дионисийское начало в книге К.Д. Бальмонта «Будем как Солнце» // Русская литература. 2001. № 4. С. 51–67.
21. Бёрд Р. «Кукушка и соловей» Вяч. Иванов и К.Д. Бальмонт // Europa Orientalis. 2000. № 19. С. 69–85.
22. Бальмонт К.Д. Солнечная сила // Собрание лирики. Т. 5. М. : Изд-во В.В. Пашуканиса, 1918. С. 11–19.
23. Иванов В.И. Дионис и прадонисийство. СПб. : Алтейя, 1994. 350 с.
24. Бальмонт К.Д. Океания. Очерк и стихи. М. : Salamandra, 2017. 98 с.
25. Бальмонт К.Д. Край Озириса. Египетские очерки. М. : Типолитография Товарищества И.Н. Кушнеров и К°, 1914. 324 с.
26. Бальмонт К.Д. Светозвук в природе и световая симфония Скрябина. М. : Рос. муз. изд-во, 1917. 31 с.
27. Бальмонт К.Д. Поэзия как волшебство. М. : Скорпион, 1915. 101 с.
28. Иванов В.И. Предчувствия и предвестия. Новая органическая эпоха и театр будущего // Собрание сочинений : в 4 т. Т. 2. Брюссель, 1974. С. 86–104.
29. Белый А. Формы искусства // Собрание сочинений. Символизм. Книга статей. М. : Культурная революция, 2010. С. 122–140.
30. Молчанова Н.А. К.Д. Бальмонт и Египет // Филологические записки. 2009. № 28–29. С. 180–193.
31. Ханзен-Лёве О. Интермедальность в русской культуре. От символизма к авангарду. М. : Изд-во РГГУ, 2016. 450 с.
32. Ханзен-Лёве О. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мифопоэтический символизм начала века. Космическая символика. СПб. : Академический проспект, 2003. 816 с.
33. Ванюков А.И. «Сонеты Солнца, Мёда и Луны» К.Д. Бальмонта: поэтика заглавия и структура книги // Известия Саратовского государственного университета. 2018. № 2. С. 55–62.
34. Рыжкова Н.П. Понятие «лейтмотив» и его синонимы в терминологической системе В. Д'Энди // Журнал общества теории музыки. 2019. № 4 (28). С. 71–77.

References

1. Koretskaya, I.V. (1994) Simvolizm [Symbolism]. In: Berdnikov, G.P. (ed.) *Istoriya vsemirnoy literatury*.: v 8 t. [History of world literature: in 8 volumes]. Vol. 8. Moscow: Nauka. pp. 78–94.
2. Bal'mont, K.D. (2011) *Polnoe sobranie poezii i prozy v odnom tome* [A complete collection of poetry and prose in one volume]. Moscow: Al'fa-Kniga.
3. Belyy, A. (1994) Bal'mont [Balmont]. In: Belyy, A. *Lug zelenyy. Kritika. Estetika. Teoriya simvolizma*: v 2 t. [Bely Green Meadow. Criticism. Aesthetics. Theory of Symbolism: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Iskustvo. pp. 366–375.
4. Sundaram, S. (2004) *The land of thought: India as ideal and image in Konstantin Balmont's oeuvre*. Columbus: The Ohio State University.
5. Petrova, T.P. (2012) *Pevuchaya sila poeta Konstantina Bal'monta* [The singing power of the poet Konstantin Balmont]. Ivanovo: Izd-vo O.V. Epishevoy.
6. Gerver, L.L. (2001) *Muzyka i muzykal'naya mifologiya v tvorchestve russkikh poetov (pervoe desyatiletie XX veka)* [Music and musical mythology in the works of Russian poets (the first decade of the 20th century)]. Moscow: Indrik.
7. Episheva, O.V. (2008) *Muzyka v lirike K.D. Bal'monta* [Music in the lyrics of K.D. Balmont]. Abstract of Philology Cand. Diss. Ivanovo.
8. Budnikova, L.I. (2005) “Kogda zvuchat akkordy mirozdan'ya...”: Muzyka v poeticheskoy mifologii K. Bal'monta [“When the chords of the universe sound...”: Music in the poetic mythology of K. Balmont]. In: *Literatura v kontekste sovremennosti* [Literature in the context of modernity]. Chelyabinsk. pp. 131–136.
9. Etkind, E.G. (1998) Teoriya zvukovogo simvolizma [Theory of sound symbolism]. In: Etkind, E.G. *Materiya stikha* [The Matter of Verse]. St. Petersburg: Gumanitarnyy soyuz. pp. 254–267.
10. Prokof'eva, L.P. (2008) Avtorskaya model' zvuko-tsvetovykh assotsiatsiy kak sostavlyayushchaya idiosilya (po dannym metateksta K. Bal'monta) [The author's model of sound-color associations as a component of idiosyle (by data of K. Balmont's metatext)]. *Metapoetika*. 1. pp. 83–91.
11. Potyarkina, E.E. (2009) *K.D. Bal'mont i russkaya muzyka rubezha XIX–XX vekov* [K.D. Balmont and Russian music at the turn of the 20th century]. Abstract of Art History Cand. Diss. Moscow.
12. Shteyner, O.A. (2015) S.I. Taneev i poety Serebryanogo veka [S.I. Taneyev and the poets of the Silver Age]. In: *Konferentsiya pamyati Sergeya Ivanovicha Taneeva. 1915–2015. Sbornik statey k 100-letiyu so dnya smerti* [Conference in memory of Sergei Ivanovich Taneyev. 1915–2015. Collection of articles for the 100th anniversary of his death]. Moscow. pp. 383–400.
13. Vershinina, I. (1992) Bal'mont i Stravinskiy [Balmont and Stravinsky]. In: *Muzykal'naya akademiya* [Musical Academy]. Moscow. pp. 130–135.
14. Abdullin, I.R. (1996) Tsvetomuzikal'nye sinestezii v poezii Bal'monta [Color-musical synesthesia in Balmont's poetry]. In: *Elektronika muzyka, svet* [Electronics music, light]. Kazan. pp. 121–124.
15. Budnikova, L.I. (2007) *Tvorchestvo K. Bal'monta v kontekste russkoy sinkreticheskoy kul'tury kontsa XIX – nachala XX veka* [The works of K. Balmont in the context of Russian syncretic culture of the late 19th – early 20th centuries]. Abstract of Philology Dr. Diss. Moscow.
16. Morina, L.P. & Khmyrova-Pruel', I.B. (2019) Zvuk kak veshch': slyshat' – videt' – oshchushchat' [Sound as a thing: hear – see – feel]. *Studia Culturae*. 1. pp. 91–111.
17. Kupriyanovskiy, P.V. & Molchanova, N.A. (2014) *Bal'mont. Zhizn' zamechatel'nykh lyudey* [Balmont. The life of wonderful people]. Moscow: Molodaya gvardiya.
18. Bal'mont, K.D. (1921) *Dar zemle* [A gift to the earth]. Paris: Russkaya zemlya.
19. Bal'mont, K.D. (1910) *Zmeinye tsvety* [Snake flowers]. Moscow: Skorpion.
20. Molchanova, N.A. (2001) Aполлоническое и донисийское начало в книге К.Д. Бальмонта “Будем как Солнце” [Apollonian and Dionysian elements in K.D. Balmont's “Let's be like the Sun”]. *Russkaya literatura*. 4. pp. 51–67.
21. Berd, R. (2000) “Kukushka i solovey” Vyach. Ivanov i K.D. Bal'mont [“The Cuckoo and the Nightingale” Vyach. Ivanov and K.D. Balmont]. *Europa Orientalis*. 19. pp. 69–85.
22. Bal'mont, K.D. (1918) Solnechnaya sila [Sun power]. In: *Sobranie liriki* [Collection of lyrics]. Vol. 5. Moscow: Izd-vo V.V. Pashukanisa. pp. 11–19.
23. Ivanov, V.I. (1994) *Dionis i pradionisystvo* [Dionysus and pre-Dionysianism]. St. Petersburg: Alteya.
24. Bal'mont, K.D. (2017) *Okeaniya. Ocherk i stikhi* [Oceania. Essay and poetry]. Moscow: Salamandra.

25. Bal'mont, K.D. (1914) *Kray Ozirisa. Egipetskie ocherki* [Land of Osiris. Egyptian essays]. Moscow: Tipolitografiya Tovarishchestva I.N. Kushnerov i K°.
26. Bal'mont, K.D. (1917) *Svetozvuk v prirode i svetovaya simfoniya Skryabina* [Light-Sound in Nature and The Light Symphony of Scriabin]. Moscow: Rossiyskoe muzykal'noe izdatel'stvo.
27. Bal'mont, K.D. (1915) *Poeziya kak volshebstvo* [Poetry like magic]. Moscow: Skorpion.
28. Ivanov, V.I. (1974) *Predchuvstviya i predvestiya. Novaya organicheskaya epokha i teatr budushchego* [Premonitions and omens. New organic era and theater of the future]. In: Ivanov, V.I. *Sobranie sochineniy v 4 t.* [Collected works in 4 volumes]. Vol. 2. Brussels. pp. 86–104.
29. Belyy, A. (2010) *Formy iskusstva* [Forms of art]. In: Belyy, A. *Sobranie sochineniy. Simvolizm. Kniga statey* [Collected works. Symbolism. Book of articles]. Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya. pp. 122–140.
30. Molchanova, N.A. (2009) K.D. Bal'mont i Egipet [K.D. Balmont and Egypt]. *Filologicheskie zapiski*. 28–29. pp. 180–193.
31. Hansen-Löve, A.A. (2016) *Intermedial'nost' v russkoy kul'ture. Ot simvolizma k avangardu* [Intermediality in Russian culture. From symbolism to avant-garde]. Moscow: RSUH.
32. Hansen-Löve, A.A. (2003) *Russkiy simvolizm. Sistema poeticheskikh motivov. Mifopoeticheskiy simvolizm nachala veka. Kosmicheskaya simvolika* [Russian symbolism. System of poetic motives. Mythopoetic symbolism of the beginning of the century. Cosmic symbolism]. St. Petersburg: Akademicheskii prospekt.
33. Vanyukov, A.I. (2018) “Sonety Solntsa, Meda i Luny” K.D. Bal'monta: poetika zaglaviya i struktura knigi [“Sonnets of the Sun, Honey and Moon” by K.D. Balmont: the poetics of the title and the structure of the book]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 55–62.
34. Ryzhkova, N.P. (2019) *Ponyatie “leytmotiv” i ego sinonimy v terminologicheskoy sisteme V. D'Endi* [The concept of “leitmotif” and its synonyms in the terminological system of V. D'Indy]. *Zhurnal obshchestva teorii muzyki*. 4 (28). pp. 71–77.

Информация об авторе:

Маматов Г.М. – аспирант кафедры русской и зарубежной литературы, теории литературы и методики обучения литературе Новосибирского государственного педагогического университета (Новосибирск, Россия). E-mail: zarra8@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

G.M. Mamatov, postgraduate student, Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russian Federation). E-mail: zarra8@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.04.2023;
одобрена после рецензирования 17.10.2023; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 07.04.2023;
approved after reviewing 17.10.2023; accepted for publication 30.01.2024.*

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

Научная статья
УДК 316.725
doi: 10.17223/15617793/498/7

Тематический репертуар современных исследований ценностей, основанных на методах вычислительных социальных наук (CSS)

Евгения Юрьевна Ливенцова¹, Виталий Викторович Кашпур², Илья Александрович Дунбинский³,
Вячеслав Леонидович Гойко⁴, Юлия Константиновна Александрова⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ evg.liv@mail.ru

² vitkashpur@mail.ru

³ dunbinskiy@mail.ru

⁴ goiko@data.tsu.ru

⁵ jalexandrova@data.tsu.ru

Аннотация. Представлены четыре тематические группы исследований ценностных ориентаций населения, выполненных с помощью методов вычислительных социальных наук (CSS). В первой группе представлены результаты ранжирования ценностных ориентаций населения; во второй – исследования, отражающие взаимосвязь религиозных представлений и ценностных ориентаций; в третьей – исследования ценности семьи; в четвертой – исследования, репрезентирующие ценность природы для человека.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентации, вычислительная социальная наука, большие данные, анализ данных, цифровые следы

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2023-0015.

Для цитирования: Ливенцова Е.Ю., Кашпур В.В., Дунбинский И.А., Гойко В.Л., Александрова Ю.К. Тематический репертуар современных исследований ценностей, основанных на методах вычислительных социальных наук (CSS) // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 59–69. doi: 10.17223/15617793/498/7

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/7

Thematic repertoire of contemporary value studies based on computational social science methods

Evgeniya Yu. Liventsova¹, Vitaly V. Kashpur², Il'ya A. Dunbinskiy³,
Vyacheslav L. Goiko⁴, Yuliya K. Aleksandrova⁵

^{1, 2, 3, 4, 5} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ evg.liv@mail.ru

² vitkashpur@mail.ru

³ dunbinskiy@mail.ru

⁴ goiko@data.tsu.ru

⁵ jalexandrova@data.tsu.ru

Abstract. Currently, there is a shortage of publications that would meaningfully present the experience of comprehensive studies of value orientations of the population using methods of computational social sciences (CSS). This article contains an attempt to analyze the thematic repertoire of studies related to the identification and measurement of value orientations of the population, which are based on CSS methods. The research material was publications retrieved from the OpenAlex search engine for world scientific publications, as well as scientific libraries GoogleScholar, Elibrary.ru, CyberLeninka, and ResearchGate. This review includes the results of a meaningful analysis of 140 publications published between 2010 and 2023 (79 foreign and 61 Russian). Thus, four thematic groups have been identified. The first group presents the results of ranking the value orientations of the population. The second contains studies reflecting the relationship between religious ideas and value orientations. The third is a study of the value of family. The fourth contains studies that represent the value of nature for humans. It is shown that Russian researchers more often choose

the VKontakte platform as a source of data, less often Twitter and open data (for example, search queries in Yandex). Foreign researchers, in turn, widely use open data, various platforms, including administrative ones, as well as various social networks (Instagram, Twitter, Facebook), and photographs on Instagram. In the Russian segment, studies on specific local communities and value orientations of subscribers are quite popular, while in the West, a news feed or a specific hash tag is often taken as a basis. It has been proven that CSS methods make it possible to carry out both cross-sectional measurements of the value orientations of the population and to study the dynamics of their development. Two vectors of Russian research have been identified, associated with (1) the study of the basic, terminal values of the population and their changes over time, and (2) the identification, measurement and ranking of value orientations, including those of young people. It has been determined that in Russian discourse the most popular studies are around family, a basic terminal value. It is concluded that research related to the representation of traditional and basic values for the country (patriotism, citizenship, the priority of the spiritual over the material, etc.) is relevant for Russian science.

Keywords: values, value orientations, computational social science, big data, data analysis, digital footprints

Financial support: This research was supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. FSWM-2023-0015.

For citation: Liventsova, E.Yu., Kashpur, V.V., Dunbinsky, I.A., Goiko V.L. & Aleksandrova, Yu.K. (2024) Thematic repertoire of contemporary value studies based on computational social science methods. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 59–69. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/7

Введение

В процессе динамического развития современного общества происходит трансформация системы ценностей населения, что во многом продиктовано культурно-историческими, социально-политическими и социально-экономическими факторами развития общества. Потребность в исследованиях ценностей представителей разных культур, поколений и социальных групп находит отражение в возросшем количестве научных публикаций в последнее десятилетие. Кроме того, в настоящий момент актуальность исследований ценностей не только сохраняется, но и возрастает, что обусловлено увеличением разрыва между ценностными повестками Запада и России.

Ценности человека, являясь базовыми составляющими структуры личности, оказывают непосредственное влияние на структуру его деятельности, межличностные и межнациональные отношения. Так, рассматривая понятие «ценности», Н.И. Лапин определяет их как «обобщенные цели и средства их достижения, играющие роль фундаментальных норм» [1. С. 29]. Схожее определение дает С.О. Елишев, определяя ценности как «фундаментальные нравственные и этические нормы, выполняющие одновременно регулятивную и прогностическую функции и обеспечивающие целостность социальных систем» [2. С. 86].

В научной литературе принято несколько разделять понятия «ценности» и «ценностные ориентации». Ценностные ориентации – это более широкая категория, предполагающая структурную связь или отношения ценностей и ценностно ориентированного субъекта (личности, группы личностей), синтезирующая конкретную психологию личности и конкретную социологию среды, в которой она существует, представляя собой индивидуальную форму репрезентации ценности» [2. С. 90].

Закрепившиеся в социологической науке традиционные подходы к «выявлению» и «измерению» ценностных ориентаций в качестве основного источника используют классические социологические данные, получаемые с использованием опросных методов. Выявление ценностных ориентаций «предполагает

скорее актуализацию и текстовую фиксацию личностных представлений и предпочтений респондентов, которые можно количественно обработать и на основе которых можно выделить обобщенные категории», а для «измерения» ценностных ориентаций респондентам предлагается список и жесткая схема оценивания [3. С. 28]. Как отмечают исследователи, рефлексивные методики «позволяют получить более актуальную и адекватную информацию о мотивах и ценностных ориентациях респондентов» [4. С. 47], а техника прямого ранжирования ценностей «помогает успешно решать задачи сопоставительного анализа» [3. С. 28], однако она достаточно сомнительна «для исследования ценностных ориентаций представителей полярных культур, различных этнических, социально-демографических, социально-профессиональных групп в рамках одной культуры» [5. С. 14].

Всемирно известные международные проекты, такие как «Всемирное исследование ценностей» (World Values Survey, WVS)¹, «Европейское исследование ценностей» (European Values Study, EVS)², «Европейское социальное исследование» (European Social Survey, ESS)³, «Евробарометр» (Eurobarometer)⁴ и другие используют в качестве источника данных опросные методы. С 2010 г. в России в НИУ ВШЭ действует Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Р. Инглхарта, которая в том числе проводит исследования населения регионов РФ и стран СНГ в рамках Всемирного исследования ценностей. Основными источниками данных являются массовые опросы по методикам WVS и RLMS⁵. В России исследования, ориентированные на ценностную проблематику, широко проводятся такими крупными центрами, как Всероссийский центр изучения общественного мнения⁶ и Фонд общественного мнения⁷. Основным источником данных для исследований также служит массовый опрос. В качестве примера отметим проект 706/3, представленный на платформе «Неравнодушный человек». Проект представляет собой программу регулярных социологических опросов студентов, преподавателей и административного состава российских

вузов с целью изучения мнений о качестве образования, социально-психологическом самочувствии и другим темам, в том числе связанным с ценностной проблематикой⁸.

Несмотря на укорененность в социологии опросных методов, исследователями приводятся определенные ограничения реактивных данных, полученных данными методами, такие как, например, «небольшой объем выборки, ограничивающий поиск неоднородных зависимостей» [6. С. 309], «несравнимость результатов научных исследований по одной и той же проблематике в связи с разнообразием теоретических и методологических подходов» [4. С. 46].

Между тем в настоящее время под влиянием стремительной цифровизации общества получают широкое распространение «вычислительные социальные науки» (Computational Social Science). Эти науки опираются на «естественные» данные, которые пользователи генерируют ежесекундно в повседневной коммуникации (цифровые следы, т.е. данные, полученные из социальных сетей; данные поисковых запросов; веб-сайтов и других платформ и пр.). Для анализа таких слабоструктурированных данных используются алгоритмы машинного обучения и другие вычислительные методы. Большие данные позволяют «осуществлять не только объяснительное, но и предсказательное моделирование (“предсказывать новые “вневыборочные” наблюдения”), реконструировать масштабные социальные сети, исследовать труднодоступные, закрытые и маленькие группы». Кроме того, цифровые следы всегда доступны, могут быть собраны в любой момент и за необходимый промежуток времени [6. С. 306–317]. Перечисленные достоинства вдохновляют зарубежных и российских ученых на разнообразные по содержанию исследования, в том числе связанные с изучением ценностных ориентаций. В контексте подобных исследований цифровые данные используются как в качестве самостоятельного источника и инструмента проверки гипотез, так и для валидации результатов, полученных с помощью традиционных методов.

В настоящее время в зарубежной и российской науке широко представлены публикации, описывающие методологию и содержание исследований ценностных ориентаций, осуществляемых при помощи традиционных опросных методов [2, 7–10 и др.]. Исследователь Р. Китчин одним из первых указал на появление в традиционных научных дисциплинах новой формы исследований – науки, идущей от данных [11]. Рядом авторов проанализированы перспективы применения больших данных для социальных и гуманитарных наук [12, 13], в том числе в рамках изучения отдельных вопросов: исследований политических процессов [14], педагогических исследований [15] и пр. Другими исследователями подробно и всесторонне рассматриваются возможности и ограничения методов CSS в социологии в целом [6, 16]. Отдельно рассмотрены методологические подходы к интеграции опросных данных и цифровых следов, которые применяются в социологических исследованиях [17]. Однако нам не встретилось публикаций, представляющих единую

аналитическую систему изучения ценностных ориентаций населения с помощью методов вычислительных социальных наук.

Цель статьи – представить обзор тематических групп исследований ценностных ориентаций населения, выполненных с помощью методов вычислительных социальных наук.

Методы и источники данных

В качестве основного метода и источника данных выступил анализ публикаций, выгруженных из открытой наукометрической базы OpenAlex (сервис компании OurResearch, разработанный на основе базы данных Microsoft Academic Graph). В настоящее время OpenAlex, кроме данных MAG, аккумулирует и обрабатывает метаданные CrossRef (системы, выдающей идентификаторы DOI значительной доле научных журналов мира). Сервис ведет базу данных с пятью типами объектов: публикации (works), авторы (authors), организации (institutions), издания (venues) и понятия (concepts)⁹.

На первом этапе была произведена автоматическая выгрузка научных публикаций по следующим ключевым словам: «values» (найдено 2 146 публикаций) и «big data» (найдено 142 900 публикаций). На втором этапе полученный объем публикаций был проанализирован с точки зрения предметного поля, источника данных и на предмет применения в исследованиях методов CSS. Для анализа были использованы следующие ключевые слова:

- values, terminal values, instrumental values, value orientation, ценности, терминальные ценности, инструментальные ценности, ценностные ориентации;

- CSS, big data, data mining, machine learning, digital footprint, social media, вычислительные социальные науки, интеллектуальный анализ данных, большие данные, машинное обучение, цифровой след, поисковые запросы, социальные сети.

Поиск публикаций на русском языке дополнительно осуществлялся через электронные научные библиотеки «Google Scholar», «Elibrary.ru», «КиберЛенинка», «ResearchGate».

Таким образом, для содержательного анализа авторами было отобрано 140 публикаций (79 – зарубежных и 61 – российская). Данные статьи были опубликованы в период с 2010 по 2023 г.

Опыт зарубежных и российских исследований ценностных ориентаций, основанных на методах CSS

Критический анализ исследований ценностных ориентаций с помощью CSS в России и за рубежом позволил выявить некоторые отличия, связанные как с методологическими аспектами организации исследований, так и с организационно-техническими.

Во-первых, зарубежные исследователи в основном рассматривают ценностные ориентации как изменчивые категории.

Отсюда наблюдается обширная вариативность исследовательских гипотез. В восприятии зарубежных авторов ценности скорее индивидуалистичны. Чаще всего целью западных исследований ценностных ориентаций с помощью подходов CSS является предложение рекомендаций для более качественного управления предприятием, государством, обществом в целом. Популярным направлением западных исследований изменения ценностей является осознанное формирование корпоративных ценностей внутри крупных фирм через аналитику больших данных, а также выявление ценностных ориентаций социальных групп для облегчения продаж крупному бизнесу.

Российские исследователи рассматривают ценностные ориентации как относительно стабильные элементы, которые индивидуальны для каждого общества, но практически не поддаются быстрой трансформации, а также как коллективистский конструкт. Авторы в основном проводят оценку значимости тех или иных ценностей для определённых социальных групп. Российские ученые сохраняют духовно-нравственную повестку, стремясь через исследовательский поиск изучать ценностные ориентации населения в контексте поиска особого пути развития российского общества.

Во-вторых, эмпирический материал, используемый авторами для проведения своих исследований, крайне обширен и сформирован из самых разных источников: открытых данных, сетевых публикаций средств массовой информации, интернет-сайтов, блогов и социальных сетей. Российские исследователи в качестве источника данных чаще выбирают платформу «ВКонтакте», реже Twitter и открытые данные (например, поисковые запросы в Яндексе). Зарубежные исследователи, в свою очередь, широко используют открытые данные, различные платформы, в том числе административные, а также разнообразные социальные сети (Instagram, Twitter, Facebook), фотографии в Instagram. Примечательно, что в российском сегменте довольно популярны исследования, посвященные изучению каких-либо конкретных локальных сообществ и ценностных ориентаций подписчиков, в то время как на Западе за основу чаще берется лента новостей или определенный хэштег.

В-третьих, авторы зарубежных исследований гораздо чаще выбирают стратегию валидации полученных данных, используя традиционные социологические методы. Однако, как отмечают А.В. Сапонова и С.П. Куликов, «интеграция данных представляет собой обширный комплекс методологических задач, среди которых: связывание данных разными способами, изучение мотивации респондентов делиться персональной информацией, кросс-валидация параметров, измеренных на разных типах данных, разработка этических норм, связанных с исследованием цифровых следов» [17. С. 122]. Возможно, ввиду обозначенных задач исследования российских ученых пока редко построены на сравнительном анализе данных, полученных на основе цифровых следов и, например, открытых статистических данных. Таким образом, в то время как западные исследователи соединяют разные по характеру источники данных для верификации гипотезы,

российские ученые разворачивают анализ вокруг одного (иногда двух) типов источников.

Несмотря на определенную разницу в подходах к исследованию ценностных ориентаций, среди общего пула отобранных для анализа зарубежных и российских публикаций нам удалось выявить схожий популярный тематический репертуар исследований. Всего выделено четыре тематические группы, неоднородные по количеству публикаций.

Тематический репертуар зарубежных и российских исследований ценностных ориентаций, основанных на методах CSS

Деление на группы является достаточно условным, но оно позволяет лучше структурировать тематические направления зарубежных и российских исследований ценностных ориентаций с помощью методов CSS и выдвинуть исследовательские гипотезы.

Ряд исследований, вошедших в *первую группу*, представляют интерес с точки зрения фиксации ценностных ориентаций населения, в том числе молодежи, а также их ранжирования в общей системе ценностей.

Результаты мультидисциплинарного исследования таких социокультурных констант, как коллективизм и индивидуализм, представлены в работе И.А. Николаичука, М.М. Янглева, Т.С. Яковой. Учёные пришли к выводу, что «в России, как и в большинстве стран мира, ключевой тенденцией является сдвиг в сторону индивидуализма» [18. С. 101]. Позже авторы представили результаты исследования метасмыслов, которые соотносятся с культурным кодом нации. Используя медиагеографический подход, исследователи рассматривали и сравнивали такие социокультурные константы, как «добро», «зло», «любовь», «ненависть» в системе ментального ландшафта России и разных стран мира. Авторы доказали, что система ценностей современных россиян и их культурный код существенно отличаются от американских и западноевропейских [19].

В России одними из первых представили иерархию ценностных ориентаций молодых пользователей Рунета Е.В. Бродовская и соавторы. На основе цифровых следов, полученных сразу с трех платформ: ВКонтакте, Facebook и Twitter, авторам удалось определить, что на первом месте у пользователей традиционно стоит ценность «семья и дети», на втором месте – «развлечение и отдых», на третьем – «саморазвитие» [20. С. 141]. Подобные исследования проводились и другими авторами. Например, С.С. Бразевич с коллегами с помощью анализа тематического репертуара общения в группах социальной сети ВКонтакте представили срез интересов студенческой молодежи (выборка составила 171 972 человека) [21. С. 2019].

Ранжирование ценностей молодежи при помощи цифровых следов пользователей социальной сети ВКонтакте впервые осуществили Л.Д. Забокрицкая и соавторы. В выборку вошли молодые люди в возрасте от 14 до 30 лет, проживающие в г. Екатеринбург. Авторы определили, что ценности женщин ориентированы больше на семью, а мужчин – на развитие [22. С. 148].

Подобные исследования представлены и в зарубежных публикациях. J.L. Micó-Sanz, A.S. Gauachs, M. Diez-Bosch, V.I. Turim (2019 г.) проанализировав более 540 млн профилей Facebook и Instagram, доказали, что для молодых людей во всем мире в возрасте от 18 до 25 лет главной темой в социальных сетях является «Развлечение и покупка товаров» [23]. M. Mukta, M.E. Ali, J. Mahmud первыми предприняли попытку определения изменения ценностных ориентаций пользователей социальной сети. Отвечая на вопрос, как меняются ценности человека со временем, авторы создали уникальную гибридную модель на основе временных рядов. Сначала авторы провели экспериментальное исследование с участием 726 пользователей Facebook и доказали, что их модель точно отражает изменения приоритета ценностей в результате использования социальной сети. Затем валидизировали полученные результаты, используя методику, основанную на анкетировании [24].

Вторая группа представлена исследованиями, связанными с религиозной тематикой. В контексте религии и изучения религиозности с помощью CSS зарубежные исследователи поднимают вопросы взаимосвязи религиозных представлений и ценностных ориентаций.

Например, D. Boy с соавторами представили анализ хэштега #hijabfashion в социальной сети Instagram, опираясь на базу данных из 15 млн постов. С помощью хэштега авторы изучили, кто именно (блогеры) оказывает влияние на распространение ценностей определенной религии, как формируется мода на атрибутику той или иной веры, например ношение хиджаба и пр. [25].

Интересным представляется исследование отношения людей разных религий к суррогатному материнству. Данное исследование показывает, как могут сочетаться классические методы социологии и методы CSS. Так, исследователи собрали данные 1177 представителей разных религий (ислам, христианство, индуизм, буддизм и атеизм), которые выразили согласие принять участие в исследовании методом выборки снежного кома, а затем проанализировали данные с помощью методов машинного обучения и искусственных нейронных сетей. Авторы пришли к выводу, что отношение людей к суррогатному материнству различается в зависимости от их религии [26].

Среди российских работ можно выделить ряд публикаций, направленных на анализ социального портрета аудитории православных интнет-сообществ в социальных сетях. Полагаем, это объясняется тем, что православие – базовая религия в России. Так, заметными являются работы В.Г. Писаревского. Автор осуществил ранжирование ценностей православных пользователей сети ВКонтакте [27]. Позже автор доказал, что коэффициент вовлеченности в православных семейных сообществах в среднем выше, чем в светских сообществах аналогичной тематики [28].

Третья группа тематически представлена исследованиями по выявлению и измерению такой традиционной, терминальной ценности как семья. При этом зарубежные исследования в основном фокусируют внимание на изменении данной ценностной ориентации в

XXI в. под влиянием глобализации и в основном сосредоточены на изучении злободневных тем. Так, например, L. Mencarini и соавторы показали, как компьютерные лингвистические методы могут быть использованы для изучения мнений и семантических ориентаций, связанных с родительством. Авторы доказали, что твиты можно использовать для представления таких показателей как отношения, ценности и чувства [29].

Ряд зарубежных исследований затронули такую тему, как насилие в семье [30, 31]. Z. Dai с соавторами собрали твиты, содержащие хэштег #TexasAbortionBan, из общедоступных аккаунтов Twitter и пришли к выводу, что анализ социальных сетей может предоставить ценную информацию исследователям и политикам, стремящимся разобраться в такой противоречивой теме, как аборты [32].

Российские исследователи рассматривают ценность семьи как традиционный и устойчивый конструкт. Поэтому публикации направлены скорее на анализ и фиксацию отношения населения к данной ценности. Гипотезы исследований при этом достаточно вариативны.

Результаты исследования представлений о будущем партнере и браке сообщили Т.П. Емельянова и Д.А. Шмидт, определив, что препятствием для формирования здоровых представлений о будущем партнере и браке является ориентация молодых людей на индивидуалистические ценности. В качестве источника данных были выбраны публикации и иллюстрации в четырех группах социальной сети ВКонтакте [33. С. 411].

Выявление структурных и содержательных составляющих отношения пользователей социальных сетей к детям представлено в работе А.Л. Журавлевой, М.А. Китова, Д.А. Китовой. Авторами была использована автоматизированная система анализа текстов, собранных в Twitter. Оценка эмоционального фона сообщений производилась с помощью нейросети Dostoevsky. В рамках исследований с помощью цифровых следов пользователей авторам, по сути, удалось осуществить своего рода «мониторинг социальной атмосферы» [34. С. 139] в отношении заявленной темы и представить определенные рекомендации, позволяющие, в конечном счете, улучшить детско-родительские отношения.

Извлечение больших массивов данных из социальных сетей открывает широкие возможности в сфере анализа демографических ценностей. Исследовательским коллективом под руководством И.Е. Калабихиной представлены датасеты по вопросам отношения пользователей сети ВКонтакте к вопросам репродуктивного поведения. Авторами было выявлено, что в сети активно представлен феномен сознательной бездетности, а многодетность остается слабо распространенной моделью поведения [35, 36]. Кроме того, авторы осуществляют попытку выявления связи между демографическими ценностями и социально-демографическими характеристиками пользователей социальной сети ВКонтакте.

Массив собранных данных из родительских групп и групп чайддфри позволил авторам выявить связи между разными типами демографических ценностей: позитивное или негативное отношение к родительству, созданию

семьи, рождению детей, отношение к здоровому образу жизни, а также между ценностями и такими социально-демографическими характеристиками, как пол, возраст, семейное положение (например, женщины и люди старшего возраста больше склонны выбирать семейные ценности) [37].

Провели исследование гендерных предпочтений пользователей социальной сети Е. Сивак и И. Смирнов. Авторы в качестве данных использовали публичные сообщения, размещённые 635 665 пользователями социальной сети ВКонтакте из Санкт-Петербурга. Было обнаружено, что сыновей упоминают чаще, чем дочерей, а посты с участием сыновей в среднем получают больше лайков [38].

Исследователи З.В. Сикевич и А.А. Федорова представили «сравнительное исследование коллективных восприятий гендерных установок и брачных стратегий, одобряемых представителями русского этноса» и определили, что для русских пользователей ближе патриархальная модель в отношении брачных установок [39. С.182]. Исследование примечательно своей организацией: проведен сравнительный анализ данных, полученных реактивными и нереактивными методиками. На первом этапе авторы провели анкетный опрос русских жителей Санкт-Петербурга (503 участника), а на втором этапе (позднее) осуществили нереактивный анализ русских сообществ сети ВКонтакте (квотная выборка групп по ценностным ориентациям, общее количество индивидуальных пользователей составило 1 млн 51 тыс. человек) [39. С.182].

Еще одним интересным примером является исследование Н.О. Автаевой, направленное на выявление функциональной направленности просемейных блогов. Автором получен вывод о том, что применительно к современному родительству можно вести речь о гендерной нейтрализации семейных ролей и практик [40].

Попытку культурно-исторического анализа детско-родительских отношений в контексте цифрового следа осуществила В.Р. Малахова. Исследование автора примечательно тем, что собранные цифровые следы были проанализированы с помощью ресурса, позволяющего «выявлять частоту встречаемости терминов за определенный период времени» [41. С. 168]. Подобного рода исследования могут служить хорошим примером сравнительного анализа проявленности тех или иных ценностных ориентаций у конкретных социальных групп в разные исторические эпохи.

Четвертая группа тематически представлена исследованиями, результаты которых репрезентируют ценность природы для человека. Зарубежные публикации по данной тематике многочисленны, направлены на прогнозирование будущей экологической ситуации и предлагают меры по ее улучшению [42–44]. Как полагают авторы, большие данные будут иметь важное значение в рамках будущих исследований городской экологии из-за междисциплинарного характера [45, 46].

В российском дискурсе экологическая тематика также становится популярной. Ряд российских исследований направлен на выявление экологических установок населения, изучение экологических проблем. Так, например, Т.Л. Каминская и соавторы, изучив

цифровые медиаплатформы, определили, что интерес россиян к проблемам экологии возрастает, в России сформировался экологический медиадискурс, а экологические организации и движения стали заметной силой, влияющей на формирование общественного мнения [45]. С выводами предыдущих авторов согласуются и результаты других исследований [47, 48]. Например, Л.Д. Забокрицкая, Т.А. Орешкина представили результаты апробации методики анализа статистики поисковых запросов населения по экологической тематике, зафиксированных поисковой системой Яндекс. Как отмечают авторы, «для значительной части населения Свердловской области важно знать и применять технологии по утилизации мусора, знать состояние воздуха и воды в месте проживания, а также технологии по их проверке и очистке» [49. С. 176]. Результаты вышеуказанных исследований позволяют сделать вывод о том, что цифровые следы и открытые данные служат хорошим источником для оперативного мониторинга интереса и отношения населения к экологическим проблемам.

За рамками выделенных групп можно отметить некоторые единичные по тематике исследования, репрезентирующие те или иные ценностные ориентации. Так, некоторые исследования связаны с рекреационным туризмом [49–51], геоурбанистикой и изучением возможностей использования результатов автоматизированного анализа отзывов из геoinформационных социальных сетей для анализа городских объектов [52, 53]. Интересной представляется разработка российских исследователей, создавших платформу, «позволяющую жителям Санкт-Петербурга на основании собственных ощущений оставлять эмоциональные метки и комментарии на карте города» [54. С. 151]. Авторы убеждены, что «подобное эмоциональное картирование может сопоставляться на предмет упоминаемых ценностных характеристик, а также проблемных, с точки зрения пользователей, черт» [54. С. 146]. Подобного рода исследования имеют прикладной характер и являются неким отражением субъективно воспринимаемого качества жизни.

Некоторые публикации прямо или косвенно репрезентируют такие ценности, как благо, приоритет духовного над материальным. Например, можно отметить результаты исследования А.Ю. Домбровской и соавторов, которые осуществили киберметрический анализ, отражающий количественные и качественные характеристики потоков новых медиа, репрезентирующих дискурсы участия российской молодежи в благотворительности онлайн как части цифрового гражданского участия [55. С. 132]. Исследование примечательно широким охватом блогов: ВКонтакте, Instagram, Одноклассники, МирТесен, Facebook, LiveJournal. Авторы констатировали достаточно высокий уровень интереса российской молодежи к благотворительности онлайн. Подобные исследования могут и в дальнейшем помогать в понимании масштаба распространения благотворительных установок среди молодого поколения, проявленности данных ценностных установок [55. С. 133].

Отметим, что, несмотря на усиливающуюся в России духовно-нравственную повестку, в основе которой

лежит распространение ценностей патриотизма и гражданственности, исследования в этой области пока малочисленны. В качестве хорошего примера, продемонстрировавшего отношение пользователей социальных сетей к гражданской инициативе патриотической направленности, отметим исследование И.А. Ушановой, А.С. Шустровой. Авторы проанализировали отношение пользователей к популярной акции, приуроченной ко Дню победы «Бессмертный полк» с помощью соответствующего хэштега, а также определили лидеров мнений [56]. Как показывает данный пример, цифровые следы могут помочь зафиксировать новые интересные закономерности, проявляющие те или иные ценностные ориентации.

Заключение

Теоретический анализ показал, что понимание ценностных ориентаций на Западе и в России существенно различается. Зарубежные авторы изучают ценностные ориентации как изменчивые категории, на которые можно оказывать влияние. Поэтому наблюдается направленность исследований на интересы государства, транснациональных компаний, бизнеса и прочее, которые выступают в качестве основных заказчиков. Российские исследователи, в свою очередь, воспринимают ценностные ориентации как более стабильные элементы, трансформирующиеся вместе со сменой поколений и под влиянием глобализации. Соответственно, исследования имеют два вектора. Первый вектор связан с изучением базовых, терминальных

ценностей населения, а также их изменением со временем, второй – с выявлением, измерением и ранжированием ценностных ориентаций молодого поколения, широко представленного в сетях. Во многом данная направленность обуславливается еще и усиливающимся правоконсервативным поворотом государства и необходимостью его укрепления в настоящее время. Главным заказчиком российских исследований в сфере изучения ценностных ориентаций населения является государство. Исходя из этого, наблюдается и дифференциация в исследовательских тематиках западных и российских авторов. Этим и объясняется популярность российских исследований вокруг такой базовой терминальной ценности, как семья.

Следует отметить, что для российской науки актуальными являются комплексные исследования, связанные с репрезентацией традиционных и базовых для страны ценностей, таких как патриотизм, гражданственность, созидательный труд, милосердие, коллективизм, историческая память и др.¹⁰ Значимой и перспективной представляется задача по созданию единой аналитической системы изучения ценностных ориентаций с использованием методов вычислительных социальных наук.

Несмотря на имеющиеся ограничения, методы вычислительных социальных наук позволяют выполнять исследования, различные по масштабу и направленности, как проводить срезовые измерения ценностных ориентаций населения, так и исследовать динамику их развития. Представляется, что цифровые следы могли бы чаще использоваться исследователями для валидации результатов, полученных традиционными методами.

Примечания

¹ World Values Survey. URL: <https://www.worldvaluessurvey.org/wvs.jsp> (дата обращения: 10.11.2023).

² European Values Study. URL: <https://europeanvaluesstudy.eu/> (дата обращения: 10.11.2023).

³ European Social Survey. URL: <https://www.europeansocialsurvey.org/> (дата обращения: 10.11.2023).

⁴ Eurobarometer. URL: <https://europa.eu/eurobarometer/screen/home> (дата обращения: 10.11.2023).

⁵ О лаборатории // Лаборатория сравнительных социальных исследований имени Рональда Франклина Инглхарт. URL: <https://lcsr.hse.ru/> (дата обращения: 10.11.2023).

⁶ ВЦИОМ. Новости. URL: <https://wciom.ru/> (дата обращения: 11.11.2023).

⁷ Ценности // Фонд Общественное Мнение. URL: <https://fom.ru/TSennosti> (дата обращения: 11.11.2023).

⁸ Проект 706/3 // Неравнодушный человек. URL: <https://неравнодушный.рф/706/3.html> (дата обращения: 11.11.2023).

⁹ Library of Financial University under the Government of the Russian Federation. URL: <http://www.library.fa.ru/resource.asp?id=931> (дата обращения: 10.11.2023).

¹⁰ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 10.11.2023).

Список источников

1. Лапин Н.И. Функционально-ориентирующие кластеры базовых ценностей населения России и её регионов // Социологические исследования. 2010. № 1. С. 28–36.
2. Елишев С.О. Изучение понятий «ценность», «ценностные ориентации» в междисциплинарном аспекте // Ценности и смыслы. 2011. № 2 (11). С. 82–96.
3. Троцук И.В., Сохадзе К.Г. Ценностные ориентации молодежи: подходы, методики и задачи социологического анализа // Теория и практика общественного развития. 2015. № 20. С. 26–31.
4. Крушельницкая О.И., Третьякова А.Н. Проблема методов исследования ценностно-мотивационной сферы личности в эпоху перемен // Гуманитарные науки. 2023. № 13 (3). С. 44–51. doi: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-44-51
5. Гегер А.Э., Гегер С.А. Изучение ценностных ориентаций: специфика разных подходов // Вестник Томского государственного университета. 2015. № 399. С. 13–17. doi: 10.17223/15617793/399/3
6. Богданов М.Б., Смирнов И.Б. Возможности и ограничения цифровых следов и методов машинного обучения в социологии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. С. 304–328.
7. Schwartz S.H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations // Measuring attitudes cross-nationally : Lessons from the European Social Survey. Sage, 2007. P. 169–203. doi: 10.4135/9781849209458.n9
8. Murphy R.O., Ackermann K.A. Social value orientation : Theoretical and measurement issues in the study of social preferences // Personality and Social Psychology Review. 2014. Vol. 18, № 1. P. 13–41. doi: 10.1177/1088868313501745

9. Мельникова О.Т. Качественные методы как инструмент изучения ценностных ориентаций // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2012. № 1. С. 19–28.
10. Троцук И.В., Савельева Е.А. Сравнительные исследования ценностных ориентаций: возможности, ограничения, логика развития // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. 2015. № 4. С. 159–172.
11. Китчин Р. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2017. № 44. С. 111–152.
12. Нестик Т.А., Журавлев А.Л. Анализ больших данных в психологии и социогуманитарных науках: перспективные направления исследований // Психологический журнал. 2019. Т. 40, № 6. С. 5–17. doi: 10.31857/S020595920007306-2.
13. Платонова С.И. Социальные знания и социальные изменения в контексте больших данных // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2022. № 4. С. 160–168.
14. Мухаметов Д.Р. Технологии big data в политических процессах: возможности и риски // Гуманитарные науки. Вестник финансового университета. 2019. Т. 9, № 6. С. 143–149.
15. Вачкова С.Н., Каган Э.М., Козин С.В. Большие данные для педагогических исследований: возможности, проблемы, ограничения // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2021. № 63. С. 28–39.
16. Дудина В.И. Цифровые данные – потенциал развития социологического знания // Социологические исследования. 2016. № 9. С. 21–30.
17. Сапонова А.В., Куликов С.П. Интеграция опросных данных и цифровых Следов: обзор основных методологических подходов // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2021. № 53. С. 117–164. doi: 10.19181/4m.2021.53.4
18. Николайчук И.А., Янглева М.М., Якова Т.С. Социокультурные аспекты приверженности россиян моделям коллективистского и индивидуалистического поведения: медиагеографические подходы в социологии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2022. № 3 (67). С. 101–113. doi: 10.52452/18115942_2022_3_101
19. Николайчук И.А., Якова Т.С., Янглева М.М. Культурные коды в современном публичном пространстве: метасмыслы и их потребление в России и за рубежом // Вестник МГПУ. Серия: Философские науки. 2023. № 1 (45). С. 48–67. doi: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.4
20. Brodovskaya E.V., Vakhromeeva A.V., Ivanov I.S., Kazachenko S.A. Representation of value orientations of Russian youth in social media: cybermetric analysis // Education Transformation Issues. 2014. № 1. P. 141–152.
21. Бразевич С.С., Сафронова Ж.С., Бразевич Д.С., Матюхец Д.В. Исследование интересов молодежи через тематический репертуар общения в студенческой среде: кейс социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 1. С. 193–211. doi: 10.14515/monitoring.2019.1.09
22. Забокрицкая Л.Д., Хлебников Н.А., Орешкина Т.А., Комочкий Е.И. Возможности изучения ценностей молодежи через профиль социальной сети «ВКонтакте» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 2 (156). С. 148–167. doi: 10.14515/monitoring.2020.2.692
23. Micó-Sanz J., Diez-Bosch M., Sabaté Gauxachs A., Israel V. Turim Mapping global youth and religion. big data as lens to envision a sustainable development future // Tripodos. 2020. № 48. P. 33–52. doi: 10.51698/tripodos.2020.48
24. Mukta M.S.H., Ali M.E., Mahmud J. Temporal modeling of basic human values from social network usage // Journal of the Association for Information Science and Technology. 2019. Vol. 70, № 2. P. 151–163. doi: 10.1002/asi.24099
25. Boy J.D., Uitermark J., Wiersma L. Trending# hijabfashion: Using big data to study religion at the online–urban interface // Nordic Journal of Religion and Society. 2018. Vol. 31, № 1. P. 22–40. doi: 10.18261/issn.1890-7008-01-02
26. Metin Y., Ezomo O.F., Olugbenga A. Attitudes of Different Religions Toward Surrogacy: Analysis of 11 Countries' Situation Using Machine Learning Approach and Artificial Neural Networks // Journal of Religion and Health. 2023. Vol. 62. P. 1–22. doi: 10.1007/s10943-023-01782-y
27. Писаревский В.Г. Социальный портрет аудитории православных интернет-сообществ в социальной сети ВКонтакте // Вестник института социологии. 2014. № 3 (10). С. 131–146.
28. Писаревский В.Г. Методология исследования социально-демографических и поведенческих критериев у аудитории православных сообществ ВКонтакте // Социология религии в обществе позднего модерна. 2020. Т. 9. С. 29–40.
29. Mencarini L., Hernandez Farias D., Lai M., Patti V., Sulis E., Vignoli D. Happy parents' tweets // Demographic Research. 2019. Vol. 40. P. 693–724. doi: 10.4054/DemRes.2019.40.25
30. Xue J., Macropol K., Jia Y., Zhu T. Harnessing big data for social justice: An exploration of violence against women-related conversations on Twitter // Human Behavior and Emerging Technologies. 2019. Vol. 1 (3). P. 269–279. doi: 10.1002/hbe2.160
31. Xu X., Ong H.L., Lai P., Ting M.H., Wong W.M., Chu C.M. Understanding the Risk Factors of Spousal Violence Victimization Using Machine Learning and Network Approaches // Journal of Family Violence. 2023. P. 1–12. doi: 10.1007/s10896-023-00573-z
32. Dai Z., Jiang W., McNickle C. Social Network Analysis and Semantic Analysis of# TexasAbortionBan on Twitter // Sexuality Research and Social Policy. 2023. P. 1–7. doi: 10.1007/s13178-023-00848-6
33. Емельянова Т.П., Шмидт Д.А. Представления о будущем партнере и браке, транслируемые в социальной сети «ВКонтакте» // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2017. Т. 2, № 2 (6). С. 46–65.
34. Китова Д.А., Китов М.А. Отношение пользователей социальной сети Twitter к детям: машинный анализ эмоционального фона сообщений // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 3 (114). С. 134–141. doi: 10.20323/1813-145X-2020-3-114-134-141
35. Калабихина И.Е., Лукашевич Н.В., Банин Е.П., Алибаева К.В. Автоматический анализ репродуктивных ценностей пользователей сети ВКонтакте // Интеллектуальные системы. Теория и приложения. 2022. Т. 26, № 1. С. 190–195.
36. Kalabikhina I., Zubova E., Loukachevitch N., Kolotusha A., Kazbekova Z., Banin E., Klimenko G. Identifying Reproductive Behavior Arguments in Social Media Content Users' Opinions through Natural Language Processing Techniques // Population and Economics. 2023. Vol. 7, № 2. P. 40–59. doi: 10.3897/popcon.7.e97064
37. Калабихина И.Е., Казбекова З.Г., Банин Е.П., Клименко Г.А. Демографические ценности и социально-демографический портрет пользователей ВКонтакте: есть ли связь? // Вестник Московского университета. Серия 6: Экономика. 2023. № 3. С. 157–180. doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8
38. Sivak E., Smirnov I. Parents Mention Sons More Often Than Daughters on Social Media // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2019. Vol. 116, № 6. P. 2039–2041. doi: 10.1073/pnas.1804996116
39. Сикевич З.В., Федорова А.А. Этнокультурная обусловленность виртуальных и «реальных» гендерных образов // Вестник Московского университета. Серия: Социология и политология. 2020. Т. 26, № 3. С. 182–199. doi: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-182-199
40. Автаева Н.О. Популяризация ценностей семьи и родительства в блогосфере // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 3 (41). С. 77–85. doi: 10.47475/2070-0695-2021-10309
41. Малахова В.Р. Стили отношения родителей к ребенку: культурно-исторический контекст на «языке цифры» // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета. 2022. Т. 14, № 4. С. 164–173. doi: 10.24866/VVVSU/2949-1258/2022-4/164-173
42. Knüsel B., Zumwald M., Baumberger C., Hadorn G.H. Applying big data beyond small problems in climate research // Nature Climate Change. 2019. Vol. 9, № 3. P. 196–202. doi: 10.1038/s41558-019-0404-1
43. Fan L. Big data technology oriented to wetland resource ecosystem value evaluation // Computational Intelligence and Neuroscience. 2022. Vol. 2022. doi: 10.1155/2022/6815102

44. Mccleery R., Robert G., Beatty M. Uniting Experiments and Big Data to advance ecology and conservation // *Trends in Ecology & Evolution*. 2023. Vol. 38, Is. 10. P. 970–979. doi: 10.1016/j.tree.2023.05.010.
45. Каминская Т.Л., Помигуев И.А., Назарова Н.А. Экологический активизм в цифровой среде как инструмент влияния на государственные решения // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5. С. 382–407. doi: 10.14515/monitoring.2019.5.18
46. Yang J. Big data and the future of urban ecology: From the concept to results // *Science China Earth Sciences*. 2020. Vol. 63. P. 1443–1456. doi: 10.1007/s11430-020-9666-3
47. Сидорина А.В., Григорян К.Г. Динамика экологического сознания в российских средствах массовой информации // *Социодинамика*. 2019. № 6. С. 91–113. doi: 10.25136/2409-7144.2019.6.29874
48. Батанина И.А., Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Парма Р.В. Экологическая повестка в российском сегменте социальных медиа: результаты анализа больших данных // *Известия Тульского государственного университета. Науки о Земле*. 2021. № 2. С. 409–428.
49. Забокрицкая Л.Д., Орешкина Т.А. Анализ статистики поисковых запросов как инструмент мониторинга экологических установок населения региона // *Вестник Института социологии*. 2021. Т. 12, № 2. С. 175–193. doi: 10.19181/vis.2021.12.2.721
50. Kim Y., Kim C., Lee Choong-Ki D.K. Quantifying nature-based tourism in protected areas in developing countries by using social big data // *Tourism Management*. 2019. Vol. 72. P. 249–256. doi: 10.1016/j.tourman.2018.12.005
51. Xu P. Prediction of per capita ecological carrying capacity based on ARIMA-LSTM in tourism ecological footprint big data // *Scientific Programming*. 2022. Vol. 2022. doi: 10.1155/2022/6012998
52. Конышев Е.В. Методика изучения ментального туристско-рекреационного пространства по отзывам туристов (на примере Кировской области) // *Вестник Московского университета. Серия: География*. 2022. № 5. С. 16–28.
53. Низомутдинов Б.А., Углова А.Б., Козырева А.И. Анализ взаимосвязей субъективных оценок жителей города и цифровых оценок из геоинформационных социальных сетей // *Информационное общество: образование, наука, культура и технологии будущего : сб. науч. ст. XXV Междунар. объединен. науч. конф. «Интернет и современное общество», Санкт-Петербург, 23–25 июня 2022 г. СПб., 2022. Вып. 6. С. 207–218. doi: 10.17586/2587-8557-2022-6-207-218*
54. Ненько А.Е., Недосека Е.В., Молоко А.С., Подкорытова М.И. Эмоциональное картирование как метод анализа субъективного качества городских зеленых зон // *Социология науки и технологий*. 2022. Т. 13, № 4. С. 146–168. doi: 10.24412/2079-0910-2022-4-146-168
55. Домбровская А.Ю. Репрезентация ценностей цифрового гражданского участия российской молодежи в новых медиа: социально-медийный анализ // *Власть*. 2019. Т. 27, № 5. С. 132–138. doi: 10.31171/vlast.v27i5.6731
56. Ушанова И.А., Шустров А.С. Акция «Бессмертный полк» в Instagram как объект изучения гражданского-патриотического воспитания молодежи // *Психолого-педагогический поиск*. 2021. № 1 (57). С. 97–109. doi: 10.37724/RSU.2021.57.1.010

References

1. Lapin, N.I. (2010) Functionally Orienting Clusters of Basic Values of the Population of Russia and Its Regions. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1. pp. 28–36. (In Russian).
2. Elishev, S.O. (2011) Study of the concepts of “value”, “value orientations” in an interdisciplinary aspect. *Tsennosti i smysly*. 2 (11). pp. 82–96. (In Russian).
3. Trotsuk, I.V. & Sokhadze, K.G. (2015) Value orientations of youth: approaches, methods and tasks of sociological analysis. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya*. 20. pp. 26–31. (In Russian).
4. Krushel'nitskaya, O.I. & Tret'yakova, A.N. (2023) The problem of methods for studying the value-motivational sphere of personality in the era of change. *Gumanitarnye nauki*. 13 (3). pp. 44–51. (In Russian). doi: 10.26794/2226-7867-2023-13-3-44-51
5. Geger, A.E. & Geger, S.A. (2015) Values survey: The specificity of different approaches. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 399. pp. 13–17. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/399/3
6. Bogdanov, M.B. & Smirnov, I.B. (2021) Possibilities and limitations of digital footprints and machine learning methods in sociology. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 304–328. (In Russian).
7. Schwartz, S.H. (2007) Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations. In: *Measuring attitudes cross-nationally: Lessons from the European Social Survey*. Sage. pp. 169–203. doi: 10.4135/9781849209458.n9
8. Murphy, R.O. & Ackermann, K.A. (2014) Social value orientation: Theoretical and measurement issues in the study of social preferences. *Personality and Social Psychology Review*. 18 (1). pp. 13–41. doi: 10.1177/1088868313501745
9. Mel'nikova, O.T. (2012) Qualitative methods as a tool for studying value orientations. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*. 1. pp. 19–28. (In Russian).
10. Trotsuk, I.V. & Savel'eva, E.A. (2015) Comparative studies of value orientations: possibilities, limitations, logic of development. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Sotsiologiya*. 4. pp. 159–172. (In Russian).
11. Kitchin, R. (2017) Big data, new epistemologies and paradigm shifts. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 44. pp. 111–152. (In Russian).
12. Nestik, T.A. & Zhuravlev, A.L. (2019) Analysis of big data in psychology and socio-humanitarian sciences: promising areas of research. *Psikhologicheskii zhurnal*. 40 (6). pp. 5–17. (In Russian). doi: 10.31857/S020595920007306-2
13. Platonova, S.I. (2022) Social knowledge and social changes in the context of big data. *Intellekt. Innovatsii. Investitsii*. 4. pp. 160–168. (In Russian).
14. Mukhametov, D.R. (2019) Big data technologies in political processes: opportunities and risks. *Gumanitarnye nauki. Vestnik finansovogo universiteta*. 9 (6). pp. 143–149. (In Russian).
15. Vachkova, S.N., Kagan, E.M. & Kozin, S.V. (2021) Big data for pedagogical research: opportunities, problems, limitations. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya*. 63. pp. 28–39. (In Russian).
16. Dudina, V.I. (2016) Digital data – potential for the development of sociological knowledge. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 9. pp. 21–30. (In Russian).
17. Saponova, A.V. & Kulikov, S.P. (2021) Integration of survey data and digital traces: a review of the main methodological approaches. *Sotsiologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie*. 53. pp. 117–164. (In Russian). doi: 10.19181/4m.2021.53.4
18. Nikolaychuk, I.A., Yanglyayeva, M.M. & Yakova, T.S. (2022) Sociocultural aspects of Russians' commitment to models of collectivist and individualistic behavior: media geographic approaches in sociology. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki*. 3 (67). pp. 101–113. (In Russian). doi: 10.52452/18115942_2022_3_101
19. Nikolaychuk, I.A., Yakova, T.S. & Yanglyayeva, M.M. (2023) Cultural codes in modern public space: metameanings and their consumption in Russia and abroad. *Vestnik MGPU. Seriya: Filosofskie nauki*. 1 (45). pp. 48–67. (In Russian). doi: 10.25688/2078-9238.2023.45.1.4
20. Brodovskaya, E.V. et al. (2014) Representation of value orientations of Russian youth in social media: cybermetric analysis. *Education Transformation Issues*. 1. pp. 141–152.
21. Brazevich, S.S. et al. (2019) Study of the interests of youth through the thematic repertoire of communication in the student environment: the case of the social network “VKontakte”. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 1. pp. 193–211. (In Russian). doi: 10.14515/monitoring.2019.1.09

22. Zabokritskaya, L.D. et al. (2020) Possibilities of studying the values of young people through the profile of the social network "VKontakte". *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2 (156). pp. 148–167. (In Russian). doi: 10.14515/monitoring.2020.2.692
23. Micó-Sanz, J. et al. (2020) Turim Mapping global youth and religion. big data as lens to envision a sustainable development future. *Tripodos*. 48. pp. 33–52. doi: 10.51698/tripodos.2020.48
24. Mukta, M.S.H., Ali, M.E. & Mahmud, J. (2019) Temporal modeling of basic human values from social network usage. *Journal of the Association for Information Science and Technology*. 70 (2). pp. 151–163. doi: 10.1002/asi.24099
25. Boy, J.D., Uitermark, J. & Wiersma, L. (2018) Trending# hijabfashion: Using big data to study religion at the online–urban interface. *Nordic Journal of Religion and Society*. 31 (1). pp. 22–40. doi: 10.18261/issn.1890-7008-01-02
26. Metin, Y., Ezomo, O.F. & Olugbenga, A. (2023) Attitudes of Different Religions Toward Surrogacy: Analysis of 11 Countries' Situation Using Machine Learning Approach and Artificial Neural Networks. *Journal of Religion and Health*. 62. pp. 1–22. doi: 10.1007/s10943-023-01782-y
27. Pisarevskiy, V.G. (2014) Social portrait of the audience of Orthodox online communities on the social network VKontakte. *Vestnik instituta sotsiologii*. 3 (10). pp. 131–146. (In Russian).
28. Pisarevskiy, V.G. (2020) Methodology for studying socio-demographic and behavioral criteria among the audience of Orthodox communities on VKontakte. *Sotsiologiya religii v obshchestve pozdnego moderna*. 9. pp. 29–40. (In Russian).
29. Mencarini, L. et al. (2019) Happy parents' tweets. *Demographic Research*. 40. pp. 693–724. doi: 10.4054/DemRes.2019.40.25
30. Xue, J. et al. (2019) Harnessing big data for social justice: An exploration of violence against women-related conversations on Twitter. *Human Behavior and Emerging Technologies*. 1 (3). pp. 269–279. doi: 10.1002/hbe2.160
31. Xu, X. et al. (2023) Understanding the Risk Factors of Spousal Violence Victimization Using Machine Learning and Network Approaches. *Journal of Family Violence*. pp. 1–12. doi: 10.1007/s10896-023-00573-z
32. Dai, Z., Jiang, W. & McNickle, C. (2023) Social Network Analysis and Semantic Analysis of# TexasAbortionBan on Twitter. *Sexuality Research and Social Policy*. pp. 1–7. doi: 10.1007/s13178-023-00848-6
33. Emel'yanova, T.P. & Shmidt, D.A. (2017) Ideas about a future partner and marriage, broadcast on the social network VKontakte. *Institut psikhologii Rossiyskoy akademii nauk. Sotsial'naya i ekonomicheskaya psikhologiya*. 2:2 (6). pp. 46–65. (In Russian).
34. Kitova, D.A. & Kitov, M.A. (2020) Attitude of users of the social network Twitter towards children: machine analysis of the emotional background of messages. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik*. 3 (114). pp. 134–141. (In Russian). doi: 10.20323/1813-145X-2020-3-114-134-141
35. Kalabikhina, I.E. et al. (2022) Automatic analysis of reproductive values of users of the VKontakte network. *Intellektual'nye sistemy. Teoriya i prilozheniya*. 26 (1). pp. 190–195.
36. Kalabikhina, I. et al. (2023) Identifying Reproductive Behavior Arguments in Social Media Content Users' Opinions through Natural Language Processing Techniques. *Population and Economics*. 7 (2). pp. 40–59. doi: 10.3897/popecon.7.e97064
37. Kalabikhina, I.E. et al. (2023) Demographic values and socio-demographic portrait of VKontakte users: is there a connection? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6: Ekonomika*. 3. pp. 157–180. (In Russian). doi: 10.55959/MSU0130-0105-6-58-3-8
38. Sivak, E. & Smirnov, I. (2019) Parents Mention Sons More Often Than Daughters on Social Media. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 116 (6). pp. 2039–2041. doi: 10.1073/pnas.1804996116
39. Sikevich, Z.V. & Fedorova, A.A. (2020) Ethnocultural conditioning of virtual and "real" gender images. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Sotsiologiya i politologiya*. 26 (3). pp. 182–199. (In Russian). doi: 10.24290/1029-3736-2020-26-3-182-199
40. Avtaeva, N.O. (2021) Popularization of family and parenthood values in the blogosphere. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya*. 3 (41). pp. 77–85. (In Russian). doi: 10.47475/2070-0695-2021-10309
41. Malakhova, V.R. (2022) Styles of parent-child relationships: cultural and historical context in the "language of numbers". *Territoriya novykh vozmozhnostey. Vestnik Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta*. 14 (4). pp. 164–173. (In Russian). doi: 10.24866/VVSU/2949-1258/2022-4/164-173
42. Knüsel, B. et al. (2019) Applying big data beyond small problems in climate research. *Nature Climate Change*. 9 (3). pp. 196–202. doi: 10.1038/s41558-019-0404-1
43. Fan, L. (2022) Big data technology oriented to wetland resource ecosystem value evaluation. *Computational Intelligence and Neuroscience*. 2022. doi: 10.1155/2022/6815102
44. Mcleery, R., Robert, G. & Beatty, M. (2023) Uniting Experiments and Big Data to advance ecology and conservation. *Trends in Ecology & Evolution*. 38 (10). pp. 970–979. doi: 10.1016/j.tree.2023.05.010
45. Kaminskaya, T.L., Pomiguyev, I.A. & Nazarova, N.A. (2019) Environmental activism in the digital environment as a tool for influencing government decisions. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 5. pp. 382–407. (In Russian). doi: 10.14515/monitoring.2019.5.18
46. Yang, J. (2020) Big data and the future of urban ecology: From the concept to results. *Science China Earth Sciences*. 63. pp. 1443–1456. doi: 10.1007/s11430-020-9666-3
47. Sidorina, A.V. & Grigoryan, K.G. (2019) Dynamics of environmental consciousness in Russian media. *Sotsiodinamika*. 6. pp. 91–113. (In Russian). doi: 10.25136/2409-7144.2019.6.29874
48. Batanina, I.A. et al. (2021) Environmental agenda in the Russian segment of social media: results of big data analysis. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Nauki o Zemle*. 2. pp. 409–428. (In Russian).
49. Zabokritskaya, L.D. & Oreshkina, T.A. (2021) Analysis of statistics of search queries as a tool for monitoring environmental attitudes of the population of the region. *Vestnik Instituta sotsiologii*. 12 (2). pp. 175–193. (In Russian). doi: 10.19181/vis.2021.12.2.721
50. Kim, Y., Kim, C. & Lee Choong-Ki, D.K. (2019) Quantifying nature-based tourism in protected areas in developing countries by using social big data. *Tourism Management*. 72. pp. 249–256. doi: 10.1016/j.tourman.2018.12.005
51. Xu, P. (2022) Prediction of per capita ecological carrying capacity based on ARIMA-LSTM in tourism ecological footprint big data. *Scientific Programming*. 2022. doi: 10.1155/2022/6012998
52. Konyshov, E.V. (2022) Methodology for studying the mental tourist and recreational space based on reviews of tourists (using the example of the Kirov region). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya: Geografiya*. 5. pp. 16–28. (In Russian).
53. Nizomutdinov, B.A., Uglova, A.B. & Kozyreva, A.I. (2022) [Analysis of the relationships between subjective assessments of city residents and digital assessments from geoinformation social networks]. *Informatsionnoe obshchestvo: obrazovanie, nauka, kul'tura i tekhnologii budushchego* [Information society: education, science, culture and future technologies]. Proceedings of the XXV International Conference Internet i sovremennoe obshchestvo [Internet and modern society]. St. Petersburg. 23–25 June 2022. Vol. 6. St. Petersburg. pp. 207–218. (In Russian). doi: 10.17586/2587-8557-2022-6-207-218
54. Nen'ko, A.E. et al. (2022) Emotional mapping as a method for analyzing the subjective quality of urban green areas. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii*. 13 (4). pp. 146–168. (In Russian). doi: 10.24412/2079-0910-2022-4-146-168
55. Dombrovskaya, A.Yu. (2019) Representation of the values of digital civic participation of Russian youth in new media: social and media analysis. *Vlast'*. 27 (5). pp. 132–138. (In Russian). doi: 10.31171/vlast.v27i5.6731
56. Ushanova, I.A. & Shustrov, A.S. (2021) The "Immortal Regiment" action on Instagram as an object of study of civic-patriotic education of youth. *Psikhologo-pedagogicheskii poisk*. 1 (57). pp. 97–109. (In Russian). doi: 10.37724/RSU.2021.57.1.010

Информация об авторах:

Ливенцова Е.Ю. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей и педагогической психологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: evg.liv@mail.ru

Кашпур В.В. – канд. социол. наук, зав. кафедрой социологии Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vitkashpur@mail.ru

Дунбинский И.А. – канд. ист. наук, старший преподаватель кафедры российской истории Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

Гойко В.Л. – зав. научно-исследовательской лабораторией прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: goiko@data.tsu.ru

Александрова Ю.К. – младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории прикладного анализа больших данных Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.Yu. Liventsova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: evg.liv@mail.ru

V.V. Kashpur, Cand. Sci. (Sociology), head of the Sociology Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vitkashpur@mail.ru

I.A. Dunbinsky, Cand. Sci. (History), senior lecturer, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: dunbinskiy@mail.ru

V.L. Goiko, head of the Research Laboratory for Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: goiko@data.tsu.ru

Yu.K. Aleksandrova, junior research fellow, Research Laboratory for Applied Big Data Analysis, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: jalexandrova@data.tsu.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.12.2023;
одобрена после рецензирования 29.12.2023; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 21.12.2023;
approved after reviewing 29.12.2023; accepted for publication 30.01.2024.*

ИСТОРИЯ

Научная статья
УДК 94 (470)
doi: 10.17223/15617793/498/8

Добровольные трудовые переселенцы в лесной промышленности Молотовской области в 1950-е гг.: притягивающие факторы

Александр Владимирович Глушков¹

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермь, Россия, AVGlushkov@hse.ru

Аннотация. На основе широкого круга источников рассматриваются факторы, подталкивавшие в послевоенный период население СССР к переселению в лесные промышленные хозяйства Молотовской области – одного из крупнейших лесопромышленных регионов страны. Добровольные трудовые миграции проходили под контролем государства, однако за набор рабочей силы, как и за удержание переселенцев на новом месте, отвечала власть на местах. Делается вывод о том, что помимо предоставляемых переселенцам льгот существовали и другие мотивы переезда, действие которых усиливалось активной агитацией и пропагандой в местах набора переселенцев.

Ключевые слова: трудовые миграции, переселенцы, лесная промышленность, леспромхозы, Молотовская область

Источник финансирования: статья подготовлена при финансовой поддержке НИУ ВШЭ (проект «Индустриальная культура: цифровые решения для исследовательской экосистемы»).

Для цитирования: Глушков А.В. Добровольные трудовые переселенцы в лесной промышленности Молотовской области в 1950-е гг.: притягивающие факторы // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 70–79. doi: 10.17223/15617793/498/8

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/8

Voluntary labor migrants in the timber industry of Molotov Oblast in the 1950s: Pull factors

Aleksandr V. Glushkov¹

¹ National Research University Higher School of Economics, Perm, Russian Federation, AVGlushkov@hse.ru

Abstract. In the late 1940s–1950s, thousands of labor migrants arrived in Molotov Oblast of the USSR to work in the local timber industry. This process became part of a broad government campaign to redistribute labor within the country. However, the resettlement was voluntary, which inevitably led to extensive campaigns to attract personnel. For Molotov Oblast, the “donor” regions were Kaluga and Gorky Oblasts of the RSFSR, the Chuvash and Mordovian Autonomous Soviet Socialist Republics, as well as a number of regions of the Byelorussian SSR. Therefore, the campaign, carried out by regional and district authorities, was primarily aimed at residents of these regions. The aim of the study is to analyze the factors influencing their choice to migrate. The article is based on a wide range of sources, which include materials from three archives (State Archive of Perm Krai, Perm State Archive of Social and Political History, and Komi-Permyak District State Archive) – decisions, protocols, memos and other office documents – that shed light on the progress of the resettlement campaign. The second group of sources is materials from periodicals, in particular, the newspaper *Lesnik Prikamya* [Forester of the Kama Region], the official press organ of the Molotovles plant. The third group of sources is propaganda materials on the topic of resettlement, published in Molotov Oblast in the 1950s. These materials allow us not only to draw a conclusion about the approximate number of migrants who arrived in Molotov Oblast, the scale of return migration, and the progress of improvement of forest settlements, but also to identify a number of factors that had the greatest influence on the resettlement process. First of all, this is an opportunity to improve the financial situation of the family, which was achieved both by direct benefits (payments, loans, etc.) and by high earnings at a new place of work. Secondly, although the general progress of improvement in places of resettlement did not keep pace with the development of the industry, potential migrants were not informed about this, expecting comfortable conditions for work, life and leisure. Thirdly, based on propaganda materials, we can conclude that an additional motive for resettlement could have been the desire to help the homeland: patriotic motives in the postwar

period continued to play an important role in public life. Finally, we can highlight the “adventure” component of migration: the mysterious forest region from Pavel Bazhov’s fairy tales, rich in “green gold”, attracted migrants from central Russia, although this could hardly serve as the main motive. The action of all of these factors was impossible without active agitation and propaganda in places where migrants were recruited; therefore, the mid-1950s in the USSR saw the peak of agitation campaigns aimed at potential migrants.

Keywords: labor migration, migrants, USSR timber industry, timber industry enterprises, Molotov Oblast

Financial support: The article is prepared with the financial support of the National Research University Higher School of Economics (project “Industrial Culture: Digital Solutions for the Research Ecosystem”).

For citation: Glushkov, A.V. (2024) Voluntary labor migrants in the timber industry of Molotov Oblast in the 1950s: Pull factors. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 70–79. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/8

В период послевоенного восстановления экономики СССР лесные промышленные хозяйства (далее – леспромхозы) Молотовской (впоследствии – Пермской) области стали одним из главных направлений притока рабочей силы в регион, входивший в число лидеров по добыче древесины в РСФСР: общая площадь лесов достигала здесь 12 млн га, из которых 10 млн были пригодны для хозяйственного использования. Годичного прироста древесины в лесах Прикамья было достаточно, например, для того, чтобы построить дома на 650 тыс. квартир [1. С. 1]. Поток добровольных трудовых переселенцев, которые в документах того времени часто именуются промпереселенцами (промышленными переселенцами), регулировался переселенческими отделами облисполкомов на основании решений государства, составлявшего перечень регионов «входа» и «выхода» переселенцев. К примеру, для Молотовской области в конце 1940-х – 1950-е гг. регионами-донорами рабочей силы стала Горьковская и Калужская области РСФСР, Мордовская и Чувашская АССР, а также ряд областей Белорусской ССР [2. С. 62]. Большая часть переселенцев этого периода приезжали для работы именно в лесной промышленности, хотя наборы осуществлялись также на предприятия угольной промышленности и в колхозы.

Поскольку переселение носило добровольный характер, а желающих бросить свой дом ради новой жизни было недостаточно, государство стимулировало переселенцев предоставлением различного рода льгот. В свою очередь, для проведения агитационных кампаний управленческий аппарат на местах вынужден был отправлять в другие регионы своих вербовщиков. Это было связано в том числе и со стремлением перейти от прежней модели организации труда в леспромхозах, предполагавшей значительное количество сезонных рабочих, к постоянным кадрам, надолго закреплявшимся на новой территории. Вместе с тем обратное переселение («обратничество») было распространенной проблемой, решить которую одним лишь увеличением льгот было невозможно. Представляется, что решение о переезде, так же как решение о возвращении домой, принималось в диапазоне между предоставляемыми льготами и хорошим заработком, с одной стороны, и труднопреодолимой общей бытовой неустроенностью лесных поселков – с другой. Решение переселенцев закрепиться на новом месте или уехать обратно во многом зависело от того, как обстояло дело в конкретном

леспромхозе. Сохранившиеся источники, в первую очередь архивные делопроизводственные материалы и материалы периодической печати, позволяют рассмотреть влияние как факторов, притягивавших переселенцев в леспромхозы Молотовской области, так и факторов, «выталкивавших» их обратно.

Стоит отметить, что после распада Советского Союза история миграций в СССР входит в число наиболее популярных тем исследований среди отечественных историков, занимающихся этим периодом. В работах А.А. Давыдова [3], Ж.А. Зайончковской [4], Н.В. Хомяковой [5] рассматриваются общие особенности переселенческой политики как во всем СССР, так и в отдельных республиках. В монографии О.Д. Воробьевой, Л.Л. и О.Л. Рыбаковских уделяется внимание видам миграций, этапам переселенческой политики и стимулам, которые государство предоставляло добровольным трудовым мигрантам в СССР [6]. Ряд других исследований трудовых миграций СССР в 1940–1960-е гг. отмечены в историографическом обзоре Н.В. Чернышевой, К.А. Чернышева и А.В. Бровцина [7]. Среди научных работ, затрагивавших тему переселения в Молотовскую область, выделяется исследование А.В. Черных и М.С. Каменских [8]. Важно отметить, что значительная часть работ, посвященных миграциям и миграционной политике государства, в том числе на примере Прикамья, посвящены принудительным видам миграции, что не относится к исследуемой теме. Так, А.Б. Суслов рассматривает быт спецпоселенцев Молотовской области, в том числе на лесозаготовках, в период до 1953 г. [9]. В ряде работ рассматриваются источниковая база архивов по изучению миграционных процессов в Прикамье в послевоенный период [2], причины «обратничества» среди переселенцев в Молотовскую область [10], а также методы агитации и пропаганды, практиковавшиеся вербовщиками из Молотовской области среди потенциальных переселенцев [11]. Неоднократно рассматривалась тема миграции в СССР и в зарубежных трудах [12].

Источниками для исследования послужили делопроизводственные документы предприятия «Молотовлес» и лесозаготовительных трестов области, отложившиеся в архивах региона – Государственном архиве Пермского края [13] и Коми-Пермяцком окружном государственном архиве [14]. В эту же группу документов входят материалы Пермского обкома и Коми-Пермяцкого окружного КПСС, отложившиеся в Пермском государственном архиве социально-политической истории [15,

16], а также документы ведомств, вовлеченных в процесс организации переселений в Молотовскую область, в частности областного управления труда [17]. Вторую группу источников составили материалы периодической печати, в частности газеты «Лесник Прикамья», официального печатного органа «Молотовлеса». Специальные выпуски газеты, вышедшие в сентябре и октябре 1955 г. тиражом 6 тыс. экземпляров, были нацелены на потенциальных переселенцев. Они содержали информацию о быте промпереселенцев в лесную промышленность области, «письма к землякам» и другую агитационную информацию [1, 18].

Третью группу источников составили агитационно-пропагандистские материалы на тему переселения, выходившие в Молотовской области в 1950-е гг. Издательская продукция, посвященная как лесной промышленности области в целом, так и преимуществам переселения, начала появляться уже на рубеже 1940–1950-х гг. Так, в 1950 г. «Молотовлес» выпустил брошюру с очерками о лесной промышленности региона. В этот же период в других областях РСФСР и в республиках массово выходят агитационные брошюры, рассказывающие о географии и природных богатствах, а также о возможностях, которые открываются перед переселенцами. Многие из этих брошюр также агитируют на поиск новой работы в области лесозаготовок [19–22]. Необходимость организованного набора рабочей силы, в целом, идеологически обосновывалась в специальных изданиях [23]. В 1956 г., когда леспромхозы стремились по возможности отказаться от сезонных рабочих и перейти на постоянные кадры, была издана брошюра «Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область», содержащая информацию как о самой области, так и о жизни переселенцев – рабочих леспромхозов [24]. Выпускались и брошюры, посвященные отдельным леспромхозам области, например Городищенскому леспромхозу в Чермозском районе [25]. Специальные издания, рассказывающие о методах работы как с потенциальными переселенцами, так и с уже состоявшимися работниками лесной промышленности Прикамья, были адресованы и самим агитаторам [26].

Исследование опирается на совокупность методологических подходов ряда исследователей миграционных процессов. Согласно взглядам американского социолога Эверетта С. Ли (Everett S. Lee), сформулированным в 1960-е гг., в отличие от места своего постоянного проживания, мигрант редко имеет объективное представление о месте прибытия, поэтому в решении о переселении всегда присутствует элемент незнания или даже тайны. Уделив внимание «притягивающим» (pull) и «выталкивающим» (push) факторам миграции, Ли считал, что решение о миграции никогда не бывает полностью рациональным [27]. Для него миграция есть баланс притягивающих и выталкивающих факторов в пункте выбытия и пункте прибытия, выстраиваемый под влиянием вмешивающихся обстоятельств. Соответственно, решение о переселении – это субъективная оценка обстоятельств переселяющимся [28]. Ли считал, что у некоторых людей рациональная составляю-

щая при переезде гораздо менее выражена, чем иррациональная [27]. Как будет показано далее, агитационные материалы, рассчитанные на потенциальных переселенцев в Молотовскую область, содержали информацию о неизведанном лесном крае, в котором детские воспоминания о сказках Павла Бажова переплетались с возможностью начать новую жизнь, более обеспеченную и счастливую.

Для работы оказался ценным методологический подход нидерландского социолога Хейна де Хааса, рассматривающего миграции как некое уравнение, переменными в котором служат стремление человека уехать и возможность сделать это [29]. Де Хаас опирается на понятия Исаяи Берлина о негативной и позитивной свободе, под первой в данном случае понимая отсутствие барьеров или ограничений для переселения, а под второй – способность контролировать свою жизнь и реализовывать свои цели [29]. Таким образом, чем больше люди узнают о возможностях уехать, тем, в конечном итоге, сильнее их стремление к переселению. Возможность покинуть насиженное место, чтобы начать новую жизнь осознается как собственный выбор, свобода действий. Таким образом, человек становится творцом своей судьбы, а переселение рассматривается не как отчаянное бегство от нищеты, а как вложение в собственное будущее.

Представляется, что решение о переселении зависело от совокупности факторов и не могло приниматься на основании лишь одного из них, например, стремления улучшить свое материальное положение, тяги к приключениям, рутинной жизни в родном селе и т.д. На примере Молотовской области рассмотрим причины (pull-factors), подталкивавшие людей к получению статуса промпереселенца и переезду в лесные промышленные хозяйства Молотовской области РСФСР. В рассматриваемый период (конец 1940-х – 1950-е гг.) лесная промышленность области базировалась на предприятии «Молотовлес», которое контролировало деятельность ряда лесозаготовительных трестов, работавших каждый на своей территории: «Уралзаподлес», «Комипермлес», «Кунгурлес», «Чусовлес» и «Вишерлес». Каждый из трестов, в свою очередь, делился на леспромхозы, имевшие свои лесные делянки. При леспромхозах организовывались поселки, многие из которых строились с нуля в непосредственной близости от производства (так, впрочем, было далеко не всегда: например, известны случаи, когда жилье работников леспромхоза было расположено в 9 километрах от производства). Для каждого треста составлялись свои списки переселенцев. К примеру, в 1953 г. «Комипермлес» принимал переселенцев из Горьковской области РСФСР (впоследствии – из Чувашской и Мордовской АССР), «Уралзаподлес» – из Полесской и Пинской областей Белорусской ССР, «Кунгурлес» – из Чувашской АССР, «Чусовлес» – из Калужской области РСФСР и Полоцкой области БССР, «Вишерлес» – из Полоцкой и Брестской областей БССР [15. Оп. 20. Д. 367. Л. 34].

Точное количество людей, прибывших в Молотовскую область в период кампаний по оргнабору рабочей

силы, а главное – закрепившихся на месте как минимум на несколько лет, на данный момент установить не удалось. Отложившиеся в архивах документы, в частности эшелонные списки переселенцев в леспромхозы Прикамья, свидетельствуют о том, что в 1951 г. основными регионами-донорами были Горьковская, Калужская и Рязанская области РСФСР, а также Татарская АССР. Из этих регионов зафиксировано прибытие 2 285 семей [17. Оп. 1. Д. 128]. Поднимался даже вопрос об открытии национальных татарских школ в лесопунктах [15. Оп. 17. Д. 384. Л. 16.]. В 1952–1953 гг. к этому списку прибавился ряд областей Белорусской ССР (Брестская, Пинская, Полесская, Полоцкая), а также Мордовская АССР. Если в 1952 г. для работы в леспромхозах области прибыло 2497 семей, в 1953 г. поток переселенцев сократился до 811 семей [17. Оп. 1. Д. 128, 135]. Согласно другим делопроизводственным источникам, в 1952 г. 46 леспромхозов области и 120 поселков при них готовились принять 6 000 семей переселенцев, в том числе «Вишерлес» – 600, «Комипермлес» – 2 000, «Уралзападолес» – 1 500, «Кунгурлес» – 800, «Чусовлес» – 1 100 семей [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 9]. Если фактические цифры, приведенные в отчете областного Министерства труда, верны, то годовой план по переселению был выполнен на 42%.

Ситуация осложняется тем, что подробные сведения о главах переселенческих семей и их имуществе имеются только по тресту «Уралзападолес». Списки составлялись для переселенческого отдела Молотовского облисполкома и, как правило, содержали информацию о наличии и состоянии личных подсобных хозяйств переселенцев в местах размещения, благоустройстве поселков в целом [13. Оп. 6. Д. 200а]. Несмотря на отсутствие в списках всех членов семей мы можем предположить, что количество переселенцев в леспромхозы области только в 1951–1953 гг. составило не менее 18–20 тыс. человек. Однако, поскольку списки выбывших семей отложились в еще меньшем количестве и представлены лишь в единичных документах, невозможно установить, какое количество приехавших стали постоянными жителями Молотовской области. Очевидно лишь то, что процент «обратничества», как можно наблюдать на примере исследований других типов миграций [31], не был статистической погрешностью и составлял серьезную проблему. Из Постановления Молотовского облисполкома от 29 ноября 1952 г. мы узнаем, что «в результате крупных недостатков в деле приема» с предприятий «Молотовлеса» за два года выбыло около 1 000 семей, в том числе 238 – в 1952 г. [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 27]. И снова, путем сопоставления с количественными данными других источников, мы можем посчитать, что в 1952 г. процент «обратничества» среди промпереселенцев в леспромхозы Молотовской области составил около 9,5%. Однако при обращении к документам на «низовом» уровне данные цифры кажутся заниженными и вызывают сомнения. К примеру, в 1951 г. в Нижне-Луховский леспромхоз Добрянского района при плане в 200 семей фактически прибыло 158 (580 человек). Из них вскоре выбыло 40 (более 25%), причем только три семьи сделали это с разрешения треста, а остальные – самовольно [15. Оп. 20. Д. 367. Л. 32].

Гипотеза о заниженных цифрах обратных переселенцев косвенно находит свое подтверждение и в других источниках. Так, по результатам сплошной проверки состояния хозяйственного устройства переселенцев на предприятиях треста «Комипермлес», проведенной 20 октября 1952 г. старшим инспектором переселенческого управления при Совете министров СССР А. Айзиным, выяснилось, что «руководители треста “Комипермлес” [В.С.] Гладких и [И.П.] Крячко длительное время скрывали действительное положение с устройством переселенцев в леспромхозах», занижали показатели по фактически выбывшим переселенцам и вместо выбывших за 1950–1952 гг. 490 семей (17,7% от общего числа в 2 766 семей) показывали только 313 семей [16. Оп. 38. Д. 66. Л. 131]. Таким образом, можно предположить, что приблизительно от 10 до 30% семей покидали леспромхозы в первые же месяцы после переселения, причем значительная часть – самовольно. В леспромхозах Коми-Пермяцкого округа Молотовской области проблема «обратничества» была столь серьезной, что в сентябре 1953 г. окрисполком постановил «каждый случай самовольного ухода считать чрезвычайным явлением» [32. Оп. 1 Д. 633. Л. 250]. Подробное рассмотрение причин выбытия является отдельной исследовательской темой, однако в большинстве случаев они заключались в неудовлетворительной работе трестов и леспромхозов по бытовому и трудовому устройству переселенцев [15. Оп. 20. Д. 367. Л. 33].

Создание условий для постоянного проживания переселенцев и закрепления их на новой территории открыто декларировалось в официальных источниках. В Постановлении Молотовского облисполкома от 29 ноября 1952 г. «О мероприятиях по подготовке к приему и устройству переселенцев на предприятия комбината “Молотовлес” в 1953 году» указывалось, что, хотя за 1952 г. ситуация изменилась, руководители лесозаготовительных трестов и многих отдельных леспромхозов «недооценивают народно-хозяйственного значения переселения в лесную промышленность как основного источника создания постоянных квалифицированных кадров рабочих и не обеспечивает создание переселенцам необходимых жилищно-бытовых и производственных условий» [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 26]. Необходимость наличия в леспромхозах постоянных кадров транслировалась и через периодическую печать. «Лесозаготовители намерены в ближайшие два-три года совершенно отказаться от привлечения сезонников и перейти на работу с постоянными кадрами, – сообщалось в спецвыпуске газеты “Лесник Прикамья” в сентябре 1955 г. – Вот поэтому мы и приглашаем на Урал для постоянной работы в лесной промышленности новый отряд новоселов» [1. С. 1].

Первым и, как представляется, главным инструментом привлечения переселенцев, были различные льготы и помощь от государства. Поскольку оргнаборы рабочих начались вскоре после окончания войны, уже 21 мая 1947 г. вышло Постановление Совета министров СССР № 1631, в котором, в частности, прописывался размер денежного пособия для переселенцев [33]. Для отправлявшихся на предприятия Урала оно

составляло 500 рублей на одного рабочего и по 200 рублей на каждого члена семьи, однако в 1953 г. размеры пособия увеличились до 1 000 и 300 рублей соответственно. Уже с 1951 г. единовременное пособие для переселенцев, заключивших договор на срок от двух и более лет, увеличилось в два раза, что свидетельствовало о стремлении государства уменьшить текучесть кадров. Постановление Совета министров СССР от 19 ноября 1951 г. ввело полноценные налоговые преференции (списание недоимок, освобождение от сельскохозяйственного и подоходного налогов, обязательных поставок продовольствия государству), которые в дальнейшем стали неотъемлемой частью льготной политики.

Постановление № 517 от 19 февраля 1953 г. «О льготах по переселению» впервые упорядочивает льготы для всех видов плановых переселенцев [34]. Помимо выплаты денежного пособия переселенцы были освобождены от платы за проезд и провоз имущества до установленного места вселения. К примеру, переселенцы в леспромхозы треста «Комипермлес» прибывали в Молотовскую по железной дороге до станции Менделеево, после чего их развозили по лесным поселкам, причем в зимнее время по пути следования были организованы пункты обогрева (в селе Сутяги, Кудымкаре, Юрле, Кочево, Юксеево и Сергеевке) [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 31].

Для обустройства на новом месте переселенцев кредитовали: в Молотовской области установленный размер кредита составлял до 10 тыс. рублей на строительство дома и надворных построек и до 1 500 рублей на приобретение скота (для Коми-Пермяцкого национального округа – до 2 000 рублей) [34]. По сути, все дальнейшие регламентирующие документы лишь уточняли или дополняли Постановление 1953 г. К примеру, приказ начальника Главного управления переселения и организованного набора рабочих при Совете министров РСФСР № 7 «О льготах по переселению на 1958 год» от 28 января 1958 г. продлевал льготы, установленные пятью годами ранее [17. Оп. 1. Д. 3. Л. 39]. Полный перечень льгот и правила их получения регламентировались постановлениями Совета министров СССР, а регулирование этого процесса находилось под контролем специальных организаций как на государственном уровне, так и на местах. С 1956 г. Главное переселенческое управление при Совете министров РСФСР и Главное управление организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР были объединены в Главное управление переселения и организованного набора рабочих при Совете Министров РСФСР, в обязанности которого входило руководство и контроль за организацией переезда переселенцев на новые места жительства, за их прием, хозяйственное и жилищно-бытовое устройство, контроль за порядком предоставления льгот [17. Оп. 1. Д. 2. Л. 3].

Помимо прямых льгот факторами, подталкивавшими к переезду, были публично декларируемые намерения государства создать благоприятные условия для жизни переселенцев. Для этого в местах вселения должны были строиться школы, больницы, дома куль-

туры, клубы, детские сады и т.д. Не будем останавливаться на многочисленных примерах нарушений постановлений Совета министров СССР и решений Молотовского облисполкома и Коми-Пермяцкого окрисполкома в ходе обеспечения хозяйственно-бытового устройства переселенцев, выдачи им кредитов и т.д. Большой массив документов делопроизводственного характера свидетельствует, что проблемы носили системный характер. Так, случай начальника Демидковского лесопункта Добрянского района, который в течение марта 1953 г. покупал на свои деньги в ближайшем поселке хлеб, «чтобы не срывать работу в лесу», был исключением лишь потому, что представлял собой редкое проявление рвения начальства [15. Оп. 20. Д. 367. Л. 3]. В то же время реакция властей на нарушения показывала, насколько важно было выправить положение с постоянными кадрами в лесной промышленности. Отдельные представители руководящего аппарата «за безответственное и бездушное отношение к хозяйственному и трудовому устройству переселенцев, за несоздание им нормальных бытовых условий» привлекались к уголовной ответственности [14. Оп. 1 Д. 903. Л. 67]. Подобные меры вкупе с усилиями властей по улучшению бытовых условий рабочих позволило к 1956 г. в отдельных районах увеличить число постоянных рабочих более чем в два раза [35. Оп. 1. Д. 15 Л. 11].

Отметим, что помимо «пряника» в виде различных льгот для переселенцев существовал и «кнут». Так, в первые послевоенные годы была распространена практика введения санкций за самовольные выбытия: с 1947 по 1952 г. переселенцы, самовольно возвращавшиеся на прежнее место жительства, обязаны были возместить затраченные на них средства (денежное пособие, средства на проезд и провоз имущества и т.д.). На практике выявить и найти самовольно выбывших было не так просто. К примеру, согласно отчету Переселенческого управления при Совете министров РСФСР, на 1 октября 1949 г. удалось установить местонахождение только 12,77% из всех выбывших семей [17. Оп. 1. Д. 2. Л. 5]. Поэтому с 1952 г. постановление о возмещении всех расходов переселенцами прекратило свое действие, так как это оказалось неэффективным. Но государство все же сохранило меры к созданию необходимых условий к закреплению переселенцев и наказанию за выезд. Теперь обязательным условием для выбывших было погашение ссуды в течение 5 лет с момента получения, но возвращать пособие и возмещать государству средства, потраченные на переселение, было не нужно. Эта норма действовала вплоть до 1973 г.

Теперь рассмотрим, как льготная политика государства в отношении переселенцев реализовывалась на примере леспромхозов Молотовской области. Прежде всего, переселенцам требовалась земля для строительства домов, надворных построек и организации приусадебных участков. В основном выделялись лесные участки «под раскорчевку», часто даже без исключения из гослесфонда. Согласно Постановлению облисполкома и обкома КПСС от 29 ноября 1952 г., для раскорчевки земель под приусадебные участки и сенокосы для переселенцев на предприятия комбината «Молотовлес» было отведено

2 687 участков, из них 1 450 должны были раскорчевать уже в следующем году [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 2].

В апреле 1953 г. при комбинате «Молотовлес» даже прошел специальный семинар с заместителями директоров леспромхозов по кадрам и представителями трестов, на котором обсуждались вопросы трудового и хозяйственного устройства переселенцев и разрабатывались «мероприятия по усилению строительства жилья, раскорчевки и расчистки земельных угодий и закрепления земель за каждой семьей переселенца» [15. Оп. 20. Д. 367. Л. 18]. Согласно решению Молотовского облисполкома от 6 января 1954 г. «О подготовке к приему и устройству переселенцев на предприятия комбината “Молотовлес”» Минлесхоз выделял площади на «необлесившихся вырубках» под приусадебные участки и сенокосы переселенцев. Раскорчевкой земель вынуждены были заниматься сами леспромхозы [36. Оп. 1. Д. 244. Л. 1]. Земли из гослесфонда выделялись и под строительство новых поселков для переселенцев [30. Оп. 3. Д. 44. Л. 103, 108]. Для переселенцев выделялось 15 т семян клевера, 1 500 т картофеля для посадки на приусадебных участках. Переселенцам выдавался скот, а прибывшим со своим скотом оказывали помощь в получении сена до начала пастбищного периода [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 30].

Уже упомянутое Постановление облисполкома от 29 ноября 1952 г. конкретизировало процесс подготовки к приему рабочей силы в 1953 г. Так, для семей переселенцев было запланировано строительство 6 000 домов или квартир, а также зданий культурно-бытовых учреждений. Было решено расширить сеть школ, больниц, фельдшерско-акушерских пунктов, детских садов, яслей, бань, мастерских бытового обслуживания, магазинов, пекарен, клубов и красных уголков [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 28.]. Не позднее 1 июня 1953 г. новые поселки должны были быть электрифицированы и получить водоснабжение. Леспромхозы должны были организовать изготовление мебели для продажи переселенцам (столов, стульев, табуретов). Вторым членам семьи искали работу на производстве, детям подыскивали ясли и детские сады. Помимо этого, во всех поселках организовывалась продажа керосина [15. Оп. 3. Д. 5. Л. 32]. Очевидно, что далеко не все пункты этого Постановления и других подобных документов выполнялись, в чем можно убедиться на конкретных примерах из источников: где-то не успевали раскорчевать землю под приусадебные участки [15. Оп. 20. Д. 367. Л. 33], в другом месте не выполнялся план жилищного строительства для переселенцев [15. Оп. 17. Д. 382. Л. 1] и т.д. Вместе с тем уже сама информация о создающихся условиях была стимулирующим фактором при решении о переезде.

Для распространения информации использовались всевозможные агитационные материалы: плакаты, брошюры, периодическая печать. Очевидно, что выпуск агитационной продукции сам по себе был недостаточен для решения проблемы «недобора» промпереселенцев в леспромхозы. Материалы необходимо было распространить, желательно при этом проводя разъяснительную работу в местах «выхода» переселенцев. Для этого «Молотовлес» вынужден был отправлять

своих представителей. Постановление Молотовского облисполкома от 29 ноября 1952 г. «О мероприятиях по подготовке к приему и устройству переселенцев» обязывало сам «Молотовлес», лесозаготовительные тресты и переселенческий отдел при облисполкоме в срок до 10 декабря «командировать в область отбора переселенцев представителей от каждого леспромхоза и треста для проведения массово-разъяснительной работы среди населения об условиях работы и быта в леспромхозах, а также оказания помощи местным органам в отборе переселенцев» [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 32]. Кандидатуры представителей леспромхозов и трестов согласовывались с соответствующими райкомами/горкомами КПСС. Выезжающих должны были проинструктировать и снабдить необходимыми агитационно-справочными материалами по вопросам переселения. Этим же постановлением «Молотовлес» и переселенческий отдел должны были подготовить характеристики леспромхозов, издать агитационно-справочные материалы/фотоплакаты, листовки с обращениями леспромхозов и направить их не позднее 10 декабря текущего года в области выхода, а также «организовать посылку писем от ранее переселившихся к своим землякам» [30. Оп. 3. Д. 5. Л. 32]. В дальнейшем подобные выезды повторялись. По состоянию на I квартал 1953 г. «для оказания помощи в проведении разъяснительной работы среди населения в областях выхода переселенцев» от предприятий комбината «Молотовлес» было направлено 66 человек. Уполномоченные находились в командировке на срок до двух месяцев. Известно, что всего на лесозаготовках области в этот период трудилось 16 400 человек, из них на основных работах – 8 082 человека [15. Оп. 20. Д. 367. Л. 17].

Одним из специфических видов агитации была практика написания «писем от земляков», которые публиковались в брошюрах и периодической печати. В этих письмах те, кто уже ранее переселился в Молотовскую область, обращаются к своим односельчанам, оставшимся на родине. Иногда письма содержали прямой призыв к переселению, в других случаях – лишь рассказывали о том, как изменилась жизнь переселенцев после того, как они покинули родные места. Письма были написаны от лица обычных рабочих и, очевидно, проходили литературную редакцию. Одним из каналов распространения таких писем была газета «Лесник Прикамья», которая издавалась для работников лесной промышленности области. Осенью 1955 г. тиражом 6 тыс. экземпляров было издано два спецвыпуска газеты, целиком ориентированных на потенциальных переселенцев [1, 18]. Их содержание практически идентично. Значительную часть газеты составляет рубрика «Письма о нашей жизни». Так, электромеханик из Воронежской области, тракторист из Горьковской области, столяр из Белорусской ССР и другие промпереселенцы рассказывали о том, как они устроились на новом месте и почему нисколько не жалеют о переезде. Общая тональность этих материалов становится понятной уже по их заголовкам: «Вторая родина», «Остаемся здесь надолго», «Переводы родителям», «Уезжать отсюда не собираемся», «Есть все необходимое», «Живем хорошо» и т.д. Важно отметить,

что имеющиеся у промпереселенцев проблемы в письмах не замалчивались, однако и не артикулировались. Акцент делался на преодолении трудностей ради лучшего будущего, под которым понимается более высокий заработок, более выгодное материальное положение и общее благосостояние, уважение в обществе и т.п. «Дали нам квартиру и очень скоро мы обзавелись всем необходимым... Денег с избытком хватает для того, чтобы хорошо питаться и прилично одеваться. В последнее время мы сделали много ценных покупок. Приобрели зимние пальто, костюмы, себе купил хромовые сапоги, жене – модельные туфли. Сейчас мечтаю скопить денег и купить автомобиль “Москвич”. Одним словом, я никуда не намерен отсюда уезжать. Лесной поселок стал для меня родным домом», – сообщал своим землякам рабочий Осинского леспромхоза Захар Рябов [1. С. 3]. В другом письме переселенец из Горьковской области Александр Майоров рассказывал историю «вхождения» в профессию тракториста, которая далась ему нелегко, однако позволила значительно увеличить заработок в Булатовском леспромхозе. Мотив преодоления и тяжести первого года переселения присутствует и в этом письме, однако его автор в конце концов достиг успеха: «В этом году в новый финский домик переехали... Первым делом баню в усадьбе поставили. Свет есть, радио есть, патефон приобрели, велосипед. Жить можно. Приусадебный участок – 30 соток, да еще на Каме двадцать... Вы, может быть, думаете, что нам просто повезло? Нет, и другие семьи переселенцев, где работы не боятся, на жизнь не жалуются», – сообщал Майоров, подчеркивая, что переселенцы, покинувшие леспромхоз, теперь «кусают локти» [1. С. 3].

Грузчик треста «Чусовлес» из Калужской области М. Шумаев также обращался к проблеме «обратничества», пренебрежительно называя такой тип переселенцев «гастролерами», от которых «только государству урон» [18. С. 3]. Как и в других материалах газеты, на первый план выходило приобретение материальных благ. Рассказывая о другом переселенце из Калуги, Шумаев подчеркивал, что «дом он строить пока не хочет, а на свои сбережения купил радиоприемник «Мир», швейную машину, мебель, два зимних пальто, бостонный костюм, хорошие платья жене и многое другое». Другой сосед Шумаева успел за четыре года «выстроить просторный рубленый дом и завел свое подсобное хозяйство: корову, двух кабанов, кур, кроликов» [18. С. 3]. В письме Михаила Карпова из Калужской области акцент делался на условиях для воспитания детей, что может говорить о том, что редакция специально подбирала разные темы, чтобы воздействовать на различные категории населения. Электромоторист Добрянского леспромхоза Илья Голыжбин, который, по его словам, «еще с детства... я много слышал о богатой уральской земле и давно вынашивал мечту жить в этом изумительном крае», также акцентировал внимание на бытовом устройстве. Письмо Голыжбина начиналось с воспоминаний о том, что «долгожданный Урал сурово встретил переселенцев из Калужской области»: Вожевский лесопункт, куда определили вновь прибывших, представлял собой два необжитых барака, вокруг кото-

рых простирался непроходимый лес [18. С. 3]. Возможно, таким образом потенциальных переселенцев заранее готовили к тому, что им придется пройти через определенные испытания, прежде чем они смогут ощутить реальные улучшения жизни.

Поднималась в письмах и тема пользы, которую приносит труд лесозаготовителей Советскому государству. Приезжающим в Прикамье в случае отсутствия необходимой специальности обещали не только бесплатное обучение в одном из лесотехнических училищ или техникумов региона, но и «увлекательный труд на благо любимой отчизны» в одном из леспромхозов, которых в 1955 г. насчитывалось уже более 50 [1. С. 3]. Однако составители писем прекрасно понимали, что заставить человека поменять место жительства может в первую очередь обещание улучшить его благосостояние. Именно поэтому в статьях указаны конкретные суммы, которые зарабатывают работники леспромхозов «Молотовлеса»: от 2 (тракторист) до 5 (раскряжевщик) тысяч рублей в зависимости от должности. Даже подростки из этих семей могли заработать около 1 200 рублей в месяц на обрубке сучьев.

Помимо высокого заработка приезжим обещали проживание в новых благоустроенных лесопоселках, разнообразное и недорогое питание, «богатую духовную жизнь», отдых в санаториях Кавказа, Крыма и «местных курортах», разнообразие товаров в местных магазинах. «На предприятиях комбината “Молотовлес” работает 600 магазинов, 300 столовых, 200 пекарен. Общий товарооборот в этом (т.е. в 1955 г. – А.Г.) году превысит полмиллиарда рублей. Хорошо потрудившись в лесу – хорошо заработаешь и заходи, покупай, что нужно!» – завлекал переселенцев «Лесник Прикамья» почти рекламными лозунгами [18. С. 4]. При этом необходимо отметить, что регулярные выпуски газеты вовсе не были столь позитивными: в каждом номере в достаточно резкой форме освещались бытовые и рабочие проблемы, с которыми сталкивались лесозаготовители и сплавщики. Что касается спецвыпусков, очевидно, в них важно было показать «красивую обложку», при этом не слишком зависив ожидания будущих переселенцев.

Такие же задачи преследовались при выпуске Молотовским облисполкомом в 1956 г. брошюры «Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область». Названия разделов говорили сами за себя: «Край несметных богатств», «Промышленно-сельскохозяйственный район», «Мощная лесная индустрия», «Расцветает социалистическая культура» [24]. В информационном издании, типичном для своего времени, освещалась и жизнь переселенцев в леспромхозы области, однако «письма земляков» уже не публиковались.

Таким образом, нами был выделен ряд факторов, «притягивавших» промпереселенцев в леспромхозы.

Во-первых, переселение сулило если не обогащение, о котором в условиях советского общества едва ли приходится говорить, то, по крайней мере, высокую оплату труда с возможностью приобрести недвижимость и статусные для послевоенного СССР вещи: одежду, электронику, транспортное средство и т.д. Пе-

реезд предполагал либо повышение зарплаты уже обученному специалисту, либо получение новой (зачастую первой) специальности, что предполагало повышение статуса переселенцев, среди которых было много вчерашних работников колхозов без всякой специальности.

Во-вторых, переселение подразумевало получение льгот, в том числе «подъемных», т.е. единовременных выплат главе семьи и каждому ее члену. С одной стороны, это породило такое явление, как «гастролерство», и способствовало быстрому отъезду ряда переселенцев обратно. Именно поэтому через периодическую печать транслировалось презрительное отношение к этой категории переселенцев. Боязнь тяжелого труда, который мог позволить человеку закрепиться на новом месте, открыто высмеивалась.

В-третьих, акцентировалось внимание и на той пользе, которую переселенцы приносят своей стране. Работа на благо Родины была не последним, хотя и не главным аргументом в агитационной продукции.

В-четвертых, нельзя не отметить и «приключенческий» аспект миграционных процессов. Формирование

образа Молотовской области как сказочного края, богатого «зеленым золотом», воспоминания об «Уральских сказах» Павла Бажова – все это хоть и неявно, но все же присутствовало в переселенческом дискурсе.

В свою очередь, агитационные материалы – листовки, плакаты, брошюры, газеты – гиперболизировали все перечисленные факторы, рисуя идеалистическую картину как самого региона, так и будущей жизни в нем.

Вместе с тем использование такой формы агитации, как «письма земляков», было важно не только в плане эмоционального воздействия, но и с точки зрения понижения ожиданий переселенцев, которые должны были представлять возможные трудности и не бежать из леспромпхоза после получения «подъемных». Для этого в ряде писем использовался дискурс преодоления трудностей, с которыми сталкивались работники леспромпхозов. Переселенец становился главным творцом своей судьбы, и только от него и его готовности преодолевать временные жизненные сложности зависел конечный успех и благополучие его семьи.

Список источников

1. Лесник Прикамья. Орган лесопромышленных комбинатов «Молотовлес» и «Комипермлес» обкома профсоюзов рабочих лесной и бумажной промышленности. Специальный выпуск. 1955. Сентябрь.
2. Глушков А.В., Кимерлинг А.С., Корниенко С.И. Архивные документы как источники по истории трудовых миграций в Молотовской области в послевоенный период (1945–1950 гг.) // Отечественные архивы. 2022. № 3. С. 60–66.
3. Давыдов А.А. Государственная политика в области трудовой миграции в СССР: истоки, этапы, тенденции // Вестник Башкирского университета. 2014. № 3. С. 1048–1052.
4. Зайончковская Ж.А. Миграция населения СССР и России в XX веке: эволюция сквозь катаклизмы // Проблемы прогнозирования. 2000. № 4. С. 3–15.
5. Хомякова Н.В. Демографическая политика советской власти и ее реализация на Урале в послевоенные годы // Высшее гуманитарное образование в динамике местного сообщества. Оренбург, 2013. С. 1782–1784.
6. Воробьева О.Д., Рыбаковский Л.Л., Рыбаковский О.Л. Миграционная политика России: история и современность. М. : Экон-Информ, 2016. 192 с.
7. Чернышева Н.В., Чернышев К.А., Бровцин А.В. Трудовые миграции населения СССР в сер. 1940–1960-х гг.: историографический обзор // Вестник ВятГУ. 2015. № 5. С. 48–60.
8. Черных А.В., Каменских М.С. Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб. : Маматов, 2014. С. 47–48.
9. Суслов А.Б. Быт спецпоселенцев в Молотовской области (1945–1953) // Труды КАЭЭ ПГПУ. 2001. № 1-2. С. 75–86.
10. Салатова А.А. Внутренняя возвратная миграция переселенцев Молотовской области в 1945–1953 гг.: репрезентация в архивных документах // Международная научно-практическая конференция «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе»: к 100-летию создания СССР : сборник материалов. Пермь : Перм. гос. архив социал.-полит. истории, 2022. С. 368–376.
11. Глушков А.В., Козлова К.О. «Ждем вас, дорогие товарищи!» Источники по изучению агитационно-пропагандистской работы по привлечению трудовых мигрантов в Молотовскую область в конце 1940-х – 1950-е гг. // Международная научно-практическая конференция «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе»: к 100-летию создания СССР : сборник материалов». Пермь : Перм. гос. архив социал.-полит. истории, 2022. С. 353–367.
12. Sigelbaum L.H., Moch L.P. Broad is my native land: Repertoires and regimes of migration in Russia's twentieth century. Ithaca ; London, 2014. 421 p.
13. Государственный архив Пермского края (ГАПК). Ф. Р-1074 «Лесопромышленный комбинат “Уралзападлес”».
14. Коми-Пермяцкий окружной государственный архив (КПОГА). Ф. Р-176 «АООТ ЛХК “Комипермлес”».
15. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ). Ф. 105 «Пермский обком КПСС».
16. ПермГАСПИ. Ф. 200 «Коми-Пермяцкий окружком КПСС».
17. ГАПК. Ф. Р-1271 «Управление труда Пермской области».
18. Лесник Прикамья. Орган лесопромышленных комбинатов «Молотовлес» и «Комипермлес» обкома профсоюзов рабочих лесной и бумажной промышленности. Специальный выпуск. 1955. Октябрь.
19. Переселяйтесь в Карело-Финскую ССР для работы в лесозаготовительных предприятиях / Переселенческое упр. при Совете Министров Карело-Финской ССР. Петрозаводск : Госиздат Карело-Фин. ССР, 1952. 11 с.
20. Леонов С. Переселяйтесь в леспромпхозы Архангельской области! / Переселенческий отд. Арханг. облисполкома. Архангельск : Правда Севера, 1955. 19 с.
21. Переселяйтесь в леспромпхозы Карело-Финской ССР: Письма и рассказы наших земляков / Глав. упр. по переселению и организ. набору рабочих при Совете Министров Белорус. ССР. Минск : Изд-во ЦК КПБ, 1955. 24 с.
22. Переселяйтесь в наш лесной край / Переселенческий отд. при Вологод. облисполкоме. Вологда, 1956. 48 с.
23. Иоффе Е. Организованный набор рабочей силы – важнейший фактор развития промышленности СССР. Киев : Наук. думка, 1954. 30 с.
24. Переселяйтесь к нам, в Молотовскую область / сост. С.Ф. Николаев ; Переселенческий отд. исполкома Молотовского обл. Совета депутатов трудящихся. Молотов : Кн. изд-во, 1956. 63 с.
25. Яковенко А.П. Городищенский леспромпхоз. Молотов : Молотов. кн. изд-во, 1955. 156 с.
26. Массово-политическая работа на лесозаготовках. Молотов : Молотовгиз, 1951. 40 с.
27. Lee E. A Theory of Migration // Demography. 1966. № 3. Р. 47–57.
28. Василенко П.В. Зарубежные теории миграции населения // Псковский регионологический журнал. 2013. № 16. С. 36–42.
29. De Haas H. A theory of migration: the aspirations-capabilities framework // Comparative Migration Studies. 2021. Vol. 9, № 1. P. 1–35.

30. ГАПК. Ф. Р-554 «Агентство лесного хозяйства по Пермской области и Коми-Пермяцкому автономному округу (Пермлесхоз) Федерального агентства лесного хозяйства МПР РФ (Рослесхоз)»
31. Маслов В.Н. Архивные источники о выбытии переселенцев из сел Приморского района Калининградской области в 1946–1947 годах // Международная научно-практическая конференция «Национальная политика и миграционные процессы в Советском Союзе»: к 100-летию создания СССР : сборник материалов. Пермь : Перм. гос. архив социал.-полит. истории, 2022. С. 236–245.
32. КПОГА. Ф. Р-20 «Исполнительный комитет Совета народных депутатов Коми-Пермяцкого автономного округа».
33. Постановление Совета министров СССР от 27 мая 1947 г. № 1631 «О порядке проведения организованного набора рабочих». URL: <https://e-ecolog.ru/docs/gCqfTJYAsr5A5n5gM6JB> (дата обращения: 02.08.2023).
34. Постановление Совета министров СССР от 19 февраля 1953 г. № 517 «О льготах по переселению». URL: <https://docs.cntd.ru/document/765717999?section=text> (дата обращения: 02.08.2023).
35. КПОГА. Ф. Р-255 «Личный фонд Конины Геннадия Константиновича, писателя, краеведа, члена Союза журналистов СССР».
36. ГАПК. Ф. Р-1280 «Бизярский леспромхоз треста «Прикамлес» Управления лесной промышленности и лесного хозяйства Западно-Уральского совнархоза».

References

1. Bazenкова, B.I. (ed.) (1955) *Lesnik Prikam'ya. Organ lesopromyshlennykh kombinatov "Molotovles" i "Komipermles" obkoma profsoyuzov rabochikh lesnoy i bumazhnoy promyshlennosti* [Forester of the Kama Region. Organ of the Timber Processing Plants Molotovles and Komipermles of the Regional Committee of Trade Unions of Forest and Paper Industry Workers]. Special issue. September.
2. Glushkov, A.V., Kimerling, A.S. & Kornienko, S.I. (2022) Arkhivnye dokumenty kak istochniki po istorii trudovykh migratsiy v Molotovskoy oblasti v poslevoenny period (1945–1950 e gg.) [Archival documents as sources on the history of labor migration in Molotov Oblast in the post-war period (1945–1950s)]. *Otechestvennye arkhivy*. 3. pp. 60–66.
3. Davydov, A.A. (2014) Gosudarstvennaya politika v oblasti trudovoy migratsii v SSSR: istoki, etapy, tendentsii [State policy in the field of labor migration in the USSR: origins, stages, trends]. *Vestnik Bashkirskogo universiteta*. 3. pp. 1048–1052.
4. Zayonchkovskaya, Zh.A. (2000) Migratsiya naseleniya SSSR i Rossii v XX veke: evolyutsiya skvoz' kataklizmy [Migration of the population of the USSR and Russia in the twentieth century: evolution through cataclysms]. *Problemy prognozirovaniya*. 4. pp. 3–15.
5. Khomyakova, N.V. (n.d.) Demograficheskaya politika sovetskoy vlasti i ee realizatsiya na Urale v poslevoennye gody [Demographic policy of the Soviet government and its implementation in the Urals in the post-war years]. In: *Vyshee gumanitarnoe obrazovanie v dinamike mestnogo soobshchestva* [Higher humanitarian education in the dynamics of the local community]. S.l.: [s.n.]. pp. 1782–1784. [Online] Available from: https://conference.osu.ru/assets/files/conf_info/conf9/s15.pdf
6. Vorob'eva, O.D., Rybakovskiy, L.L. & Rybakovskiy, O.L. (2016) *Migratsionnaya politika Rossii: istoriya i sovremennost'* [Migration policy of Russia: history and modernity]. Moscow: Ekon-Inform.
7. Chernysheva, N.V., Chernyshev, K.A. & Brovtin, A.V. (2015) Trudovye migratsii naseleniya SSSR v ser. 1940–1960-kh gg.: istoriograficheskiy obzor [Labor migrations of the population of the USSR in the mid-1940s–1960s: historiographical review]. *Vestnik VyatGU*. 5. pp. 48–60.
8. Chernykh, A.V. & Kamenskikh, M.S. (2014) *Chuvashi v Permskom krae: ocherki istorii i etnografii* [The Chuvash in Perm Krai: essays on history and ethnography]. St. Petersburg: Mamatov. pp. 47–48.
9. Suslov, A.B. (2001) Byt spetsposelentsev v Molotovskoy oblasti (1945–1953) [Life of special settlers in Molotov Oblast (1945–1953)]. *Trudy KAEF PGPU*. 1-2. pp. 75–86.
10. Salatova, A.A. (2022) [Internal return migration of settlers from Molotov Oblast in 1945–1953: representation in archival documents]. *Natsional'naya politika i migratsionnye protsessy v Sovetskom Soyuze": k 100-letiyu sozdaniya SSSR* [National policy and migration processes in the Soviet Union: to the 100th anniversary of the creation of the USSR]. Proceedings of the International Conference. Perm: Perm State Archive of Socio-Political History. pp. 368–376. (In Russian).
11. Glushkov, A.V. & Kozlova, K.O. (2022) ["We are waiting for you, dear comrades!"] Sources for studying propaganda work to attract labor migrants to Molotov Oblast in the late 1940s–1950s]. *Natsional'naya politika i migratsionnye protsessy v Sovetskom Soyuze": k 100-letiyu sozdaniya SSSR* [National policy and migration processes in the Soviet Union: to the 100th anniversary of the creation of the USSR]. Proceedings of the International Conference. Perm: Perm State Archive of Socio-Political History. pp. 353–367. (In Russian).
12. Sigelbaum, L.H. & Moch, L.P. (2014) *Broad is my native land: Repertoires and regimes of migration in Russia's twentieth century*. Ithaca; London: Cornell University Press.
13. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund R-1074: *Lesopromyshlennyi kombinat "Uralzapadoles"* [Uralzapadoles timber processing plant].
14. State Archive of Komi-Permyak Okrug (KPOGA). Fund R-176: *AOOT LKhK "Komipermles"* [Komipermles Trust].
15. Perm State Archive of Socio-Political History (PermGASPI). Fund 105: *Permskiy obkom KPSS* [Perm Regional Committee of the CPSU].
16. Perm State Archive of Socio-Political History (PermGASPI). Fund 200: *Komi-Permyatskiy okruzhkom KPSS* [Komi-Permyak Okrug Committee of the CPSU].
17. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund R-1271: *Upravlenie truda Permskoy oblasti* [Labor Department of Perm Oblast].
18. Grosland, G. (ed.) (1955) *Lesnik Prikam'ya. Organ lesopromyshlennykh kombinatov "Molotovles" i "Komipermles" obkoma profsoyuzov rabochikh lesnoy i bumazhnoy promyshlennosti* [Forester of the Kama Region. Organ of the Timber Processing Plants Molotovles and Komipermles of the Regional Committee of Trade Unions of Forest and Paper Industry Workers]. Special issue. October.
19. Resettlement Directorate under the Council of Ministers of Karelo-Finnish SSR. (1952) *Pereselyaytes' v Karelo-Finskuyu SSR dlya raboty v lesozagotovitel'nykh predpriyatiyakh* [Move to the Karelo-Finnish SSR to work in logging enterprises]. Petrozavodsk: Gosizdat Karelo-Fin. SSR.
20. Leonov, S. (1955) *Pereselyaytes' v lespromkhozy Arkhangel'skoy oblasti!* [Move to the timber industry enterprises of Arkhangelsk Oblast!]. Arkhangelsk: Pravda Severa.
21. Main Directorate for Resettlement and Organized Recruitment of Workers under the Council of Ministers of Byelorussian SSR. (1955) *Pereselyaytes' v lespromkhozy Karelo-Finskoy SSR: Pis'ma i rasskazy nashikh zemlyakov* [Move to the timber industry enterprises of the Karelo-Finnish SSR: Letters and stories from our fellow countrymen]. Minsk: Izd-vo TsK KPB.
22. Resettlement Department of Vologda Regional Executive Committee. (1956) *Pereselyaytes' v nash lesnoy kray* [Move to our forest region]. Vologda: [s.n.].
23. Ioffe, E. (1954) *Organizovannyi nabor rabochey sily – vazhneyshiy faktor razvitiya promyshlennosti SSSR* [Organized recruitment of labor as the most important factor in the development of industry in the USSR]. Kyiv: Nauk. dumka.
24. Nikolaev, S.F. (1956) *Pereselyaytes' k nam, v Molotovskuyu oblast'* [Move to us, to Molotov Oblast]. Molotov: Kn. izd-vo.
25. Yakovenko, A.P. (1955) *Gorodishchenskiy lespromkhoz* [Gorodishchensky timber industry enterprise]. Molotov: Molotovskoy knizhnoe izdatel'stvo.
26. Molotovgiz, (1951) *Massovo-politicheskaya rabota na lesozagotovkakh* [Mass political work in logging]. Molotov: Molotovgiz.
27. Lee, E. (1966) A Theory of Migration. *Demography*. 3. pp. 47–57.
28. Vasilenko, P.V. (2013) Zarubezhnye teorii migratsii naseleniya [Foreign theories of population migration]. *Pskovskiy regionologicheskiy zhurnal*. 16. pp. 36–42.
29. De Haas, H. (2021) A theory of migration: the aspirations-capabilities framework. *Comparative Migration Studies*. 9 (1). pp. 1–35.

30. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund R-554: *Agentstvo lesnogo khozyaystva po Permskoy oblasti i Komi-Permyatskomu avtonomnomu okrug (Perm'leskhoz) Federal'nogo agentstva lesnogo khozyaystva MPR RF (Rosleskhoz)* [Forestry Agency for Perm Oblast and Komi-Permyak Autonomous Okrug (Permleskhoz) of the Federal Forestry Agency of the Ministry of Natural Resources of the Russian Federation (Rosleskhoz)].
31. Maslov, V.N. (2022) [Archival sources on the departure of migrants from the villages of Primorsky District of Kaliningrad Oblast in 1946–1947]. *Natsional'naya politika i migratsionnye protsessy v Sovetskom Soyuze": k 100-letiyu sozdaniya SSSR* [National policy and migration processes in the Soviet Union: to the 100th anniversary of the creation of the USSR]. Proceedings of the International Conference. Perm: Perm State Archive of Socio-Political History. pp. 236–245. (In Russian).
32. State Archive of Komi-Permyak Okrug (KPOGA). Fund R-20: *Ispolnitel'nyy komitet Soveta narodnykh deputatov Komi-Permyatskogo avtonomnogo okruga* [Executive Committee of the Council of People's Deputies of the Komi-Permyak Autonomous Okrug].
33. E-ecolog.ru. (2023) *Resolution of the Council of Ministers of the USSR of May 27, 1947, No. 1631: On the procedure for conducting an organized recruitment of workers*. [Online] Available from: <https://e-ecolog.ru/docs/gCqfFTJYAsr5A5n5gM6JB> (Accessed: 02.08.2023). (In Russian).
34. Docs.cntd.ru. (2023) *Resolution of the Council of Ministers of the USSR of February 19, 1953, No. 517: On resettlement benefits*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/765717999?section=text> (Accessed: 02.08.2023). (In Russian).
35. State Archive of Komi-Permyak Okrug (KPOGA). Fund R-255: *Lichnyy fond Konina Gennadiya Konstantinovicha, pisatelya, kraevedy, chlena Soyuzha zhurnalistov SSSR* [Personal fund of Gennady Konstantinovich Konin, writer, local historian, member of the Union of Journalists of the USSR].
36. State Archive of Perm Krai (GAPK). Fund R-1280: *Bizyarskiy lespromkhoz tresta "Prikamles" Upravleniya lesnoy promyshlennosti i lesnogo khozyaystva Zapadno-Ural'skogo sovnarkhoza* [Bizyar timber industry enterprise of the Prikamles trust of the Department of Timber Industry and Forestry of the Western Ural Economic Council].

Информация об авторе:

Глушков А.В. – канд. ист. наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Пермь, Россия). E-mail: AVGlushkov@hse.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Glushkov, Cand. Sci. (History), associate professor, National Research University Higher School of Economics (Perm, Russian Federation). E-mail: AVGlushkov@hse.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 21.09.2023;
одобрена после рецензирования 13.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 21.09.2023;
approved after reviewing 13.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 94(47)
doi: 10.17223/15617793/498/9

«Вольная» высшая школа на Урале в начале XX в.: народные университеты в российской провинции

Елена Юрьевна Казакова-Апкаримова¹

¹ Институт истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия, Apkarimova@mail.ru

Аннотация. Представлена история народных университетов на Урале в начале XX в., показаны условия их появления и деятельности. Автором выявлены региональные особенности, обусловленные значением общественной и частной инициативы при создании народных университетов на Урале, показана роль культурно-просветительских ассоциаций, а также кооперативного и областнического общественных движений. Установлено, что народные университеты были проявлением общественного активизма и деятельности зарождавшегося в России гражданского общества. С другой стороны, делается вывод о том, что на Урале народные университеты не успели в полной мере раскрыть свой социокультурный потенциал, что было связано с трудными условиями периода социально-политических трансформаций в России начала XX столетия.

Ключевые слова: культура, просвещение, народные университеты, Урал, провинция, общественная организация, общественный деятель, гражданская инициатива

Для цитирования: Казакова-Апкаримова Е.Ю. «Вольная» высшая школа на Урале в начале XX в.: народные университеты в российской провинции // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 80–88. doi: 10.17223/15617793/498/9

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/9

“Free” higher school in the Urals at the beginning of the twentieth century: People’s universities in the Russian province

Elena Yu. Kazakova-Apkarimova¹

¹ Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russian Federation, Apkarimova@mail.ru

Abstract. The article considers the history of people’s universities in the Urals at the beginning of the twentieth century, the conditions for their emergence and activity are showed. People’s universities as a form of public educational and cultural work are of significant scientific interest in many respects, contributing to the deepening of scientific ideas about the development of higher education at the turn of the 20th century and in the context of subsequent revolutionary changes in Russian society, as well as in the context of studying the role of civil initiatives and the phenomenon of public activism in the country. The approach to studying the history of people’s universities in the context of expanding the scope of civic activities in Russia as one of the forms of social activism, considering them as non-profit organizations operating on the principles of self-organization, self-government and self-financing is promising in theoretical and methodological terms. The aim of the article is to identify the regional features of these institutions in the Russian province. The source base is fairly representative and includes several types of sources: regulations, periodicals, office documentation and sources of personal origin. The author concludes that people’s universities in the Urals at the beginning of the twentieth century, aimed at popularizing higher education subjects, became an accessible form of enhancing people’s culture (including professional culture), promoting self-education of the general population. These institutions in the Ural region appeared later than in other regions of Russia, operating successfully only in some large cities. The author has identified regional features determined by the importance of public and private initiative in the creation of people’s universities in the Urals, for example, the role of cultural and educational associations, as well as cooperative and regional social movements. As for the peculiarities of studying at public universities, the Ural universities also had an independent choice of subjects to attend, priority of lectures and the provision of notes, the absence of entrance exams and certifications in the learning process. People’s universities in the mining Urals were largely designed for workers and the urban lower classes. The thesis that people’s universities consolidated cultural forces in the Ural city, engaging people in broad cultural and educational activities is substantiated. These public institutions operating in the conditions of socio-political transformations in Russia at the beginning of the twentieth century could not fully realize their potential, many of them quickly ceased their activities for political reasons.

Keywords: culture, education, people’s universities, Ural, province, public organization, public figure, civic initiative

For citation: Kazakova-Apkarimova, E.Yu. (2024) “Free” higher school in the Urals at the beginning of the twentieth century: People’s universities in the Russian province. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 80–88. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/9

Актуальность исследования исторического опыта деятельности народных университетов в имперской России очевидна с учетом современных социокультурных трансформаций и эволюции высшей школы. Народные университеты как форма народно-образовательной и культурно-просветительской работы представляет значительный научный интерес во многих отношениях, способствуя углублению научных представлений по поводу развития высшей школы на рубеже XIX – начале XX в. и в условиях последующих революционных изменений в российском обществе, а также в контексте исследования значения гражданских инициатив и феномена общественного активизма в стране. В России народные университеты как культурно-просветительские учреждения для взрослых появились значительно позднее (в конце XIX столетия), чем в Западной Европе и США (в середине XIX в.), и имели свои исторические особенности.

В данной статье ставятся задачи исследовать условия появления и деятельности народных университетов на Урале, выявив региональные особенности данных институтов в российской провинции. В теоретико-методологическом плане перспективным представляется подход к исследованию истории народных университетов в контексте расширения сферы гражданской деятельности в России как одной из форм общественного активизма, рассмотрения их как некоммерческих организаций, действующих на принципах самоорганизации, самоуправления и самофинансирования.

Историография

Для дореволюционных специалистов весьма актуальным был вопрос соотношения школьного и внешкольного образования. Отечественные педагоги и общественные деятели были далеко не единодушными. Например, свой взгляд имел С.О. Серополко. Педагог указывал на наличие в стране значительного количества безграмотного населения не школьного возраста, убеждая общественность в том, что народные дома и народные университеты должны были давать слушателям общие и специальные технические знания [1. С. 37]. Г.Г. Генкель, пропагандируя западно-европейский опыт, считал так называемый народный университет одним из эффективных способов «насадить просвещение в широких массах». По его мнению, средствами достижения поставленных учебных целей могли быть: лекции, силлабусы (подробные конспекты – программы чтений с библиографическими указателями литературы), классы (собеседования), письменные работы, экзамены. Современник акцентировал внимание на общедоступности и законченности лекций (с желательным применением «волшебного фонаря») [2. С. 18–20].

История народных университетов как специфических учебных заведений исследовалась современными авторами очерков по истории образования взрослых, в

этих историко-педагогических исследованиях активно используются труды дореволюционных авторов. Специалисты указывают, в частности, на отличительные особенности преподавания в народных университетах, связанные с недостатком свободного времени у взрослых, а именно приоритет лекционных форм обучения и предоставления конспектов, стимулирование самообразования. Распространение «высшего научного знания» народными университетами предполагало демократизм в широком смысле этого слова: доступность для слушателей независимо от пола, вероисповедания, имущественного ценза. Акцент делался на развитии мировоззренческой культуры и критического мышления, теоретической насыщенности содержания учебных программ естественно-научными, общественно-экономическими, юридическими и историко-филологическими дисциплинами [3. С. 20–22]. На популяризацию народных университетов обратил внимание А.Н. Кукса [4].

История появления и деятельности народных университетов в начале XX столетия исследовалась также в контексте изучения распространения в России идеи доступного обучения и либеральных изменений в высшей школе, причин популярности негосударственных вузов, меценатства в данной сфере. Однако объектом исследования долгое время являлись преимущественно столичные народные университеты (Университет им. А.Л. Шанявского и Университет им. Л.И. Лутугина), а из провинциальных – Нижегородский и Томский [5]. Преуспела в исследовании истории некоторых провинциальных народных университетов М.С. Веникова, расширив географические границы исследования европейской части великорусских губерний России, включив в орбиту своего внимания помимо столичных университетов Смоленский, Воронежский, Самарский и Астраханский. Что касается восточных регионов России, то пробел в их исследовании (за исключением Томского народного университета) привел к искаженным представлениям об историографии данного вопроса. Так, требует пересмотра тезис М.С. Вениковой о том, что «те же характеристики (что и в отношении других провинциальных университетов. – Е.К.) можно отнести и к Сибири, где располагался единственный народный университет, находившийся восточнее Поволжья – Томский, образованный в 1916 г.» [6. С. 3–12].

История народных университетов на Урале действительно исследована крайне недостаточно. Лишь недавно стали появляться фрагментарные исследования в этом научном направлении. Так, М.Р. Юсупов тезисно отметил, что в начале XX в., по данным «Вестника народных университетов», существовало 16 народных университетов, констатируя факт существования народных университетов и в Уральском регионе, указав на пример этих учебных заведений в Екатеринбурге, Оренбурге и Уфе [7]. Исследователь подчеркнул общественную инициативу их создания, а также востребованность предлагавшихся, например,

уфимской интеллигенцией горожанам лекций по истории, литературе, естествознанию, общественным и юридическим наукам [7].

Благодаря архивистам Е.П. Туровой и М.А. Базанову удалось узнать новые факты о деятельности Челябинского народного университета, созданного в феврале 1919 г. и просуществовавшего несколько месяцев (учебный семестр). Исследователи подчеркнули общественный характер данного учебного учреждения, о чем свидетельствует и введенное Базановым в научный оборот Положение о Челябинском народном университете, призванном «служить широкому распространению научного и художественного образования, чистого и прикладного, и привлечению симпатии народа к науке и искусству» [8].

Общественная природа провинциальных народных университетов подчеркивается также в исследовании Е.В. Дворецкого, М.С. Вениковой, А.Н. Мошкина, на региональных источниках показав, что народные университеты в России начала XX в. часто существовали как общественные организации (обычно с официальным наименованием «Общество народных университетов»). Исследователи акцентировали внимание на использовании столичного опыта при создании некоторых провинциальных народных университетов и последующем транслировании столичных социокультурных инноваций [9].

Народные университеты на Урале: история и региональные особенности

Народные университеты на Урале в начале XX в. были немногочисленными общественными культурно-просветительскими институтами, появившимися достаточно поздно. Так, к моменту проведения Первого Всероссийского съезда деятелей народных университетов в январе 1908 г. на Урале действовали два народных университета: в Уфе и Оренбурге. Съезд проходил для обмена опытом и выяснения путей успешной деятельности народных университетов и иных культурно-просветительских институтов, направленных на повышение народной культуры. На этот съезд прибыло немало делегатов из провинции, не остался в стороне и Уральский регион (Пермская губерния направила трех делегатов, и один делегат, представлявший Общество народных университетов, приехал из Уфимской губернии) [10. С. 28].

От директора Оренбургского Вольного Университета А.О. Киселева из Оренбурга было направлено приветственное слово: «Приветствую членов Съезда и, выражая глубокое сожаление о невозможности лично участвовать вследствие болезни, осмеливаюсь в виду неопределенности типа народного университета предложить высокому собранию тип Оренбургского Вольного университета с тремя отделениями: народным, общеобразовательным и высшим народным, где читаются популярные лекции по различным отраслям знания, общеобразовательные лекции по программе мужских гимназий и по высшей университетской программе. Тогда каждый может свободно изучить всю официальную науку. Необходимо издание в Москве

или Петербурге известий вольных университетов» [10. С. 40–41]. Данные вопросы активно обсуждались на этом съезде.

Показательно, что в Оренбурге идея создания высшей школы обсуждалась в среде интеллигенции с первой половины XIX в. В XIX в. однако в Оренбургском крае не суждено было появиться высшей школе. Г.П. Матвиевская подчеркнула, что в обсуждении вопроса о необходимости открыть университет в Оренбурге уже в начале XX в. активно участвовали городская дума и общественность города, для предварительного исследования данного вопроса был сформирован специальный комитет [11. С. 117–118]. Как известно, в дальнейшем общественность города склонялась к открытию в нем политехнического университета. Очевидно, что немало для популяризации идеи университетского обучения и практической пользы преподавания для взрослых в Оренбурге сделал математик А.О. Киселев, преподававший в мужской гимназии и сумевший наряду с другими педагогами города наладить успешную деятельность оренбургских высших курсов, организованных в 1904 г. По мере увеличения преподавательского штата и изучаемых дисциплин Киселев с 1907 г. стал называть эти курсы Оренбургским вольным университетом. В опубликованном краеведом Т.В. Судоргиной письме на имя оренбургского городского головы А.О. Киселев писал: «Правила Оренбургских высших курсов, или Оренбургского вольного университета, утверждены. Так как курсы есть частное высшее учебное заведение, то Оренбург становится университетским городом» [11. С. 117–118]. В оренбургском вольном университете преподавание велось на трех отделениях: отделении общественных наук (по университетской программе, предусматривавшей чтение лекций по новой русской литературе, истории философии, истории культуры и уголовной антропологии); общеобразовательном отделении по программе, соответствовавшей программе мужских гимназий и рассчитанной на два года; народном отделении (лекции в популярной форме). Справедливости ради, надо согласиться с убеждением Г.П. Матвиевской в том, что Оренбургские высшие курсы не стали учебным заведением университетского типа в полном смысле этого слова, недоставало серьезных научных сил и научно-исследовательской базы, поэтому «достичь университетского уровня здесь не удалось» [11. С. 119–120]. По типу эти курсы, направленные на популяризацию дисциплин высшей школы, вполне можно отнести к категории народных университетов.

Важно отметить, что действовавшее Общество народных университетов в Уфе играло значительную культурно-просветительскую роль в городе, вокруг него консолидировались интеллигентные силы, распространяя свои знания и умения на широкую аудиторию. Известно, что Н.А. Шубин был не только главой Уфимского общества народных университетов, а еще и председателем правления Уфимского отделения ИРМО, призванного содействовать развитию художественного вкуса, повышению музыкальной культуры населения путем приобщения к произведениям выдающихся композиторов [12].

Шубин был активным участником Первого съезда работников народных университетов в 1908 г. Прибывший на съезд делегат присутствовал на заседаниях второй секции. Из опубликованных трудов этого съезда известно, что особенно его заинтересовал доклад А.Я. Острогорского «Программы и конспекты». Уфимец поделился своими взглядами по данному вопросу, «также считая из примера в народном университете в Уфе необходимым применение конспектов» [10. С. 70]. Съезд признал «полезным издавать для слушателей народных аудиторий конспекты и программы читаемых лекций как средство лучшего усвоения знаний» [10. С. 35].

Сам Н.А. Шубин прочитал на съезде доклад на тему: «О воскресных школах для взрослых и библиотеках при них». Основная мысль доклада была резюмирована им следующим образом: «В основе народных университетов лежит идея приближения науки к тем народным массам, которые имеют некоторую ступень развития, прошли начальную школу и научились уже мыслить абстрактно; в основе же воскресной школы для взрослых, представляющей собой некоторый осколок с того же народного университета, эта идея приближения науки понимается и ставится значительно уже. Здесь имеется в виду не наука в широком значении этого слова, а лишь те элементарные научные знания, которые могут быть признаны самыми необходимыми и в то же время доступными пониманию всех, как грамотных, так и неграмотных» [10. С. 387–396].

Участники съезда вынесли ключевую для понимания работы съезда резолюцию по вопросу об организации и постановке дела в народном университете: «...народные университеты, как подобные им организации, призванные служить культурным запросам широких масс, должны быть построены на демократических началах, началах самоуправления и самостоятельности этих масс. Только при проведении в жизнь этих начал возможен, как показывает всероссийский опыт, успех культурно-просветительных начинаний народных университетов, и может быть обеспечено им сочувствие со стороны широких масс населения» [10. С. 30].

Показательным примером является деятельность Уфимского общества народных университетов, интегрировавшего культурные силы города. Так, в ноябре 1907 г. в Уфе сформировался кружок лиц преимущественно из среды педагогов, поставивших цель создать музей наглядных пособий для выдачи их во временное пользование в школы и частным лицам для преподавания. На первом же собрании кружка 3 декабря 1907 г. было решено не создавать нового учреждения, а прикнудить к действующему Обществу народных университетов, ставящему перед собой просветительские цели, включая открытие музеев. Такое решение позволяло обществу экономить время и не дробило бы «немногочисленные кадры интеллигентных работников».

Совет общества предложил членам кружка войти в Общество народных университетов и сформировать секцию из членов общества для создания музея наглядных пособий. В итоге «кружок членов Общества народных университетов, задавшись целью организовать в г. Уфе Подвижный музей наглядных учебных

пособий для преподавания в начальной, низшей и средней школах, а также в учреждениях для внешкольного образования», сформировал особую секцию общества под названием «Подвижный музей при Уфимском обществе народных университетов». Секция управлялась общими собраниями своих членов через избираемое ими правление, имея самостоятельность «в делах внутреннего распорядка». Один член правления секции входил в совет общества народных университетов и один член совета входил в правление секции с правом решающего голоса по всем вопросам, касающимся общества. В состав секции также вошло несколько членов общества. Общее собрание выделило секции 230 руб., что со 140 руб., собранными кружком, составило 370 руб. Секция приступила к формированию музея наглядных пособий в помещении на нижнем этаже губернского музея. В апреле 1908 г. были получены выписанные пособия, а 15 сентября 1908 г. подвижный музей был открыт пользователям. Коллекциями музея могли бесплатно пользоваться низшие городские, земские и церковно-приходские школы г. Уфы и учреждения для внешкольного образования; частные школы и лица должны были платить в год по 3 руб., а средние учебные заведения – по 10 руб. Выдавались пособия на неделю. Наряду с абонементной формой предусматривались и разовые выдачи. По числу выданных пособий, возросшему с 410 (при 1126 выдач) в первый год до 796 (при 1682 выдачах) во второй год очевидна его востребованность, особенно городскими начальными школами [13. С. 1–3]. Неудивительно, что городское самоуправление Уфы поддерживало деятельность секции, выделяя ей с 1909 г. по 300 руб. в год.

Музей наглядных пособий выглядел довольно представительным. За три с половиной года деятельности музей собрал 3 240 наглядных пособий (938 пособий куплено, 1 872 – пожертвованы, 430 – переданы в пользование музея инспектором народных училищ Любимовым. Учебники и учебные руководства составляли 708 экземпляров, пособия по зоологии – 492, по географии – 406, по ботанике – 347, пособия художественного отдела – 278, пособия для первоначального обучения – 226, пособия по минералогии и геологии – 179, по истории – 160, по физике и химии – 111, для изучения Закона Божьего – 98, пособия по арифметике – 62, по технологии – 50, по сельскому хозяйству – 47, по анатомии, физиологии и гигиене – 42 и 34 монеты для расширения кругозора по нумизматике. Секция сумела опубликовать каталог этих пособий для удобства пользователей [13. С. 6].

Среди общественных деятелей, собравшихся вокруг этого музея, было немало настоящих подвижников и энтузиастов. Известной личностью являлась, например, Вера Федоровна Евлампиева, преподаватель воскресно-вечерней школы для взрослых при Уфимском обществе вспоможения частному служебному труду, преподаватель Уфимской Мариинской женской гимназии, а также Высшего начального училища при Уфимском учительском университете.

Сохранились воспоминания Веры Федоровны об общественной жизни Уфы: «Образовалось «Общество

народных университетов», которое вело большую просветительскую работу. По инициативе группы передовой интеллигенции возник «Музей наглядных пособий», учреждение, нужное для школ г. Уфы. Свое существование он начал со средств пожертвований, собранных на Земском губернском съезде. Земство было одним из передовых земств в России, и понятно, что охотно давало деньги на такое необходимое дело. Организовалось правление музея в следующем составе: председатель – Коропачинская О.А., члены: Федорова В.З. – как имеющая опыт в этой работе, Евлампиев Н.Ф., Евлампиева В.Ф. – она же секретарь, и др.» [14]. Современница пишет о проделанном труде: «С большим подъемом началась эта кропотливая работа: получить здание (нижний этаж бывшего краеведческого музея), выписать наглядные пособия из центра, обработать их для пользования в школах. У нас в доме была отведена особая комната для обработки, и приглашен столяр на подготовку планок к картинам и пособиям. Установлено добровольное дежурство учителей для выдачи пособий школам. Большая работа была сделана в создании картотеки и каталога пособий и книг. При пособиях были методические указания в виде брошюр и книг» [14]. Благодаря воспоминаниям вырисовывается ее портрет и образ единомышленников: «Мы не считались со временем и каждую свободную минуту шли в музей. Я лично составила огромный каталог пособий. Все это мы делали бесплатно и с большой охотой. Вскоре музей наглядных пособий был взят “Обществом народных университетов”. Вся эта культурная деятельность давала мне громадное удовлетворение и навсегда осталась светлой страницей в моей жизни» [14].

Картина деятельности народных университетов на Урале будет выглядеть полнее, если указать на открытие в начале 1919 г. Челябинского народного университета. Важно подчеркнуть общественную природу данного учебного заведения, созданного усилиями общественных институтов, что указывалось в соответствующем нормативном акте. В нем перечислялись причастные к открытию и участвовавшие в финансировании народного университета общественные институты: городские и земские органы самоуправления, Союз культурно-просветительских организаций Приуралья, Челябинский союз потребительских обществ, Союз сибирских маслодельных артелей и других кооперативов, Челябинский союз кредитных товариществ. Народный университет находился в непосредственном ведении челябинского городского самоуправления [8]. Положение о Челябинском народном университете было утверждено собранием лекторов, собранием уполномоченных культурно-просветительских организаций и городским комитетом по народному образованию [8]. Из положения видно, что довольно типичной для учреждений данного вида была демократическая система управления университетом: общий совет университета, хозяйственный комитет, академический совет, правление и ревизионная комиссия [8]. Академическим советом Челябинского народного университета на первом же заседании решались ключевые вопросы финансирования и преподавания в университете.

Известно, что университет предусматривал деятельность семи факультетов (первоначального образования, народной консерватории на платных началах, платного технического факультета, а также сельскохозяйственного, иностранных языков, общественного и физико-математического) [8].

В положении Челябинского народного университета подчеркивалась, что университет должен действовать «вне политики и партий» [8]. Однако из записки В. Шварца, введенной в научный оборот М.А. Базановым, видно, насколько привлекательными являлись народные университеты как площадки для ведения политической пропаганды среди населения. Записка была направлена в Челябинский комитет Российской коммунистической партии: «Прошу комитет поставить в повестку дня своего заседания вопрос о народном университете. Существующий здесь ранее народный университет[ет] распался. Лекторы бежали с белыми бандами. Сейчас оставшийся член правления н[ародного] ун[иверситета] приглашает лекторов в унив[ерситет] главным образом по всем общественно-политическим наукам, как-то: история рабочего движения, политической экономии, исторического материализма и социализма и т.д. Важно, чтобы комитет дал своих лекторов в университет, ибо там масса молодежи и для нашей работы представляется благоприятная почва. Кроме того, нам важно дать своих лекторов в унив[ерситет] как вообще орган общественный. Правление унив[ерситета] делало определенные предложения некотор[ым] тов[арищам], но они без решения ко[митет]а не могут согласиться» [15].

Можно видеть, что на Урале вторая волна появления народных университетов пришлась на период социально-политических трансформаций в России. Значительный вклад в популяризацию просвещения взрослых и создание народного университета в Екатеринбурге внесли областники. В ежедневной областной газете «Урал» с программой поддержки Всероссийского Временного правительства и защиты «демократических начал в рабочем и крестьянском вопросе» публиковалась информация об открытии Общества народных университетов Урала. Сообщалось, что данная ассоциация появилась в октябре 1918 г. с целью создания и развития народных университетов и других культурно-просветительских учреждений на Урале (в Пермской, Вятской, Уфимской и Оренбургской губерниях) земскими и городскими органами самоуправления, уральскими центральными кооперативными и профессиональными организациями, а также учеными обществами и институтами. В газетной заметке звучал призыв вступать в члены данного общества. Правление общества приступило к своей работе 15 октября 1918 г. Его председателем являлся И.А. Панин, занимался представительскими функциями и хозяйственной частью.

Товарищами председателя являлись М.О. Клер, осуществлявший наблюдение за работой комиссии по Екатеринбургскому народному университету, а также библиотечной и корректорской комиссий и комиссии учебных пособий, и Я.Н. Чупраков, контролировав-

ший работу организационной и издательской комиссий. В комиссии входили члены правления, которым предоставлялось право кооптировать в них необходимых лиц: в организационную входили В.Е. Ландсберг, М.Ф. Кусов, П.Е. Патрушев, Н.А. Вепришев, Я.Н. Чупраков; в библиотечную – М.К. Элиошевич; лекторскую – Г.Д. Петров и М.О. Клер; по Екатеринбургскому народному университету – А.В. Ольшванг, М.О. Клер и В.Е. Ландсберг; в издательскую – Я.Н. Чупраков; в комиссию ученых пособий – К.Г. Бабыкин. Правление общества временно помещалось в первой женской гимназии в Екатеринбурге [16. С. 1].

Периодика позволяет реконструировать первые шаги Екатеринбургского народного университета. 14 ноября 1918 г. в нем состоялся вечер в честь университета А.А. Шанявского. Вечер начался со вступительной речи члена правления М.О. Клера. С докладами и сообщениями выступили Я.А. Шохат, В.П. Козырин, Н.П. Зимин и другие лекторы. По словам очевидца, актовый зал первой женской гимназии, где проходил вечер, был заполнен прошлогодними и новыми слушателями народного университета. На следующий день начались занятия в Екатеринбургском народном университете. Перед началом лекций деканы факультетов выступали со вступительными словами о целях и задачах факультетов, о значении и соотношении читаемых на факультетах предметов. После двух часов лекций на собрании слушателей избирались старосты. По данным на 9 ноября, на лекции записалось около 900 слушателей, среди них особым спросом пользовался факультет социально-экономических и юридических наук (включая кооперацию). Кроме этого факультета при университете открылись: физико-математический, историко-литературный и педагогический. Готовилась также к своему открытию внешкольная секция, обсуждались вопросы лекционной программы и расписания [16. С. 2].

17 ноября 1918 г. состоялось заседание общего совета Екатеринбургского народного университета, посвященного планам работы университета и выборам его правления. Перед выборами правления были назначены оклады членам правления: ректору – 800 руб., заведующему хозяйственной частью – 600 руб., секретарю – 600 руб. По итогам выборов избранными оказались: ректором – Я.А. Шохат, заведующим хозяйством – К.Г. Бабыкин, секретарем – А.А. Дмитриевский, кандидатами в члены правления – А.В. Ольшванг и С.П. Туркин [16. С. 2].

Яков Александрович Шохат был известным ученым (математиком) и преподавателем, одним из основателей Уральского горного института, «душой» Екатеринбургского народного университета. Профессор Я.А. Шохат в популярном издании «Екатеринбургский народный университет» писал, что народный университет в Екатеринбурге открылся в феврале 1918 г. На его печати были вырезаны слова: «Знание народу». Ректор подчеркивал доступность этого учебного заведения, направленного на то, чтобы «дать знание всем, кто желает учиться» [17. С. 1]. Очевиден политический пропагандистский настрой и соответствующая рито-

рика автора: «Царское правительство смертельно боялось народного просвещения... Одним словом, старый режим боялся дать народу знание...». Далее следовали рассуждения о численности грамотных в России и Европе и грустная констатация факта о том, что в России на 100 человек приходится только 30 грамотных и 70 безграмотных [17. С. 2].

Сходная риторика просматривается в очерке, посвященном народному университету в Мотовилихе в Перми, открытом осенью 1917 г.: «Старый строй всячески препятствовал распространению образования в народе. Для прежнего правительства было выгодно держать народ в темноте и невежестве. Темнота народная – величайший из всех грехов самодержавия» [18. С. 2]. Современник сетовал: «Революция и связанное с нею переустройство основ жизни захватили взрослое население совершенно неподготовленным для решения всех возникших сложных вопросов» [18. С. 5–6]. Проводя сравнение с правительственными университетами, автор указывал принципиальные особенности народного университета, связанные с тем, что «Народный Университет не является учебно-ученым учреждением», направлен на то, чтобы «дать самые необходимые, основные сведения в возможно короткий срок» [18. С. 6]. Показательно, что и уральцы были знакомы с европейским (английским, французским, германским и бельгийским, скандинавским) и американским опытом народных университетов. Любопытна ссылка даже на появление с 1890 г. народных университетов в Австралии, Африке и Индии. Любопытно, что первые шаги народных университетов в России в трудных условиях самодержавного строя приписывались в данном издании революционному движению. В этом издании предлагалось такое определение народного университета: «Народный Университет является демократическим; общеобразовательным, как в области научных, так и в области технических и профессиональных знаний, учреждением, открытым для всех желающих получить основы образования, независимо от предыдущего пребывания в школе» [18. С. 6].

Я.А. Шохат вторил пермякам, призывая: «И не только дети наши должны учиться в школах; нужно учить и взрослых, чтобы в России не было безграмотных. С этой целью и открывается в Екатеринбурге Народный университет (Дом знания) для взрослых» [17. С. 5]. Перечислялись преимущества данного учебного заведения: бесплатное обучение, общедоступность и вечерний график учебы, без отрыва от работы, «лучшие учителя, любящие и знающие свое дело». Предлагался на выбор широкий спектр предметов: кооперативные курсы (для подготовки работников по кредитной и потребительской кооперации), курсы по подготовке работников в волостные земства, курсы для подготовки работников для фабрично-заводского контроля, курсы для матерей и по подготовке «руководителей детскими площадками» (для культурно-просветительской работы летом с детьми в возрасте от четырех до двенадцати лет), курсы для первоначального обучения грамоте (для неумеющих читать и писать), курсы для лиц, имевших опыт учебы (по программе,

предполагающей изучение алгебры, геометрии, механики, физики, химии, геологии, общественных наук, астрономии). Предполагалось, что университет будет устраивать другие культурно-просветительские учреждения: библиотеки, выставки, народные театры. Заканчивался текст призывом отчислять на народный университет средства и открывать его отделения в других уголках уральской провинции [17. С. 6–8].

Запись слушателей в народный университет началась с 20 октября и проходила до 20 ноября 1918 г., записалось 1 217 человек (от 6 до 120 человек в день) [19]. Университет быстро эволюционировал. В одной из газетных заметок говорилось, что при народном университете Екатеринбурга был организован педагогический факультет в составе трех секций: дошкольной, школьной и внешкольной [20].

Управление народным университетом осуществлялось на демократических началах. Об этом свидетельствует и такой факт – правление университета признало необходимым создать постоянный орган (малый совет), состоящий из правления, деканов и секретарей всех факультетов для предварительного обсуждения всех вопросов учебной жизни народного университета [20].

В университете преподавали довольно известные общественные деятели и педагоги. Так, 20 ноября 1918 г. в народном университете читались лекции: по алгебре – лектором Хитриным, по счетоводству – лектором И.И. Годлевским, И.С. Авербахом и В.В. Семеновым; по истории кооперации – С.А. Груздевым; по социологии – Б.А. Железновым [20]. Университет имел свой журнал «Наш народный университет» [19]. В дальнейшем был поднят вопрос о создании при университете публичной библиотеки по примеру петроградской, для исследования данного вопроса была сформирована специальная комиссия [19]. В последующее время было решено организовать при народном университете музыкально-драматическую секцию [19]. Эффективной работе Екатеринбургского народного университета препятствовали политические события, связанные с Гражданской войной на Урале, в итоге его деятельность то прерывалась, то возобновлялась.

В Перми инициатива создания Народного университета исходила от общественности: «К счастью „Общество Народный Дом“ и рабочие пушечного завода Мотовилиха около Перми сознали необходимость просвещения широких рабочих кругов. Открытие Народного Университета в Мотовилихе может быть осуществлено в самом близком будущем, если, это дело будет поддержано всеми организациями края» [18. С. 9]. Говоря о народной аудитории университета, современник писал: «Народный Университет в Мотовилихе должен открыть широкий доступ рабочим, крестьянам и каждому из демократических слоев городского и заводского населения. В число слушателей будут приниматься лица обоего пола, достигшие 18 лет. Полный курс обучения будет рассчитан на 2 года. За слушание лекций будет взиматься незначительная плата» [18. С. 10]. Что касается программы народного университета, то предусматривалось следующее: «В Университете предположены два отделения: одно –

научно-популярное, другое – технических и общественных знаний. Помимо этих двух основных отделений, при Университете будет открыто подготовительное отделение, которое представит как бы гимназию для взрослых» [18. С. 10].

Что касается особенностей данного университета, то значительное внимание уделялось технической стороне: «Кроме того, желающие могут получить сведения технические, которые помогут им лучше направить свою работу на заводе или на поле в своей деревне» [18. С. 10]. Программа предполагала отделения: техническое, металлургическое, земледельческих знаний, огнестойкого строительства [18. С. 12].

Мысль о народном университете давно была близка культурно-просветительским обществам Вятки. После Октябрьской революции 1917 г. эту идею стали воплощать в жизнь новые общественные силы. Показательно, как быстро большевики Вятки перехватили инициативу создания народного университета. Народный университет открылся на новых политических началах. Издание, посвященное Вятскому народному университету, было напечатано в типографии Коммунистической партии большевиков в 1918 г. В нем доминировала политическая риторика, содержалась критика самодержавного строя и царская политика в сфере народного просвещения. Указывалось, в частности, что процент грамотных в России достигал лишь приблизительно 25%, мужское население при этом грамотнее женского, городское втрое грамотнее сельского [21. С. 2]. Народный университет рассматривался учредителями как «высшая народная школа для взрослых, в которой преподаются науки высшего учебного заведения – университета, но в доступном для народных масс изложении» [21. С. 6].

Вятский губернский исполком и городской совдеп, а также совместное совещание Комиссии по организации народного университета и губернского отдела народного образования постановили утвердить проект Вятского народного университета и приурочить его открытие к празднованию годовщины Октябрьской революции 7 ноября 1918 г., заложить фундамент здания для народного университета. В проекте положения о Вятском народном университете звучали наряду с культурно-просветительскими задачами (удовлетворение общих культурно-просветительских запросов трудовых масс и повышение профессиональной квалификации) политические цели (подготовка слушателей к общественно-политической деятельности гражданина и создание штата культурно-просветительских работников) [21. С. 11]. Предусматривались четыре отделения при Вятском народном университете: культурно-просветительское (общеобразовательное), факультет социальных знаний, отделение специальных курсов по подготовке культурно-просветительских работников и политехнический факультет (с четырьмя направлениями: сельскохозяйственным, общей и сельскохозяйственной технологией, механико-техническим и строительно-техническим) [21. С. 12]. Слушателями могли стать желающие, достигшие 16 лет, необязательно имеющие образовательный ценз. Им предоставлялась

возможность слушать курсы и получать соответствующие удостоверения. В проекте положения говорилось, что Вятский народный университет является демократическим, общеобразовательным учреждением, открытым для всех желающих получить основы образования независимо от предыдущего школьного опыта [21. С. 12]. Наряду с лекциями предполагались экскурсии, беседы и практические занятия по предметам, распространение конспектов лекций с указанием популярной литературы и по возможности издание прочитанных курсов.

Таким образом, из вышесказанного можно заключить, что народные университеты на Урале в начале XX в., нацеленные на популяризацию предметов высшей школы, стали доступной формой повышения народной культуры (включая профессиональную), способствуя самообразованию широких слоев населения. В Уральском регионе эти институты появились позднее, чем в других регионах России, успешно действуя лишь в некоторых крупных городах. Открытие народных университетов в провинции надо связывать с расширением сферы гражданской деятельности в уральском городе и увеличением численности культурно-просветительских общественных организаций. Так, типичной для России (и для Уфы, в частности) была деятельность Обществ народных университетов.

Проявлением региональной специфики являлась поддержка народных университетов на Урале (Екатеринбургского и Челябинского) силами кооперации и уральскими областниками. Немалую роль в воплощении в жизнь идеи «вольной» высшей школы на Урале сыграла также частная инициатива, о чем свидетельствует пример Оренбургских высших курсов.

Что касается особенностей обучения в народных университетах, то и уральским университетам были присущи: самостоятельный выбор предметов для посещения, приоритет лекций и предоставление конспектов, отсутствие вступительных экзаменов и аттестаций в процессе учебы. На горнозаводском Урале народные университеты были в значительной степени рассчитаны на рабочих и городские низы, о чем свидетельствует пример мотовилихинского народного университета в Перми, в дальнейшем преобразованного в народный политехникум.

Важно подчеркнуть, что народные университеты консолидировали культурные силы в уральском городе, занимаясь широкой культурно-просветительской деятельностью. Действуя в условиях социально-политических трансформаций в России начала XX в., данные общественные институты не могли в полной мере раскрыть свой потенциал, многие из них быстро прекратили свою деятельность по политическим причинам.

Список источников

1. Чеков М.О. Исследование проблем внешкольного образования в России // Известия Самарского научного центра Российской Академии наук. 2003. С. 36–45.
2. Генкель Г.Г. Что такое народный университет: его история, задачи и организация. СПб., 1908. 20 с.
3. Образование взрослых на рубеже веков: вопросы методологии, теории и практики. (Монографическая серия: научный редактор – директор ИОВ РАО, д-р пед. наук В.И. Подобед) : в 4 т. Т. I: Социально-экономические и правовые предпосылки развития образования взрослых / под ред. В.И. Подобеда, Н.П. Литвиновой. Кн. 1: История развития образования взрослых в России / под ред. Е.П. Тонконогой. СПб. : ИОВ РАО, 2000. 114 с.
4. Кукса А.Н. Техническое образование и народные университеты (1908–1919 гг.) // Вестник Полесского государственного университета. Серия общественных и гуманитарных наук. 2022. № 2. С. 21–27.
5. Фандо Р.А. Научная и образовательная деятельность народных университетов России в условиях социально-политических изменений начала XX в. : дис. ... д-ра ист. наук. М., 2020. 598 с.
6. Веникова М.С. Народные университеты России в начале XX века: институциональная и образовательная деятельность : дис. ... канд. ист. наук. Белгород, 2018. 240 с.
7. Юсупов М.Р. Народные университеты в социально-культурном пространстве России и Урала на рубеже XIX–XX вв. // Вестник научных конференций. 2015. № 3-4 (3). Актуальные вопросы образования и науки: по материалам международной научно-практической конференции 30 ноября 2015 г. URL: <https://ukonf.com/doc/cn.2015.03.04.pdf> (дата обращения: 17.10.2023).
8. Базанов М.А. «...Служить широкому распространению научного и художественного образования»: документы о Челябинском народном университете (1919 г.) // Объединенный государственный архив Челябинской области. 24.11. 2016. URL: <https://archive74.ru/news/sluzhit-shirokomu-rasprostraneniyu-nauchnogo-i-hudozhestvennogo-obrazovaniya-dokumenty-o> (дата обращения: 17.10.2023).
9. Дворецкий Е.В., Веникова М.С., Мошкин А.Н. Институционализация и деятельность провинциальных народных университетов в России в XIX – начале XX вв. // Via in tempore. История. Политология. 2023. № 50 (1). С. 156–164.
10. Труды Первого Всероссийского съезда деятелей обществ народных университетов и других просветительных учреждений частной инициативы. С.-Петербург 3–7 янв. 1908 г. СПб., 1908. VIII, 527 с.
11. Матвиевская Г.П. Оренбургский вольный университет начала XX века // История математического образования в России XVIII–XX вв. Оренбург, 2013. С. 117–120.
12. Ватандаш. 2017. № 12. URL: <https://ihtika.ru/book/vatandash-12-2017/text/44> (дата обращения: 17.10.2023).
13. Подвижный музей наглядных учебных пособий Уфимского общества народных университетов. Уфа, 1912.
14. Вера Евлампиева. Из дореволюционной – в советскую. Воспоминания уфимского учителя // Бельские просторы. 2021. № 9. URL: <https://belprost.ru/articles/po-stranitsam-bylogo/2021-09-14/9-2021-vera-evlampieva-iz-dorevolutsionnoy-v-sovetskuyu-vozpominaniya-ufimskogo-uchitelya-2504753> (дата обращения: 17.10.2023).
15. Новый документ о судьбе Челябинского народного университета // Объединенный государственный архив Челябинской области. 17.02.2019. URL: <https://archive74.ru/news/novyy-dokument-o-sudbe-chelyabinskogo-narodnogo-universiteta> (дата обращения: 17.10.2023).
16. Урал. 1918. № 2. С. 1–2.
17. Шохат Я.А. Екатеринбургский народный университет. Екатеринбург, 1918. 8 с.
18. Народный университет в Мотовилихе в Перми. Пермь, 1917.
19. Урал. 1918. № 5. С. 3.
20. Урал. 1918. № 3. С. 3.
21. Вятский народный университет. Вятка : Типография Коммунистической партии, 1918. 62 с. URL: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/45797> (дата обращения: 17.10.2023).

References

1. Chekov, M.O. (2003) Issledovanie problem vneshkol'nogo obrazovaniya v Rossii [Study of problems of out-of-school education in Russia]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk*. Special issue. September. pp.36-45.
2. Genkel', G.G. (1908) *Chto takoe narodnyy universitet: ego istoriya, zadachi i organizatsiya* [What is a people's university: its history, objectives and organization]. St. Petersburg.
3. Podobed, V.I. & Litvinova, N.P. (eds) (2000) *Obrazovanie vzroslykh na rubezhe vekov: voprosy metodologii, teorii i praktiki* [Adult education at the turn of the century: issues of methodology, theory and practice]. In 4 vols. Vol. I. Book 1. St. Petersburg: IOV RAO.
4. Kuksa, A.N. (2022) Tekhnicheskoe obrazovanie i narodnye universitety (1908-1919 gg.) [Technical education and people universities (1908–1919)]. *Vestnik Polesskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk*. 2. pp. 21–27.
5. Fando, R.A. (2020) *Nauchnaya i obrazovatel'naya deyatel'nost' narodnykh universitetov Rossii v usloviyakh sotsial'no-politicheskikh izmeneniy nachala XX v.* [Scientific and educational activities of Russian people universities in the context of socio-political changes at the beginning of the twentieth century]. History Dr. Diss. Moscow.
6. Venikova, M.S. (2018) *Narodnye universitety Rossii v nachale XX veka: institutsional'naya i obrazovatel'naya deyatel'nost'* [People's universities of Russia at the beginning of the twentieth century: institutional and educational activities]. History Cand. Diss. Belgorod.
7. Yusupov, M.R. (2015) Narodnye universitety v sotsial'no-kul'turnom prostranstve Rossii i Urala na rubezhe XIX–XX vv. [People's universities in the socio-cultural space of Russia and the Urals at the turn of the 20th century]. *Vestnik nauchnykh konferentsiy*. 3-4 (3). [Online] Available from: <https://ukonf.com/doc/cn.2015.03.04.pdf> (Accessed: 17.10.2023).
8. Bazanov, M.A. (2016) "...Sluzhit' shirokomu rasprostraneniyu nauchnogo i khudozhestvennogo obrazovaniya": dokumenty o Chelyabinskoy narodnom universitete (1919 g.) ["...To serve the wide dissemination of scientific and artistic education": documents about the Chelyabinsk People's University (1919)]. United State Archives of Chelyabinsk Oblast. 24 November. [Online] Available from: <https://archive74.ru/news/sluzhit-shirokomu-rasprostraneniyu-nauchnogo-i-hudozhestvennogo-obrazovaniya-dokumenty-o> (Accessed: 17.10.2023).
9. Dvoretzkiy, E.V., Venikova, M.S. & Moshkin, A.N. (2023) Institutizatsiya i deyatel'nost' provintsial'nykh narodnykh universitetov v Rossii v XIX – nachale XX vv. [Institutionalization and activities of provincial people universities in Russia in the 19th – early 20th centuries]. *Via in tempore. Istoriya. Politologiya*. 50 (1). pp. 156–164.
10. Anon. (1908) *Trudy Pervogo Vserossiyskogo s"ezda deyateley obshchestv narodnykh universitetov i drugih prosvetitel'nykh uchrezhdeniy chastnoy initsiativy* [Proceedings of the First All-Russian Congress of Societies of People Universities and other educational institutions of private initiative]. St. Petersburg. 3–7 January 1908. St. Petersburg.
11. Matvievskaya, G.P. (2013) Orenburgskiy vol'nyy universitet nachala XX veka [Orenburg Free University of the early 20th century]. In: Matvievskaya, G.P. (ed.) *Istoriya matematicheskogo obrazovaniya v Rossii XVIII – XX vv.* [History of mathematical education in Russia in the 18th–20th centuries]. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University. pp. 117–120.
12. Vatandash. (2017) 12. [Online] Available from: <https://ihtika.ru/book/vatandash-12-2017/text/44> (Accessed: 17.10.2023).
13. Anon. (1912) *Podvizhnyy muzey naglyadnykh uchebnykh posobiy Ufimskogo obshchestva narodnykh universitetov* [Mobile museum of visual teaching aids of the Ufa Society of People's Universities]. Ufa.
14. Evlampieva, V. (2021) Iz dorevolutsionnoy – v sovetskuyu. Vospominaniya ufimskogo uchitelya [From the pre-revolutionary to the Soviet. Memoirs of a Ufa teacher]. *Bel'skie prostory*. 9. [Online] Available from: <https://belprost.ru/articles/po-stranitsam-bylogo/2021-09-14/9-2021-vera-evlampieva-iz-dorevolutsionnoy-v-sovetskuyu-vozpominaniya-ufimskogo-uchitelya-2504753> (Accessed: 17.10.2023).
15. United State Archive of Chelyabinsk Oblast. (2019) *Novyy dokument o sud'be Chelyabinskogo narodnogo universiteta* [New document about the fate of Chelyabinsk People's University]. 17 February. [Online] Available from: <https://archive74.ru/news/novyy-dokument-o-sudbe-chelyabinskogo-narodnogo-universiteta> (Accessed: 17.10.2023).
16. *Ural*. (1918) 2. pp. 1–2.
17. Shokhat, Ya.A. (1918) *Ekaterinburgskiy narodnyy universitet* [Yekaterinburg People's University]. Yekaterinburg.
18. Anon. (1917) *Narodnyy universitet v Motovilike v Permi* [People's University in Motovilika in Perm]. Perm.
19. *Ural*. (n.d.) 5. p. 3.
20. *Ural*. (1918) 3. p. 3.
21. Anon. (1918) *Vyatskiy narodnyy universitet* [Vyatka People's University]. Vyatka: Tipografiya Kommunisticheskoy partii. [Online] Available from: <https://elibrary.unatlib.ru/handle/123456789/45797> (Accessed: 17.10.2023).

Информация об авторе:

Казакова-Апкаримова Е.Ю. – д-р ист. наук, ведущий научный сотрудник Центра методологии и историографии Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (Екатеринбург, Россия). E-mail: Apkarimova@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.Yu. Kazakova-Apkarimova, Dr. Sci. (History), leading research fellow, Institute of History and Archeology of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Yekaterinburg, Russian Federation). E-mail: Apkarimova@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.10.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 21.10.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья
УДК 94+393
doi: 10.17223/15617793/498/10

Надгробные памятники суфийских шейхов в восточной части Кыргызстана караханидской эпохи

Анварбек Мокеев¹, Кайрат Белек²

^{1, 2} Кыргызско-Турецкий университет «Манас», Бишкек, Кыргызстан

¹ *anvar.mokeev@manas.edu.kg*

² *kairat.belek@manas.edu.kg*

Аннотация. Рассматриваются основные этапы распространения ислама в восточной части Кыргызстана в эпоху Средневековья на основе сопоставительного анализа материалов мусульманской эпиграфики с данными письменных источников. Особое внимание уделяется надгробным памятникам суфийских шейхов, которые были подвижниками ислама среди населения Караханидского государства. Анализ текстов эпитафий показывает соперничество, суфийских шейхов ханафитского мазхаба с шафийтским мазхабом в Семиречье в контексте военно-политических событий, имевших место между караханидами-сельджукидами в Средней Азии в XI в.

Ключевые слова: Семиречье, Кыргызстан, мусульманская эпиграфика, история исламизации, суфийские шейхи, караханиды, сельджукиды

Для цитирования: Мокеев А., Белек К. Надгробные памятники суфийских шейхов в восточной части Кыргызстана караханидской эпохи // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 89–95. doi: 10.17223/15617793/498/10

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/10

Tombstones of Sufi sheikhs in Eastern Kyrgyzstan of the Qarakhanid period

Anvarbek Mokeev¹, Kairat Belek²

^{1, 2} *Kyrgyz-Turkish Manas University, Bishkek, Kyrgyz Republic*

¹ *anvar.mokeev@manas.edu.kg*

² *kairat.belek@manas.edu.kg*

Abstract. The spread of Islam in modern Kyrgyzstan and the neighboring regions of Semirechye is associated with the era of the Qarakhanid state, while a new ethnic community, a new socio-economic structure and a new type of spiritual culture were being formed there. Rather than the ineffective use of force applied by armies, missionaries played a greater role in converting the nomadic Turkic tribes to Islam. The article examines the process of Islamization in Eastern Kyrgyzstan of the Qarakhanid period on the basis of a comparative analysis of materials from epigraphic tombstones with data from written sources. A special attention is paid to the texts of newly discovered epitaphs in the Issyk-Kul Valley during archaeological and archaeographic expeditions. It has been verified that the tombstones are mainly devoted to Sufi sheikhs, who were devotees of Islam in Eastern Kyrgyzstan during the analyzed period. Some epitaphs were placed in honor of individual representatives of the local nobility, who patronized Sufi sheikhs from western Central Asia and eastern Iran. As the nisbas of the memoranda of individual epitaphs demonstrate, along with immigrants from Iran, members of Turkic tribes with a good education in religious centers of Central Asia and Iran made a certain contribution to the spread of Islam in Eastern Kyrgyzstan. A detailed analysis of the epitaph texts found in the Issyk-Kul Valley shows the rivalry of the Hanafi madhhab with the Shafi'i madhhab in the context of the military-political battles that took place between the Qarakhanids and the Seljukids. A recently discovered Muslim epitaph from the northern shore of Lake Issyk-Kul, among other things, contains cross-shaped clan tamgas, which shows that these epitaphs belong to those tribes which confessed the Christianity religion in the pre-Islamic period. A peculiarity of these epigraphic monuments is the excessive praise of the deceased who were not religious figures during their lifetime, but only held a high public post. These monuments do not contain Koranic texts, but praise their deeds in secular life, which is characteristic of the ancient Turkic monuments erected in honor of major statesmen with runic texts. It seems that in this case we are talking about representatives of the local political elite, who patronized Sufi sheikhs of the Shafi'i or Hanafi madhhab in their missionary activities among the Qarakhanid population during their lifetime. The nisbas of some Sufi sheikhs and ordinary Sunni Muslims mentioned in the epigraphic monuments of Semirechye indicate their descent. It should be noted that, although some monuments were written in Arabic script, the content of the texts traces the cultural continuity between the ancient Turkic traditions and Islam. This is manifested in the dating of some texts in accordance with the ancient Turkic calendar, in the use of the name of the ancient Turkic deity, Tengri, instead of Allah, and in the mention of Qut for God-given legitimacy.

Keywords: Kyrgyzstan, Muslim epigraphy, history of Islamization, Sufi sheikhs, Qarakhanids, Seljukids

For citation: Mokeev, A. & Belek, K. (2024) Tombstones of Sufi sheikhs in Eastern Kyrgyzstan of the Qarakhanid period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 89–95. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/10

Введение

Широкое распространение ислама в пределах современного Кыргызстана и смежных областях Семиречья связано с эпохой Караханидского государства (X–XII вв.), когда здесь сформировались новая этническая общность, новая социально-экономическая структура и новый тип духовной культуры [1. С. 164]. Ислам сыграл цивилизаторскую миссию, внедряя в сознание людей понятия о высших формах культуры, морали и поведения, а также выполняя функции социальной интеграции и правопорядка; предлагал людям идею социального эгалитаризма и исключал расовую и национальную дискриминацию, чем в значительной степени обеспечил себе победу в этом обширном регионе исторического Туркестана [1. С. 164; 2. С. 108; 3. С. 240–241].

Из-за неэффективности принудительных методов обращения в ислам кочевых тюркских племен силой оружия здесь большую роль сыграли миссионеры. Как справедливо отмечал В.В. Бартольд, шейхи суфийских орденов всегда имели большие успехи в степи, чем в культурных областях [4. С. 125]. Поэтому в Кыргызстане и соседних районах восточной части Семиречья распространение исламской религии осуществлялось исключительно мирными путями, благодаря активной миссионерской деятельности суфийских шейхов.

На роль и место суфийских шейхов в распространении религии ислама среди кочевых народов Средней Азии особое внимание обратил академик В.В. Бартольд, который в связи с этим упомянул имена таких известных шейхов, как Абу-л-Хасана Мухаммед б. Суфьян Келимати из Нишапура и Абу-л-Хасана Саида б. Хатима ал-Усбаникети [5. С. 316–317]. Усбаникет – название города и рустака в области Исфиджаба. В некоторых мусульманских источниках название этого города читается как Арсубаникет. Однако В.В. Бартольд принял чтение Усбаникет и Субаникет [6. С. 22]. Позже французский ученый Л. Массиньон установил, что гораздо раньше, чем вышеназванные шейхи, в Средней Азии и Восточном Туркестане побывал Шейх Мансур ал-Халладж в сопровождении 500 мюридов, который в течение пяти лет (898–902 гг.) в составе торгового каравана занимался пропагандой ислама среди тюркских кочевых племен этих регионов [7. Р. 66, 227].

По мнению В.В. Бартольда, при тесных торговых сношениях, всегда существовавших между Мавераннахром и степью, среди кочевников постепенно должны были распространяться религии, имевшие последователей в Мавераннахре [4. С. 125]. Исходя из этого, можно заключить, что суфийские шейхи и их многочисленные мюриды вели пропаганду ислама среди кочевых племен Семиречья в рассматриваемый период в сопровождении крупных торговых караванов, на места кратковременных остановок которых съезжались их последователи из числа кочевых тюркских племен, ставшие объектом миссионерской деятельности.

Судя по многочисленным надгробным эпиграфическим памятникам, написанным преимущественно на арабском и частично на древнетюркском языках, можно предположить, что отдельные суфийские шейхи постоянно проживали среди кочевых тюркских племен Семиречья и систематически проводили пропаганду ислама.

Имена тех суфийских шейхов, которые осуществляли активную миссионерскую деятельность в Семиречье в вышеуказанный период, сохранились в отдельных письменных источниках той эпохи, но в большей степени – в надгробных кайраках (каменных плитах с надписью на арабском или древнетюркском языках), где, как правило, указывается полное имя и место рождения покойного шейха.

Изучение эпиграфических памятников

Исследованием эпиграфических памятников Семиречья в разное время занимались Н. Пантусов [8], П.П. Иванов [9], С.Е. Малов [10], Ч. Джумагулов [11], В.Д. Горячева [12], В.Н. Настич [13], К.Ш. Табалдыев и К. Белек [14] и др. По авторитетному заключению В.Д. Горячевой, надгробные кайраки несут ценную информацию о религиозной, политической, правовой культуре караханидского населения. Помимо этого, в них содержится достоверные сведения о степени грамотности, реальной языковой ситуации в регионе и социальной стратификации средневекового общества [12. С. 177].

Эпиграфические памятники Тянь-Шаня по своему жанру подразделяются на несколько категорий, и главным образом относятся к посетительским надписям; надгробным эпитафиям; надписям на архитектурных сооружениях и на скалах; на бытовых предметах. Имена ряда менее известных подвижников ислама в Тянь-Шане удалось установить только по материалам эпиграфических памятников.

Нисбы некоторых суфийских шейхов и простых правоверных мусульман, упомянутых в эпиграфических памятниках Тянь-Шаня, указывают на их родовую принадлежность. Так, имя правоверного *Кимāкул*, очевидно, свидетельствует о его происхождении из числа древнетюркского племени *кимак* или *йймак* [2. С. 110]. Письменные источники сообщают о миссионерской деятельности и других суфийских шейхов – Абу Мухаммад ибн ‘Абд ар-Рахман ибн Йахйя ибн Йунус ал-Джикили [15. С. 200] и Сейида Али Ахмад Али ал-Хусейн ал-Команди [16. С. 30]. Очевидно, эти шейхи были выходцами из древнетюркских племен *чигил* и *коман*. Отсюда можно предположить, что по мере широкого распространения ислама среди кочевого населения Тянь-Шаня усилиями суфийских шейхов из Согда и Хорасана отдельные представители тюркских племен, по-видимому, получив хорошее религиозное образование в городских центрах региона, сами стали принимать активное участие в пропаганде ислама среди соплеменников.

Принадлежность отдельных надгробных эпитафий представителям тюркских племен региона показывают имя, отчество или нисба того или иного правоверного, похороненного в данной могиле, например: Басыт оглу Ахмад, Бабур ибн Менгү, Сабах ибн Қут, Му'мин ибн Хусайн Кимәкул, Қара Хасан Сокмен, Мас'уд Алб, Ахмед Эр, Усман Қутлуг Мелик, Али Джули ибн Ата Атым, Тамгач оглы Хусейн Атым и др. [17].

Анализ и выводы изучения памятников

В настоящем сообщении предпринята попытка анализа сведений некоторых вновь обнаруженных эпиграфических памятников восточной части Кыргызстана с данными письменных источников. В научной литературе кайраки из этих регионов Кыргызстана, исходя из места расположения, подразделяются на содержащие Буранинские, Кунгей Ала-Тооские и Тескей Ала-Тооские намогильные эпитафии [14. С. 84–185].

К настоящему времени известно около 30 надгробных кайраков с городища Бурана (Баласагуна). По определению В. Горячевой и В. Настича, хронологически буранинские эпитафии относятся к караханидской или первым десятилетиям монгольской эпохи [12. С. 175; 13. С. 289]. Как известно, наиболее раннее упоминание об одной из буранинских эпитафий, высеченной на каменной плите, встречается в аутентичном сочинении Мухаммада Хайдара «Та'рих-и Рашиди» (XVI в.), где автор приводит полный текст намогильного кайрака «шейха из города на реке Чу, имени которого никто не знает, но монголы называют его Монара (Бурана)» [13. С. 245, 279–281; 18. С. 161–162; 19. С. 357].

Новый перевод текста этой надписи, сделанный известным исследователем надгробных эпитафий Кыргызстана В.Н. Настичем, выглядит следующим образом: «Это могила имāма славнейшего и шейха муҳаққиқа совершеннейшего, сочетавшего [в себе знание] логическое и дидактическое, возглавлявшего ответвления и основы [богословских наук], имāма Мухаммада фāқиҳа Балāсақуни, да будет вечно цветущим древо соединения (с богом) на месте его (упокоения) и (да будут вечно) обращены к нему взоры достойнейших! Скончался в семьсот одиннадцатом году. Написал это кузнец 'Умар-хвāджа» [13. С. 279]. В результате тщательного анализа вышеприведенного текста гипотетической эпитафии из произведения Мухаммада Хайдара с текстами двух надгробных эпитафий, обнаруженных в городище Бурана и посвященных религиозным деятелям с нисбой *Баласагуни*, В.Н. Настич сделал важный вывод относительно обоснованности версии В.Д. Горячевой [12. С. 176–177] о локализации средневекового Баласагуна на месте Буранинского городища в Чуйской долине [13. С. 385].

Эпиграфические памятники из Кунгей-Алатоо (северное побережье озера Иссык-Куль) и Тескей-Алатоо (южное побережье озера Иссык-Куль) представляют большой интерес для выяснения вопросов соперничества между ханафитским и шафиитским мазхабами суфийских шейхов в рассматриваемый период в Тянь-Шане. До образования государства Караханидов во

владениях Саманидов господствующим толком был ханафизм; но северные окраины государства были населены шафиитами, которые, по-видимому, были первыми распространителями ислама среди соседних тюрков; но впоследствии, это не помешало ханафизму приобрести господство среди тюркских народов [20. Т. II, ч. 2. С. 270–271].

Предположительно, конкуренция между этими двумя юридическими школами суннитского направления, начавшаяся еще в X в. в Ираке, приобретает во второй половине XI в. в Средней Азии новый оборот; когда в Багдаде власть захватили турки-сельджуки, сунниты по вероисповеданию, ситуация изменилась. Ашаризм (шафииты) занял привилегированное место в суннитской общине; школа получила поддержку высших государственных лиц, в частности со стороны знаменитого сельджукидского визиря Низама аль-Мулька (ум. в 1093 г.) [21. С. 121].

Именно в это время представители школы шафиитов стали выступать от лица всех суннитов. Ободренные таким положением дел, ашариты начали наступление против всех сект и учений, не согласных с их «ортодоксией» не только на идеологическом, но и на политическом направлении [21. С. 121], которое было обусловлено политическими событиями, в которые были вовлечены сельджукиды и караханиды. В связи с тем что после победоносного похода сельджукского государя Малик-шаха в Центральную Азию в 1089 г. караханиды признали себя вассалами Великих Сельджукидов и последние для укрепления своей власти в регионе попытались сделать ставку на шафиитов, это вызвало бурное возмущение со стороны более влиятельного мазхаба ханафитов [15. С. 148].

По определению А. Муминова, у шафиитов было мало последователей в регионе Средней Азии и они пользовались поддержкой только в Шаше и Хиве. Поэтому другой Великий Сельджукский султан Санджар был вынужден изменить политику в отношении двух соперничающих мазхабов региона, поддерживая группу местных факихов-ханафитов против шафиитов [15. С. 149]. Очевидно, именно в этот период суфийские шейхи шафиитского мазхаба для упрочения своей позиции в регионе за счет неопитов юго-восточного Семиречья активизировали свою деятельность на северном и восточном побережье Иссык-Куля.

Об этом свидетельствуют тексты почти всех намогильных кайраков, обнаруженных на Кунгей-Алатоо, басмала которых принципиально отличается не только от эпитафий Тескей-Алатоо, но и других регионов Средней Азии. Так, в текстах кайраков из Кунгей-Алатоо постоянно присутствуют 18 аят полностью и первое предложение 19-го аята из Суры Алю 'Имран священного «Корана»: (18) *ШахидаЛлаху 'Аннаху Ля Иляяхя Иля Хуаль-Мяляикату Уа Ульоль-Ильми Каимаан Биль-Кысти Ля Иляяхя Иля Хуаль-Азизуль-Хакимм*. (19) *Иннад-Дина 'Инда Ллахиль-Ислям...* Перевод: «(18) Аллах [Бог, Господь], ангелы и ученые мужи свидетельствуют, что нет бога, кроме Него Одного, Придерживающегося справедливости во всем. Нет бога, кроме Него Одного, Могущественного и бесконечно Мудрого. (19) Религия пред Богом – ислам (покорность Ему)» [22] (рис. 1–4).

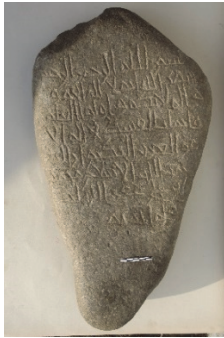

Рис. 1. Во имя бога, всемолюстивою, всемолюсердною. Отсюда Коран III. 18–19-е аяты

Рис. 2. Во имя бога, всемолюстивою, всемолюсердною. (А)бү-л-Кәсим ибн Ахмад Бала-Кух. Отсюда Коран III. 18–19-е аяты

Рис. 3. Я прибегаю к богу от сатаны. Во имя бога, всемолюстивою, всемолюсердною. Отсюда Коран, III, 18. Эпитафия содержит родовые тамги, в том числе крестообразные тамги. Имя собственное отсутствует

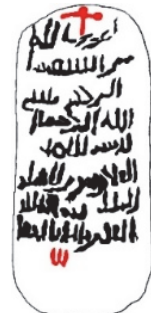
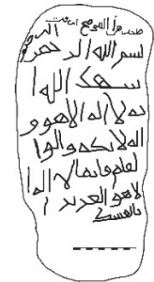

Рис. 4. Сабах ибн Кут. Во имя бога, всемолюстивою, всемолюсердною. Отсюда Коран, III, 18

По мнению известного исследователя эпиграфических памятников В.Н. Настича, эпитафии с подобными текстами, включающие в себя вышеуказанные аяты священного Корана, и относящиеся к XI – первой четверти XII в., часто встречаются только в странах Северной и Северо-Восточной Африки – Египта, зафиксированы единичные экземпляры в Азербайджане, Афганистане, а также в Сирии, на юге Аравии и в иранском городе Йезде [13. С. 283–284], где влияние шафиитского мазхаба было значительным либо ощутимым. В настоящее время турецкий исследователь Б. Карамагарлы выявила несколько саркофагов с эпитафиями в восточной Анатолии, которые хронологически относятся к XII–XIII вв., басмалла которых почти совпадают с памятниками Кунгей-Алатоо. Однако в большинстве анатолийских эпитафий приводится только 18 аят из Суры Алю ‘Имрāна, но совершенно отсутствует 19-й аят этой Суры [23. S. 101–212].

Как явствует из текстов эпитафий северного побережья Иссык-Кульской долины, большинство похороненных здесь суфийских шейхов были выходцами из города Керки [8. С. 8], расположенного на юге Туркменистана, а также из города Сари и Бала-и Кух, находящегося на севере Ирана. Причем, судя по отчеству, выходцы из Керки были преимущественно тюркского происхождения, тогда как, исходя из религиозных лакабов, сарийцы являются иранцами.

Непосредственно перед монгольским нашествием земли между Таласом и озером Иссык-Куль занимали чигили, а затем канглы. По мнению В.В. Бартольда, к ним, по всей вероятности, принадлежали несториане Семиреченской области [20. Т. II, ч. 1. 492, Т. II, ч. 2. С. 286–287, 294]. В недавно обнаруженной мусульманской эпитафии северного побережья озера Иссык-Куль помимо прочего содержатся крестообразные родовые тамги (см. рис. 3), что говорит о принадлежности данных эпитафий представителям тех племен, которые в доисламский период исповедовали христианство. В некоторых семиреченских надписях тюркские христиане, как правило, имеют два имени, тюркское и христианское; у кераитов такую роль могло играть имя Иоанн – по имени того патриарха, во время служения которого они приняли христианство [20. Т. II, ч. 2. С. 293]. В этой связи следует отметить, что родовая тамга казахского племени *кераит*, которое в монгольскую эпоху были адептами христианской религии несторианского толка, вплоть до XIX в. оставалась в форме креста [24. С. 286].

Отдельные эпитафии, обнаруженные на южном побережье озера Иссык-Куль, стали предметом исследования П.П. Иванова [9], С.Е. Малова [10. С. 799–805] и Ч. Джумагулова [11]. К настоящему времени общее количество эпиграфических памятников южного побережья – около 20, некоторая часть которых составляют посетительские надписи на каменных валунах [14. С. 84–124].

Рис. 5. Эпитафия Хаджиб-бека Асада ибн Махмуда

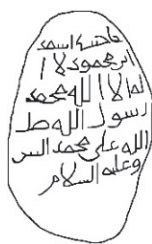

Рис. 6. Эпитафия Абӯ Али ал-Қасима

Рис. 7. Нет божества, кроме Бога (отсюда личные атрибуты Аллаха).
Эпитафия Хызра ибн Харуна

Рис. 8. Нет божества, кроме Бога (отсюда личные атрибуты Аллаха). Али Джули ибн Ата Атыма

В кайраках, обнаруженных в окрестностях Джеты-Огузского и Тонского районов, написаны тексты на арабском и тюркском языках. В эпитафии, обнаруженной жителями села Чычкан Джеты-Огузского района, упоминается имя высокопоставленного чиновника Караханидского государства Хаджиб-Бека Асада ибн Махмуда (см. рис. 5). А следующая эпитафия, найденная при археологических раскопках в остатках древнего городище Тон, была написана на арабском и тюркском языках: «Теалā-л-ведд Абӯ Али ал-Қасимтур. Эллик эгиз эрдин. Теңир болдын». Перевод: *Его Величество Абӯ Али ал-Қасим. Ты был великим (в своем государстве?). Ты был небожителем* (см. рис. 6).

Особенностью этих эпиграфических памятников является чрезмерное восхваление покойных, которые при жизни не были религиозными деятелями, а лишь занимали высокую государственную должность. Эти памятники не содержат коранических текстов, но восхваляются их деяния в мирской жизни, что характерно для древнетюркских памятников, воздвигнутых в честь крупных государственных деятелей с руническими текстами. Видится, что в данном случае речь идет о представителях местной политической элиты, которые при жизни покровительствовали суфийским шейхам шафиитского или ханафитского мазхаба в их миссионерской деятельности среди населения караханидов.

Другие две эпитафии, обнаруженные жителями Тонского района, посвящены памяти Хызр ибн Харуна и Али Джули ибн Ата Атыма (см. рис. 7, 8). Упомянутый в последней эпитафии, судя по его нисбе, был выходцем из средневекового города Джуль, который был расположен на восточной окраине современного города Бишкек в Чуйской долине [4. С. 37]. Несмотря на то что этот человек носил мусульманское имя, его отец, скорее всего, не был мусульманином. В этой связи следует отметить, что в религиозных текстах, написанных в двух эпитафиях, использова-

лись все личные атрибуты Аллаха как у *матуридитов*, где автор после *келиме-и тевхид* (Ля Иляхя илля Ллахи...) пишет о своем веровании и преданности Аллаху. В Коране имеются слова-определения сифат (атрибуты божественности), такие как *вахданийя* – единственный, неподобный, *қадимийя* – древнейший, *азалийя* – вечный, *абад* – бесконечный, которые часто используются в написании подобных текстов. Особенно термин *вахданийя* – единственный, кто имел особое влияние в суфийских догмах X и первой четверти XII в. [25. С. 39; 26. S. 213–249].

Главной особенностью эпитафий, а также посетельских надписей, обнаруженных на южном побережье озера Иссык-Куль, является полное отсутствие в их текстах 18-го и 19-го аятов из Суры Алю 'Имрāн, что позволяет, говорит об установлении полного влияния здесь суфийских шейхов ханафитского мазхаба.

Поскольку хронология обнаруженных нами эпиграфических надписей не всегда указывается в тексте памятников, даты некоторых из них устанавливаются приблизительно, исходя из содержания памятников. В целом хронологические рамки рассмотренных нами эпиграфических памятников охватывают X–XII вв., т.е. эпоху Караханидского государства.

Предварительный анализ содержания текстов надгробных эпитафий суфийских шейхов, похороненных на северном берегу озера Иссык-Куль, позволяет говорить об их принадлежности к шафиитскому мазхабу мусульманской юриспруденции, тогда как суфийские шейхи, пропагандировавшие ислам на южном побережье этого озера, были приверженцами ханафитского мазхаба. Однако впоследствии во всей Средней Азии победу одержали представители ханафитского мазхаба, что было обусловлено ослаблением политического влияния сельджукидов в данном регионе.

Следует отметить, что в восточной части Кыргызстана и в соседних регионах Семиречья основным языком мусульманской эпитафии в течение одного ты-

сячелетия оставался арабский. Это и понятно: арабский язык, как язык Корана, считался наиболее приемлемым для написания надгробных текстов. Редко встречаются двуязычные тексты, например, написанные на персидском и арабском, тюркском и арабском. В содержании этих текстов прослеживается культур-

ная преемственность между носителями древнетюркских традиций и мусульманской религии. Это проявляется в датировке некоторых текстов в соответствии с древнетюркским календарем, а также когда вместо Аллаха упоминались древнетюркское божество *Тенгри*, *Кут*, *'асиз*, *эгиз* и т.д.

Список источников

- Мокеев А. Кыргызы на Алтае и на Тянь-Шане. Бишкек : Кыргызско-Турецкий ун-т «Манас», 2010. 280 с.
- Белек К. Процесс исламизации населения Иссык-Кульской долины в IX–XII вв. на основе эпиграфических памятников // Вопросы истории. 2023. № 1 (2). doi: 10.31166/VoprosyIstorii202301Statyi59
- Табалдиев К.Ш. Основные этапы распространения исламской религии на территории Кыргызстана по материалам погребальных памятников // Центральная Азия: вчера, сегодня, завтра : материалы Междунар. науч. конф. Бишкек, 2001.
- Бартольд В.В. Общие работы по истории Средней Азии. Работы по истории Кавказа и Восточной Европы. Сочинения. Т. II, ч. 1. М. : Изд-во вост. лит., 1963. 1024 с.
- Бартольд В.В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия. Сочинения. Т. I. М. : Изд-во вост. лит., 1963. 763 с.
- Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана / отв. редактор В.А. Ромодин. Т. I. Бишкек, 2002. 315 с.
- Massignon L. La passion de Hallaj martyr mystique de L'Islam. T. I. Paris, 1975.
- Пантусов Н.Н. Кладбище на р. Кунгей-Аксу, близ с. Сазановки // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского любителей археологии. Год одиннадцатый [1 января 1906 года – 1 января 1906]. Ташкент : Типография штаба Туркестанского военного округа, 1906.
- Иванов П.П. Материалы по археологии котловины Иссык-Куля // Труды Института истории. Фрунзе, 1957. Вып. III.
- Малов С.Е. Древнетурецкие надгробия с надписями бассейна р. Талас // Известия АН СССР. Л. : Отд-е гуманитар. наук. 1929. С. 799–806.
- Джумагулова Ч. Эпиграфика Киргизии. Фрунзе : Илим, 1987. Вып. 3. 168 с.
- Горячева В.Д. Городская культура тюркских каганатов на Тянь-Шане [середина VI – начало XIII в.]. Бишкек, 2010. 302 с.
- Настич В.Н. Мусульманская эпиграфика Ферганы и Семиречья: Памятники арабского письма XI–XVII вв. на территории Кыргызстана / отв. ред. Б.М. Бабаджанов. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2019. 434 с.
- Табалдиев К., Белек К. Памятники письменности на камне Кыргызстана. Бишкек : Учкун, 2008. 336 с.
- Муминов А. Ханафитский мазхаб в истории Центральной Азии / под ред. С.М. Прозорова. Алматы : Қазақ энциклопедиясы, 2015. 400 с.
- Хашимов М. Религиозные и духовные памятники Центральной Азии. Алматы : Сага, 2001.
- Белек К. Караханидские надписи как источник средневековой истории Кыргызстана : [неопубликованная PhD диссертация]. Бишкек : КТУ «Манас», 2014.
- Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о Касимовских царях и царевичах. СПб., 1864. Ч. 2. 498 с.
- Бартольд В.В. Работы по исторической географии. Сочинения. М. : Наука, Глав. ред. вост. лит., 1965. Т. 3. 713 с.
- Бартольд В.В. О христианстве в Туркестане в домонгольский период. (По поводу семиреченских надписей). Сочинения. М. : Наука, 1963–1964. Т. I, II, ч. 1, 2.
- Корбэн А. История Исламской философии / пер. с фр. А.А. Кузнецова ; науч. ред. Р.М. Шукуров. М. : Прогресс-Традиция, 2010. 360 с.
- Сура «Алю 'имран» (Род 'Имрана): 3:18, 3:19 / перевод и чтение: Ш. Аляутдинова. URL: <https://umma.ru/sura-3-alyu-imran-rod-imrana> (дата обращения: 10.03.2023).
- Karamağaralı B. Ahlât Mezar Taşları. Ankara : Kültür Bakanlığı Yayınları, 1992. 237 s.
- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племён и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Год шестой, вып. III–IV. С. 277–456.
- Бертельс Е.Э. Избранные труды. Суфизм и суфийская литература. М. : Наука, 1965.
- Taşınar H. Mâtürîdiyye ile Eş'arîyye Mezhepleri Arasında İhtilaf mı? Suni Dalgalanma mı? // Cumhuriyet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi. Cilt X/1. Haziran, 2006. S. 213–250.

References

- Mokeyev, A. (2010) *Kyrgyzy na Altae i na Tyan'-Shane* [The Kyrgyz in Altai and Tien Shan]. Bishkek: Kyrgyzsko-Turetskiy un-t "Manas".
- Belek, K. (2023) The process of Islamization of the population of Issyk-Kul region in 9th - 12th centuries on the basis of materials from epigraphic gravestones. *Voprosy istorii*. 1 (2). (In Russian). doi: 10.31166/VoprosyIstorii202301Statyi59
- Tabal'diev, K.Sh. (2001) [The main stages of the spread of the Islamic religion on the territory of Kyrgyzstan based on materials from funeral monuments]. *Tsentrāl'naya Aziya: vchera, segodnya, zavtra* [Central Asia: yesterday, today, tomorrow]. Proceedings of the International Conference. Bishkek. 26–27 September. pp. 239–245. (In Russian).
- Bartol'd, V.V. (1963) *Obshchie raboty po istorii Sredney Azii. Raboty po istorii Kavkaza i Vostochnoy Evropy. Sochineniya* [General works on the history of Central Asia. Works on the history of the Caucasus and Eastern Europe. Essays]. Vol. II. Part 1. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
- Bartol'd, V.V. (1963) *Turkestan v epokhu mongol'skogo nashestviya. Sochineniya* [Turkestan during the era of the Mongol invasion. Essays]. Vol. I. Moscow: Izdatel'stvo vostochnoy literatury.
- Romodina, V.A. (ed.) (2002) *Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana* [Materials on the history of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Vol. 1. Bishkek: [s.n.].
- Massignon, L. (1975) *La passion de Hallaj martyr mystique de L'Islam*. T. I. Paris: Forgotten Books.
- Pantusov, N.N. (1906) Kladbishche na r. Kungey-Aksu, bliz s. Sazanovki [Cemetery on the river Kungey-Aksu, near the village Sazanovka]. In: *Protokoly zasedaniy i soobshcheniya chlenov Turkestanskogo lyubiteley arkeologii. God odinnadtsatyy [1 yanvarya 1906 goda – 1 yanvarya 1906]* [Minutes of meetings and messages from members of the Turkestan Archeology Lovers. Year eleven [1 January 1906 – 1 January 1906]]. Tashkent: Tipografiya shtaba Turkestanskogo voennogo okruga.
- Ivanov, P.P. (1957) Materialy po arkeologii kotloviny Issyk-Kulya [Materials on the archeology of the Issyk-Kul basin]. *Trudy Instituta istorii*. III. pp. 65–107.
- Malov, S.E. (1929) Drevneturetskie nadgrobiya s nadpisyami basseyna r. Talas [Ancient Turkish tombstones with inscriptions from the Talas river basin]. In: *Izvestiya AN SSSR* [News of the USSR Academy of Sciences]. Leningrad: Otdelenie gumanitarnykh nauk. pp. 799–806.
- Dzhumagulova, Ch. (1987) *Epigrafika Kirgizii* [Epigraphy of Kyrgyzstan]. Is. 3. Frunze: Izdatel'stvo "Ilim".
- Goryacheva, V.D. (2010) *Gorodskaya kul'tura tyurkskikh kaganatov na Tyan'-Shane [seredina VI – nachalo XIII v.]* [Urban culture of the Turkic Khaganates in the Tien Shan [mid-6th – early 13th centuries]]. Bishkek: Kyrgyz-Russian Slavic University.

13. Nastich, V.N. (2019) *Musul'manskaya epigrafika Fergany i Semirech'ya: Pamyatniki arabskogo pis'ma XI–XVII vv. na territorii Kyrgyzstana* [Muslim epigraphy of Fergana and Semirechye: Monuments of Arabic writing of the 11th–17th centuries on the territory of Kyrgyzstan]. St. Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia.
14. Tabaldiev, K. & Belek, K. (2008) *Pamyatniki pis'mennosti na kamne Kyrgyzstana* [Monuments of writing on stone in Kyrgyzstan]. Bishkek: Uchkun.
15. Muminov, A. (2015) *Khanafitskiy mazhab v istorii Tsentral'noy Azii* [Hanafi madhhab in the history of Central Asia]. Almaty: Kazak entsiklopediyasy.
16. Khashimov, M. (2001) *Religioznye i dukhovnye pamyatniki Tsentral'noy Azii* [Religious and spiritual monuments of Central Asia]. Almaty: Izdatel'stvo "Saga".
17. Belek, K. (2014) *Karakhanidskie nadpisi kak istochnik srednevekovoy istorii Kyrgyzstana* [Qarakhanid inscriptions as a source of medieval history of Kyrgyzstan]. Unpublished PhD dissertation. Bishkek: KTU "Manas".
18. Vel'yaminov-Zernov, V.V. (1864) *Issledovanie o Kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [Research on the Kasimov kings and princes]. Part 2. St. Petersburg: [s.n.].
19. Bartol'd, V.V. (1965) *Raboty po istoricheskoy geografii. Sochineniya* [Works on historical geography. Essays]. Vol. III. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka", Glavnaya redaktsiya vostochnoy literatury.
20. Bartol'd, V.V. (1963, 1964) *O khristianstve v Turkestane v domongol'skiy period (po povodu semirechenskikh nadpisey). Sochineniya* [About Christianity in Turkestan in the pre-Mongol period (regarding the Semirechye inscriptions). Essays]. Vols I, II. Parts 1, 2. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka".
21. Corbin, H. (2010) *Istoriya Islamskoy filosofii* [History of Islamic philosophy]. Translated from French by A.A. Kuznetsov. Moscow: Progress-Traditsiya.
22. Sura "Alyu 'imran" (Rod 'Imrana): 3:18, 3:19 [Surah "Alu Imran": 3:18, 3:19]. Translation and reading: Sh. Alyautdinova. [Online] Available from: <https://umma.ru/sura-3-alyu-imran-rod-imrana> (Accessed: 10.03.2023).
23. Karamağaralı, B. (1992) *Ahlât Mezar Taşları*. Ankara: Kültür Bakanlığı Yayınları.
24. Aristov, N.A. (1896) Zаметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности [Notes on the ethnic composition of Turkic tribes and nationalities and information about their numbers]. *Zhivaya starina*. III-IV. pp. 277–456.
25. Bertel's, E.E. (1965) *Izbrannye trudy sufizm i sufiyskaya literatura* [Selected works of Sufism and Sufi literature]. Moscow: Izdatel'stvo "Nauka".
26. Taşpınar, H. (2006) Mâtürîdiyye ile Eş'ariyye Mezhepleri Arasında İhtilaf mı? Suni Dalgalanma mı? *Cumhuriyet Üniversitesi İlahiyat Fakültesi Dergisi*, Cilt X/1. s. 213–250.

Информация об авторах:

Мокеев А. – д-р ист. наук, профессор отделения истории Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: anvar.mokeev@manas.edu.kg

Белек К. – PhD, канд. ист. наук, и.о. доцента отделения истории Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (Бишкек, Кыргызстан). E-mail: kairat.belek@manas.edu.kg

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A. Mokeev, Dr. Sci. (History), professor, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: anvar.mokeev@manas.edu.kg

K. Belek, PhD, Cand. Sci. (History), acting associate professor, Kyrgyz-Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic). E-mail: kairat.belek@manas.edu.kg

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.05.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 23.05.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 94(430).087
doi: 10.17223/15617793/498/11

Херренхимзейский проект как прообраз Основного закона ФРГ

Иван Дмитриевич Попов¹

¹ Северный Арктический федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, i.d.popov@narfu.ru

Аннотация. Оценивается степень влияния конституционного проекта Херренхимзейского конвента (10–23 августа 1948 г.) на итоговое содержание Основного закона ФРГ 1949 г. Делается вывод, что «боннская конституция» часто отталкивалась от Херренхимзейского проекта или вовсе воспроизводила (по смыслу или дословно) его формулировки норм и принципы государственной конструкции. При этом херренхимзейские разработки отличались более широкими гарантиями демократического устройства и политического влияния земель.

Ключевые слова: Херренхимзейский конвент, Основной закон ФРГ, конференции премьер-министров германских земель; союзническая оккупация Германии, германский федерализм

Для цитирования: Попов И.Д. Херренхимзейский проект как прообраз Основного закона ФРГ // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 96–105. doi: 10.17223/15617793/498/11

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/11

The Herrenchiemsee project as a prototype of the Basic Law for the Federal Republic of Germany

Ivan D. Popov¹

¹ Northern (Arctic) Federal University, Arkhangelsk, Russian Federation, i.d.popov@narfu.ru

Abstract. The article evaluates the influence of the constitutional project of the Herrenchiemsee Convention (10–23 August 1948) on the final content of the Basic Law of the Federal Republic of Germany adopted on 23 May 1949. Based on retrospective, comparative historical and comparative legal methods of research, as well as analysis of the political alignment of Western Germany during the period of allied occupation (1945–1949), the significance of the Herrenchiemsee project for the discussions of the Parliamentary Council in Bonn (1 September 1948 – 8 May 1949) is determined. Comparison of the materials of the Convention (primary drafts, session reports, final report) with the final version of the Basic Law allows concluding that the Herrenchiemsee project has a fairly high degree of influence on the “Bonn Constitution”. The most debatable issues, which were framed in the draft as various alternatives to constitutional norms, retained their problematic nature in the Parliamentary Council. Despite the official refusal to consider the Herrenchiemsee project as a whole, the delegates of the Parliamentary Council often started from the materials of the Herrenchiemsee Convention or even reproduced (in meaning or verbatim) certain norms and basic principles of the state structure. The reasons for turning to the Herrenchiemsee materials are related to their worthwhile advantages compared to other constitutional projects, namely: (1) they were a positive experience of compromise between representatives of different German states and parties; (2) they were compiled by authoritative experts in the field of constitutional law, governance and finance; 3) they were generally approved by the allied military governments and had the support of the regional elite. For this reason, it was the formulations of the Herrenchiemsee project that often served as the basis for productive inter-factional negotiations in the Parliamentary Council. Significant deviations of the Basic Law from the Herrenchiemsee proposals were most often within the competence of the federal center, as well as within the mechanisms for guaranteeing federalism and democratic order. This was due, on the one hand, to significant disagreements between the factions of the Parliamentary Council themselves and the constant revision of reached compromises. On the other hand, the unconditional acceptance of the Herrenchiemsee project would have meant a confirmation of the high influence of the Minister Presidents the German states and the state bureaucracy, which the party leaders did not want to allow. Therefore, the delegates of the Parliamentary Council either settled on more centralist alternatives to the Herrenchiemsee developments or weakened the mechanisms of political influence of the lands.

Keywords: Herrenchiemsee Convention, Basic Law for the Federal Republic of Germany, conferences of Minister Presidents of German states, allied occupation of Germany, federalism in Germany

For citation: Popov, I.D. (2024) The Herrenchiemsee project as a prototype of the Basic Law for the Federal Republic of Germany. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 96–105. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/11

Введение

Основной закон ФРГ (ОЗ), обнародованный 23 мая 1949 г. [1] и символизировавший начало официального раскола Германии, стал результатом годичных конституционных обсуждений между западногерманскими политиками и непростых переговоров с военными администрациями западных союзников. Сами оккупационные державы также имели различные взгляды на государственное устройство Германии [2. С. 149]. Поэтому решение о создании сепаратного западногерманского государства, оформленное во «Франкфуртских документах» (1 июля 1948 г.), содержало лишь общие принципы организации будущей федеративной и демократической республики. Однако даже они подверглись корректировке при обсуждении с премьер-министрами в Кобленце (8–10 июля 1948 г.) и Нидервальде (15–16, 21–22 июля 1948 г.). Наиболее значимыми изменениями были следующие: 1) вместо конституции необходим основной закон, который бы устанавливал государственное устройство на время до окончательного решения германского вопроса; 2) разработать его должен Парламентский совет, а не Законодательное собрание; 3) утвердить его должны ландтаги, а не всенародный референдум [3. С. 53–54]. Эти корректировки подчеркивали, что принятая государственная конструкция должна была носить переходные черты [4. С. 30].

Во время июльских обсуждений премьер-министры выступили медиаторами между военными администрациями и элитой немецких политических партий [5. С. 378–379]. Однако, будучи легитимными представителями немцев в каждой из западногерманских земель, главы региональных правительств имели и собственные политические интересы, которые они хотели бы отразить в тексте будущего основного закона. Еще на вручении «Франкфуртских документов» 1 июля 1948 г. премьер-министр Гессена К. Шток озвучил идею создать специальный конституционный комитет из специалистов и экспертов для разработки западногерманской конституции [6. С. 26], а 16 июля на встрече премьер-министров в Нидервальде глава баварского правительства выступил с предложением создать такой комитет «в тихом месте» своей земли [7. С. 46]. На следующей конференции в Нидервальде 21–22 июня этим местом был выбран Херренхимзейский дворец в Баварии (на острове Херрен озера Химзе), а перед будущим комитетом была поставлена задача «выработать конституционный проект, который должен послужить исходным документом Парламентскому совету» [6. С. IX]. 10 августа 1948 г. «Конституционный комитет премьер-министров западных оккупационных зон» (который окрестили как Херренхимзейский конвент) приступил к своей работе и до 23 августа смог разработать проект, который по-прежнему недооценен ни российскими, ни немецкими историками.

Работа Херренхимзейского конвента

Херренхимзейский конвент представлял первое после окончания Второй мировой войны обсуждение конституционного проекта, к работе которого было

привлечено руководство всех западногерманских земель, представленное различными политическими партиями. Все предыдущие проекты либо носили преимущественно узкопартийный характер, либо разрабатывались в рамках конкретных земель или оккупационных зон [8. С. 364–374]. Организация конвента была связана со стремлением региональных элит существенным образом повлиять на содержание будущего основного закона [9. С. 58]. Особенно принципиально это было для Баварии, которая стала главным инициатором мероприятия и направила наиболее представительную делегацию [10. С. 3, 8; 11. С. 177–178]. В будущих переговорах Парламентского совета, в котором фракции структурировались по партийному принципу, премьер-министрам земель важно было представить свои интересы, которые партийная элита считала сугубо «бюрократическими» [12. С. 28].

Проект, который планировалось разработать от лица руководства западногерманских земель, имел и существенное политическое значение, поскольку земельные ландтаги (а именно они образовывали правительства) формировались на всеобщих выборах. В отсутствие общегерманских органов народного представительства именно земельные органы власти могли с полным правом заявлять о выражении интересов немецкого народа. Для придания еще большего политического веса будущему конституционному проекту премьер-министры организовали конвент не как обсуждение, представляющее политическое руководство земель, а как некий рабочий комитет с участием исключительно экспертов в области права, управления и финансов [13. С. 22].

Несмотря на то что практически каждый из этих экспертов был в той или иной степени аффилирован с земельными правительствами, позиционирование проекта в качестве разработки специалистов ставило его в заведомо выигрышное положение перед обсуждением в Парламентском совете. Наиболее значимым для земельной элиты вопросом (особенно в Баварии и южногерманских землях) являлась проблема федеративного устройства, по которой лидеры ведущих политических партий занимали чаще всего либо более централистские (как в ХДС и СвДП), либо откровенно централистские взгляды (как в СДПГ). В этой связи организаторы приложили определенные усилия, чтобы на конвент собрались эксперты, известные федералистскими убеждениями [7. С. 46; 12. С. 29].

Каждая из 11 западногерманских земель делегировала на конвент по одному представителю с правом решающего голоса и дополнительно еще по 1–2 консультантам, которые также набирались из числа специалистов [10. С. 3, 8–9]. С правом консультативного участия своего представителя (О. Зур) направил и Берлин [13. С. 34]. Бавария привлекла 7 консультантов, в том числе и главу Баварской государственной канцелярии А. Пфайффера, который стал председателем конвента. Будучи главным инициатором и организатором мероприятия, баварские власти приложили максимальные усилия для того, чтобы повлиять на итоги обсуждения. Они представили на конвент и свой конституционный проект (авторы – Й. Швальбер, К. Лойссер, Х. Кнойер.

Х. Навяски), который стал одной из первичных основ для обсуждения [14. S. 1–51]. При этом разработчики подчеркивали, что разработка не представляет правительство Баварии [13. S. 41], а учитывает интересы различных западногерманских земель и их ведущие политические силы. Другим документом, который также позиционировался как исходный материал, стал меморандум О. Колльмана [14. S. 233–240], который еще с веймарских времен работал в баварском Министерстве внутренних дел. Баварский проект получил одобрение в американских научных кругах и военной администрации как полностью соответствующий Франкфуртским документам [15. S. 69]. Несмотря на то, что он не встретил одобрения других участников и был отклонен на пленарном заседании конвента, его содержание стало ориентиром в работе подкомитетов, а в финальной версии херренхимзейских разработок представители Баварии смогли либо склонить делегатов к своей интерпретации конституционных норм, либо оформить их в качестве альтернативных предложений [16. S. 456]. Кроме того, первоисточниками для обсуждения выступили конституции различных германских земель: из 34 участников 25 были непосредственно вовлечены в разработку земельных конституций [13. S. 186].

Частично привлекался и текст Веймарской конституции. Из нее, к примеру, были перенесены положения о реорганизации земель, примате федерального права над законами земель, признании международного права как части внутреннего, цветах государственного флага [13. S. 184–185]. Веймарский опыт занимал отдельное место в ходе обсуждения, поскольку главной задачей участников была корректировка и исправление «конструктивных недостатков» первой республиканской конституции [7. S. 47]. Поэтому неудивительно, что достаточно продолжительные дискуссии вызвали такие вопросы, как полномочия президента, барьеры на пути внесения поправок в конституцию, право чрезвычайного положения и чрезвычайных указов, разграничение компетенции центра и земель, финансовая конституция, вопрос о незыблемости («вечности») отдельных прав граждан [10. S. 26–56]. Нерешенность каждой из этих проблем в свое время открыла дорогу к власти нацистским лидерам. Поэтому Херренхимзейский конвент стал, по сути, первой серьезной для западногерманских политиков попыткой осмыслить и извлечь уроки из веймарского прошлого.

14 дней работы конвента проходили как на пленарных заседаниях, так и в рамках трех подкомиссий [17. С. 111]. Обсуждения закончились публикацией отчета состоящего из трех частей: излагательной, формулировочной и разъяснительной. В рамках этого отчета и был опубликован Херренхимзейский проект основного закона (ХП) [10. S. 61–85]. Дискуссионные вопросы, по которым участники не пришли к общему мнению, оформлялись в качестве альтернативных предложений.

Основные альтернативы Херренхимзейского проекта

Первые разногласия при разработке проекта можно обнаружить уже в преамбуле, относительно которой

участники так и не пришли к единству и представили два альтернативных варианта [10. S. 17–20]. Согласно предложению меньшинства, федерация обозначалась как «Союз немецких земель» («Bund deutscher Länder») и, соответственно, образовывалась землями «для защиты общих дел немецкого народа» [10. S. 61]. Данная трактовка была весьма популярна в южногерманских регионах (особенно в Баварии) и опиралась на правовую теорию о ликвидации германского государства после 8 мая 1945 г. (была отражена и в Конституции Баварии 1946 г.) [16. S. 458], что требовало его организации заново, но уже снизу через добровольный союз земель. Учитывая, что земли были конституированы и могли тем самым выступать как единственные легитимные представители немецкого народа, характер полномочий федерального центра должен был определяться землями (в том числе вновь присоединившимися к федерации). Тем самым, независимо от решения германского вопроса, основной закон мог носить черты постоянного конституционного акта.

Однако большинство участников не поддерживали эту линию. В альтернативной редакции преамбулы государство обозначалось уже как «федеративная республика», «открытая для других частей Германии», которую создает «немецкий народ в землях... действующий через свои конституционные и установленные законом органы... и устремленный создать суверенный порядок во временно ограниченной территориями этих земель...» [10. S. 61]. Данная трактовка, в свою очередь, утверждала первичность федерации, а не земель; с другой стороны, подчеркивалась нерешенность германского вопроса, временный характер устанавливаемого порядка и перспективы включения в федеративную республику оставшихся территорий. Все эти принципы позже перетекали и в преамбулу Основного закона ФРГ [1. S. 1].

Исходя из этого, другим важным дискуссионным вопросом стала проблема провизориума, т.е. государственной конструкции, изначально организованной на некий переходный период и для решения переходных задач. Эту идею активно отстаивал К. Шмид еще на Кобленцской конференции, однако она не встретила поддержки у оккупационных властей [3. S. 37–38, 41–42, 343, 348]. Сторонники провизориума на конвенте доминировали над последователями постоянной федеративной структуры. Компромиссным решением между сторонами стало ослабление внешнего представительства будущей федерации, в том числе временный отказ от государственной символики и урезание полномочий главы государства [7. S. 48]. Поскольку оккупационные администрации недвусмысленно заявляли об отклонении идеи провизориума, указания на это в итоговый текст Основного закона не вошли. В связи с этим различались и сценарии решения германского вопроса: в Херренхимзейском проекте прописано, что включение в состав ФРГ новых территорий возможно путем присоединения к существующим землям либо путем создания новых земель (ст. 27.3 ХП), в то время как в Основном законе лишь говорится о распространении его положений на оставшиеся немецкие земли (ст. 23 ОЗ).

Еще одним спорным вопросом стала финансовая конституция будущей федерации. Слабо прослеживается дискуссия по старой проблеме целесообразности федерального финансового управления. В частности, баварские власти не видели в нем необходимости и выступали за возвращение к финансовой системе до реформы М. Эрцбергера 1919–1920 гг. [11. S. 176]. Подобранный вариант предусматривал значительное распределение компетенции управления финансами и самих финансов в пользу земель. В свою очередь, альтернативным сценарием являлось федеральное финансовое управление и полный контроль центра над причитающимися ему финансами. В итоге участники конвента выработали три различных варианта решения проблемы финансового управления: 1) сбор и управление таможенными пошлинами и теми налогами, доходы от которых причитаются Федеральному правительству, возложены на федеральные земли как их собственное дело; Федеральное правительство может лишь контролировать процесс исполнения; 2) все таможенные пошлины и налоги (как федеральные, так и земельные) управляются федеральным центром; 3) таможенные пошлины и налоги, причитающиеся федеральному центру, администрируют и взимают земли от имени и по указанию Федерального правительства (ст. 123 ХП) [10. S. 55–56].

Соответственно реализация этих вариантов требовала как различной компетенции в управлении финансами, так и различного распределения самих финансов. В сферу исключительного ведения федерального центра Херренхимзейский проект отнес законодательство о таможенных и таможенных пошлинах, в то время как законодательство о налогах, финансовое выравнивание, возмещение ущерба от войны и ее последствий было отнесено к сфере конкурирующего законодательства. Не возникло споров относительно принадлежности к конкурирующему законодательству регулирования акцизов, налога с оборота, подоходного налога, налога на имущество (ст. 38 ХП). В свою очередь, вопрос об управлении другими налогами (налог на покупку земельного участка, налог с оборота, налог на прирост стоимости имущества, налог на содержание пожарной охраны, налог на наследство, налог на дарение) вызвал серьезные разночтения: одни участники считали целесообразным отнести их к сфере конкурирующего законодательства, другие – к сфере исключительно земельного (что было оформлено в соответствующие «предложение а» и «предложение б», ст. 38.1 ХП). Основной закон следовал преимущественно за первым предложением, тем не менее часть налогов (налог на покупку земельного участка, налог на прирост стоимости имущества, налог на содержание пожарной охраны) отнес к земельной компетенции (ст. 105 ОЗ).

По распределению налогов единодушие возникло лишь в отношении следующих источников: таможенные сборы, налог с перевозки и страховой налог (все отнесены к федеральным). В отношении других федеральных налогов (налоги на потребление, подоходный налог) уже возникло два варианта их распределения:

1) оставить их исключительно за федерацией;

2) распределить остатки землям в случае превышения доходов над расходами.

Налог с оборота часть участников конвента решили отнести к федеральным, другая часть – к земельным с правом центра затребовать часть средств в случае превышения расходов (ст. 122 ХП). При разработке Основного закона депутаты, постоянно меняли распределение налоговых источников, перетягивая их то в одну, то в другую сторону [18. S. 32–33]. Поэтому итоговый вариант в точности не совпал ни с одним из предложений Херренхимзейского конвента, представляя либо их комбинацию, либо дополнительные принципы регулирования. Так, утверждая федеральное финансовое управление и широкую налоговую базу для центра (таможенные пошлины, доходы с монополий, налоги на потребление, налог с оборота, налог на перевозки), Основной закон оставил подоходный налог и налог на корпорации за землями, позволяя при этом центру затребовать часть данных налогов для покрытия социальных нужд (ст. 105–106, 108 ОЗ).

Острые дискуссии участников Херренхимзейского конвента вызвала и проблема формирования земельной палаты парламента, по которой участники разделились на сторонников принципа сената и приверженцев принципа бундесрата [10. S. 37–41]. Модель сената представляла собой делегирование от земельных парламентов пропорционально партийному раскладу в ландтаге. Модель бундесрата, в свою очередь, предполагала делегирование из числа членов земельного правительства, которые были связаны правительственными указаниями (ст. 66–67 ХП). Несмотря на то что на конвенте возобладали сторонники принципа бундесрата, даже их лагерь был неоднороден по вопросу о компетенции второй палаты: одни участники считали, что она должна быть равноправна Бундестагу, другие – иметь урезанные полномочия. Так были составлены два варианта осуществления принципа бундесрата и один вариант с принципом сената, равноправного Бундестагу (ст. 103–105 ХП).

В модели бундесрата с урезанными полномочиями не предусматривалось утверждения законопроектов Бундестага: палата земель могла иметь лишь право «слабого вето», т.е. направить в Бундестаг свои возражения, которые тот мог отклонить (ст. 103 ХП). В свою очередь модель истинного бундесрата по аналогии с сенатом предполагала утверждение всех решений Бундестага. Кроме этого, принцип равноправной палаты земель требовал утверждения не менее 2/3 голосов тех решений Бундестага, которые касались создания новых высших федеральных органов, изменения права указаний центра в отношении земельных учреждений, перевода расходов на новые цели в федеральный бюджет (в модели бундесрата с урезанными полномочиями достаточно утверждения простого большинства). Законы, которые предполагали создание нижестоящих учреждений федеральных органов и вовсе требовали единогласия бундесрата (в модели бундесрата с урезанными полномочиями достаточно утверждения 2/3 голосов) (ст. 105 ХП). В Парламентском совете вопрос о второй палате обсуждался до весны 1949 г. (т.е. практически весь срок его работы): СДПГ склонялась

к принципу сената, ХДС/ХСС была ближе модель бундесрата, безуспешно парламентарии пытались соединить оба принципа. В начале 1949 г. стороны условились на принципе равноправного бундесрата, однако под давлением социал-демократов в конце апреля 1949 г. полномочия второй палаты были урезаны [18. S. 31–32].

Последним значимым спорным вопросом стала проблема главы государства. Участникам хотелось избежать печального опыта Веймарской республики, когда сильная президентская власть и назначение рейхсканцлера по доверию президента стали основаниями утверждения национал-социалистического режима. Участники пришли к согласию, что власть президента должна быть лишена исключительных полномочий, в том числе права издавать чрезвычайные декреты и распускать Рейхстаг (и таким образом влиять на формирование правительства) [10. S. 41–43]; фигура главы государства должна быть нейтральна к правительству и осуществлять преимущественно представительские функции. Однако в какой форме будет осуществляться номинальное руководство страной, общего согласия так и не последовало.

Согласно «предложению а», главой государства являлся федеральный президент, выбираемый большинством как Бундестага, так и бундесрата/Сената. В случае отсутствия такого большинства созывалось «особое избирательное собрание», представленное равным количеством членов Бундестага и бундесрата/Сената, на котором избирался тот, кто набирал большинство (ст. 75 ХП). Согласно проекту федеральный президент назначал федеральных чиновников и судей (ст. 82.1 ХП), осуществлял помилование, представлял государство во внешних делах (ст. 81.1 ХП), а его постановления должны были подтверждаться подписью (контрасигатурой) федерального канцлера (ст. 80 ХП). Государственные договоры, подписанные президентом, должны были утверждаться обеими палатами парламента (ст. 81.2 ХП). «Предложение б» вместо Федерального президента предусматривало создание Федерального президиума со схожими полномочиями. Он должен был состоять из председателя бундестага, председателя бундесрата/Сената и федерального канцлера (ст. 75 ХП). Основной закон в итоге склонился к варианту Федерального президента (причем в значительной степени с теми же полномочиями), однако порядок избрания главы государства и характер его отношений с парламентом были во многом изменены.

Влияние Херренхимзейского проекта на текст Основного закона

Итоговый отчет о работе конвента был обнародован на конференции премьер-министров земель 31 августа 1948 г. Однако ее председатель К. Шток прямо подчеркнул, что херренхимзейскую разработку не следует понимать как «правительственный законопроект», имеющий обязательную силу для рассмотрения Парламентского совета [6. S. 380–381]. Позиция К. Штока не встретила на конференции серьезных возражений, а сам Херренхимзейский проект был представлен как не более чем рекомендация. Как позже

вспоминал участник конвента К. Лойссер, премьер-министры «уступили инициативу» и «еще раз капитулировали перед центральным учредительным собранием» [19. S. 72]. Мотивы такого решения, очевидно, были связаны с давлением элиты ведущих политических партий (СДПГ, ХДС, СвДП), которая не принимала участие в данной конституционной разработке.

Лидер ХДС К. Аденауэр охарактеризовал Херренхимзейский проект как необязательный материал, подготовленный «в достойной уважения манере», который может «свободно использоваться» в Бонне [17. С. 114]. Социал-демократы были еще категоричнее, охарактеризовав работу конвента как выражение «определенной группы политических интересов», результаты которого можно «выбросить в корзину» или «извлечь некоторые идеи» [20. S. 240]. Представитель СвДП Т. Делер и вовсе охарактеризовал Херренхимзейский проект как оторванную от воли населения разработку министерской бюрократии, «похожую на замок на острове Херрен», и «нежизнеспособный театральный манекен» [16. S. 460]. В этой связи в исторической литературе чаще всего либо отрицается прямое влияние херренхимзейских предложений на содержание Основного закона [9. S. 62; 17. С. 109; 21. С. 266], либо проект оценивается как «матрица» или общий ориентир для дебатов в Парламентском совете [7. S. 48; 12. S. 36; 16. S. 459].

Эти выводы, однако, не находят своего подтверждения при сравнительном постатейном анализе, который обнаруживает повсеместную содержательную близость обоих документов и доказывает пока еще осторожные выводы некоторых историков о том, что наибольшие сходства и взаимопереплетения итоговый вариант Основного закона имеет именно с херренхимзейскими разработками [13. S. 262; 18. S. 14–15]. В условиях несовместимости конституционных проектов различных партий участники переговоров при достижении межфракционных компромиссов неизбежно обращались к юридически проверенным формулировкам или даже непосредственно к профессиональным управленцам и юристам, среди которых было немало участников Херренхимзейского конвента. Часть из них продолжили работать в качестве консультантов уже в Парламентском совете, а часть – сами были его депутатами (А. Пфайффер, Й. Швальбер, К. Шмид, А. Зюстерхен, Х. Фехт, О. Зур), в том числе и главами крупнейших фракций – ХДС/ХСС (А. Пфайффер) и СДПГ (К. Шмид) [22. S. 255–269]. Естественным образом, консультируя парламентариев, специалисты в первую очередь ориентировались на ранее достигнутые компромиссы. Кроме того, значимым преимуществом Херренхимзейского проекта являлось его одобрение оккупационными властями [14. S. CXXVI–CXXVIII]. Это имело огромное значение в свете постоянного вмешательства западных союзников в работу Парламентского совета, а иногда и отклонения межфракционных компромиссов (преимущественно из-за недостатка федеративных механизмов), как это было в ноябре 1948 г. [17. С. 147–154]. И в этом отношении Херренхимзейский проект представлял вполне оптимальный вариант авторитетной экспертной разработки, поскольку отражал компромисс между представителями различных партий, земель и оккупационных администраций.

При этом текст Основного закона неизбежно отклонялся от Херренхимзейского проекта в силу постоянных политических корректировок в пользу той или иной фракции. Также имели место упрощения формулировок, а на последнем этапе парламентарии под давлением социал-демократов вынуждены были удалить некоторые «лишние» нормы (в том числе и в разделе основных прав). Партийным лидерам также представлялось важным оградить себя от влияния премьер-министров и земельной бюрократии, от лица которых, собственно, и разрабатывался Херренхимзейский проект. Поэтому неизбежным становились и сокращения тех механизмов, при помощи которых региональная элита могла бы воздействовать на федеральный центр.

По тем вопросам, где в Парламентском совете действительно не возникало острых дискуссий, итоговый текст Основного закона показывал близкое по смыслу (а иногда даже дословное) воспроизведение Херренхимзейского проекта. Таковым, в частности, был каталог основных прав граждан. Полностью или почти похожим являлся текст статей о неприкосновенности жилища (ст. 5 ХП и ст. 13 ОЗ); свободах совести (ст. 6 ХП и ст. 4 ОЗ), собраний (ст. 8 ХП и ст. 8 ОЗ) и объединений (ст. 9 ХП – и ст. 9 ОЗ); запрете цензуры (ст. 7 ХП и ст. 5 ОЗ); праве на подачу жалоб и петиций (ст. 10 ХП и ст. 10 ОЗ), равном доступе к государственной службе (ст. 13 ХП и ст. 33 ОЗ), равенстве перед законом (ст. 14 ХП и ст. 3 ОЗ); гарантиях права собственности и права наследования, возможности изъятия собственности в интересах общественного блага (ст. 17 ХП и ст. 14 ОЗ); запрете действий, нарушающих мирное существование народов и развязывающих агрессивную войну (ст. 26 ХП и ст. 26 ОЗ). Довольно близкими по смыслу оказались формулировки статей о свободе (ст. 2 ХП и ст. 2 ОЗ) и неприкосновенности личности (ст. 3 ХП – ст. 2.2, 104.1 и 104.3), запрете выдачи немецких граждан иностранным государствам (ст. 4 ХП и ст. 16.2 ОЗ), тайне переписки (ст. 11 ХП и ст. 10 ОЗ); свободе искусства, науки и просвещения (ст. 15 ХП и ст. 5 ОЗ); праве на свободный выбор профессии и запрете принудительного труда (ст. 16 ХП и ст. 12 ОЗ); возможности обобществления природных ресурсов и средств производства (ст. 18 ХП и ст. 15 ОЗ).

Оба документа запрещали внесение законопроектов, пересматривающих эти права и общие демократические принципы (ст. 108 ХП и 79.3 ОЗ). Характерно, что и в Основном законе (ст. 1–19 ОЗ), и в Херренхимзейском проекте (ст. 2–20 ХП) раздел основных прав был помещен в начало документа, что не было свойственно ни одной предшествующей германской конституции [16. S. 457]. Заметно влияние херренхимзейских разработок и в части правовых гарантий, касающихся правосудия: недопустимость исключительных судов (ст. 131.1 ХП и 101.1 ОЗ), несменяемость (ст. 131.2 ХП и 101.2 ОЗ) и независимость судей (ст. 132.1 ХП и 97.1 ОЗ), возможность временного отстранения или перевода судьи только на основании судебного решения (ст. 133.1 ХП и ст. 97.2 ОЗ), право каждого гражданина быть услышанным в суде (ст. 135.1 ХП – ст. 103.1 ОЗ).

Разночтения в понимании основных прав касались преимущественно проблемы их злоупотребления, весьма болезненной с точки зрения осмысления опыта Веймарской республики. Участники Херренхимзейского конвента пришли к согласию по «оговорке о вечности», которая не допускала упразднения основных прав (ст. 21 ХП). Это юридическое новшество нашло отражение и в Основном законе, который запрещал конституционные поправки, «затрагивающие принципы» статей об основных правах (ст. 79.1 ОЗ). Также Херренхимзейский проект в случае злоупотребления свободой слова, прессы, собраний и объединений не допускал, чтобы нарушители взывали к этим правам (ст. 20 ХП). В Основном законе этот перечень расширен свободой просвещения, тайной переписки, правом собственности и политического убежища, а нарушитель и вовсе «утрачивает эти права» (ст. 18 ОЗ).

Херренхимзейский проект оставлял и прежний закон о чрезвычайном положении (ст. 21.5 ХП), которое отныне вводил не президент, а федеральное (с согласия бундесрата/Сената) и земельные правительства. Детально был расписан и порядок введения «чрезвычайных предписаний» (ст. 111 ХП). Основным законом, в свою очередь, практически обошел стороной тематику чрезвычайного положения, предусматривая лишь право земель и федерального центра использовать полицейские силы для «устранения опасности, угрожающей существованию или основам свободного демократического устройства» (ст. 91 ОЗ). То, что в одном случае рассматривалось как гарантия от рецидива национал-социализма, в другом – как потенциальная угроза демократическому порядку и вседозволенность земельной бюрократии. Неурегулированность этого вопроса в Основном законе в дальнейшем породила бурные парламентские дебаты относительно чрезвычайного законодательства в 1960-е гг., которые обернулись одним из крупнейших политических кризисов в истории ФРГ.

Заметно влияние текста Херренхимзейского проекта и на общую конструкцию государственных органов, включая их полномочия. Как и в Основном законе, в нем утверждалась парламентская республика с двухпалатным парламентом, разделением властей, широкими полномочиями федерального канцлера и преимущественно представительскими функциями федерального президента. В отличие от Веймарской конституции, Федеральное правительство в обоих документах было зависимо исключительно от парламента [16. S. 458]. Схожими являлись статус и полномочия депутатов Бундестага (ст. 45, 48.1, 55, 59–60, 61 ХП и ст. 38, 39.1, 43, 46, 47 ОЗ соответственно). Как в Херренхимзейском проекте, так и в Основном законе ФРГ Федеральный канцлер «определял основные направления политики и нес за это ответственность» (ст. 93 ХП и ст. 65 ОЗ). Кроме того, известная особенность Основного закона – возможность конструктивного вотума недоверия федеральному канцлеру (избрание преемника большинством Бундестага и обращение к федеральному президенту с просьбой об отстранении, ст. 67.1 ОЗ) – также уходит корнями в херренхимзейские предложения (ст. 90.1 ХП).

Схожим было и понимание общих принципов федеративного устройства. Так исключительной компетенцией федерального центра в обоих документах являлась внешняя политика; федеральное гражданство; регулирование паспортного дела, свободы передвижения, миграции и выдачи лиц другим государствам; федеральная статистика; почта и телекоммуникации (ст. 35 ХП и ст. 73 ОЗ). Центр мог уполномочить земли в области исключительного законодательства (ст. 33 и ст. 71 ОЗ), а сами земли участвовали в той части конкурирующего законодательства, в которой еще не задействован федеральный центр (ст. 34 ХП и ст. 72 ОЗ).

К области конкурирующего законодательства в обоих документах относились следующие сферы: гражданское и уголовное право, исполнение наказаний, судоустройство и судопроизводство, право на отчуждение собственности, акты гражданского состояния, гражданство земель, вопросы пребывания и постоянного проживания иностранцев, государственное попечение, дела вынужденных переселенцев, обеспечение участников и инвалидов войны, компенсация ущерба от войны, право собраний и союзов, противоэпидемические и противоэпизоотические мероприятия, борьба с болезнями и вредителями растений; допуск к врачебной деятельности, обращение с ядами, лекарственными и наркотическими средствами; обращение с продовольствием, вкусовыми веществами, предметами быта; общественное хозяйство, общественная собственность на полезные ископаемые, средства производства, «предотвращение злоупотреблений экономической властью»; вопросы поселений, жилищных помешений, оборота земельных участков, жилищное право; некоторые вопросы хозяйственного права (горное дело, торговля и коммерция, банковское дело и фондовая биржа, частное страхование); морское и каботажное судоходство (в том числе навигационные знаки), внутреннее судоходство, морские и внутренние водные пути; дорожное движение, автотранспорт; трудовое право и социальное страхование (ст. 36 ХП и 74 ОЗ). В Херренхимзейском проекте перечень вопросов, относящихся к конкурирующему законодательству (которое фигурирует как «преимущественное законодательство» центра), несколько шире. Дополнительно предусмотрено производство и распределение товаров и услуг, ценообразование (альтернативная редакция: «вмешательство в экономику для обеспечения безопасности производства и защиты потребителей»); вексельное и чековое право, торговое, морское, внутреннее водное, морское прибрежное рыболовство, ж/д и автодороги общего пользования, авторское право, издательская и промышленная собственность; положение СМИ; киноиндустрия; меры и вес (ст. 36 ХП). Судя по всему, составители Основного закона считали эти сферы вопросами преимущественно хозяйственного и гражданского права, которые уже были обозначены в статье о конкурирующем законодательстве.

Несмотря на общность многих формулировок и государственной конструкции в тексте Основного закона можно обнаружить и ряд существенных расхождений с Херренхимзейским проектом по ряду вопро-

сов, которые зачастую можно свести к проблеме юридических и политических гарантий заявленных демократических принципов и федеративного устройства. Даже централистские альтернативы херренхимзейских предложений предполагали более широкую компетенцию земель и гарантирующих ее механизмов, главным из которых мыслился бундесрат. Херренхимзейский проект предполагал единогласное утверждение бундесратом любого закона, «посредством которого происходит отступление от федеративного устройства» (ст. 107 ХП), в то время как Основной закон такого предписания не содержал, запрещая лишь конституционные поправки, касавшиеся «деления федерации на земли» и «принципиального участия земель в законодательстве» (ст. 79.3 ОЗ). В обоих документах допускается передача федеральным центром компетенции межправительственным учреждениям, в том числе и в рамках коллективной безопасности (ст. 24 ХП и 24 ОЗ), однако в Херренхимзейском проекте для этого необходимо согласие как Бундестага, так и бундесрата (ст. 24.3 ХП). Основной закон, в свою очередь, не только не прописывает такую необходимость, но и по умолчанию утверждает приоритет норм международного права над национальными (ст. 25 ОЗ).

Кроме того, Херренхимзейский проект предусматривал более широкие гарантии землям в финансовой сфере. Федерация и земли в нем «ведут раздельное финансовое хозяйство» (ст. 37 ХП), предполагая вероятно полную независимость земельного финансового управления от федерального, в то время как в Основном законе центр и земли «самостоятельны и независимы друг от друга» только в своих бюджетах (ст. 109 ОЗ). Повышать или вводить новые расходы бюджета, согласно проекту, Бундестаг мог только с согласия бундесрата (ст. 124.4 ХП); в Основном законе для этого необходимо лишь согласие министра финансов (ст. 112 ОЗ). Также, в отличие от Основного закона, херренхимзейские предложения требовали согласия Бундестага и бундесрата на постановления федеральных компаний и администраций, регулирующих тарифы, цены, условия пользования и доставки, а также определения органов федерального самоуправления относительно членства, взносов и услуг (ст. 127 ХП).

Другим заметно ослабленным механизмом гарантий являлся институт референдума. Херренхимзейский проект требовал для внесения изменений в Основной закон 2/3 голосов поддержки в Бундестаге и бундесрате, а также обязательного одобрения на референдуме с явкой не менее половины граждан (ст. 106.1 ХП). «Боннская конституция» по этому вопросу не предусматривала народного волеизъявления (ст. 79.2 ОЗ). Также Херренхимзейский проект предполагал обязательность референдума, а также фиксации в соответствующих федеральных законах и законах затронутых земель любых территориальных изменений (ст. 25 ХП). Основной закон в таких случаях требовал лишь согласия Бундестага и бундесрата (ст. 29.7 ОЗ), а многоступенчатый порядок референдума допускал только для тех территорий Западной Германии, которые были переброшены после 8 мая 1945 г. (ст. 29.2 ОЗ).

Несмотря на схожие в обоих документах полномочия федерального президента, весьма разнился характер его отношений с парламентом. Выборы федерального президента в Основном законе осуществлялись, во-первых, без прений; во-вторых, не палатами парламента, а Федеральным собранием, идея которого в чем-то схожа с херренхимзейскими предложениями об «особом избирательном собрании» (ст. 54 ОЗ). Также согласно Херренхимзейскому проекту федеральный президент не мог избираться из числа членов Бундестага и бундесрата (ст. 77 ХП), Основной закон же расширял этот перечень членами Федерального правительства и ландтагов (ст. 55.1 ОЗ). В случае временного отсутствия или ухода федерального президента один документ предусматривал замещение данного поста председателем конституционного суда (ст. 79.1 ХП), другой – председателем бундесрата (ст. 57 ОЗ). Кроме того, в Херренхимзейском проекте было предусмотрено обязательное согласие Бундесрата/Сената в случае отстранения президентом федеральных служащих и судей (ст. 82.2 ХП), что не нашло отражения в Основном законе. Херренхимзейские разработки также предусматривали процедуру возражения президента против кандидатуры федерального канцлера (ст. 87.2 ХП), в то время как в Основном законе такая возможность отсутствовала.

Заключение

Таким образом, несмотря на официальный отказ рассматривать Херренхимзейский проект в целостности, депутаты Парламентского совета либо широко заимствовали, либо отталкивались от предложенных конвентом разработок. В итоговом тексте Основного закона напрямую это нашло отражение в заимствовании (либо почти дословно, либо по смыслу) формулировок многих конституционных норм и воспроизведении основных принципов государственной конструкции. В сравнении с Веймарской конституцией и предшествующими послевоенными конституционными проектами партийных и зональных структур, Херренхимзейский проект оказался наиболее близким к Основному закону 23 мая 1949 г. Несмотря на

стремление дистанцироваться от «кабинетных» разработок земельных «бюрократов», ни одна из фракций Парламентского совета не смогла представить альтернативного целостного проекта, который бы одинаково удовлетворял оппонентов и оккупационные администрации. В итоге парламентарии неизбежно обращались к

- 1) опыту предшествующих компромиссов между различными партиями и землями;
- 2) формулировкам профессиональных юристов;
- 3) предложениям, которые не вызвали отторжения оккупационных властей.

И в этом отношении нормы Херренхимзейского проекта концентрировали все эти преимущества, представляя достаточно оптимальную основу для межфракционных переговоров и компромиссов.

Существенные отклонения Основного закона от Херренхимзейских предложений чаще всего лежали в плоскости компетенции федерального центра, а также механизмов гарантий федерализма и демократического порядка. Во-первых, именно эти вопросы зачастую являлись камнем преткновения как между, так и внутри самих фракций Парламентского совета. Непростые переговоры между партийными лидерами и союзниками вели к постоянному пересмотру, казалось бы, уже достигнутых компромиссов, переделке конституционных норм в угоду чьим-либо сложившимся партийным интересам, а иногда и смене конституционной парадигмы (в том числе и в конце апреля 1949 г., накануне утверждения итоговой редакции Основного закона) [18. S. 50–51]. Во-вторых, безоговорочное принятие Херренхимзейского проекта означало бы подтверждение высокого влияния премьер-министров и земельной бюрократии, чего не хотели допустить партийные лидеры. Поэтому, даже принимая положения херренхимзейских разработок, депутаты Парламентского совета останавливались на тех альтернативах, которые утверждали более централизованную модель федерализма и ослабленную палату земель. Исходя из тех же соображений, в Парламентском совете были несколько ослаблены полномочия бундесрата, институт референдума в землях, гарантии финансовой самостоятельности и территориальной целостности земель.

Список источников

1. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949 // Bundesgesetzblatt. 1949. № 1. S. 1–20.
2. Васильев В.И. Германский федерализм: проблемы развития. М.: Компания Спутник+, 2000. 407 с.
3. Blank B. Die westdeutschen Länder und die Entstehung der Bundesrepublik : Zur Auseinandersetzung um die Frankfurter Dokumente vom Juli 1948. München : Oldenbourg, 1995. 375 S.
4. Геймбук Н.Г. Конституционно-правовые дискуссии при принятии Основного закона ФРГ 1949 года // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 41. С. 29–37. doi: 10.17223/22253513/41/3
5. Попов И.Д. Конференции премьер-министров германских земель в 1948–1949 годах и их политическое значение // Научный диалог. 2021. № 1. С. 371–391.
6. Der Parlamentarische Rat, 1948–1949 : Akten und Protokolle. Bd. 1, Vorgeschichte / bearb. von J.V. Wagner. Boppard am Rhein : Boldt, 1975. LXXXVII, 457 S.
7. Morsey R. Die Rolle der Ministerpräsidenten bei der Entstehung der Bundesrepublik Deutschland 1948/49 // 50 Jahre Herrenchiemseer Verfassungskonvent – Zur Struktur des deutschen Föderalismus : Tagungsband zum wissenschaftlichen Symposium vom 19. bis 21. August 1998 im Kloster Seeon / hrsg. Vom Bundesrat. Bonn : Sekretariat des Bundesrates, 1999. S. 35–54.
8. Umbach D.C. Parlamentsauflösung in Deutschland: Verfassungsgeschichte und Verfassungsprozeß. Berlin ; New-York : de Gruyter, 1989. XXX, 775 S.
9. Lange E.H.M. Die Länder und die Entstehung des Grundgesetzes. Teil 2 : Der Einfluß der Ministerpräsidenten auf den Parlamentarischen Rat // Geschichte im Westen. 1990. Jg. 5. H. 1. S. 55–68.

10. Bericht über den Verfassungskonvent auf Herrenchiemsee vom 10. bis 23. August 1948 / Verfassungsausschuss der Ministerpräsidenten-Konferenz der Westlichen Besatzungszonen. München : Pflaum, 1948. 95 S.
11. Gelberg K.-U. Hans Ehard : die föderalistische Politik des bayerischen Ministerpräsidenten : 1946–1954 / K.-U. Gelberg. Düsseldorf : Droste, 1992. XV, 600 S.
12. Fait B. Potsdam – Herrenchiemsee – Bonn: Aspekte der politischen, gesellschaftlichen und staatlichen Entwicklung 1945–1948 // Auf dem Weg zum Grundgesetz: Verfassungskonvent Herrenchiemsee / Haus der Bayerische Geschichte; Barbara Fait; [Red. M. Treml u.a.]. Augsburg : Haus der Bayerische Geschichte, 1998. S. 7–37.
13. Bauer-Kirsch A. Herrenchiemsee. Der Verfassungskonvent von Herrenchiemsee Wegbereiter des Parlamentarischen Rates: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn : Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 2005. 264, CVII S.
14. Der Parlamentarische Rat, 1948–1949 : Akten und Protokolle. Bd. 2, Der Verfassungskonvent auf Herrenchiemsee / bearb. von P. Bücher. Boppard am Rhein : Boldt, 1981. CXXXV, 676 S.
15. Weichenstellung für Deutschland : der Verfassungskonvent von Herrenchiemsee / P. März, H. Oberreuter (Hg.). München : Olzog, 1999. 222 S.
16. Treml M. Der Herrenchiemseer Verfassungskonvent vom August 1948 – die Wiege des Grundgesetzes // Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte. 2018. Bd. 81. H. 2. S. 447–473.
17. Мурашов М.А. Участие западногерманских политических партий в создании ФРГ (1948–1949 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 259 с.
18. Feldkamp M.F. Der Parlamentarische Rat und das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland 1948 bis 1949: Option für die europäische Integration und die Deutsche Einheit. Berlin ; Sankt Augustin : Konrad-Adenauer-Stiftung, 2008. 68 S.
19. Leusser C. Ministerpräsidentenkonferenz seit 1945 // Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard. München : R. Pflaum, [1957]. S. 60–84.
20. Reuter Ch. «Graue Eminenz der bayerischen Politik» : eine politische Biographie Anton Pfeiffers ; (1888–1957): Inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität zu München. München : UNI-Dr., 1985. X, 408 S.
21. Стрелец М.В. Христианско-социальный союз в Баварии (ФРГ): идеология и политика. Брест : Изд-во БГТУ, 2004. 410 с.
22. Kurtenacker S. Der Einfluss politischer Erfahrungen auf den Verfassungskonvent von Herrenchiemsee : Entwicklung und Bedeutung der Staats- und Verfassungsvorstellungen von Carlo Schmid, Hermann Brill, Anton Pfeiffer und Adolf Süsterhenn. München : Herbert Utz Verlag, 2017. 386 S.

References

1. *Bundesgesetzblatt*. (1949) Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland vom 23. Mai 1949. 1. pp. 1–20.
2. Vasil'ev, V.I. (2000) *Germanskiy federalizm: problemy razvitiya* [German federalism: problems of development]. Moscow: Kompaniya Sputnik +.
3. Blank, B. (1995) *Die westdeutschen Länder und die Entstehung der Bundesrepublik: Zur Auseinandersetzung um die Frankfurter Dokumente vom Juli 1948*. München: Oldenbourg.
4. Geymbukh, N.G. (2021) Constitutional and legal discussions during the adoption of the Basic Law of the FRG of 1949. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 41. pp. 29–37. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/41/3
5. Popov, I.D. (2021) Konferentsii prem'er-ministrov germanskikh zemel' v 1948–1949 godakh i ikh politicheskoe znachenie [Conferences of Prime Ministers of the German States in 1948–1949 and their political significance]. *Nauchnyy dialog*. 1. pp. 371–391.
6. Wagner, J.V. (1975) *Der Parlamentarische Rat, 1948–1949: Akten und Protokolle*. Bd. 1, Vorgeschichte. Boppard am Rhein: Boldt.
7. Morsey, R. (1999) Die Rolle der Ministerpräsidenten bei der Entstehung der Bundesrepublik Deutschland 1948/49. In: *50 Jahre Herrenchiemseer Verfassungskonvent – Zur Struktur des deutschen Föderalismus*: Tagungsband zum wissenschaftlichen Symposium vom 19. bis 21. August 1998 im Kloster Seeon. Bonn: Sekretariat des Bundesrates. pp. 35–54.
8. Umbach, D.C. (1989) *Parlamentsauflösung in Deutschland: Verfassungsgeschichte und Verfassungsprozeß*. Berlin; New-York: de Gruyter.
9. Lange, E.H.M. (1990) Die Länder und die Entstehung des Grundgesetzes. Teil 2: Der Einfluß der Ministerpräsidenten auf den Parlamentarischen Rat. *Geschichte im Westen*. 5 (1). pp. 55–68.
10. Pflaum. (1948) *Bericht über den Verfassungskonvent auf Herrenchiemsee vom 10. bis 23. August 1948*. Verfassungsausschuss der Ministerpräsidenten-Konferenz der Westlichen Besatzungszonen. München: Pflaum.
11. Gelberg, K.-U. (1992) *Hans Ehard: die föderalistische Politik des bayerischen Ministerpräsidenten: 1946–1954*. Düsseldorf: Droste.
12. Fait, B. (1998) Potsdam – Herrenchiemsee – Bonn: Aspekte der politischen, gesellschaftlichen und staatlichen Entwicklung 1945–1948. In: Treml, M u.a. (Hg.) *Auf dem Weg zum Grundgesetz: Verfassungskonvent Herrenchiemsee*. Augsburg: Haus der Bayerische Geschichte. pp. 7–37.
13. Bauer-Kirsch, A. (2005) *Herrenchiemsee. Der Verfassungskonvent von Herrenchiemsee Wegbereiter des Parlamentarischen Rates*: Inaugural-Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde der Rheinischen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Bonn. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn.
14. Bücher, P. (1981) *Der Parlamentarische Rat, 1948–1949: Akten und Protokolle*. Bd. 2, Der Verfassungskonvent auf Herrenchiemsee. Boppard am Rhein: Boldt.
15. März, P. & Oberreuter, H. (Hg.) (1999) *Weichenstellung für Deutschland: der Verfassungskonvent von Herrenchiemsee*. München: Olzog.
16. Treml, M. (2018) Der Herrenchiemseer Verfassungskonvent vom August 1948 – die Wiege des Grundgesetzes. *Zeitschrift für bayerische Landesgeschichte*. 81 (2). pp. 447–473.
17. Murashov, M.A. (2005) *Uchastie zapadnogermanskikh politicheskikh partiy v sozdanii FRG (1948–1949 gg.)* [Participation of West German political parties in the creation of the Federal Republic of Germany (1948–1949)]. History Cand. Diss. Moscow.
18. Feldkamp, M.F. (2008) *Der Parlamentarische Rat und das Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland 1948 bis 1949: Option für die europäische Integration und die Deutsche Einheit*. Berlin; Sankt Augustin: Konrad-Adenauer-Stiftung.
19. Leusser, C. (1957) Ministerpräsidentenkonferenz seit 1945. In: *Festschrift zum 70. Geburtstag von Dr. Hans Ehard*. München: R. Pflaum. pp. 60–84.
20. Reuter, Ch. (1985) *“Graue Eminenz der bayerischen Politik”: eine politische Biographie Anton Pfeiffers; (1888–1957)*: Inaugural Dissertation zur Erlangung des Doktorgrades der Philosophie an der Ludwig-Maximilians-Universität zu München. München: UNI-Dr.
21. Strelets, M.V. (2004) *Khristiansko-sotsial'nyy soyuz v Bavarii (FRG): ideologiya i politika* [Christian Social Union in Bavaria (Germany): ideology and politics]. Brest: Brest State Technical University.
22. Kurtenacker, S. (2017) *Der Einfluss politischer Erfahrungen auf den Verfassungskonvent von Herrenchiemsee*: Entwicklung und Bedeutung der Staats- und Verfassungsvorstellungen von Carlo Schmid, Hermann Brill, Anton Pfeiffer und Adolf Süsterhenn. München: Herbert Utz Verlag.

Информация об авторе:

Попов И.Д. – канд. ист. наук, доцент кафедры всеобщей истории Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова (Архангельск, Россия). E-mail: i.d.popov@narfu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.D. Popov, Cand. Sci. (History), associate professor, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russian Federation). E-mail: i.d.popov@narfu.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 10.07.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 10.07.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 94(575.2).084.2/.3
doi: 10.17223/15617793/498/12

Постоянное представительство Кыргызстана при Президиуме ВЦИК в 1924–1927 гг.

Тимур Азизбекович Рыскулов¹

¹ *Институт истории и этнологии им Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан, Алматы, Казахстан, Timur-Eccehomo-1988@yandex.ru*

Аннотация. Рассматривается образование и деятельность постоянного представительства Кыргызстана в Москве при Президиуме ВЦИК в 1924–1927 гг. Исследование основано на архивных материалах, выявленных в Центральном государственном архиве Кыргызской Республики. Выявлено, что деятельность постоянного представительства во многом способствовала повышению государственно-правового статуса Кыргызстана от автономной области до автономной республики в 1926 г.

Ключевые слова: постоянное представительство, Кыргызстан, Турдалы Токбаев, Президиум, ВЦИК

Для цитирования: Рыскулов Т.А. Постоянное представительство Кыргызстана при Президиуме ВЦИК в 1924–1927 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 106–119. doi: 10.17223/15617793/498/12

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/12

Permanent Mission of Kyrgyzstan to the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in 1924–1927

Timur A. Ryskulov¹

¹ *Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov, Almaty, Republic of Kazakhstan, Timur-Eccehomo-1988@yandex.ru*

Abstract. The aim of the study is to consider the history of the establishment and activities of the Permanent Mission of Kyrgyzstan in Moscow under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in the period of 1924 to 1927. The study is based on archival materials identified in the Central State Archive of the Kyrgyz Republic. In particular, I studied the affairs of the 1246 fund, dedicated to the representation of Kyrgyzstan at the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in the period of 1924 to 1930. The documents represent a working correspondence between the Permanent Mission and the Soviet state and economic bodies of Kyrgyzstan and RSFSR. In addition, each quarter, the Mission sent information on the work done to the central Kyrgyzstan authorities. The Permanent Mission under the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee was established in November 1924 by a resolution of the Revolutionary Committee of the Soviets of Kyrgyzstan. The Mission was headed by a prominent statesman Turdaly Tokbayev. Starting in January 1925, Tokbayev, together with his deputy Drugov, carried out work on the actual organization of the Mission. The main tasks of the Mission were to protect and promote the interests of Kyrgyzstan in the highest central state and economic institutions. Also, the Permanent Mission carried out foreign trade operations of the republic. The protection and promotion of the interests of Kyrgyzstan was expressed in the filing of requests for political, financial and material support for events held in the republic in the frame of Soviet nation-building and economic construction. In particular, the Mission sought to increase the volume of bank capital, restore agriculture, provide consumer goods, provide a fuel-energy basis and transport infrastructure in Kyrgyzstan. In addition, the Mission worked to attract professional managerial, economic and sanitary-medical personnel, establish state borders, as well as normalize interethnic relations in Kyrgyzstan. The Mission achieved considerable results in the scientific, educational and printing spheres. The Mission also actively supported the strengthening of cultural ties between Kyrgyzstan and Russia. Thus, the organization and activities of the Permanent Mission in Moscow in 1924–1927 solved a number of important tasks of the national-state and cultural-economic construction of Kyrgyzstan. The Mission was able to achieve the allocation of significant financial resources for the development of key economic sectors, which led to economic growth in the country. The Mission successfully resolved issues related to the establishment of state borders of the republic and in the social and cultural spheres of Kyrgyzstan. In general, the activities of the Mission contributed to the increase of the state-legal status of Kyrgyzstan from an autonomous region to an autonomous republic in 1926.

Keywords: permanent mission, Kyrgyzstan, Turdaly Tokbayev, Presidium, All-Russian Central Executive Committee

For citation: Ryskulov, T.A. (2024) Permanent Mission of Kyrgyzstan to the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee in 1924–1927. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 106–119. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/12

Изучение истории организации и деятельности постоянного представительства Кыргызстана в Москве в 1924–1927 гг. дает возможность рассмотреть весьма важные моменты и процессы национально-государственного становления Кыргызстана от обретения статуса национальной автономной области и в ходе ее дальнейшего развития в составе РСФСР и СССР. Также исследование данной темы позволяет рассмотреть и определить формы взаимодействия между Кыргызстаном как национальной автономной областью и Москвой как федеративным и союзным центром – местом, где формировалась политика Советского государства в отношении к национальным республикам и автономным областям. В свою очередь, изучение компонентов взаимодействия между центром и автономией позволяет понять ход государственного строительства Кыргызстана, заключавшегося в развитии общественно-политической, идеологически-правовой, социально-экономической и научно-культурной сфер в обозначенный период времени. Кроме того, изучение деятельности представительства в Москве дает полную картину стоявших перед Кыргызстаном проблем и задач, позволяя узнать, как и кем они решались, что из планировавшихся мероприятий было осуществлено, а что нет, и по какой причине.

Цель настоящей статьи – осветить историю образования и деятельности постоянного представительства Кыргызстана в Москве при Президиуме ВЦИК в 1924–1927 гг. Для достижения поставленной цели планируется решить несколько исследовательских задач:

1. Рассмотрены исторические условия и предпосылки образования постоянного представительства в 1924 г.
2. Проанализирована деятельность постоянного представительства по ряду ключевых направлений его работы (экономика, кадровые вопросы, социальная сфера, наука и культура и пр.).
3. Определены роль и вклад в организацию и работу постоянного представительства в 1924–1927 гг. его первого руководителя Турдалы Токбаева.
4. Показаны основные достижения и неудачи представительства в 1924–1927 гг.

Учреждение в 1924 г. и деятельность в период с 1925–1927 гг. полномочного представительства Кыргызстана в Москве при Президиуме ВЦИК как отдельный предмет исследования в отечественной исторической науке не рассматривались. Такое положение в историографии республики применимо как к советскому, так и долгое время к современному периоду. Можно привести всего несколько работ, где постоянное представительство Кыргызстана при ВЦИК и его первый руководитель Турдалы Токбаев фигурируют в общем контексте национально-государственного строительства и общественно-политического развития советского Кыргызстана в период 1924–1927 гг. Так, в работах авторов А.С. Бегалиевой [1], А. Джунушева [2], Д.М. Малабаева [3], С.А. Смадиярова [4], посвященных образованию советских исполнительных органов Кыргызстана, постоянное представительство буквально в двух словах рассматривается как составляющая часть Ревкома и Исполкома Советов. Только в 2016 г. тема представительства Кыргызстана в Москве

при Президиуме ВЦИК получила подробное освещение в труде Т.А. Рыскулова. В работе представлены основные вехи образования и деятельности указанного органа в период 1924–1927 гг., его вклад в развитие республики, а также определены роль и вклад Турдалы Токбаева в должности главы постоянного представительства [5].

Историография, посвященная личности Турдалы Токбаева, первого постоянного представителя Кыргызстана в Москве при ВЦИК и одного из заметных советско-партийных деятелей республики в 1920–1930-х гг., также не отличается большим разнообразием научных и публицистических трудов. Впервые имя Т. Токбаева появилось в статье Тураара Рыскулова в 1935 г. «Февральская революция», где повествуется о создании в г. Мерке Аулие-Атинского уезда (ныне Казахстан) молодежной организации «Союз Революционной Киргизской (Казахской) молодежи», куда входили представители казахской и кыргызской молодежи. В числе кыргызских участников этой организации назван Турдалы Токбаев [6. С. 38]. Следующее появление Турдалы Токбаева на страницах научной и публицистической печати относится уже к 1977 г., в совместной статье казахского архивиста В. Алиханова и кыргызского историка С. Бегалиева, показавших Турдалы Токбаева идейным революционером и борцом за установление советской власти в Туркестане [7. С. 19–20]. Последним по времени трудом, осветившим новые страницы биографии Т. Токбаева, является монография З.К. Курманова (2005 г.), где очень подробно и обстоятельно рассматривается внутрипартийная борьба в партийном аппарате Киргизского областного ВКП(б), в которой Т. Токбаев выступал как верный соратник кыргызского национального и политического лидера Абдыкерима Сыдыкова в его противостоянии с группировкой Рахманкула Кудайкулова [8. С. 136].

Начиная с первых дней своего образования Кара-Киргизская автономная область (ККАО)¹ столкнулась с крайним дефицитом средств и профессиональных управленческих кадров, от наличия которых зависел ход дальнейшего национально-государственного строительства и социально-экономического развития. Решение указанных проблем в тот момент было возможно только при поддержке центральных органов РСФСР и СССР, а для получения такой поддержки требовалось постоянное сообщение между автономной областью и Москвой. Выполнение такой функции было возложено на учрежденное постоянное представительство ККАО при Президиуме ВЦИК.

Будучи субъектом РСФСР, Кыргызстан имел право на организацию собственного полномочного представительства при Президиуме ВЦИК, высшего исполнительного органа Российской Федерации. Для этого в ноябре 1924 г. Ревком Кара-Киргизской автономной области на одном из заседаний [9. Л. 26 об.] вынес постановление об учреждении постоянного представительства при Президиуме ВЦИК. Там же на должность постпреда был назначен Турдалы Токбаев – видный партийный и советский деятель, в прошлом замнаркома народного просвещения Туркестанской республики, который не понаслышке знал о проблемах и потребностях Кыргызстана.

Правовой основой для создания представительства Кыргызстана в высшем исполнительном органе РСФСР стало постановление от 9 апреля 1924 г., согласно которому учреждалось представительство Туркестанской АССР при Президиуме ВЦИК [10. Л. 21], в результате чего у данного национального представительства появилась возможность осуществлять защиту интересов народов Туркестана в Москве, способствуя их культурному и экономическому развитию и в целом всего края. Представительству Туркестана предстояло вести дела огромного региона, имевшего важное стратегическое географическое положение и вместе с тем богатого природными ресурсами. Затем, с ликвидацией в конце 1924 г. Туркестанской АССР по итогам размежевания автоматически упразднялось и ее представительство, взамен которого предполагалось организовать постоянное представительство ККАО.

Первые шаги по созданию постпредства Кыргызстана начались с конца ноября 1924 года, когда врио постпреда А. Другов занимался организационно-хозяйственными вопросами, и, в частности курировал ход передачи, положенных представительству Кыргызстана, имущества и денежных средств представительства упраздненной ТАССР [11. Л. 3–5]. Однако такая работа потребовала несколько больше времени, чем ожидалось. Уже после того, как в январе 1925 года Т. Токбаев вступил в должность постпреда [12. Л. 10], получение необходимого помещения для представительства, растянулось на 2–3 месяца. Т. Токбаев вместе с А. Друговым вели переговоры с Московским Управлением Недвижимого Имущества и наркоматом иностранных дел (НКВД). После, по тому же вопросу, вели переписку с представительством Узбекской ССР [11. Л. 172, 173]. И, в конечном итоге, помещение для представительства было найдено.

Главными задачами представительства Кыргызстана при Президиуме ВЦИК стало отстаивание и продвижение интересов республики, входя в центральные органы РСФСР и прочие ведомства с ходатайствами и прошениями. Также представительство осуществляло функции сообщения и координации между областными органами ККАО и РСФСР. Представительство также являлось информационным центром, откуда Кыргызстан узнавал о происходящих в Москве и в СССР мероприятиях и событиях. Любому государственному органу, ведомству, организации при начале какой-либо деятельности связанной с Кыргызстаном, следовало обращаться в представительство для получения нужных сведений. В свою очередь, последнее передавало ту или иную просьбу в ККАО, по принадлежности. Также в представительстве можно было получить всю доступную информацию о стране.

До осени 1925 г. состоялось несколько совместных заседаний сотрудников представительства с работниками областного исполнительного комитета Советов и делегацией областного комитета РКП (б) Кыргызстана. На этих заседаниях вырабатывался порядок деятельности представительства, утверждался круг вопросов, которые необходимо было провести через центральные ведомства и учреждения. На заседаниях был

утвержден постоянный штат представительства включавшего делопроизводителя, секретаря, машинистку, курьера, консультанта, водителя и техничку. Также представительству отныне поручалось вести дела торгпредства Кыргызстана. Было принято решение, по которому все посылаемые ходатайства в центр из органов ККАО обязательно поступали через представительство. Представительство должно было внимательно следить за всеми происходившими в центре событиями и мероприятиями, и постоянно информировать облисполком Советов Кыргызстана об этом [11. Л. 114, 114 об.].

21 октября 1921 г. на заседании Президиума областного исполнительного комитета Советов КАО было подготовлено и утверждено «Положение о Представительстве КАО в Москве при Президиуме ВЦИК» [10. Л. 21–24]. Положение состояло из 13 статей. В них говорилось, что представительство ставит своей задачей защиту во всех центральных учреждениях РСФСР и СССР политических, экономических и культурных интересов КАО; проведение во всех центральных учреждениях РСФСР разного рода мероприятий и решение вопросов, касающихся как КАО в целом, так и отдельных учреждений. Также представительство информировало о происходивших событиях как в области, так и в центре [10. Л. 21–24]. Было сказано, что для осуществления этих задач на представительство возлагается возбуждение ходатайств, касающихся КАО во всех органах РСФСР; участие с правом совещательного голоса во всех учреждениях РСФСР, а также в междуправительственных и ведомственных комиссиях. Представительство обязывалось давать заключение по тем или иным вопросам, касавшимся КАО, если это требовалось со стороны центральных органов. А также имело право на получение различного рода справок, сведений и материалов во всех центральных органах [10. Л. 21–24].

Согласно положению, постоянный представитель назначался облисполком ККАО, утверждался Президиумом ВЦИК и находился под общим руководством последнего, при этом действуя по директивам облисполкома [10. Л. 21–24]. Ставя какие-либо вопросы перед Президиумом ВЦИК, представитель должен был вносить их через Отдел национальностей ВЦИК. Также постпред обязывался готовить и отсылать отчеты о деятельности представительства как в область, так и во ВЦИК. Материальное содержание постпреда находилось в ведении Президиума ВЦИК. Остальные же расходы на представительство осуществлялись за счет бюджета КАО. Для устранения несогласованного выступления на рынках РСФСР при представительстве учреждалась должность торгпреда, ведавшего всеми торговыми сделками государственных кооперативных организаций Кыргызстана с целью объединения их торговой деятельности за пределами республики [10. Л. 21–24].

Постоянное представительство Кыргызстана в Москве при Президиуме ВЦИК занималось решением вопросов республики по всем направлениям национально-государственного и культурно-хозяйственного

строительства, главнейшими из которых был блок экономических, финансовых, торговых и кадровых вопросов. Также в повестке находились политико-административные и социальные вопросы, имевшие большую значимость для республики. Кроме того, в задачу постоянного представительства входило проведение широкомасштабных мероприятий в Кыргызстане, направленных на становление и развитие науки, печатного дела, расширение сети народного образования, ликвидацию неграмотности и пр.

Рассмотрим работу постоянного представительства по вопросам, входившим в первый, экономический, блок. В первую очередь представительством решались вопросы развития финансовой сферы республики, к которым относятся: сокращение дефицита бюджета, увеличение основных капиталов банковских учреждений, установление величины сельскохозяйственного налога и отчислений по промышленному налогу в Кыргызстане [13. Л. 7, 12]. Так, с целью получения средств для сокращения дефицита бюджета республики постоянное представительство направляло ходатайства и отношения в Малый СНК РСФСР, Фонд маломощных республик, Фонд помощи бедняцким хозяйствам, а также Субвенционный фонд РСФСР [5. Л. 7, 23; 14. Л. 172, 172 об., 173]. В указанных учреждениях ежегодно предполагались к выдаче определенные суммы на нужды государственных субъектов РСФСР, порой даже находились неиспользованные средства. Имея об этом информацию, представительство настойчиво ходатайствовало о выдаче части этих средств. Для увеличения банковского капитала в республике, в особенности Киргизского сельскохозяйственного банка, постоянное представительство посылало ходатайства в Центральный Сельскохозяйственный банк и Российский Сельскохозяйственный банк [13. Л. 17], имея поддержку СНК РСФСР. Отметим, что баланс всех банков в Кыргызстане составлял на 1 октября 1924 г. 107 тыс. руб. По итогам работы постоянного представительства удалось увеличить банковский капитал республики до 700 тыс. руб. в 1925 г., который однако понизился до 520 тыс. руб. в 1926 г. [15. С. 36, 40]. Кроме того, представительство ходатайствовало перед НКФ РСФСР об открытии отделения Промышленного банка России в г. Фрунзе [13. Л. 17].

Постпредство вело большую работу по созданию фискально-налоговой системы Кыргызстана. 1 января 1925 г. в ККАО были открыты Пишпекский и Ошский окружные финансовые отделы, однако, еще необходимо было создать соответствующие органы в Джалал-Абадском и Каракольском округах [16. Л. 3], на что требовалась поддержка и разрешение центральных органов. Кроме того, следовало укомплектовать аппарат новых фискальных органов и усилить штаты уже имеющих профессиональными кадрами. Учитывая, что своих кадров в республике не было, требовалось их восполнение из Москвы и других крупных городов РСФСР/СССР. Для проведения означенных вопросов постоянное представительство подавало прошения в Наркомат финансов и СНК РСФСР [16. Л. 95, 96].

В 1924–1926 гг. в сельском хозяйстве Кыргызстана продолжался восстановительный период, учитывая

масштабы ущерба после Среднеазиатского восстания 1916 г., гражданской войны и ряда неурожайных лет. Основной целью партийных и советских органов республики стало достижение показателей 1914 г. Так, стоимость валовой продукции сельского хозяйства в 1914 г. в уездах будущего Кыргызстана составила 60,2 млн руб., из них на долю полеводства приходилось почти 70%, а на животноводство – чуть больше 30% [15. С. 15]. Довоенная (1914 г.) посевная площадь составляла 560 тыс. десятин земли, в восстановительный период удалось достичь показателя только в 386 тыс. десятин [15. С. 18]. Кроме того, засоренность посевов, отсутствие фуражной базы в республике сильно тормозили подъем сельского хозяйства, на фоне недостатка сельскохозяйственных кредитов и дефицита семенного материала и инвентаря.

Для достижения поставленной цели Фонд восстановления и развития сельского хозяйства, промышленности, коммунальных хозяйств Кыргызстана в качестве одной из первых задач выделил развитие полеводства. Сюда входили: испытание, распределение выгодных сортов семенного материала, установление рационального севооборота, а также организация опытных станций в районе Пишпека и Оша, организация семенных станций по выведению чистых сортов семян местного хлеба [17. Л. 33–47]. Эти вопросы постпредство прорабатывало по линии Госплана и ВСНХ. Кроме того, им подана заявка по введению в сельское хозяйство республики культуры кендыря, считавшейся перспективной, для чего направлялись ходатайства на проведение опытных изысканий [17. Л. 51–52, 192, 212].

Другим преобразованием сельского хозяйства и одновременно промышленности Кыргызстана стало развитие культуры сахарной свеклы и дальнейшее свеклосахарное производство в 1924–1927 гг. Первоначально было запланировано организовать опытные посевы, оборудовать лаборатории, издать популярную литературу и провести опытные посевы в Пишпекском и Каракольском округах [17. Л. 33–35]. Затем предполагалось открыть два свеклосахарных завода в Краснореченском и Беловодском участках общей производительностью 800 тыс. пудов, три свеклосахарных завода в Токмакском районе и три завода в Ат-Башинском районе [17. Л. 11а]. Осуществление данных проектов планировалось произвести до 1930 г. [17. Л. 40, 41]. Представительство за 1925–1927 гг. осуществляло подачу прошений и ходатайств в Госплан, ВСНХ, а также в Президиум особого совещания по восстановлению основного капитала промышленности (ОСВОК) [6. Л. 172, 173; 11. Л. 25; 13. Л. 19]. Отметим, что перспективы развития свеклосахарного производства в Кыргызстане положительно рассматривались федеративными и союзными ведомствами, поэтому в 1926–1927 гг. представительству удалось получить определенные суммы на развитие опытного свеклосахарного завода в республике [13. Л. 10, 24].

Развитие хлопководства в Кыргызстане и продвижение связанных с этим вопросов являлись важным предметом деятельности представительства. В период 1924–1926 гг. хлопок в республике дал рост посева, на 30% превышающий довоенный (1914 г.). В этот же период предполагалось собрать хлопка-сырца свыше

2 млн пудов [15. С. 19]. Такое положение объясняется во многом тем, что из выдаваемых кредитов на развитие сельского хозяйства в республике свыше 60% выделялось на производство хлопка [15. С. 19]. Так, из 2,4 млн руб. в 1924–1926 гг. на хлопок выделено кредитов на сумму в 1,3 млн руб.; из 4,3 млн руб. в 1925–1926 гг. выделено 2,3 млн руб. [15. С. 20]. Кроме того, важным событием стало совещание хлопкоробов южной части КАО [18. Л. 2] с участием руководства Кыргызстана, прошедшее 5–6 декабря 1925 г. На совещании были выработаны восемь пунктов, важным и главным из которых было создание самостоятельной единой республиканской конторы по централизованной скупке, заготовке, а также сбыту всего производимого в Кыргызстане хлопка. В подчинение конторе должны были войти и все хлопковые предприятия республики. Также на совещании рассматривался вопрос об опытных посевах хлопка в северных районах Кыргызстана. Кроме того, запланированы были и другие мероприятия, связанные с постройкой трех новых хлопкоочистительных заводов, обеспечением семенами и инвентарем хлопкоробов, обеспечение учебной литературой сельского населения по занятию хлопководством. Все поставленные вопросы представительству предстояло решать по линии Главного хлопкового комитета, Государственной плановой комиссии и Совета труда и обороны. Эти вопросы представительство решало, находясь в тесной связи с плановой комиссией Кыргызстана [18. Л. 7], присутствуя на заседаниях комиссий, и выступая с ходатайствами. Также представительство принимало участие на проходившем в 1926 г. Хлопковом съезде, где попыталось провести вопрос о создании собственной республиканской хлопковой конторы, однако данный вопрос на съезде не поднимался [13. Л. 3, 4].

Производство опийного сырья имело большое значение в развитии фармацевтики как в Кыргызстане, так и в СССР в целом, поэтому представительству было поручено заниматься продвижением вопросов развития опийного дела в республике. В качестве первого шага требовалось заручиться поддержкой государственной комиссии по регламентации опийного дела в СССР под руководством Я.Э. Рудзутака [13. Л. 15]. Также постоянное представительство вело переговоры с Акционерным обществом по сбору и переработке опия [13. Л. 22] для продвижения проекта по строительству завода по переработке опийного мака в Караколе [17. Л. 45]. За 1925–1927 гг. представительству удалось в целом получить одобрение центральных органов на получение ассигнований на развитие отрасли.

Кыргызстан за годы советской власти стал страной высокоразвитого овцеводства с многомиллионным поголовьем продуктивных пород шерстно-мясного направления. Именно в рассматриваемый нами период закладывались самые основы продуктивного промышленного овцеводства в республике. Постоянному представительству в данном деле также принадлежит большая заслуга. Сами природные условия Кыргызстана благоприятствовали развитию отрасли. До революции кыргызские земли поставляли на внутренний и внешний рынки свыше 200 тыс. голов мелкого скота [15. С. 16].

Также предметом экспорта были шерсть и мясные продукты. Овечье стадо в республике в основном состояло из курдючных пород, шерсть которых ценится меньше по сравнению с мериносами, которых тогда насчитывалось 15 тыс. голов [15. С. 17]. Для развития животноводства в республике предполагались меры по улучшению пород овец путем завоза мериносов и гиссарской породы, открытия кооперативно-животноводческих товариществ, помощь населению в разведении улучшенных пород овец. Правительство КАО планировало организовать четыре мериносовых овчарни (5 тыс. маток и 40 баранов) по одной на округ КАО [17. Л. 36, 37]. Кроме того, требовалась закупка производителей для овцеводства и разведения крупного рогатого скота.

Данные вопросы также требовалось решать через центральные ведомства, для чего представительство вело работу с Государственным сельскохозяйственным складом и Народным комиссариатом рабоче-крестьянской инспекции СССР, рассматривавший вопрос по установке в Кыргызстане акционерным обществом «Овцевод» двух племенных овчарен местных пород и двух тонкорунных [17. Л. 18]. В итоге в 1926–1927 гг. республика вошла в акционерное общество «Овцевод» и отвела участок земли в 30 тыс. десятин для организации разведения мериносовых овец. Данное общество должно было внедрять способы разведения мериносового овцеводства и оказывать местному населению всяческую помощь [15. С. 17].

В компетенцию представительства входили вопросы, связанные с развитием легкой и перерабатывающей промышленности в Кыргызстане. Это такие отрасли, как энзимовое и консервное производство; шелководство, текстильное, а также кожевенное, цементное, кирпичное, и деревообрабатывающее производство. Развитие указанных промышленных отраслей в Кыргызстане в исследуемый период имело огромное значение для развития всей экономики в целом, поскольку прогресс в области легкой и перерабатывающей промышленности позволял республике повысить доходы, сократив дефицит бюджета. При этом сокращалась зависимость от импорта, а производимые в республике новые товары могли быть экспортированы в соседние страны региона.

Для решения комплекса указанных вопросов были сотрудники представительства для ведения переговоров с предприятиями энзимовой промышленности в России с целью приобретения сырья и оборудования [17. Л. 90, 94, 133–133 об., 134–134 об.] при тесном сотрудничестве с Киргизским промышленным трестом. Представительство стремилось форсировать развитие в Кыргызстане консервного производства, учитывая потенциально большие объемы мяса и плодовоовощных культур. Представительство пыталось как можно быстрее получить поддержку центральных органов на развитие указанной отрасли. Неоднократно в ВСНХ РСФСР направлялись сотрудники представительства на заседания профильных комитетов [17. Л. 50]. Известно, что в пятилетний план развития консервной промышленности в СССР, не был включен среднеазиатский регион, поэтому представительство выдвинуло вопрос о пересмотре всего плана [13. Л. 21].

Отрасль шелководства для республики была также определена как перспективная. Предполагалось организовать новогренажные заведения в городе Джалал-Абад и расширить гренажные заведения в городе Ош. Планировалось также организовать два тузовых питомника в Пишпекском и Джала-Абадском округах, а кроме того, расширить инструкторский аппарат [17. Л. 37, 38]. По данным вопросам представительство сообщалось с ВСНХ и СНК РСФСР. Также намечалось строительство шелкомотальной фабрики на период 1926–1927 гг. [17. Л. 110]. Кроме того, представительство прилагало значительные усилия, добиваясь от центральных органов и учреждений всесторонней поддержки в деле развития текстильного и кожевенного производств. Так, предполагалось построить текстильную фабрику в южной (хлопководческой) части Кыргызстана стоимостью 2,5 млн руб., а также создать суконную и обувную фабрики общей стоимостью 900 тыс. руб. [17. Л. 12, 45]. Осуществить данные проекты планировалось за период 1930–1935 гг., однако уже тогда представительство пыталось ускорить и форсировать их реализацию в республике. Представительство вело работу по линии Госплана, ВСНХ и Наркомфина по вопросу постройки кожевенного завода, а также завода по производству дубильных экстрактов. К продвижению данных вопросов представительство приступило сразу с 1925 г., на период 1926–1927 гг. получив согласие центра на финансирование строительства объектов, однако не добившись средств на оборотный капитал будущих предприятий [14. Л. 172, 173; 17. Л. 11а].

В тот период Кыргызстану крайне необходимо было наладить собственное производство строительных материалов, учитывая растущие потребности республики, и в первую очередь производство кирпича и цемента. В ноябре–декабре 1925 г. представительство подало заявку на строительство цементного завода стоимостью в 1,5 млн руб. на период 1928–1930 гг. Также были отправлены заявки на техническое дооборудование чуйского цементного завода близ города Фрунзе (Бишкек), а также на постройку завода производительностью в 3 млн пудов в южной части республики вблизи каменноугольных копий [17. Л. 12, 54, 113]. Кроме того, планировалось построить два кирпичных завода: один в Пишпекке, другой в Джалал-Абаде за период 1927–1928 гг. Всего требовалось 110 тыс. руб. В данном вопросе представительство удалось получить поддержку и одобрение на реализацию проектов у Промплана ВСНХ РСФСР, однако сроки увеличились до 1929 г. [17. Л. 22, 85, 86].

Учитывая богатый лесной потенциал республики, руководство Кыргызстана поставило представительству в Москве задачу развить деревообрабатывающую промышленность. В частности планировалось переоборудование лесопильного завода в Каракольском округе, устройство в нем новой лесопилки, а также лесопилки в Кебенском лесничестве годовой производительностью 500 тыс. пудов и стоимостью 90 тыс. рублей [14. Л. 172, 173; 17. Л. 188–188 об., 189–189 об.]. Также в конце 1925 г. планировалось построить фанерный траншировочный завод в Базар-Кургане, годовой

производительностью 6 тыс. куб. футов орехового напыва (очень ценного материала для мебельного производства), а также наладить здесь деревообработку арчи за 1927–1928 гг. Предприятие стоимостью в 200 тыс. руб. планировалось организовать в 1926–1927 г. [17. Л. 11а, 12]. По указанным проектам представительству удалось добиться финансирования на строительство самих предприятий на период 1927–1928 гг., однако не удалось получить средств на оборотный капитал.

В указанное время крайне насущно стояли вопросы развития коммунального строительства и инфраструктуры городов и населенных пунктов Кыргызстана. Это предполагало строительство зданий административного, хозяйственного, социального и прочего характера, обеспечение водоснабжением и электричеством главных городов республики, а также проведение и ремонт дорог, улиц и площадей. В частности, предстояло провести установку водопровода, арычной сети, мощение площадей, постройку гостиниц в городах Пишпекке, Оше, Джалал-Абаде, Караколе. Далее рассматривались вопросы установления конной узкоколейной дороги и электростанции в Караколе и такой же электростанции в Джалал-Абаде для обеспечения жителей электричеством [17. Л. 46, 47]. Планировалась постройка зданий конторы Киргизского управления строительства, новых школ, а также дома дехканина в Пишпекке [17. Л. 188–188 об.; 19. Л. 153]. К данному перечню можно отнести строительство и оборудование таких хозяйственных объектов, как фруктовая сушилка в Каракольском округе, строительства мясных боен, холодильных помещений. От продвижения данных проектов зависел уровень санитарной безопасности, а также обеспечивалась лучшая сохранность продуктов питания. Сюда же можно отнести работу постоянного представительства в Москве по устройству таких санаторно-курортных мест, как Иссык-Ата близ Пишпека и курорта Арасан [13. Л. 18; 17. Л. 39]. По данным вопросам представительство вело переговоры с Наркоматом финансов, Народным комиссариатом здравоохранения, НКВД и Центральным коммунальным банком. Представительству пришлось посетить не одно заседание учреждений, подать не один протест для того, чтобы решение указанных вопросов сдвинулось с места.

В указанное время большие усилия постоянное представительство в Москве предпринимало в деле развития внутренней и внешней торговли Кыргызстана. В период 1920–1930-х гг. снабжение Кыргызстана товарами широкого потребления зависело как от развития собственных промышленной и потребительской кооперации, так и в большей степени от ввоза из СССР. Поэтому для развития местной потребительской и промысловой кооперации представительство должно было вести переговоры о включении местных потребсоюзов (в частности Пишпекского и Джала-Абадского) в центральное учреждение – Всероссийский союз промысловой кооперации, а также выделения для них средств [13. Л. 37]. Пребывание в нем давало возможность быстрого и всестороннего развития многих отраслей хозяйства в республике. Снабжение

региона товарами широкого потребления, в частности хлебом, чаем, и сахаром, было одним из направлений деятельности постпредства. Решение этого вопроса зависело от двух составляющих: первое – включение стран Средней Азии и в частности Кыргызстана в разрабатываемую товарно-проводящую сеть для завоза хлеба и промтоваров, и второе – открытие в Кыргызстане отделений союзных трестов и синдикатов («Сельмаш», «Часуправление», «Сахаротрест») [13. Л. 37]. Также следует отметить участие представительства (как уполномоченного от Кыргызстана) в учреждении Среднеазиатского акционерного общества по заготовке, переработке и торговле хлебопродуктами «Азиохлеб» с центром в Ташкенте [18. Л. 62, 62 об., 63]. Для этого представительство вело переговоры, подавало протесты на заседаниях Госплана СССР, в Отдел национальностей ВЦИК РСФСР уполномоченному СТО в Средней Азии.

Основная торгово-заготовительная организация республики «Кирторгсырье» вела различные операции по закупке и продаже товаров в Москве, поэтому в этих сделках было задействовано представительство. Кирторгсырье на союзный рынок поставляло шерсть и пушнину, для чего представительство добилося включения этой организации в основные заготовители шерсти и получения для нее кредитов [13. Л. 1]. Также представительство курировало вопросы экспорта из Кыргызстана на союзный и мировой рынок, в частности экспорт орехового напльва, кашгарской шерсти, хлопка; им посылались образцы в Германию, Швецию, Францию, Англию. Для этих целей представительство общалось с Русско-Германским торгово-промышленным обществом и Московским промышленным союзом [13. Л. 1]. Кроме того, постановлением Совета труда и обороны СССР 15 февраля 1923 г. был утвержден устав Российско-Восточной торговой палаты, которая ставила целью «содействовать экономическому сближению России с советскими республиками Бухары и Хорезма, а также с Персией (Иран), Турцией, Афганистаном, Монголией, Китаем и Японией на почве торгово-промышленных интересов». Представительство в своем докладе в Областной исполнительный комитет Киргизской автономной области указывало: «... (Р) ВТП несет очень большую работу, которая касается нас (КАО), желательно было бы как члену (Р) ВТП пользоваться их поддержкой во всех вопросах, касающихся нашей работы на Востоке» [13. Л. 23]. Представительство по этим вопросам вело предварительные переговоры с НК Торговли РСФСР/СССР, а также с Главным экономическим управлением ВСНХ РСФСР [13. Л. 23].

Одним из важных направлений деятельности представительства в Москве было продвижение проектов и мероприятий по развитию топливно-энергетической отрасли Кыргызстана, поскольку все дальнейшее экономическое развитие республики требовало стабильного обеспечения топливом и электричеством. Так, в ноябре–декабре 1925 г. предполагалось организовать нефтедобычу на юге республики в местности Аиме с годовой добычей на сумму в 500 тыс. руб., а также прове-

сти ремонт и пуск нефтеперерабатывающих предприятий в местечке Хилково. На данные мероприятия требовалось 900 тыс. руб. Сюда же добавлялась поставка добычи и выварки озокерита. По плану правительства Кыргызстана указанные проекты предполагалось осуществить за 1926–1927 гг. [17. Л. 12, 14, 15]. Для разрешения данных вопросов представительство вело работу по линии ВСНХ РСФСР.

В сравнении с нефтяной отраслью, для Кыргызстана намного перспективнее считалось развитие угольной промышленности, поскольку на момент национального размежевания в республике имелось пять крупных угольных копий, из них три находилось в Джалал-Абадском, и по одному – в Ошском и Нарынском округах [17. Л. 11а, 19]. Кроме того, на севере страны имелись угленосные участки в районах рек Чу и Карабалты [15. С. 27]. Отметим, что на копиях Кызыл-Кия добывалось 65% всего угля в Средней Азии. В октябре 1925 г. копи Кызыл-Кия вошли на договорных началах с Узбекистаном в промышленное объединение «Феруголь» [15. С. 27]. Всего же запасы угля республики на тот период оценивались в 16 млрд пудов. В этой сфере представительство работало над развитием копий Кок-Янгака (с. Михайловка), где предполагалось увеличить годовую добычу угля с 4 млн пудов до 10 мм. Также представительство проводило вопросы по началу разработок Нарынского угольного бассейна. Помимо развития собственно производства предполагалось создать соответствующую транспортную инфраструктуру [17. Л. 54]. Здесь представительство напряженно работало с ВСНХ, СНК РСФСР, а также с Госбанком.

Вопросы электрификации Кыргызстана также занимали приоритетное направление в деятельности постоянного представительства в Москве. В 1925–1927 гг. по данному вопросу было намечено устройство Аламединской электростанции и переоборудование уже имевшейся ЭС в Пишпекке, а также оборудование Джала-Абадской электростанции и строительство ГЭСа близ города Ош [14. Л. 172, 173]. Данные мероприятия соответствовали союзным планам электрификации Средней Азии, однако серьезную обеспокоенность у представительства вызывало урезание финансирования со стороны Наркомфина СССР, а также задержка по срокам выполнения указанных мероприятий, опять-таки вследствие сокращений финансирования. Так, если Госплан СССР предполагал выделение 14 млн руб., то НКФ СССР постановлял сумму в 3 млн руб. Как правило, подобные сокращения серьезно били по малым союзным республикам и федеративным субъектам. И тем не менее представительству удавалось получить хотя бы часть запланированной суммы. В республике прекрасно понимали, что без электрификации невозможно дальнейшее поступательное развитие экономических отраслей. Так, по планам Ошская ГЭС на реке Ак-Бура в своем потенциале могла бы электрифицировать три хлопкоочистительных заводов, имевшиеся каменноугольные предприятия и даже «проведение дороги до Андижана на электрической тяге» [17. Л. 43, 44, 96].

Наряду с топливно-энергетической отраслью транспорт и коммуникации также имели стратегическое значение в работе представительства, учитывая сложность географического положения Кыргызстана и отсутствие должных путей сообщения. Так, на период 1925–1927 гг. постоянному представительству предстояло получить одобрение и финансирование на постройку железной дороги Пишпек–Токмак, с тем чтобы приблизить республиканский центр к богатому в природном и экономическом плане Каракольскому округу, а также на строительство автодороги через Бомское ущелье и ремонт тракта Рыбачье–Сазомсу. Кроме того, планировалось улучшить дорогу Пишпек–Кашгар, которая была стратегическим узлом между Китаем и Средней Азией уже несколько веков, и поэтому ее значение понималось на всесоюзном уровне [17. Л. 2, 44, 45]. Представительству по большей части удавалось без особого труда добиться проведения необходимых мероприятий во многом благодаря внесению дополнений в Генплан народного хозяйства в области транспорта в Средней Азии, учитывая интересы Кыргызстана [17. Л. 52]. Сюда же следует отнести мероприятия представительства в вопросе обеспечения республики транспортными средствами. Предполагалось приобрести 12 грузовых машин (по 5 т), 6 автобусов, построить и оборудовать 3 гаража и 3 мастерских для организации сообщения по линии Пишпек–Токмак–Рыбачье [17. Л. 44, 45]. Кроме того, представительство подняло перед наркоматом внешней торговли вопрос об обеспечении аппаратов исполнительного комитета Советов и областного комитета РКП(б) Кыргызстана четырьмя автомобилями «Бьюик» [19. Л. 26]. Также при поддержке Отдела национальностей ВЦИК РСФСР и наркомата путей сообщения, представительство добилося от Госсельсклада (наркомата земледелия) выделения для Кыргызстана 21 трактора на нужды сельского хозяйства [19. Л. 26]. К числу успехов представительства можно также отнести постройку двух теплоходов, с целью развития судоходства в Кыргызстане, для чего представительство вело переговоры с Центтррекой и Среднеазиатским пароходством [14. Л. 171, 172].

Представительство занималось вопросами развития телеграфного и телефонного сообщения внутри Кыргызстана, а также с центрами соседних республик, с Алма-Атой и Ташкентом. Также оно вело переговоры с Трестом малых токов, НКВД РСФСР, Коммунальным банком СССР и Народным комиссариатом почты и телеграфов об устройстве телефонной сети в Пишпек. Кроме того, представительство курировало вопрос об усилении телеграфной связи Пишпека с Ташкентом. По данному вопросу представительству удалось добиться полного его осуществления [13. Л. 4, 22]. Не удалось, однако, решить вопрос об устройстве радиостанции в городе Пишпек, так как неверно была составлена заявка в Народный комиссариат почты и телеграфов.

Помимо решения проблем экономического и хозяйственного развития представительство занималось вопросами политического, административного и социального характера.

Национальное размежевание привело к упразднению Туркестанской АССР и вместе с тем – к разделу общего имущества, включавшего промышленные, инфраструктурные и хозяйственные объекты, а также финансовые средства. Главным принципом раздела была территориальная принадлежность имущества к новообразованному государству, а также учитывалось доленое участие каждой республики. Для раздела имущества между странами Средней Азии с середины ноября 1924 г. в Москве начинают проходить заседания учрежденного Ликвидационного комитета по делам Туркестанской Республики [20. Л. 2–2 об.]. Данный комитет состоял из представителей ВЦИК, СТО и других профильных организаций и ведомств и выполнял функцию арбитража при разделе собственности бывшей Туркестанской республики [20. Л. 5].

В период Туркестанской АССР, все крупные отрасли хозяйства были структурированы и организованы в крупные государственные предприятия. При разделе общего имущества Кыргызстану причитались 14% акций от Туркторга (торговля), 10% от Турксельхозторга (сельское хозяйство), Туркшелк (доля по территориальной принадлежности), по линии Турктоптреста (топливная отрасль) Кыргызстан получал копи Кызыл-Кия и Кок-Янгака и нефтесклад в г. Джалал-Абад (находившийся в аренде у частного) [20. Л. 103 об.–104]. По Туркплемхозу (животноводство) Кыргызстану доставались: Токмакский народный табун, животноводческий коллектив «Биш-Агач», рассадник швицкого скота, рассадник племенного скота в Аулие-Ата. Также Кыргызстану полагались 1 391 десятина земли и 3 313 голов крупного рогатого скота [20. Л. 5]. Кроме того, разделу подлежали такие организации (бывшей ТАССР), как Аптекоуправление, Ветеринарно-аптечный склад. К тому же необходимо было распределить имущество Семиреченского тракта и кооперативного фонда [20. Л. 105–105 об., 106–106 об.].

Кроме раздела имущества и активов необходимо было перераспределить нагрузку по ряду социальных учреждений по территориальному признаку. Сюда входили: получение средств для организации Кара-Киргизского института просвещения, взятие на баланс ККАО общества помощи детям, части Туркестанского кооператива объединения инвалидов, части туркестанской комиссии помощи больным, раненым красноармейцам и инвалидам войны. Также требовалось разделить имущество и средства от Краевого совета культуры, Туркгоскино, Бюро содействия просвещению при СНК ТАССР [20. Л. 105–105 об., 106–106 об.].

Начиная с января 1925 г. Турдалы Токбаев вместе со своим заместителем Александром Друговым занимались вопросами получения причитающегося республике имущества. В ходе его раздела Кыргызстану причиталась относительно небольшая доля средств и акций, однако их получение в полном объеме и в указанные сроки было немаловажным для молодой республики. Одним из первых мероприятий раздела было возмещение Иссык-Кульскому конному заводу стоимости изъятого Ташкентским государственным конным заводом в 1922 г. племенного материала [13. Л. 4], а также раздел Аулие-Атинского табуна. Данные вопросы

представительство решало через Народный комиссариат земледелия РСФСР и уполномоченного СТО, находясь в сообщении с ЦИК Казахстана. В итоге постоянное представительство добилося положительного для себя решения от Паритетной комиссии [13. Л. 8] о разделе. Помимо прочего, представительство пыталось получить причитающиеся КАО 60 тыс. руб. в виде дивидендов от участия в акционерных предприятиях за 1923–1924 гг., однако в силу решений высших хозяйственных органов деньги получить не удалось [18. Л. 20].

Национально-территориальное размежевание в Средней Азии создало ряд территориальных и пограничных споров между новообразованными республиками. К тому же в границах новообразованных республик оказались целые национальные волости, тяготеющие к республикам, где проживало основное население той или другой национальности. К примеру, на Первом учредительном съезде Советов ККАО присутствовали делегаты от трех кыргызских волостей Ханабдского уезда Узбекистана, которые выступили с желанием войти в состав Кыргызстана [21. С. 21–24].

В исследуемый нами период в повестку представительства входили вопросы урегулирования территориальных споров Кыргызстана с Узбекистаном и Казахстаном. Для этого представительство участвовало на заседаниях административных комиссий при Президиуме ВЦИК для разрешения пограничных и территориальных споров между республиками Средней Азии. Так, относительно будущей государственной принадлежности Аимской и Араванской волостей (территориальный раздел между Кыргызстаном и Узбекистаном) было проведено несколько совещаний по итогам комиссий Петровского и Виноградова [13. Л. 8]. В 1926 г. представительство сообщало руководству Кыргызской АССР, что в отношении Аимской волости комиссия вынесет решение в пользу Кыргызстана. На заседании комиссии Белобородова [13. Л. 8], где рассматривались вопросы уточнения границ с Узбекистаном, представительство перенесло окончательное решение этих вопросов до осени с тем, чтобы выработать свою позицию.

По итогам решений комиссий при ВЦИК, после 1927 г. Кыргызской АССР было передано из состава Узбекистана селение Уч-Курган, копи Сюлюкты и Боксо-Исфанейская волость, а от Казахстана джайлоо (горное пастбище) Кар-Кара в районе Каракола [22. С. 88]. Отметим, что указанные территории стали выгодным приобретением для республики, учитывая их спорный характер.

Состоявшийся 27–30 марта 1925 г. первый Учредительный съезд советов Кара-Кыргызской автономной области принял ряд важных и исторических решений. Одним из таких решений были: преобразование ККАО в Кара-Кыргызскую автономную социалистическую республику в составе РСФСР, а также переименование кара-кыргызского народа в кыргызский. Данные преобразования, по мнению руководителей Кыргызстана [20. Л. 126, 126 об.], были направлены на полное решение вопроса о национальном самоопределении и восстановлении исторического названия народа. Однако проведение указанных постановлений съезда зависело

от решения ВЦИК РСФСР, что было отражено в резолюции съезда, где было указано «*просить ВЦИК преобразовать...*» [20. Л. 127]. Руководство республики поставило представительству задачу довести до высших центральных органов принятые на съезде решения. В итоге 25 мая 1925 г. Президиум ВЦИК Советов РСФСР постановил переименовать Кара-Кыргызскую автономную область в Кыргызскую автономную область и соответственно переименовать кара-кыргизов в кыргызов [20. Л. 125].

Кроме того, представительству в Москве предстояло в 1926 г. провести вопрос о переименовании столицы Кыргызской АССР города Пишпек во Фрунзе, в честь легендарного военачальника, происходившего родом из этого города. Вопрос не представлял какой-либо сложности, были поданы ходатайства в комиссию НКВД, и затем во ВЦИК РСФСР [13. Л. 3]. В итоге, 11 мая 1926 г. город Пишпек был переименован во Фрунзе.

Прибывший в Кыргызстан в 1925 г. чехословацкий кооператив рабочих «Интергельпо» в 1920–1930-х г. оказал огромное прогрессивное значение в развитии сельского хозяйства и промышленности республики, став своего рода образцом для возникающих хозяйственных артелей. Однако приезд этого кооператива сопровождался некоторыми перипетиями, вызванными несогласованностью между центральными и местными органами. В частности, не были определены земельные участки для кооператива, не выделены кредиты и ссуды, отсутствовали дома для семей рабочих и хозяйственные постройки, а кроме того будущий кооператив не был обеспечен производственными заказами [20. Л. 137, 143, 143 об.]. По данным вопросам представительство вело переписку с Президиумом ВЦИК, Коммунальным, Государственным и Сельскохозяйственным банками [20. Л. 137, 143, 143 об.]. В итоге, летом 1925 года 300 рабочих кооператива с семьями прибыли в Кыргызстан [20. Л. 143, 143 об.].

Представительство вело работу по оказанию помощи населению Кыргызстана, пострадавшему от басмачества, Гражданской войны и неурожая. По данным вопросам представительство имело ходатайства, подавало заявки в Центральный Сельскохозяйственный банк по выдаче ссуд и в Народный комиссариат землепользования по выделению семенных ссуд. Также представительство ведало вопросами предоставления продовольственной помощи населению. Данные проблемы по большей части решались местными органами, задача представительства же заключалась в ускорении получения финансовой поддержки со стороны центральных ведомств и учреждений [13. Л. 3, 4; 14. Л. 172, 173] для проведения необходимых мероприятий в республике.

Мероприятия по созданию и функционированию государственного аппарата Кыргызстана входили в задачу представительства в Москве в указанный период. В частности, требовалось увеличить штат в уже существующих ведомствах, а также учредить новые ведомства и органы. Так, в период 1925–1926 гг. представительству предстояло добиться увеличения штата прокуратуры, Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции и Народного комиссариата юстиции, а

также сформировать штат для других ведомств [13. Л. 2]. Кроме того, предстояло организовать Совет народного хозяйства Кыргызстана как центрального органа хозяйственного управления республики (для этого требовался инспектор для осуществления контроля местного аппарата [17. Л. 24]); организовать трехмесячные курсы для подготовки работников низовой сельскохозяйственной кооперации и кредита [13. Л. 10]. На все указанные мероприятия требовались большие средства, для чего представительство сообщалось с НКФ СССР, Сельскохозяйственным банком, Сельхозсоюзом.

Представительство также занималось вопросами установления ветеринарно-санитарного надзора на транспорте, учреждением должностей ветврачей в городах Пишпек, Карасу, постройкой специальных помещений для ведения ветеринарно-санитарного надзора. Данные мероприятия были призваны повысить уровень санитарной гигиены в республике. Для этого представительство сообщалось с Народным комиссариатом здравоохранения РСФСР и Народным комиссариатом путей сообщения [13. Л. 4].

Не менее важно было обеспечить текущую работу данных учреждений посредством своевременных выплат заработной платы сотрудникам ведомств Кыргызстана. Так, задолженность по зарплате за 1923–1924 гг. составляла 607 тыс. руб. [14. Л. 172, 173]. То есть существовала задолженность со времени нахождения Кыргызстана в составе ТАССР. В период 1925–1926 гг. в средствах из центра нуждались Водхоз, Наркомзем и Наркомторг республики [14. Л. 172, 173]. Также предполагалось увеличить зарплату судебным служащим, получить средства на содержание ветврачей, добиться ассигнований на усиление работы плановой комиссии республики. Для решения данных вопросов представительство подавало заявки и ходатайства в Промбанк, Малый СНК, Наркомфин РСФСР [14. Л. 172, 173].

Следующий блок вопросов, касающийся деятельности представительства, составили сферы науки, образования, просвещения и культуры. От развития данных областей зависел дальнейший рост производительных сил Кыргызстана.

Дальнейшее развитие имеющихся и создание новых экономических отраслей в Кыргызстане, доведение их до промышленного уровня требовали всестороннего научного изучения. При отсутствии научно-исследовательской базы в республике осуществить это можно было только прибегнув к помощи центральных союзных и федеральных научных учреждений. Так, представительство в своих докладах сообщало, что на период 1926–1928 гг. научными учреждениями СССР и в частности Академией наук СССР планируется направить в Кыргызстан целый ряд научно-исследовательских экспедиций. Также представительство сообщало, что Президиум Госплана СССР постановил созвать 2-й Всесоюзный съезд по изучению производительных сил всех далеких областей и Кыргызстана в частности [19. Л. 102–102 об.].

Учитывая богатый природный потенциал Кыргызстана, планировалось провести несколько научно-исследовательских экспедиций. Так, на 1927–1930 гг.

было предусмотрено создание гидрогеологических отрядов для проведения рекогносцировочных исследований алма-атинского ледника, высокогорных районов Арасан, Кебень, Беш-кебе Александровского хребта, Терек-Алтын [19. Л. 84, 85, 87]. Также было намечено создание передвижных отрядов по обследованию озер Иссык-Куль, Сон-Куль и Чатыр-Куль. Кроме того, планировался к открытию целый ряд гидрометрических станций на реках Чу, Нарын; водомерные посты на реках Ак-Бура, Нарын, Кара-Дарья, Куршаб, Тюп, Джаралган, Талас, Кугарт-Сай, на озерах Сонкуль и Чатыр-куль. В этот же период предполагалось создать аэрологическую станцию в г. Рыбачье (Балыкчы), ряд метеорологических станций в городах Токмок, Талас, Базар-Коргон, Карасу, селе Кормымду. В Иссык-Кульском селе Кормымду, также планировалось возвести ветряную станцию, причем снаряжение, транспорт, техперсонал были обещаны ленинградскими научными учреждениями [19. Л. 84, 85, 87].

Кроме того, были запланированы биологическое, почвенно-геоботаническое, статистико-экономическое обследования, а также работы по сбору, классификации и обработке картографических материалов по республике за 1926–1927 гг. [19. Л. 67, 68–68 об., 69–69 об., 91, 97]. Особенностью намеченных экспедиций было решение о привлечении к их работе местных кадров, т.е. из числа кыргызов, – вначале как практикантов, а затем, после обучения, как самостоятельных исследователей [19. Л. 110–120 об.]. Добавим, что в 1926 г. представительство ставило вопрос о необходимости научного издания трудов экспедиции АН СССР по исследованию Кыргызстана за 1928–1931 гг. Все указанные экспедиции планировалось осуществить в пятилетний срок, стоимость же их оценивалась в 2 279 313 руб. [19. Л. 125–125 об.]. В итоге первые научные исследования Кыргызстана Академией наук СССР были, как и планировалось, проведены в 1928 г., а комплексная экспедиция состоялась в 1932 г.

Важно отметить, что руководство республики уже в тот период в качестве приоритетной задачи ставило развитие горнорудной промышленности. Поэтому перед представительством встала задача – добиваться усиления геологоразведочных работ, а также промышленных разведок месторождений цветных металлов, особенно золота, а также каменного угля [17. Л. 61]. Для этого представительство вело работу с отделами ВСНХ РСФСР.

В деле развития науки Кыргызстана постоянное представительство также оказывало поддержку инициативам отдельных граждан республики. Так, заведующий музеем Каракол-Нарынского округа Б.Д. Гиммер, находясь в Москве и Ленинграде по делам, связанным с работой музеев, наладил прочные контакты с научными организациями обоих городов. В частности, Гиммеру удалось привлечь специалистов из Главной геофизической обсерватории в экспедицию на Хан-Тенгри, которую планировал Среднеазиатский комитет по делам музеев, а также получить согласие видного российского ученого Н. Розе на участие в ней. Исследователь по окончании экспедиции намеревался подарить Кыргызстану современный радиоприемник.

Кроме того, Географический институт рекомендовал специалиста по проведению исследований почв в летний сезон при условии оплаты проезда и питания [19. Л. 8–8 об., 9]. Все эти инициативы постоянное представительство встречало с энтузиазмом и воплощало их, ходатайствуя как перед центральными, так и республиканскими органами.

Сохранение историко-культурного наследия в Кыргызстане было одним из важнейших аспектов деятельности представительства в Москве. Данные вопросы включали в себя мероприятия по развитию музейного дела, проведение археологических изысканий, выполнение реставрационных работ нескольких историко-культурных объектов. В частности, требовалось оказать материальную поддержку Каракольскому музею под руководством Б.Д. Гиммера, а также в приобретении новых экспонатов. Для этого постпред Т. Токбаев обращается в СНК, НКФ РСФСР и Отдел национальностей при ВЦИК для оказания финансовой помощи музею [19. Л. 31–31 об.]. Также постоянное представительство активно вело работу по созданию Краеведческого общества Кыргызстана, как писалось, для «всестороннего изучения республики» [19. Л. 33]; в частности, постоянное представительство получило все необходимые материалы от Центрального бюро краеведения при Наркоме просвещения РСФСР [19. Л. 35–35 об.]. Важно упомянуть, что на особом контроле у представительства было выделение средств Среднеазиатскому комитету по охране памятников искусства и старины для проведения реставрационных работ на памятниках эпохи Караханидов XI–XII вв. – башни Бураны и Узгенских мавзолеев [19. Л. 31, 31 об.]. Кроме того, основываясь на контактах Гиммера, постоянное представительство стремилось добиться приезда в Кыргызстан двух видных российских ученых с целью проведения ими научных экспедиций для изучения художественных памятников быта и пр. Это заведующий Русским музеем этнографии С.Н. Руденко, а также видный художник и литератор В.П. Беляев, который представлял Центральный музей народоветения и Российскую академию художественных наук [19. Л. 8–8 об., 9].

Важной задачей представительства было издание произведений кыргызской литературы, организация издательского дела, создание отечественных типографий. Кроме того, в задачи входило обеспечение населения Кыргызстана политической, популярно-технической литературой и учебными пособиями разного плана, причем большое внимание уделялось обеспечению республики книгами и материалами на родном, кыргызском, языке.

Первый постпред Кыргызстана при ВЦИК Т. Токбаев был назначен заведующим Кара-Киргизской издательской секции при Центриздате СССР. Облсполком Советов Кыргызстана доверил Т. Токбаеву вести переговоры по изданию книг для республики. Также ему была поручена организация при Центральном государственном издательстве народов СССР кыргызской секции [23. Л. 8, 36]. Намеченные задачи были выполнены в ходе переговоров с Восточным отделением Центриз-

дата, и секция была сформирована, куда в будущем вошли выдающиеся кыргызские государственные деятели и представители творческой интеллигенции: Касым Тыныстанов, Токчоро Джолдошев, Осмонкул Алиев, Касымалы Баялинов [23. Л. 9, 46, 59, 64, 67, 72]. Работа кыргызской секции за несколько месяцев была хорошо поставлена, переводились книги, выполнялись заказы республики, высылались пособия по различным отраслям хозяйства, науки, промышленности на кыргызском, русском, узбекском и немецком языках [23. Л. 68].

Постоянное представительство поднимало вопросы по развитию собственного издательского дела в Кыргызстане. В первую очередь планировалось получить средства на развитие Киргосиздата, а также добиться его вхождения в акционерное общество «Китаб» [13. Л. 4]. Представительство добилося снижения для Киргосиздата социальных отчислений с 16 до 10%. Также планировалось из союзных средств осуществить мероприятия по его дооборудованию [17. Л. 236]. По вопросам развития отечественного книгоиздательства представительство подало заявки на строительство в 1927–1928 гг. двух типографий – в Пишпекке и в Джалал-Абаде – общей стоимостью в 210 тыс. руб. [17. Л. 12]. Решение указанных вопросов закладывало начальную основу для развития науки и культуры Кыргызстана в виде развития книгоиздательства и распространения литературы. Постоянное представительство также вело работу с республиканскими органами по оказанию содействия в открытии в Кыргызстане отделения Гостехиздата с целью снабжения учреждений, предприятий и организаций метрической литературой на русском и тюркском языках вследствие реформирования системы мер и весов [19. Л. 5–5 об.].

Весьма важно упомянуть, что начиная с 1925 г. постоянное представительство в лице своего главы Турдалы Токбаева вело переговоры с выдающимся востоковедом академиком В.В. Бартольд о написании последним исторического труда по истории кыргызского народа. В.В. Бартольд изъявил согласие, и уже в 1927 г. в свет вышел фундаментальный научный труд по истории кыргызов [19. Л. 29].

Оказание помощи студентам из Кыргызстана, обучавшимся в вузах и учебных заведениях Казани, Москвы и Ленинграда, составляло важную часть деятельности представительства в Москве. Особенное участие в этом деле проявил постпред Т. Токбаев. Были созданы комиссия из руководящих работников областного комитета ВКП (б) Кыргызстана, фонд взаимопомощи студентов, а также бюро кыргызского землячества [9. Л. 417 об.; 11. Л. 34 об., 53, 125]. Представительство ходатайствовало о выделении средств на обмундирование и выдаче небольших сумм студентам. Данные мероприятия представительство вело в тесном сотрудничестве с Исполнительным комитетом Советов Кыргызстана и Отделом народного образования [9. Л. 417 об.].

Важно упомянуть еще один важный аспект деятельности представительства в Москве, который можно охарактеризовать как развитие культурных связей между Кыргызстаном и Россией.

Так, представительство активно пыталось оказать содействие в проведении экспедиции в Кыргызстане видных союзных ученых и исследователей совместно с учащимися ленинградской 222-й трудовой школы. Отметим, что упомянутому Б.Д. Гиммеру удалось изменить маршрут экспедиции так, чтобы включить туда Кыргызстан, северную и южную его части. Полученные материалы экспедиции предполагалось направить в центральные научные учреждения, а также передать в обработанном виде в местный музей и кроме того, заснять экспедицию на камеру [19. Л. 8–8 об., 9]. Администрация 222-й трудовой школы и Российская академия наук в лице музея антропологии и этнографии обратились к руководству Кыргызстана в оказании содействия экспедиции, в частности направили просьбу предоставить перевозочные места и пропитание на 30 человек. По данному вопросу Т. Токбаев лично в обращениях в СНК и Народный комиссариат путей сообщений РСФСР указывал, что посещение учащимися ленинградской школы Кыргызстана будет первой смычкой между российскими и кыргызскими учащимися. По задумке Токбаева, после посещения Кыргызстана ленинградскими школьниками кыргызские ученики также смогли бы посетить с экскурсией город трех революций [19. Л. 8–8 об., 9]. Постоянное представительство имело поддержку Народного комиссариата просвещения и Ленинградского губернского отдела народного образования, однако СНК РСФСР ходатайство представительства отклонил, хотя сумма требовалась небольшая – 2,5 тыс. руб. [19. Л. 14–14 об.].

Приблизительно в тот же период группа учащихся Географического института обратилась через представительство в Москве к руководству республики о предоставлении средств на поездку, питание и обмундирование для проведения практических работ в Кыргызстане [19. Л. 8–8 об., 9]. Также поступила просьба от Русского общества туристов города Москвы, направляющей группу в количестве 10 человек с экспедицией в Семиречье с научно-исследовательской и образовательной целью [19. Л. 53]. Кроме того, постоянное представительство запрашивало руководство республики о возможности посещения Кыргызстана артистами русской оперы и драмы для проведения выступлений в городах Пишпек, Токмок и Каракол, чтобы ознакомить население с классическим репертуаром [19. Л. 8–8 об., 9].

В исследуемый нами период представительство в Москве было занято участием Кыргызстана в выставке, посвященной сессии ВЦИК 1926 г. Для этой выставки представительство проводило сбор экспонатов этнографического, геологического, ботанического и сельскохозяйственного характера со всей республики. Также постоянное представительство вело переговоры по вхождению Кыргызстана в акционерное общество научно-художественного мироведения «Этномир». Участие Кыргызстана в организации «Этномира» позволило бы укреплять культурные связи со странами и народами всего СССР [19. Л. 46].

Прогрессивным явлением было познакомить другие республики СССР и РСФСР с молодой Республикой Кыргызстан, для чего планировалось создание

нескольких короткометражных документальных фильмов.

Так, в начале 1925 г. председатель Академического центра при Областном отделе народного просвещения КАО, известный писатель и поэт Касым Тыныстанов направил Т. Токбаеву телеграмму с предложением о проведении съемок историко-культурных достопримечательностей Кыргызстана, чтобы историческое наследие было запечатлено на пленку. К. Тыныстанов просил Т. Токбаева провести переговоры с московскими киностудиями и их операторами. Т. Токбаев получил согласие «Пролеткино» с условием оплаты поездки операторов, оставалось только получить согласие областных органов [23. Л. 6–6 об., 7].

Здесь интересно упомянуть об одном нереализованном проекте представительства. В 1926 г. постоянное представительство прорабатывало вопрос с СНК и Госкино о съемках фильма, посвященного восстанию 1916 г. в Туркестане. Рабочее название фильма было «Восставший джатак» [19. Л. 54]. Планировалось, что в картине будет показана героическая борьба туркестанских народов против царского и колониального гнета, что весьма соответствовало идеологическим установкам того времени. Постоянное представительство вело переговоры о написании сценария к фильму московским режиссером Брискиным, однако денег на проект выделено не было. В итоге фильм так и не был снят. Вместе с тем в представительство поступали предложения о проведении документальных съемок народных конных празднеств и игр в Кыргызстане.

Таким образом, по истории учреждения и деятельности постоянного представительства Кыргызстана в Москве, а также о роли и вкладе его первого руководителя Турдалы Токбаева можно сделать ряд основных выводов. Кыргызстан (Кара-Киргизская автономная область), став автономной областью в составе РСФСР, получил право иметь свое собственное представительство в высшем государственном органе РСФСР – Президиуме ВЦИК. Постоянное представительство Кыргызстана при ВЦИК не являлось дипломатическим ведомством в юридическом смысле, а было исторически новым типом представительства национального субъекта РСФСР в высшем государственном органе. Постоянное представительство ККАО в Москве выполняло задачи, поставленные Облисполкомом Советов и обкомом РКП(б) Кыргызстана, при этом оно было подотчетным как республиканскому руководству, так и Президиуму ВЦИК. Вместе с тем были случаи, когда Турдалы Токбаев лично проявлял инициативу. Постоянное представительство являлось связующим звеном между облисполкомом Советов Кыргызстана и ВЦИК РСФСР, хотя при этом каждый отдел облисполкома, в свою очередь, был связан с соответствующим центральным наркоматом (Госплан, Наркомфин). Деятельность постоянного представительства была направлена на получение республикой политической и финансовой поддержки со стороны центральных органов и обеспечение обратной связи между руководством СССР/РСФСР, с одной стороны, и Кыргызстаном – с другой. Деятельность представительства во многом способствовала подъему хозяйства и промышленности в республике, развитию науки и культуры,

что благоприятно сказалось на решении проблемы преобразования Кыргызстана из автономной области в автономную, а затем союзную республику. Постоянное представительство могло бы внести более ощутимый вклад в развитие республики, но было ограничено узкими

политическими и материальными возможностями. Турдалы Токбаев как первый глава постоянного представительства сыграл большую роль в организации деятельности постоянного кыргызского представительства в Москве и выполнении им своих функциональных задач.

Примечания

¹ В октябре–ноябре 1924 г. была образована Кара-Киргизская автономная область (ККАО), в мае 1925 г. преобразована в Киргизскую автономную область (КАО). В феврале 1926 г. КАО стала Киргизской АССР. В данной публикации наряду с ККАО и КАО в качестве синонима мы будем использовать «Кыргызстан» для обозначения страны. Кроме того, отметим, что кыргызские советские руководители в 1924–1925 гг. называли Кыргызстан республикой, несмотря на фактический статус автономной области, поэтому мы также будем применять такое обозначение к Кыргызстану.

Список источников

- Бегалиева А.С. Деятельность исполнительного комитета Советов Киргизской Автономной области РСФСР в период возрождения национальной государственности (1924–1927 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2004. 149 с.
- Джунушев А. Образование и развитие Киргизской автономной области : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Фрунзе, 1967. 17 с.
- Малабаев Дж. Становление государственности советского Киргизстана (Деятельность ревкома Киргизской автономной области). Фрунзе, 1984. 44 с.
- Смадияров С.А. Становление и развитие государственного аппарата Киргизской Республики в период ее автономии в составе РСФСР (1924–1936 гг.) : дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 1993. 196 с.
- Рыскулов Т.А. Представительство Кыргызстана в Москве при Президиуме ЦИК РСФСР в 1924–1927 гг. : дис. ... канд. ист. наук. Бишкек, 2016. 164 с.
- Рыскулов Т.Р. Февральская революция // Революция и национальности. М. : Изд-во Коммунистической Академии, 1935. С. 36–45.
- Бегалиев С., Алиханов В. Если нужно революции // Пропагандист и агитатор Киргизстана. 1977. № 17. С. 19–20.
- Курманов З.К. Национальная интеллигенция 20–30-х годов; вклад в возрождение государственности кыргызского народа и борьбу с тоталитарно-авторитарным режимом. Бишкек, 2005. 378 с.
- Центральный Государственный Архив Киргизской Республики (ЦГА КР). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 687. 504 л.
- ЦГА КР. Ф. 20. Оп. 1. Д. 93. 110 л.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 3. 336 л.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 9. 98 л.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 129. 41 л.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 82. 239 л.
- Фатьянов И.А. Хозяйственное и культурное строительство в Киргизии. Фрунзе : Киргосиздат, 1927. 55 с.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 10. 152 л.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 7. 272 л.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 11. 64 л.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 8. 179 л.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 686. 177 л.
- Курманов З.К. Михаил Давыдович Каменский (Эйдис) // Пропагандист и агитатор Киргизстана. 1988. № 23. С. 21–24.
- Джунушев А. Из истории образования Киргизской Автономной республики. Фрунзе, 1966. 92 с.
- ЦГА КР. Ф. 1246. Оп. 1. Д. 17. 92 л.

References

- Begalieva, A.S. (2004) *Deyatel'nost' ispolnitel'nogo komiteta Sovetov Kirgizskoy Avtonomnoy oblasti RSFSR v period vozrozhdeniya natsional'noy gosudarstvennosti (1924–1927 gg.)* [Activities of the executive committee of the Soviets of the Kyrgyz Autonomous Region of the RSFSR during the period of the revival of national statehood (1924–1927)]. History Cand. Diss. Bishkek.
- Dzhunushev, A. (1967) *Obrazovanie i razvitie Kirgizskoy avtonomnoy oblasti* [Education and development of the Kyrgyz Autonomous Region]. Abstract of History Cand. Diss. Frunze.
- Malabaev, Dzh. (1984) *Stanovlenie gosudarstvennosti sovetskogo Kirgizstana: (Deyatel'nost' revkoma Kirgizskoy avtonomnoy oblasti)* [Formation of statehood of Soviet Kyrgyzstan: (Activities of the Revolutionary Committee of the Kyrgyz Autonomous Region)]. Frunze.
- Smadiyarov, S.A. (1993) *Stanovlenie i razvitie gosudarstvennogo apparata Kyrgyzskoy Respubliki v period ee avtonomii v sostave RSFSR (1924–1936 gg.)* [Formation and development of the state apparatus of the Kyrgyz Republic during the period of its autonomy as part of the RSFSR (1924–1936)]. History Cand. Diss. Bishkek.
- Ryskulov, T.A. (2016) *Predstavitel'stvo Kyrgyzstana v Moskve pri Prezidiume TsIK RSFSR v 1924–1927 gg.* [Representation of Kyrgyzstan in Moscow under the Presidium of the Central Executive Committee of the RSFSR in 1924–1927]. History Cand. Diss. Bishkek.
- Ryskulov, T.R. (1935) *Fevral'skaya revolyutsiya* [February Revolution]. In: *Revolutsiya i natsional'nosti* [Revolution and nationalities]. Moscow: Izdatel'stvo Kommunisticheskoy Akademii. pp. 36–45.
- Begaliyev, S. & Alikhanov, V. (1977) *Esli nuzhno revolyutsii* [If the revolution needs]. *Propagandist i agitator Kirgizstana*. 17. pp. 19–20.
- Kurmanov, Z.K. (2005) *Natsional'naya intelligentsiya 20–30-kh godov; vklad v vozrozhdenie gosudarstvennosti kyrgyzskogo naroda i bor'bu s totalitarno-avtoritarnym rezhimom* [National intelligentsia of the 1920s–1930s; contribution to the revival of the statehood of the Kyrgyz people and the fight against the totalitarian-authoritarian regime]. Bishkek.
- Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 687. 504 p.
- Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 20. List 1. File 93. 110 p.
- Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 3. 336 p.
- Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 9. 98 p.
- Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 129. 41 p.
- Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 82. 239 p.
- Fat'yanov, I.A. (1927) *Khozyaystvennoe i kul'turnoe stroitel'stvo v Kirgizii* [Economic and cultural construction in Kyrgyzstan]. Frunze: Kirgosizdat.
- Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 10. 152 p.

17. Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 7. 272 p.
18. Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 11. 64 p.
19. Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 8. 179 p.
20. Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 686. 177 p.
21. Kurmanov, Z.K. (1988) Mikhail Davydovich Kamenskiy (Eydis) [Mikhail Davydovich Kamensky (Eidis)]. *Propagandist i agitator Kirgizstana*. 23. pp. 21–24.
22. Dzhunushev, A. (1966) *Iz istorii obrazovaniya Kirgizskoy Avtonomnoy respubliky* [From the history of the formation of the Kyrgyz Autonomous Republic]. Frunze.
23. Central State Archive of the Kyrgyz Republic (TsGA KR). Fund 1246. List 1. File 17. 92 p.

Информация об авторе:

Рыскулов Т.А. – канд. ист. наук, научный сотрудник Отдела внешних связей, информации и научного кластера Института истории и этнологии им Ч.Ч. Валиханова Комитета науки Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан (Алматы, Казахстан). E-mail: Timur-Eccehomo-1988@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

T.A. Ryskulov, Cand. Sci. (History), research fellow, Institute of History and Ethnology named after Sh.Sh. Ualikhanov (Almaty, Republic of Kazakhstan). E-mail: Timur-Eccehomo-1988@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 20.03.2020;
одобрена после рецензирования 08.11.2020; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 20.03.2020;
approved after reviewing 08.11.2020; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 327.8(73)
doi: 10.17223/15617793/498/13

Усилия администрации Джо Байдена по трансформации/реставрации мирового порядка в контексте американских правил

Илья Анатольевич Соков¹

¹ Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия, sokov@volsu.ru

Аннотация. Рассматриваются подходы и усилия администрации США Джо Байдена и их союзников по сохранению американской гегемонии в мире и противодействие развивающимся странам, не согласным с либеральным мировым порядком, навязанным Америкой, и продвигающим неоколониализм.

Ключевые слова: Джо Байден, США, Китай, Россия, страны Глобального Юга, либеральный мировой порядок, трансформация, реставрация, американские либеральные правила, глобальное управление

Для цитирования: Соков И.А. Усилия администрации Джо Байдена по трансформации/реставрации мирового порядка в контексте американских правил // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 120–127. doi: 10.17223/15617793/498/13

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/13

Joe Biden Administration's efforts to transform/restore the world order in the context of American rules

Ilya A. Sokov¹

¹ Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation, sokov@volsu.ru

Abstract. The article shows the efforts and approaches of Joe Biden's US administration together with the US allies to preserve American hegemony in the world. Americans and their allies oppose the developing countries that disagree with the liberal world order established by the developed countries. The study aims to systematize the existing approaches of the current American administration in conducting foreign policy, as well as to identify the strategic and tactical tools which are used. The study's objectives are to clarify the theoretical basis of the American Joe Biden doctrine, the practice of its application and the possible consequences of its use in conditions of growing multipolarity and multilateralism. The study's methodology is based on the method of evaluating competing hypotheses, which made it possible to compare the opinions of various foreign experts on the subject under research. Another method was the domestic method of situational analysis. The situational analysis made it possible to assess the international political development that has developed in the world over the period of the 21st century as a result of the activities of integral dynamic subsystems in the international relations' system, to understand the evolution of these subsystems, to obtain research results and draw conclusions on the topic under study. The foreign sources and literature were used as the materials for this study, the analysis of which allowed applying the above methodology. A systematic approach was used as a methodological approach. The analyses of foreign studies over the past decade of the 21st century as well as documents of the legislative and executive authorities during Joe Biden's presidency revealed the study's novelty, which lies in the author's results and conclusions. The study's results and conclusions were the author's statements that the doctrinal foundations of the Joe Biden administration's foreign policy to revive American hegemony remain the intention to exercise global power from a position of strength, using military alliances with its partners as help, and the creation of tension's regional hotbeds far from its borders. The United States is absolutely confident that it is at the beginning of hegemony's third era when the US is adapting to a new period of competition in an era of interdependence and transnational challenges. This phase's results in Americans' opinion will be determined by the USA's own choice. The author of the article considers that the United States is still in thrall to its ideological illusions not realizing that America's position in the contemporary world is determined not so much by the United States' strength as by the unwillingness of new power centers to organize the global governance based on multipolarity and multilateralism.

Keywords: Joe Biden, USA, China, Russia, countries of global South, liberal world order, transformation, restoration, American liberal rules, global governance

For citation: Sokov, I.A. (2024) Joe Biden Administration's efforts to transform/restore the world order in the context of American rules. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 120–127. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/13

Введение

В последнее десятилетие в западном экспертном сообществе задаются вопросом о том, почему однополярный мир во главе с Соединенными Штатами оказался таким скоротечным и есть ли возможность (hope) его сохранить [1–9]. Одни связывают неудачи американской гегемонии с «имперским перенапряжением» [10. Р. 39] в желании сделать мир лучше, другие – с «искушениями особого рода» – стремлением навязать свои ценности и традиции цивилизациям, прошедшим исторический путь развития во много раз больший, чем США [11]. Как бы то ни было, большинство из них признают эндогенный характер падения влияния американской гегемонии и американского мирового порядка (American World Order) [1, 12–22].

Последние семь лет работы американских администраций (Д. Трампа и Джо Байдена) показали не только их обеспокоенность будущим США, но и различные подходы по сохранению текущего положения Америки в мире как гегемона. Если доктринальными основами политики президента Д. Трампа «сделаем Америку снова великой» (Make America Great Again) была опора на собственные силы и в какой-то степени концентрация усилий старых союзников под знаменем США [23], то доктринальной основой Джо Байдена при безусловном продолжении политики «Америка прежде всего» (America First) является проведение активной внешней политики, в том числе продолжение усиления стратегической конкуренции со своим главным соперником, Китаем [24. Р. 203]. Причем еще в период борьбы за президентство Джо Байден обозначил, что главной задачей его администрации будет восстановление лидерства Америки и американского мирового порядка и, в конечном счете, реставрация гегемонии США [25], а ряд американских экспертов поспешили уже объявить о «Новом Риме на Потомаке» [26. Р. 3].

В качестве материалов для настоящего исследования были использованы зарубежные источники и литература, анализ которых позволил применить известную методологию. В качестве методологического подхода использовался системный подход. В качестве методов исследования был выбран метод оценки конкурирующих гипотез, позволивший сравнить суждения различных зарубежных экспертов по исследуемой тематике, а также был применен отечественный метод ситуационного анализа. Ситуационный анализ позволил осуществить оценку международно-политического развития, сложившегося в мире за период XXI в. как результат деятельности целостных динамических подсистем в системе международных отношений, понять эволюцию этих подсистем, получить результаты исследования и сделать выводы по исследуемой теме.

Апробация настоящего исследования проведена на Всероссийской научной конференции «США и Европейский союз в меняющемся мире», прошедшей 19–21 октября 2023 г. в Национальном исследовательском Томском государственном университете.

Исходя из цели исследования по выявлению усилий администрации Джо Байдена по трансформации/ре-

ставрации мирового порядка в контексте американских правил на коротком историческом периоде – трехлетнем президентстве, были определены задачи как по выяснению использования новых инструментов, так и восстановлению старых во внешней политике американской администрации.

Внешнеполитическая доктрина президента США Джо Байдена

Несмотря на то что через две недели после вступления в должность президента Джо Байден заявил, что «Америка возвращается, чтобы возглавить мир и не отступать от лидерства, сесть во главе стола» [27], его внешнеполитическая доктрина сформировалась не сразу. В марте 2021 г. были опубликованы «Временные указания по стратегии национальной безопасности», затем в конце августа по решению президента США в спешном порядке были выведены американские силы из Афганистана. Тогда же, находясь в Европе, был сформулирован основной посыл для доктрины: борьба демократий против автократий. Окончательно внешнеполитическая доктрина Байдена была сформирована и оформлена 12 октября 2022 г. в документе «Стратегия национальной безопасности», цель которой была определена как возрождение Pax Americana и сохранение (preserve) гегемонии США. Уже через месяц российский эксперт А.В. Кортуннов заявил американскому журналу «Современная дипломатия», что «попытки США сохранить гегемонию только усложнят переход к новому мировому порядку для Вашингтона» [28].

Собственно, доктринальная основа, заложенная в последней «Стратегии национальной безопасности США» от 12 октября 2022 г., обозначает объективную необходимость гегемонии Америки в силу того, что она, по их мнению, представляет собой «глобальное государство с глобальными интересами» [29].

Глобальное государство – это совершенно новый идеологический конструкт, которого не было в прошлых стратегиях. Это не сверхдержава, не государство-лидер, как американцы заявляли при Обаме. И это первое, что характеризует доктрину Байдена.

Второе. В Стратегии отсутствует традиционное разделение на внутреннюю и внешнюю политику. («Мы сломали разделительную линию между внешней и внутренней политикой» [30. Р. 11]). Это означает, что все организуемые американскими властями операции за рубежом легитимны для них как глобального государства. Отсюда следует «право» свергать любое национальное правительство и направлять войска в любую страну.

Третье. Впервые в документе Стратегии выделена идеология. Найден новый идеологический враг – авторитаризм. При этом забыто упоминание о международном терроризме, борьба с которым велась в течение двух десятилетий XXI в. «Самая насущная стратегическая проблема... исходит от держав, которые совмещают авторитарное управление с ревизионистской внешней политикой», – сказано в документе [30. Р. 12].

Четвертое. В стратегии проводится классификации авторитарных сил и провозглашается новая биполярность: свободный мир vs автократии [31. Р. 48]. К первому уровню по степени возможных угроз относятся Китай, Иран и КНДР, но Китай – единственный, по оценке разработчиков Стратегии, способный добиться изменения мирового порядка.

Россия в американской Стратегии зачисляется в авторитарные государства второго уровня – она способна стать источником региональной нестабильности, но не обладает возможностью изменить как наступательные действия коллективного Запада в Европе, так и мировую систему в целом.

Пятое. В Стратегии отмечается, что глобализация сделала свое дело и дала соответствующие выгоды Соединенным Штатам в период их полной гегемонии. Однако сегодня сохранение её принципов, по мнению американцев, правил и условий глобализации ведут к усилению Китая. Поэтому США блокируют работу ВТО, выходят из фритредерских соглашений, вводят преференции для торговых партнеров, и прежде всего, Китая, который в открытом мире и в свободной конкуренции объективно имеет преимущества и уходит в отрыв от США. Китай прекрасно освоил принципы глобальной игры, следовательно, её правила должны быть изменены, считают в США. В Стратегии записано: «Мы признаём, что глобализация принесла огромные выгоды Соединенным Штатам и всему миру, но теперь требуется корректировка, чтобы справиться с драматическими глобальными изменениями, такими как усиление неравенства внутри стран и между ними, появление КНР как нашего самого серьезного конкурента» [30. Р. 12].

Особо в Стратегии выделяется отношение США к России. Россия характеризуется как империалистический агрессор; как автократия, подавляющая собственный народ; как страна с крайне не эффективной системой хозяйствования, не имеющая шансов даже на региональное лидерство. Далее в ней заявляется о необходимости нанесения стратегического поражения России на Украине, что дает все основания позиционировать Соединенные Штаты в качестве стороны конфликта.

В итоге можно констатировать, что теоретической основой внешней политики администрации Джо Байдена является курс на сохранение американской гегемонии, который определен в СНБ как «стратегия комплексного сдерживания», которая может быть достигнута только «интеграцией всех имеющихся ресурсов «свободного мира» для победы над мировыми автократиями» [30. Р. 26].

Инструменты

«Стратегии комплексного сдерживания»

Инструменты «Стратегии комплексного сдерживания» американской администрации Джо Байдена более разнообразны и изощренны, чем таковые администрации Д. Трампа. Они заключаются в создании новых и расширении старых альянсов, по сути, военных блоков в тех регионах мира, где американцы считали, что американским интересам создаются угрозы [32. Р. 1030]; в

перепоручении этим альянсам тяжелой и «грязной» работы по поддержанию мирового порядка, основанного на американских правилах, путем втягивания стран, входящих в альянсы, в законсервированные и новые региональные конфликты [33]; в придании региональным военно-политическим альянсам глобального характера, через поддержку родственных (созданных США) альянсов в других регионах мира [34. Р. 18]; в милитаризации экономик стран участников альянса и разрыве их экономических связей с растущими державами, не желающими принимать диктат США [34. Р. 19].

Яркими примерами перечисленного, на которые ссылаются в самих США, являются факты того, что 20 европейских стран НАТО «находятся на пути к достижению цели, чтобы потратить 2% ВВП на оборону в 2024 г., по сравнению с семью странами в 2022 г.», а также факт полного разрыва Германией торговых отношений с Россией в области энергоносителей в убыток себе, но в угоду США.

Стратегия комплексного сдерживания США предполагает использование как стратегических, так и тактических инструментов мировой политики.

К стратегическим инструментам следует отнести: отход от идеи продвижения глобализации и процессов, связанных с ней – фритредерства, детерриториализации бизнеса и распространения технологий, свободной коммуникации и коммуникационных технологий, возврата к преференциальной политике и установленных гегемонном либеральных правил и порядка; разделение всех стран мирового сообщества на партнеров, конкурентов и врагов, обозначение им присвоенного американцами статуса в своих доктринальных документах [30].

Существование стран в нейтральной статусе Соединенными Штатами не предполагается. В Стратегии национальной безопасности 2022 г. прямо указано, что не должно быть движения неприсоединения.

Разделение стран-конкурентов по разным уровням взаимодействия заключается в следующем: первый уровень стратегической конкуренции США отводят Китаю [35. Р. 335], второй – России [36]. Причем рамки (frames) этой «стратегической конкуренции» различны по целям, содержанию и предполагаемому результату. Для России, с которой США не имеют значительных прямых торговых отношений, они означают достижение цели стратегического поражения, для Китая, от которого американская экономика зависит в значительной степени, рамки стратегической конкуренции означают «диверсификацию рисков, а не разобщение» (to “de-risk” and diversify, not decouple) [34. Р. 27].

Стратегия комплексного сдерживания США предполагает создание зон региональной напряженности (в Восточной Европе – Украина, в Южно-Китайском море – Тайвань, на Ближнем Востоке – Израиль); возрождение старого альянса – НАТО, использование его в различных регионах мира и придание ему глобального характера; создание новых военно-политических альянсов в новых и ранее спокойных регионах (Квадр, АУКУС и др.).

Тактические инструменты внешней политики США предполагают использование как «жесткой» (hard power), так и «мягкой силы» (soft power).

К «жесткой силе» следует отнести: прямые угрозы и принуждение на переговорах с конкурентами (например, первые переговоры между министрами иностранных дел США и Китая в мае 2021 г. на Аляске, угрозы африканским странам по проведению саммита в России и т.д.); организация дистанционной войны (Remote Warfare) посредством своих партнеров, а также использование удаленных военных технологий и удаленных методов ведения войны (это пример Украины) [37]; использование экономических санкций, таможенных тарифов, создание препятствий в инвестициях и кредитовании для торможения развития «недружественных» стран, которых США имеют в обоих полушариях; объявление лидеров некоторых стран врагами Америки в своих доктринальных документах.

К тактическим инструментам «мягкой силы» необходимо отнести следующие: прямые уговоры иностранных лидеров в поддержке американской прокси-войны на Украине (по утверждению Ясмينا Абуталеба, «Байден провел сотни часов с иностранными лидерами, призывая их поддержать Украину» [38]); использование международных межправительственных организаций (International Intergovernmental Organizations – IMCOs), международных неправительственных организаций (international non-governmental organizations – INGOs), неофициальных неправительственных организаций (НПО) и организации гражданского общества (civil society organizations) для продвижения своих целей сохранения гегемонии [39], в том числе нового инструмента, называемого «диспозиционный баланс» (dispositional balancing) [40. Р. 29–30]; политическое и экономическое давление на страны, занимающие невыраженную американскую позицию по противостоянию России и Китая, связанную в большинстве случаев с необходимостью соблюдения собственных национальных интересов [41. Р. 100]; в качестве испытанного и важного инструмента мягкого влияния США рассматривают политику «челночной дипломатии» в отношениях с Китаем по созданию уступок в обмен на разрыв (или ослабление) его отношений с Россией. Так, для создания условий и возможностей «по обмену мнениями» в мае 2023 г. Пекин посетил директор ЦРУ Уильям Бернс; 16 июня – Билл Гейтс, главной задачей которого было возобновление сотрудничества после 2019 г. Фонда Билла и Мелинды Гейтс в КНР; 20–21 июня Китай посетил Энтони Блинкин по вопросу сохранения статуса-кво Республики Китай; 6–9 июля, состоялся четырехдневный визит министра финансов США Джанет Йеллен, главной задачей которой было донести послание Джо Байдена о возможных высоких рисках при переходе расчетов в национальных валютах и в создании валюты БРИКС; 19–20 июля в Китай прибыли Джон Керри, специальный посланник президента Байдена, по вопросам изменения климата и Г. Киссинджер – главный американский переговорщик в вопросе перехода КНР на развитие открытой капиталистической экономики и улучшения отношений с США за последние 40 лет (примечательно, что только ему китайцами была постелена красная дорожка при встрече); наконец, 27–30 августа состоялась встреча министра торговли США

Джины Раймондо с китайскими коллегами, где обсуждались вопросы от туризма до передовых технологий. В частности, американская делегация выразила недовольство введенными ограничениями для американских компаний и экспорта галлия и германия в США. Со своей стороны китайские переговорщики указали на чрезмерно широкие требования США к вопросам национальной безопасности, которые подрывают торговлю, честную конкуренцию и глобальные цепочки поставок.

Эти пробные американские визиты по «разморозке» отношений прошли в преддверии ожидаемой встречи Байдена и Си Цзиньпина сразу после сентябрьского саммита «Группы 20» (G20) в Нью-Дели, но встреча не состоялась из-за отсутствия главы Китая на саммите после ряда провокационных внешнеполитических акций США в отношении КНР.

К инструментам «мягкой силы» следует также отнести решение стран G7 о создании противовеса китайской инициативе «Один пояс. Один путь» (BRI) – «Партнерства в интересах глобальной инфраструктуры и инвестиций» (Partnership for Global Infrastructure and Investment – PGII) [42].

Между тем необходимо отметить, что западные эксперты признают, что не все инструменты, используемые США и их союзниками, эффективно работают. Так, экономические санкции, введенные против Ирана, а позже и России, не дали ожидаемого эффекта [43–45].

Несмотря на применение многочисленных инструментов влияния и давления на растущие страны, политика администрации Джо Байдена порой кажется достаточно слабой и неэффективной из-за невидимых и непрямых действий Америки. Но на самом деле организация широкого фронта союзников, выступающих на передовых линиях борьбы за сохранение старого либерального порядка, установленного США, дает им возможность более спокойно проходить период экономической и инфраструктурной трансформации, более эффективно использовать имеющиеся ресурсы и тем самым получать от такой политики достаточно ощутимый эффект для самой Америки. В то же время американские союзники и противоборствующие им растущие державы, безусловно, теряют свою эффективность, тормозится их экономика и социально-политическое развитие.

Организацию «горячих» фронтов или очагов напряженности США создают вдали от своих берегов, в основном в Восточном полушарии. Такой «горячий» фронт создан на Украине, и в него активно втянуты Россия и страны Евросоюза под ясным лозунгом «Украина – должна стать анти-Россией»; Евросоюз за счет военной помощи Украине должен еще теснее сблизиться с США, в том числе быть привязанным к американским энергоносителям.

Очаг напряженности в Южно-Китайском море создается по тому же сценарию [31. Р. 40]. Тайвань – это анти-Китай, победа Тайваня – это залог влияния США на Японию, Южную Корею, Австралию и Индию в Индо-Тихоокеанском регионе.

Несмотря на то что в феврале 2023 г. президент США Джо Байден заявил в своей речи о положении в стране, что Соединенные Штаты стремятся к «конку-

ренции, а не конфликту» с Китаем, никем из американского экспертного сообщества не сформулировано, какого результата США добиваются в этой конкуренции. В частном порядке американцы говорят о том, что цель состоит в максимальной возможности сместить глобальный баланс сил в сторону США и их партнеров [46].

Безусловно, основой этой конфронтации и главным инструментом влияния является блок НАТО, созданный в эпоху холодной войны, как противовес СССР и стран «народной демократии» Восточной Европы. Не вдаваясь в историю развала системы социалистического содружества и СССР, необходимо отметить, что НАТО долгое время не могла найти для себя новое содержание в модных концепциях глобальной Европы от Лиссабона до Владивостока, Совета Россия–НАТО, пока не сформировалась концепция «движения НАТО на Восток», основной целью которой стал прием новых восточноевропейских стран в члены организации и создание из этих стран передового фронта по наращиванию военных угроз в отношении России. Первыми и яркими антиподами России стали Прибалтийские страны, которые могли увеличить свой статус в Евросоюзе военной приверженностью против крупного соседа.

Затем уже в XXI в. НАТО как инструмент США использовался в войнах со странами Ближнего Востока (с 2003 г. – в Ираке, с 2010 г. – в Афганистане, с 2011 г. – в Ливии, Судане и Египте, в Сирии). Во времена Джо Байдена НАТО начала позиционировать себя как глобальная организация, способная поддерживать безопасность не только в Европе, но и в других регионах мира. Такой подход был озвучен в мае 2023 г. на саммите G7 в г. Хиросима (Япония) по поддержанию безопасности в Индо-Тихоокеанском регионе.

Что касается инструментов влияния на Россию партнеров США из отдельных стран Евросоюза после начала СВО на Украине, то и они не совсем успешны: Германия не смогла в полной мере восстановить потерянное российское энергетическое потребление; Франция в попытках позиционировать себя «партнером США, но не вассалом» в конкуренции с Россией за страны Африки фактически потерпела дипломатическое поражение.

Предварительные итоги выполнения поставленных целей администрацией Джо Байдена

Прошло несколько больше, чем год после того, как была принята Стратегия национальной безопасности в 2022 г. Промежуточные итоги выполнения намеченной в ней Стратегии комплексного сдерживания были подведены Джейком Салливаном в статье «Источники американской власти. Внешняя политика для изменившегося мира», опубликованной в номере за ноябрь–декабрь 2023 г. в журнале «Форин афферс» (Foreign Affairs) [34].

Общая оценка итогов складывается из двух основных тезисов: первый заключается в том, что США в восстановлении гегемонии предполагают по-прежнему опираться на военную силу как свою, так и своих партнеров, второй – вопросы трансформации по взаимодействию с растущими державами и в том числе со

странами Глобального Юга находятся пока на уровне деклараций.

Многие западные эксперты в результате проведенных ими исследований за последние 10–15 лет пришли к выводу, что упадок, а по некоторым оценкам «разрыв» (gap) либерального международного порядка, продвигаемого США, связан с эндогенными факторами его применения в мировой политике гегемоном [47. Р. 63]. Причем, как заметил Уильям Оверхолт, «США слишком остро реагируют на ущерб, причиненный этими переходами (по контексту: ростом и влиянием развивающихся стран. – И.С.), и со страхом реагируют на вызов своему глобальному превосходству» [47. Р. 69]. Видимо, поэтому США прямо продолжают заявлять, что «осуществление своей глобальной мощи» они намерены продвигать, используя термин Дина Ачесона «с позиции силы» [34. Р. 25]. Одновременно Соединенные Штаты находятся в абсолютной уверенности, что их гегемония в мире не должна снижаться, потому что справиться с мировыми проблемами без них невозможно, если США «не возглавляют усилия по решению глобальных проблем, никто больше не может заполнить эту брешь» [34. Р. 19]. Они считают, что это убедительно доказала пандемия COVID-19, когда без Америки «страны предприняли разрозненные усилия, которые сделали пандемию более серьезной» [34. Р. 19].

Считая, что Америка вступает в «третий этап» своей гегемонии, в США полагают, что не следует отказываться «от достигнутых успехов», а необходимо «приспособиться к новому периоду конкуренции в эпоху взаимозависимости и транснациональных вызовов». По мнению администрации Джо Байдена, «исход этой фазы не будет определяться исключительно внешними силами... а в значительной степени будет определяться собственным выбором Соединенных Штатов» [34. Р. 29].

Выводы

В результате проведенного исследования по вопросу усилий администрации Джо Байдена во внешней политике по сохранению американской гегемонии автор пришел к следующим выводам:

1. Нынешняя администрация президента США считает главным в своей внешней политике во взаимоотношениях с другими странами придерживаться курса по сохранению собственной гегемонии, о чем недвусмысленно ею заявлено в публичном пространстве.

2. Доктринальной основой подобной политики являются их утверждения о невозможности глобального управления в мире без лидерского участия США, которое к тому же должно проводиться с позиции силы.

3. В США считают, что их успешный процесс гегемонии продолжается и перешел в третью временную стадию, в которой надо просто приспособиться к новым вызовам в эпоху глобальной взаимозависимости.

4. Нынешняя администрация Джо Байдена считает себя в вопросе защиты американской гегемонии и трансформации/реставрации мирового порядка более опытной и изощренной (sophistication), чем все предыдущие администрации США в XXI в.

5. Следует признать, что американская администрация Джо Байдена использует во внешней политике разнообразные стратегические и тактические инструменты «жесткой» и «мягкой силы», а также эффективно использует в свою пользу действия собственных партнеров и союзников против конкурентов из числа развивающихся стран.

6. Соединенные Штаты поделили все страны мира на партнеров, конкурентов и врагов и объявили свои уровни подхода и взаимодействия с ними. Но, учитывая логику развития мирового политического процесса (подъем Китая, России и стран Глобального Юга), эти конфронтационные усилия не только не способствуют

мировому развитию цивилизаций, но и опасны для мирового сообщества.

Исходя из вышеизложенного, автор считает, что Стратегия администрации президента Джо Байдена на продолжение глобального лидерства США не позволяет ожидать серьезных успехов. Соединенные Штаты по-прежнему находятся в плену своих мировоззренческих иллюзий, не понимая, что положение Америки в современном мире определяется не столько силой самих США, сколько неготовностью новых центров силы организовать глобальное управление на основе многополярности и многосторонности.

Список источников

1. Acharya A. The End of American World Order. Cambridge : Polity Press, 2014. 157 p.
2. Boyle M.J. The coming illiberal era // *Survival*. 2016. № 58(2). P. 35–66.
3. Bell D. Reordering the World; Essays on Liberalism and Empire. Princeton, NJ : Princeton University Press, 2016. 456 p.
4. Hehir A. 'An expensive commodity'? The impact of hope on US foreign policy during the 'unipolar moment' // *European Journal of International Relations*. 2023. № 29(1). P. 202–226. doi: 10.1177/13540661221143941
5. Kagan R. The twilight of the liberal world order. Brookings Report. 24 January 2017. URL: <https://www.brookings.edu/research/the-twilight-of-the-liberal-world-order/> (дата обращения: 01.11.2023).
6. Layne C. The end of pax Americana // *The Atlantic*. 26 April 2012. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2012/04/the-end-of-pax-americana-how-western-decline-became-inevitable/256388/> (дата обращения: 1.11.2023).
7. Restad H.E. American Exceptionalism. An Idea that Made a Nation and Remade the World. London : Routledge, 2014. 284 p.
8. Speck U. The crisis of liberal order // *The American Interest*. 12 September 2016. URL: <https://www.the-american-interest.com/2016/09/12/the-crisis-of-liberal-order/> (дата обращения: 2.11.2023).
9. Walt S.W. The collapse of the liberal world order // *Foreign Policy*. 26 June 2016. URL: <https://foreignpolicy.com/2016/06/26/the-collapse-of-the-liberal-world-order-european-union-brexite-donald-trump/> (дата обращения: 2.11.2023).
10. Snyder J. Imperial temptations // *The National Interest*. 2003. № 71. P. 29–40.
11. Biden J.R. Why America Must Lead Again // *Foreign Affairs*. 2020. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again> (дата обращения: 3.11.2023).
12. Ikenberry G. The end of liberal international order // *International Affairs*. 2018. № 94 (1). P. 7–23. doi: 10.1093/ia/iix241
13. Ikenberry G.J. A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crisis of Global Order. New Haven : Yale University Press, 2020. 432 p.
14. Cooley A., Nexon D. Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order. Oxford : Oxford University Press, 2020. 304 p.
15. Goh E. The Struggle for Order: Hegemony, Hierarchy, and Transition in Post-Cold War East Asia. Oxford : Oxford University Press, 2013. 288 p.
16. Goh E. Contesting Hegemonic Order: China in East Asia // *Security Studies*. 2019. № 28. P. 614–644. doi: 10.1080/09636412.2019.1604989
17. Goddard S.E. When Right Makes Might: Rising Powers and World Order. Ithaca : Cornell University Press, 2018. 264 p.
18. Lascurettes K.M. Orders of Exclusion: Great Powers and the Strategic Sources of Foundational Rules in International Relations. Oxford : Oxford University Press, 2020. 342 p.
19. Porter P. The False Promise of Liberal International Order: Nostalgia, Delusion and the Rise of Trump. Cambridge : Polity, 2020. 224 p.
20. Mearsheimer J.J. The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities. New Haven : Yale University Press, 2018. 328 p.
21. Acharya A. Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics. Cambridge : Cambridge University Press, 2018. 225 p.
22. Flockhart T. The Coming Multi-Order World // *Contemporary Security Policy*. 2016. № 37 (1). P. 3–30. doi: 10.1080/13523260.2016.1150053
23. Соков И.А. Доктринальные основы смены внешней политики США в период президентства Д. Трампа: Мексика и Канада // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27, № 2. С. 151–162. doi: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2022.2.13>
24. Ruiz J.T. Joe Biden's foreign policy paradox // *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 2022. № 132. P. 195–219. doi: 10.24241/rcai.2022.132.3.195
25. Kreuder-Sonnen Ch., Rittberger B. The LIO's growing democracy gap: an endogenous source of polity contestation // *Journal of International Relations and Development*. 2023. № 26. P. 61–85.
26. Cox M. Agonies of Empire: American Power from Clinton to Biden. Bristol : University of Bristol Press, 2022. 202 p.
27. Biden J. Remarks by President Biden on America's Place in the World. The White House. 04.02.2021. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (дата обращения: 4.11.2023).
28. Kortunov A.V. U.S. Attempts to Preserve Hegemony Will Only Make the Transition to a New World Order Harder for Washington // *Modern Diplomacy*. 2022. URL: <https://moderndiplomacy.eu/2022/11/23/u-s-attempts-to-preserve-hegemony-will-only-make-the-transition-to-a-new-world-order-harder-for-washington/> (дата обращения: 4.11.2023).
29. The Biden-Harris Administration's National Security Strategy. October 12, 2022. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (дата обращения: 5.11.2023).
30. National Security Strategy. October 12, 2022. The White House. 48 p. URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (дата обращения: 6.11.2023).
31. Bekkevold J.I., Tunsjo O. The geopolitical foundations for U.S. strategy in a new U.S.-China bipolar system // *China International Strategy Review*. 2022. № 4. P. 39–54. doi: 10.1007/s42533-022-00109-y
32. James W.D. Influencing the United States: is the game worth the candle // *International Politics*. 2022. № 59. P. 1029–1044. doi: 10.1057/s41311-021-00331-2
33. Helwig N. Culture shock: The EU's foreign and security policy and the challenges of the European Zeitenwende // *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 2023. № 33. P. 487–497. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s41358-023-00352-8> (дата обращения: 6.11.2023).
34. Sullivan J. The Sources of American Power. A Foreign Policy for a Changed World // *Foreign Affairs*. 2023. № 102 (6). P. 8–29. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/sources-american-power-biden-jake-sullivan> (дата обращения: 6.11.2023).
35. Winkler S.Ch. Strategic Competition and US-China Relations: A Conceptual Analysis // *The Chinese Journal of International Politics*. 2023. № 16. P. 333–356. doi: 10.1093/cjip/poad008

36. Price N. Department Press Briefing Transcripts. 2 February 2021 // U.S. Department of State. 2021. URL: <https://www.state.gov/briefings/department-press-briefing-february-2-2021/> (дата обращения: 7.11.2023).
37. Rogers J. Rethinking remote warfare // *International Politics*. 2023. № 60. P. 781–789.
38. Abutaleb Y. On foreign policy, Biden's gut is his guide // *The Washington Post*. 2023. URL: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/04/03/biden-foreign-policy-instinct/> (дата обращения: 7.11.2023).
39. Alexandroff A.A. Director, Global Summitry Project, teaches at the Munk School of Global Affairs & Public Policy, University of Toronto. Informal actors and their current impact on the global order // *International Politics*. 2022. doi: 10.1057/s41311-022-00394-9
40. Vieira V.G.R., Vadlamannati K.Ch., Li Y. Dispositional Balancing and Hegemonic Order: US Response to China's Financial Statecraft // *The Chinese Journal of International Politics*. 2023. № 1 (16). P. 1–30. doi: 10.1093/cjip/poac025
41. Liu Z., Shu M. The Russia–Ukraine conflict and the changing geopolitical landscape in the Middle East // *China International Strategy Review*. 2023. № 5. P. 99–112. doi: 10.1007/s42533-023-00134-5
42. Ming Z. The Partnership for Global Infrastructure and Investment. An Alternative for China's Belt and Road Initiative? // *China Quarterly of International Strategic Studies*. 2022. № 8 (2). P. 197–213. doi: 10.1142/S2377740022500087
43. Nephew R. *The Art of Sanctions: A View from the Field*. New York : Columbia University Press, 2017. 232 p.
44. Connolly R. *Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft is Reshaping Political Economy in Russia*. London : Cambridge University Press, 2018. 238 p.
45. Mulder N. *The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War*. New Haven : Yale University Press, 2022. 448 p.
46. Hass R. What America Wants From China. A Strategy to Keep Beijing Entangled in the World Order // *Foreign Affairs*. 2023. URL: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/what-america-wants-china-hass> (дата обращения: 8.11.2023).
47. Overholt W.H. Development and security in the twenty-first century: China and America // *China International Strategy Review*. 2023. № 5. P. 60–72. doi: 10.1007/s42533-023-00136-3

References

1. Acharya, A. (2014) *The End of American World Order*. Cambridge: Polity Press.
2. Boyle, M.J. (2016) The coming illiberal era. *Survival*. 58(2). pp. 35–66.
3. Bell, D. (2016) *Reordering the World: Essays on Liberalism and Empire*. Princeton, NJ: Princeton University Press.
4. Hehir, A. (2023) 'An expensive commodity'? The impact of hope on US foreign policy during the 'unipolar moment'. *European Journal of International Relations*. 29 (1). pp. 202–226. doi: 10.1177/13540661221143941
5. Kagan, R. (2017) The twilight of the liberal world order. Brookings Report, 24 January. [Online] Available from: <https://www.brookings.edu/research/the-twilight-of-the-liberal-world-order/> (Accessed: 1.11.2023).
6. Layne, C. (2012) The end of pax Americana. *The Atlantic*. 26 April. [Online] Available from: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2012/04/the-end-of-pax-americana-how-western-decline-became-inevitable/256388/> (Accessed: 1.11.2023).
7. Restad, H.E. (2014) *American Exceptionalism. An Idea that Made a Nation and Remade the World*. London: Routledge.
8. Speck, U. (2016) The crisis of liberal order. *The American Interest*. 12 September. [Online] Available from: <https://www.the-american-interest.com/2016/09/12/the-crisis-of-liberal-order/> (Accessed: 2.11.2023).
9. Walt, S.W. (2016) The collapse of the liberal world order. *Foreign Policy*. 26 June. [Online] Available from: <https://foreignpolicy.com/2016/06/26/the-collapse-of-the-liberal-world-order-european-union-brexit-donald-trump/> (Accessed: 2.11.2023).
10. Snyder, J. (2003) Imperial temptations. *The National Interest*. 71. pp. 29–40.
11. Biden, J.R. (2020) Why America Must Lead Again. *Foreign Affairs*. [Online] Available from: <https://www.foreignaffairs.com/articles/united-states/2020-01-23/why-america-must-lead-again> (Accessed: 3.11.2023).
12. Ikenberry, G. (2018) The end of liberal international order. *International Affairs*. 94 (1). pp. 7–23. doi: 10.1093/ia/iix241
13. Ikenberry, G.J. (2020) *A World Safe for Democracy: Liberal Internationalism and the Crisis of Global Order*. New Haven: Yale University Press.
14. Cooley, A. & Nexon, D. (2020) *Exit from Hegemony: The Unraveling of the American Global Order*. Oxford: Oxford University Press.
15. Goh, E. (2013) *The Struggle for Order: Hegemony, Hierarchy, and Transition in Post-Cold War East Asia*. Oxford: Oxford University Press.
16. Goh, E. (2019) Contesting Hegemonic Order: China in East Asia. *Security Studies*. 28. pp. 614–644. doi: 10.1080/09636412.2019.1604989
17. Goddard, S.E. (2018) *When Right Makes Might: Rising Powers and World Order*. Ithaca: Cornell University Press.
18. Lascurettes, K.M. (2020) *Orders of Exclusion: Great Powers and the Strategic Sources of Foundational Rules in International Relations*. Oxford: Oxford University Press.
19. Porter, P. (2020) *The False Promise of Liberal International Order: Nostalgia, Delusion and the Rise of Trump*. Cambridge: Polity.
20. Mearsheimer, J.J. (2018) *The Great Delusion: Liberal Dreams and International Realities*. New Haven: Yale University Press.
21. Acharya, A. (2018) *Constructing Global Order: Agency and Change in World Politics*. Cambridge: Cambridge University Press.
22. Flochhart, T. (2016) The Coming Multi-Order World. *Contemporary Security Policy*. 37 (1). pp. 3–30. doi: 10.1080/13523260.2016.1150053
23. Sokov I.A. (2022) The Doctrinal Foundations of the Change in U.S. Foreign Policy During Trump's Presidency: Mexico and Canada. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2 (27). pp. 151–162. (In Russian). doi: 10.15688/jvolsu4.2022.2.13
24. Ruiz, J.T. (2022) Joe Biden's foreign policy paradox. *Revista CIDOB d'Afers Internacionals*. 132. pp. 195–219. doi: 10.24241/rcai.2022.132.3.195
25. Kreuder-Sonnen, Ch. & Rittberger, B. (2023) The LIO's growing democracy gap: an endogenous source of polity contestation. *Journal of International Relations and Development*. 26. pp. 61–85.
26. Cox, M. (2022) *Agonies of Empire: American Power from Clinton to Biden*. Bristol: University of Bristol Press.
27. Biden, J. (2021) *Remarks by President Biden on America's Place in the World*. The White House, 04.02.2021. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/02/04/remarks-by-president-biden-on-americas-place-in-the-world/> (Accessed: 4.11.2023).
28. Kortunov, A.V. (2022) U.S. Attempts to Preserve Hegemony Will Only Make the Transition to a New World Order Harder for Washington. *Modern Diplomacy*. [Online] Available from: <https://moderndiplomacy.eu/2022/11/23/u-s-attempts-to-preserve-hegemony-will-only-make-the-transition-to-a-new-world-order-harder-for-washington/> (Accessed: 4.11.2023).
29. The White House. (2022) *The Biden-Harris Administration's National Security Strategy*. October 12, 2022. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (Accessed: 5.11.2023).
30. The White House. (2022) *National Security Strategy*, October 12, 2022. [Online] Available from: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/statements-releases/2022/10/12/fact-sheet-the-biden-harris-administrations-national-security-strategy/> (Accessed: 6.11.2023).
31. Bekkevold, J.I. & Tunsjo, O. (2022) The geopolitical foundations for U.S. strategy in a new U.S.-China bipolar system. *China International Strategy Review*. 4. pp. 39–54. doi: 10.1007/s42533-022-00109-y
32. James, W.D. (2022) Influencing the United States: is the game worth the candle. *International Politics*. 59. pp. 1029–1044. doi: 10.1057/s41311-021-00331-2

33. Helwig, N. (2023) Culture shock: The EU's foreign and security policy and the challenges of the European Zeitenwende. *Zeitschrift für Politikwissenschaft*. 33. pp. 487–497. [Online] Available from: <https://link.springer.com/article/10.1007/s41358-023-00352-8> (Accessed: 6.11.2023).
34. Sullivan, J. (2023) The Sources of American Power. A Foreign Policy for a Changed World. *Foreign Affairs*. 102 (6). pp. 8–29. [Online] Available from: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/sources-american-power-biden-jake-sullivan> (Accessed: 6.11.2023).
35. Winkler, S.Ch. (2023) Strategic Competition and US-China Relations: A Conceptual Analysis. *The Chinese Journal of International Politics*. 16. pp. 333–356. doi: 10.1093/cjip/poad008
36. Price, N. (2021) *Department Press Briefing Transcripts*. 2 February 2021. U.S. Department of State. [Online] Available from: <https://www.state.gov/briefings/departments-press-briefing-february-2-2021/> (Accessed: 7.11.2023).
37. Rogers, J. (2023) Rethinking remote warfare. *International Politics*. 60. pp. 781–789.
38. Abutaleb, Y. (2023) On foreign policy, Biden's gut is his guide. *The Washington Post*. [Online] Available from: <https://www.washingtonpost.com/politics/2023/04/03/biden-foreign-policy-instinct/> (Accessed: 7.11.2023).
39. Alexandroff, A.A. (2022) Director, Global Summitry Project, teaches at the Munk School of Global Affairs & Public Policy, University of Toronto. Informal actors and their current impact on the global order. *International Politics*. doi: 10.1057/s41311-022-00394-9
40. Vieira, V.G.R., Vadlamannati, K.Ch. & Li, Y. (2023) Dispositional Balancing and Hegemonic Order: US Response to China's Financial Statecraft. *The Chinese Journal of International Politics*. 1 (16). pp. 1–30. doi: 10.1093/cjip/poac025
41. Liu, Z. & Shu, M. (2023) The Russia–Ukraine conflict and the changing geopolitical landscape in the Middle East. *China International Strategy Review*. 5. pp. 99–112. doi: 10.1007/s42533-023-00134-5
42. Ming, Z. (2022) The Partnership for Global Infrastructure and Investment. An Alternative for China's Belt and Road Initiative? *China Quarterly of International Strategic Studies*. 8 (2). pp. 197–213. doi: 10.1142/S2377740022500087
43. Nephew, R. (2017) *The Art of Sanctions: A View from the Field*. New York: Columbia University Press.
44. Connolly, R. (2018) *Russia's Response to Sanctions: How Western Economic Statecraft is Reshaping Political Economy in Russia*. London: Cambridge University Press.
45. Mulder, N. (2022) *The Economic Weapon: The Rise of Sanctions as a Tool of Modern War*. New Haven: Yale University Press.
46. Hass, R. (2023) What America Wants From China. A Strategy to Keep Beijing Entangled in the World Order. *Foreign Affairs*. [Online] Available from: <https://www.foreignaffairs.com/united-states/what-america-wants-china-hass> (Accessed: 8.11.2023).
47. Overholt, W.H. (2023) Development and security in the twenty-first century: China and America. *China International Strategy Review*. 5. pp. 60–72. doi: 10.1007/s42533-023-00136-3

Информация об авторе:

Соков И.А. – д-р ист. наук, профессор кафедры истории и международных отношений Волгоградского государственного университета (Волгоград, Россия). E-mail: sokov@volsu.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

I.A. Sokov, Dr. Sci. (History), professor, Volgograd State University (Volgograd, Russian Federation). E-mail: sokov@volsu.ru

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.11.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 15.11.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья
УДК 94 (470)
doi: 10.17223/15617793/498/14

Вернуться на Родину: советские работники нацистского принудительного труда, репатриированные и погибшие за рубежом (1941–1945 гг.), в культуре памяти современной России

Наталья Петровна Тимофеева¹

¹ Воронежский институт высоких технологий, Воронеж, Россия, nptimofeeva@gmail.com

Аннотация. Рассматривается советская политика памяти в Германии 1945–1949 гг. Показана роль советских военных в процессе репатриации соотечественников – бывших военнопленных и «восточных рабочих», а также немецких органов самоуправления в приведении в порядок мест памяти – кладбищ и отдельных захоронений советских работников нацистского принудительного труда. Выявляются истоки замалчивания в СССР многочисленных советских жертв войны, погибших в неволе, и судьбы репатриированных, что в значительной степени определило культуру памяти современной России.

Ключевые слова: репатриация, советские военнопленные, «восточные рабочие», погибшие в неволе, места памяти

Для цитирования: Тимофеева Н.П. Вернуться на Родину: советские работники нацистского принудительного труда, репатриированные и погибшие за рубежом (1941–1945 гг.), в культуре памяти современной России // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 128–133. doi: 10.17223/15617793/498/14

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/14

Back home: Soviet workers of Nazi forced labor who were repatriated and died abroad (1941–1945) in the memory culture of modern Russia

Natalya P. Timofeyeva¹

¹ Voronezh Institute of High Technologies, Voronezh, Russian Federation, nptimofeeva@gmail.com

Abstract. Soviet prisoners of war and “Eastern workers” were ousted in the USSR from scientific knowledge and memory culture. In Russia, there were works of scientists who touched upon this problem, but lost sight of the activities of Soviet military servants to repatriate liberated USSR citizens and to account the burial sites of compatriots who died in captivity. These issues are important components of the Soviet memory policy in Germany and are inextricably linked to the modern memory culture of Russia. Studying them is the aim of this article. The study is primarily based on documents of the Foundation of the Soviet Military Administration in Germany, which are available in the State Archive of the Russian Federation. Soviet military servants’ activities regarding memorial sites are reflected in the materials from such German memorial complexes as Bergen-Belsen, Buchenwald, Neuengamme, and Flossenbürg. Repatriation of Soviet citizens who were released from captivity required appropriate army services. Most combat officers did not want to work in repatriation authorities due to the situation’s ambivalence: wartime laws were still effective and considered captivity and work for the enemy as treason, but there already existed the directives of the People’s Commissar Council on providing repatriates with everything needed. Concerns were also raised about the inevitability of cooperation with the People’s Commissariat for Internal Affairs and the Ministry of Foreign Affairs who were responsible for all issues of repatriation, except for economic ones. In these conditions the repatriates’ memories about their captivity experiences were risky. A tradition of silence about the tragedy of Soviet citizens’ forced labor and captivity in Nazi Germany began to take shape. Excavation of graves of Soviet citizens who died in Germany, their identification, registration and accounting of the graves were also among the tasks of Soviet military servants. The cold war-induced deterioration of Soviet mission working conditions in the Western occupation zones worsened their performance without affecting transfer of Soviet cemeteries to local German authorities. Thus, the Soviet memory policy in relation to the war burials of Soviet citizens in Germany was expressed in the silencing of that issue at home along with diplomatic efforts to maintain the graves of fellow citizens abroad as material evidences of the war. The government tried to conceal the number of people killed in captivity. The repatriates who caused distrust of the authorities and society were silent about their past until the USSR collapsed. Russian society recognized Soviet military prisoners as war victims. Against this background, the concern about the fate of “Eastern workers” almost disappeared. Preserving the memory of the forced labor tragedy is now possible only depending on current trends in the higher and secondary education system supported by concerned Internet resources. The subject of this article gained relevance due to a natural passion of the war survivor generation and the need to comprehend the experience of captivity and oblivion

as part of a general historical experience. This may also be the case for the “coming back home” of war victims whose graves remain unknown in Russia.

Keywords: repatriation, Soviet military prisoners, “Eastern workers”, killed in captivity, memorial sites

For citation: Timofeyeva, N.P. (2024) Back home: Soviet workers of Nazi forced labor who were repatriated and died abroad (1941–1945) in the memory culture of modern Russia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 128–133. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/14

«Восточные рабочие» и советские военнопленные были вытеснены в СССР из сферы научного знания, общественной и частной культуры памяти. К чести российской науки следует отметить труды П.М. Поляна [1] и вышедшую в 2016 г. фундаментальную монографию В.Н. Земскова, детально осветившего ряд важных вопросов репатриации советских граждан в 1944–1952 гг. [2]. Интерес представляют также монография Е.Л. Данченко, посвященная принудительному труду «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии [3], и М.Е. Ерина, представившего анализ историографии советских военнопленных в Третьем рейхе [4]. Свой вклад в раскрытие темы внесли труды Ю.Н. Арзамаскина [5] и А.Ф. Бичехвоста [6].

Большие надежды сулит российскому научному сообществу опубликованный издательством «Российская политическая энциклопедия» в 2019 г. сборник документов о деятельности в Германии аппарата уполномоченного Совета народных комиссаров / Совета министров СССР по делам репатриации и военных органов репатриации [7]. Публикация была осуществлена преимущественно на основе материалов Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ). Она может способствовать появлению новых исследований этой сложной проблемы.

Вне сферы внимания российских ученых остается по-прежнему деятельность советских военных по репатриации освобожденных из неволи граждан СССР и учету мест захоронения погибших в неволе соотечественников. Оба этих вопроса являются важными составляющими советской политики памяти в Германии 1945–1949 гг. и неразрывно связаны с культурой памяти современной России. Попытка их рассмотрения представлена в данной статье.

Исследование базируется, прежде всего, на документах фонда советской военной администрации в Германии (СВАГ) в ГАРФ [8] и фонда «Референтура по Германии» в Архиве внешней политики Российской Федерации (АВП РФ) [9]. В фонде СВАГ содержатся материалы, не привлекавшие ранее внимания исследователей, но позволяющие выявить этапы и сущность сложного процесса репатриации советских граждан в 1944–1949 гг. на территории Польши и Германии, т.е. до отправки в Советский Союз. Фонд «Референтура по Германии» в АВП РФ дает возможность определить внешнеполитические аспекты заявленной проблемы. В ее разработке большую роль сыграло также знакомство с документами экспозиций германских музейных комплексов – Берген-Бельзена, Бухенвальда, Нойенгамме, Флоссенбюрга, созданных на основе бывших нацистских концентрационных лагерей. Они облегчили анализ деятельности советских военных в отношении мест памяти о рабском и принудительном труде сограждан в Германии 1945–1949 гг.

Процесс репатриации освобожденных из неволи советских граждан включает несколько этапов. Их содержание было связано с постепенным созданием соответствующих армейских служб и попыткой военных взять под контроль неожиданно многочисленный поток хаотично передвигавшихся по территории Польши и Германии бывших узников концентрационных лагерей и работников принудительного труда, среди них также советских военнопленных и гражданских лиц.

С января по май 1945 г., когда еще шли военные действия на территории Польши и Германии, репатриация освобожденных из нацистских лагерей советских граждан носила преимущественно бессистемный характер. Но при Военном совете продвигавшихся на запад фронтов уже действовал представитель уполномоченного Совета народных комиссаров по делам репатриации, началось формирование соответствующих армейских служб, были созданы первые сборные пункты. В то же время еще не существовало учета освобожденных лиц, зачастую они просто шли на восток, опираясь на помощь польского населения. К 9 мая 1945 г. военные зарегистрировали около двухсот тысяч освобожденных из неволи советских граждан [8. Д. 1. Л. 5]. Эта цифра была существенно ниже реального числа направлявшихся в СССР бывших невольников Третьего рейха.

После окончания Второй мировой войны в Европе репатриация советских граждан осуществлялась на основе Ялтинских и Галльских соглашений. На этом этапе при Военном совете группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ) было сформировано Управление репатриации, а при военных советах армий начали действовать отделы репатриации. Отдел репатриации был сформирован и в составе штаба СВАГ. Опираясь на накопленный опыт, военные оценивали возможное количество репатриантов в 500 000 человек [8. Д. 1. Л. 8], но уже 1 августа 1945 г. они зафиксировали 615 тыс. советских граждан, ожидавших отъезда на родину [8. Д. 1. Л. 17]. И это было только начало процесса.

Следует отметить, что работа сборных пунктов выявила необходимость решения прежде всего проблем медицинского характера. Среди репатриантов был высок процент венерических больных, беременных женщин, зараженных педикулезом и просто истощенных людей [8. Д. 1. Л. 50]. Отправка большинства репатриантов к границам СССР «походом», как планировалось ранее, оказалась невозможна. В госпиталях срочно создавались специальные отделения, включая родильные, «куда направлялись все женщины-репатриантки на восьмом месяце беременности». Отправка их в СССР производилась после родов исключительно железнодорожными эшелонами, в связи с чем «в составе выделялось по 1–2 вагона для матери и ребенка».

Матери получали необходимый набор продуктов, предназначенный новорожденным, «питание беременных и кормящих матерей, а также детей до пяти лет было организовано с отдельных кухонь» [8. Д. 1. Л. 49].

Большинство прошедших войну боевых офицеров не стремились работать в органах репатриации. С одной стороны, продолжали действовать законы военного времени, в соответствии с которыми военный плен и работа на врага определялись как предательство [11], с другой – были директивы уполномоченного Совета народных комиссаров по делам репатриации и соответствующие приказы военных советов армий, в которых речь шла об обеспечении репатриантов всем необходимым. Амбивалентность ситуации вызывала у офицеров стремление избежать нежелательных последствий от работы с репатриантами. Свою роль играло и то, что в хозяйственном отношении сборно-пересыльные и проверочно-фильтрационные пункты «подчинялись соответствующим фронтам и группам войск», все остальные вопросы находились в ведении сотрудников НКВД/МВД [10]. На этом фоне возникала особая зависимость бывших работников нацистского принудительного труда от офицеров, с которыми их сводила судьба. От политработников и командования лагерей поступали жалобы на произвол работников проверочно-фильтрационных комиссий и представителей военной контрразведки. Так, сообщалось о ситуации в лагере № 232: «Эти работники в большинстве своем молодежь, недавно со школьной скамьи, недостаточно дисциплинированная, с гонором, зачастую при опросах применяла угрозы, запугивания и даже избиение и делала это так, что крики репатриантов были слышны остальным. Отбирали ценные вещи у репатриантов, угрозами принуждали девушек к сожительству». В лагере № 211 «при опросе девушки 16–17 лет, которая уже 3 года находится в Германии, бросается упрек, что она работала на немцев, и когда она со слезами на глазах заявляет, что не виновата, что же мне было делать, ей отвечают, надо было идти в партизаны» [8. Д. 1. Л. 105].

Двойственность позиции советских офицеров прослеживалась и в стиле отчетов разных уровней. Например, сообщая о работе, проделанной ими по снабжению репатриантов, они описывали одновременно процесс «очищения советской зоны оккупации от советских граждан» [8. Д. 1. Л. 18].

Не только пережитое в нацистской Германии, но и воспоминания об этом опыте были нежелательны в советских лагерях для репатриантов. Так, уже в 1945 г. начала складываться традиция молчания о трагедии депортации и нацистского принудительного труда советских граждан. Прошедшие войну солдаты и боевые офицеры, работавшие с репатриантами в сборно-пересыльных и проверочно-фильтрационных пунктах, имели собственную травму и память о войне. Большинство их осознавали случайность своей счастливой судьбы в годы войны и потому испытывали сочувствие к бывшим «восточным рабочим» и особенно военнопленным. В конце 1940-х гг. личная память этой группы лиц о войне стала также нежелательна в Советском Союзе.

Случаи унижительного отношения военных, скудный паек, заниженная оплата труда, содержание и работа под стражей в советских лагерях в Германии перед отправкой на родину – все это вызывало у репатриантов ассоциации с недавним прошлым, приводило к разочарованию, побегам и депрессии вплоть до случаев самоубийства. В соответствии с отчетами только в сентябре 1945 г. покончили жизнь самоубийством 28 репатриантов, преимущественно бывших военнопленных [8. Д. 1. Л. 105]. Особенно сложным было положение женщин. Тем не менее к 1947 г. репатриация большинства освобожденных из неволи советских граждан была завершена.

Созданный в июне 1945 г. Отдел репатриации и розыска граждан Объединенных наций СВАГ работал в тесном взаимодействии с аппаратом Уполномоченного Совета народных комиссаров СССР по делам репатриации. В число задач, стоявших перед отделом, входили также: 1. Организация раскопок могил советских граждан, военнопленных и граждан союзных государств, погибших в плену на территории Германии. 2. Установление личности похороненных. 3. Оформление могил советских граждан. 4. Учет обнаруженных могил советских граждан. 5. Учет «зверств и издевательств, учиненных нацистами над советскими военнопленными и гражданскими лицами» [8. Д. 1. Л. 14–38].

Работа велась на территории всей Германии. К 1947 г. только в советской оккупационной зоне было выявлено 89 320 могил, включая массовые захоронения советских военнопленных [8. Д. 1. Л. 47]. Все данные, отправлявшиеся уполномоченному Совету народных комиссаров по делам репатриации, работавшие в Германии советские офицеры считали заниженными. Особенно сложным положение дел было на территории английской оккупационной зоны. В каждом следующем отчете число погибших в неволе советских граждан возрастало. К середине 1948 г. в западных зонах оккупации Германии были обнаружены захоронения более 600 000 советских военнопленных и «восточных рабочих», из них 381 045 человек – в английской оккупационной зоне. Советские офицеры учли там 545 мест погребения и установили 111 обелисков [8. Д. 1. Л. 46]. Приведение в порядок захоронений погибших в неволе советских граждан требовало больших усилий и временных затрат.

1947 г. стал переломным в отношениях советских офицеров с представителями аналогичных служб союзников. До начала холодной войны они отличались в целом конструктивностью. Ухудшение условий работы советских военных миссий в западных зонах оккупации Германии снизило эффективность усилий поисковых групп, не сказавшись практически на процессе передачи советских кладбищ и отдельных захоронений с целью их содержания и ухода за ними в ведение местных немецких властей. В актах передачи четко формулировались обязанности немецкой стороны и персональная ответственность глав местного самоуправления. Например, 5 апреля 1946 г. представитель военной комендатуры района Зангерхаузен лейтенант И.И. Аксенов и бургомистр Бергер подписали акт передачи деревенской общине Теледа «кладбища

похороненных граждан СССР и Объединенных наций». Военные предупреждали бургомистра о необходимости содержать «могилы в надлежащем виде», т.е.:

- 1) все могилы должны были быть огорожены;
- 2) на каждую следовало поставить памятник, оснастить ее венком и посмертными демографическими данными похороненных [8. Д. 2. Л. 12].

Все памятники оформлялись одинаково и были оснащены красной звездой. Ухудшение отношений с союзниками по антигитлеровской коалиции привело, однако, к сокращению командировок и времени пребывания в них советских офицеров, таким образом, и к росту числа безымянных могил.

Следует отметить, что параллельно велась работа по приведению в порядок захоронений советских солдат и офицеров, погибших в боях на территории Германии в последние месяцы войны. Отданные в связи с этим приказы, существенно отличались от приказов, касавшихся захоронений советских военнопленных и «восточных рабочих». В первом случае речь шла о сакральных жертвах, героях, павших в борьбе с врагом, тон вторых отличался конкретностью, он был сух и не содержал оценок.

Одной из причин превращения в «фигуры умолчания» бывших советских военнопленных и гражданских работников нацистского принудительного труда после возвращения в СССР являлась попытка Советского государства скрыть реальное число погибших в неволе. Прежде всего это касалось попавших в плен и погибших в нацистской Германии советских военнопленных. Масштаб данных потерь до сих пор неизвестен в России. Работа СВАГ по поиску и учету мест захоронения погибших в неволе советских граждан почти не освещалась в прессе. Прибывавшие из-за границы репатрианты вызывали недоверие власти и общества и предпочитали молчать о своем прошлом [11]. Такое положение дел сохранялось вплоть до крушения СССР.

Для советской политики памяти в отношении военных захоронений граждан СССР в Германии было характерно, однако, замалчивание вопроса внутри страны в сочетании с усилиями дипломатов по поддержанию кладбищ и массовых могил советских граждан за рубежом как материальных следов трагедии войны [12]. Так, в 1960-е гг. советское посольство в Бонне неоднократно вмешивалось в процесс реконструкции кладбища советских военнопленных в Берген-Бельзен (Нижняя Саксония). Работу организовывал и финансировал Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями. В акциях участвовала молодежь из ряда западноевропейских стран. Контролировало процесс реконструкции Объединение лиц, преследовавшихся при нацизме (Verein der Verfolgten des Naziregimes – VVN). Свою лепту внесла и Рабочая группа Берген-Бельзен (Arbeitsgemeinschaft Bergen-Belsen e.V.) – общественная организация, созданная в поддержку одноименного мемориального комплекса, появившегося на основе бывшего нацистского лагеря. Последовательная позиция всех участников процесса способствовала в итоге тщательной реконструкции кладбища [13. С. 65–77]. В целом решение возложенной

на немецкие органы самоуправления задачи было обусловлено спецификой международных отношений и развитием немецкого общества, к которому перешла забота о сохранности кладбищ и отдельных могил советских граждан, погибших в нацистской Германии.

В годы холодной войны некоторые кладбища пришли в упадок. Советская символика памятников являлась в ФРГ раздражающим фактором, что приводило и к их произвольной модификации. Например, на памятнике погибшим советским гражданам в Штукенброке красное знамя победы было заменено крестом. В то же время в СССР Штукенброк как синоним трагедии советских военнопленных практически не был известен, да и поныне в России остается известен лишь узкому кругу лиц.

Многочисленные жертвы войны – погибшие в неволе советские солдаты и офицеры, «восточные рабочие», память о которых была долгое время табуирована, остались и после распада СССР индивидуальной травмой их родных. Открытие границ сделало возможным посещение могил тех, кто не дожил в немецком плену до освобождения, но ничтожно мало было и остается число россиян, располагающих необходимыми для этого средствами. Неудивительно, что одним из программных требований общественной организации, созданной в 1990-е гг. в г. Павловск Воронежской области детьми не вернувшихся с войны солдат и офицеров, явилось право на проезд к месту погребения отца за рубежом за счет государства [14]. Российское общество менялось и ставило перед государством не всегда удобные вопросы. Свою роль при этом играли интенсивно развивавшееся краеведение, личные воспоминания и семейная история.

Неудовлетворенность местом военного плена в российской культуре памяти, связанная с пленом, травма привели к попытке доживших до освобождения бывших военнопленных увековечить трагедию погибших на чужбине товарищей по оружию. Так появилась, например, коллекция работ узника Шталага II-B в Хаммерштайне, художника М.П. Милованова, хранящаяся ныне в Липецком областном краеведческом музее.

Следует отметить, что в современной России устанавливаются мемориальные доски и памятники в местах захоронения советских военнопленных, погибших на оккупированной нацистской Германией территории СССР. Зачастую этот процесс инициируют поисковики. После 70 лет молчания официальных властей и историков функцию сохранения памяти о трагических событиях оккупации берут на себя и учителя. Например, на территории Воронежской области находилось в годы оккупации более 50 нацистских лагерей, в которых содержались преимущественно советские военнопленные. В 2008 г. у хутора Пахолук был установлен памятник советским военнопленным, погибшим при строительстве железной дороги в этой местности. Идея его создания принадлежала учителю истории В. Стелкину. Ученики работали при установке памятника вместе с родителями.

Ныне можно говорить о состоявшемся признании в российском обществе советских военнопленных как жертв войны, невзирая на усиливающуюся тенденцию к

восстановлению привычных схем в интерпретации прошлого. Особенно если речь идет о войне. На этом фоне в российском обществе практически исчез интерес к проблеме принудительного труда и судьбе «восточных рабочих». В 2019 г. под моим руководством были проведены опросы в 16 учительских группах Воронежской и Липецкой областей. Большой редкостью являлся правильный ответ на вопрос: «Кто такие “восточные рабочие”?». Несмотря на важность проблематики принудительного труда «восточных рабочих», данный аспект истории Второй мировой войны рискует исчезнуть из нашей памяти, так и не заняв в ней достойного места.

Общеизвестно: только то, что выставлено в музеях, воплощено в памятниках и попало в школьные учебники, обретает шанс на передачу следующим поколениям. Понимание этого привело к объединению семи университетов и институтов Волгограда, Воронежа, Ельца, Курска, Нижнего Новгорода, Санкт-Петербурга и Ярославля в рамках проекта, посвященного проблеме нацистского принудительного труда. Представители высшей школы работали с учителями на основе интервью из онлайн-архива «Принудительный труд

1939–1945. Воспоминания и история» и связанной с ним онлайн-платформы «Обучение на основе интервью». Это позволило педагогам системы среднего образования познакомиться с судьбами бывших невольников Третьего рейха, способствовало появлению эмпатии в отношении данной группы жертв нацизма. Русскоязычная версия архива стирает границу между респондентами, интервью с которыми представлены в нем, и российскими интернет-пользователями. Таким образом, индивидуальный опыт бывших работников принудительного труда может занять свое место в общественном сознании и одновременно модифицировать коллективную память России.

Насущность разработки данной темы в историко-антропологической и гуманитарной перспективе диктуется, с одной стороны, естественным уходом поколения переживших войну, с другой – необходимостью сохранить в коллективной памяти россиян и осмыслить опыт испытания неволей и забвением как части общего исторического опыта. Так может состояться и своего рода «возвращение на Родину» многочисленных жертв войны, похороненных на чужбине.

Список источников

1. Полян П.М. Жертвы двух диктатур: Жизнь, труд, унижения и смерть советских военнопленных и оstarбайтеров на чужбине и на родине. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002.
2. Земсков В.Н. Возвращение советских перемещенных лиц в СССР. 1944–1952 гг. М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016.
3. Данченко Е.Л. Батраки поневоле. Принудительный труд «восточных рабочих» в сельском хозяйстве нацистской Германии (1941–1945 гг.). Воронеж: Воронеж. гос. пед. ун-т, 2012.
4. Ерин М.Е. Советские военнопленные в нацистской Германии 1941–1945 гг. Проблемы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2005.
5. Арзамаскин Ю.Н. Заложники второй мировой войны. Репатриация советских граждан в 1944–1953 гг. М.: Фокус, 2001.
6. Бичехвост А.Ф. История репатриации советских граждан: трудности возвращения (1944–1953). Саратов: Саратов. гос. академия права, 2008.
7. Репатриация советских граждан с оккупированной территории Германии, 1944–1952 гг.: в 2 т. / отв. ред. О. Лавинская, В.В. Захаров; при участии Сандры Дальке и Маттиаса Уля. М., 2019.
8. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-7317. СВАГ. Оп. 20. Отдел (Управление) по репатриации и розыску граждан объединенных наций СВАГ.
9. Архив внешней политики Российской Федерации. Ф. Референтура по Германии.
10. Герман А.А. Проверочно-фильтрационные лагеря как главный элемент механизма репатриации советских военнопленных и других граждан (середина и конец 1940-х гг.) // Советские военнопленные. Сопротивление. Коллаборационизм. Память: материалы междунар. науч. конф. (21–24 октября 2018 г., Новосибирск) / под общ. ред. Н.М. Маркдорф, Х. Винкель, А. Хильгера, Д. Стратиевского. Новосибирск: Немо Пресс, 2018. С. 128–137.
11. Интервью с Людмилой Тимофеевной Гришаевой // Архив «Принудительный труд 1939–1945». URL: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za349>
12. Petry S., Keller R. „Ruhet im Frieden, teure Genossen...“ Der Friedhof des Kriegsgefangenenlagers Bergen-Belsen. Geschichte und Erinnerungskultur. Mit einem Beitrag von Natalja Jeske über den Künstler Mykola Muchin. Göttingen, 2016.
13. Радикальная реконструкция в 1960-е гг. // Петри З., Келлер Р. «Спите, дорогие товарищи...» Кладбище лагеря военнопленных Берген-Бельзен. История и культура исторической памяти. Со статьей Наталье Еске о скульпторе Микеле Мухине. Гёттинген, 2017.
14. Программа организации «Белые журавли» // Личный архив автора.

References

1. Polyan, P.M. (2002) *Zhertyy dvukh diktatur: Zhizn', trud, unizheniya i smert' sovetskikh voennoplennykh i ostarbayterov na chuzhbine i na rodine* [Victims of two dictatorships: Life, work, humiliation and death of Soviet prisoners of war and Eastern workers in a foreign land and at home]. 2nd ed. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN).
2. Zemskov, V.N. (2016) *Vozvrashchenie sovetskikh peremeshchennykh lits v SSSR. 1944–1952 gg.* [Return of Soviet displaced persons to the USSR. 1944–1952]. Moscow: Institute of Russian History, RAS: Tsentr "gumanitarnykh initsiativ".
3. Danchenko, E.L. (2012) *Batraki ponevole. Prinuditel'nyy trud "vostochnykh rabochikh" v sel'skom khozyaystve natsistskoy Germanii (1941–1945 gg.)* [Farm laborers against their will. Forced labor of "Eastern workers" in agriculture in Nazi Germany (1941–1945)]. Voronezh: Voronezh State Pedagogical University.
4. Erin, M.E. (2005) *Sovetskie voennoplennyye v natsistskoy Germanii 1941–1945 gg. Problemy issledovaniya* [Soviet prisoners of war in Nazi Germany, 1941–1945. Research problems]. Yaroslavl: Yaroslavl State University.
5. Arzamaskin, Yu.N. (2001) *Zalozhniki vtoroy mirovoy voyny. Repatriatsiya sovetskikh grazhdan v 1944–1953 gg.* [Hostages of the Second World War. Repatriation of Soviet citizens in 1944–1953]. Moscow: Fokus.
6. Bichekhvost, A.F. (2008) *Istoriya repatriatsii sovetskikh grazhdan: trudnosti vozvrashcheniya (1944–1953)* [History of the repatriation of Soviet citizens: difficulties of return (1944–1953)]. Saratov: Saratov State Law Academy.
7. Lavinskaya, O. et al. (eds) (2019) *Repatriatsiya sovetskikh grazhdan s okkupirovannoy territorii Germanii, 1944–1952 gg. V 2-kh tt.* [Repatriation of Soviet citizens from the occupied territory of Germany, 1944–1952. In 2 vols]. Moscow: ROSSPEN.

8. State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund R-7317. *SVAG* [Soviet Military Administration in Germany]. List 20. *Otdel (Upravlenie) po repatriatsii i rozysku grazhdan ob''edinennykh natsiy SVAG* [Soviet Military Administration in Germany's Department for the repatriation and search of citizens of the United Nations].
9. Archive of the Foreign Policy of the Russian Federation (AVP RF). Fund *Referentura po Germanii* [References for Germany].
10. German, A. A. (2018) [Testing and filtration camps as the main element of the mechanism for the repatriation of Soviet prisoners of war and other citizens (mid- and late 1940s)]. *Sovetskie voennoplennyye. Soprotivleniye. Kollaboratsionizm. Pamyat'* [Soviet prisoners of war. Resistance. Collaborationism. Memory]. Proceedings of the International Conference. Novosibirsk. 21–24 October 2018. Novosibirsk: ООО "Nemo Press". pp. 128–137. (In Russian).
11. Forced Labor 1939–1945 Archive. (n.d.) *Interv'yu s Lyudmiloy Timofeevnoy Grishaevoy* [Interview with Lyudmila Timofeevna Grishaeva]. [Online] Available from: <https://archiv.zwangsarbeit-archiv.de/ru/interviews/za349>
12. Petry, S. & Keller, R. (2016) „Ruhet im Frieden, teure Genossen...“ Der Friedhof des Kriegsgefangenenlagers Bergen-Belsen. Geschichte und Erinnerungskultur. Mit einem Beitrag von Natalja Jeske über den Künstler Mykola Muchin. Göttingen.
13. Petry, S. & Keller, R. (2017) Radikal'naya rekonstruktsiya v 1960-e gg. [Radical reconstruction in the 1960s]. In: „*Ruhet im Frieden, teure Genossen...*“ Der Friedhof des Kriegsgefangenenlagers Bergen-Belsen. Geschichte und Erinnerungskultur. Mit einem Beitrag von Natalja Jeske über den Künstler Mykola Muchin. Göttingen.
14. Personal archive of the author. (n.d.) *Programma organizatsii "Belye zhuravli"* [Program of the Belye Zhuravli organization].

Информация об авторе:

Тимофеева Н.П. – канд. ист. наук, руководитель Научно-образовательного центра устной истории Воронежского института высоких технологий (Воронеж, Россия). E-mail: nptimofeeva@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

N.P. Timofeyeva, Cand. Sci. (History), head of the Research and Educational Center for Oral History, Voronezh Institute of High Technologies (Voronezh, Russian Federation). E-mail: nptimofeeva@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 18.05.2020;
одобрена после рецензирования 16.07.2021; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 18.05.2020;
approved after reviewing 16.07.2021; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 94(571.54):329.013
doi: 10.17223/15617793/498/15

Замена руководства Бурят-Монгольской АССР в 1951 г.: о кадровой политике ЦК ВКП(б) в послевоенный период

Алексей Николаевич Федоров¹, Евгений Тарасович Протасов²

¹ Челябинский государственный университет Челябинск, Россия, alnikfedorov@yandex.ru

² Бурятская государственная сельскохозяйственная академия имени В.Р. Филиппова, Улан-Удэ, Россия, protasov-evg@mail.ru

Аннотация. Рассмотрено отношение ЦК ВКП(б) к деятельности руководства Бурят-Монгольской АССР в 1943–1951 гг. Показано, что выполнение даже текущих хозяйственных задач и соответствие конъюнктурным требованиям центра позволяло руководителям небольшой республики долгое время оставаться на своих постах. Сделан вывод, что только стремление центра в начале 1950-х гг. добиться полного восстановления сельского хозяйства в стране вызвало кадровые перестановки в руководстве отстающих аграрных регионов, в том числе и Бурят-Монголии.

Ключевые слова: Бурят-Монгольская АССР, кадровая политика, А.В. Кудрявцев, обком, партийный аппарат, поздний сталинизм, послевоенный период, ЦК ВКП(б)

Для цитирования: Федоров А.Н., Протасов Е.Т. Замена руководства Бурят-Монгольской АССР в 1951 г.: о кадровой политике ЦК ВКП(б) в послевоенный период // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 134–143. doi: 10.17223/15617793/498/15

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/15

Replacement of the Buryat-Mongolian ASSR leaders in 1951: On the CPSU Central Committee's human resource policy in the postwar period

Aleksey N. Fedorov¹, Evgeny T. Protasov²

¹ Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russian Federation, alnikfedorov@yandex.ru

² V.R. Filippov Buryat State Agricultural Academy, Ulan-Ude, Russian Federation, protasov-evg@mail.ru

Abstract. The reasons for the resignations of the USSR regional leaders during the late Stalin era still cause discussions among specialists. Despite the fact that historians' attention is attracted primarily by politicized cases, most staff changes in the postwar period occurred for economic reasons. But there were other factors that could have sped up or delayed the resignation of the regional leader. These factors were identified on the example of the activities of the Buriat-Mongolian ASSR leadership and especially A.V. Kudryavtsev, the first secretary of the Buryat-Mongolian Regional Committee of the CPSU. The analysis of scientific literature and documents of the Russian State Archive of Socio-Political History and the State Archive of the Republic of Buryatia showed that the Buryat-Mongolia experienced serious economic difficulties in the first postwar years. The shortage of material and human resources, the low professionalism of local managers and the lack of systematic assistance from the center led to the fact that the republic's agriculture was in crisis. The regional leadership acted in a standard and low-energy manner, and Kudryavtsev's dictatorial style caused discontent among local cadres. Since the republic's contribution to the country's economy and strategic projects was small, Moscow paid little attention to it. The Central Committee dealt with Buryat-Mongolia only during complex inspections in the regions (1945) and when serious compromising materials were received (1946). But, in the first case, the center took into account the limited resources of the republic, and, in the second, its leaders presented the accusations against them as machinations of "bourgeois nationalists". In 1947–1949, economic recovery in the Buryat-Mongolian Autonomous Republic was slow, however, it coped with current, rather moderate economic tasks. The republic's leadership successfully passed the test of the regional party conference of 1948 and was in good standing with the center. However, in 1950 it became clear that, by the end of the fourth five-year plan, the republic had not reached pre-war indicators in agriculture and failed a three-year plan for the development of livestock production. At the same time, new compromising materials appeared, which were brought to Stalin. All this coincided with the intention of the Central Committee to accelerate the restoration of agriculture in the country through staff changes in the most backward agrarian regions, one of which was the Buryat-Mongolian ASSR.

Keywords: Buryat-Mongolian ASSR, human resource policy, A.V. Kudryavtsev, regional committee, party apparatus, postwar period, late Stalin era, Central Committee of CPSU(b)

For citation: Fedorov, A.N. & Protasov, E.T. (2024) Replacement of the Buryat-Mongolian ASSR leaders in 1951: On the CPSU Central Committee's human resource policy in the postwar period. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 134–143. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/15

За два минувших десятилетия изучение регионального руководства стало одним из популярных направлений в отечественной историографии СССР эпохи позднего сталинизма. Помимо биографических справочников, содержащих послужной список большинства региональных руководителей РСФСР и других союзных республик [1–4], издано значительное количество работ, посвященных масштабам и механизмам ротации секретарей региональных комитетов партии [5, 6], составу и деятельности партийно-советской номенклатуры ряда регионов [7–9]. Недавно появилось и комплексное исследование регионального руководства СССР, в котором детально раскрыты основные аспекты темы: установки и практики кадровой политики центра, лоббирование региональных интересов, отношения в местных управленческих сетях [10].

Ключевой вопрос, который в первую очередь интересует специалистов по указанной теме, касается причин отставки того или иного регионального руководителя. Более всего исследователей привлекают случаи с политической подоплекой, в частности кадровые чистки, вызванные «ленинградским делом» и другие «дела» («московское», «карельское», «мингрельское») [11–16]. Однако отстранение от высоких постов по конъюнктурным соображениям в первые послевоенные годы происходило нечасто. Обычно отставки были связаны с производственными проблемами (невыполнение планов промышленного производства и хлебозаготовок) и иными неполитическими обстоятельствами (внутренние конфликты в местном руководстве, масштабные злоупотребления, недостойное поведение и пр.) [17–21]. Вместе с тем даже серьезные хозяйственные провалы и личные недостатки не всегда оборачивались для региональных чиновников отставкой [22. С. 170–174, 240–248]. Следовательно, имелись и другие факторы, которые определяли отношение Москвы к местным управленцам. Выявлению этих факторов и посвящена данная статья.

Одним из региональных руководителей послевоенной поры, которые не справлялись с хозяйством и допускали прочие просчеты, но длительное время оставались на своих постах¹, был первый секретарь Бурят-Монгольского обкома партии Александр Васильевич Кудрявцев. Партийную организацию республики он возглавил в феврале 1943 г. согласно постановлению Политбюро ЦК ВКП(б) и только в марте 1951 г. был освобожден от своих обязанностей решением пленума обкома, которое спустя 10 дней утвердило Политбюро. В научных трудах по истории Бурятской организации КПСС и государственных органов Бурятии отставка А.В. Кудрявцева объясняется тем, что в марте 1951 г. ЦК ВКП(б) принял Постановление «О недостатках и ошибках в работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)», согласно которому обком не сумел организовать работу местных партийных и советских органов и неудовлетворительно руководил сельским хозяйством

[23. С. 146–147; 24. С. 434–435; 25. С. 273–275]. Некоторые авторы отмечают, что за эти же недостатки, особенно за плачевное состояние сельского хозяйства, Центральный комитет серьезно критиковал обком и его первого секретаря еще в 1945–1946 гг., тем не менее тогда кадровых перестановок не последовало [26. С. 105–106].

Если учесть, что во второй половине 1940-х гг. ЦК ВКП(б) оценивал работу региональных руководителей, прежде всего, по состоянию экономики и выполнению хозяйственных планов [27. С. 423–424], то положение А.В. Кудрявцева на всем протяжении его секретарства действительно было шатким.

Ситуация в промышленности особых опасений не вызывала. Во время войны она, несмотря на сокращение трудовых ресурсов и снижение их квалификации, оставалась на приемлемом уровне: за счет эвакуированных предприятий и наращивания выпуска военной продукции объемы производства превышали предвоенные показатели. После спада 1945–1946 гг. промышленность демонстрировала устойчивый рост: в 1947 г. довоенный уровень по валовой продукции был превзойден на 9,5%, а в 1950 г. – на 42,1%. Производственные планы стабильно выполнялись благодаря постепенному увеличению численности рабочих, улучшению их состава и значительным капиталовложениям [28. С. 147–150; 29. С. 103–107]. Однако основу бурят-монгольской экономики составляло сельское хозяйство, которое пребывало в кризисе. Прежде всего, заметно деградировало земледелие. Даже в 1950 г. посевы зерновых культур составляли 89,6% от довоенных, а валовой сбор зерна из-за плохой агротехники и низкой урожайности – только 37,4%. По Сибири и Дальнему Востоку в целом эти показатели в 1950 г. равнялись 91,6 и 113,8% от уровня 1940 г. [30. С. 298]. Еще напряженнее была ситуация в животноводстве. Начавшееся во время войны сокращение поголовья крупного рогатого скота продолжалось до 1946 г., а лошадей – до 1948 г. Последующее восстановление численности скота происходило медленно, поэтому в 1950 г. коров в республике насчитали на 9,4% меньше, чем в 1940 г., лошадей – на 27,2%, свиней – на 57,2% [29. С. 103–107].

Медленное восстановление сельского хозяйства было связано с нехваткой трудовых и материальных ресурсов. Если в 1940 г. трудоспособное сельское население Бурят-Монгольской АССР насчитывало 99,2 тыс. человек, то в 1950 г. – 80,3 тыс. человек, причем доля трудоспособных мужчин составляла 45,8 и 27,3% соответственно [30. С. 143; 31. С. 93]. Машинно-тракторный парк тоже оставлял желать лучшего. На первый взгляд, ситуация выглядела приемлемо: если в 1940 г. в МТС имелось 1728 тракторов и 566 комбайнов, в 1946 г. – 1699 тракторов и 675 комбайнов, то в 1950 г. – 2076 тракторов и 806 комбайнов. Но в четвертой пятилетке республика получила лишь 1080 новых тракторов, и это означает, что половину

парка составляли машины довоенного выпуска, многие из которых не эксплуатировались. Все это усугубляли некомплект и слабая квалификация механизаторских кадров. Если в 1940 г. уровень механизации полевых работ составлял 43,6%, то в 1946 г. – 38%, а в 1950 г. – менее 60% [29. С. 107; 30. С. 145, 316].

Дефицит трудовых и материальных ресурсов в республике усугублялся низким уровнем профессионализма местных руководителей, многие из которых не обладали достаточным образованием и управленческим опытом. Так, среди работников, включенных в номенклатуру Бурят-Монгольского обкома партии в 1946 г., 50,8% не имели даже среднего образования, а высшее было у 12,8%. В 1948 г. эти показатели составляли 45 и 15,3% соответственно. Ситуацию пытались улучшить стандартными мерами – обучением имеющихся работников и заявками на новые подготовленные кадры, однако возможности местной системы образования были невелики, а специалистов центр выделял республике редко и мало. Недостаток образования управленцев можно было в известной мере компенсировать их практическим опытом, но этому препятствовала текучка кадров. В 1945 г. сменилось 33,9% всех работников, входивших в номенклатуру обкома партии, в 1946 г. – 39,1%, 1947 г. – 28,9%. При этом треть всех отставок происходила потому, что местные руководители не справлялись с обязанностями, компрометировали себя или вовсе нарушали директивы вышестоящих органов [32. Д. 749. Л. 41–45; Д. 1040. Л. 4–9; Д. 1417. Л. 4–9].

За настройку местной системы управления, распоряжение имеющимися ресурсами и лоббирование региональных интересов отвечало республиканское руководство. В описываемый период оно состояло из пяти секретарей Бурят-Монгольского обкома партии, председателя Совета министров Бурятской АССР и его заместителей, министров внутренних дел и государственной безопасности, прокурора республики, редактора республиканской газеты и ряда обкомовских работников в ранге заведующих отделами. Сплоченность, работа и в значительной степени состав этой группы руководителей во многом зависели от первого секретаря обкома партии.

А.В. Кудрявцев имел рядовую для региональных руководителей 1940-х гг. биографию. Он родился в 1906 г. на станции Посконь Калужской губернии в семье служащего, а в 1914 г. с родителями переехал в Сибирь. С 11 лет трудился разнорабочим, курьером, помощником токаря. В 1920 г. вступил в комсомол и несколько лет подвизался на низовой комсомольской работе. В 1928–1931 гг. учился в Академии коммунистического воспитания им. Крупской, где вступил в партию и год проработал научным сотрудником. В 1932 г. вернулся в Сибирь и наконец-то получил первую партийную должность – заместителя заведующего отделом культурно-просветительской работы Анжеро-Судженского горкома ВКП(б). В 1934–1936 гг. служил в РККА, затем работал заведующим партийным кабинетом и инструктором в политотделе Черноморского пароходства, учился в Институте красной профессуры,

с марта по ноябрь 1938 г. был ответственным организатором Отдела руководящих партийных органов ЦК ВКП(б). В конце 1938 г. А.В. Кудрявцева назначили первым секретарем Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б), а в декабре 1939 г. – вторым секретарем ЦК КП(б) Узбекистана. С января 1942 г. до февраля 1943 г. он занимал пост заместителя наркома и начальника политуправления Наркомата земледелия СССР [33. С. 332].

Некоторые исследователи считают А.В. Кудрявцева подготовленным и опытным руководителем, прошедшим путь от самых низов до высших ступеней политической карьеры [9. С. 169; 26. С. 102–103]. На наш взгляд, это преувеличение. Выдвижение А.В. Кудрявцева произошло в условиях «номенклатурной революции» и не было связано с его талантами и управленческим опытом. Его несомненным достоинством являлось высшее образование, но, будучи по специальности преподавателем педагогики, в хозяйственных вопросах он разбирался слабо. Важным моментом в его биографии была работа в национальных республиках. Скорее всего, именно это обстоятельство оказалось решающим, когда в начале 1943 г. ЦК ВКП(б) подыскивал замену первому секретарю Бурят-Монгольского обкома партии С.Д. Игнатьеву, переведенному на работу в Башкирскую АССР. К тому же тогда центр исходил из правила, сложившегося еще в конце 1930-х гг.: ставить во главе парторганизаций национальных республик «варягов». В результате во время войны русские возглавляли 4 из 5 ЦК компартий среднеазиатских республик, 8 из 11 автономных республик и 3 из 6 автономных областей в составе РСФСР.

В Бурят-Монгольской АССР А.В. Кудрявцев с самого начала вел себя как типичный «секретарь-диктатор»². В частности, он единолично принимал решения по всем вопросам и всячески блокировал инициативу не только рядовых работников обкома, но и остальных секретарей обкома. Об этом, в частности, свидетельствует реплика одного из делегатов XVI областной партийной конференции в адрес второго секретаря обкома Б.Л. Лобсанова: «Зайдёшь к нему по ряду вопросов, и всегда от него можно услышать: “посмотрим, как на это посмотрит т. Кудрявцев”. Сам Лобсанов не решал серьезно вопросы развития животноводства» [35. Д. 5446. Л. 201]. На заседаниях бюро обкома партии, как правило, выступал только первый секретарь, предлагавший свое заранее заготовленное решение, а остальные отмалчивались. Другие мнения А.В. Кудрявцев игнорировал. Также он болезненно воспринимал любую критику и сразу пресекал ее, не чураясь грубых выражений, необоснованных обвинений и прямых угроз [36. Д. 5645. Л. 96–97; 37. Д. 609. Л. 217–218].

С руководителями среднего и низшего звена А.В. Кудрявцев взаимодействовал как обычный «кабинетный» начальник. Его общение с подчиненными обычно ограничивалось рассылкой директив и получением справок и отчетов. За время своего секретарства он не удосужился посетить некоторые ключевые районы, не провел ни одного совещания с секретарями горкомов и райкомов, а со многими из них ни разу не

поговорил даже по телефону. Такого стиля придерживались и другие обкомовские работники, которые редко появлялись в районах, колхозах и на предприятиях, занимались там исключительно своими делами (собирали материалы, проводили плановые мероприятия, «накачивали» местных руководителей) и не оказывали практической помощи. Низовые управленцы пытались довести до вышестоящих начальников информацию о ситуации на местах и озвучить свои просьбы на партийных мероприятиях (собраниях актива, пленумах и конференциях обкома), однако такие мероприятия проводились редко, а озвученные там мнения и запросы республиканское руководство обычно игнорировало [35. Д. 5111. Л. 92–93, 120–121].

По стилю руководства А.В. Кудрявцев заметно отличался от своего предшественника. С.Д. Игнатьев, возглавлявший обком партии с июня 1938 г. по январь 1943 г. поощрял инициативу коллег, был восприимчив к критике и активно взаимодействовал с работниками городского и районного уровня. Ему удалось выстроить деловые отношения со всеми руководителями республики, как русскими, так и бурятами [38. С. 8–9]. На этом контрасте многие местные управленцы относились к А.В. Кудрявцеву негативно. Среди недовольных оказались второй секретарь обкома А.У. Хахалов, секретарь обкома по пропаганде и агитации Б.С. Санжиев, секретарь Улан-Удэнского горкома Д.Ц. Цыремпион, заместитель председателя Совнаркома Г.Ц. Бельгаев, нарком земледелия В.И. Дубровский и прочие. Их позицию очень точно выразил заведующий отделом пропаганды и агитации обкома партии М.И. Шулушкин: «Сегодня Кудрявцев здесь, завтра может очутиться в Чувашии или Средней Азии. Такие кадры не захотят глубоко и серьезно изучать экономику, быт, культуру народа, будут ограничиваться кампаниями и штурмовщиной, в результате которых наломают дров и уедут» [26. С. 103–104].

А.В. Кудрявцев знал о настроениях коллег и при любой возможности избавлялся от «оппозиционеров». Так, в январе 1945 г. по его инициативе на учебу в Москву командировали А.У. Хахалова, а осенью 1946 г. по обвинению в национализме освободили от должности Б.С. Санжиева. Вместе с тем А.В. Кудрявцев обрел союзника в лице председателя республиканского правительства С.М. Иванова, который, будучи бурятом из Усть-Ордынского национального округа, тоже был чужаком в Бурят-Монголии. Вероятно, С.М. Иванов добился расположения первого секретаря потому, что замял скандал вокруг его супруги, часто продававшей продукты на рынке, и поддержал его летом 1946 г., когда в Москве разбирали ситуацию в республике. За это С.М. Иванов получал помощь в непредвиденных случаях³ и мог продвигать по службе земляков, в частности К.Д. Винтовкина (нарком финансов) и В.Б. Танхаева (нарком торговли). Также А.В. Кудрявцев опирался на тех, кого сам выдвинул на руководящие посты: Б.Л. Лобсанова (второй секретарь обкома с февраля 1945 г.), В.М. Кучерова (третий секретарь обкома с июля 1945 г.), И.И. Логушкина (второй секретарь Улан-Удэнского горкома с ноября

1949 г.). О том, что эти люди входили в узкий круг «избранных», свидетельствует, например, следующий факт: однажды их жены вместе с женами Кудрявцева и Иванова «взяли государственный вагон и поехали в Иркутск заказывать модные платья» [39. Д. 126. Л. 181]. Взаимовыгодные отношения сложились у А.В. Кудрявцева и с руководителями силовых ведомств республики. Например, он закрывал глаза на недочеты и злоупотребления министра внутренних дел, а тот помогал первому секретарю выявлять и компрометировать «фрондеров» [39. Д. 126. Л. 142–144].

С конца 1946 г. посредством зажима критики, кадровых перестановок и неформальных связей А.В. Кудрявцев держал под контролем республиканское руководство. Однако у этого «достижения» имелась и обратная сторона. Коллеги «секретаря-диктатора» действовали исключительно по его указаниям, не проявляя инициативы и оперативности. В результате вся местная управленческая сеть работала ненапряженно. Показательно, что даже во время посевных и уборочных кампаний обком не использовал в полной мере такие стандартные способы мобилизации управленцев нижнего звена и населения, как рассылку уполномоченных, совещания, радиопереклички и публикации в местной прессе.

Еще один существенный недостаток А.В. Кудрявцева заключался в том, что он недостаточно лоббировал интересы республики. Конечно, время от времени он обращался за помощью в ЦК ВКП(б), правительство и министерства, но только по частным вопросам и в случае крайней необходимости. Так, в 1943 г. он попросил Управление пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) выделить картон, из-за отсутствия которого в республике несколько лет откладывали издание школьных учебников. В конце 1945 г., когда выяснилось, что сена и силоса в колхозах заготовили катастрофически мало, попросил выделить небольшое количество концентрированных кормов [40. С. 210–212, 230–231]. В отличие от своего предшественника и руководителей соседних регионов он не засыпал центр предложениями о модернизации и строительстве предприятий, прокладке транспортных магистралей. Это касалось и перспективных планов. Если секретари Тувинского, Иркутского обкомов и Красноярского крайкома партии в конце 1947 г. направили на имя И.В. Сталина записки о комплексном развитии своих регионов [41. Д. 206. Л. 143–205], то А.В. Кудрявцев даже не задумывался о подобном. Он избегал нестандартных ходов, хотя некоторые его соседи осмеливались и на такое. Например, в 1944 г. первый секретарь Красноярского крайкома ВКП(б) А.Б. Аристов после консультаций со специалистами сделал ставку на ранний сев, что позволило существенно повысить урожайность, сборы зерновых и выйти в число передовых регионов [42. С. 66–67]. В свою очередь руководители Читинской области в 1947 г. обратились в ЦК ВКП(б) с просьбой на пять лет освободить колхозы области от поставок зерна. Впрочем, такое необычное предложение в Москве расценили как антигосударственное [37. Д. 726. Л. 171–177.].

Положение дел в Бурят-Монголии усугублялось тем, что по всем ключевым социально-экономическим показателям (объем промышленного производства, посевные площади и сборы зерна, поголовье скота, численность населения и партийной организации) она являлась малым регионом. Доля республики в региональной и тем более общесоюзной экономике была невелика, поэтому центр выделял ей ресурсы по остаточному принципу и занимался ею в последнюю очередь. Показательно, что когда ЦК ВКП(б) возобновил проверки партийных органов Сибири, то сначала, летом 1944 г., занялся Красноярским крайкомом и Иркутским обкомом и только затем, в начале 1945 г., очередь дошла до Читинского и Бурят-Монгольского обкомов.

Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 3 февраля 1945 г. «О работе Бурят-Монгольского обкома ВКП(б)» мало чем отличалось от других подобных решений: в нем перечислялись стандартные «ошибки и серьезные недостатки» (неудовлетворительная работа промышленности, слабое руководство сельским хозяйством) и предлагались стандартные меры «по решительному подъему» экономики (организованно провести посевную, увеличить поголовье скота, улучшить пастбища и т.д.) [43. Д. 201. Л. 9–15]. Необычным было то, что спустя полгода ЦК не ограничился письменным отчетом обкома о выполнении данного решения, а направил в республику своих инспекторов. Они выяснили, что ситуация только ухудшилась: поголовье скота еще больше сократилось, а урожай зерновых оказался самым низким за последние пять лет. 27 октября 1945 г. ЦК принял еще одно постановление, которым повторно обязал обком и А.В. Кудрявцева «добиться серьезного улучшения положения дел в республике» и предупредил, что будет судить об их работе по итогам хлебозаготовок, зимовки скота и весеннего сева [43. Д. 238. Л. 16–20]. Несмотря на все это, А.В. Кудрявцев, в отличие, например, от первого секретаря ЦК КП(б) Киргизии А.В. Вагова и первого секретаря Курганского обкома ВКП(б) П.А. Тетюшева, допустивших такие же «ошибки», остался на своем посту и даже избежал выговора.

Следующий раз ЦК ВКП(б) заинтересовался республикой летом 1946 г. Причиной послужила докладная записка корреспондента «Правды» по Бурят-Монгольской АССР А.А. Бальбунова, в которой говорилось, что обком партии и особенно первый секретарь замалчивают проблемы, плохо организуют сельскохозяйственные мероприятия, игнорируют мнение партийного актива и подавляют критику. В конце мая записка попала к П.Н. Поспелову, затем к А.А. Кузнецову и от него к остальным секретарям ЦК ВКП(б). В итоге 15 июня 1946 г. «Правда» опубликовала статью «Плоды формального руководства», а в июле в республике побывали цеховские ревизоры [37. Д. 609. Л. 193–220; 44]. В августе Секретариат ЦК ВКП(б) обсудил материалы проверки, заслушал объяснения А.В. Кудрявцева и С.М. Иванова и предупредил их, что если они не выправят положение в регионе, то «вынужден будет поставить вопрос о смене руководства» [37. Д. 634. Л. 155]. Благополучный для первых лиц республики исход, вероятно, был связан с тем, что они

сумели представить критику А.А. Бальбунова как проiski буржуазных националистов. В пользу этой версии сыграло то обстоятельство, что тогда же еще один бурят, директор Бурят-Монгольского научно-исследовательского института культуры и экономики М.И. Шулушкин, лично убеждал секретарей ЦК ВКП(б) в необходимости замены А.В. Кудрявцева [38. С. 21–23].

После разбирательств в ЦК ВКП(б) республика впервые за несколько лет получила ощутимую помощь⁴, а А.В. Кудрявцев с согласия центра избавился от самых активных оппонентов. За «ошибки националистического характера» от работы освободили секретаря обкома Б.С. Санжиева, А.А. Бальбунова тоже обвинили в национализме и затем уволили из «Правды», а М.И. Шулушкина привлекли к уголовной ответственности за злоупотребление служебным положением. О том, что позиции А.В. Кудрявцева в этот период упрочились, свидетельствует следующий факт. В январе 1947 г. в Управлении кадров ЦК ВКП(б) составили список первых секретарей обкомов, не справляющихся со своими обязанностями, которых планировалось направить на учебу или перевести на хозяйственную работу. Кудрявцева сначала включили в этот список, но уже весной–летом 1947 г. его имя там не упоминалось [32. Д. 1334. Л. 1–9].

К концу 1947 г. отношение центра к А.В. Кудрявцеву стало еще лучше, поскольку Бурят-Монголия справилась с текущими хозяйственными задачами. Промышленность наконец-то выполнила план по валовой продукции (103,5%), а хлебозаготовки перевыполнили на 116,7%. Мяса сдали государству меньше положенного (95,3%), но больше, чем в 1946 г. [24. С. 365–370]. Такие успехи перевесили «сигналы» о плохой работе и злоупотреблениях руководителей республики, поступившие в ЦК ВКП(б) в 1947 г. Первое заявление, содержание которого довели до И.В. Сталина, вновь написал А.А. Бальбунов, но на этот раз изложенные им сведения расценили как клевету, а его самого исключили из партии [37. Д. 953. Л. 103–133]. Еще два заявления направил бывший заместитель секретаря обкома партии по животноводству К.Н. Языков. Их проверка показала, что заявитель «сделал совершенно неправильные обобщения и выводы о положении дел в республике» [45. Д. 74. Л. 25–31]. Все складывалось настолько благополучно для А.В. Кудрявцева, что когда в январе 1948 г. в ЦК ВКП(б) выявляли секретарей, не соответствующих должности и не пользующихся авторитетом у местных управленцев, в Бурят-Монгольском обкоме партии таковых не обнаружили [32. Д. 1334. Л. 3–4].

В апреле 1948 г. руководство республики успешно выдержало еще одно испытание – областной партийной конференцией, которая состоялась впервые за восемь лет. В прениях по отчетному докладу выступили 44 делегата, и почти все говорили о проблемах сельского хозяйства и промышленности, ошибках обкома и его секретарей. Персонально А.В. Кудрявцеву предъявляли то, что он редко бывает на предприятиях и в колхозах, мало общается с коммунистами, по-прежнему относится к некоторым коллегам.

Тем не менее работу обкома конференция признала удовлетворительной, а выборы нового состава обкома прошли без эксцессов: против А.В. Кудрявцева было подано 26 голосов из 321 (8,0%), против С.М. Иванова – 20 (6,5%), против остальных секретарей – от 4 до 11 [32. Д. 1696. Л. 40]. Такие результаты удовлетворили ЦК ВКП(б), который планировал заменить чиновников, получивших при тайном голосовании 9% и более голосов против. Тем не менее как раз тогда А.В. Кудрявцев вновь оказался на грани отставки.

22 мая 1948 г. инспектор ЦК ВКП(б) В.Н. Иванов, участвовавший в работе Бурят-Монгольской областной партийной конференции, представил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецову докладную записку. В ней отмечалось, что, хотя республика добилась некоторых успехов в промышленности и земледелии, ситуация в животноводстве критическая, партийная работа запущена, кадры подбираются неправильно. Насчет первого секретаря обкома говорилось, что он игнорирует критику, целыми днями сидит в кабинете, несмотря на хорошие результаты выборов «не пользуется уважением и поддержкой партийного актива» и к тому же «тяготится дальнейшей работой в Бурят-Монголии». А.А. Кузнецов распорядился зачислить А.В. Кудрявцева на курсы переподготовки первых секретарей обкомов партии, которые планировалось открыть осенью [32. Д. 1702. Л. 20–25]. Но в июле 1948 г. за партийные кадры в ЦК вновь стал отвечать Г.М. Маленков, который посчитал целесообразным направить на учебу руководителей без высшего образования, «засидевшихся» и не справляющихся с обязанностями. Вузовский диплом у А.В. Кудрявцева имелся, на своем посту он находился всего пять лет, а республика в 1948 г. сдала хлеба больше, чем в 1940 г. [24. С. 365–370]. Наконец, в июле 1948 г. в связи с 25-летием Бурят-Монгольской АССР его наградили орденом Ленина.

В 1949 г. Бурят-Монголия тоже справлялась с текущими заданиями и мало занимала центр. С осени 1948 г. ЦК ВКП(б) после двухлетнего перерыва возобновил комплексные проверки региональных комитетов партии, по итогам которых принимались организационные и кадровые решения. Однако ревизии затронули партийные органы крупных регионов, в частности Башкирский, Горьковский, Молотовский, Саратовский и Свердловский обкомы, Приморский, Ставропольский и Хабаровский крайкомы. На Бурят-Монголию внимание обратили только в начале 1950 г., когда в ЦК поступило несколько анонимных заявлений. Первое из них, адресованное Г.М. Маленкову, содержало обвинения в адрес А.В. Кудрявцева и его соратников в развале сельского хозяйства и зажиме критики [45. Д. 583. Л. 200–201 об.]. Во втором, направленном на имя И.В. Сталина, говорилось о том, что руководители республики в сельском хозяйстве ничего не смыслят, окружили себя подхалимами и земляками, злоупотребляют служебным положением. Это заявление довели до адресата, и тот в свою очередь распорядился направить его на рассмотрение Г.М. Маленкову [45. Д. 694. Л. 94–102; 46. Д. 877. Л. 3].

Проверка анонимок показала, что план по животноводству в республике за послевоенные годы ни разу не

был выполнен, в земледелии так и не достигли довоенного уровня, партийная работа проводится бессистемно, кадры подбираются плохо. В очередной раз выяснилось, что первый секретарь обкома на местах бывает редко, работает пассивно и необходимых выводов из прежних решений ЦК не сделал. 31 марта 1950 г. Г.М. Маленков поручил Отделу партийных, профсоюзных и комсомольских органов ЦК ВКП(б) подготовить предложения насчет руководства республики. В начале апреля Отдел предложил освободить А.В. Кудрявцева от должности, но вопрос отложили до конца 1950 г. [45. Д. 583. Л. 203–208]. Дело в том, что к тому времени Совет министров СССР принял четыре постановления об оказании помощи сельскому хозяйству Бурят-Монгольской АССР [30. С. 145]. Следовало подождать до конца года и убедиться в дееспособности руководителей республики: смогут ли они толково распорядиться полученной помощью и поправить ситуацию в региональной экономике.

В сентябре 1950 г. в Бурят-Монголии побывала бригада работников ЦК ВКП(б), а в декабре обком партии представил отчет о своей работе. 16 января 1951 г. Секретариат поручил П.К. Пономаренко, М.А. Суслову, заведующим Отделом партийных, профсоюзных и комсомольских органов и Сельскохозяйственным отделом изучить все материалы, заслушать объяснения А.В. Кудрявцева и представить предложения. Через месяц они доложили, что сельское хозяйство в республике запущено, трехлетний план развития животноводства сорван, первый секретарь обкома слабо взаимодействует с активом, пресекает любую критику и сам признался, что не сможет дольше работать в Бурят-Монголии. В итоге комиссия предложила отозвать А.В. Кудрявцева в распоряжение ЦК ВКП(б) [39. Д. 254. Л. 124–126; Д. 263. Л. 153–164].

Разбирая дело Бурят-Монгольского обкома, в ЦК исходили из того, что в конце 1940-х гг. республика в целом справлялась с текущими хозяйственными задачами, которые были весьма умеренными, но ее сельское хозяйство и особенно животноводство все еще были далеки от довоенного уровня. Последнее стало очевидно как раз к концу 1950 г., когда по итогам четвертой пятилетки Бурят-Монгольская АССР по сельскому хозяйству оказалась на последнем месте в Восточной Сибири и в числе самых отстающих регионов Союза [47. С. 94]. К тому же республика сорвала трехлетний план развития животноводства, которому центр придавал особое значение [48. С. 115–123]. Следует также учесть, что в 1951 г. ЦК ВКП(б) попытался ускорить восстановление сельского хозяйства страны с помощью административных и кадровых мер. Для этого в течение года тщательно проверили работу партийных комитетов двух десятков регионов, в том числе семи автономных республик, уделяя главное внимание тому, как они руководили сельским хозяйством. Первыми под эту кампанию попали Архангельский (февраль), Бурят-Монгольский (март) и Тульский (апрель) обкомы партии [43. Д. 565. Л. 2, 3, 8–17; Д. 570. Л. 4–6; Д. 578. Л. 2–4].

16 февраля 1951 г. была создана комиссия для подготовки проекта постановления о работе обкома,

24 февраля Секретариат принял постановление, а 2 марта Оргбюро утвердило его. В описательной части Постановления «О недостатках и ошибках в работе Бурят-Монгольского обкома ВКП (б)» перечислены претензии, которые можно было предъявить практически всем региональным комитетам: слабый контроль над райкомами и горкомами, выдвижение неподходящих работников и большая сменяемость кадров, слабая пропаганда, недостаточное внимание к учебе коммунистов. Отличие состояло в том, что при описании недостатков в руководстве экономикой речь шла исключительно о сельском хозяйстве. В резолюции работа обкома оценивалась неудовлетворительно, и отмечалось, что первый секретарь не справляется с обязанностями. Центральный комитет обязал обком «значительно улучшить руководство в области хозяйства» и предписал в марте текущего года обсудить данное решение на пленуме [43. Д. 570. Л. 4–6]. В постановлении не было ни слова о кадровых перестановках, но его содержание предопределило отставку первого секретаря.

Против А.В. Кудрявцева играло то, что за годы его секретарства сельское хозяйство республики так и не восстановилось. Сказался и временной фактор: к 1951 г. Александр Васильевич возглавлял партийную организацию восемь лет, т.е. «засиделся», и в соответствии с негласными правилами кадровой политики ЦК его следовало переместить, т.е. перевести в иной регион [6. С. 129–130]. С другой стороны, в последние годы он добивался выполнения текущих хозяйственных заданий, а для масштабных задач требовалась помощь, которую центр фактически не оказывал. Также в его деле отсутствовали отягчающие обстоятельства вроде масштабных злоупотреблений и недостойного поведения. Сочетание этих факторов привело к тому, что А.В. Кудрявцева, во-первых, освободили от должности, а не сняли, что само по себе означало бы серьезное наказание. Во-вторых, его оставили на партийной работе, а не отправили на менее престижную советскую или хозяйственную. В-третьих, его перевели в Астраханскую область, которая по ряду показателей превосходила Бурят-Монголию. Наконец, хотя в апреле 1951 г. его назначили секретарем обкома партии, уже через десять месяцев повысили до второго секретаря [33. С. 332].

Менее благополучной оказалась судьба председателя Совета министров Бурят-Монгольской АССР С.М. Иванова. В постановлении ЦК ВКП(б) о нем не было ни слова, но многочисленные недочеты в работе республиканского правительства и сведения о том, что его глава продвигал по службе земляков и допускал иные злоупотребления, предопределили исход. Наверняка в Москве учли и то обстоятельство, что он, помимо прочего, порядком «засиделся», поскольку занимал свой пост почти 13 лет. Пленум обкома партии освободил С.М. Иванова от работы, и больше высоких должностей, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б),

он не получал. Новым председателем правительства назначили Д.Ц. Цыремпилона, который до этого был председателем Президиума Верховного Совета республики [25. С. 221–222, 239–241].

В марте–мае 1951 г. в Бурят-Монгольском обкоме партии заменили еще трех секретарей, и это было вызвано не стремлением центра зачистить прежнее партийное руководство региона, а устоявшейся практикой кадровых назначений в национальных республиках. Поскольку первым секретарем обкома стал бурят А.У. Хахалов, четыре года проработавший в аппарате ЦК ВКП(б), то вторым назначили русского Ф.И. Кашникова, до этого работавшего в ЦК КП(б) Молдавии. Прежний второй секретарь обкома Б.Л. Лобсанов, на счету которого не было ни особых заслуг, ни серьезных ошибок, получил высокий, но мало что значивший пост председателя Президиума Верховного Совета республики. Для усиления агитации среди бурятского населения Н.М. Рогова заменили на Д.Ж. Жалсабона. Наконец, для поддержания баланса между местными кадрами и «варягами» вместо В.М. Кучерова, подвизавшегося в Бурят-Монголии еще с довоенной поры, поставили Г.И. Климова, прибывшего из Свердловска [43. Д. 573. Л. 38; Д. 585. Л. 88; Д. 599. Л. 6]. Перестановки не затронули только П.М. Петухова, который появился в республике в 1945 г., но секретарем обкома партии был назначен в мае 1950 г.

На примере Бурят-Монгольской АССР видно, что в первые послевоенные годы центр по остаточному принципу занимался регионами, чья доля в экономике страны или участие в стратегических проектах были минимальны. Внимание Москвы они привлекали только во время плановых проверок либо при поступлении информации, компрометирующей местных чиновников. Даже серьезные хозяйственные проблемы в таких регионах не вызывали острой реакции центра и их руководителям достаточно было выполнять умеренные текущие задания и соответствовать основным конъюнктурным требованиям (приемлемый уровень образования, положительные итоги отчетно-выборных мероприятий, отсутствие серьезных злоупотреблений). Известные риски для региональных руководителей создавал характерный для них диктаторский стиль управления, вызывавший недовольство и порой активное противодействие местных управленцев. Но эти угрозы довольно успешно купировались с помощью кадровых перестановок и, если дело касалось национальных республик, эксплуатации темы «буржуазного национализма». Только неудовлетворительные итоги четвертой пятилетки в сельском хозяйстве и срыв кампании по подъему животноводства побудили центр ужесточить в начале 1950-х гг. требования к кадрам и заменить руководство наиболее отстающих аграрных регионов, одним из которых на протяжении многих лет являлась Бурят-Монгольская АССР.

Примечания

¹ Из полутора сотен человек, работавших в 1945–1953 гг. первыми секретарями крайкомов и обкомов ВКП(б), только 25 пробыли на своих постах семь лет и более.

² Признаки этого типа региональных руководителей выделил О.В. Хлевнюк [34. С. 33–36].

³ В мае 1948 г. Б.Я. Криштаб, первый заместитель С.М. Иванова, сообщил в ЦК ВКП(б), что на встрече нового года в узком кругу его начальник не поддержал тост за Сталина. Этот случай разбирался в ЦК ВКП(б) с участием А.В. Кудрявцева, который сумел отстоять коллегу: никаких взысканий С.М. Иванов не получил.

⁴ 19 августа 1946 г. Совет министров СССР принял постановление о помощи колхозам Бурят-Монгольской АССР.

Список источников

1. Корсаков С.Н. Тверские руководители, (1917–1991): Партия, Советы, комсомол. Тверь : ГЕРС, 2002. 407 с.
2. Политические лидеры Вятского края. Биографический справочник / сост. В.С. Жаравин, Е.Н. Чудиновских. Киров : Лобань, 2009. 730 с.
3. Царикаев А.Т. Руководители Северной Осетии (1924–1953 гг.): партия, советы, комсомол. Владикавказ : Институт истории и археологии РСО-Алания, 2015. 213 с.
4. Справочник по истории Коммунистической партии и Советского Союза 1898–1991. URL: <http://www.knowbysight.info/10000.asp>
5. Метёлкина Л.Н. К вопросу об экскорпорации региональных политических элит в СССР в 1945–1953 гг. // Девятые Байкальские социально-гуманитарные чтения : в 2 т. Т. 1. Иркутск, 2016. С. 214–229.
6. Федоров А.Н. Ротация первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) в 1946–1952 гг.: масштабы, причины, механизмы // Pamięć i sprawiedliwość. 2018. № 2 (32). С. 126–142.
7. Головинова Ю.В. Партийная элита Алтайского края в 1938–1955 гг.: социально-историческое исследование : дис. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2013. 237 с.
8. Калинина О.Н. Партийные и советские руководители Западной Сибири в 1946–1964 гг.: опыт исторического анализа. Новосибирск : Параллель, 2013. 435 с.
9. Коновалов А.Б. Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. 635 с.
10. Gorlizki Y., Khlevniuk O. Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. New Haven ; London : Yale University press, 2020. 445 p.
11. Болдовский К.А. Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб. : Нестор-История, 2018. 310 с.
12. Васильев Ю.А. Как снимали Куприянова // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2018. № 2. С. 24–32.
13. Зубкова Е.Ю. Кадровая политика и чистки в КПСС (1949–1953) // Свободная мысль. 1999. № 6. С. 112–120.
14. Иванов Г.С. Жизнь и деятельность Г.М. Попова // Вопросы истории. 2016. № 12. С. 114–120.
15. Сушков А.В. «Ленинградское дело»: генеральная чистка «колыбели революции». Екатеринбург : Альфа-Принт, 2018. 182 с.
16. Brandenberger D., Amosova A., Pivovarov N. The rise and fall of a Crimean party boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the Leningrad affair // Europe-Asia Studies. 2019. Vol. 71, № 6. P. 951–971.
17. Белоногов Ю.Г. «Кадровая чистка» региональной номенклатуры в период позднего сталинизма: молотовский случай 1949–1950 годов // Советская номенклатура и постсоветская неономенклатура: кадровые практики (российско-украинские исследования) : сб. ст. / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь : ПНИПУ, 2016. С. 32–57.
18. Кометчиков И.В. Дело первого секретаря Калужского обкома ВКП(б): взгляд на социальный капитал калужского регионального руководства, 1944–1948 гг. // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 3. С. 723–737.
19. Никифоров Ю.С. Движение вверх и по горизонтали: карьерные траектории лидеров Верхневолжских регионов в позднем СССР // Клио. 2020. № 10 (166). С. 110–120.
20. Никонорова Т.Н. Документы Комиссии партийного контроля при ЦК ВКП(б) (1934–1952 гг.) как источник изучения экономической преступности в среде партийной номенклатуры : дис. ... канд. ист. наук. М., 2018. 224 с.
21. Фёдоров А.Н. «Челябинское дело»: замена партийного руководства Челябинской области в 1949–1950 гг. // Вопросы истории. 2016. № 6. С. 53–70.
22. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты. 1945–1953 / сост.: В.В. Денисов, А.В. Квашонкин, Л.Н. Малащенко и др. М. : Рос. полит. энцикл., 2004. 494 с.
23. Бутаев И.А. Бурятская коммунистическая организация эпохи СССР. Улан-Удэ : Бурятский гос. ун-т, 2016. 247 с.
24. Очерки истории Бурятской организации КПСС / А.У. Хахалов (отв. ред.) и др. Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1970. 612 с.
25. Протасов Е.Т. Формирование и становление государственных институтов Бурятии (1923–1991 гг.): историография и источники. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2016. 299 с.
26. Базаров Б.В. Общественно-политическая жизнь 1920–1950-х годов и развитие литературы и искусства Бурятии. Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. 192 с.
27. Федоров А.Н. Слабые секретари: региональные руководители СССР 1946–1948 гг. в оценках ЦК ВКП(б) // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 2. С. 423–424.
28. Цыбенков Б.А. Развитие экономики Бурятии в военный период // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2020. № 4 (40). С. 146–157.
29. Цыбенков Б.А. Развитие экономики Бурятии в послевоенный период // Вестник Бурятского научного центра Сибирского отделения Российской академии наук. 2021. № 1 (41). С. 102–114.
30. Зайцева Л.А. Сельское хозяйство Бурятии в XX веке: опыт и проблемы развития. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2011. 319 с.
31. Олзоева Н.В. Организация, нормирование и оплата труда крестьян в колхозах Бурят-Монгольской АССР в 1945–1953 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 7. С. 91–95.
32. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 127.
33. Филиппов С.Г. Территориальные руководители ВКП(б) в 1934–1939 гг. : справочник. М. : РОССПЭН, 2016. 679 с.
34. Хлевнюк О.В. Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х годов. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49.
35. Государственный архив Республики Бурятия (ГАРБ). Ф. П-1. Оп. 1.
36. ГАРБ. Ф. П-1. Оп. 27.
37. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 117.
38. Базаров Б.В. Дело Максима Шулукушина, или очерк политической борьбы в послевоенные годы. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 83 с.
39. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 119.
40. История Бурятии : в 3 т. Т. 3: XX–XXI вв. / гл. ред. Б.В. Базаров. Улан-Удэ : Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 461 с.
41. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122.
42. Федоров А.Н. Факторы карьерного роста региональных руководителей в 1945–1953 гг. (на примере политической биографии А.Б. Аристова) // Вестник Томского государственного университета. История. 2020. № 66. С. 65–74.
43. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 116.
44. Бальбуров А. Плоды формального руководства // Правда. 1946. 15 июня.
45. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 118.

46. РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11.
47. Мотревич В.П. Валовая продукция сельского хозяйства Восточной Сибири в 1940–1952 годах // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2016. Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. С. 92–97.
48. Семенова Е.Е. Развитие животноводства в Бурят-Монгольской АССР в послевоенный период // Забайкальская деревня: история, современное состояние, перспективы развития : сб. науч. ст. / редкол.: Л.А. Зайцева, А.Л. Яковлев, А.Е. Карначев. Улан-Удэ : Изд-во БГСХА им. В.Р. Филиппова, 2010. С. 115–123.

References

1. Korsakov, S.N. (2002) *Tverskie rukovoditeli, (1917–1991): Partiya, Sovety, komsomol* [Tver leaders, (1917–1991): The Party, Soviets, Komsomol]. Tver: GERS.
2. Zharavin, V.S. & Chudinovskikh, E.N. (2009) *Politicheskie lidery Vyatskogo kraia. Biograficheskiy spravochnik* [Political leaders of the Vyatka region. Biographical reference book]. Kirov: ООО “Loban”.
3. Tsarikaev, A.T. (2015) *Rukovoditeli Severnoy Osetii (1924–1953 gg.): partiya, sovety, komsomol* [Leaders of North Ossetia (1924–1953): The Party, Soviets, Komsomol]. Vladikavkaz: Institut istorii i arkhologii RSO-Alaniya.
4. Knowbysight. (n.d.) *Spravochnik po istorii Kommunisticheskoy partii i Sovetskogo Soyuz 1898–1991* [Handbook on the history of the Communist Party and the Soviet Union. 1898–1991]. [Online] Available from: <http://www.knowbysight.info/10000.asp>
5. Metelkina, L.N. (2016) [On the expropriation of regional political elites in the USSR in 1945–1953]. *Devyaty Baykal'skie sotsial'no-gumanitarnye chteniya* [Ninth Baikal Social and Humanitarian Readings]. Conference Proceedings. In 2 volumes. Vol. 1. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 214–229. (In Russian).
6. Fedorov, A.N. (2018) Rotatsiya pervykh sekretarey regional'nykh komitetov VKP(b) v 1946–1952 gg.: masshtaby, prichiny, mekhanizmy [Rotation of first secretaries of regional committees of the CPSU(b) in 1946–1952: scale, reasons, mechanisms]. *Pamięć i sprawiedliwość*. 2 (32). pp. 126–142.
7. Golovinova, Yu.V. (2013) *Partynaya elita Altayskogo kraia v 1938–1955 gg.: sotsial'no-istoricheskoe issledovanie* [Party elite of Altai Krai in 1938–1955: a socio-historical study]. History Cand. Diss. Barnaul.
8. Kalinina, O.N. (2013) *Partynnye i sovetskie rukovoditeli Zapadnoy Sibiri v 1946–1964 gg.: opyt istoricheskogo analiza* [Party and Soviet leaders of Western Siberia in 1946–1964: experience of historical analysis]. Novosibirsk: Parallel'.
9. Konovalov, A.B. (2006) *Partynnaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noy vlasti (1945–1991)* [Party nomenklatura of Siberia in the system of regional power (1945–1991)]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
10. Gorlizki, Y. & Khlevniuk, O. (2020) *Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union*. New Haven; London: Yale University Press.
11. Boldovskiy, K.A. (2018) *Padenie “blokadnykh sekretarey”. Partapparat Leningrada do i posle “leningradskogo dela”* [The fall of the “siege secretaries”. The Leningrad party apparatus before and after “The Leningrad Case”]. St. Petersburg: Nestor-Istoriya.
12. Vasil'ev, Yu.A. (2018) Kak snimali Kupriyanova [How Kupriyanov was removed]. *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2. pp. 24–32.
13. Zubkova, E.Yu. (1999) Kadrovaya politika i chistki v KPSS (1949–1953) [Personnel policy and purges in the CPSU (1949–1953)]. *Svobodnaya mysl'*. 6. pp. 112–120.
14. Ivanov, G.S. (2016) Zhizn' i deyatel'nost' G.M. Popova [Life and work of G.M. Popov]. *Voprosy istorii*. 12. pp. 114–120.
15. Sushkov, A.V. (2018) “Leningradskoe delo”: general'naya chistka “kolybeli revolyutsii” [“The Leningrad Case”: a general cleansing of the “cradle of the revolution”]. Yekaterinburg: Al'fa-Print.
16. Brandenberger, D., Amosova, A. & Pivovarov, N. (2019) The rise and fall of a Crimean party boss: Nikolai Vasil'evich Solov'ev and the Leningrad affair. *Europe-Asia Studies*. 71 (6). pp. 951–971.
17. Belonogov, Yu.G. (2016) “Kadrovaya chistka” regional'noy nomenklatury v period pozdnego stalinizma: molotovskiy sluchay 1949–1950 godov [“Personnel purge” of the regional nomenclature during the period of late Stalinism: the Molotov case of 1949–1950]. In: Mokhov, V.P. (ed.) *Sovetskaya nomenklatura i postsovetetskaya neonomenklatura: kadrovye praktiki (rossiysko-ukrainskie issledovaniya)* [Soviet nomenklatura and post-Soviet neonomenklatura: personnel practices (Russian-Ukrainian studies)]. Perm: PNRPU. pp. 32–57.
18. Kometchikov, I.V. (2021) Delo pervogo sekretarya Kaluzhskogo obkoma VKP(b): vzglyad na sotsial'nyy kapital kaluzhskogo regional'nogo rukovodstva, 1944–1948 gg. [The case of the first secretary of the Kaluga regional committee of the CPSU(b): a look at the social capital of the Kaluga regional leadership, 1944–1948]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 11 (3). pp. 723–737.
19. Nikiforov, Yu.S. (2020) Dvizhenie vverkh i po gorizontali: kar'ernye traektorii liderov Verkhnevolzhskikh regionov v pozdnem SSSR [Moving upward and horizontally: career trajectories of the leaders of the Upper Volga regions in the late USSR]. *Klio*. 10 (166). pp. 110–120.
20. Nikonorova, T.N. (2018) Dokumenty Komissii partiynogo kontrolya pri TsK VKP(b) (1934–1952 gg.) kak istochnik izucheniya ekonomicheskoy prestupnosti v srede partiynoy nomenklatury [Documents of the Party Control Commission under the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (1934–1952) as a source for studying economic crime among the party nomenclature]. History Cand. Diss. Moscow.
21. Fedorov, A.N. (2016) “Chelyabinskoe delo”: zamena partiynogo rukovodstva Chelyabinskoy oblasti v 1949–1950 gg. [“The Chelyabinsk case”: replacement of the party leadership of Chelyabinsk Oblast in 1949–1950]. *Voprosy istorii*. 6. pp. 53–70.
22. Denisov, V.V. et al. (2004) *TsK VKP(b) i regional'nye partiynnye komitety. 1945–1953* [Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks and regional party committees. 1945–1953]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
23. Butaev, I.A. (2016) *Buryatskaya kommunisticheskaya organizatsiya epokhi SSSR* [Buryat communist organization of the USSR era]. Ulan-Ude: Buryat State University.
24. Khakhalov, A.U. et al. (eds) (1970) *Ocherki istorii Buryatskoy organizatsii KPSS* [Essays on the history of the Buryat organization of the CPSU]. Ulan-Ude: Buryatskoe knizhnoe izd-vo.
25. Protasov, E.T. (2016) *Formirovaniye i stanovleniye gosudarstvennykh institutov Buryatii (1923–1991 gg.): istoriografiya i istochniki* [Formation and establishment of state institutions of Buryatia (1923–1991): historiography and sources]. Ulan-Ude: Buryat State Agricultural Academy.
26. Bazarov, B.V. (1995) *Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' 1920–1950-kh godov i razvitiye literatury i iskusstva Buryatii* [Social and political life of the 1920s–1950s and the development of literature and art of Buryatia]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
27. Fedorov, A.N. (2022) Slabye sekretari: regional'nye rukovoditeli SSSR 1946–1948 gg. v otsenkakh TsK VKP(b) [Weak secretaries: regional leaders of the USSR in 1946–1948 in the assessments of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks]. *Noveyshaya istoriya Rossii*. 12 (2). pp. 423–424.
28. Tsybenov, B.A. (2020) Razvitiye ekonomiki Buryatii v voennyi period [Development of the economy of Buryatia during the war period]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 4 (40). pp. 146–157.
29. Tsybenov, B.A. (2021) Razvitiye ekonomiki Buryatii v poslevoennyi period [Economic development of Buryatia in the post-war period]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra Sibirskogo otdeleniya Rossiyskoy akademii nauk*. 1 (41). pp. 102–114.
30. Zaytseva, L.A. (2011) *Sel'skoe khozyaystvo Buryatii v XX veke: opyt i problemy razvitiya* [Agriculture of Buryatia in the 20th century: experience and development problems]. Ulan-Ude: Buryat State Agricultural Academy.

31. Olzoeva, N.V. (2012) Organizatsiya, normirovanie i oplata truda krest'yan v kolkhozakh Buryat-Mongol'skoy ASSR v 1945–1953 gg. [Organization, rationing and payment of peasant labor on collective farms of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in 1945–1953]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 7. pp. 91–95.
32. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 127.
33. Filippov, S.G. (2016) *Territorial'nye rukovoditeli VKP(b) v 1934–1939 gg.: spravochnik* [Territorial leaders of the CPSU(b) in 1934–1939: reference book]. Moscow: ROSSPEN.
34. Khlevnyuk, O.V. (2007) Regional'naya vlast' v SSSR v 1953 – kontse 1950-kh godov. Ustoychivost' i konflikty [Regional power in the USSR in 1953 – late 1950s. Stability and conflicts]. *Otechestvennaya istoriya*. 3. pp. 31–49.
35. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P-1. List 1.
36. State Archive of the Republic of Buryatia (GARB). Fund P-1. List 27.
37. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 117.
38. Bazarov, B.V. (2005) *Delo Maksima Shulukshina, ili ocherk politicheskoy bor'by v poslevoennyye gody* [The case of Maxim Shulukshin, or an outline of the political struggle in the post-war years]. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
39. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 119.
40. Bazarov, B.V. (ed.) (2011) *Istoriya Buryatii: V 3 t.* [History of Buryatia: In 3 volumes]. Vol. 3. Ulan-Ude: BSC SB RAS.
41. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 122.
42. Fedorov, A.N. (2020) The Factors of Regional Leaders's Career Progress in 1945–1953 (By the Example of A.B. Aristov's Political Biography). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 66. pp. 65–74. (In Russian). doi: 10.17223/19988613/66/8
43. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 116.
44. Bal'burov, A. (1946) Plody formal'nogo rukovodstva [The Fruits of Formal Leadership]. *Pravda*. 15 June.
45. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 17. List 118.
46. Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI). Fund 558. List 11.
47. Motrevich, V.P. (2016) Valovaya produktsiya sel'skogo khozyaystva Vostochnoy Sibiri v 1940–1952 godakh [Gross agricultural output of Eastern Siberia in 1940–1952]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskyy ezhegodnik: 2016* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook: 2016]. Irkutsk: Baikal State University. pp. 92–97.
48. Semenova, E.E. (2010) Razvitie zhivotnovodstva v Buryat-Mongol'skoy ASSR v poslevoenny period [Development of livestock farming in the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic in the post-war period]. In: Zaytseva, L.A., Yakovlev, A.L. & Karnachev, A.E. (eds) *Zabaykal'skaya derevnya: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Transbaikalian village: history, current state, development prospects]. Ulan-Ude: Buryat State Agricultural Academy. pp. 115–123.

Информация об авторах:

Федоров А.Н. – канд. ист. наук, доцент кафедры теоретических и публично-правовых дисциплин Челябинского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: alnikfedorov@yandex.ru

Протасов Е.Т. – канд. ист. наук, исполнительный директор Попечительского совета Бурятской государственной сельскохозяйственной академии имени В.Р. Филиппова (Улан-Удэ, Россия). E-mail: protasov-evg@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

A.N. Fedorov, Cand. Sci. (History), associate professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: alnikfedorov@yandex.ru

E.T. Protasov, Cand. Sci. (History), executive director of the Board of Trustees, V.R. Filippov Buryat State Agricultural Academy (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: protasov-evg@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 01.11.2023;
одобрена после рецензирования 19.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 01.11.2023;
approved after reviewing 19.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

ПЕДАГОГИКА

Научная статья
УДК 37.013.77
doi: 10.17223/15617793/498/16

Изменение показателей психоэмоционального состояния и уровней тревожности студентов НИ ТГУ, обучающихся по дисциплине «Физическая культура и спорт»

Галина Сергеевна Ежова¹, Виктор Генрихович Шилько²

^{1, 2} Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹ galinalalaeva@mail.ru

² vshilko@mail.ru

Аннотация. Представлен анализ результатов по изучению психоэмоционального состояния и уровней тревожности студентов, обучающихся по дисциплине «Физическая культура и спорт» на отделениях ЛФК и ОФП. Мониторинг психоэмоционального состояния испытуемых позволил предположить, что определенные закономерности в изменении его показателей у обеих групп после окончания учебного года находятся на уровне слабо выраженной положительной тенденции. Уровни личностной тревожности у представителей обеих групп оказались на достаточно высоком уровне.

Ключевые слова: студенты, психоэмоциональное состояние, тревожность, физическая культура, студенческая жизнь

Для цитирования: Ежова Г.С., Шилько В.Г. Изменение показателей психоэмоционального состояния и уровней тревожности студентов НИ ТГУ, обучающихся по дисциплине «Физическая культура и спорт» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 144–150. doi: 10.17223/15617793/498/16

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/16

Changes in indicators of the psycho-emotional state and anxiety levels of the National Research Tomsk State University students studying physical culture and sports

Galina S. Ezhova¹, Viktor G. Shilko²

^{1, 2} National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation

¹ galinalalaeva@mail.ru

² vshilko@mail.ru

Abstract. The study aims to examine the psycho-emotional states and anxiety levels of students studying physical culture and sports at the National Research Tomsk State University (NR TSU) in the departments of therapeutic physical culture and general physical training. The study involved first-, second- and third-year students of the Faculty of Philology and the Institute of Law of NR TSU aged 18 to 20, studying in the departments of general physical training (basic and preparatory medical group), (30 males and 30 females), and therapeutic physical culture (30 males and 30 females). The study was conducted at the Faculty of Physical Education of NR TSU during physical exercise classes according to the program of the academic discipline “Physical Culture and Sports”. The research included the study and assessment of the psycho-emotional state, as well as the level of anxiety of the subjects using the SAN and Spielberger-Hanin tests. The assessment of students’ psycho-emotional states using the SAN test was carried out twice, during one lesson (before the start and after its end) and throughout the year (in the first and second halves). After assessing the initial level of students’ psycho-emotional states using the SAN test before the start of classes, all subjects performed physical activity in accordance with the plans developed for students of the listed departments, after which re-testing was carried out and the data obtained were compared with subsequent analysis. In contrast to the SAN test, the assessment of the levels of anxiety of the subjects was carried out at the beginning and after the end of the school year only before the start of classes, in a state of relative rest. The results were compared using the method of mathematical statistics. The monitoring of the subjects’ psycho-emotional states allowed us to assume that certain patterns in changes in the indicators in both groups after the end of the school year are at the level of a weakly expressed positive trend with a plus sign, which shows that its average level with slight fluctuations in one direction or the other during the year is supported by the influence of physical exercise. Levels of personal anxiety among representatives of both groups turned out to be at a fairly high level. This problem indicates the need to introduce a whole complex of

new means and methods for minimizing stress conditions of this contingent of students in the educational process in the discipline "Physical Culture and Sports", taking into account their states of health and physical fitness.

Keywords: students, psycho-emotional state, anxiety, physical culture, student life

For citation: Ezhova, G.S. & Shilko, V.G. (2024) Changes in indicators of the psycho-emotional state and anxiety levels of the National Research Tomsk State University students studying physical culture and sports. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 144–150. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/16

Введение

Студенческая молодежь – это особая социальная группа, которая отличается от других категорий населения не только особенностями образа и стиля жизни, потребностями и ценностными ориентациями, но и является интеллектуальным ресурсом российского общества [1].

Выпускники российских вузов играют ключевую роль в развитии различных отраслей народного хозяйства, науки, культуры, искусства и т.д. [2]. Студенческий возраст есть относительно скоротечный период времени, когда закладывается фундамент социально-профессиональной деятельности, от прочности которого во многом зависит будущая карьера и судьба человека в целом.

Студенческая жизнь проходит в условиях постоянного присутствия стрессовых воздействий как учебного, социально-экономического, так и политического характера, в совокупности порождающих новые проблемы [3].

Поступая в вуз и выбирая будущую профессию, многие выпускники общеобразовательных школ не до конца представляют все ее плюсы и минусы. Уровень и качество образования также не всегда соответствуют ожиданиям их выбора, что негативно сказывается на психоэмоциональном состоянии обучающихся.

Молодым людям нередко достаточно трудно адаптироваться к новым условиям и требованиям студенческой жизни, что порой приводит к нарушению процессов жизнедеятельности, таких как режим двигательной активности, сна, отдыха, питания и т.д. К тому же нередко материальные проблемы заставляют студентов совмещать учебу с работой, что создает дополнительные трудности, которые негативно сказываются на показателях успеваемости [4, 5].

Студенческий образ жизни сопряжен с большим объемом учебной нагрузки, значительными умственными и энергетическими затратами, поскольку эффективность будущей профессиональной деятельности специалистов с высшим образованием зависит от успешности освоения образовательной программы, в процессе которой им приходится перерабатывать большой объем информации в кратчайшие сроки, выполнять множество дедлайнов по разным дисциплинам, проводить значительную часть учебного времени и времени, отведенного на самоподготовку, сидя за компьютером и т.д. Все это ведет к увеличению психофизической нагрузки и способствует значительному повышению интеллектуального и эмоционального напряжения организма [6–9].

Данные медицинских исследований последних лет подтверждают отрицательную тенденцию состояния здоровья современных школьников (*здоровых не более 15–20%*). У студентов первого года обучения кардинально меняется образ жизни, проблемы здоровья школьного периода обучения нередко переходят в период студенческий, где дополняются большим количеством стрессовых ситуаций, в совокупности усугубляющих психофизическое состояние и здоровье в целом.

Алгоритм адаптации человека к новым условиям жизнедеятельности хорошо изучен наукой; организм приспособливается к новым условиям, мобилизуя все функциональные системы; затем следует физическое и психоэмоциональное истощение и обострение хронических заболеваний или появление и развитие новых, что далеко не способствует полноценной учебной деятельности и активной социальной жизни [10].

Высокое психоэмоциональное напряжение может повлечь снижение когнитивов что проявляется в снижении объемов памяти и внимания [11].

Следовательно, эффективность обучения будущих специалистов во многом зависит от умения и способности быстро адаптироваться к вызовам студенческой жизни, преодолевать постоянно возникающие трудности и проблемы, поддерживать психоэмоциональное, интеллектуальное состояние на оптимальном уровне.

Для успешного решения всего комплекса проблем обучающихся необходима помощь специалистов – преподавателей, (*в том числе физической культуры и спорта*), тьюторов, психологов, медицинских работников, социологов, которые должны в полной мере понимать проблемы студенческой жизни и оптимизировать учебный процесс таким образом, чтобы студенты в процессе приобретения профессиональных компетенций имели возможность поддерживать физическую и умственную работоспособности на высоком уровне в течение всего периода обучения в вузе.

Цель исследования – изучить психоэмоциональное состояние и уровень тревожности студентов, обучающихся в НИ ТГУ по дисциплине «Физическая культура и спорт» на учебных отделениях лечебной физической культуры (ЛФК) и общей физической подготовки (ОФП).

Методы исследования

Оценка функционального психоэмоционального состояния испытуемых проводилась с использованием теста САН (*Самочувствие, Активность, Настроение*).

Материалы исследования предполагалось получить с использованием специального стандартного опросника, который представляет собой бланковый тест.

Сам процесс исследования состоял в следующем: испытуемым предлагали определить психоэмоциональное состояние по многоступенчатой шкале, которая содержит индексы (3210123), расположенные между 30 парами слов противоположного значения, отражающих активность (*скорость и темп протекания функций*), самочувствие (*силу, здоровье, утомление*), настроение (*эмоциональное состояние*).

Испытуемый должен выбрать и отметить цифру на шкале, которая соответствует его психоэмоциональному состоянию в момент опроса.

Цифра ноль соответствует среднему самочувствию, которое обследуемый не может отнести ни к плохому, ни к хорошему. Цифра один, расположенная на шкале слева от цифры ноль, отражает самочувствие выше среднего, а цифра три соответствует прекрасному самочувствию. Те же цифры в этой строке, расположенные справа от нуля, аналогичным образом характеризуют самочувствие исследуемого, если оно ниже среднего. Таким образом, последовательно рассматривается и оценивается каждая строка данного опросника.

При обработке эти цифры перекодируются следующим образом: индекс 3, соответствующий неудовлетворительному самочувствию, низкой активности и плохому настроению, принимается за 1 балл; индекс 2 – за 2 балла; индекс 1 – за 3 балла, и так до индекса 3 с противоположной стороны шкалы, который соответственно принимается за 7 баллов. Положительные состояния всегда получают высокие баллы, а отрицательные состояния – низкие. Например:

7 6 5 4 3 2 1

Чувствую себя сильным   3 2 1 0 1 2 3   Чувствую себя слабым

Оценочные критерии показателей самооценки психоэмоционального состояния студентов:

- низкая – менее 3,0 баллов;
- средняя – от 3,0 до 5,0 баллов;
- высокая – более 5,0 баллов.

Оценка уровня тревожности проводилась с использованием опросника Спилберга–Ханина. Этот тест дает возможность определения показателей выраженности тревожности в текущем состоянии человека.

Тревожность как состояние личности означает мотив или приобретенную поведенческую реакцию, которая побуждает человека воспринимать широкий круг объективно безопасных обстоятельств как обстоятельства, содержащие угрозу [12].

Опросник Спилберга в русскоязычной адаптации Ханина предназначен для оценки уровня ситуативной и личностной тревожности [13].

Под ситуативной тревожностью понимается текущее психическое состояние, под личностной – predisposedness человека к данному состоянию. Ситуативная тревожность возникает как реакция на различные, чаще всего социально-психологические, стрессоры в качестве ожидания негативной оценки,

восприятия неблагоприятного к себе отношения. Личностная тревожность дает представление об индивидуальных различиях в подверженности действию разнообразных стрессоров.

Бланк шкал самооценки опросника Спилберга–Ханина включает в себя 40 вопросов-рассуждений, 20 из которых предназначены для оценки уровня ситуативной и 20 – для оценки уровня личностной тревожности.

Самооценка уровней ситуативной и личностной тревожности студентов по каждому из 40 вопросов-рассуждений определялась в цифровом выражении в следующей последовательности: 1 – никогда; 2 – редко; 3 – часто; 4 – всегда.

Классификация показателей личностной тревожности:

- отсутствие тревожности либо ее низкий уровень – 30 баллов;
- умеренная тревожность – 31–45 баллов;
- высокая тревожность – более 45 баллов.

При анализе результатов следует учитывать, что чем выше итоговый показатель, тем выше уровень тревожности.

Результаты исследования были обработаны с помощью метода математической статистики *STATISTICA 8.0*. Математико-статистическим методом определялись средние показатели. За статистически значимое различие принимали $p \leq 0,05$ [14].

Организация исследования

В исследовании принимали участие студенты 1–3-го курсов филологического факультета (ФилФ) и юридического института (ЮИ) Томского государственного университета в возрасте 18–20 лет, занимающиеся на отделениях общефизической подготовки (основная и подготовительная медицинская группа; $n = 60$; из них 30 мужчин и 30 женщин) и лечебной физической культуры ($n = 60$; из них 30 мужчин и 30 женщин).

Предварительно все испытуемые были ознакомлены с условиями тестирования и дали на его реализацию добровольное согласие.

Исследование проводилось на факультете физической культуры Томского государственного университета в процессе занятий физическими упражнениями по программе учебной дисциплины «Физическая культура и спорт».

Исследование состояло из трех этапов.

Подготовительный этап исследования предполагал анализ научно-методической литературы и изучение опыта практической деятельности с данным контингентом обучающихся, последующий анализ состояния данной проблемы, определение целей и задач исследования.

Основной этап включал изучение и оценку психоэмоционального состояния, уровня тревожности испытуемых с использованием тестов САН и Спилберга–Ханина. Однако условия проведения исследования с использованием перечисленных тестов были разными.

Так, если оценку психоэмоционального состояния студентов с использованием теста САН проводили дважды, как в процессе одного занятия (перед началом и после его окончания), так и в течение года (в первой и второй его половинах), то уровни тревожности испытуемых с помощью теста Спилберга–Ханина, определяли лишь в начале и после окончания учебного года только перед началом занятий.

После оценки исходного уровня психоэмоционального состояния с использованием теста САН перед началом занятий все испытуемые выполняли физическую нагрузку в соответствии с планами-конспектами, разработанными организаторами эксперимента для студентов перечисленных отделений, в конце занятия проводилось повторное тестирование, а затем анализировались полученные данные.

Оценка уровня тревожности испытуемых проводилась в начале и по окончании учебного года лишь перед началом занятий, т.е. в состоянии относительного покоя.

На заключительном этапе исследования были проведены обработка и анализ материалов исследования. Сравнительный анализ показателей психоэмоционального состояния и уровня тревожности проводился с использованием методов математической статистики. Анализ полученных результатов и их обсуждение послужили основанием для формулирования выводов исследования.

Результаты исследования

Результаты исследования по оценке состояния психоэмоциональной сферы студентов учебных отделений ОФП и ЛФК до и после окончания занятий в начале учебного года и после его завершения представлены в табл. 1.

Изменения психоэмоционального состояния студентов отделения ОФП до начала занятий и после их окончания в первой и второй половине учебного года

в основном были отмечены лишь на уровне разнонаправленной тенденции ($p > 0,05$).

В целом представители данного отделения оценивали свое психоэмоциональное состояние достаточно высоко в течение всего учебного года. Тем не менее изменения в показателях **самочувствия** перед началом практических занятий физическими упражнениями и после их окончания во второй половине учебного года по сравнению с первой были зафиксированные со знаком плюс, но не достигли достоверных различий (см. табл. 1).

Следовательно, можно констатировать, что показатели самочувствия у студентов отделения ОФП к окончанию учебного года улучшились на уровне положительной тенденции.

Несколько иная ситуация отмечена у студентов, занимавшихся на отделении ЛФК. Представители данного направления оценили свое психоэмоциональное состояние в течение года значительно ниже, чем студенты ОФП, т.е. как **среднее**. Однако изменения по окончании занятий по сравнению с их началом в первой и второй половине учебного года были идентичны таковым представителей отделения ОФП, т.е. на уровне слабовыраженной положительной тенденции.

Значения такого показателя, как **активность**, у студентов тестируемых учебных отделений также имели существенные различия. У студентов ОФП в первой половине учебного года перед началом занятия значения данного показателя не превышали средней оценки (менее 5 баллов), а после окончания занятия значения данного показателя повысились до высокой оценки и достигли 5,4 балла, что свидетельствует о качественном улучшении данного показателя ($p < 0,05$). После окончания учебного года ситуация повторилась с той лишь разницей, что величина сдвига показателя активности в группе ОФП по окончании занятия зарегистрирована как **высокая** по сравнению с таковой перед началом занятия, которую оценили как **среднюю**, но не достигшую качественных изменений ($p > 0,05$).

Таблица 1

Значения психоэмоциональных показателей в наблюдаемых группах в начале и после окончания учебного года до и после проведенных занятий по критерию Вилкоксона, Me (Q_{25} ; Q_{75})

Группа наблюдения	Показатель	В начале года		Уровень значимости	В конце года		Уровень значимости
		В начале занятия	По окончании занятия		В начале занятия	По окончании занятия	
ОФП	С (самочувствие)	5,2 (4,9; 5,2)	5,3 (5,1; 5,7)	$p > 0,05$	5,9 (4,8; 5,4)	5,8 (4,8; 5,4)	$p > 0,05$
	А (активность)	4,5 (4,3; 4,9)	5,4 (5,2; 5,6)	$p < 0,05$	4,8 (4,6; 5,0)	5,1 (4,9; 5,5)	$p > 0,05$
	Н (настроение)	5,3 (5,1; 5,6)	5,8 (5,6; 6,2)	$p > 0,05$	5,3 (5,1; 5,5)	5,8 (5,6; 6,1)	$p > 0,05$
ЛФК	С (самочувствие)	4,4 (4,2; 4,6)	4,5 (4,2; 4,8)	$p > 0,05$	4,6 (3,8; 4,4)	4,8 (4,5; 5,1)	$p > 0,05$
	А (активность)	4,0 (3,8; 4,2)	4,6 (4,3; 4,9)	$p > 0,05$	3,3 (3,1; 3,6)	4,4 (4,2; 4,7)	$p < 0,05$
	Н (настроение)	4,8 (4,6; 5,1)	4,9 (4,6; 5,2)	$p > 0,05$	4,2 (3,9; 4,4)	4,4 (4,2; 4,8)	$p > 0,05$

Примечание. $p < 0,05$ – статистически значимые различия между исследуемыми показателями в начале и в конце занятия в начале и в конце учебного года в наблюдаемых группах; Me – медиана; (Q_{25} – Q_{75}) – интерквартильный размах.

У студентов ЛФК сравнение показателей активности после окончания учебного года по сравнению с его началом позволило получить заслуживающие внимания результаты. В отличие от представителей ОФП, у которых качественные изменения активности были зафиксированы к окончанию занятия в первой половине учебного года, у студентов ЛФК достоверные изменения отмечены по окончании занятия в конце учебного года (см. табл. 1).

Тестирование психоэмоционального состояния студентов отделения ОФП на предмет оценки их настроения показало, что оно находится на высоком уровне в течение всего учебного года.

Данный показатель оставался неизменным как перед началом занятий в первой и второй половине учебного года (по 5,3 балла), так и после его окончания (по 5,8 балла соответственно). Тем не менее изменения значений показателей настроения в сторону улучшения к

окончанию занятия в начале и конце учебного года не были достоверными.

В отличие от студентов ОФП, у которых настроение оставалось на высоком уровне и неизменным в течение всего учебного года, у представителей ЛФК оно было оценено, как **среднее** и заметно ухудшилось после завершения обучения во втором семестре по сравнению с аналогичными показателями, отмеченными в начале учебного года. Но эти изменения со знаком минус также не имели достоверных различий.

Сравнительный анализ значений психоэмоциональных показателей начала занятий в наблюдаемых группах, зафиксированных в начале и в конце учебного года по критерию Вилкоксона, Me , (Q_{25} ; Q_{75}) и после их окончания, а также перед началом первого и после

окончания второго учебного семестра продемонстрировал отсутствие достоверных различий и более высокую оценку психоэмоционального состояния в группе ОФП по сравнению с аналогичными показателями представителей ЛФК (см. табл. 1).

Установлено, что занятия физическими упражнениями способствуют улучшению психоэмоционального состояния студентов обеих наблюдаемых групп; особенно выразительные значения показателей отмечены после окончания второй половины учебного года.

Значения показателей уровней тревожности у студентов отделений ОФП и ЛФК, полученные с использованием опросника Спилберга–Ханина в начале и по окончании учебного года, представлены в табл. 2.

Таблица 2

Значения показателей уровней тревожности в тестируемых группах в начале и в конце учебного года по критерию Вилкоксона, Me (Q_{25} ; Q_{75})

Группа наблюдения	Показатель, баллы	В начале занятия		Уровень значимости
		В начале года	В конце года	
ОФП	Ситуативная тревожность	45,0 (43,0; 49,5)	45,4 (43,6; 49,0)	$p > 0,05$
	Личностная тревожность	47,5 (45,0; 51,0)	48,0 (46,0; 52,5)	$p > 0,05$
ЛФК	Ситуативная тревожность	42,0 (40,0; 46,5)	42,0 (40,0; 46,5)	$p > 0,05$
	Личностная тревожность	46,0 (44,0; 50,5)	45,0 (43,0; 49,5)	$p > 0,05$

Примечание. $p \leq 0,05$ – статистически значимые различия уровня тревожности в тестируемых группах в начале и в конце учебного года. Me – медиана; (Q_{25} – Q_{75}) – интерквартильный размах.

Ситуативная тревожность есть реакция повышенной тревоги на ситуацию в данный момент. Состояние ситуационной тревожности возникает при попадании в стрессовую ситуацию и характеризуется субъективным дискомфортом, напряженностью, беспокойством и вегетативным возбуждением. Это состояние отличается неустойчивостью во времени и различной интенсивностью в зависимости от силы воздействия стрессовой ситуации [15].

Личностная тревожность представляет собой конституциональную черту, обуславливающую склонность воспринимать угрозу в широком диапазоне ситуаций. При высокой личностной тревожности каждая из этих ситуаций будет обладать стрессовым воздействием на субъекта и вызывать у него выраженную тревогу [15].

По результатам оценки уровней ситуативной и личностной тревожности с использованием опросника Спилберга–Ханина выявлено, что студенты отделения ОФП находятся в состоянии высокой ситуативной и личностной тревожности в течение всего учебного года, незначительное повышение показателей отмечено к окончанию учебного года.

Вопреки ожиданиям у представителей отделения ЛФК в течение всего учебного года значение показателя ситуативной тревожности было достоверно ниже ($p < 0,05$), чем у студентов ОФП, и оценивалось как **умеренное**; оно оставалось неизменным как в первом, так и во втором учебном семестре. Показатель личностной тревожности у представителей данного отделения, как и у студентов ОФП, находился в течение всего учебного года на высоком уровне.

Анализ результатов исследования уровней тревожности представителей обеих учебных отделений пока-

зал, что высокие значения показателей личностной тревожности обусловлены объективными факторами, которые связаны с высокими учебными нагрузками, освоением большого объема нового учебного материала, необходимостью длительного периода самоподготовки в вечерние и ночные часы, а следовательно, недостатком времени для восстановления психофизического и психоэмоционального состояния, что в совокупности способствует нарушению общего режима труда и отдыха.

Умеренный уровень ситуативной тревожности студентов, отнесенных по состоянию здоровья к отделению ЛФК, говорит о более успешной адаптации к условиям студенческой жизни по сравнению с представителями отделения ОФП [16].

Заключение

Материалы проведенного исследования позволили установить, что уровни показателей САН во многом зависят от состояния здоровья обучающихся; зафиксированные значения данных показателей оказались выше у студентов отделения ОФП.

Подобная взаимосвязь не просматривалась в оценке значений показателей тревожности: уровни ситуативной тревожности у студентов ЛФК оказались достоверно ниже (т.е. лучше), чем у их сокурсников отделения ОФП.

Можно предположить, что в отличие от показателей психоэмоционального состояния уровни личностной и особенно ситуативной тревожности не имеют корреляционной зависимости от состояния здоровья обучающихся.

Ранее мы уже констатировали, что в процессе обучения студентам приходится сталкиваться со множеством

учебных, коммуникативных, бытовых и других трудностей, которые в совокупности вызывают утомление, стресс, тревогу, беспокойство, страх, психоэмоциональное напряжение, что в конечном итоге не способствует ускорению процесса адаптации к условиям жизнедеятельности в вузе [17–19].

Чтобы минимизировать негативные последствия стрессогенных факторов, необходимо активно использовать различные восстановительные средства и процедуры, к числу которых относятся и физические упражнения, активизирующие защитные силы организма, стимулирующие обменные процессы, снимающие умственное и психическое напряжение и т.д.

Кроме того, занятия физическими упражнениями способствуют минимизации нервного напряжения, сохранению и поддержанию психического и физического здоровья студентов в течение всего периода обучения в вузе.

По результатам проведенного исследования установлено, что физические упражнения на уровне положительной тенденции оказывают влияние на психоэмоциональное состояние и снижение ситуативной и личностной тревожности.

Однако проблема высокого уровня тревожности в течение всего периода обучения остается актуальной. Возможно, это связано и с тем, что для студентов объема и интенсивности физической нагрузки, полученной на занятиях физической культурой, недостаточно. Значения данных показателей должны корректироваться с учетом состояния здоровья и физической подготовленности обучающихся.

Однако учитывая ограниченность учебных часов, отведенных на данную дисциплину, необходимо шире использовать различные физкультурно-оздоровительные и спортивно-массовые мероприятия, а также обратить серьезное внимание на формирование мотивации и методико-практических знаний, умений и навыков для самостоятельных занятий физическими упражнениями в свободное от учебы время, праздничные и выходные дни [20].

Все мероприятия, ориентированные на увеличение физической активности студентов, в совокупности будут способствовать повышению эффективности адаптационных процессов, связанных с улучшением психоэмоционального состояния и снижением показателей их ситуативной и личностной тревожности в период обучения в вузе.

Список источников

1. Федотова Д.А., Шичанина Е.А. Актуальные проблемы современного студенчества // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 5. С. 589.
2. Синьковский А.В. Проблемы студенчества в современном обществе // Материалы IX Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017031652> (дата обращения: 01.02.2023).
3. Islamov A.E., Makarova E.V., Zotova L.E., Kraeva M.Yu., Besedkina N.I., Filipenkova O.G. Individual Educational Development Roads Of Cognitive Activity Of Students // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2017. № 3. P. 469–475.
4. Deary I.J., Stough C. Intelligence and inspection time: achievements, prospects and problems // American Psychologist. 1996. № 51. P. 599–608.
5. Horwitz E. K., Horwitz M.B., Cope J. Foreign Language Classroom Anxiety // Modern Language Journal. 1986. № 70 (2). P. 125–132.
6. Николаева Е.Н. Психофизиологические особенности адаптации студентов при обучении в вузе в условиях севера : дис. ... канд. биол. наук. Якутск, 2006. 112 с.
7. Britton W.B. Sport psychology: Handbook of sports medicine and science. Wiley-Blackwell, 2009. 139 p.
8. Macintyre P.D., Dornyei Z., Clement R., et al. Conceptualizing Willingness to Communicate in a L2: A Situational Model of L2. Confidence and Affiliation // The Modern Language Journal. 1998. P. 545–562.
9. Sokolovskaya I.E., Polevoy S.A., Mikhaylovsky M.N., Zotova L.E., Bazhdanova Y.V., Egorova E.V. The Influence Of Educational And Professional Activity On The Socialization Of Students // Opcion. 2020. № 27. P. 1115–1133.
10. Павлова Л.А., Ермолаева Е.В. Здоровье и здоровый образ жизни российского студенчества // Бюллетень медицинских интернет-конференций. 2016. Т. 6, № 1. С. 101–102.
11. Муравьева И.В. Особенности функционального состояния центральной нервной системы у российских и иностранных студентов при адаптации к условиям обучения в вузе : дис. ... канд. биол. наук. Астрахань, 2014. 175 с.
12. Горшков Е.А., Коротина Л.Д. Исследование эмоциональной тревожности студентов на разных этапах обучения в педагогическом вузе // Молодой ученый. 2015. № 23.2 (103.2). С. 46–51.
13. Ханин Ю.Л. Стресс и тревога в спорте. М. : Физкультура и спорт, 2003. 288 с.
14. Масальгин Н.А. Математико-статистические методы в спорте. М. : Физкультура и спорт, 1974. 151 с.
15. Полшкова Т.А. Проблема ситуативной тревожности в психолого-педагогических исследованиях // Актуальные вопросы современной психологии. 2013. С. 107–110.
16. Brunkner P., Khan K. Clinical sports medicine. Sydney : McGraw Hill, 2008. 1013 p.
17. Астапов В.М., Микадзе Ю.В. Нейропсихология. Строение и нарушения центральной нервной системы. Атлас: учебное пособие для среднего профессионального образования. 9-е изд. М. : Юрайт, 2023. 59 с.
18. Прихожан А.М. Причины, профилактика и преодоление тревожности // Психологическая наука и образование. 1998. Т. 3, № 2. С. 11–18.
19. Gardner R.C., Tremblay P.F. On Motivation, Research Agendas, and Theoretical Frameworks // Modern Language Journal. 1994. № 78. P. 359–368.
20. Сосунковский В.С., Загrevская А.И. Теоретико-методологические основы системного подхода в педагогической науке // Вестник Томского государственного университета. 2022. № 476. С. 201–207. doi: 10.17223/15617793/476/22

References

1. Fedotova, D.A. & Shichanina, E.A. (2016) Aktual'nye problemy sovremennogo studenchestva [Current problems of modern students]. *Byulleten' meditsinskikh Internet-konferentsiy*. 6 (5).
2. Sin'kovskiy, A.V. (2017) [Problems of students in modern society]. *Studencheskiy nauchnyy forum* [Student Science Forum]. Proceedings of the International Conference. [Online] Available from: <https://scienceforum.ru/2017/article/2017031652> (Accessed: 01.02.2023). (In Russian).
3. Islamov, A.E. et al. (2017) Individual Educational Development Roads of Cognitive Activity of Students. *Modern Journal of Language Teaching Methods*. 3. pp. 469–475.
4. Deary, I.J. & Stough, C. (1996) Intelligence and inspection time: achievements, prospects and problems. *American Psychologist*. 51. pp. 599–608.
5. Horwitz, E.K., Horwitz, M.B. & Cope, J. (1986) Foreign Language Classroom Anxiety. *Modern Language Journal*. 70 (2). pp. 125–132.

6. Nikolaeva, E.N. (2006) *Psikhofiziologicheskie osobennosti adaptatsii studentov pri obuchenii v vuze v usloviyakh severa* [Psychophysiological features of adaptation of students when studying at a university in the north]. Biology Cand. Diss. Yakutsk.
7. Britton, W.B. (2009) *Sport psychology: Handbook of sports medicine and science*. Wiley-Blackwell.
8. Macintyre, P.D. et al. (1998) Conceptualizing Willingness to Communicate in a L2: A Situational Model of L2. Confidence and Affiliation. *The Modern Language Journal*. pp. 545–562.
9. Sokolovskaya, I.E. et al. (2020) The Influence of Educational and Professional Activity on the Socialization of Students. *Opcion*. 27. pp. 1115–1133.
10. Pavlova, L.A. & Ermolaeva, E.V. (2016) Zdorov'e i zdorovyy obraz zhizni rossiyskogo studenchestva [Health and healthy lifestyle of Russian students]. *Byulleten' meditsinskikh internet-konferentsiy*. 6 (1). pp. 101–102.
11. Murav'eva, I.V. (2014) *Osobennosti funktsional'nogo sostoyaniya tsentral'noy nervnoy sistemy u rossiyskikh i inostrannykh studentov pri adaptatsii k usloviyam obucheniya v vuze* [Features of the functional state of the central nervous system in Russian and foreign students when adapting to the conditions of studying at a university]. Biology Cand. Diss. Astrakhan.
12. Gorshkov, E.A. & Korotina, L.D. (2015) Issledovanie emotsional'noy trevozhnosti studentov na raznykh etapakh obucheniya v pedagogicheskom vuze [Study of emotional anxiety of students at different stages of training at a pedagogical university]. *Molodoy uchenyy*. 23.2 (103.2). pp. 46–51.
13. Khanin, Yu.L. (2003) *Stress i trevoga v sporte* [Stress and anxiety in sports]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
14. Masal'gin, N.A. (1974) *Matematiko-statisticheskie metody v sporte* [Mathematical and statistical methods in sports]. Moscow: Fizkul'tura i sport.
15. Polshkova, T.A. (2013) Problema situativnoy trevozhnosti v psikhologo-pedagogicheskikh issledovaniyakh [The problem of situational anxiety in psychological and pedagogical research]. *Aktual'nye voprosy sovremennoy psikhologii*. pp. 107–110.
16. Brunkner, P. & Khan, K. (2008) *Clinical sports medicine*. Sydney: McGraw Hill.
17. Astapov, V.M. & Mikadze, Yu.V. (2023) *Neyropsikhologiya. Stroenie i narusheniya tsentral'noy nervnoy sistemy. Atlas: uchebnoe posobie dlya srednego professional'nogo obrazovaniya* [Neuropsychology. Structure and disorders of the central nervous system. Atlas: textbook for secondary vocational education]. 9th ed. Moscow: Yurayt.
18. Prikhozhan, A.M. (1998) Prichiny, profilaktika i preodolenie trevozhnosti [Causes, prevention and overcoming anxiety]. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie*. 3 (2). pp. 11–18.
19. Gardner, R.C. & Tremblay, P.F. (1994) On Motivation, Research Agendas, and Theoretical Frameworks. *Modern Language Journal*. 78. pp. 359–368.
20. Sosunovskiy, V.S. & Zagrevskaya, A.I. (2022) Theoretical and methodological foundations of a systems approach in pedagogical science. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 476. pp. 201–207. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/476/22

Информация об авторах:

Ежова Г.С. – канд. биол. наук, доцент кафедры физической культуры и спорта Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: galinalalaeva@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0777-0924

Шилько В.Г. – д-р пед. наук, и.о. декана, зав. каф. физической культуры и спорта Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vshilko@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

G.S. Ezhova, Cand. Sci. (Biology), associate professor, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: galinalalaeva@mail.ru

V.G. Shilko, Dr. Sci. (Pedagogics), acting dean, head of the Department of Physical Culture and Sports, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vshilko@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.11.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 22.11.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 94:377.8:796(571.1)
doi: 10.17223/15617793/498/17

Кадровое обеспечение физической культуры и спорта в первое десятилетие после установления советской власти в Крыму

Андрей Викторович Мутьев¹

¹ Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, Симферополь, Россия, dsport76@mail.ru

Аннотация. На основе анализа архивных документов рассматриваются вопросы кадрового обеспечения физической культуры и спорта в Крыму в 1920–1930 гг. Основную базу источников исследования составила делопроизводственная документация советских органов управления физической культурой и спортом в Крыму из фондов Государственного архива Республики Крым. Изучены количественные и качественные показатели специалистов, осуществлявших проведение физкультурно-спортивных занятий в исследуемый период.

Ключевые слова: кадровое обеспечение, физическая культура, Крым, советская власть, Всеобуч, Высший совет физической культуры Крыма, 1920–1930 гг.

Для цитирования: Мутьев А.В. Кадровое обеспечение физической культуры и спорта в первое десятилетие после установления советской власти в Крыму // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 151–159. doi: 10.17223/15617793/498/17

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/17

Staffing of physical culture and sports in the first decade after the establishment of Soviet power in Crimea

Andrey V. Mutiyev¹

¹ V.I. Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol, Russian Federation, dsport76@mail.ru

Abstract. Based on the analysis of archival documents, the article examines the issues of staffing physical culture and sports in Crimea in the first decade after the establishment of Soviet power from the 1920s to the 1930s. The study used general theoretical and general historical methods. The main source base of the study was the office documentation of the Soviet governing bodies of physical culture and sports in Crimea from the funds of the State Archive of the Republic of Crimea. The quantitative and qualitative indicators of specialists who carried out physical culture and sports activities during the analyzed period were examined. In the first decade after the establishment of Soviet power in Crimea, there was disunity and heterogeneity of the physical culture movement. At the same time, there was a high level of demand for physical education personnel with a significant shortage of them and a low level of qualification of the bulk of the employees involved. In the absence of specialized educational institutions for physical culture in Crimea, the main form of training and advanced training were voluntary associations of physical education workers and short-term courses, through which they tried to fill the shortage of personnel in the field of physical culture and improve the skills of existing workers. However, the quantitative and qualitative characteristics of the staffing of the industry in Crimea, due to the lack of planning, consistency and proper material support, only decreased. In the early 1930s, the physical culture movement began to acquire the features of a system that ensures a close relationship between physical culture and labor and defense activities. At the same time, the personnel problem was brought to a completely new level, and a systematic approach was being established to solve it in the training, accounting, distribution and consolidation of physical education personnel. This approach assumed mass training of instructors of various qualifications in accordance with quotas for people from the working-peasant environment, representatives of the indigenous population of Crimea and national minorities. Due attention was paid to the preparation for the opening of a college of physical culture in Crimea, as well as to the material provision of personnel training. These measures were designed to reverse in the shortest possible time the difficult situation in the staffing of the physical education industry that developed during the first decade of the existence of Soviet power in Crimea.

Keywords: staffing, physical culture, Crimea, Soviet government, universal military training, Supreme Council of Physical Culture of Crimea, 1920s–1930s

For citation: Mutiyev, A.V. (2024) Staffing of physical culture and sports in the first decade after the establishment of Soviet power in Crimea. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 151–159. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/17

Различные аспекты развития системы физической культуры и спортивного движения в нашей стране много лет продолжают оставаться в поле зрения широкого круга специалистов, не теряя своей значимости.

Весьма актуальными остаются вопросы становления сферы физического воспитания и спортивной подготовки населения в один из наиболее сложных и противоречивых периодов ее развития – первые десятилетия

после установления советской власти. Построение советской системы физической культуры и спорта основывалось на базе новых идеологических, организационно-управленческих, научно-методических и программно-нормативных основ. Для этого были созданы соответствующие организации и учреждения, возникновение и первоначальное развитие которых и обусловили становление физической культуры и спорта как нового общественного явления [1. С. 15].

В отличие от дореволюционного периода, когда спортивное движение и дело физического развития населения Российской империи развивалось весьма динамично, но имело достаточно ограниченные масштабы и узкий контингент занимающихся, советские органы власти ставили цель максимально широкого охвата населения страны физкультурным движением, решая задачи подготовки к военной службе и обороне страны, повышением нагрузкам на трудовом поприще, оздоровление и в физическом, и в культурном плане, использование физкультуры как общественно-полезного досуга и средства идейного воспитания [2. С. 76]. При этом, без обеспечения физкультурного движения достаточным числом подготовленных кадров, достижение массового охвата населения физкультурой и решение основных ее задач было невозможно.

Изучение вопросов кадрового обеспечения в физкультурном движении на начальном этапе построения молодого советского государства в последнее время все чаще становится предметом специального исследования в работах современных авторов. Эти вопросы затрагиваются как в масштабе развития кадровой политики в отрасли физической культуры и спорта всей страны [2, 3], так и отдельных ее регионов [4–7]. На региональном уровне эти вопросы рассмотрены на примерах Западной Сибири [4, 5], Карелии [6], городов Украины [7] и др. В то же время вопросы обеспеченности кадрами Крымской АССР в 1920–1930 гг. практически не исследованы, ограничиваясь лишь упоминаниями в единичных публикациях [8].

Необходимость восполнения сведений о постановке работы с физкультурными кадрами, количественном, качественном составе и особенностях их подготовки на территории Крыма определила основную цель нашей работы: рассмотреть особенности кадрового обеспечения физической культуры и спорта в первое десятилетие после установления советской власти в Крыму. Были использованы общетеоретические и общеисторические методы исследования. Базу источников исследования составила делопроизводственная документация советских органов управления физической культурой и спортом в Крыму из фондов Государственного архива Республики Крым.

Результаты и обсуждение

После установления советской власти в Крыму привлечение граждан к военно-физической подготовке приобретает массовый характер. Эти задачи были возложены на органы Всеобуча в рамках создаваемых военных комиссариатов различного уровня. Новые власти сразу же столкнулись с острой проблемой кадрового дефицита соответствующего профиля.

Очевидным решением данной проблемы на первом этапе было использование инструкторского состава из бывших и действующих физкультурников и спортсменов, а также лиц, получивших специальное спортивное образование при прежнем режиме. Уже в период установления советской власти на полуострове в мае 1919 г. и создания губернского, 6 уездных и 32 волостных комиссариатов по военным делам [9. С. 48], в целях всеобщего военного обучения и создания боеспособных подразделений Красной армии, стали предприниматься меры по сохранению спортивного инвентаря и учету спортивных инструкторов. Так, на основании приказа Губвоенкома от 24 апреля 1919 г. за № 24, Ялтинским уездным военным комиссаром 4 мая 1919 г. издается приказ № 15 по отделу всеобщего военного обучения в котором, наряду с предписанием по учету спортивного имущества и инвентаря, значилось: «...подлежат учету через Отдел Всеобщего Военного обучения все инструкторы по спорту и физическому воспитанию...». Нарушение приказа влекло предание суду Военно-революционного трибунала [10. Л. 19–20]. Нет сведений о том, как были выполнены приказы, поскольку в июне 1919 г. в Крым вошли части А.И. Деникина и советские органы власти покинули полуостров до ноября 1920 г. В 1920 г., по мере освобождения территории Крымского полуострова, вновь создавались комиссариаты по военным делам. Так, первым военкоматом в освобожденном от противника Крыму, как и весной 1919 г., был Симферопольский уездный комиссариат по военным делам, а несколько позже и губернский под руководством начальника дивизии коммунаров Южного фронта Карпова Михаила Петровича. Согласно «Сводке работ, выполненных Крымгубвоенкоматом с 1 по 15.12.1920 года» в структуре губвоенкомата был организован Территориально-полковой округ, в котором были выделены подотделы спорта и физического развития, инструкторский, допризывного возраста и призывной подготовки [9. С. 109]. Приказ № 1 по Крымскому территориальному полку от 21 ноября 1920 г. за подписями командира Чижика и адъютанта Яцимирского был об учете всего спортивного инвентаря и инструкторов по спорту. Всем инструкторам по спорту надлежало явиться на учет в Штаб Крымского территориального полка по улице Мюльгаузенской, дом Христофорова, квартира 5. Сведения о предметах спорта должны были быть представлены туда же. Неисполнение этого приказа влекло предание суду Военно-революционного трибунала [11. Л. 7]. Таким образом, новые власти стали активно привлекать для решения задач всеобщего военного обучения и физической подготовки инструкторов, получивших специальные знания и подготовку по физической культуре при старом режиме.

Для занятий военным обучением и физической подготовкой всех граждан страны от 18 до 40 лет делили на три основные возрастные группы: школьную (до 16 лет), подготовительную (16–18 лет) и призывную (18–40 лет). С 8 до 18 лет дети и юноши подразделялась на три подгруппы: 8–12 лет, 12–15 и 15–18 лет. В программу занятий с ними входили подвижные игры, различные спортивные дисциплины и начальные

сведения по военному искусству. В Крыму также была начата работа по привлечению детей и юношей к занятиям физической культурой и спортом. Так, 2 января 1921 г. начальник 3-го Крымского территориального батальонного округа в г. Феодосии издал приказ № 5 о явке 4 января 1921 г. родителей, имеющих детей в возрасте от 8 до 16 лет, для их регистрации и начала обучения спорту и физвоспитанию [12. С. 50].

Вместе с формированием системы военного обучения населения происходит постепенное становление массовой физической культуры и пролетарского спорта. Главный начальник Всевобуча, теркадров и коммунистических частей Советской России Н. Подвойский писал в телеграмме, направленной председателю Крымского революционного комитета: «Военная допризывная подготовка пролетарской молодежи и физическое воспитание трудящихся, являющееся в настоящее время ударными задачами Всевобуча, требует на местах самой интенсивной работы и максимума напряжения сил. Для планомерного проведения указанных задач необходимо создать и оборудовать пункты для проведения допризывной подготовки и физического образования трудящихся...» [12. С. 51].

С 1921 г. в Крыму начинают создаваться для решения задач военного обучения и физической подготовки физкультурные кружки и спортивные клубы, часть из которых принадлежала Революционному коммунистическому союзу молодежи (РКСМ) и профсоюзным организациям предприятий Крыма. В первую очередь они были созданы в Симферополе и Севастополе.

В 1921 г. в г. Симферополе был создан «Спортивный клуб имени тов. Подвойского», в штат которого были введены инструкторы по различным видам спорта и выделены средства Всевобуча в размере 3 млн рублей на оборудование помещения. Н. Подвойский лично следил за работой клуба и участвовал в решении его текущих проблем. В своих телеграммах председателю Крымского революционного комитета и начальнику окружного Всевобуча Крыма Буракову в мае 1921 г. он писал: «...В настоящее время помещение клуба занимается гаражом Крымской автосекции. Дело физического образования трудящихся в г. Симферополе ставится таким образом в крайне тяжелые условия и ожидать практических результатов в настоящее время не представляется возможным. Прошу Вашего содействия органам Всевобуча в выполнении возлагаемых на них заданий и срочной отмене постановления о реквизиции помещения клуба. С коммунистическим приветом Н. Подвойский. (Пишу повторно не получив ответа на аналогичную телеграмму). № 435/4165 г. Москва, Арбат, № 35» [12. С. 51].

В 1922 г. в Севастополе, по инициативе Д.В. Красникова, был создан «Центральный спортивный Рабочий клуб», который в сентябре того же года был передислоцирован из центра города на Корабельную сторону и объединил молодежь, работавшую на Морском заводе и других предприятиях Севастополя, учащихся школ района и матросов Черноморского флота. Клуб, получивший название «Красный металлист», располагался по Базарной улице в доме бывшей столовой

«Москва». Деятельность клуба финансировалась за счёт райкома комсомола [13. С. 21–22].

Постепенно структура органов Всевобуча менялась. Для обеспечения «коммунистического духа при формировании войсковых единиц» предписывалось все ответственные должности в кадрах замещать компетентными и «вполне надежными» коммунистами местных организаций, подотчетных как РКП(б), так и прямым своим начальникам по Всевобучу [14. С. 104]. 23 сентября 1921 г. приказом Революционного военного совета Республики № 2092 все территориальные части и органы Всевобуча были расформированы, а приказом № 38 от 6 января 1922 г. ликвидированы территориальные округа и участки Всевобуча. Для допризывников создавались районные и участковые спортивные центры Всевобуча. В Крымском Губвоенкомате в апреле 1922 г. был образован Отдел спорта и физического развития и Крымский районный центр физической культуры и спорта Всевобуча под руководством временно исполняющего дел начальника и председателя Совета центра физической культуры и спорта Всевобуча Ивана Коптева-Бахметова [15. С. 14]. В его распоряжение переводились инструктора отделов спорта из частей особого назначения (ЧОН) Крымской ССР для организации допризывной подготовки населения. В городах и селах Крыма для начала допризывной подготовки в 1922 г. были созданы районы. Так, в г. Симферополе было образовано 5 районов допризывной подготовки, где на специальных площадках закрепленные инструкторы проводили занятия ежедневно с 4 до 6 часов вечера [15. С. 9]. Базой для подготовки кадров инструкторов-агитаторов Всевобуча в Крыму, как и в других регионах страны [5. С. 176], явилась школа низшего комсостава, образованная на базе 63 Симферопольских пехотных командирских курсов. Штатным преподавателем и руководителем физического развития на этих курсах служил один из самых опытных крымских специалистов Александр Гриневский, окончивший военное училище в 1911 г., фехтовально-гимнастическую школу и с тех пор все время работавший по «физическому развитию» [15. Л. 40].

В период с мая по июль 1922 г. продолжилось формирование штатного состава новых структур Губвоенкомата Крыма и одной из главных проблем, тормозивших работу по всеобщему военному обучению и военно-физической подготовке, стало отсутствие необходимого количественного и качественного кадрового состава отдела. Острая нехватка подготовленных кадров, особенно для руководства, приводила к возложению на имеющихся сотрудников нескольких должностей. В своем рапорте начальнику части от 19 мая 1922 г. Александр Гриневский пишет: «С декабря месяца 1921 г., я по предложению Администрации спортивного клуба имени т. Подвойского, занял должность старшего инструктора по гимнастике с уделением времени на занятия в вечерние часы, единственно свободное время по обязанностям штатного преподавателя и руководителя физического развития на 63-Симферопольских пехотных командирских курсах, где я служу и поныне. С выделением в апреле месяце сего года отдела спорта из частей ЧОН КССР в Крымвоенкомат, я

был назначен приказом Губвоенкомата от 22.04 за № 115 ВРИД начальника отдела спорта и физического развития и приказом за № 127 § 4 от 3 мая ВРИД Начальника учебно-спортивной части районного спортивного центра по совмещению должностей. Учитывая всю серьезность обязанностей работы, возложенной на меня и невозможность выполнять их в силу моего физического недомогания и фактической невозможности совмещать с работой штатного преподавателя и руководителя на пехотных курсах, где занятия в лагерьный период производятся 2 раза в день, прошу Вашего ходатайства перед начальником Всеобуча об освобождении меня от указанных обязанностей. В условиях свободного времени всегда готов по долгу гражданина принести пользу в деле физического развития». На рапорт была наложена резолюция начальника Всеобуча Крыма тов. Зингера: «оставить только Начальником райспортцентра, остальное снять» [15. С. 17].

Помимо количественного состава, имелось много вопросов также к уровню подготовленности инструкторов, в связи с чем в мае 1922 г. Начальник Всеобуча Крыма издает приказ о создании комиссии по определению пригодности и степени подготовленности инструкторов Центра физической культуры и спорта. Комиссия проверила инструкторов на знание военного дела, гимнастики и спорта [15. С. 40].

К июлю 1922 г., согласно «Распределению инструкторов спорта и допризывной подготовки при Райспортцентре Крыма», всего числилось 22 человека. Кадры делились по двум отделениям: «спорта» и «допризывной подготовки». Виды физической культуры и спорта, которым уделялось внимание при работе с молодежью, по всей видимости, подбирались исходя из наличия специалистов, имеющих опыт и соответствующую подготовку. Инструкторами спортивного отделения числились 12 человек, из них по машинной гимнастике – 3 человека, вольным движениям – 2, легкой атлетике – 1, фехтованию – 1, тяжелой атлетике – 1, борьбе – 1, футболу – 1, ритмической пластике – 1 и балету – 1. Допризывников 1905 г. рождения на этом отделении по списку было 637 человек, из них обучались лишь спорту 171 человек [15. С. 103]. 16 мая 1923 г. президиум Крымского областного комитета РКП(б) рассмотрел вопрос «О направлении политруков на учебные пункты по допризывной подготовке». К этому времени на полуострове в 37 пунктах было штатного и внештатного состава Всеобуча всего 74 человека на общее количество обучающихся 15 тыс. человек [9, С. 52]. Для массового внедрения физической культуры в рабочую среду соответствующих специалистов явно было недостаточно. Помимо этого, весной 1923 г. Всесоюзный ЦИК принимает решение о включении физической культуры «в общую систему трудового воспитания населения». Органы Всеобуча на местах получают циркуляры, поручающие составление календаря по различным видам летнего спорта и проведение с 15 июля по 1 августа губернских Олимпиад. К тому же им давались предписания об оказании широкого содействия частям Красной армии и органам НКВД в организации спортивных кружков и ячеек физической культуры на фабриках и заводах, в войсковых

частях, улучшении и открытии новых спортивных площадок [8]. Становится очевидно, что только органы Всеобуча не в состоянии были обеспечивать решение поставленных партией задач, что повлекло создание гражданских органов управления физической культурой и спортом.

22 мая 1923 г. на заседании Президиума Крымского ЦИК было утверждено положение о Высшем совете физической культуры Крыма (ВСФК), утвержден его состав, а ведомствам поручено выдвинуть в него своих исполнителей. Для организации эффективной работы ВСФК были сформированы три секции: организационная, школьно-педагогическая и научно-медицинская [16. Л. 7].

Решением СНК РСФСР от 27 июня 1923 г. все спортивные клубы, созданные по дореволюционным правилам, были распущены. Вместо них вся физкультурная и спортивная работа была сосредоточена в военно-спортивных клубах Всеобуча, кружках физкультуры профсоюзов, учебных заведений, обществах «Динамо» и Красной армии. Некоторые частные спортивные клубы прекратили своё существование, но большинство стали кружками физкультуры профсоюзных организаций различных предприятий городов Крыма [13. С. 21].

Уже с самого момента создания Высшего совета физической культуры Крыма в 1923 г. вопрос подготовки преподавательского состава был актуальным, в связи с чем постоянно проводилась опытная работа в этой области. В 1923 г. были даны на места указания об организации Объединений инструкторов физической культуры (Инструкторов) с целью повышения квалификации специалистов, но они охватили лишь воспитательные, организационные и материальные вопросы, не выделяя обучение на первый план, что не способствовало качественной подготовке инструкторского состава. В 1925 г. по Крыму были введены Научно-преподавательские кружки (НПК), но они также показали свою нежизнеспособность, поскольку были построены на добровольном принципе и должны были объединять инструкторов физической культуры, педагогов и врачей. В большинстве случаев инструктора, преподаватели и врачи не посещали собрания этих кружков [17. Л. 11]. В июне 1926 г. ввиду отсутствия в ряде районов физкультурного актива, признана целесообразной организация в некоторых районах (Джанкой, Керчь, Карасубазар) всекрымских краткосрочных вечерних курсов по подготовке работников по физической культуре для города и районных курсов-семинарий для подготовки низовых инструкторов-организаторов для села, главным образом из татар и нацменов. Кроме того, предлагалось систематическое повышение квалификации имеющихся инструкторов через развитие и поощрение научно-преподавательских кружков и индивидуальное самообразование [18. С. 3]. Одновременно бюро физкультуры было поручено провести учет актива крымских работников по физкультуре [19. С. 3]. С 1927 бюджетного года было признано необходимым увеличить ассигнования на дело физкультуры, прежде всего для подготовки актива и для организации научно-медицинского контроля [20. С. 3].

Все эти меры в итоге не дали нужного результата. При том, что охват населения Крыма физической культурой увеличивался, количество инструкторов снижалось. Так, в 1925 г. инструкторов физической культуры в Крыму было 98 человек на 29 818 занимающихся, а согласно данным на 1 апреля 1927 г. в Крыму всего было преподавателей физической культуры 71 человек (58 мужчин и 13 женщин). По званию: помощников инструктора – 12, инструкторов – 56, старших инструкторов – 3. По стажу: до 1 года – 5, до 2 лет – 8, до 3 лет – 10, до 4 лет – 10, до 5 лет – 10 и свыше 10 лет – 28 человек. По образованию низшее имели – 18 человек, среднее не оконченное – 13, среднее – 36, высшее – 4. По образованию окончили дореволюционные школы – 11, курсы физической культуры – 49, техникумы и государственные институты – 3, самообразование – 8. По социальному происхождению: рабочие – 19, крестьяне – 18, служащие – 34. Членов ВКБ(б) – 4, ВЛКСМ – 19, беспартийных – 48 [17. Л. 4]. Как можно заключить из приведенных данных, был незначительный приток молодых специалистов, а основу подготовки инструкторских кадров составляли краткосрочные курсы по физической культуре.

На Первом Всекрымском съезде преподавателей физической культуры, состоявшемся в г. Симферополе 28–29 декабря 1927 г., ответственный секретарь ВСФК Крыма Д.В. Красников отмечал слабую подготовку инструкторов. Согласно его данным, специалистов с высшим образованием по физической культуре по Крыму было лишь несколько человек, а большинство с низким образованием – самоучки или окончившие краткосрочные курсы, среди которых практически отсутствовала должная подготовка к занятиям, «отчего уроки в большинстве случаев бывают неразнообразны и подчас приедаются физкультурникам» [17. Л. 2]. В связи с этим ВСФК Крыма наметил планы по повышению квалификации преподавателей физической культуры и проработку путем самообразования ряда руководств и материалов по 20 дисциплинам. Также было решено пропустить всех преподавателей физической культуры через Всекрымскую квалификационную комиссию (кроме закончивших высшие учебные заведения по физической культуре не менее 1 года длительностью). ВСФК Крыма проработал еще ряд вопросов организации преподавателей физической культуры и предложил районам в качестве экспериментальной работы провести организацию Объединений физкультурных работников (ОФКР), разработал их положение и программу. В такие объединения преподаватели физической культуры входили в обязательном порядке, а врачи в добровольном. Структура Объединений физкультурных работников разграничивала проработку вопросов организационного, материального и внутреннего воспитательного характера от учебных тем. Отдельно проводились общие собрания и выделялись специальные часы для теоретических и практических занятий. Внутри объединения работой руководило Бюро, непосредственно связанное с Учебно-техническим комитетом ВСФК Крыма. Местным Советам физической культуры в районах Крыма было поручено провести проверку новой формы работы среди преподавателей

физической культуры и одновременно ВСФК Крыма сам провел опытную работу в Симферополе, установив ряд положительных и отрицательных сторон. Однако работа в районах оказалась не удачной и на вопросы ВСФК местные советы физической культуры отделивались отписками вроде: «работа проведена на 75%», «прошли такие темы» и т.д. ВСФК Крыма вынужден был базироваться на выводах Объединения физкультурных работников Симферополя, которые констатировали: «...опыт отделение учебных вопросов от всех остальных – правильный. Недостатки – мало опытных руководителей, мало времени на учебу. Некая громоздкость программы ввиду разнородного состава преподавателей и необходимостью восполнения знаний во всех областях физической культуры» [17. Л. 11].

Особенно остро стояла проблема кадрового обеспечения кружков физической культуры в сельской местности Крыма. В частности, 30 января 1928 г. на Втором крымском национальном деревенском совещании по физической культуре были заслушаны доклады с мест и все докладчики указывали на практически полное отсутствие подготовленных руководителей физической культуры в деревнях. Частично эта проблема решалась за счет приглашения инструкторов из городов либо проведения подготовки кадров на краткосрочных курсах [17. Л. 21–24]. В связи с этим в «План работы Районных советов физической культуры, Наркомздрава, Профсоюзов и кружков физической культуры в деревне на 1928 г.» был включен пункт о том, чтобы «провести в деревнях, где были организованы краткосрочные курсы – переподготовку, где не было – организовать их проведение» [17. Л. 27].

В 1928 г. в соответствии с распоряжением ВСФК РСФСР было введено плановое распределение на работу выпускников физкультурных учебных заведений и принято решение обратиться к Совету народных комиссаров СССР с просьбой открыть к 1930 г. еще восемь техникумов по подготовке инструкторских кадров [2. С. 82], один из которых планировалось организовать в Крыму. Вместе с этим было решено провести качественную экспертизу всего имеющегося кадрового состава инструкторов. Для этого весной 1928 г. было принято Единое положение и программа переквалификации работников физической культуры на территории РСФСР. В связи с этим ВСФК Крыма аннулировал все предыдущие программы и планы, действовавшие на территории Крыма по экспертизе и переквалификации инструкторского состава и принял «Программу переквалификации работников физической культуры на территории РСФСР» к сведению и руководству (протокол НТК ВСФК Крыма № 9 от 15 мая 1928 г.) [17. Л. 57].

В начале 1930 г. на территории Крымской АССР была утверждена экспертиза инструкторского состава по физической культуре «в связи с рядом трудностей, слабой квалификацией значительного процента инструкторов физической культуры, затруднениями планомерной работы в ряде районов Крыма». Организовать экспертную комиссию на основе «Положения об Экспертной комиссии по физической культуре (ЭКФК)» было решено в течение одного года в три сессии. В первую сессию с 1 по 30 мая 1930 г. включили

только вопросы по теории из разделов анатомии; гигиены общей, школьной, социальной и профессиональной, а также с 1-го по 3-й разделы обществоведения. Во вторую сессию с 15 по 30 октября 1930 г. из теоретических вопросов предлагались гигиена физических упражнений; биологические особенности организма, педагогика, подача первой помощи и обществоведение (4-й и 5-й разделы). По практике: игры спортивные, подвижные, массовые; спортивные упражнения и развлечения; водный спорт (плавание, гребля и игры на воде); легкая атлетика; велоспорт; туризм и экскурсии; местные виды физических упражнений (татарская борьба). Нормы по сдаваемым видам и практикum проведения занятий, согласно положению, проводились одновременно при сдаче соответствующей дисциплины. В третью сессию с 1 по 15 мая 1931 г. были включены теория и история физической культуры и общая методика физической культуры; врачебный контроль и самоконтроль; организационно-методические вопросы физической культуры. Практическая часть содержала проверку умений и навыков по гимнастике (педагогической, спортивной и прикладной), тяжелой атлетике, владению холодным оружием и стрелковому спорту. Те, кто не сдал зачеты по дисциплинам, могли аттестоваться повторно в следующую сессию. Все инструкторы, которые не прошли экспертизу, снимались с физкультурной работы. Все инструкторы, которые не прошли экспертизу, снимались с физкультурной работы [21. Л. 19]. Президиум ВСФК Крыма приказом № 2 от 23 января 1930 г. для проведения экспертизы инструкторов Крыма назначил комиссию в составе: Михайлов, Сорокин и Гриневский [21. Л. 3а].

Помимо аттестации уже имеющихся специалистов по физической культуре и спорту остро стояли вопросы значительного увеличения их количественного состава в городах и особенно селах Крыма. Отчасти это было вызвано изменением классовой сущности физкультурных организаций и «чисткой инструкторов физической культуры от чуждого элемента», в результате чего физкультурные организации избавлялись от значительного количества кадров старой формации и пытались заменить их инструкторами из рабочего класса. В протоколе Объединенного партийного совещания по физической культуре при комитете ВКП(б) от 15 июля 1930 г. отмечалось: «СФК [Советы физической культуры] на местах и РК ВЛКСМ обратил внимание на внедрение физической культуры среди деревенской молодежи и взрослых. Вопрос упирается в кадры, иначе работу мы не выполним. Создание техникума физической культуры необходимо для Крыма» [21. Л. 34].

В постановлении ЦК ВКП(б) от 23 сентября 1929 г. «О физкультурном движении» констатировалось, неудовлетворительное состояние физкультурной работы в стране, призывалось избавиться от ведомственного разобщения и создать центральный контролирующий орган – Всесоюзный совет физической культуры при Центральном исполнительном комитете СССР, которому будут подчиняться все Советы физической культуры союзных республик. Выполняя это постановление, в начале 1930-х гг. был осуществлен переход от

клубно-территориального построения физкультурных организаций к производственному, что было призвано обеспечить наилучшие условия для роста массовости [22. С. 70]. 1 апреля 1930 г. вышло постановление Президиума Центрального исполнительного комитета СССР «Об учреждении Всесоюзного совета физической культуры при ЦИК СССР», где указывалось, что реконструктивный период выдвигает потребность в широком развертывании физической культуры, для чего необходимо в качестве первоочередной задачи рассматривать подготовку преподавательских кадров. Проблема кадров была выведена на совершенно новый уровень, а для ее решения были установлены достаточно жесткие требования [2. С. 90]. Институты и техникумы были переданы в ведение ВСФК СССР, введен жесткий учет и распределение их выпускников по стране через Сектор кадровой работы ВСФК СССР [23. Л. 1–3]. Местным советам физкультуры предписано также создать сектора по учету кадров [23. Л. 7].

В 1930 г. Высший совет физической культуры Крыма и все местные советы физкультуры были реорганизованы [17. Л. 39–40]. В связи с началом индустриализации и новой направленностью физической культуры в СССР на первый план выдвигалась перестройка работы физкультурных организаций на основе активного участия в социалистическом строительстве, повышении производительности труда, «большей пропитки» физкультурных упражнений военными элементами, регулярном ознакомлении физкультурников с международным и внутренним положением, «ликвидации кулака, как класса» [24. Л. 6]. В соответствии с новым положением о ВСФК Крыма на него были возложены «руководство научно-исследовательской и учебной деятельностью в области физической культуры государственных органов и общественных организаций. Создание новых научно-учебных учреждений по физической культуре, а также организация краткосрочных курсов для подготовки работников по физической культуре». В ведение ВСФК Крыма передавался учет, квалификация и распределение инструкторов и руководящего состава работников в области физической культуры на территории Крыма [21. Л. 41]. Улучшалось материальное обеспечение руководства физической культурой и спортом в Крыму. ЦИКом Крымской АССР были определены и оформлены штатные расписания, составы и ставки оплаты труда специалистов ВСФК Крыма, 16 районных и 4 городских Советов физической культуры [25. Л. 143].

В течение 1930 г. в Крыму был проведен ряд курсов по физической культуре разной продолжительности (национальные деревенские курсы, курсы подготовки физкультурных работников с военным уклоном и др.), однако они прошли с невысокой эффективностью при нехватке средств, небольшом количестве участников и дальнейшем использовании многих выпускников не по прямому назначению [24. Л. 20].

На заседании пленума ВСФК при ЦИКе Крыма 10 декабря 1930 г. в своем докладе «О положении с физкультурными кадрами и их подготовка» председатель Научно-методического комитета ВСФК Крыма Г.Д. Харабуга изложил основные меры, которые

должны были полностью обеспечить Крым кадрами по физической культуре. Так, обеспечение руководящими кадрами высшей квалификации должно было осуществляться за счет выпускников институтов физической культуры, распределенных для работы в учреждениях Крыма. Кадрами средней квалификации планировалось обеспечить полуостров за счет открытия техникума физической культуры при положительном решении СНК РСФСР. Подготовка основной массы кадров в виде курсов различной продолжительности возлагалась на ВСФК Крыма и районные советы физической культуры. Были определены основные планы, виды и формы такой курсовой работы: ВСФК должен был организовать 2-месячные курсы для деревенских работников, силами районных организаций на местах должен был готовиться актив массовиков-производственников на курсах от 2 недель до месяца (помощников инструктора). Кроме этого должна была проводиться подготовка активистов из числа занимающихся, путем «подкрепления» к инструктору с последующим прохождением специального семинара и был предложен учет командиров запаса демобилизованного состава для использования на работе в деревне. В резолюции Пленума было решено поддержать предложенные меры и поручить Президиуму ВСФК разработать вопрос об открытии в Крыму техникума физической культуры, с привлечением средств всех заинтересованных организаций [21. Л. 68–73].

ВСФК Крыма был составлен план работы по сектору кадров на 1931 г., в котором было просчитано количество необходимых специалистов по физической культуре для Крыма и исходя из этого были поставлены четкие задачи по подготовке, учету, закреплению кадров и командированию работников в институты физической культуры. Например, предполагалось командировать в Московский и Ленинградский институты физической культуры не менее 6 человек из рабочих и крестьян. Подготовка кадров планировалась по четырем основным линиям: 1) организация техникума физической культуры в Симферополе с приемом первого года обучения – 40 человек; 2) проведение 3-месячных Всекрымских курсов деревенских работников по физической культуре (60 че-

ловек); 3) проведение семинаров помощников инструкторов физической культуры и актива силами основных районов и городов Крыма с предполагаемым количеством 150–200 человек и продолжительностью 5–6 месяцев; 4) включение вопросов организации и проведения массовой физкультурной работы в курсы, проводимые Райкомами и Горкомами КСМ и Осоавиахима для подготовки военных организаторов ячеек КСМ и включение вопросов физкультуры в программу курсов, проводимых секторами кадров всех организаций [25. Л. 37].

Таким образом, в первое десятилетие после установления советской власти в Крыму, на фоне раздробленности и неоднородности физкультурного движения, наблюдался высокий уровень востребованности физкультурных кадров при существенной их нехватке и низком уровне квалификации основной массы задействованных работников. В отсутствие профильных учебных заведений по физической культуре в Крыму, основной формой подготовки и повышения квалификации выступали добровольные объединения физкультурных работников и краткосрочные курсы, за счет которых пытались восполнить нехватку кадров в сфере физической культуры. Однако количественные и качественные характеристики кадрового обеспечения отрасли в Крыму, по причине отсутствия плановости, системности и должного материального обеспечения, лишь снижались. В начале 1930-х гг. физкультурное движение стало приобретать черты системы, обеспечивающей тесную взаимосвязь физической культуры с трудовой и оборонной деятельностью. Проблема кадров при этом выводится на совершенно новый уровень, а для ее решения устанавливаются системный подход в подготовке, учете, распределении и закреплении физкультурных кадров. Такой подход, предполагавший массовую подготовку инструкторских кадров разной квалификации и квоты, обеспечивающие определенный национальный и социальный состав, а также удаление должного внимания материальному обеспечению подготовки кадров, были призваны в кратчайшие сроки переломить сложную ситуацию в кадровом обеспечении отрасли физической культуры, сложившуюся за первое десятилетие существования советской власти в Крыму.

Список источников

1. Деметер Г.С. Очерки по отечественной физической культуре и олимпийского движения. М. : Сов. спорт, 2005. 322 с.
2. Хорошева А.В. Проблема кадров в советском физкультурном движении в 1918–1930 гг // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2023. № 2. С. 78–96.
3. Филиппов А.Н. Государственная политика СССР в области физической культуры и спорта: 1920–1930 гг. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2012. 25 с.
4. Сарычева Т.В., Турыгин С.П. Формирование кадрового состава сферы физической культуры Западно-Сибирского региона в 1920-е гг. и его характеристика // История педагогической науки и практики. 2015. № 2. С. 175–183.
5. Сарычева Т.В. Качественная и количественная характеристика кадрового состава сферы физической культуры в Западной Сибири в 1930-е гг // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 404. С. 126–132.
6. Свитич О.Н. История развития школьного физкультурно-спортивного движения в Республике Карелия (1917–1924 годы) // E-Scio. 2018. № 11 (26). С. 22–31.
7. Лях-Породько А. Положение сокольских обществ и влияние их на развитие физической культуры и спорта в СССР в 20–30-х гг. XX столетия // Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports. 2008. № 12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-sokolskih-obschestv-i-vliyanie-ih-na-razvitie-fizicheskoy-kultury-i-sporta-v-sssr-v-20-30-h-gg-xx-stoletiya> (дата обращения: 10.12.2023).
8. Борисов Д.А. Заниматься физкультурой!: История становления физической культуры и спорта в Крыму в 1919–1923 годах // Историческое наследие Крыма. 2014. № 26. С. 148–160.
9. Брошеван В.М. Крымский военкомат. Симферополь, 2002. 71 с.
10. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. Р-1603 (Кучук-Узеньский волостной военно-революционный комитет). Оп. 1. Д. 1.
11. ГАРК. Ф. Р-538 (Симферопольский уездный революционный комитет, г. Симферополь, Крым). Оп. 1. Д. 106.

12. Брошеван В.М. Военкоматы в Крыму. 1919–1920 гг. : военный историко-документальный очерк. Симферополь, 2019. 159 с.
13. Сапожников Е.И. Футбол моего города. История в фактах. Севастопольский футбол 1910–2019. Севастополь, 2020. 218 с.
14. Справочник партийного работника. М., 1921. 216 с.
15. ГАРК. Ф. Р-1865 (Крымский совет центра физической культуры и спорта всеобщего военного обучения, г. Симферополь Крымской АССР). Оп. 1. Д. 1.
16. ГАРК. Ф. Р-663 (Центральный Исполнительный Комитет Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и краснофлотских депутатов Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР). Оп. 1. Д. 104.
17. ГАРК. Ф. Р-1209 (Комитет республиканский по делам физической культуры и спорта при Совете народных комиссаров Крымской АССР, г. Симферополь Крымской АССР). Оп. 2. Д. 1.
18. Мишурис А. Внимание физкультуре // Красный Крым. 1926. 24 июня. № 141(1658). С. 3.
19. Физкультура и спорт. Физкультура среди членов союза // Красный Крым. 1926. 26 июня. № 143 (1660). С. 3.
20. Вопросы физкультуры (В президиуме КрымЦИКа) // Красный Крым. 1926. 27 июня. № 144 (1661). С. 3.
21. ГАРК Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 4.
22. Иванов И.В. Организационно-правовое регулирование массового спорта в России 1917–1945 гг. // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 2 (48). С. 69–72.
23. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 11.
24. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 5.
25. ГАРК. Ф. Р-1209. Оп. 2. Д. 13.

References

1. Demeter, G.S. (2005) *Ocherki po otechestvennoy fizicheskoy kul'tury i olimpiyskogo dvizheniya* [Essays on domestic physical culture and the Olympic movement]. Moscow: Sovetskiy sport.
2. Khorosheva, A.V. (2023) Problema kadrov v sovetskom fizkul'turnom dvizhenii v 1918–1930 gg. [The problem of personnel in the Soviet physical culture movement in 1918–1930]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 8. Istoriya*. 2. pp. 78–96.
3. Filippov, A.N. (2012) *Gosudarstvennaya politika SSSR v oblasti fizicheskoy kul'tury i sporta: 1920–1930 gg.* [State policy of the USSR in the field of physical culture and sports: 1920–1930]. Abstract of History Cand. Diss. Yaroslavl.
4. Sarycheva, T.V. & Turygin, S.P. (2015) Formirovanie kadrovogo sostava sfery fizicheskoy kul'tury Zapadno-Sibirskogo regiona v 1920-e gg. i ego kharakteristika [Formation of personnel in the field of physical culture in the West Siberian region in the 1920s and its characteristics]. *Istoriya pedagogicheskoy nauki i praktiki*. 2. pp. 175–183.
5. Sarycheva, T.V. (2016) Qualitative and quantitative characteristics of the personnel composition of the sphere of physical culture in Western Siberia in the 1930s *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 404. pp. 126–132. (In Russian).
6. Svitich, O.N. (2018) Istoriya razvitiya shkol'nogo fizkul'turno-sportivnogo dvizheniya v Respublike Kareliya (1917–1924 gody) [History of the development of the school physical education and sports movement in the Republic of Karelia (1917–1924)]. *E-Scio*. 11 (26). pp. 22–31.
7. Lyakh-Porod'ko, A. (2008) Polozhenie sokol'skikh obshchestv i vliyaniye ikh na razvitiye fizicheskoy kul'tury i sporta v SSSR v 20–30-kh gg. XX stoletiya [The position of Sokol societies and their influence on the development of physical culture and sports in the USSR in the 1920s–1930s]. *Pedagogics, psychology, medical-biological problems of physical training and sports*. 12. [Online] Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/polozhenie-sokolskikh-obshchestv-i-vliyaniye-ih-na-razvitiye-fizicheskoy-kul'tury-i-sporta-v-sssr-v-20-30-h-gg-xx-stoletiya> (Accessed: 10.12.2023).
8. Borisov, D.A. (2014) Zanimat'sya fizkul'turoy!: Istoriya stanovleniya fizicheskoy kul'tury i sporta v Krymu v 1919–1923 godakh [Do physical exercises!: History of the formation of physical culture and sports in Crimea in 1919–1923]. *Istoricheskoe nasledie Kryma*. 26. pp. 148–160.
9. Broshevan, V.M. (2002) *Krymskiy voenkomat* [Crimean military registration and enlistment office]. Simferopol: [s.n.].
10. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1603 (*Kuchuk-Uzen'skiy volostnoy voenno-revolutsionnyy komitet* [Kuchuk-Uzensky volost military revolutionary committee]). List 1. File 1.
11. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-538 (*Simferopol'skiy uezdnyy revolyutsionnyy komitet, g. Simferopol', Krym* [Simferopol District Revolutionary Committee, Simferopol, Crimea]). List 1. File 106.
12. Broshevan, V.M. (2019) *Voенкоматы в Крыму. 1919–1920 гг.: военный историко-документальный очерк* [Military registration and enlistment offices in Crimea. 1919–1920: military historical and documentary essay]. Simferopol: [s.n.].
13. Sapozhnikov, E.I. (2020) *Futbol moego goroda. Istoriya v faktakh. Sevastopol'skiy futbol 1910–2019* [Football in my city. History in facts. Sevastopol football, 1910–2019]. Sevastopol: [s.n.].
14. Anon. (1921) *Spravochnik partiynogo rabotnika* [Directory of party workers]. Moscow: [s.n.].
15. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1865 (*Krymskiy sovetskiy tsentra fizicheskoy kul'tury i sporta vseobshchego voennogo obucheniya, g. Simferopol' Krymskoy ASSR* [Crimean Council of the Center for Physical Culture and Sports for General Military Training, Simferopol, Crimean ASSR]). List 1. File 1.
16. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-663 (*Tsentral'nyy Ispolnitel'nyy Komitet Sovetov rabochikh, krest'yanskikh, krasnoarmeysskikh i krasnoflotskikh deputatov Krymskoy ASSR, g. Simferopol' Krymskoy ASSR* [Central Executive Committee of the Councils of Workers, Peasants, Red Army and Red Navy Deputies of the Crimean Autonomous Soviet Socialist Republic, Simferopol, Crimean ASSR]). List 1. File 104.
17. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209 (*Komitets respublikanskiy po delam fizicheskoy kul'tury i sporta pri Sovete narodnykh komissarov Krymskoy ASSR, g. Simferopol' Krymskoy ASSR* [Republican Committee for Physical Culture and Sports under the Council of People's Commissars of the Crimean ASSR, Simferopol, Crimean ASSR]). List 2. File 1.
18. Mishuris, A. (1926) Vnimanie fizkul'ture [Attention to physical culture]. *Krasnyy Krym*. 24 June. 141 (1658). p. 3.
19. *Krasnyy Krym*. (1926) Fizkul'tura i sport. Fizkul'tura sredi chlenov soyuza [Physical culture and sports. Physical education among members of the union]. 26 June. 143 (1660). p. 3.
20. *Krasnyy Krym*. (1926) Voprosy fizkul'tury (V prezidiume KrymTslKa) [Issues of physical education (In the Presidium of the Crimean Central Executive Committee)]. 27 June. 144 (1661). p. 3.
21. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 4.
22. Ivanov, I.V. (2017) Organizatsionno-pravovoe regulirovanie massovogo sporta v Rossii 1917–1945 gg [Organizational and legal regulation of mass sports in Russia, 1917–1945]. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika*. 2 (48). pp. 69–72.
23. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 11.
24. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 5.
25. State Archive of the Republic of Crimea (GARK). Fund R-1209. List 2. File 13.

Информация об авторе:

Мутьев А.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры теории и методики физической культуры Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (Симферополь, Россия). E-mail: dsport76@mail.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

A.V. Mutiyev, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (Simferopol, Russian Federation). E-mail: dsport76@mail.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 22.12.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 378.180
doi: 10.17223/15617793/498/18

Личностно-профессиональная позиция студентов направления подготовки «Педагогическое образование»

Елена Александровна Петраш¹, Татьяна Владимировна Сидорова²

¹ Псковский государственный университет, Псков, Россия, vea2005@mail.ru

² Бурятский государственный университет им. Д. Банзарова, Улан-Удэ, Россия, botkina@yandex.ru

Аннотация. Выделены компоненты личностно-профессиональной позиции, наиболее значимые социально-педагогические детерминанты формирования личностно-профессиональной позиции будущего педагога. Ранжирование результатов выбора значимых детерминант студентами позволяет сделать вывод о том, что отдельные составляющие личностно-профессиональной позиции (ценностная, целевая, этическая, рефлексивная) недооцениваются обучающимися в силу недостаточного внимания к этим аспектам профессиональной подготовки.

Ключевые слова: личностно-профессиональная позиция, студент как будущий профессионал, ценностно-смысловая сфера личности, общая культура, педагогическая рефлексия, профессионально-педагогическая мотивация

Для цитирования: Петраш Е.А., Сидорова Т.В. Личностно-профессиональная позиция студентов направления подготовки «Педагогическое образование» // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 160–169. doi: 10.17223/15617793/498/18

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/18

The personal and professional position of students of the direction of training “Pedagogical Education”

Elena A. Petrash¹, Tatiana V. Sidorova²

¹ Pskov State University, Pskov, Russian Federation, vea2005@mail.ru

² Banzarov Buryat State University, Ulan-Ude, Russian Federation, botkina@yandex.ru

Abstract. The relevance of the research is due to the importance of the theoretical and methodological understanding of the essence of future teacher's personal and professional position and the need for its empirical research. Based on the data obtained, pedagogical tools are developed aimed at increasing the productivity of the personal and professional position of the student and teacher. The aim of the research is to identify and analyze the personal and professional position of senior year students in pedagogical areas of training and to determine the methods and forms of its development. During the research, the authors relied on theoretical and methodological approaches: relationship theory, personified, humanistic, subject-activity, and systemic approaches. The research was conducted on the basis of the Department of Secondary General Education and Social Design of Pskov State University and on the basis of the Department of General Pedagogy of Banzarov Buryat State University. The research involved second- and fourth-year full-time pedagogical students (800 people aged 19 to 22). During the research, the following methods were used: analysis of scientific and methodological literature, questionnaires, testing, statistical processing and analysis of the data obtained. Systematized diagnostic tools were used at all stages of the research. To increase the validity of the results, a sample of student teachers of different profiles was made: the large variability of profiles in two geographically distant universities in the country (Pskov and Buryat State Universities) allows us to speak about the representativeness of the data obtained. During the research, the concept of the future teacher's personal and professional position, its components and structure, its indicators and levels, features of formation and development were clarified. An important condition for the development of a student's personal and professional position is their own activity in the educational process and in the process of self-development. The diagnostic results show that only 16% of the surveyed students have a high level of development of professional and pedagogical motivation. Only 26% have a high level of development of the value-semantic sphere. The majority of respondents (46%) have uncertain life goals and value guidelines; 32% of students are in a state of a personal identity crisis; 45%, in their opinion, lack the willpower for further self-development; and 59% are not fully focused on pedagogical profession. A significant portion of respondents (28%) have a low sense of meaning in their lives in the present, lack clear goals for the future, and are passive in their life position in general. In general, the data obtained at the stage of the ascertaining experiment indicates that in the professional training of future teachers insufficient attention is paid to the development of their values and life orientations.

Keywords: personal and professional position, student as future professional, value-semantic sphere of personality, general culture, pedagogical reflection, professional and pedagogical motivation

For citation: Petrash, E.A. & Sidorova, T.V. (2024) Personal and professional position of students of the direction of training "Pedagogical Education". *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 160–169. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/18

Введение

Сложные условия работы современных учителей: переполненные классы в городских школах, низкая мотивация школьников к обучению, повышенные требования со стороны родительского сообщества, огромное количество воспитательных мероприятий и другое вносят свои коррективы в требования, предъявляемые к личности педагога. Современный учитель – не только «урокодатель», воспитатель, фасилитатор и проводник в информационном пространстве, он, прежде всего, Человек культуры, который, согласно Н.Е. Щурковой, сам строит жизнь, достойную Человека, и умело создает условия для такого «строительства» для своих воспитанников. На личностное развитие самого педагога и его учащихся, на профессиональное становление и успех его деятельности влияет формирующаяся личностно-профессиональная позиция учителя. Начинается такое формирование в школьные годы, продолжается в стенах педагогического вуза, укрепляется в период трудовой деятельности и никогда не заканчивается. При этом важно, чтобы выпускники педагогических вузов обладали развитой на достаточном уровне личностно-профессиональной позицией и еще в стенах образовательной организации сформировали устойчивый интерес к избранной профессии.

О проблемах и возможностях развития личностно-профессиональной позиции студентов и педагогов, о способах организации работы по ее формированию в образовательных организациях писали такие исследователи, как В.П. Бедерханова, Н.М. Борытко, Д.В. Григорьев, А.И. Григорьева, И.Д. Демакова, В.В. Сериков, В.И. Слободчиков, Е.Н. Степанов, И.Ю. Шустова и др.

Анализ научных работ показал, что сегодня сформулировано понятие «личностно-профессиональная позиция студента – будущего педагога» (Н.М. Борытко), рассмотрены ее компоненты и условия формирования (Е.Н. Степанов, Н.Е. Щуркова), проанализированы особенности профессионального сознания и самосознания личности на различных этапах профессионального развития (Е.П. Ермолаева, А.В. Карпов, Е.А. Климов, Г.Л. Миронова, С.Р. Пантелеев и др.), а также в работах И.В. Абакумова, А.Г. Асмолова, А.А. Бодалева, А.А. Деркач, Э.Ф. Зеера, Д.А. Леонтьева и др. представлена интерпретация смысловых аспектов личности профессионала. При этом проблема формирования и изучения профессионально-личностной позиции у студентов вузов с педагогическими направлениями подготовки была осуществлена не в полной мере.

Таким образом, актуальность настоящего исследования обусловлена двумя аспектами: важностью теоретико-методологического осмысления сущности личностно-профессиональной позиции студента будущего педагога и необходимостью анализа условий в учебном учреждении, способствующих становлению и повышению продуктивности их личностно-профессиональной позиции.

Объектом исследования является формирование личностно-профессиональной позиции педагогов; предметом исследования – педагогические условия развития личностно-профессиональной позиции будущих педагогов.

Цель исследования – выявить и проанализировать личностно-профессиональную позицию студентов педагогических направлений подготовки и определить способы, формы ее развития.

В ходе исследования была сформулирована рабочая гипотеза: развитие личностно-профессиональной позиции студентов педагогических направлений подготовки будет эффективным, если:

- определена специфика и компоненты личностно-профессиональной позиции педагога;

- конкретизированы создаваемые в вузе педагогические условия, способствующие формированию устойчивой личностно-профессиональной позиции будущих педагогов;

- выявлены средства, формы и методы развития личностно-профессиональной позиции у студентов.

Предмет, цель и гипотеза позволили определить задачи исследования:

1. Определить специфику и компоненты личностно-профессиональной позиции студентов педагогических направлений подготовки.

2. Охарактеризовать педагогические условия высшего учебного заведения, способствующие становлению личностно-профессиональной позиции студентов педагогических направлений подготовки.

3. Обосновать средства, формы и методы развития личностно-профессиональной позиции студентов педагогических направлений подготовки.

Методология и методы исследования

Теоретико-методологические подходы, которые позволили сформировать целостное представление о сущности личностно-профессиональной позиции студента – будущего педагога следующие:

- *персонифицированный подход*, представляющий собой безусловное включение персонально-субъектного опыта в процессе становления личностно-профессиональной позиции (Г.Д. Кочергина, Т.П. Симакова, Е.Н. Степанов и др.). Данный подход базируется на значимости предоставления студентам выбора вариантов образовательных практик и маршрутов обучения, осуществлении образовательного процесса по индивидуальным траекториям в соответствии с возможностями каждого, изменяющимися потребностями, профессиональными перспективами и т.д.;

- *гуманистический подход*, характеризующий каждого студента как человека, способного к самотворчеству, свободному ответственному выбору, готового к переменам (А. Маслоу, К. Роджерс и др.);

– *субъектно-деятельностный подход*, рассматривающий будущего педагога как активного, самодетерминирующегося, ответственного за собственный выбор ценностей, педагогических взглядов, увлечений (К.А. Абульханова, Б.Г. Ананьев, А.В. Брушлинский, С.Л. Рубинштейн и др.);

– *системный подход*, представляющий личностно-профессиональную позицию студента – будущего педагога как совокупность взаимосвязанных структурно-функциональных компонентов, составляющих единое целое (В.А. Барабанщиков, Б.Ф. Ломов, Д. Сьюпер и др.).

Настоящее исследование проводилось на базе кафедры среднего общего образования и социального проектирования Псковского государственного университета и на базе кафедры общей педагогики Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова.

В исследовании приняли участие студенты педагогических направлений подготовки 2-го и 4-го курсов очной формы обучения: по 400 студентов из каждого университета в общем количестве 800 человек, возраст обучающихся 19–22 года. В ходе исследования применялись следующие методы: анализ научно-методической литературы, анкетирование, тестирование, статистическая обработка и анализ полученных данных.

Систематизированный диагностический инструментарий был представлен следующими методиками:

- диагностика мотивов выбора (А.В. Попова);
- методика исследования профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер);
- диагностика «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев);
- диагностика уровня саморазвития и профессионально-педагогической деятельности (Л.Н. Бережнова);
- диагностика самооценки профессионально-педагогической мотивации (Н.П. Фетискина);
- анкета «Мои интересы и увлечения».

Для повышения валидности результатов нами была сделана выборка студентов-педагогов разного профиля (будущие учителя русского и литературы, английского языка, истории и обществознания, математики и информатики, физики, химии и других профилей). Довольно большая вариативность профилей в двух территориально удаленных друг от друга вузах страны (Псковский и Бурятский государственные университеты) позволяет говорить о репрезентативности полученных данных.

Обсуждение и результаты

Само слово «позиция» имеет более 20 значений, среди которых – *точка зрения, расположение* в пространстве, *положение* в игре или танце, *окружение*, в котором находится объект [1. С. 1027]. Такая многозначность легко идентифицируется в понятии «личностно-профессиональная позиция» педагога. Если сопоставить данный термин со словарным определением позиции, то исследовательское внимание можно обратить на *точку зрения педагога* по поводу происходящих событий и в жизни (ценностно-смысловая сфера),

на то, как он *располагает себя в пространстве*, например, в коллективе детей, коллег, в социуме (множество социальных «Я»), на то, какую *роль* играет педагог в жизни своих воспитанников, по каким правилам выстраивает отношения (общая культура, поведение, качества личности) и, наконец, на *внешние факторы*, влияющие на становление личностной позиции учителя, и *условия*, в которых происходит субъект-субъектное взаимодействие.

В психолого-педагогических исследованиях можно выделить разные взгляды в трактовке понятия «позиция педагога». Общее определение педагогической позиции мы находим в трудах В.А. Сластёнина, где она предстает перед нами как «система интеллектуальных, волевых и эмоционально-оценочных отношений к миру, педагогической действительности и педагогической деятельности» [2. С. 16]. В то же время целесообразно говорить о позиции как целостном образовании, предполагающем тесную взаимосвязь и взаимообусловленность ее компонентов: личностной и профессиональной позиции (В.П. Бедерханова, Д.В. Григорьев, А.И. Григорьева, И.Д. Демакова, Н.Ф. Радионова, Е.Н. Степанов, Н.Е. Щуркова и др.). Профессор Е.Н. Степанов указывает на то, что «это личностное системное образование, основой которого выступает отношение педагога к детям и их развитию, включающее в себя общеличностную и профессиональную составляющие...» [3. С. 13]. При этом, как показали многие исследования, именно внутриличностные компоненты оказывают влияние на профессиональную позицию учителя, а не наоборот.

В.Н. Мясичев [4] выделяет следующие типы профессиональной позиции студентов будущих педагогов: отношения к себе и другим, общение, труд, самообразование. Ученый считает, что отношения между людьми должны быть положительными, чтобы обеспечить «адекватное самоопределение и развитие», а также «социальную интегрированность» будущего специалиста. Данные постулаты находят подтверждение и в концепции детерминизма С.Л. Рубинштейна: «...человек есть человек лишь в своем взаимоотношении к другому человеку: человек – это люди в их взаимоотношениях друг к другу» [5. С. 40].

В свою очередь, исследование О.П. Полухиной и С.Л. Иголкина характеризует данные конструкты в структуре трех компонентов: «...когнитивного, ценностного и конативного, которым соответствуют следующие показатели: самооценка, социальная компетентность, интернальность в межличностном общении, познавательная активность, готовность к самообразованию, потребность в познании, стремление к личностному росту, самоконтроль, гибкость поведения, самоэффективность в общении, самоэффективность в профессиональной деятельности, готовность к саморазвитию» [6. С. 248].

В.В. Кисляков, О.Ю. Колышев [7] утверждают, что профессионально-педагогическая и личностно-профессиональная позиции являются показателем развития специалиста, характеристикой, определяющей выбор субъектом своего пути, осуществления деятельно-

сти, общения, поведения, которые, по мнению И.Д. Демаковой, «не выстраиваются раз и навсегда, обретение позиции – событие не одноразовое. Свободный и ответственный выбор места, образа действия и мыслей, которые определяют позицию, совершается в каждый момент существования, ставящий человека перед проблемой выбора» [8. С. 187]. А соотнесение «личностью определенной позиции в различных сферах актуальной жизнедеятельности прямо связано с самоопределением и предполагает выработку индивидуальной линии поведения» (А.В. Мудрик) [9. С. 16].

О.Е. Тумакова утверждает, что личностно-профессиональная позиция не может быть сформирована без осознанного отношения к своей профессиональной деятельности [10]. Именно поэтому она – «один из маркеров качества профессиональной подготовки будущих педагогов наряду с компетентностью» (Л.С. Аракелян, М.В. Шакурова) [11].

Если на первом этапе теоретического осмысления данной дефиниции мы выяснили, что понятие «личностно-профессиональная позиция педагога» весьма многополярно и включает взаимосвязанные и взаимопроницаемые части, то на втором этапе необходимо провести их системный анализ. Общеличностную составляющую охарактеризуем посредством интерпретации четырех основных компонентов: ценностно-смысловая сфера личности; общая культура; интересы, увлечения, хобби; качества характера студента. Профессиональную же составляющую можно представить в виде профессионально-педагогической мотивации студентов к будущей деятельности. Проанализируем данные компоненты.

Под ценностно-смысловой сферой личности педагога следует понимать функциональную систему, сформированную на основе значимых ценностей, целей жизнедеятельности, наделенных смыслом. Она включает в себя: систему ценностных ориентаций, отвечающих за направленность личности и систему личностных смыслов, отражающих субъективную значимость для человека предметов и явлений окружающего мира и находящихся отражение в системе отношений субъекта к миру, другим людям и себе. Поэтому профессию педагога, по мнению В.Э Чудновского [12], можно считать одной из наиболее «смыслообразующих».

Е.И. Сухова отмечает, что становление ценностно-смысловой сферы личности студента педагога должно происходить в процессе «непрерывного постижения гуманистического идеала посредством реализации истинных духовных ценностей в практической деятельности» [13]. Профессор В.П. Бедерханова утверждает, что «ценностно-ориентационная сфера в первую очередь детерминирует позицию личности» [14] и, соответственно, направленность и содержание профессионального самоопределения и профессиональной самореализации человека.

Второй важный компонент – общая культура студента, которую довольно сложно диагностировать в заданных рамках исследования, так как сам изучаемый феномен обладает размытыми смыслами. В широком

понимании культурный человек – это духовно богатый, разносторонне образованный, интеллектуально развитый, нравственно и эстетически воспитанный, обладающий внутренней культурой субъект. А в узком смысле культурным можно назвать просто вежливого, воспитанного, тактичного студента – будущего педагога, т.е. такого, который обладает культурой поведения и проявляет лишь внешнюю культуру. Общая культура предполагает нравственно-этический и художественно-эстетический опыт как в общении, так и в деятельности.

Уровень общей культуры студента, в конечном счете, может выражаться через содержание его мировоззрения и меру гармонии между его рационально-логическим и эмоционально-психологическим компонентами. Особенно остро в последнее время стоит вопрос о развитии эмоционального интеллекта у педагогов. Высокий уровень сформированности эмоционального интеллекта является профилактикой эмоционального выгорания и способствует эффективности педагогической деятельности [15]. В рамках данного исследования мы не ставили цели изучить и измерить уровень общей культуры и EQ (эмоциональный интеллект) будущих педагогов, однако для понимания общей картины учет данных компонентов будет необходим. Таким образом, общая культура играет роль нравственного и этического императива, а также служит идейно-теоретическим и мировоззренческим фундаментом для его будущего профессионального развития.

Еще одним компонентом общеличностной позиции будущего педагога является его хобби. Хобби играет важную роль в освобождении внутренней энергии и творческого потенциала учителя. Также, это способ профилактики эмоционального выгорания, смена деятельности, которая позволяет учителю отдохнуть, набраться сил и заняться тем, что ему интересно, это возможность отвлечься от рутины, развить другие навыки. Наличие у педагога хобби, увлечений помогает ему оставаться не только «интересным человеком в глазах детей», но и является своеобразным способом самоутверждения и самореализации.

Что касается последнего компонента в структуре общеличностной позиции – человеческих качеств будущего педагога, то их изучению можно посвятить не одну диссертацию.

И.А. Зимняя смогла представить обобщенный психологический портрет педагога, который включает:

- «1) индивидуальные качества человека, т.е. его особенности как индивида (темперамент, задатки и т.п.);
- 2) личностные качества, т.е. его особенности как личности (социальной сущности человека);
- 3) коммуникативные (интерактивные) качества;
- 4) статусно-позиционные, т.е. особенности положения, роли, отношений в коллективе;
- 5) деятельностные (профессионально-предметные);
- 6) внешнеповеденческие» [16. С. 209].

На основании проведенного анализа исследований С.И. Десненко [17], А.В. Гуторовой [18], М.С. Луковой [19] мы обобщили и выделили критерии и показатели сформированности личностно-профессиональной позиции студента – будущего педагога.

Таблица 1

Модель диагностики личностно-профессиональной позиции студентов – будущих педагогов

Критерий	Показатели	Диагностический инструментарий
Ценностный	Ценностно-смысловое отношение к собственному образованию при подготовке к будущей профессиональной деятельности; осознание ценностей образования и ценностей профессии как личностно значимых	Тест «Смыслоразностные ориентации» (Д.А. Леонтьев)
Мотивационный	Наличие направленности на образование при подготовке к будущей профессиональной деятельности; наличие потребности в творческой реализации, в том числе посредством профессиональной деятельности; наличие устойчивого интереса к проблемам собственного образования и способам их решения; сформированность внутренних, внешних положительных и внешних отрицательных мотивов; сформированность моральных мотивов профессиональной деятельности – чувства долга и ответственности	Анкета мотивов выбора (А.В. Попова); методика «Самооценка профессионально-педагогической мотивации» (Н.П. Фетискин); анкета «Мои интересы и увлечения»
Когнитивный	Осмысление информации о сущности и содержании образования при подготовке к будущей профессиональной деятельности; осмысление информации о сущности и содержании личностно-профессиональной позиции будущего специалиста; непрерывное самообразование при изучении предметных дисциплин; уровень развития профессиональной идентичности	Методика исследования профессиональной идентичности (Л.Б. Шнейдер)
Операционно-деятельностный (технологический)	Применение соответствующих умений и навыков в зависимости от цели и ситуации; развитие способностей анализировать и преобразовывать ситуацию для решения возникающих педагогических задач	Наблюдение за учащимися в процессе деятельности
Регулятивный (критерий рефлексивной саморегуляции)	Принятие оптимальных решений; гибкость в организации профессиональной деятельности; стремление к развитию в профессиональной деятельности	Диагностика уровня саморазвития и профессионально-педагогической деятельности (Л.Н. Бережнова); анкета «Профессиональное самосовершенствование»

Измерить вышеперечисленные показатели в условиях вуза представляется непростой задачей. Нами было принято решение провести различные диагностики и исследовать профессиональную идентичность будущих педагогов (по методике Л.Б. Шнейдера), выявить смыслоразностные ориентации (по методике Д.А. Леонтьева), определить уровень саморазвития и профессионально-педагогической деятельности (по методике Л.Н. Бережновой), зафиксировать самооценку профессионально-педагогической мотивации (по методике Н.П. Фетискина), а также проанализировать мотивы выбора профессии, используя анкету А.В. Поповой, и их увлечения, хобби и перспективы профессионального развития. В табл. 1 представлена модель диагностического исследования, где конкретная диагностика соотнесена с оцениваемым критерием и показателем. В исследовании приняли участие 800 студентов 2-х и 4-х курсов педагогических специальностей двух вузов. Представим результаты.

Анализ данных, полученных по методике А.В. Поповой, позволил оценить влияние на выбор педагогической профессии студентами внутренних и внешних положительных и отрицательных мотивов, а также выстроить иерархию мотивов выбора профессии и определить характер комплекса мотивов по формуле $BM \geq BPM > BOM$, где BM – внутренний мотив, BPM – внешний положительный мотив, BOM – внешний отрицательный мотив.

В рейтинге мотивов выбора профессии педагога студентов 2-го и 4-го курса первые позиции заняли внутренние мотивы и внешний положительный мотив (табл. 2). Данные результаты говорят о том, что, выбирая обучение по педагогическому направлению подго-

товки, девушки и юноши руководствовались своим интересом к данной профессиональной области. Однако студенты до включения в практическую деятельность в большей степени настроены на развитие имеющихся навыков и приобретение «живого знания». Студенты, прошедшие инструктивный лагерь, летнюю педагогическую практику в ДОЛ и практику «Воспитательная работа в школе», акцентируют внимание не на инструментальной составляющей педагогической работы, а на собственном восприятии педагогической ситуации и желании ее изменить. Такие активные формы взаимодействия представляли собой не просто решение кейсовых ситуаций на практических занятиях, но и непосредственное погружение в педагогическую среду при наставничестве со стороны педагогов вуза и способствуют развитию комплекса мотивов, ориентированных на педагогическую профессию. Студенты старших курсов в меньшей степени надеются добиться материального благополучия, но в большей степени хотят проверить свои способности на практике.

На следующем этапе нами была проведена диагностика самооценки профессионально-педагогической мотивации студентов по методике Т.И. Ильиной в адаптации Н.П. Фетискина. В результате диагностики все студенты разделились по уровням мотивации, представленным в табл. 3.

В общей структуре показателей профессионально-педагогической мотивации у студентов – будущих педагогов доминирующие позиции занимают «профессиональная потребность», «функциональный интерес» и «развивающаяся любознательность». Высокий уровень развития профессионально-педагогической мотивации продемонстрировали 10% студентов 2-го курса и 14% – 4-го курса.

Таблица 2

Результаты исследования мотивов выбора профессии педагога студентов 2-го и 4-го курсов направления подготовки «Педагогическое образование»

Мотив	2-й курс		4-й курс	
	Средний балл	Ранг	Средний балл	Ранг
Нравится проводить время с детьми	5,0	4	5,9	1
Намерение приобрести психолого-педагогические знания	5,3	1	5,4	2
Надежда обрести оптимальные условия для саморазвития и личностного роста	4,9	5	5,0	4
Желание сделать общество более человечным, преобразовать условия жизни людей	4,8	6	5,3	3
Стремление проверить свои способности	5,2	2	4,8	5
Желание быть похожим на своего учителя	5,1	3	4,6	6
Желание членов семьи, родителей, близких	4,4	7	4	7
Стремление овладеть престижной профессией	1,4	8	1,2	8
Надежда добиться материального благополучия	1,2	9	1	9
Случайно выбрал	1	10	0,8	10

Таблица 3

Распределение студентов по уровням сформированности профессионально-педагогической мотивации, %

Показатель	Уровень развития					
	Низкий		Средний		Высокий	
	2-й курс	4-й курс	2-й курс	4-й курс	2-й курс	4-й курс
Профессиональная потребность	11	15	79	71	10	14
Функциональный интерес	2	10	87	80	10	10
Развивающаяся любознательность	9	4	61	60	31	36
Показная заинтересованность	26	38	45	56	29	6
Эпизодическое любопытство	32	37	43	50	25	13
Равнодушное отношение	48	40	40	50	12	10

Данную группу студентов характеризует стремление к активному саморазвитию и желание реализовать себя в педагогической сфере. Студенты со средним уровнем профессиональной потребности чаще всего являются членами педагогических отрядов, что позволяет на практике закрепить и подтвердить ценность образовательной деятельности. Знакомство с педагогическими отрядами и их предназначением в вузах начинается с 1-го курса, что соответствует плавному переходу мотивации данных студентов от «эпизодического любопытства» к «развивающей любознательности».

Низкий уровень развития профессионально-педагогической мотивации был выявлен у 11% респондентов 2-го курса и 15% – 4-го курса, что свидетельствует об отсутствии сформированной профессионально-педагогической мотивации. В то же время данные студенты проявляют положительное отношение к будущей педагогической деятельности и осознают ее личностную значимость. Свои профессиональные функции во время педагогической практики такие студенты чаще всего выполняют без энтузиазма, по шаблону, с которым они познакомились на лекциях и практических занятиях.

Результаты диагностики указывают на то, что будущие студенты, показавшие средний и низкий уровень профессионально-педагогической мотивации, характеризуются слабым интересом к педагогическому процессу, их знания поверхностны, хотя внешне они демонстрируют прилежание и довольно ответственно выполняют домашние задания к семинарским занятиям. Респонденты с высоким уровнем профессионально-педагогической мотивации стараются обращать внимание на ежедневные содержательные детали работы в любых педагогических ситуациях. На следующем этапе мы выясняли, сформирована ли система

ценностных ориентаций у студентов, ибо именно этот критерий является основным для формирования продуктивной личностно-профессиональной позиции. Нас интересовало, включаются ли будущие педагоги в социально значимую деятельность, стремятся ли к саморазвитию, сформировано ли у них представление о смысле жизни. Поразмышлять над этими вопросами студентам предлагалось с помощью теста «Смыслы-жизненные ориентации» Д.А. Леонтьева (методика СЖО).

Диагностика включает в себя интерпретацию общего показателя осмысленности жизни (ОЖ), а также пяти субшкал, отражающих три конкретные смысловые ориентации (цели в жизни, процесс жизни или интерес и эмоциональная насыщенность жизни, удовлетворенность самореализацией) и два аспекта локуса контроля («Локус контроля – Я (Я – хозяин жизни)» и «Локус контроля – жизнь или управляемость жизни»).

Представим результаты тестирования. Анализ данных по общему показателю осмысленности жизни показал, что высокий уровень присутствует у 40%, средний – у 40% и низкий – у 20% студентов.

По субшкалам были получены следующие данные:

– субшкала «Цели в жизни»: 80% респондентов удовлетворены своей жизнью и относятся к ней как к эмоционально насыщенной и наполненной смыслом, а 20% – не хватает ярких эмоций, при этом 40% живут в «дне настоящем», не заботясь о будущем;

– субшкала «Результативность жизни»: лишь 30% будущих педагогов удовлетворены прожитой частью жизни, а остальные 70% хотели бы что-то исправить, изменить, если бы была такая возможность. Эти данные могут свидетельствовать о склонности студентов

к рефлексии, самоанализу, что нельзя отнести к отрицательным характеристикам.

Что касается разных аспектов по «Локусам контроля», то, в целом, диагностика показала, что 78% студентов не считают себя сильными и свободными личностями, способными нести ответственность за свою жизнь: студенты находятся под родительской опекой, а психологические исследования показывают, что доля инфантилизма среди учащейся молодежи возрастает с каждым годом. В свете таких данных интересно посмотреть на анализ другого показателя теста, который выявил 80% студентов, убежденных в том, что человек сам контролирует события своей жизни и свободно принимает решения. То есть большая доля студентов, не считая себя свободными личностями, хотели бы принимать самостоятельные решения и нести за них ответственность. Только 20% студентов являются фаталистами, склонными думать, что жизнь неподвластна сознательному контролю и бессмысленно строить планы на будущее.

Развить субъектность, самостоятельность студентов в вузах помогают не только задания на профильных предметах, но и включение их в проектную деятельность, когда они сами могут стать создателями, разработчиками и реализаторами проектных заявок, отправляемых на грантовые конкурсы. Многие студенческие проекты имеют педагогическую направленность. Приведем пример: «Незримый диалог», «С добром в сердце», «Сквозь века: по следам Александра Невского», «Школьные будни» и др. Также с 3 курса студенты педагогического направления подготовки имеют возможность не только обучаться в вузе, но и преподавать в образовательной организации в ходе непрерывной практики.

Методика изучения профессиональной идентичности, разработанная Л.Б. Шнейдером и построенная на принципах прямого и цепного ассоциативного теста, проводилась в электронном формате. Студентам надо было из предложенного ассоциативного ряда (всего 75 слов) выбрать те слова, которые имеют отношение к ним лично и их профессиональной жизни. Сплошная выборка показала неоднородность распределения уровней идентичности у средних и старших курсов. Большинство студентов-педагогов пребывают на уровне кризиса идентичности, активно пытаются познать себя и найти свое место в мире, в том числе и в профессии. Причем у старших курсов этот кризис только усиливается, а не уменьшается, как можно было предполагать.

По результатам анализа данных диагностики, 25% респондентов обладают преждевременной идентичностью (низкая способность к самостоятельным жизненным выборам), 24% – диффузной (отсутствие четких целей, ценностей и убеждений и даже попыток их сформировать, нежелание меняться на фоне общего положительного отношения к себе, наличие внутренних конфликтов личности и сомнений), 32% студентов находятся в статусе «моратория», когда у студента наблюдается высокий уровень тревожности или он пребывает в состоянии кризиса идентичности, 15% ре-

спондентов можно охарактеризовать как достигнувших свою идентичность, т.е. сформировавших определенную совокупность личностно значимых целей, ценностей и убеждений, обеспечивающих им чувство направленности и осмысленности жизни. Такие студенты проявляют желание соответствовать своему идеальному образу, обладают повышенной рефлексией, осознают трудности, они, как правило, общительны, что объясняется их разносторонностью и многозадачностью, ориентацией на других и их значимость. 4% респондентов показали псевдоидентичное состояние, отрицающее уникальность человека, или же, наоборот, эти студенты слишком амбициозны, болезненно воспринимают критику в свой адрес и обладают низкой рефлексией.

С целью характеристики показателей операционно-деятельностного критерия мы проводили открытое выборочное наблюдение за студентами во время педагогической практики, а также опросили ребят с помощью анкеты «Мои интересы и увлечения». Выяснилось, что практически все респонденты (96%) имеют разного рода увлечения и хобби, что вполне закономерно. Доля творческих занятий составила 55% (рисование, рукоделие, театральное искусство, путешествия и т.д.), спортивных – 30% (плавание, фитнес, йога, спортивные игры (волейбол, баскетбол, регби), бег и т.д.), другое – 15% (медитация, рыбалка и др.). Почти все опрошенные указывали на то, что свободное время любят проводить в компании и развлекаться. Поэтому развитие коммуникативных и организаторских навыков будущего педагога происходит не только при формальных условиях. Интересен и тот факт, что 25% студентов указали в качестве хобби занятия репетиторством, что подтверждает их заинтересованность в реализации в профессиональной сфере.

Важным для нашего исследования было выявить уровень саморазвития студентов-педагогов, хотя частично данный критерий входил в тест Н.П. Фетискина. Мы попросили их провести рефлексию по поводу своей педагогической практики в школе, задуматься о том, получалось ли у них оказывать педагогическую поддержку детям в классе, какие трудности они испытывали и задумывались ли о дальнейшем саморазвитии. Анкета «Профессиональное самосовершенствование» состояла из 18 вопросов с вариантами ответов, которые позволяли оценить студентам себя и свои возможности в профессиональной деятельности.

Отвечая на вопрос «Что вам больше всего мешает самосовершенствоваться?», 40% студентов назвали нехватку времени, 45% – отсутствие силы воли. При этом ответы на вопрос «Какие качества у вас развиты в большей степени?» показали, что более 55% студентов выделили силу воли и упорство. Одновременно более 60% студентов даже не задумывались о понятии «педагогическая поддержка» во время прохождения практики, что говорит об их сконцентрированности на собственной личности, так как они были заняты своими переживаниями, а не думали об эмоциональном состоянии ребят в классе.

Более половины опрошенных студентов идентифицируют себя как решительных, сообразительных и выступают генераторами идей, а своим идеалом считают человека независимого и уверенного в себе. В целом, результаты анкетирования показали, что уровень стремления будущих педагогов к саморазвитию немного ниже среднего, а самооценка личностных качеств завышена, при этом студенты позитивно настроены на реализацию проекта педагогической поддержки в будущей профессии.

На основании полученных результатов диагностики и с целью формирования устойчивой личностно-профессиональной позиции будущих педагогов нами была разработана рабочая программа курса по выбору для студентов 3-го курса «Я в педагогической профессии», состоящая из четырех модулей. В процессе освоения содержания дисциплины студенты смогут не только углубить и соотнести собственные представления об основных педагогических способностях, отвечающих требованиям современной педагогической деятельности, но и поработать с мотивационным и ценностным основанием собственной личностно-профессиональной позиции.

Первый модуль имеет название «Новое поколение – новые пути воспитания». В рамках данного модуля рассматриваются темы: «Ценности личности, общества и системы образования в условиях VUCA, BANI и SHIVA мира», «Требования к личности и профессиональной компетентности педагога», «Миссия и личностно-профессиональная позиция молодого педагога: психолого-педагогический аспект» и др. Темы модуля позволяют раскрыть ценностную основу педагогической профессии, ощутить важность миссии учителя. Дискуссионные формы работы (педагогический ринг, дебаты, открытый микрофон), интерактивные упражнения «Что? Кто? Как? Где? Когда?», «Почему?», «Если ли смысл?» помогают в совместном рефлексивном диалоге поразмышлять о ценностях современного образования.

Второй модуль называется «Непрерывное самообразование: что мы еще не знаем?». Темы данного модуля обращены к развитию softskills педагогов и учащихся, нацелены на формирование профессиональной идентичности: «Самовоспитание и самообразование как неотъемлемые составляющие личностно-профессионального становления и развития», «Пути, средства, методы профессионального самовоспитания и самообразования будущего педагога», «Общая и профессиональная культура учителя», «Роль наставничества и сопровождения в профессионально-личностном развитии педагога» и др. Занятия в рамках модуля предусматривают организацию взаимодействия в интерактивных формах с использованием диагностических упражнений «Мои возможности и ограничения», «Мои барьеры в профессии», «Мои резервы» и т.д.

Третий модуль «Педагогическая креативность как фактор профессионального развития» представляет собой выстроенные в определенной последовательности восемь «свиданий с собой», представленные Л.А. Куришкиной в качестве разработки на веб-форуме «Личностное и профессиональное развитие классного руководителя» [20].

Четвертый модуль носит практико-ориентированный характер и называется «Педагогический кейс “Профессиональный рост педагога”». Кейсы будут посвящены выстраиванию конструктивных взаимоотношений с учащимися, их родителями, администрацией школы, социальными партнерами и т.д. На данном этапе предполагается не только практическая работа студентов по решению педагогических задач на основе сформированной личностно-профессиональной позиции, но и их активное включение в работу педагогических классов, функционирующих на базе университетов.

Итоговым заданием является разработка и защита проекта, дублирующего название курса «Я в педагогической профессии» и позволяющего определить стратегию профессионального и личностного саморазвития. Работа над проектом позволит студентам осмыслить различные аспекты педагогической профессии и развить личностно-профессиональную позицию.

Заключение

Проводимое нами исследование сформированности личностно-профессиональной позиции студентов педагогического направления подготовки свидетельствует о том, что само понятие «личностно-профессиональная позиция» будущего педагога является полисубъектным, характеризуется многогранностью и неоднородностью состава, а компоненты и структура позиции, ее показатели и уровни, особенности формирования и развития зависят от многих условий и факторов.

Среди условий можно выделить следующие:

1) организация в вузе целенаправленного процесса развития личностно-профессиональной позиции студентов;

2) создание продуктивной среды для общения и взаимодействия с специалистами-педагогами;

3) содействие со стороны преподавателей формированию у студентов личностно-профессиональной позиции, использование ими инновационных технологий обучения, полезных кейсов, совместная реализация различных проектов.

Еще одним важным условием развития личностно-профессиональной позиции будущего педагога является его собственная активность в образовательном процессе и в процессе саморазвития. Результаты диагностики показывают, что лишь 16% всех опрошенных студентов 2–4-х курсов имеют высокий уровень развития профессионально-педагогической мотивации. Только у 26% наблюдается высокий уровень развития ценностно-смысловой сферы: чуть меньше трети респондентов могут ставить конкретные цели на ближайшее будущее, видеть смыслы в зоне ближайшего развития, а также верить в себя и активно проявлять личностную позицию.

Однако у 46% респондентов имеют место неопределенные жизненные цели и ценностные ориентиры, 32% студентов находятся в состоянии кризиса личностной идентичности, у 45% отсутствует, по их мнению, сила воли для дальнейшего саморазвития, а 59% не в полной мере ориентированы на педагогическую профессию.

Низкая осмысленность своей жизни в настоящем, неформулированность четких целей на будущее, пассивность жизненной позиции в целом отмечена у 28% респондентов. Такие студенты характеризуются диффузной идентичностью: при общем положительном отношении к самим себе не желают меняться и развиваться, при этом 40% от всего количества опрошенных студентов живут сегодняшним днем, редко задумываясь о завтра. Полученные данные свидетельствуют о том, что студенты с низким уровнем профессионально-педагогической мотивации обучаются в вузе «поверхностно»: при внешнем прилежании и качественно подготовленных материалах отсутствует искренняя заинтересованность в педагогической профессии.

Полученные на этапе констатирующего эксперимента данные свидетельствуют о том, что в профессиональной подготовке будущих педагогов недостаточное внимание уделяется развитию их ценностей и смысловых ориентаций. Преодоление выявленных негативных тенденций требует разработки теоретических, организационно-технологических и содержательных основ психолого-педагогической подготовки будущих учителей, направленной на оптимизацию их личностного потенциала и развитие ценностных и смысловых ориентаций. Представленный авторами курс по выбору может обогатить созданные условия развития продуктивной личностно-профессиональной позиции студентов будущих педагогов в вузе.

Список источников

1. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А.М. Прохоров. М. : Советская энциклопедия ; СПб. : Фонд «Ленингр. галерея», 2002. 1628 с.
2. Слостенін В.А., Ісаєв І.Ф., Мищенко А.І., Шиянов Е.Н. Педагогіка : учеб. посібник для студентів. М. : Школа-прес, 2000. 512 с.
3. Степанов Е.Н., Кашникова О.В. Продуктивная личностно-профессиональная позиция современного классного руководителя // Воспитание школьников. 2023. № 6. С. 11–18.
4. Мясисhev В.Н. Психология отношений. Воронеж : МОДЭК, 2005. 356 с.
5. Психология человека в современном мире. Т. 5. Личность и группа в условиях социальных изменений : материалы Всерос. юбилейной науч. конф., посвящ. 120-летию со дня рождения С.Л. Рубинштейна, 15–16 октября 2009 г. / отв. ред. А.Л. Журавлев. М. : Институт психологии РАН, 2009. 400 с.
6. Полухина О.П., Иголкин С.Л. Отношенческий компонент в структуре профессионально-личностной позиции студента-психолога // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10, № 5-2. С. 244–248.
7. Кисляков В.В., Колышев О.Ю. Профессионально-педагогическая позиция как показатель эффективности учебно-воспитательного процесса в педвузе // Электронный научно-образовательный журнал ВГСПУ «Грани познания». 2016. № 2 (45). С. 112–119.
8. Демакова И.Д. Личностно-профессиональная позиция педагога как основа гуманизации воспитательной деятельности // Вестник РГНФ. 2005. № 3. С. 186–193.
9. Мудрик А.В. Общение в процессе воспитания. М. : Педагогическое общество России, 2001. 320 с.
10. Тумакова О.Е. Формирование личностно-профессиональной позиции воспитателя детского сада в процессе повышения квалификации : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Тольятти, 2009. 25 с.
11. Шакурова М.В., Аракелян Л.С. Социально-педагогические детерминанты формирования личностно-профессиональной позиции будущего педагога как воспитателя // Образовательный вестник «Сознание». 2021. Т. 23, № 3. С. 4–11. doi: 10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-3-4-11
12. Чудновский В.Э. Смысл жизни: некоторые итоги и перспективы исследования // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 1. С. 5–19.
13. Сухова Е.И. Теория и практика формирования ценностных ориентаций личности педагога-организатора в системе непрерывного образования : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Чебоксары, 2005. 43 с.
14. Бедерханова В.П. Становление личностно ориентированной позиции педагога : дис. ... д-ра пед. наук. Краснодар, 2002. 413 с.
15. Петраш Е., Сидорова Т., Блюм В., Зая И., Мануйлова Е. Социально-психологические характеристики современного педагога в цифровую эпоху // SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION. Proceedings of the International Scientific Conference. Vol. III, May 28th-29th, 2021. Rezekne : Rezeknes Academy of Technologies, 2021. P. 481–491. doi: 10.17770/sie2021vol2.6230
16. Зимняя И.А. Педагогическая психология : учеб. пособие. Ростов н/Д : Феникс, 1997. 480 с.
17. Десненко С.И. Личностно-профессиональная позиция студента педвуза как фактор развития личности будущего профессионала // Гуманитарный вектор. 2009. № 3. С. 27–34.
18. Гуторова А.В. Формирование профессиональной позиции у студентов педагогического вуза : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. 21 с.
19. Лукова М.С. Особенности самооценивания и развитие профессиональной позиции студентов-психологов : автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2008. 25 с.
20. Куришкина Л.А. Рабочая тетрадь для развития педагогической креативности (в помощь классному руководителю) // Менеджмент воспитания. URL: https://anvosptanie.blogspot.com/2023/11/blog-post_31.html

References

1. Prokhorov, A.M. (ed.) (2002) *Bol'shoy entsiklopedicheskiy slovar'* [Large encyclopedic dictionary]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya; St. Petersburg: Fond "Leningr. galereya".
2. Slastenin, V.A. et al. (2000) *Pedagogika: ucheb. posobie dlya studentov* [Pedagogics: textbook for students]. Moscow: Shkola-press.
3. Stepanov, E.N. & Kashnikova, O.V. (2023) Produktivnaya lichnostno-professional'naya pozitsiya sovremennogo klassnogo rukovoditelya [Productive personal and professional position of the modern class teacher]. *Vospitanie shkol'nikov*. 6. pp. 11–18.
4. Myasishchev, V.N. (2005) *Psikhologiya otnosheniy* [Psychology of relationships]. Voronezh: MODEK.
5. Zhuravlev, A.L. (ed.) (2009) *Psikhologiya cheloveka v sovremennom mire* [Human psychology in the modern world]. Vol. 5. Moscow: RAS Institute of Psychology.
6. Polukhina, O.P. & Igolkin, S.L. (2014) Otnoshencheskiy komponent v strukture professional'no-lichnostnoy pozitsii studenta-psikhologa [The relational component in the structure of the professional and personal position of a student psychologist]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. 10 (5-2). pp. 244–248.
7. Kislyakov, V.V. & Kolyshev, O.Yu. (2016) Professional'no-pedagogicheskaya pozitsiya kak pokazatel' effektivnosti uchebno-vospitatel'nogo protsesssa v pdevuze [Professional and pedagogical position as an indicator of the effectiveness of the teaching and educational process in a pedagogical university]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal VGSPU "Grani poznaniya"*. 2 (45). pp. 112–119.
8. Demakova, I.D. (2005) Lichnostno-professional'naya pozitsiya pedagoga kak osnova humanizatsii vospitatel'noy deyatel'nosti [Personal and professional position of a teacher as the basis for the humanization of educational activities]. *Vestnik RGNF*. 3. pp. 186–193.

9. Mudrik, A.V. (2001) *Obshchenie v protsesse vospitaniya* [Communication in the process of education]. Moscow: Pedagogicheskoe obshchestvo Rossii.
10. Tumakova, O.E. (2009) *Formirovanie lichnostno-professional'noy pozitsii vospitatel'ya detskogo sada v protsesse povysheniya kvalifikatsii* [Formation of the personal and professional position of a kindergarten teacher in the process of advanced training]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Tolyatti.
11. Shakurova, M.V. & Arakelyan, L.S. (2021) Socio-Pedagogical Determinants of the Formation of the Personal-Professional Position of the Future Teacher as an Educator. *Obrazovatel'nyy vestnik "Soznanie"*. 23 (3). (In Russian). pp. 4–11. doi: 10.26787/nydha-2686-6846-2021-23-3-4-11
12. Chudnovskiy, V.E. (2015) Smysl zhizni: nekotorye itogi i perspektivy issledovaniya [The meaning of life: some results and prospects of research]. *Psikhologicheskyy zhurnal*. 36 (1). pp. 5–19.
13. Sukhova, E.I. (2005) *Teoriya i praktika formirovaniya tsennostnykh orientatsiy lichnosti pedagoga-organizatora v sisteme nepreryvnogo obrazovaniya* [Theory and practice of forming value orientations of the personality of a teacher-organizer in the system of continuous education]. Abstract of Pedagogics Dr. Diss. Cheboksary.
14. Bederkhanova, V.P. (2002) *Stanovlenie lichnostno orientirovannoy pozitsii pedagoga* [Formation of a teacher's personality-oriented position]. Pedagogics Dr. Diss. Krasnodar.
15. Petrash, E. et al. (2021) [Social and psychological characteristics of a modern teacher in the digital era]. *SOCIETY. INTEGRATION. EDUCATION*. Proceedings of the International Scientific Conference. 28–29 May 2021. Volume III. Rezekne: Rezeknes Academy of Technologies. pp. 481–491. (In Russian). doi: 10.17770/sic2021vol2.6230
16. Zimnyaya, I.A. (1997) *Pedagogicheskaya psikhologiya: ucheb. posobie* [Pedagogical psychology: textbook]. Rostov-on-Don: Feniks.
17. Desnenko, S.I. (2009) Lichnostno-professional'naya pozitsiya studenta pedvuza kak faktor razvitiya lichnosti budushchego professionala [Personal and professional position of a pedagogical university student as a factor in the development of the personality of a future professional]. *Gumanitarnyy vektor*. 3. pp. 27–34.
18. Gutorova, A.V. (1996) *Formirovanie professional'noy pozitsii u studentov pedagogicheskogo vuza* [Formation of a professional position among students of a pedagogical university]. Abstract of Pedagogics Cand. Diss. Volgograd.
19. Lukova, M.S. (2008) *Osobennosti samoootsenivaniya i razvitiye professional'noy pozitsii studentov-psikhologov* [Peculiarities of self-assessment and development of the professional position of student psychologists]. Abstract of Psychology Cand. Diss. Moscow.
20. Kurishkina, L.A. (2023) *Rabochaya tetrad' dlya razvitiya pedagogicheskoy kreativnosti (v pomoshch' klassnomu rukovoditelyu)* [Workbook for the development of pedagogical creativity (to help the class teacher)]. Menedzhment vospitaniya. [Online] Available from: https://anvospitanie.blogspot.com/2023/11/blog-post_31.html

Информация об авторах:

Петраш Е.А. – канд. пед. наук, доцент кафедры среднего общего образования и социального проектирования Псковского государственного университета (Псков, Россия). E-mail: vea2005@mail.ru

Сидорова Т.В. – канд. пед. наук, доцент кафедры общей педагоги Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (Улан-Удэ, Россия). E-mail: botkina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

E.A. Petrash, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Pskov State University (Pskov, Russian Federation). E-mail: vea2005@mail.ru

T.V. Sidorova, Cand. Sci. (Pedagogics), associate professor, Banzarov Buryat State University (Ulan-Ude, Russian Federation). E-mail: botkina@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.10.2023;
одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 04.10.2023;
approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

Научная статья
УДК 378.14
doi: 10.17223/15617793/498/19

Образовательный потенциал технологии дата-сторителлинга: особенности и перспективы внедрения

Вера Ивановна Токтарова¹, Олеся Геннадьевна Казанцева²

^{1, 2} Марийский государственный университет, Йошкар-Ола, Россия

¹ toktarova@yandex.ru

² olesya10k@yandex.ru

Аннотация. Исследован образовательный потенциал технологии дата-сторителлинга, выявлены ее особенности и перспективы внедрения в образовательную практику высшей школы. Приводится определение дата-сторителлинга, рассмотрены его основные элементы. Выявлен и обоснован его образовательный потенциал. Приведены результаты опроса педагогов о внедрении дата-сторителлинга в образовательную практику.

Ключевые слова: сторителлинг, дата-сторителлинг, образовательный сторителлинг, образовательная технология, цифровые сервисы, данные, преподаватель, студент, вуз

Источник финансирования: работа выполнена в рамках реализации Федеральной инновационной площадки Минобрнауки РФ «Модель непрерывной подготовки педагогов в новой цифровой реальности» (2021–2025 гг.).

Для цитирования: Токтарова В.И., Казанцева О.Г. Образовательный потенциал технологии дата-сторителлинга: особенности и перспективы внедрения // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 172–181. doi: 10.17223/15617793/498/19

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/19

Educational potential of data storytelling technology: Features and prospects of implementation

Vera I. Toktarova¹, Olesya G. Kazantseva²

^{1, 2} Mari State University, Yoshkar-Ola, Russian Federation

¹ toktarova@yandex.ru

² olesya10k@yandex.ru

Abstract. Modern education is faced with a constantly changing information and technological landscape, requiring the adaptation of learning and teaching technologies to new challenges. One of the key aspects of this transformation has been the integrated use of big data and digital technologies in the pedagogical process. In this context, data storytelling technology, which combines analytical data processing and the art of storytelling, deserves special attention. The aim of this work is to study the educational potential of data-storytelling technology, identify its features and prospects for implementation in the educational practice of higher education. The research is based on the provisions of competence, system, activity and environmental approaches. To reach the research aim, the authors used a set of theoretical (structural-functional and content analysis, synthesis, generalization), empirical (questionnaire, survey, conversation, ranking, expert evaluation), and mathematical (mathematical statistics, mathematical modeling) methods. The article provides a definition of data storytelling and considers its main elements (data, visualization, and narrative). A description is given of various types of data: numerical, textual, graphic and sound, and the features of their application. The educational potential of data storytelling is revealed and presented as an educational technology in accordance with the concept of G.K. Selevko, consisting of three interrelated components: scientific, formally descriptive, and procedurally effective. Particular attention is paid to the benefits of using data storytelling in education. As part of the study, the material obtained from the empirical data collection was analyzed and summarized. The sample consisted of 138 educators of the Mari State University. To confirm the reliability and significance of the presented statistical data, the Pearson criterion χ^2 was applied. The conclusions of the article emphasize the importance of data storytelling as an effective educational technology that can not only improve the quality of education, but also develop students' skills in analysis, communication, and application of knowledge in practice. The results obtained can serve as a basis for developing guidelines for integrating data storytelling into educational programs, as well as for further research in the field of educational technologies and innovative teaching methods.

Keywords: storytelling, data storytelling, educational storytelling, educational technology, digital services, data, educator, student, higher education institution

Financial support: The work was carried out as part of the implementation of the RF Ministry of Science and Higher Education Federal Innovation Platform: Model of Teachers' Continuous Training in the New Digital Reality (2021–2025).

For citation: Toktarova, V.I. & Kazantseva, O.G. (2024) Educational potential of data storytelling technology: Features and prospects of implementation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 170–179. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/19

Введение

Со стремительным развитием цифровых инструментов и аналитических методов данные приобретают все большее значение в различных сферах человеческой деятельности, в том числе и в образовании. Однако простые таблицы и цифры могут оказаться сложными для понимания и анализа без должного контекста и интерпретации.

Дата-сторителлинг (от англ. «data storytelling») – это технология представления, анализа и интерпретации данных в виде нарратива с использованием различных визуальных элементов, графиков, диаграмм, анимаций и текстовых описаний. Основная цель дата-сторителлинга заключается в том, чтобы перевести сложные числовые, текстовые или звуковые данные в понятные и захватывающие повествования, помочь аудитории лучше понять и усвоить информацию. Это особенно актуально для областей, где данные разнородны [1]. Дата-сторителлинг позволяет объединять методы презентации, отчетности и техники поискового анализа, что является необходимым для принятия эффективных управленческих решений.

Поскольку объем данных продолжает увеличиваться и становится все более сложным, дата-сторителлинг является важным навыком во многих сферах деятельности.

Дата-сторителлинг – один из лучших инструментов для маркетологов. Хорошие истории не просто приходят из данных, они фактически скрыты в отношениях внутри данных [2, 3]. Работая с нами, можно видеть, как каждый элемент данных относится к другому. В работе Т. Neifer и соавторов [4] подчеркивается, что большие объемы данных и их анализ открывают новые перспективы в сфере бизнеса и маркетинга. Однако эффективное интегрирование данных в стратегический план и корпоративную культуру является сложной задачей. Авторы делают акцент на использовании сторителлинга для передачи данных и выделяют ключевые факторы успеха, которые имеют чрезвычайную значимость из-за их повседневной актуальности. Истории, связанные с данными, должны быть легко читаемыми и понятными. Важно избегать применения сложных терминов, так как слушатели чувствуют дискомфорт при попытке усвоить слишком абстрактные понятия. Отмечено, что эффективный дата-сторителлинг требует баланса между доступностью информации, адекватностью визуализации и учетом потребностей аудитории.

М. Daradkeh [5] в своей работе устанавливает связь между дата-сторителлингом и бизнес-эффективностью. В исследовании доказано, что практика дата-сторителлинга становится все более распространенной: организации используют ее для передачи идей бизнес-аналитики нетехнической аудитории с целью информирования, направления и влияния на принятие решений и, следовательно, на эффективность бизнеса. Авторы подтверждают концепцию дата-сторителлинга

как многомерной структуры, объединяющей качественные данные, умение создавать хорошие рассказы, а также знания и опыт рассказчика в соответствующей предметной области.

Применение дата-сторителлинга в сфере розничной торговли имеет огромный потенциал для установления близкого контакта с клиентами. Путем использования данных из систем электронной коммерции или онлайн-магазинов продавцы имеют возможность создавать информативные и эффективные нарративы о том, как, где и почему клиенты используют их товары [6]. Такой подход может содействовать не только развитию бизнеса, но и управлению запасами, маркетинговыми стратегиями и другими аспектами деятельности.

Одной из областей, где находит свое эффективное применение дата-сторителлинг, является медицина. В большинстве случаев доступные медицинские данные представлены в разнообразных форматах: это таблицы, отчеты с числовыми показателями, графики, пресс-релизы, информационные панели и многое другое. Предполагается, что пользователь данных способен адекватно интерпретировать эти многообразные и часто сложные данные о здоровье как для личного использования, так и для профессиональных целей. Однако на практике это далеко не всегда так. Именно в этом контексте дата-сторителлинг может стать более удобным методом представления медицинской информации, чем простое отображение графиков и фактов [7]. Так, Всемирная организация здравоохранения применяет интерактивную информационную панель для мониторинга распространения COVID-19 по всему миру, которая позволяет пользователям отслеживать количество заболевших, проведенных вакцинаций и других данных с помощью понятных и наглядных визуализаций (см.: Всемирная организация здравоохранения. URL: <https://www.who.int/ru/data> (дата обращения: 01.06.2023)). К примеру, исследование S. Locke Teti и K. Armstrong [1] посвящено применению дата-сторителлинга в медицине. В их работе детально анализируются критерии, которым должен удовлетворять эффективный рассказ в данной сфере. Суть состоит в том, чтобы история была понятной как для специалистов в данной области, так и для тех, кто сталкивается с ней впервые. Этот подход предполагает возможность агрегирования и анализа интересующих элементов независимо друг от друга. Ввиду объемных данных используется активная визуализация, позволяющая более детально и ясно интерпретировать факты. В сочетании с широко применяемыми стандартами в области здравоохранения дата-сторителлинг стал мощным инструментом для отражения тонкостей клинической этики в процессе консультирования. Его использование дает возможность объединить элементы индивидуальных клинических случаев с обширной базой данных и наглядно показать частоту появления конкретных явлений.

Дата-сторителлинг также успешно применяется и в образовании. В образовательном процессе истории могут стать доступным и эффективным средством для ознакомления студентов с данными и способствовать их критическому анализу. Так, в исследовании М. Biswas и С. Sipes [8] описаны разнообразные методы, включая опрос, анализ документов и интервью для оценки состояния обучения с использованием дата-сторителлинга по образовательным программам в области коммуникации и журналистики. Этот анализ позволил выявить разнообразие подходов, предлагаемых в различных программах. Выявлена тенденция, описывающая необходимость развития компетенций студентов в области визуализации данных от объема образовательной программы.

Преподаватели могут использовать дата-сторителлинг в своей практике для создания цифрового повествования, способного привлечь внимание и активное участие студентов цифрового поколения [9]. Цифровые рассказы оказываются подходящими для разнообразных стилей обучения, предоставляя педагогам средство преподнесения абстрактной или концептуальной информации в более понятной и подходящей форме [10, 11]. В качестве одного из творческих решений с использованием данных можно назвать комиксы. Этот формат позволяет создавать истории, опираясь на выводы, сделанные на основе графиков и другой статистической информации [12]. Такой подход способствует более интерактивному и запоминающемуся обучению, а также улучшению восприятия материала обучающимися.

Таким образом, цель данной работы заключается в исследовании образовательного потенциала технологии дата-сторителлинга, выявлении ее особенностей и перспектив внедрения в образовательную практику высшей школы. Исследование опирается на изучение накопленных общетеоретических зарубежных и отечественных материалов в данной области. Критериальной основой исследования является выявление и описание образовательного потенциала дата-сторителлинга и его представление в виде образовательной технологии в соответствии с концепцией Г.К. Селевко [13]. Процедура анализа данных включала применение дескриптивной статистики по выявлению возможностей и ограничений использования технологии дата-сторителлинга в образовательном процессе вуза.

Описание данных для сторителлинга

Данные и нарратив – две мощные силы, способные воплотить сложную информацию в убедительные и понятные повествования. Дата-сторителлинг представляет собой уникальный подход, который сочетает аналитические данные и искусство рассказывания историй [14, 15]. В образовательной сфере данная технология находит все большее применение, содействуя формированию критического мышления и навыков анализа учебного материала.

Данные – совокупность значений, присвоенных для основных мер измерений, производных мер измерений и (или) показателей (см.: ISO/IEC 15939:2007 Systems

and software engineering – Measurement process. 38 p. URL: <https://www.iso.org/standard/44344.html> (дата обращения: 01.06.2023)).

Различают несколько видов данных:

– *числовые данные* – это информация, представленная в виде чисел и используемая для выполнения математических операций или статистического анализа. Это могут быть целые числа, десятичные числа, дроби или любые другие формы числовых значений. Они предоставляют количественное отражение свойств объектов окружающего мира. Числовые данные разделяются на два типа – дискретные и непрерывные. Чтобы донести до пользователя важность числовых данных, часто недостаточно просто озвучить цифры, их нужно поместить в контекст. Дата-сторителлинг – как раз тот инструмент, с помощью которого числа могут обрести смысл как для рассказчика, так и для слушателей или читателей;

– *текстовые данные* – это информация, представленная в виде последовательности символов, таких как буквы, цифры, знаки пунктуации и др. Они часто используются для записи и передачи информации на естественном языке. Текстовые данные занимают важное место в дата-сторителлинге. Числа и графики зачастую являются абстрактными. Включение текста позволяет создать контекст, объяснить, какие выводы следует сделать из числовых данных, и раскрыть их практическую значимость. Также текст может внести человеческий фактор в анализ данных. Используя описательные языковые средства, можно акцентировать важность определенных данных и создать эмоциональное воздействие на аудиторию;

– *графические данные* – информация, представленная в виде изображений, картин, чертежей, рисунков, фотографий, диаграмм и др. Они служат эффективным средством иллюстрации взаимосвязей между числами и текстом, выделив ключевые аспекты и подчеркнув основные выводы. В контексте дата-сторителлинга графические данные имеют существенное значение, поскольку они способствуют более наглядному представлению необходимых сведений, облегчают анализ и интерпретацию данных. Превращая сложные числовые и текстовые данные в наглядные диаграммы или рисунки, графические элементы упрощают восприятие информации, позволяя аудитории более глубоко и точно понять их суть;

– *звуковые данные* – это информация, представленная в виде звуковых волн. Звуковые данные могут быть записаны с помощью микрофона или другого аппаратного оборудования и представлены в цифровой форме. Они используются для записи и воспроизведения звуков, таких как речь, музыка или звуки окружающей среды. В дата-сторителлинге звуковые данные играют важную роль в создании более полноценного и захватывающего опыта для аудитории. Звуковые эффекты, фоновая музыка и голосовые комментарии могут добавить глубину и эмоциональность к представляемой информации, обогатить мультимедийный аспект дата-сторителлинга. Они могут помочь усилить атмосферу рассказа, подчеркнуть ключевые моменты или создать определенное настроение.

Отдельно необходимо отметить большие данные (big data) – массивы данных, отличающиеся главным образом такими характеристиками, как объем, разнообразие, скорость обработки и/или вариативность, которые требуют использования технологии масштабирования для эффективного хранения, обработки, управления и анализа. Они характеризуются объемом (огромное количество данных), скоростью (быстрое поступление данных) и разнообразием (различные форматы и источники данных). Популярность больших данных для дата-сторителлинга непрерывно растет [16, 17]. С каждым годом объемы данных, генерируемых и собираемых организациями и людьми, увеличиваются в геометрической прогрессии. Большие данные предоставляют уникальную возможность извлекать из них ценную информацию, способствуя улучшению процессов и принятию обоснованных решений на основе их анализа.

При подготовке данных для создания сторителлинга необходимо уделить особое внимание тому, чтобы они максимально точно отражали суть темы. Начальная точка заключается в четком определении того, какие конкретные параметры можно измерить, а какие – нет. Важно, чтобы данные были представлены таким образом, чтобы каждый ее элемент был доступен для анализа, это способствует более глубокому пониманию разных аспектов исследования. Однако также необходимо учесть потребности аудитории: данные должны быть представлены в форме, которая максимально соответствует их ожиданиям, запросам и способам восприятия.

С одной стороны, использование дата-сторителлинга дает возможность эффективно донести важные сведения до студентов, столкнувшихся с трудностями в понимании сложных данных и методов их анализа. С другой стороны, в случаях, когда огромный объем информации делает ее восприятие затруднительным и усвоение менее эффективным, дата-сторителлинг может предоставить решение. Путем интерпретации данных в виде повествования можно добиться того, чтобы информация стала доступной для всех, не потеряв при этом своей убедительности. Кроме того, использование дата-сторителлинга способствует более глубокому запоминанию информации. Факты и цифры, сплоченные рассказом, значительно легче запоминаются, чем сухие данные. Такой метод позволяет сформировать более прочные связи в памяти, так как студентам обычно проще запомнить историю, а не сухие факты.

Дата-сторителлинг как образовательная технология

Обучение – это сложный процесс, который требует осмысленного и структурированного подхода к передаче знаний и достижению образовательных целей. Как известно, технология обучения является инструментом для реализации содержания обучения, включает в себя систему разнообразных форм, методов и средств обучения, которые направлены на достижение максимальной эффективности образовательного процесса. Сущность технологии заключается в обеспечении структурированного

и организованного подхода к обучению и оптимальному достижению образовательных целей.

В рамках технологического подхода в образовании заложена ориентированность на управление образовательным процессом, что означает установление четких целей и определение эффективных стратегий для их достижения. Анализируя сущность образовательной технологии, следует выделить несколько характеристик, которые определяют ее суть:

- деятельность, обладающая двусторонним характером, которая предполагает активное взаимодействие между преподавателем и учащимися;

- комплекс разнообразных приемов и методов, которые используются совместно для обеспечения наиболее эффективного процесса обучения;

- проектирование и организация образовательного процесса, что способствует структурированности и целенаправленности обучения;

- обеспечение комфортных условий для развития и раскрытия потенциала каждого обучающегося.

Разработка технологии обучения представляет собой процесс, предусматривающий сбалансированное внедрение в нее конкретной педагогической концепции. Эта методологическая основа задает общие принципы и ориентиры, которые воплощаются на любом этапе обучения. Важно подчеркнуть, что каждая технологическая цепочка – это последовательность действий, взаимодействий и обмена информацией, строящаяся с учетом ясных учебных целей и ожидаемых результатов. Отметим, что неотъемлемой частью образовательной технологии являются диагностические механизмы, включающие в себя критерии, показатели и инструменты для оценки эффективности процесса обучения. Такая диагностика не только обеспечивает контроль за прогрессом, но и предоставляет ценную обратную связь, способствующую дальнейшей оптимизации образовательных стратегий.

Рассмотрим дата-сторителлинг с позиции его воплощения в образовательной технологии, согласно концепции Г.К. Селевко [13], состоящей из трех взаимосвязанных компонентов: научного, формально-описательного и процессуально-действенного.

Первый компонент – научный, подразумевает наличие стройной теоретической базы, которая опирается на научные знания и методологию. Для дата-сторителлинга это означает глубокое понимание методов анализа данных, визуализации и структурирования учебной информации, которое обеспечивает основу для обучения. Второй компонент – формально-описательный, предполагает разработку четких инструкций, алгоритмов и указаний для успешной реализации образовательной технологии. В случае дата-сторителлинга это включает в себя определение шагов по анализу данных, выбору подходящих способов визуализаций и созданию истории на основе полученных результатов. Третий компонент – процессуально-действенный, относится к активной образовательной деятельности, которая обеспечивает взаимодействие между обучающимся и материалом. Для дата-сторителлинга данная составляющая отражается в активном вовлечении студентов в анализ данных, создании визуализаций и построения сюжетов, что

позволяет им на практике освоить принципы анализа, преобразования и визуализации учебного контента.

Рассмотрим их подробнее.

Классификационные параметры технологий.

Уровень и характер применения: метатехнология, охватывающая все уровни образования, а также различные сферы жизнедеятельности (бизнес, политика, маркетинг, образование и др.).

Философская основа: зависит от позиции субъекта.

Методологические подходы: исследовательский, информационный, деятельностный, коммуникативный, технологический, поисковый, стратегический, системный, диагностический.

Ведущие факторы развития: социогенные и психогенные.

Научная концепция освоения опыта: ассоциативно-рефлекторная, когнитивная, деятельностная, развития.

Ориентация на личностные сферы и структуры: формирование знаний, умений и навыков (ЗУН), способов умственных действий (СУД).

Характер содержания и структуры: общеобразовательный, профессионально-ориентированный, частно-предметный, адаптивно-вариативный, технократический.

Вид социально-педагогической деятельности: обучающий (дидактический), развивающий, управления.

Тип управления учебно-воспитательным процессом: цикличное, направленное, автоматизированное, самоуправление.

Преобладающие методы: объяснительно-иллюстративные, свободного выбора, проблемные, поисковые, исследовательские, развивающие, информационные, коммуникативные, интерактивные и др.

Организационные формы: групповые + индивидуальные.

Преобладающие средства: вербальные, наглядные (в том числе видеообучение), аудиовизуальные, электронные, компьютерные, дистанционные.

Подход к учащемуся и характер воспитательных взаимодействий: интерактивный, личностно-ориентированный, демократический, средо-ориентированный, деятельностный, сотрудничества.

Направление модернизации: на основе активизации и интенсификации деятельности учащихся, эффективности организации и управления процессом обучения, современных информационно-телекоммуникационных средств, дидактического реконструирования.

Категория объектов: все категории.

Целевые ориентации:

– Формирование у обучающихся стиля мышления, отличающегося открытостью новым идеям, гибкостью в анализе ситуаций, рефлексивностью в отношении собственных действий, способностью осознавать многоплановость различных позиций и альтернативность принимаемых решений.

– Развитие ключевых личностных качеств, таких как коммуникативные навыки, креативность, способность к адаптации и мобильности, умение работать самостоятельно и нести ответственность за собственный выбор и результаты своей деятельности.

– Содействие развитию аналитического и критического мышления:

• научить выделять причинно-следственные взаимосвязи в предоставленных данных;

• обеспечить глубокое понимание информации, представляющей собой объект обмена знаниями, позволяя студентам взглянуть на нее с разных ракурсов;

• рассматривать новые концепции и знания в контексте уже усвоенного материала, способствуя целостности понимания;

• развивать способность к отбору и опровержению информации на основе ее полезности и достоверности;

• понимать, как различные аспекты информации взаимосвязаны, что способствует построению комплексных рассуждений;

• выявлять логические недочеты и ошибки в аргументации;

• избегать категоричных заявлений, оценивая информацию с учетом контекста;

• распознавать ошибочные стереотипы, которые могут исказить выводы;

• критически оценивать логическую последовательность в устной или письменной речи;

• выделять главное в данных и уметь акцентироваться на первостепенном.

– Стимулирование активности умственных процессов обучающихся, способствующее более глубокому вовлечению в образовательный процесс и логическому анализу представленной информации.

– Развитие исследовательских компетенций, включающих анализ данных, выявление сущностных проблем, сбор информации, проведение наблюдений, построение гипотезы, экспериментирование и обобщение полученных результатов.

– Формирование схематического, символического и знакового мышления, что способствует более полному и глубокому восприятию и обработке данных.

Концептуальные позиции:

– Данные обретают смысл и значимость лишь в контексте их интерпретации и использования.

– Главная цель обучения заключается не просто в накоплении объема знаний или множества данных обучающимся, а в развитии его способности эффективно управлять ими.

– Данные представляют собой неотъемлемый инструмент в процессе усвоения информации. Это делает их существенным элементом познавательных стратегий, направленных на улучшение сохранения информации в памяти и более эффективное владение ею в последующем оперировании и интерпретации.

– Использование разнообразных способов представления данных, таких как текстовые, числовые, графические, аудиокодированные материалы для осуществления эффективного усвоения информации обучающимися через различные каналы восприятия.

– Особенности сочетания вербальных и визуальных символических систем выявляют их сложные взаимодействия и многогранное применение. В контексте образования целесообразно активно использовать перевод информации в разнообразные знаково-символические визуальные системы (кодирование) и обратный процесс (декодирование). Это расширяет способности

студентов в восприятии, анализе и передаче информации, дополняя образовательный опыт.

Особенности организации и методики. Особенность реализации технологии дата-сторителлинга заключается в ее уникальном подходе к структурированию и передаче информации, которая включает в себя следующие функциональные элементы: данные, повествование и визуализацию.

1. *Данные* являются основой дата-сторителлинга. Это информация, которую получают в результате сбора и анализа. Они могут быть представлены в числовом, текстовом, графическом и звуковом виде. Для их хранения могут быть использованы таблицы, диаграммы, графики и другие виды представления информации. Анализ данных – техническая часть дата-сторителлинга, которая включает в себя качественную и количественную оценки и анализ набора данных.

2. *Повествование* – устная или письменная сюжетная линия, которая используется для обмена информацией. В дата-сторителлинге повествование должно быть основано на данных и четко объяснять, что они означают и насколько они важны.

3. *Визуализация* позволяет представить информацию в легкодоступной форме. Она делает сложную информацию более понятной и позволяет наглядно представлять закономерности. Визуальное представление информации используется для более четкого ее восприятия и может сопровождать историю о данных. Как отмечено [1], хорошо рассказанная история передает большой объем информации относительно небольшим количеством слов, поэтому дата-сторителлинг может использоваться для упрощения визуализации данных и передачи наиболее важной информации.

Нарратив на основе данных – это деятельность, направленная на приобретение новой познавательной информации путем моделирования знаково-символических данных, в которых представлены структурные и функциональные связи информации. Проанализировав эти данные, учащиеся выявляют сущностные характеристики изучаемых объектов и отображают их взаимоотношения. При оперировании данными применяются следующие действия:

- кодирование – перевод ситуации или объекта на язык данных, что облегчает их анализ, интерпретацию и дальнейшее повествование;

- декодирование – этап, который предполагает связывание результатов анализа данных или модели с объектом или контекстом исследования;

- преобразование – действие, которое позволяет учащимся использовать различные методы и схемы анализа и визуализации данных в случае необходимости.

При этом познавательно-ориентировочная роль дата-сторителлинга заключается в проведении анализа, отражении, воспроизведении и визуализации данных с целью создания новых знаний. Здесь ключевую роль играет визуализация, помогающая упорядочить реальность и выделить взаимосвязи между различными явлениями. С другой стороны, коммуникативная функция дата-сторителлинга нацелена на эффективное общение и повествование. Она обеспечивает передачу информации от одного индивида к другому, декодирование знаково-символических данных и

восприятие информации. Ее эффективность оценивается по способности точно интерпретировать и передавать информацию.

Отметим, что образовательная технология представляет собой систематизированную последовательность шагов, разработанную для достижения конкретных образовательных целей. Представим алгоритм технологии дата-сторителлинга как инструмента для обеспечения качественного и целенаправленного образования.

Шаг 1. Сбор и получение данных. Это может быть таблица как с небольшим, так и с массивным набором данных. Однако перед использованием таких данных важно провести предварительную обработку. Не стоит забывать о типе и формате исходных данных. Чтобы исключить ошибки, нужно избавиться от недостающих или поврежденных данных. Что касается выбросов, кроме нежелательных результатов, они также приводят к интересным историям и идеям.

Шаг 2. Анализ и изучение взаимосвязей данных. На этом этапе начинается процесс построения нарратива исходя из взаимосвязей между различными показателями данных.

Шаг 3. Выбор подходящей визуализации на основе взаимосвязей данных. Выделяют пять основных видов отношений:

- корреляция (положительная/отрицательная): для визуализации такой взаимосвязи рекомендуется использовать график рассеивания;

- тренды: для их отображения часто применяются барчарты и линейные графики;

- распределение: для наглядного представления используются гистограммы;

- выбросы: их можно отобразить с помощью графиков рассеивания, барчартов, гистограмм;

- сравнение и ранжирование: для визуализации используются барчарты.

Шаг 4. Конструирование рассказа на основе интерпретации данных. На этом этапе важно учитывать следующие аспекты:

- определить целевую аудиторию: надо не просто эффективно рассказать о данных, но и предоставить новую и интересную историю, адаптированную под слушателей;

- использовать только надежные и проверенные источники информации, чтобы обеспечить достоверность повествования;

- учитывать аспект полноты истории: рекомендуется охватить все важные аспекты данных, исключая возможность выборочной обработки определенных фрагментов и избегая манипулирования отдельными частями информации;

- создать понятный дизайн визуализации: оформление используемых визуальных элементов должно быть максимально ясным и интуитивно понятным, чтобы облегчить восприятие данных аудиториями;

- не пытаться искажать данные и подогнать их под историю, повествование должно быть основано на фактических данных [18].

Итак, дата-сторителлинг представляет собой мощный инструмент в сфере образования, позволяющий обогатить процесс обучения и анализа данных

через создание наглядных и интересных рассказов на основе информации. Эта технология обеспечивает не только эффективное представление сложных взаимосвязей в данных, но и развитие навыков критического мышления, визуальной грамотности и коммуникации.

Дата-сторителлинг способствует формированию аналитической и креативной парадигмы мышления, что делает ее ценным инструментом в образовательном процессе. От преодоления технических вызовов до адаптации к уникальным образовательным потребностям дата-сторителлинг обладает потенциалом улучшить понимание сложных концепций и углубить учебный опыт.

Перспективы внедрения дата-сторителлинга в образовательную практику

Дата-сторителлинг как образовательная технология объединяет аналитические данные и искусство рассказывания историй для улучшения процесса обучения и повышения активности студентов. Применение данной техники позволяет педагогам сделать процесс обучения более привлекательным, интересным и результативным, а также развить ключевые компетенции учащихся.

Дата-сторителлинг повышает ценность информации, придавая данным значение, чтобы аудитория видела не просто цифры, а идеи, которые могут быть использованы в дальнейшем для принятия решений. Сочетание повествовательных и визуальных элементов активизирует обе стратегии мышления (левополушарную – абстрактно-логическую, и правополушарную – наглядно-образную) обучающихся, обеспечивая аналитический и эмоциональный опыт одновременно. Так, на основе одних и тех же данных может быть рассказано несколько историй в зависимости от аудитории и ее ожиданий. Например, студентам гуманитарных и технических направлений подготовки могут потребоваться разные истории, основанные на интерпретации одних и тех же данных. А использование соответствующего программного обеспечения может помочь эффективно визуализировать информацию для дата-сторителлинга: это могут быть или языки программирования с соответствующими библиотеками (например, Python, R), или такие цифровые инструменты, как G-Suite, Microsoft Power BI, Tableau Public и др.

Применение технологии дата-сторителлинга в сфере образования предоставляет множество преимуществ, которые существенно помогут обогатить образовательный процесс:

- *объяснение сложных концепций*: преподаватели могут создавать интерактивные визуализации данных, чтобы помочь студентам лучше понять абстрактные и сложные концепции в различных предметных областях;

- *визуализация данных*: дата-сторителлинг позволяет превратить абстрактные числовые данные в наглядные и понятные визуализации, такие как графики, диаграммы, интерактивные карты и др. [19]. Это делает информацию более доступной и легкоусваиваемой студентами, особенно теми, кто лучше воспринимает визуальные образы;

- *повышение интереса и мотивации*: рассказывание историй на основе данных создает эмоциональное вовлечение студентов. Они видят практическое применение учебных материалов и связь с реальным миром, что способствует повышению интереса и мотивации [20];

- *улучшение коммуникации*: дата-сторителлинг стимулирует умение четко представлять и интерпретировать свои идеи. Студенты учатся концентрировать внимание на самых важных данных и представлять их в привлекательной и убедительной форме [21];

- *практическое применение знаний*: дата-сторителлинг позволяет студентам применить свои знания на практике, а не просто запоминать теорию. Это делает обучение более содержательным и целенаправленным. С помощью дата-сторителлинга преподаватели могут связать учебный материал с реальными жизненными сценариями и практическими примерами;

- *проектная работа*: дата-сторителлинг может быть использован в качестве технологии проектной или исследовательской работы [22], в рамках которой студенты разрабатывают свои собственные проекты на основе данных и рассказывают об их результате с использованием визуализаций;

- *обзор результатов учебной деятельности*: преподаватели могут применять дата-сторителлинг для анализа результатов экзаменов, тестов и других мероприятий, чтобы оценить уровень успеваемости студентов и выявить слабые места;

- *управление образовательным процессом*: администрация университета может использовать дата-сторителлинг для анализа и оценки данных о студенческих успехах, посещаемости, образовательных результатах и других показателях, что поможет принимать более обоснованные управленческие решения;

- *создание портфолио проектов*: студенты с помощью дата-сторителлинга могут создать интерактивное портфолио своих учебных и научных проектов, что улучшит их презентационные навыки и поможет выгодно продемонстрировать свои достижения.

При этом дата-сторителлинг может быть успешно применен в различных образовательных предметах – от математики и физики до истории и литературы.

Социальные науки: в области экономики и бизнеса дата-сторителлинг может быть использован для анализа данных о рынках, трендах и потребительском поведении. Студенты могут создавать бизнес-планы на основе анализа данных и рассказывать об этом с применением визуализации. В социологии и психологии дата-сторителлинг поможет визуализации данных опросов, исследований или статистических данных для выявления тенденций и закономерностей.

Естественные науки: в биологии, химии, физике и других естественных науках дата-сторителлинг может помочь студентам исследовать и представлять сложные данные, например результаты экспериментов или изменений во времени. В медицинском образовании данная технология применима для анализа данных о заболеваниях, лечении, эпидемиях и т.д.

Гуманитарные науки: в области педагогики дата-сторителлинг полезен студентам и преподавателям для

анализа и представления данных, связанных с учебным процессом, оценками и успеваемостью; в истории и географии – для иллюстрации исторических событий или географических данных на карте; в изучении иностранных языков – для создания историй и диалогов на основе реальных данных и ситуаций.

Технические науки: студенты в области информационных технологий могут использовать дата-сторителлинг для компоновки и визуализации данных из различных источников разработки интерактивных веб-приложений и программного обеспечения.

В целом, дата-сторителлинг предоставляет возможность студентам и преподавателям применять мощные инструменты аналитики и визуализации данных для эффективного обучения и представления информации в различных предметных областях. Он делает учебный процесс более интересным, вовлекающим и понятным, что способствует повышению качества образования.

Экспериментальное исследование оценки знания и опыта использования технологии дата-сторителлинга в образовательной практике

С целью анализа и исследования текущей ситуации о знании и применении технологии дата-сторителлинга в своей деятельности в рамках экспериментальной работы в течение текущего учебного года был проведен опрос 138 преподавателей ФГБОУ ВО «Марийский государственный университет».

Отвечая на вопрос «Как бы вы оценили свой уровень знания о технологии дата-сторителлинга?», 7,25% респондентов определили свой уровень знаний как высокий и 15,94% – выше среднего, при этом наибольшее количество преподавателей (51,45%) оценили уровень знаний как средний; 21,74% опрошенных – «ниже среднего» и 3,62% указывают на ограниченность или отсутствие знаний в этой области. Опыт использования технологий, сервисов и инструментов дата-сторителлинга среди преподавателей также варьируется. Некоторые педагоги имеют значительный опыт и активно внедряют дата-сторителлинг в образовательный процесс (14,49%), большинство указали на его экспериментальное применение – 52,17%, что говорит о достаточно высокой заинтересованности респондентов в технологии.

Анализ показал, что преподаватели высоко оценивают преимущества дата-сторителлинга и его возможности для образования (рис. 1). Среди преимуществ технологии большое количество опрошенных выделили визуальную составляющую для объяснения сложных концепций (90,58%). Преподаватели считают, что легче донести информацию, если текст подтвержден графическими элементами и схемами. Стимулирование интереса и мотивации учащихся отметили 73,19% респондентов, возможность представления учебной информации в различной форме в зависимости от аудитории слушателей/читателей – 71,01%.

На вопросы о возможностях применения в образовательном процессе 93,48% преподавателей считают, что дата-сторителлинг способствует развитию у студентов аналитического и критического мышления; 79,71% видят в технологии инструмент для подготовки

будущих специалистов к работе с данными; 75,36% опрошенных полагают, что дата-сторителлинг способствует формированию коммуникативных навыков у обучающихся.

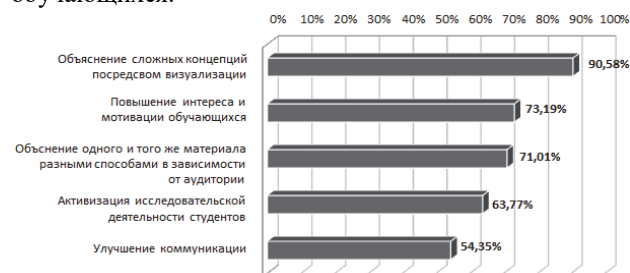

Рис. 1. Ответы респондентов о преимуществах дата-сторителлинга

Преподаватели также выделили ряд сложностей и вызовов, связанных с внедрением дата-сторителлинга в образовательную практику (рис. 2). Многие респонденты (62,32%) подчеркнули сложность в освоении необходимых инструментов и ресурсов. Значительная часть опрошенных преподавателей (49,28%) отметили, что у них не хватает достаточной подготовки и знаний об алгоритмах дата-сторителлинга и сервисов анализа данных, что создает барьер для успешного внедрения из-за неуверенности в использовании новых инструментов. Необходимо отметить и сложность в определении потребностей аудитории для подбора сюжетной линии (44,2%): опрос показал, что эти преграды могут быть связаны с разнообразием студентов в группе и различными уровнями их подготовки и интересов, проведением дополнительной оценки и анализа потребностей обучающихся. 38,41% выразили озабоченность нехваткой времени для интеграции дата-сторителлинга в свою образовательную практику: анализ данных и подготовка нарратива могут оказаться дополнительной нагрузкой.

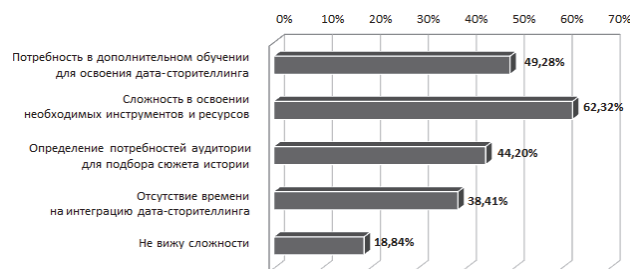

Рис. 2. Ответы респондентов на вопросы о сложностях внедрения дата-сторителлинга в образовательную практику

Тем не менее опрос показал, что значительное количество преподавателей (64,49%) выразили интерес к более подробному изучению технологий дата-сторителлинга (рис. 3). Это свидетельствует о том, что среди педагогического сообщества существует актуальный запрос на расширение знаний в этой области. Несмотря на интерес, некоторые преподаватели (28,26%) испытывают неуверенность в своих знаниях о технологии, что подчеркивает важность предоставления доступной и понятной информации о принципах и применении дата-сторителлинга в образовании. Подготовка и предоставление доступа к образовательным программам, а также поддержка со стороны педагогического сообщества могут способствовать более успешному интегрированию дата-сторителлинга в образовательную практику.

Итак, результаты опроса подчеркивают разнообразие уровня осведомленности и опыта преподавателей относительно технологии дата-сторителлинга. Хотя большинство имеют базовое представление о технологии, активное использование пока не является распространенной практикой.

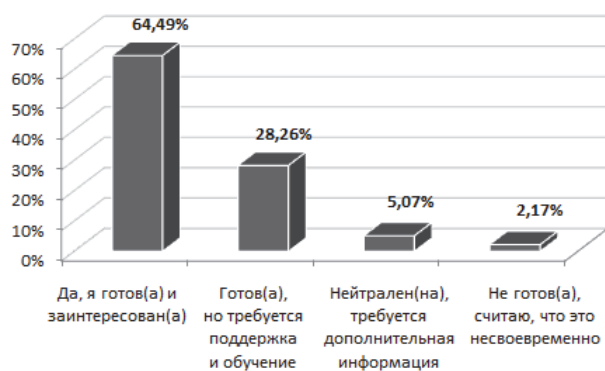

Рис. 3. Ответы преподавателей на вопросы о готовности к обучению и освоению технологии дата-сторителлинга

Преимущества использования дата-сторителлинга, такие как объяснение сложных концепций посредством визуализации и повышение интереса и мотивации обучающихся, получили поддержку со стороны большинства опрошенных. Однако существуют и сложности, включая необходимость освоения новых инструментов и потребность в дополнительном обучении. Педагоги также видят через дата-сторителлинг перспективу развития у студентов аналитического и критического мышления, а также подготовку будущих специалистов к работе с данными. Безусловно, дата-сторителлинг может стать важным элементом современной образовательной практики, но для максимального эффекта необходимы дополнительное обучение и поддержка. Образовательные программы, направленные на развитие навыков работы с данными и визуализацией, могут способствовать более успешному внедрению технологии.

Заключение

Технология дата-сторителлинга является ярким примером того, как современные образовательные подходы могут воспользоваться синтезом данных и искусства рассказывания историй для создания более эффективного и интересного обучения. Перспективы внедрения данной технологии в образовательный процесс грандиозны, а ее особенности и преимущества наглядно демонстрируют, как можно максимально адаптировать учебный материал к образовательной аудитории.

Дата-сторителлинг позволяет преподавателям и студентам не просто передавать и усваивать факты, но и строить понимание сложных концепций через истории и наглядные визуализации данных. Это подтверждается результатами множества исследований и практических примеров в различных областях – от бизнеса и медицины до образования.

В сочетании с разнообразными формами данных, такими как числовые, текстовые, графические и звуковые, дата-сторителлинг позволяет создавать образовательные материалы, учитывающие различные стили восприятия учебного материала. Студенты получают возможность анализировать и интерпретировать информацию в контексте, что способствует укреплению усвоенных знаний и их практическому применению.

Результаты исследования показали, что у преподавателей разный уровень знаний в области дата-сторителлинга, однако они заинтересованы в более глубоком изучении данной технологии. В целом, опрос подчеркнул важность дальнейшего исследования и интеграции дата-сторителлинга в образовательную практику высшей школы. А его внедрение в образовательные программы может значительно обогатить учебный опыт студентов, адаптируя к требованиям современного цифрового мира, и подготовить их к успешной работе с данными в будущем.

Список источников

1. Teti S., Armstrong K. Telling Stories with Data // The Journal of clinical ethics. 2022. № 33. P. 277–296. doi: 10.1086/JCE2022334277
2. Christozov D., Rasheva-Yordanova K., Toleva-Stoimenova S. Risks management in data science training // Proceeding of Regional international conference on Applied Protection and ITS Trends. Zlatibor, 2018. P. 7–10.
3. Welbourne T. Data-Driven Storytelling: The Missing Link in HR Data Analytics // Employment Relations Today. 2015. № 41(4). P. 27–33. doi: 10.1002/ert.21471
4. Neifer T., Lawo D., Bossauer P. Esau M., Jerofejev A.M. Data Storytelling als kritischer Erfolgsfaktor von Data Science (Data Storytelling as a Critical Success Factor for Data Science). HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik. 2020. doi: 10.1365/s40702-020-00662-3
5. Daradkeh M. An Empirical Examination of the Relationship Between Data Storytelling Competency and Business Performance: The Mediating Role of Decision-Making Quality // Journal of Organizational and End User Computing. 2021. № 33. P. 42–73. doi: 10.4018/JOEUC.20210901.0a3
6. Getchell L., Reich M., Allu S., Woods C., Atkinson T., Beaucage M., Stalker L., Sparkes D., Turner C., L'Esperance A., Burns K., Elliott M., Chiu H., Rosenblum N., Sapir-Pichhadze R. Storytelling for impact: the creation of a storytelling program for patient partners in research // Research Involvement and Engagement. 2023. № 9. doi: 10.1186/s40900-023-00471-0
7. Fant G., Choice T. Commentary: Data storytelling to aid health system decision-makers with population health issues for a specific location // Journal of Health Sciences. 2022. doi: 10.17532/jhsci.2022.1706
8. Biswas M., Sipes C. DataViz and Data Storytelling Education in Journalism and Communication Programs // Teaching Journalism & Mass Communication. 2020. Vol. 10, № 2. P. 28–41.
9. Токтарова В.И., Семенова Д.А. Цифровой образовательный сторителлинг: возможности и перспективы // Казанский педагогический журнал. 2023. № 1. С. 57–67. doi: 10.51379/KPJ.2023.158.1.005
10. Харунжева Е.В. Теоретические основы использования сторителлинга в образовательном процессе // Педагогическое искусство. 2021. № 2. С. 28–32.
11. Назарова О.С. Цифровой сторителлинг как современная образовательная практика // Гуманитарная информатика. 2018. № 15. С. 15–28.
12. Matuk C., Rubel L., Stornaiuolo A., Blickstein P., Bumbacher E., Kahn J., Lim V., Louie J., Roy S., Wei X., McBride C., Wilkerson M., Wolf J. Data Storytelling in the Classroom. International Society of the Learning Sciences. Hiroshima, Japan, 2022.
13. Селевко Г.К. Энциклопедия образовательных технологий : в 2 т. Т. 1. М. : Народное образование, 2005. 556 с.
14. Segel E., Heer J. Narrative visualization: telling stories with data // IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics. 2010. Vol. 16, № 6. P. 1139–1148. doi: 10.1109/TVCG.2010.179
15. Lee B., Nathalie H., Petra I., Sheelagh C. More than Telling a Story: Transforming Data into Visually Shared Stories // IEEE Computer Graphics and Applications. 2015. № 35 (5). P. 84–90. doi: 10.1109/MCG.2015.99

16. Behera R., Swain A. Big Data Real-Time Storytelling with Self-service Visualization // *Emerging Technologies in Data Mining and Information Security*. Singapore, 2015. doi: 10.1007/978-981-13-1498-8_36
17. Boldosova V. Deliberate storytelling in big data analytics adoption // *Information Systems Journal*. 2019. № 29 (6). P. 1126–1152. doi: 10.1111/isj.12244
18. Dourish P., Gómez Cruz E. Datafication and data fiction: Narrating data and narrating with data // *Big Data & Society*. 2018. № 5 (2). P. 1–10. doi: 10.1177/2053951718784083
19. Chen S., Li J., Andrienko G., Andrienko N., Wang Y., Nguyen P., Turkay C. Supporting Story Synthesis: Bridging the Gap between Visual Analytics and Storytelling // *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics*. 2020. № 26 (7). P. 2499–2516. doi: 10.1109/TVCG.2018.2889054
20. Hung C.M. A project-based digital storytelling approach for improving students' learning motivation, problem-solving competence and learning achievement // *Journal of Educational Technology & Society*. 2012. № 15 (4). P. 368–379.
21. Kahanurak S. Digital Storytelling and Intercultural Communicative Competence through English as a Foreign Language for Multilingual Learners // *Journal of Curriculum and Teaching*. 2023. Vol. 12, № 1. doi: 10.5430/jct.v12n1p14
22. Mirkovski K., Gaskin J.E., Hull D.M., Lowry P.B. Visual storytelling for improving the comprehension and utility in disseminating information systems research: Evidence from a quasi-experiment // *Information Systems Journal*. 2019. № 29 (6). P. 1153–1177. doi: 10.1111/isj.12240

References

1. Teti, S. & Armstrong, K. (2022) Telling Stories with Data. *The Journal of Clinical Ethics*. 33. pp. 277–296. doi: 10.1086/JCE2022334277
2. Christozov, D., Rasheva-Yordanova, K. & Toleva-Stoimenova, S. (2018) Risks management in data science training. *Proceeding of Regional international conference on Applied Protection and ITS Trends*. Zlatibor. pp. 7–10.
3. Welbourne, T. (2015) Data-Driven Storytelling: The Missing Link in HR Data Analytics. *Employment Relations Today*. 41 (4). pp. 27–33. doi: 10.1002/ert.21471
4. Neifer, T. et al. (2020) Data Storytelling als kritischer Erfolgsfaktor von Data Science (Data Storytelling as a Critical Success Factor for Data Science). *HMD Praxis der Wirtschaftsinformatik*. doi: 10.1365/s40702-020-00662-3
5. Daradkeh, M. (2021) An Empirical Examination of the Relationship Between Data Storytelling Competency and Business Performance: The Mediating Role of Decision-Making Quality. *Journal of Organizational and End User Computing*. 33. pp. 42–73. doi: 10.4018/JOEUC.20210901.0a3
6. Getchell, L. et al. (2023) Storytelling for impact: the creation of a storytelling program for patient partners in research. *Research Involvement and Engagement*. 9. doi: 10.1186/s40900-023-00471-0
7. Fant, G. & Choice, T. (2022) Commentary: Data storytelling to aid health system decision-makers with population health issues for a specific location. *Journal of Health Sciences*. doi: 10.17532/jhsci.2022.1706
8. Biswas, M. & Sipes, C. (2020) DataViz and Data Storytelling Education in Journalism and Communication Programs. *Teaching Journalism & Mass Communication*. 10 (2). pp. 28–41.
9. Toktarova, V.I. & Semenova, D.A. (2023) Digital Educational Storytelling: Opportunities and Prospects. *Kazanskiy pedagogicheskiy zhurnal*. 1. pp. 57–67. (In Russian). doi: 10.51379/KPJ.2023.158.1.005
10. Kharunzheva, E.V. (2021) Teoreticheskie osnovy ispol'zovaniya storitellinga v obrazovatel'nom protsesse [Theoretical foundations of using storytelling in the educational process]. *Pedagogicheskoe iskusstvo*. 2. pp. 28–32.
11. Nazarova, O.S. (2018) Tsifrovoy storitelling kak sovremennaya obrazovatel'naya praktika [Digital storytelling as a modern educational practice]. *Gumanitarnaya informatika*. 15. pp. 15–28.
12. Matuk, C. et al. (2022) *Data Storytelling in the Classroom*. International Society of the Learning Sciences. Hiroshima, Japan.
13. Selevko, G.K. (2005) *Entsiklopediya obrazovatel'nykh tekhnologiy: v 2 t.* [Encyclopedia of educational technologies: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Narodnoe obrazovanie.
14. Segel, E. & Heer, J. (2010) Narrative visualization: telling stories with data. *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics*. 16 (6). pp. 1139–1148. doi: 10.1109/TVCG.2010.179
15. Lee, B. et al. (2015) More than Telling a Story: Transforming Data into Visually Shared Stories. *IEEE Computer Graphics and Applications*. 35 (5). pp. 84–90. doi: 10.1109/MCG.2015.99
16. Behera, R. & Swain, A. (2015) Big Data Real-Time Storytelling with Self-service Visualization. *Emerging Technologies in Data Mining and Information Security*. Singapore. doi: 10.1007/978-981-13-1498-8_36
17. Boldosova, V. (2019) Deliberate storytelling in big data analytics adoption. *Information Systems Journal*. 29 (6). pp. 1126–1152. doi: 10.1111/isj.12244
18. Dourish, P. & Gómez Cruz, E. (2018) Datafication and data fiction: Narrating data and narrating with data. *Big Data & Society*. 5 (2). pp. 1–10. doi: 10.1177/2053951718784083
19. Chen, S. et al. (2020) Supporting Story Synthesis: Bridging the Gap between Visual Analytics and Storytelling. *IEEE Transactions on Visualization and Computer Graphics*. 26 (7). pp. 2499–2516. doi: 10.1109/TVCG.2018.2889054
20. Hung, C.M. (2012) A project-based digital storytelling approach for improving students' learning motivation, problem-solving competence and learning achievement. *Journal of Educational Technology & Society*. 15 (4). pp. 368–379.
21. Kahanurak, S. (2023) Digital Storytelling and Intercultural Communicative Competence through English as a Foreign Language for Multilingual Learners. *Journal of Curriculum and Teaching*. 12 (1). doi: 10.5430/jct.v12n1p14
22. Mirkovski, K. et al. (2019) Visual storytelling for improving the comprehension and utility in disseminating information systems research: Evidence from a quasi-experiment. *Information Systems Journal*. 29 (6). pp. 1153–1177. doi: 10.1111/isj.12240

Информация об авторах:

Токтарова В.И. — д-р пед. наук, профессор кафедры прикладной математики и информатики, советник ректората Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, Россия). E-mail: toktarova@yandex.ru

Казанцева О.Г. — аспирант Марийского государственного университета (Йошкар-Ола, Россия). E-mail: olesya10k@yandex.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.I. Toktarova, Dr. Sci. (Pedagogics), professor, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: toktarova@yandex.ru

O.G. Kazantseva, postgraduate student, Mari State University (Yoshkar-Ola, Russian Federation). E-mail: olesya10k@yandex.ru

The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.11.2023;
одобрена после рецензирования 15.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 16.11.2023;
approved after reviewing 15.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

ПРАВО

Научная статья
УДК 343.2
doi: 10.17223/15617793/498/20

Нетипичные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания в период проведения специальной военной операции: в поисках оптимальной модели правового регулирования

Камила Расуловна Абдуллина¹, Юлия Александровна Головастова², Сергей Александрович Корнеев³

^{1, 2, 3} Академия права и управления ФСИН России, Рязань, Россия

¹ abdullina-kamila@list.ru

² UGolovastova@yandex.ru

³ kornei_lam@mail.ru

Аннотация. Исследование посвящено вопросам оптимизации применения и законодательного регулирования процесса освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, призванных на военную службу по мобилизации или в военное время, заключающих (заключивших) контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах Российской Федерации в период мобилизации, в период военного положения или в военное время. Сделан вывод о целесообразности расширения законодательной модели освобождения от уголовной ответственности и наказания в связи с участием осужденных лиц в специальной военной операции, что определяется социально-политической необходимостью.

Ключевые слова: освобождение от уголовной ответственности, освобождение от уголовного наказания, обстоятельства, смягчающие наказание, помилование, судимость, Федеральный закон № 270, специальная военная операция

Для цитирования: Абдуллина К.Р., Головастова Ю.А., Корнеев С.А. Нетипичные виды освобождения от уголовной ответственности и наказания в период проведения специальной военной операции: в поисках оптимальной модели правового регулирования // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 180–189. doi: 10.17223/15617793/498/20

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/20

Atypical types of exemption from criminal liability and punishment during the special military operation: In search of an optimal model of legal regulation

Kamila R. Abdullina¹, Iuliia A. Golovastova², Sergey A. Korneev³

^{1, 2, 3} Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Ryazan, Russian Federation

¹ abdullina-kamila@list.ru

² UGolovastova@yandex.ru

³ kornei_lam@mail.ru

Abstract. The existing experience of applying a set of criminal law norms that determine the features of criminal liability of persons participating in the special military operation has allowed the authors of the article to detect the main trends in its expansion, taking into account the changed socio-political reality. The aim of the study is to identify the main directions of development of the institution of exemption from criminal liability and punishment in the conditions of the changed socio-political reality – convicts' participation in the special military operation. The objectives of the study are to study the natural dialectical connections in the development of criminal law, conditioned by immediate political needs and challenges facing the state and society; to identify the problems of constructing criminal legislation taking into account the polar points of view among scientists and practitioners; to rethink the institution of exemption from criminal liability and punishment, demonstrating a tendency to expand the regulatory framework. The authors note that, when the categories of persons under study are exempted from criminal liability and punishment, there are important changes in the structure of the emerging practice: the number of convicts, for whom atypical and hybrid forms of exemption are implemented, is increasing, which certainly leads to the need to supplement the current legislative structure. In connection with participation in the special military operation, the proportion of criminals released from criminal liability and convicted persons released from actually serving their sentences at the stage of sentencing and serving imprisonment from correctional institutions increases. The work is based on the principles of criminal

law. The authors, despite the prism of the dialectical development of criminal rights, the expansion of provisions on exemption from criminal liability and punishment, come to the conclusion that there are contradictions in the system of criminal law norms governing the analyzed issues. In fulfilling these conditions for the development and application of special norms of criminal law regulating issues of exemption from criminal liability and punishment, the following research methods were used: differential, formal-logical, functional, systemic-structural, comparative legal, and heuristic. The authors identified and analyzed the norms of criminal law, determined by socio-political necessity in modern conditions in connection with the involvement of convicted persons in the special military operation, which entailed changes in the development trends of the institution of exemption from criminal liability and sanctions, and in its application.

Keywords: exemption from criminal liability, exemption from criminal punishment, circumstances mitigating punishment, pardon, criminal record, Federal Law No. 270, special military operation

For citation: Abdullina, K.R., Golovastova, Ju.A. & Korneev, S.A. (2024) Atypical types of exemption from criminal liability and punishment during the special military operation: In search of an optimal model of legal regulation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 180–189. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/20

Введение

Проблема совершенствования нормативной основы освобождения от уголовной ответственности и наказания относится к разряду коренных проблем науки уголовного права, широко обсуждаемых в специализированной юридической литературе. В то же время, несмотря на достаточное количество имеющихся доктринальных исследований, в том числе фундаментального характера [1, 2], предложенные решения, связанные с правовой регламентацией заявленных институтов, не нашли всеобщего признания и одобрения со стороны научного сообщества.

Ввиду своей особой политико-правовой значимости, обусловленной, в том числе, принятием решения о проведении специальной военной операции, рассматриваемая проблема приобретает особую актуальность и привлекает к себе пристальное внимание представителей уголовно-правовой науки, судебного и законодательного корпуса.

Отсутствие единообразного подхода к пониманию сущности института, позволяющего освобождать лиц, совершивших преступления и имеющих судимость, от обязанности отбывать назначенный срок наказания, стихийная, неоднородная судебная практика, и наконец, введение в действие и применение на практике нормативных положений Федерального закона от 24.06.2023 № 270 «Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции» (далее – ФЗ № 270), обусловили необходимость теоретического осмысления вопроса об истинной правовой природе обсуждаемого уголовно-правового явления.

В рамках настоящего исследования проведен анализ доктринальных точек зрения на предмет имеющихся проблем освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции, рассмотрена следственно-судебная практика реализации указанных институтов, а также дана оценка нормативным положениям ФЗ № 270.

Всестороннее изучение обозначенных направлений позволило выявить существующие расхождения между позициями ученых, законодателей и правоприменителей в целом и наличествующие коллизии нормативных положений ФЗ № 270 и уголовного закона в

частности. В результате становится очевидным, что с учетом оптимизации уголовно-правовых средств, применяемых государством, необходимо обосновать научный подход, соответствующий принципам уголовного права, не противоречащий самой системе уголовного права, позволяющий определить сущность исследуемого правового феномена в современной доктрине уголовного права.

Основное исследование

24 февраля 2022 г. на основании постановления Совета Федерации от 22 февраля 2022 г. № 35-СФ Президентом Российской Федерации принято решение о проведении специальной военной операции (СВО) на территории Донецкой Народной Республики и Луганской Народной Республики в связи с обращением глав данных республик с просьбой об оказании помощи [3]. Реализация данного распоряжения была сопряжена с обострением ряда объективных проблем, пронизывающих каждую сферу жизнедеятельности. Исключением не является сфера правовых отношений в целом и складывающихся на основании юридического факта в виде совершения преступления в частности. Прежде всего, речь идет о возможности привлечения лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, к участию в СВО. Представляется, что легитимное решение заявленного вопроса требует создания новых или оптимизации уже имеющихся уголовно-правовых институтов на основе неспешного, взвешенного нормотворчества, а равно глубокой доктринальной проработки.

Действующее уголовное законодательство не содержит специальной поощрительной нормы, которая бы определяла порядок и условия освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, изъявивших намерение пополнить ряды Вооруженных сил Российской Федерации (ВС РФ) в период мобилизации или военного времени. В этой связи юридический факт в виде призыва на военную службу, желания или уже свершившегося явления в виде заключения контракта о прохождении военной службы до определенного периода времени не имел однородной оценки со стороны уполномоченных органов государственной власти.

Так, Яшкульский районный суд Республики Калмыкия приговорил И. признать виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «б» ч. 3

ст. 291.1 УК РФ, и назначить наказание в виде лишения свободы на срок два года один месяц с лишением права заниматься адвокатской деятельностью сроком на два года. Решая вопрос о назначении наказания, суд, наравне с иными юридически значимыми фактами, признал в качестве смягчающего наказание обстоятельства – *обращение* (курсив наш. – Ю.Г., С.К.) И. в государственный орган с прошением о направлении его для участия в СВО. Таким образом, намерение лица заключить контракт о прохождении военной службы, а равно иные данные, характеризующие личность подсудимого, позволили суду отнести их к разряду исключительных и применить правила ст. 64 УК РФ, тем самым назначить наказание в виде лишения свободы ниже низшего предела, предусмотренного санкцией за данное преступление [4].

Противоположная позиция была представлена Ярославским областным судом. Рассмотрев апелляционное представление прокурора, апелляционные жалобы адвоката на приговор районного суда, суд пришел к выводу об изменении обжалуемого решения в части усиления назначенного наказания. Примечательным видится факт игнорирования судом доводов адвоката об исправлении Г., осужденного по п. «а» ч. 2 ст. 158 УК РФ к двум годам лишения свободы. По мнению стороны защиты, существенное снижение общественной опасности Г. подтверждается раскаянием в содеянном, признанием вины, активным сотрудничеством со следствием, заглаживанием вреда, причиненного совершенным преступлением, а также *желанием* принять участие в СВО. Вопреки приведенной аргументации в ходе апелляционного разбирательства по уголовному делу суд посчитал, что *намерение осужденного отправиться в зону проведения СВО не является основанием для изменения вида и размера наказания* [5].

Кроме этого, в следственно-судебной практике встречаются случаи признания смягчающим наказание обстоятельством сам факт нахождения в зоне проведения СВО родственника лица, совершившего запрещенное уголовным законом деяние. Так, Викуловский районный суд Тюменской области приговорил признать ранее судимого Б. виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 166 УК РФ. При определении вида и размера меры государственного принуждения суд в качестве обстоятельства, свидетельствующего о снижении общественной опасности личности, признал факт *нахождения отца подсудимого в зоне проведения СВО* [6].

Перечень смягчающих наказание обстоятельств (ст. 61 УК РФ) не является исчерпывающим и подлежит расширительному толкованию. Данная законодательная позиция обусловлена невозможностью предусмотреть в тексте уголовного закона все имеющиеся смягчающие обстоятельства в реальной действительности. Более того, часть из них будут являться смягчающими далеко не для каждого лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, и не для каждого общественно опасного деяния. В контексте изложенного следует признать обоснованность суждений Е.В. Шиманович, констатирующей существование в уголовно-правовой

доктрине многих неразрешенных проблем, касающихся смягчающих наказание обстоятельств, не регламентированных УК РФ. Так, например, суды признают смягчающими наказание обстоятельствами те, которые не характеризуют отрицательно лицо, совершившее преступление, и учитывают их со ссылкой на ч. 2 ст. 61 УК РФ. При этом в итоговом решении правоприменительного органа не уточняется, каким образом подобные обстоятельства уменьшают общественную опасность преступления или лица, его совершившего, и уменьшают ли вообще, или они учитываются из гуманных соображений [7. С. 4].

Таким образом, учет намерения, желания или же состоявшегося факта участия в боевых действиях лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, в качестве смягчающего наказания обстоятельства, зависит от судебного усмотрения.

В иных примерах из судебной практики рассматриваемый юридический факт является основанием для признания назначенного наказания условным (ст. 73 УК РФ). Так, Ярославский районный суд приговорил Ф. признать виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 2 ст. 228, ч. 1 ст. 231 УК РФ, и на основании ч. 3 ст. 69 УК РФ путем полного сложения окончательно назначить наказание в виде трех лет лишения свободы со штрафом в размере 25 000 рублей. *Статус ветерана боевых действий* в совокупности с иными юридически важными обстоятельствами, характеризующими личность подсудимого, позволили суду применить положения ст. 73 УК РФ, тем самым считать назначенное наказание условным с испытательным сроком два года [8].

Подобное решение существует в практике Приозерского городского суда Ленинградской области. Так, при назначении наказания среди иных юридически важных обстоятельств уголовного дела, суд акцентировал внимание на том, что ранее судимый О., обвиняемый в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 161 УК РФ, в настоящее время имеет статус *добровольца, проходящего службу по контракту в ВС РФ*. Это позволило уполномоченному органу государственной власти применить положения ч. 1 ст. 73 УК РФ и признать назначенное наказание в виде лишения свободы на срок один год условным с установлением испытательного срока один год [9].

Участие в боевых действиях по защите Родины также признавалось основанием для освобождения от наказания в порядке ст. 80.1 УК РФ. Рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе осужденного У. на приговор Хабаровского гарнизонного военного суда, апелляционное постановление 1-го Восточного окружного суда и кассационное определение кассационного военного суда, Судебная коллегия по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации определила изменить ранее принятые судебные решения и освободить У. от назначенного ему по ч. 5 ст. 264 УК РФ наказания на основании ст. 80.1 УК РФ в связи с изменением обстановки. Основанием для вынесения данного определения, а равно обстоятельством, свидетельствующим об утрате лицом общественной опасности, является юридический факт в

виде прохождения военной службы по контракту в условиях проведения СВО на воинской должности, предполагающей выполнение боевых задач [10].

Представляется, что снижение (утрата) общественной опасности личности зачастую связано с постпреступной, активной, позитивной и социально одобряемой деятельностью лица, нарушившего уголовно-правовой запрет. Она может выражаться, например, в явке с повинной, оказании помощи в расследовании преступления, возмещении ущерба или ином заглаживании вреда, причиненного содеянным, защите Родины в период мобилизации или в военное время, о чем свидетельствует позиция высшего судебного органа государства. В этой связи вряд ли допустимо отождествлять утрату общественной опасности с намерением, желанием лица отправиться в зону боевых действий, а равно с моментом подписания контракта о прохождении военной службы в период мобилизации или военное время.

В то же время ст. 80.1 УК РФ не является универсальным средством обеспечения дополнительными возможностями комплектования ВС РФ лицами, в отношении которых обвинительный приговор суда вступил в законную силу, так как основанием для освобождения от наказания в связи с изменением обстановки является факт совершения *преступления небольшой или средней тяжести впервые*.

Учет обсуждаемого в настоящем исследовании юридического факта также усматривается судом в качестве характеристики личности виновного в рамках решения вопроса об освобождении от уголовной ответственности. Так, Ленинский районный суд г. Орск Оренбургской области постановил освободить Н. от уголовной ответственности за тайное хищение чужого имущества с назначением судебного штрафа в размере 15 000 рублей. При принятии решения по заявленному ходатайству уполномоченных органов государственной власти суд, наравне с иными обстоятельствами уголовного дела, учел факт *участия подсудимого в боевых действиях в зоне СВО* [11].

Кроме реализации традиционных норм, предусмотренных гл. 11–12 УК РФ и определяющих освобождение от уголовной ответственности и уголовного наказания, в период проведения СВО оказался весьма востребованным институт помилования (ст. 85 УК РФ).

Факты освобождения лиц от дальнейшего отбывания наказания, а равно снятия судимости имели публичное подтверждение со стороны высших органов государственной власти. «Человек воюет, честь ему и хвала, государство должно все сделать для того, чтобы выполнить свои обязательства перед людьми, и мы делаем это», – отметил Президент Российской Федерации [12]. На строгое соответствие процедуры помилования действующему законодательству неоднократно обращал внимание пресс-секретарь Президента РФ [13].

В доктринальных исследованиях, представленных на страницах юридической литературы, помилование определяется в качестве решения Президента РФ, улучшающего в предусмотренных уголовным законом формах правовое положение осужденного [14. С. 21]. Стоит подчеркнуть «безусловность» освобождения от

дальнейшего отбывания уголовного наказания, сокращения или замены более мягким видом назначенного наказания, снятия судимости. Как справедливо отмечает Т.П. Сапронова, нормы действующего уголовного законодательства не предусматривают иных вариантов помилования (например, с последующим участием в боевых действиях по защите Отечества либо в СВО) [15. С. 51].

К сожалению, ни один из актов о помиловании осужденных, заключивших контракт о прохождении военной службы, не представлен в свободном доступе, что объясняется отнесением этой информации к сведениям, составляющим государственную тайну [16]. Однако полагаем, что данный акт милосердия по своей сущности исключителен. Представляется, что в этом случае помилование осужденного носит условный характер, что обуславливается заключением контракта о прохождении военной службы в ВС РФ. Таким образом, назначенный судом срок наказания не отменяется, не изменяется, а пролонгируется новым обязательством перед государством.

В связи с возникшей популярностью института помилования в доктрине уголовного права актуализированы вопросы, касающиеся его законодательной регламентации и оптимизации применения. В частности, Т.П. Сапронова полагает целесообразным видоизменить ч. 2 ст. 85 УК РФ, дополнив указанием о применении помилования к осужденным, изъявившим намерение заключить контракт о прохождении военной службы в период мобилизации, в период военного положения или в военное время с последующими изменениями нормативно-правовых актов, регламентирующих порядок помилования [15. С. 52].

Попытка преодоления неоднородности реализации имеющихся средств уголовно-правового поощрения лиц, совершивших преступление и изъявивших намерение пополнить ряды ВС РФ, была предпринята в июне 2023 г. Так, 24 июня был принят федеральный закон (ФЗ), определяющий особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в СВО [17]. К сожалению, в пояснительной записке к данному законопроекту отсутствует социально-правовое обоснование его введения. В то же время отмечается, что положения нормативно-правового акта соответствуют принципам уголовного законодательства, а сам правовой механизм освобождения способствует достижению целей наказания и обеспечению дополнительными возможностями комплектования ВС РФ [18].

В частности, нормы настоящего федерального закона определили новые для действующего УК РФ основания освобождения от уголовной ответственности (ст. 3–4 ФЗ) и наказания (ст. 5 ФЗ), а также условия погашения судимости (ст. 6 ФЗ) в отношении отдельных категорий граждан. Законодателем определены категории лиц, на которых не распространяется действие рассматриваемых норм права. К ним относятся лица, совершившие преступления небольшой или средней тяжести (за исключением преступлений против общественной безопасности (ч. 1 ст. 205.2, ч. 1–2 ст. 220, ч. 1 ст. 221 и ст. 280 УК РФ)) до дня вступления в силу

настоящего ФЗ, в отношении которых осуществляется предварительное расследование;

– лица, проходящие военную службу в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, совершившие преступления, в отношении которых осуществляется предварительное расследование;

– лица, имеющие судимость, приговоры по делам которых вступили в законную силу до дня вступления в силу настоящего ФЗ, в том числе лица, отбывшие наказание или условно-досрочно освобожденные от отбывания наказания. Исключение составляет судимость за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних (п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 131, п. «а» ч. 3, п. «б» ч. 4, ч. 5 ст. 132, ч. 3–6 ст. 134, ч. 3–5 ст. 135 УК РФ), общественной безопасности (ст. 205–205.5, 206, 208, 211, 220, 221 УК РФ), основ конституционного строя и безопасности государства (ст. 275, 275.1, 276–280, 281–281.3, 282.1–282.3 УК РФ), мира и безопасности человечества (ст. 360, 361 УК РФ) (ст. 2 ФЗ).

Так, лицо, совершившее преступление небольшой или средней тяжести, уголовное дело в отношении которого приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения), призванное на военную службу либо заключившее контракт о прохождении военной службы в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, освобождается от уголовной ответственности с момента награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, а равно с момента увольнения с военной службы по определенным основаниям. Таковыми, в соответствии с п. «а», «в», «о» ч. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», являются: достижение предельного возраста пребывания на военной службе, состояние здоровья, окончание периода мобилизации, отмена военного положения или истечение военного времени (ст. 3 ФЗ).

Тождественные условия освобождения от уголовной ответственности предусмотрены ст. 4 ФЗ в отношении лица, проходящего военную службу в ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время, уголовное дело (уголовное преследование) в отношении которого приостановлено по ходатайству командования воинской части (учреждения) в период прохождения военной службы. При этом тяжесть совершенного преступления не имеет значения.

Сложно признать завершенность и логичную непротиворечивость представленных норм-новелл по ряду причин. Во-первых, общепризнанным в теоретико-прикладном значении является факт, что освобождение от уголовной ответственности – это отказ государства от ее реализации в отношении лица, совершившего преступление (от осуждения и наказания) [19], что влечет за собой прекращение уголовно-правового отношения, возникшего вследствие совершения преступления [20. С. 19; 21. С. 122; 22. С. 9]. Основания же освобождения от уголовной ответственности, регламентированные ФЗ, представляют собой условный отказ государства от реализации уголовно-

правового воздействия. Теоретически отсутствие события, предусмотренного п. «а», «в», «о» ч. 1 ст. 51 ФЗ № 53, влечет отмену принятого по уголовному делу решения и привлечение лица к уголовной ответственности на общих основаниях.

Во-вторых, основанием освобождения от уголовной ответственности (ст. 75–76.2 УК РФ) является совершение преступления небольшой или средней тяжести *впервые*. Условием реализации поощрительных норм выступают активные действия лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, выражающиеся, например, в деятельном раскаянии (ст. 75 УК РФ), примирении с потерпевшим (ст. 76 УК РФ), возмещении ущерба или заглаживании вреда иным способом (ст. 76.2 УК РФ). В нормах же представленного ФЗ заявленные условия не имеют юридического значения, что, по крайней мере, может свидетельствовать об имеющемся риске ущемления прав граждан, чьи интересы были нарушены в результате преступного посягательства.

В-третьих, освобождение от уголовной ответственности под условием награждения государственной наградой или увольнения со службы по объективным причинам в будущем, вряд ли способствует реализации задач уголовного права, а равно достижению целей наказания. Полагаем, что факт *повторного* совершения преступления (в том числе небольшой или средней тяжести) (ст. 3–4 ФЗ), должен получить справедливую оценку уполномоченных органов государственной власти, представленную в обвинительном приговоре суда. Лишь после осуждения, порицания со стороны государства, целесообразно вести речь о применении поощрительных норм права в рамках действующего института освобождения от наказания, в том числе по причине призыва на военную службу или заключения контракта о прохождении военной службы в ВС РФ.

Нормы анализируемого нормативно-правового акта определяют порядок и условия освобождения от отбывания наказания. Так, осужденный, призванный на военную службу либо заключивший контракт о прохождении военной службы в ВС РФ в период мобилизации, военного положения или в военное время, освобождается от наказания условно (ст. 5 ФЗ). При этом реальное освобождение от наказания наступает с момента награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы, а равно с момента увольнения с военной службы по тем же основаниям, о которых шла речь выше.

Обязанность в виде прохождения военной службы, контроль за поведением условно освобожденного лица, последствия в случае неисполнения возложенных обязательств или совершения нового преступления в период прохождения службы – все это в совокупности свидетельствует о некотором сходстве с уже имеющимися институтами освобождения от наказания, определяемыми нормами УК РФ. В частности, речь идет об условно-досрочном освобождении от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ). Разница же заключается в субъекте применения и сроках фактического отбывания назначенной меры государственного принуждения.

Так, решение об условном освобождении от отбывания наказания (ст. 5 ФЗ) принимает начальник исправительного учреждения ФСИН России на основании заключенного контракта с Министерством обороны РФ. При этом сроки фактического отбывания наказания не имеют юридического значения.

Призыв на военную службу, заключение контракта о прохождении военной службы в ВС РФ в период мобилизации или в военное время также является основанием снятия с учета уголовно-исполнительной инспекцией осужденного, приговоренного к наказанию условно (ст. 73 УК РФ). Таким образом, на основании ФЗ, *лицо условно освобождается от наказания, которое исполняется условно.*

Точные статистические данные о количестве лиц, освобожденных от уголовной ответственности и наказания, на основании анализируемого нормативно-правового акта, по объективным причинам не раскрываются. Однако стоит констатировать тот факт, что за весьма короткий промежуток времени действия ФЗ, он приобрел статус весьма востребованного и широко применяемого средства обеспечения дополнительными возможностями комплектования ВС РФ.

Сам факт введения ФЗ № 270 может оцениваться как в положительном, так и в сугубо отрицательном русле. Позитивный аспект реализации данной законотворческой инициативы видится в устранении правовых пробелов, касающихся освобождения от уголовной ответственности и наказания лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет и изъявивших желание прохождения военной службы в ВС РФ в условиях проведения СВО. До июня 2023 г. единое решение заявленного вопроса нормами действующего уголовного законодательства должным образом не регламентировалось, что не способствовало полному удовлетворению социально-правовых, экономических, а равно политических потребностей государства. Уполномоченные органы государственной власти, одобряя постпреступное позитивное поведение подозреваемого, обвиняемого или осужденного, выраженное в намерении пополнить ряды ВС РФ в весьма не простое для государства время, находили основание для применения имеющихся средств уголовно-правового поощрения как формы реализации уголовно-правового воздействия.

Критическая оценка анализируемого ФЗ обусловлена отступлением законодателя от фундаментальных институтов уголовного права. Положения ФЗ об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в СВО, вступают в прямое противоречие со следующими нормами УК РФ:

1. Статья 1, согласно которой единственным источником уголовного законодательства Российской Федерации является Уголовный кодекс Российской Федерации. Новые законы, предусматривающие уголовную ответственность, подлежат включению в УК РФ.

2. Статья 2. Вряд ли призыв на военную службу, заключение контракта о прохождении военной службы, а равно нахождение на военной службе коррелирует с реализацией задачи по предупреждению преступлений.

2. Статья 3, согласно которой преступность деяния, а также его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются УК РФ.

3. Статья 4, так как предоставление льгот отдельной категории лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет, не свидетельствует о равенстве граждан, совершивших преступление, перед законом.

Положения ФЗ № 270, а равно оценка условий, при которых он вступил в законную силу, на первый взгляд, дают возможность его рассмотрения через призму законодательства военного времени, которое ранее регламентировалось в ст. 331 УК РФ. Однако, как справедливо отмечает Е.Ю. Антонова, такое законодательство должно состоять из норм, устанавливающих уголовную ответственность за преступления против военной службы в конкретный промежуток времени [23. С. 42]. В нашем же случае, вопреки названию, речь идет об освобождении от уголовной ответственности и от наказания лиц, призванных на военную службу, заключивших контракт о прохождении военной службы либо уже проходящих военную службу в ВС РФ в период мобилизации, военного положения или в военное время.

Более того, 24 сентября 2022 г. ч. 3 ст. 331 УК РФ в соответствии с Федеральным законом № 365-ФЗ утратила свою силу.

Следует акцентировать внимание на том, что указанное решение было весьма положительно воспринято научным сообществом. Так, в целом признавая недостаточную совершенность и структурированность нововведений, обусловленных поспешным нормотворчеством и отсутствием глубокой доктринальной проработки, С.Ф. Милуков констатирует устранение вопиющей коллизии между ч. 1 ст. 1 и ч. 3 ст. 331 УК РФ [24. С. 121]. Вместе с тем, к сожалению, стоит признать, что одна коллизия в июне 2023 г. сменилась другой.

Представляется, что определение особенностей уголовной ответственности лиц в целом и привлекаемых к участию в СВО в частности на уровне норм субсидиарного по отношению к УК РФ закона свидетельствует о нарушении ряда правил законодательной техники, а также системности единого кодифицированного нормативного правового акта [23. С. 42].

Проблемы, касающиеся правовой регламентации освобождения от наказания и уголовной ответственности рассматриваемой категории граждан, выступали предметом ряда исследований, представленных на страницах специализированной литературы. Специалисты в области уголовного права, отмечая имеющиеся теоретико-прикладные сложности реализации заявленных норм, предлагают оригинальный и в то же время обоснованный выход из сложившейся ситуации.

Так, В.А. Коновалов, во избежание имеющихся правовых коллизий, считает необходимым закрепить на уровне норм уголовного закона новый вид освобождения от уголовной ответственности – в связи с принятием специального федерального закона (№ 270-ФЗ) [25]. Подобную точку зрения высказывает Е.Ю. Антонова. Автор полагает целесообразным использовать положения федерального закона в рамках гл. 11–12 и ст. 86 УК РФ или же дополнить раздел IV УК РФ гл. 13.1 «Особенности освобождения от уголовной ответственности лиц, проходящих военную службу в

ВС РФ в период мобилизации, в период военного положения или в военное время» [23. С. 42].

Другие представители научного сообщества констатируют тревожную тенденцию закрепления норм, регулирующих уголовно-правовые отношения, на уровне иного нормативного правового акта, и считают необходимым включение данных положений в УК РФ, не акцентируя внимание на их расположение [26. С. 62].

Н.А. Лопашенко, в целом поддерживая решение башкирского законодателя и чуть позже Совета Федерации РФ, считает уместным введение новой ст. 82.2 УК РФ, определяющей отсрочку отбывания наказания с направлением осужденного для участия в боевых действиях. Данное предложение предусматривает определение ряда условий для реализации нормы-новеллы. Во-первых, отсрочка не может быть безусловным освобождением от наказания: возвращение или невозвращение осужденного к отбытию назначенной меры государственного принуждения решается уполномоченным органом государственной власти. При этом суд, с учётом характеризующих материалов, должен принять одно из следующих решений: освободить от наказания безусловно; освободить под условием выполнения возложенных на него обязанностей; уменьшить неотбытый срок наказания; заменить другим наказанием; направить для дальнейшего отбывания назначенного ранее наказания. Во-вторых, отсрочка может быть применена к определенной категории граждан. К лицам, страдающим наркоманией или совершившим преступления, связанные с оборотом наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, должны быть предусмотрены дополнительные условия [27. С. 56].

Заключение

Проведенное исследование позволяет констатировать назревшую необходимость обсуждения вопроса о возможном расширении видов освобождения от наказания применительно к особой категории – лицам, привлекаемым к участию в СВО.

1. С одной стороны, процедура условного освобождения от отбывания наказания лица, совершившего преступление, выразившего желание участвовать в СВО, но сохраняющего статус осужденного в период действия заключенного контракта, подпадает под описание условно-досрочного освобожденного от отбывания наказания (ст. 79 УК РФ). Вместе с тем следует признать, что речь идет об особом виде – «нетипичном» условно-досрочном освобождении от отбывания наказания, что обуславливается отличиями по субъектам правоприменения, процессуальным стадиям и, в сущности, итоговым принимаемым документам.

Что же позволяет нам рассматривать эти случаи в рамках действия института нетипичного условно-досрочного освобождения от отбывания наказания? Первым аргументом является условный характер освобождения такого лица от отбывания наказания. Конечно, здесь мы не найдем в классическом виде материального основания условно-досрочного освобождения от

отбывания наказания – факт утраты осужденным общественной опасности. Речь идет о единственном формальном критерии – желании осужденного отправиться в зону боевых действий и тем самым в будущем продемонстрировать свое положительное поведение. Данный критерий имеет особую значимость в сложившихся политических условиях. Вторым аргументом принадлежности рассматриваемых случаев к институту условно-досрочного освобождения является то, что такое лицо не перестает быть осужденным. Об этом свидетельствуют следующие признаки: 1) возложенная обязанность исполнить заключенный контракт; 2) контроль за поведением такого осужденного – командованием воинской части; 3) такое лицо не теряет статус осужденного, что не позволяет его перевести в разряд субъектов, полностью отбывших наказание, до окончания срока нахождения на территории, где проводится СВО.

2. С другой стороны, процедура условного освобождения от наказания лица, совершившего преступление, выразившего желание участвовать в СВО, но сохраняющего статус осужденного в период действия заключенного контракта, подпадает под описание условного осуждения (ст. 73 УК РФ). Так, исправление лица может быть достигнуто в зоне проведения СВО, на что неоднократно акцентировалось внимание в средствах массовой информации. Условное освобождение от наказания, равно как и условное осуждение, не распространяется на определенную категорию граждан (ст. 2 ФЗ). Испытательный срок в рамках условного осуждения отождествляется со сроком действия контракта с Министерством обороны РФ, который прекращается (испытательный срок отменяется) по конкретным основаниям – со дня награждения государственной наградой или по основаниям, предусмотренным п. «а», «в», «о» ч. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ. Кроме этого, условно освобожденный должен исполнить условия заключенного контракта, при этом контроль за его исполнением возлагается на командование воинской части.

3. Анализ приведенных в настоящем исследовании юридически значимых признаков процедуры условного освобождения от наказания лица, призванного на военную службу, заключившего контракт о прохождении военной службы в ВС РФ, также свидетельствует о некотором сходстве с институтом отсрочки отбывания наказания (ст. 82–82.1 УК РФ) по причинам, описанным выше.

Таким образом, условное освобождение от (отбывания) наказания, регламентированное нормами ФЗ № 270, сочетает в себе признаки традиционных уголовно-правовых институтов, определяющих основания и условия освобождения от наказания (гл. 12 УК РФ). Данный правовой «симбиоз» связан с удовлетворением возникающих потребностей общества и государства в целом, а равно с неоднородным статусом лиц, нарушивших уголовно-правовой запрет и изъявивших желание отстаивать суверенитет своего государства в зоне проведения боевых действий. Речь идет о лицах, совершивших преступление, осужденных, а равно лиц,

отбывших назначенное наказание или условно-досрочно освобожденных от дальнейшего отбывания наказания и имеющих судимость.

Анализ доктринальных точек зрения, следственно-судебной практики, нормативных положений ФЗ № 270, представленных в настоящем исследовании, позволяет констатировать имеющуюся потребность правовой регламентации описанного явления. Решение данной проблемы видится в разработке единой нормы (ст. 73.1, 79.1 или 82.3 УК РФ), института (гл. 12.1 УК РФ), определяющего порядок условного освобождения от (отбывания) наказания лиц, привлекаемых к участию в СВО.

Кроме этого, представляется необходимым предусмотреть возможность заключения контракта о прохождении военной службы в ВС РФ в период мобилизации, военного положения или в военное время лицом, отбывшим назначенное судом наказание или условно-досрочно освобожденным от дальнейшего отбывания наказания в порядке ст. 79 УК РФ. В этой связи полагаем целесообразным предусмотреть на уровне норм уголовного закона порядок снятия или погашения судимости таких граждан. Таким образом, учитывая положения ФЗ, следует дополнить ст. 86 УК РФ ч. 3.1 следующего содержания:

«Судимость лица, отбывшего наказание или условно-досрочно освобожденного от отбывания наказания в порядке ст. 79 настоящего Кодекса, призванного на военную службу либо заключившего контракт о прохождении военной службы в Вооруженных силах РФ в период мобилизации, военного положения или в военное время погашается:

1) со дня награждения государственной наградой, полученной в период прохождения военной службы;

2) со дня увольнения с военной службы по основанию, предусмотренному подпунктом “а”, “в” или “о” п. 1 ст. 51 Федерального закона от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ “О воинской обязанности и военной службе”».

Отметим, что в основе генезиса норм уголовного права, позволяющих освобождать лиц от уголовной ответственности и наказания в связи с участием их в СВО, выступают два значимых условия: условия привлечения к ответственности и освобождения от нее. Полагаем, что в основе функционирования и развития дополнительных норм уголовного права, расширяющих представление об исследуемом институте, лежат политико-управленческие моменты, что в целом не противоречит началам целесообразности в уголовном праве, поскольку она сама основывается на социальных закономерностях. Учитывая это, становится понятным, по какой социально-политической причине

государство иногда может отказаться от реализации обязанности – уголовной ответственности.

Сам факт появления ФЗ № 270 свидетельствует о внутренних тенденциях развития института освобождения от уголовной ответственности и наказания. Течение их развития в системе координат: «права человека – обязанность государства – социально-политические значимые факторы» характеризуются диалектической противоречивостью и незавершенностью. Достаточно очевидно то, что существующий «гибридный феномен» нетипичных оснований, освобождающих лиц от уголовной ответственности и наказания, в связи с участием их в СВО, закрепленный в ФЗ № 270, характеризуется непоследовательным характером, нуждается в сбалансированности путем проведения гармоничной систематизации норм уголовного права и включения их в содержание текста УК РФ.

К настоящему времени в качестве закономерных тенденций развития норм уголовного права об освобождении от уголовной ответственности и наказания в связи с участием в СВО законодательно следует:

– провести юридико-техническое обособление специальных статей в разделе IV «Освобождение от уголовной ответственности и наказания» УК РФ. Данные действия позволят обеспечить процесс институционализации в рамках системы уголовного права;

– закрепить формальные критерии в тексте УК РФ, позволяющие применить нормы-новеллы к осужденным лицам, изъявившим желание принять участие в СВО, свидетельствующие о его позитивном постпреступном поведении;

– определить статус суда – специального субъекта процессуальных отношений, которому свойственно традиционно разрешать вопросы на стадии исполнения приговора в порядке ст. 397 УПК РФ. Полагаем, что изменение правового статуса осужденного диктует необходимость следить суду за исполнением приговора, где речь идет об извещении его о ходе исполнения, месте нахождения осужденного лица, освобожденного условно от уголовной ответственности и отбывания наказания в связи с участием в СВО;

– регламентировать осуществление порядок и условия осуществления контроля в УИК РФ за лицами, выполнявшими обязательства по заключенному контракту, в соответствующий период до дня награждения осужденного государственной наградой.

Такой подход способствует формированию и развитию института освобождения от уголовной ответственности и наказания, что предопределяет реформирование уголовного законодательства.

Список источников

1. Палтсер А.Р. Освобождение от уголовной ответственности по советскому уголовному праву : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тарту, 1966. 18 с.
2. Суверов С.Е. Примирение с потерпевшим как основание освобождения от уголовной ответственности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2022. 23 с.
3. Об использовании Вооруженных Сил Российской Федерации за пределами территории Российской Федерации: Постановление СФ ФС РФ № 35-СФ от 22.02.2022 // СПС «КонсультантПлюс».
4. Приговор по уголовному делу № 1-71/2022 от 29 декабря 2022 г. // Архив Яшкульского районного суда Республики Калмыкия. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/civeVSIfd6HC/> (дата обращения: 02.11.2023).

5. Апелляционное постановление № 22-481/2023 от 16 марта 2023 г. // Архив Ярославского областного суда Ярославской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/73GG8apHgvrM/> (дата обращения: 02.11.2023).
6. Викуловский районный суд Тюменской области: официальный сайт. URL: http://vikulovsky.tum.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=360 (дата обращения: 02.12.2023).
7. Шиманович Е.В. Смягчающие наказание обстоятельства, не предусмотренные российским уголовным законодательством : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2023. 211 с.
8. Приговор по уголовному делу № 1-274/2022 от 8 декабря 2022 г. // Архив Ярославского районного суда Ярославской области. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/OAmrdTCN0xWv/> (дата обращения: 02.11.2023).
9. Приговор по уголовному делу № 1-182/2022 от 5 октября 2022 г. // Архив Приозерского городского суда Ленинградской области. URL: https://priozersky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=case&case_id=224515950&case_uid=3ea5f000-6522-45ae-9a6d-0f99f8a2f1da&delo_id=1540006 (дата обращения: 1.12.2023).
10. Кассационное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда Российской Федерации № 225-УД23-8-К10 от 28.06.2023 // СПС «КонсультантПлюс».
11. Ленинский районный суд г. Орск Оренбургской области: официальный сайт. URL: http://leninskyorsk.orb.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=2580 (дата обращения: 01.12.2023).
12. Путин подтвердил, что подписывает указы о помиловании заключенных – участников СВО // ТАСС-ДОСЬЕ. URL: <https://tass.ru/politika/17998679> (дата обращения: 03.11.2023).
13. В Кремле ответили на вопрос о помиловании заключенных – участников СВО. URL: <https://crimea.ria.ru/20230109/v-kremle-otvetili-na-vopros-o-pomilovanii-zaklyuchennykh-uchastnikov-svo-1126307557.html> (дата обращения: 04.11.2023).
14. Селиверстов В.И. Доктринальное и нормативное определения помилования // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2007. № 1. С. 16–21.
15. Сапронова Т.П. Дополнительное правовое регулирование вопросов, связанных с институтом помилования в Российской Федерации // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Право». 2023. № 3 (75). С. 49–55.
16. СПЧ: Процедура освобождения заключенных до участия в СВО – гостайна // Российская газета. 2023. Янв.
17. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: Федеральный закон от 24.06.2023 № 270-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».
18. Об особенностях уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: пояснительная записка к проекту Федерального закона // СПС «КонсультантПлюс».
19. О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 19 от 27.06.2013 // СПС «КонсультантПлюс».
20. Скрипченко Н.Ю. Понятие и виды иных мер уголовно-правового характера // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2011. № 2. С. 16–21.
21. Кибальник А.Г., Попов А.П. О смысле освобождения от уголовной ответственности // Общество и право. 2012. № 5. С. 120–123.
22. Князков А.А. Освобождение от уголовной ответственности по делам об экономических преступлениях (гл. 22 УК РФ): вопросы дифференциации и законодательной техники : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014. 26 с.
23. Антонова Е.Ю. Особенности уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции: новый вектор уголовно-правовой политики или уголовное законодательство военного времени? // Искусство правоведения. The art of law. 2023. № 3 (7). С. 35–42.
24. Милоков С.Ф. Военно-полевая криминология о модернизации уголовного законодательства и трансформация личности преступника в условиях боевых действий // Личность преступника в изменяющемся мире (Долговские чтения) : сб. материалов III Всерос. науч.-практ. конф. М., 2023. С. 117–133.
25. Коновалов В.А. Актуальные вопросы освобождения от уголовной ответственности лиц, привлекаемых к участию в специальной военной операции // Законность. 2023. № 10. С. 16–18.
26. Антонов А.Г., Павлов В.Г., Ромашов Р.А. Нормы об освобождении от уголовной ответственности и от наказания должны быть включены в Уголовный Кодекс // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2023. № 3 (52). С. 59–63.
27. Лопашенко Н.А. О некоторых правовых и криминологических проблемах участия осужденных в СВО: частный взгляд на известные события // Вестник Самарского юридического института. 2023. № 2. С. 48–59.

References

1. Paltser, A.R. (1966) *Osvobozhdenie ot ugovolnoy otvetstvennosti po sovetскому ugovolnomu pravu* [Exemption from criminal liability under Soviet criminal law]. Abstract of Law Cand. Diss. Tartu.
2. Suverov, S.E. (2022) *Primirenije s poterpevshim kak osnovanie osvobozhdeniya ot ugovolnoy otvetstvennosti* [Reconciliation with the victim as a basis for exemption from criminal liability]. Abstract of Law Cand. Diss. Omsk.
3. Consultant Plus. (2022) *On the use of the Armed Forces of the Russian Federation outside the territory of the Russian Federation: Resolution of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation No. 35-SF dated February 22, 2022*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
4. Archive of the Yashkul District Court of the Republic of Kalmykia. (2022) *Prigovor po ugovolnomu delu № 1-71/2022 ot 29 dekabrya 2022 g.* [Verdict in criminal case No. 1-71/2022 dated December 29, 2022]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/civeVSlfd6HC/> (Accessed: 02.11.2023).
5. Archive of the Yaroslavl Regional Court of Yaroslavl Oblast. (2023) *Apellyatsionnoe postanovlenie № 22-481/2023 ot 16 marta 2023 g.* [Appeal resolution No. 22-481/2023 dated March 16, 2023]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/73GG8apHgvrM/> (Accessed: 02.11.2023).
6. *Vikulovskiy rayonnyy sud Tyumenskoy oblasti: ofitsial'nyy sayt* [Vikulovsky District Court of Tyumen Oblast: official website]. [Online] Available from: http://vikulovsky.tum.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=360 (Accessed: 02.12.2023).
7. Shimanovich, E.V. (2023) *Smyagchayushchie nakazaniye obstatoyatel'stva, ne predusmotrennye rossiyskim ugovolnym zakonodatel'stvom* [Mitigating circumstances not provided for by Russian criminal legislation]. Law Cand. Diss. Omsk.
8. Archive of the Yaroslavl Regional Court of Yaroslavl Oblast. (2022) *Prigovor po ugovolnomu delu № 1-274/2022 ot 8 dekabrya 2022 g.* [Verdict in criminal case No. 1-274/2022 dated December 8, 2022]. [Online] Available from: <https://sudact.ru/regular/doc/OAmrdTCN0xWv/> (Accessed: 02.11.2023).
9. Archive of the Priozersk City Court of Leningrad Oblast. (2022) *Prigovor po ugovolnomu delu № 1-182/2022 ot 5 oktyabrya 2022 g.* [Verdict in criminal case No. 1-182/2022 dated October 5, 2022]. [Online] Available from: https://priozersky--lo.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&sr_num=1&name_op=case&case_id=224515950&case_uid=3ea5f000-6522-45ae-9a6d-0f99f8a2f1da&delo_id=1540006 (Accessed: 1.12.2023).
10. Consultant Plus. (2023) *Cassation ruling of the Judicial Collegium for cases of military personnel of the Supreme Court of the Russian Federation No. 225-UD23-8-K10 dated June 28, 2023*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).

11. *Leninskiy rayonnyy sud g. Orska Orenburgskoy oblasti: ofitsial'nyy sayt* [Leninsky District Court of Orsk, Orenburg Oblast: official website]. [Online] Available from: http://leninskyorsk.orb.sudrf.ru/modules.php?name=press_dep&op=1&did=2580 (Accessed: 01.12.2023).
12. TASS. (2023) *Putin podtverdil, chto podpisivaet ukazy o pomilovanii zaklyuchennykh – uchastnikov SVO* [Putin confirmed that he was signing decrees on the pardon of prisoners participating in the special military operation] [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/17998679> (Accessed: 03.11.2023).
13. RIA. (2023) *V Kremle otvetili na vopros o pomilovanii zaklyuchennykh-uchastnikov SVO* [The Kremlin answered the question about the pardon of prisoners participating in the special military operation]. [Online] Available from: <https://crimea.ria.ru/20230109/v-kremle-otvetili-na-vopros-o-pomilovanii-zaklyuchennykh-uchastnikov-svo-1126307557.html> (Accessed: 04.11.2023).
14. Seliverstov, V.I. (2007) Doktrinal'noe i normativnoe opredeleniya pomilovaniya [Doctrinal and normative definitions of pardon]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 1. pp. 16–21.
15. Sapronova, T.P. (2023) Dopolnitel'noe pravovoe regulirovanie voprosov, svyazannykh s institutom pomilovaniya v Rossiyskoy Federatsii [Additional legal regulation of issues related to the institution of pardon in the Russian Federation]. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Pravo"*. 3 (75). pp. 49–55.
16. *Rossiyskaya Gazeta*. (2023) SPCh: Protsektura osvobozhdeniya zaklyuchennykh do uchastiya v SVO – gostayna [HRC: The procedure for the release of prisoners before participating in the special military operation is a state secret]. Jan.
17. Consultant Plus. (2023) *On the peculiarities of criminal liability of persons participating in the special military operation: Federal Law of June 24, 2023 No. 270-FZ*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
18. Consultant Plus. (n.d.) *On the peculiarities of criminal liability of persons participating in the special military operation: explanatory note to the draft Federal Law*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
19. Consultant Plus. (2013) *On the application by courts of legislation regulating the grounds and procedure for exemption from criminal liability: Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 19 of June 27, 2013*. Moscow: Consultant Plus. (In Russian).
20. Skripchenko, N.Yu. (2011) Ponyatie i vidy inyykh mer ugolovno-pravovogo kharaktera [The concept and types of other measures of a criminal legal nature]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 2. pp. 16–21.
21. Kibal'nik, A.G. & Popov, A.P. (2012) O smysle osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti [On the meaning of exemption from criminal liability]. *Obshchestvo i pravo*. 5. pp. 120–123.
22. Knyaz'kov, A.A. (2014) *Osvobozhdenie ot ugolovnoy otvetstvennosti po delam ob ekonomicheskikh prestupleniyakh (gl. 22 UK RF): voprosy differentsiatsii i zakonodatel'noy tekhniki* [Exemption from criminal liability in cases of economic crimes (Chapter 22 of the Criminal Code of the Russian Federation): issues of differentiation and legislative technology]. Abstract of Law Cand. Diss. Saratov.
23. Antonova, E.Yu. (2023) Osobennosti ugolovnoy otvetstvennosti lits, privlekaemykh k uchastiyu v spetsial'noy voennoy operatsii: novyy vektor ugolovno-pravovoy politiki ili ugolovnoe zakonodatel'stvo voennogo vremeni? [Peculiarities of criminal liability of persons participating in the special military operation: a new vector of criminal legal policy or wartime criminal legislation?]. *Iskusstvo pravovedeniya – The Art of Law*. 3 (7). pp. 35–42.
24. Milyukov, S.F. (2023) [Military field criminology on the modernization of criminal legislation and the transformation of the personality of a criminal in combat]. *Lichnost' prestupnika v izmenyayushchemsya mire (Dolgovskie chteniya)* [Personality of a criminal in a changing world (Dolgov Readings)]. Conference Proceedings. Moscow. pp. 117–133. (In Russian).
25. Konovalov, V.A. (2023) Aktual'nye voprosy osvobozhdeniya ot ugolovnoy otvetstvennosti lits, privlekaemykh k uchastiyu v spetsial'noy voennoy operatsii [Current issues of exemption from criminal liability of persons participating in the special military operation]. *Zakonnost'*. 10. pp. 16–18.
26. Antonov, A.G., Pavlov, V.G. & Romashov, R.A. (2023) Normy ob osvobozhdenii ot ugolovnoy otvetstvennosti i ot nakazaniya dolzhny byt' vklucheny v Ugolovnyy Kodeks [The rules on exemption from criminal liability and punishment must be included in the Criminal Code]. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 3 (52). pp. 59–63.
27. Lopashenko, N.A. (2023) O nekotorykh pravovykh i kriminologicheskikh problemakh uchastiya osuzhdennykh v SVO: chastnyy vzglyad na izvestnye sobytiya [On some legal and criminological problems of the participation of convicts in the special military operation: a private opinion of well-known events]. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta*. 2. pp. 48–59.

Информация об авторах:

Абдуллина К.Р. – курсант 4-го курса юридического факультета Академии права и управления ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: abdullina-kamila@list.ru

Головастова Ю.А. – д-р юрид. наук, профессор кафедры уголовно-исполнительного права и организации воспитательной работы с осужденными Академии права и управления ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: UGolovastova@yandex.ru

Корнеев С.А. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права Академии права и управления ФСИН России (Рязань, Россия). E-mail: kornei_lam@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

K.R. Abdullina, student, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: abdullina-kamila@list.ru

Iu.A. Golovastova, Dr. Sci. (Law), professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: UGolovastova@yandex.ru

S.A. Korneev, Cand. Sci. (Law), associate professor, Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia (Ryazan, Russian Federation). E-mail: kornei_lam@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 13.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 13.12.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 347
doi: 10.17223/15617793/498/21

Машиночитаемое право и его роль в функционировании маркетплейсов

Вадим Аркадьевич Аксенов¹, Станислав Валерьевич Одинцов²

^{1, 2} Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

¹ 1142220218@pfur.ru, ORCID: 0000-0003-1560-7633

² odintsov_sv@pfur.ru, ORCID: 0000-0002-3403-3519

Аннотация. Проанализированы ключевые подходы к осмыслению сущности машиночитаемого права как элемента LegalTech. Представлено авторское понятие машиночитаемого права. Обозначена проблематика машиночитаемого права: разработка онтологий в машиночитаемом праве, выбор оптимального машиночитаемого формата, нравственная проблема роботизации правовых актов с позиции философии права. Исследованы основные механизмы применения машиночитаемого права в маркетплейсах.

Ключевые слова: машиночитаемое право, маркетплейс, законодательство, машиночитаемый формат, автоматизация, цифровизация, цифровая трансформация права

Для цитирования: Аксенов В.А., Одинцов С.В. Машиночитаемое право и его роль в функционировании маркетплейсов // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 190–198. doi: 10.17223/15617793/498/21

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/21

Machine-readable law and its role in the functioning of marketplaces

Vadim A. Aksenov¹, Stanislav V. Odintsov²

^{1, 2} Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russian Federation

¹ 1142220218@pfur.ru, ORCID: 0000-0003-1560-7633

² odintsov_sv@pfur.ru, ORCID: 0000-0002-3403-3519

Abstract. The development trend of information technology and digital economy forms the task aimed at developing approaches to the legal understanding of the phenomenon of machine-readable law. The article considers machine-readable law as a key element of LegalTech and the interaction of machine-readable law with new emerging phenomena such as marketplaces. The main aim of the research is to define the essence of machine-readable law and establish its role in the functioning of marketplaces. An additional aim is to reveal the issues of machine-readable law. The work studied the key doctrinal approaches of Russian and foreign scientists, legal acts of state bodies of the Russian Federation and other states, as well as the practice of applying the technologies of machine-readable law. Machine-readable law is a relatively new phenomenon, although it dates back to the second half of the 20th century, as a result of which there is no unambiguous understanding of this term in legal science. Some scientists understand machine-readable law as a set of legal norms that have the property of being automatically read by a machine. Others, to put it simply, understand machine-readable law as “technology”. The study concludes that machine-readable law should be considered in narrow and broad senses while noting that understanding also depends on the way in which machine-readable law will develop. The work raises the issues of machine-readable law and the possibilities of its application in the functioning of marketplaces. It reveals the difficulties of developing ontologies in machine-readable law, which lie in the ambiguity of interpretations of various legal categories, while theoretically the formal language of machine-readable law is much more sensitive to various kinds of collisions. The problem of choosing the most optimal machine-readable format from the technologies of natural language processing (NLP) to more easily perceived machine formats XLM, JSON is analyzed. The moral problem of robotization of legal acts from the position of the philosophy of law is touched upon. Based on the consolidation of the obtained research results, a number of directions for the application of machine-readable law in the functioning of marketplaces have been formed. The use of machine-readable law resources will enhance the functionality of marketplaces, including ensuring reliability, safety, and compliance with laws. In particular, as already noted, these tools of cross-cutting technologies can be used to optimize the processes of filtering and classifying goods (services), accompanying transactions, processing complaints, and resolving disputed legal relations within the corresponding online platform.

Keywords: machine-readable law, marketplace, legislation, machine-readable format, automation, digitization, digital transformation of law

For citation: Aksenov, V.A. & Odintsov, S.V. (2024) Machine-readable law and its role in the functioning of market-places. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 190–198. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/21

Введение

Как верно сказал в свое время Томас Эдисон, «неудовлетворенность – это первейшее условие прогресса», что довольно показательно описывает значение регламентации имущественного оборота и необходимость её объективной трактовки для цели единообразного формирования правового поля. Особенности правовой стилистики отличаются не столько объёмностью нормативных текстов, сколько сложностью их восприятия, в том числе и профессиональной лексики, лицами, не обладающими навыками формальной логики и каузального творчества. В частности, каждому понятно, что причинение смерти человеку является преступлением, но лишь небольшой процент граждан сможет ответить на вопрос: возможности включения в фактически понесённые расходы оплату комиссионного (агентского) вознаграждения риелтору для уменьшения налоговой базы налога на доходы физических лиц при продаже квартиры. Вероятно, подобные знания пригодятся лишь раз в жизни, но таких ситуаций множество и было бы довольно целесообразно, если бы граждане могли получать правовую информацию так же легко, как узнать в сети Интернет рецепты приготовления. Ведь любой прогресс направлен на доступность и масштабируемость (массовость), что обеспечивает комфортность среды.

Касательно сложности восприятия и толкования для целей применения положений российского законодательства имеется множество научных исследований, также имеет место быть не только сам факт сложности текста, но и тенденция к усложнению [1. С. 66–86]. Примечательна особенность, что формулированием текстов пока ещё занимаются люди, но порой создаётся впечатление, что текст создан самым настоящим неантропогенным образом как, например, некоторые нормативные акты, у которых одно лишь название может составлять, к примеру: 139 слов [2]. Полагаем, чем сложнее и (или) комплекснее являются общественные отношения, тем более непонятными на первый взгляд могут быть формулировки правовых норм, их регламентирующих.

Со всеми потенциальными сложностями по взаимодействию с правовой материей для обычного пользователя или профессионала юриста поможет справиться машиночитаемое право как один из ключевых элементов LegalTech (legal technology, правовое программное обеспечение). В общих чертах LegalTech – это совокупность различного рода компьютерных программ, информационных ресурсов, приложений и иных технологических решений, направленных на решение правовых вопросов – от анализа судебной практики до уточнения положений действующего законодательства. Хотя в то же время существует подход разграничения LegalTech и LawTech, где ключевое отличие – это направленность, если LegalTech работает по схеме B2B («бизнес – бизнес»), то LawTech работает по схеме

B2C («бизнес – потребители») [3. С. 202–203]. Впрочем, подобная классификация не представляется достаточно обоснованной, поскольку, с программно-технологической, то есть в части применения технологии, отсутствует какое-либо отличие. Правовое программное обеспечение уже практически повсеместно распространено и широко применяется. В частности, почти все юристы и студенты юридических образовательных учреждений в России используют справочно-правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант», «Кодекс» и прочие.

При этом следующий и кардинальный шаг в развитии LegalTech – это машиночитаемое и машиноприменимое право, когда цифровые технологии, которые в сопряжении с искусственным интеллектом и нейронными сетями в своей концепции позволят максимально полностью автоматизировать все правовые процессы при фактическом или минимальном антропогенном участии. Массовое применение маркетплейсов также демонстрирует стремительно развивающееся явление, которое цифровизирует гражданский (имущественный) оборот. Особый интерес для исследования представляет симбиоз сквозных технологий и их преимущества, например, возможность дистанционного сервиса рассмотрения спорных вопросов и конфликтных ситуаций в режиме квазитретьейского алгоритма между пользователями маркетплейса (сторонами сделок) по поводу недостатка товара или услуги, т.е. внедрение программного обеспечения, способного руководствоваться положениями действующими законодательства и с учётом позиций Верховного Суда в рамках формирования единообразной правоприменительной практики.

Понятие и содержание машиночитаемого права

Изначальные идеи, представления и принципы концепта так называемого машиночитаемого права (machine-executable law) возникли ещё в середине XX в. Так, в частности, можно привести работу Леймана Аллена, в которой, в частности, предпринималась попытка использовать символическую логику для составления и интерпретации юридических документов вместо традиционной логики, однако автор не умалял роль и традиционной логики, а рассматривал символическую логику как дополнительный инструмент [4]. Фактически же в ещё более раннее время возникло понимание в необходимости юридической герменевтики ввиду сложности, запутанности или расплывчатости отдельных положений правовых актов, тем самым встал вопрос об интерпретации нормативных формулировок для цели облегчения их восприятия и корректного правоприменения. В настоящее же время процесс формирования машиночитаемого права обусловлен тенденциями развития и возможностями от внедрения цифровых технологий, прежде всего в части оптимизации анализа «больших данных» (BigData).

Современное представление о машиночитаемом праве не имеет однозначного подхода в понимании данной категории, однако некоторые наработки в отечественной юридической науке имеются. Так, М.А. Липчанская, С.А. Привалов предлагают следующее определение: машиночитаемое право – это «системы и технологии искусственного интеллекта, направленные на имплементацию норм права в работу информационных систем, предоставляющих услуги по реализации прав человека (учитывая обмен данными) в автоматическом режиме» [5. С. 90]. Н.Ф. Порываева понимает под машиночитаемым правом «совокупность машиночитаемых правовых норм, санкционированных государством» [6. С. 706]. А.М. Вашкевич представляет определение машиночитаемых норм, под которыми понимает «нормы, которые могут быть автоматически интерпретированы с помощью информационных технологий» [7. С. 20].

Отдельно стоит указать достаточно объёмное определение, предложенное И.В. Понкиным: «Машиночитаемое и машиноисполняемое право – это особые инструментальные онтология и формат (создания и представления) актов нормативно-правового и нормативного технического регулирования (и комплексов таких актов) на основе специально разрабатываемых (технологиями цифровой онтоинженерии в праве) языков, гибридизированных из стандартизированных компьютерных языков (машинных кодов) и специальных юридических метаязыков (с метаданными (с метаразметками, с цифровыми «заметками на полях») и с юридико-техническими конструкциями в формализованно-цифровизированных онтологиях), с трансформацией логики нормативных установлений в компьютерно-программную логику многократного использования, позволяющие достичь и обеспечить высокую степень автоматизации решения спектра задач юридического порядка (для достижения больших эффективности и эргономичности таких решений), в том числе позволяющие компьютерно-программным комплексам (компьютерным инструментам) автоматически распознавать (считывать) непосредственно в первоисточниках (а не в переводах), находить, «понимать» и интерпретировать тексты таких актов (и их комплексов), а также их исполнять или обеспечивать их исполнение (в мере, доступной для указанных компьютерно-программных комплексов)» [8. С. 65].

Таким образом, следует обобщить, что большинство исследователей придерживаются точки зрения, что формулировка определений как машиночитаемого, так и машиноисполняемого права возможна через, прежде всего, признак «машиночитаемости», который выражается в том, что норма создана на формальном (программном) языке, доступном для чтения и интерпретации машины, т.е. программным кодом (алгоритмом).

При этом, на наш взгляд, есть определённая неоднозначность в терминологии в силу того, что машиночитаемое право только начинает динамично развиваться. Полагаем, можно рассматривать машиночитаемое право как в широком, так и условно в узком смыслах. В широком смысле машиночитаемое право – это сквозная цифровая технология или комплекс данных

технологий, которая(-ые) позволяет(-ют) считывать машинно-аппаратным образом на специальном формальном (программном) языке нормы действующего законодательства с их интерпретацией на естественный язык. В узком же смысле машиночитаемое право – это совокупность правовых норм, созданных опосредованно или в рамках сквозных цифровых технологий с заложенной возможностью знако-символьного восприятия текста. И при этом фактически есть два пути потенциального дальнейшего развития машиночитаемого права:

1. Будут создаваться специальные нормы на формальном (программном) языке для лёгкого чтения/восприятия машинно-аппаратным образом с последующей одновременной их интерпретацией на естественные языки для возможности чтения/восприятия их уже людьми.

2. Будет реализована сквозная цифровая технология, благодаря которой программное обеспечение сможет считывать/воспринимать и применять всю нормативную массу, созданную на естественных языках.

К слову, от того, какой будет в конечном итоге реализован концептуальный путь развития технологии зависит сама суть понимания машиночитаемого права. Если мы имеем в виду второй путь развития, то не имеет смысла вообще говорить о машиночитаемом праве в его узком смысле. При этом если исходить из определения, указанного в Концепции развития технологий машиночитаемого права, разработанной Минэкономразвития России, то создается впечатление, что развитие пойдёт скорее по первому сценарию. В данной Концепции сформулировано следующее определение: «Машиночитаемое право – основанное на онтологии права изложение определенного набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права (инструменты применения таких норм в виде необходимых информационных систем и программного обеспечения)» [9. С. 4]. Таким образом, можно высказать предположение, что в целом органы государственной власти России смотрят на цифровые технологии и их практическое применение с энтузиазмом.

Однако, несмотря на оптимизм к развитию технологии машиночитаемого права, имеет место быть и позиция, обозначенная в аналитическом отчёте Фонда «Центр стратегических разработок», в соответствии с которой утверждается, что каких-либо доказано рабочих моделей машиночитаемого законодательства в настоящий момент не имеется и перевод действующего законодательства в машиночитаемый вид представляется затруднительным [10. С. 60].

Изыскания зарубежных исследователей в сфере машиночитаемого права

Проблемы, связанные со сложностью в понимании нормативных и судебных актов, имеются и в зарубежных государствах, и, как следствие, там также имеется интерес к машиночитаемому праву как инструменту, который бы мог облегчить взаимодействие с массивом

правовоприменения. Например, отдельные зарубежные исследователи отмечают, что размер и сложность условно именуемого Налогового кодекса (the Internal Revenue Code) США существенно выросли за последние десятилетия, например, «по состоянию на 2011 г. для объяснения Налогового кодекса США требуется 70 000 страниц инструкций, что по объёму составляет как приблизительно 50 Библий» [11. С. 4]. В целом зарубежные исследователи отмечают, что обозначенный нами ранее второй потенциальный путь развития машиночитаемого права имеет немало проблем.

Кроме очевидных проблем имеют место быть и довольно-таки специфические, к примеру, проблема качества судебных решений вследствие влияния машиночитаемого права и искусственного интеллекта. Так, в исследовании Лэнса Элиота (Lance B. Eliot) из Центра правовой информатики Стэнфордского университета исследуются проблемы, связанные с включением судебных заключений в системы искусственного интеллекта, и предлагается, чтобы «суды писали заключения таким образом, чтобы они были легко понятны машинам. Однако существует опасение, что более строгие стандарты написания для удобства машинного чтения могут поставить под угрозу красноречие и культурную значимость судебных решений. В конечном счёте, в документе делается вывод о том, что ответственность за адаптацию к существующим подходам лежит на ИИ, а не на том, чтобы обременять судей и суды этой задачей» [12].

Эти сложности являются плодородной почвой для процветания информационных ресурсов LegalTech, RegTech и других программных инструментов, например, используемого уже три десятилетия в США наиболее популярного сервиса для подготовки налоговых деклараций TurboTax от разработчика Intuit Inc. (см.: TurboTax : официальный сайт. URL: <https://turbotax.intuit.com/>).

Хотя нормативные акты, как правило, доступны в электронном виде, в них отсутствуют встроенные машиночитаемые так называемые метаданные (данные о данных), которые помогали бы анализировать исходный естественный язык. Как следствие, такого рода машинам (программному обеспечению) приходится полагаться на методы обработки естественного языка Natural Language Processing (NLP). Однако NLP хотя и в некоторой степени эффективны, всё же являются ограниченными в сравнении с машиночитаемыми форматами XLM, JSON, которые более эффективно воспринимаются машинами из-за использования онтологий, элементов, атрибутов, тегов на основе метаданных [13. С. 3]. Так теги (дискрипторы) необходимы для формулирования запроса при поиске документов в базе данных и (или) определённой информации в отдельном тексте. Исследователи утверждают, что синтаксические форматы USLM и Akomo Ntoso, используемые в США как основные форматы, недостаточно хороши, в частности, их сосредоточение внимания на внутренней структуре, как следствие, из-за этого ограничивается коммуникация по всему телу документов. И на основе этого исследователями предлагается новый формат eXtensible Regulatory Reporting Language

(X2RL), который более качественным образом работает с дополнительными элементами на основе метаданных.

В самом общем виде под метаданными могут выступать такие элементы машиночитаемой нормы, как статус правового акта – действующий или утративший силу, юридическая сила правового акта – в вопросе, например, коллизии машиночитаемых норм и т.д. Отметим, что роль метаданных действительно достаточно высока в рамках онтологии машиночитаемого права. Так, метаданные, встроенные в машиночитаемую базу документов, смогут обеспечить более качественную совместимость, обнаружение, описание данных в контексте вопроса восприятия их машиной (программным обеспечением/программным кодом). Метаданные способствуют вопросам выявления информации о происхождении данных, что помогает установить достоверность юридических документов и (или) их источников. Даже не будучи практикующим юристом или исследователем, можно по достоинству оценить удобство метаданных, например, пользуясь справочно-правовыми системами.

Вне всяких сомнений, одной из проблем в вопросе развития машиночитаемого и машиноприменяемого права является разработка и выбор машиночитаемого формата, который мог бы удовлетворить требования будущих пользователей данных информационно-коммуникационных технологий. При этом не значит, что условно формат Akomo Ntoso нельзя использовать и он однозначно неудачный. Так, безусловно заслуживают внимания имеющиеся исследования, где на основе этого формата пробовали перевести некоторые нормативные акты Республики Сербия в машиночитаемый код, пусть и с неоднозначным результатом [14].

Меган Ма (Megan Ma) и Брайан Уилсон (Bryan Wilson) в работе подчеркнули интересную мысль, что «сложность перевода с естественного языка на код возникает из-за восприятия юридических документов как независимых сущностей» [15. С. 135–136]. Вышеуказанные исследователи из Университета Нортгэстерна отмечают, что учитывая практические людей писать, кодировать, понимать и интерпретировать – концепция идеального кодирования права кажется маловероятной. Однако вполне реалистично закодировать правовые нормы таким образом, чтобы улучшить способность судей, юристов и других юридических специалистов осуществлять свою деятельность. Для создания качественного машиночитаемого права требуется многоуровневый подход, выходящий за рамки синтаксической структуры, обеспечивающий онтологический контекст.

Действительно, помимо собственно метаданных в машиночитаемых нормах большое внимание необходимо уделять онтологии. Онтология в программировании (информатике), в том числе и в машиночитаемом праве, пожалуй, один из самых сложных аспектов, поскольку он должен решить задачу построения концептуальной основы метаданных. Собственно, поэтому, главным образом, дискурсивные исследования и подчёркивают важность семантики кода, т.е. смысла, передающегося знако-символьной системой.

Давайте рассмотрим простой пример семантики и синтаксиса программного кода в машиночитаемом праве, используя язык разметки XML (eXtensible Markup Language), который может использоваться в структурировании юридических документов (рис. 1).

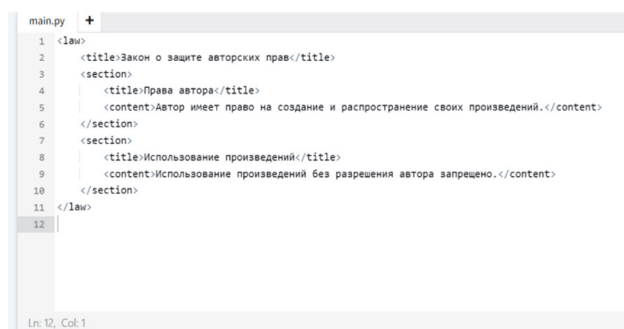

Рис. 1. Пример кода в формате XML, описывающий условный закон о защите авторских прав

Прежде всего, синтаксис в машинночитаемом праве относится к правилам и структуре, согласно которым оформляются и кодируются юридические документы (нормативные, судебные акты, договоры) для машинной обработки. Это определяет, какие символы (знаки), термины и комбинации можно использовать в юридических текстах и как они должны быть устроены. Соблюдение синтаксических правил необходимо для корректной интерпретации и анализа юридических текстов машинами (программным кодом).

В то время, как семантика в машинночитаемом праве определяет, какой смысл несёт каждый элемент юридического документа (текста). В данном случае, семантика определяет, что «law» – это корневой элемент, «title» – это заголовок закона, «section» – это, к примеру, раздел закона и «content» – это определённый текст, описывающий содержание раздела. Семантика в машинночитаемом праве также определяет, какие значения могут принимать отдельные элементы метаданных. Допустим, семантика указывает, что «title» содержит название, а «content» – текст, описывающий содержание раздела. Соблюдение синтаксических правил (корректная структура) и правильное толкование семантики (правильное понимание содержания) важны для того, чтобы машины (программный код) могли правильно обрабатывать и анализировать соответствующие юридические документы (тексты).

Отметим, что правовая онтология вдвойне сложная, поскольку юридические понятия зависят от подхода к ним в зависимости от той или иной правовой системы и однозначного единства в понимании может не быть. Для примера, если взять такую вещь объективной реальности, как, скажем, яблоко, то во всем мире будет одинаковое восприятие и представление об этом предмете, возможно лишь разное его наименование. Нельзя понимать яблоко в широком или узком смысле, с объективной или субъективной точки зрения, иными словами, яблоко – это конкретный предмет, который не имеет под собой иных подходов, и это одно и то же в любом правовом порядке.

Что касается категорий практической юриспруденции, то они куда глубже и вариативнее. Например, недвижимые вещи, исходя из положений французского права, «представлены широкой концепцией и включают в самой природе землю и связанные с ней строения, леса и т.д., а к недвижимым вещам по их назначению закон и практика относят машины, инструменты и прочее. В Германии более узкое понимание, включающее землю и вещи, прочно связанные с землей (строения, растения на корню, семена в почве), а также права, связанные с правом собственности на участок. В то же время в английском праве используется деление имущества на реальное и персональное» [16. С. 330–332]. Иными словами, разработка онтологий в контексте машиночитаемого права представляется серьёзным вызовом для разработчиков в силу того, что юридические категории сами по себе довольно-таки неоднозначны, не единообразны и не так просты в понимании смысла даже для человека, не говоря уже об их трактовке алгоритмами машинного (программного) кода. Более того, некоторые исследователи «отмечают работу с юридической онтологией как отдельный уровень трансформации права в программный код» [17. С. 15–19].

Использование машиночитаемого права в маркетплейсах

Развитие машиночитаемого права применимо и в маркетплейсах (онлайн-платформах для продажи товаров и услуг). Особенно актуально такое применение в силу того, что, как правило, состав пользователей маркетплейсов в лице продавцов (исполнителей) крайне многочисленный. В свою очередь, необходимо качественное модерирование вышеуказанных пользователей с целью блокировки или иного воспрепятствования деятельности недобросовестных продавцов (исполнителей).

Таким образом, можно выделить несколько направлений использования машиночитаемого права для целей функционирования маркетплейсов:

1. Поддержка соблюдения правовых требований: маркетплейсы могут использовать технологии машиночитаемого права для анализа рисков и оценки степени соответствия деятельности платформы юридическим нормам. Это позволяет предотвращать юридические проблемы и обеспечивать более высокий уровень единообразного соблюдения положений действующего законодательства, в том числе на основе судебной практики.

Например, существует разработка от Financial Industry Regulatory Authority (FINRA) под названием Machine-Readable Rulebook initiative, которая направлена на создание машиночитаемого свода правил для упрощения деятельности компаний в вопросах соблюдения требований законодательства [18]. Также существует подобного плана проект машиночитаемой нормативной библиотеки FinregE [19]. Например, потенциально можно использовать машиночитаемые библиотеки с программным обеспечением маркетплейса для автоматической блокировки продавцов, выставляющих на

продажу спиртосодержащую продукцию без лицензии, что особенно актуально в свете попыток разрешить продажу алкоголя в глобальной публичной сети Интернет [20].

В итоге применение машиночитаемого права позволит усилить функциональность маркетплейсов, обеспечивая большую надёжность, безопасность и соблюдение требований законодательства на соответствующей онлайн-платформе, что, безусловно, исключительно положительно может повлиять на опыт пользователей и доверии к маркетплейсу.

2. Фильтрация и классификация товаров и услуг: машиночитаемое право может использоваться на маркетплейсах для автоматической фильтрации и классификации товаров и услуг с учётом соответствия нормативным требованиям. Например, маркетплейс, специализирующийся на продаже медицинских и (или) фармацевтических товаров, может использовать алгоритмы, основанные на машиночитаемых стандартах и правилах для определения, что продаваемые товары соответствуют нормам безопасности и качества продукции, сроку хранения и так далее. Вне всяких сомнений, подобная практика использования машиночитаемого права также может быть применима и для иных товаров и услуг.

Автоматическая сверка состава товара с действующими национальными стандартами может максимальным образом повысить качество товаров и повысить функционал действующих как государственных, так и международных регламентов стандартизации. Хотя для цели оптимизации правового регулирования имеет место быть такое явление, как условно именуемая «регуляторная гильотина», и большинство исследователей поддерживают необходимость сократить излишнее, избыточное регулирование [21]. Поддерживая данную позицию, все же следует отметить, что есть обязательные требования, которые носят необходимый (обусловленный) характер – и их то и необходимо преобразовать в машиночитаемые нормы, а также встроить в функционал онлайн-платформ.

3. Правовые консультации и сопровождение: маркетплейсы могут предоставлять правовые консультации и сопровождение через чат-ботов или автоматизированные системы ассистентов. Эти системы могут использовать машиночитаемое право для предоставления точной и актуальной информации о юридических аспектах сделок на соответствующей онлайн-платформе. О подобного рода сервисах, как, например, о DoNotPay в Соединённом Королевстве и некоторых штатах США, пишет в своём исследовании Сюзанна Навас [22].

Например, пользователь маркетплейса приобретает условное платье и желает его вернуть. Пользователь может обратиться к чат-боту и уточнить информацию о праве на возврат товара надлежащего качества, сроках, необходимых действиях. Это сократит необходимость набора дополнительного персонала в службу поддержки, включая колл-центры, а также позволит в некоторой степени получить соответствующую консультацию надлежащего уровня.

4. Обработка жалоб и разрешение споров: машиночитаемое право может быть использовано для автоматической обработки жалоб и разрешения споров между продавцами и покупателями на маркетплейсе, учитывая соответствие действий сторон правилам данной онлайн-платформы и положениям действующего законодательства.

В целом подобные механизмы можно реализовать, следуя тренду развития альтернативного разрешения споров. Существует скорее даже тенденция не столько Alternative Dispute Resolutions (ADR), а Online Dispute Resolution (ODR). Так, например, Артур М. Монти Ахалт отмечает, что ODR – это следующий этап развития ADR [23]. О преимуществах, в частности скорости, эффективности, удобстве, также указывается Консультативной группой Совета по гражданскому правосудию Соединённого Королевства [24]. Полагаем, действительно, учитывая все сложности защиты прав в судах общей юрисдикции, как, например, фактические сроки рассмотрения дел, онлайн-разрешение споров – довольно, действенный механизм. В некоторых маркетплейсах в пользовательское соглашение включена так называемая арбитражная (третейская) оговорка, в частности, система интернет-акционов eBay Inc. [25]. Стороны при неудавшейся процедуры переговоров могут обратиться в Центр Разрешения Споров eBay, решение которого окончательное и решает вопрос по существу: вернуть товар, выплатить компенсацию и прочее.

Учитывая активное развитие цифровых технологий, вполне закономерным является вопрос о необходимости внедрения данных технологий в том числе и в рамках онлайн-разрешения споров. Некоторые авторы отмечают, что LawTech и прорывные технологии по типу блокчейн и искусственного интеллекта окажут серьезное влияние на юридические услуги, особенно разрешение споров [26].

Потенциально возможно использование искусственного интеллекта с установленными машиночитаемыми нормами маркетплейса (пользовательское соглашение) и нормами национального законодательства, который мог бы в автоматическом режиме мог разрешить спор. Тем самым позволив существенно сократить время рассмотрения спора между пользователями маркетплейса.

Заключение

Подытоживая, хотелось отметить позицию А.Ю. Иванова о том, что «под предлогом технического упрощения правоприменительной деятельности реально создаются условия для уничтожения последних остатков человеческого в и без того предельно формализованной и ригидной правовой системе нашей страны» [27. С. 22–24]. Отчасти соглашаясь, в России, возможно, довольно негибкая правовая система с излившей формализацией, а LegalTech как комплексное программное обеспечение вкупе с искусственным интеллектом не являются сверхэффективным решением в абсолюте, т.е. не решат сами по себе сразу все проблемы лишь просто по факту их применения. Однако машиночитаемое право скорее представляется больше

как инструмент, подобно компьютеру или ручке с бумагой, ведь действенность и последствия применения этой технологии зависят исключительно от целеполагания, разумности и компетентности пользователя соответствующего вспомогательного средства.

Существует ряд проблемных аспектов применения машиночитаемого права. Одними из ключевых вызовов для технологии машиночитаемого права являются: актуальная проблема разработки онтологий, необходимость выработки оптимального машиночитаемого формата, дилемма преобразования естественного языка методами NLP (Natural Language Processing) или создание некоего метаязыка с переводом кода в естественный язык. А также несколько менее практически значимых дискуссионных аспектов, таких как, например, культурно-нравственная проблема роботизации правовых актов (обесчеловечивание) с точки зрения философии права. Таким образом, машиночитаемое право имеет ряд проблемных аспектов и не в полной мере изучено, поскольку проходит процесс своего формирования, но всё же является перспективным шагом в будущее, который вполне существенно может кардинально изменить основы регулирования правоотношений и, прежде всего, имущественный оборот.

Как технология машиночитаемое право – это крайне эффективный инструмент, который в свете перегруженности правовой системы количеством нормативных актов способен работать со всем этим правовым массивом. Это преимущество обусловлено тем, что, прежде всего, большинство технических устройств способно работать с куда большим объёмом информации её анализом в единицу времени, нежели человек, а «в условиях стремительного развития инновационных технологий объём информации постоянно возрастает» [28]. Кроме того, машиночитаемое право – разнонаправленная технология, которая применима во многих сферах регулирования экономических отношений, например, маркетплейсах. Так, использование ресурсов машиночитаемого права позволит усилить функциональность маркетплейсов, в том числе обеспечивая надёжность, безопасность и соблюдение законов. В частности, как уже отмечалось, данные инструменты сквозных технологий могут применяться для оптимизации процессов фильтрации и классификации товаров (услуг), сопровождения сделок, обработки жалоб и разрешения спорных правоотношений в рамках соответствующей онлайн-платформы.

Список источников

1. Сложность российских законов. Опыт синтаксического анализа / А.В. Кнутов, С.М. Плаксин и др. М. : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. 311 с.
2. Об утверждении «Порядка включения экспертов... их незаконному обороту» : Приказ Министерства образования и науки РФ от 22 сентября 2014 г. № 1273 (утратил силу) // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420223853?section=text> (дата обращения: 11.10.2023).
3. LegalTech, FinTech, RegTech etc.: правовые аспекты использования цифровых технологий в коммерческой деятельности / рук. авт. кол. и науч. ред. М.А. Рожкова. М. : Статут, 2021. 310 с.
4. Allen L.E. Symbolic Logic: A Razor-edged Tool for Drafting and Interpreting Legal Documents // The Yale Law Journal. 1956–1957. Vol. 66, № 6. P. 833–879.
5. Липчанская М.А., Привалов С.А. Развитие технологий машиночитаемого права: теоретические проблемы и перспективы // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 10. С. 85–96. doi: 10.12737/jrl.2022.107
6. Порываева Н.Ф. Предпосылки возникновения машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 706–709.
7. Вашкевич А.М. Автоматизация права: право как электричество. М. : Симплоер, 2019. 256 с.
8. Понкин И.В. Концепт машиночитаемого и машиноисполняемого права: актуальность, назначение, место в PerТехе, содержание, онтология и перспективы // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8, № 9. С. 59–69.
9. Концепция развития технологий машиночитаемого права. Министерство экономического развития России // Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428> (дата обращения: 15.10.2023).
10. Шепелева О.С., Сучкова М.А., Богопова А.В. и др. Вопросы регулирования цифровой экономики: Аналитический отчет / Фонд «Центр стратегических разработок». М., 2019. 491 с.
11. Davis S.J. Regulatory Complexity and Policy Uncertainty: Headwinds of Our Own Making // Becker Friedman Institute for Research in economics working paper. 2017. № 2723980. doi: 10.2139/ssrn.2723980
12. Eliot L.B. The Law Impeded Due To Machine Readability Of Judicial Decisions // AI & Law. The Master Class Series. 2021. doi: 10.2139/ssrn.3990474
13. McLaughlin P.A., Stover W. Drafting X2RL: A Semantic Regulatory Machine-Readable Format // MIT Computational Law Report. 2021.
14. Svejic A. et al. Automatic Transformation of Plain-text Legislation into Machine-readable Format // Proceedings of the 11th International Conference on Information Society, Technology and Management. 2021. P. 50–55.
15. Ma M., Wilson B. The Legislative Recipe: Syntax for Machine-Readable Legislation // Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property. 2021. Vol. 19, № 1. P. 107–136.
16. Гражданское и торговое право зарубежных государств : учебник : в 2 т. / отв. ред. проф. А.С. Комаров, проф. А.А. Костин, проф. О.Н. Зименкова, доц. Е.В. Вершинина. Т. 1 : Общая часть. М. : Статут, 2019. 559 с.
17. Wong M.W. Rules as Code: Seven Levels of Digitization // Singapore Management University Centre for Computational Law. 2020. P. 1–26. URL: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/3093/ (дата обращения: 21.10.2023).
18. A New Tool for Compliance: FINRA's Machine-Readable Rulebook Initiative. URL: <https://www.finra.org/media-center/finra-unscripted/machine-readable-rulebook-initiative> (дата обращения: 27.10.2023).
19. FinregE Digital, Machine Readable Regulation Libraries. URL: <https://finreg-e.com/machine-readable-regulation/> (дата обращения: 28.10.2023).
20. Законопроект № 332033-8 «О внесении изменений в статью 16 Федерального закона “О государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции и об ограничении потребления (распития) алкогольной продукции”» // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/332033-8> (дата обращения: 29.10.2023).
21. Любимов Ю. и др. Регуляторная гильотина // Закон. 2019. Т. 2. С. 20–36.
22. Navas S. The Provision of Legal Services to Consumers Using LawTech Tools: From “Service” to “Legal Product” // Open Journal of Social Sciences. 2019. Vol. 7, № 11. doi: 10.4236/jss.2019.711007
23. Ahalt A.M.M., Arthur M. What You Should Know about Online Dispute Resolution. URL: <https://montyahalt.com/know-about-online-dispute-resolution/> (дата обращения: 29.10.2023).

24. Online Dispute Resolution: For Low Value Civil Claims: Civil Justice Council Report (2015). URL: www.judiciary.gov.uk/wpcontent/uploads/2015/02/Online-Dispute-Resolution-FinalWeb-Version1.pdf (дата обращения: 29.10.2023).
25. Пользовательское соглашение маркетплейса «eBay». URL: <https://www.ebay.com/help/policies/member-behavior-policies/user-agreement?id=4259#section2> (дата обращения: 29.10.2023).
26. Barnett J., Treleaven P. Algorithmic dispute resolution – The automation of professional dispute resolution using AI and blockchain technologies // *The Computer Journal*. 2018. Vol. 61, № 3. P. 399–408. doi: 10.1093/comjnl/bxx103
27. Янковский Р. и др. Машиночитаемое право: правовой вызов современности // Закон. 2021. № 10. С. 20–26.
28. Одинцов С.В., Лазарева Е.А. The levels of information's objectification in the context of legal protection capacity // Вестник РУДН. Серия: Юридические науки. 2023 Т. 27, № 3. С. 670–685. doi: 10.22363/2313-2337-2023-27-3-670-685

References

1. Knutov, A.V. et al. (2020) *Slozhnost' rossiyskikh zakonov. Opyt sintaksicheskogo analiza* [The complexity of Russian laws. Parsing experience]. Moscow: HSE.
2. Docs.cntd.ru. (2023) *Order of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation dated September 22, 2014, No. 1273 (lost force)*. [Online] Available from: <https://docs.cntd.ru/document/420223853?section=text> (Accessed: 11.10.2023). (In Russian).
3. Rozhkova, M.A. (ed.) (2021) *LegalTech, FinTech, RegTech etc.: pravovye aspekty ispol'zovaniya tsifrovyykh tekhnologiy v kommercheskoy deyatel'nosti* [LegalTech, FinTech, RegTech etc.: legal aspects of the use of digital technologies in commercial activities]. Moscow: Statut.
4. Allen, L.E. (1956–1957) Symbolic Logic: A Razor-edged Tool for Drafting and Interpreting Legal Documents. *The Yale Law Journal*. 66 (6). pp. 833–879.
5. Lipchanskaya, M.A. & Privalov, S.A. (2022) Development of Machine-Readable Law Technologies: Theoretical Problems and Prospects. *Zhurnal rossiyskogo prava*. 26 (10). pp. 85–96. (In Russian). doi: 10.12737/jrl.2022.107
6. Poryvaeva, N.F. (2021) Predposylki vozникnoveniya mashinochitaemogo prava [Prerequisites for the emergence of machine-readable law]. *Yuridicheskaya tekhnika*. 15. pp. 706–709.
7. Vashkevich, A.M. (2019) *Avtomatizatsiya prava: pravo kak elektrichestvo* [Automation of law: law as electricity]. Moscow: Smploer.
8. Ponkin, I.V. (2020) Kontsept mashinochitaemogo i mashinoispolnyaemogo prava: aktual'nost', naznachenie, mesto v RegTekhe, sodержание, ontologiya i perspektivy [The concept of machine-readable and machine-executable law: relevance, purpose, place in RegTech, content, ontology and prospects]. *International Journal of Open Information Technologies*. 8 (9). pp. 59–69.
9. Ministry of Economic Development of Russia. (2023) *Concept for the development of machine-readable law technologies*. [Online] Available from: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=79428> (Accessed: 15.10.2023). (In Russian).
10. Shepeleva, O.S. et al. (2019) *Voprosy regulirovaniya tsifrovoy ekonomiki: Analiticheskiy otchet* [Issues of regulation of the digital economy: Analytical report]. Moscow: Fond "Tsentr strategicheskikh razrabotok".
11. Davis, S.J. (2017) *Regulatory Complexity and Policy Uncertainty: Headwinds of Our Own Making*. Becker Friedman Institute for Research in economics working paper. No. 2723980. doi: 10.2139/ssrn.2723980
12. Eliot, L.B. (2021) The Law Impeded Due To Machine Readability Of Judicial Decisions. *AI & Law*. The Master Class Series. doi: 10.2139/ssrn.3990474
13. McLaughlin, P.A. & Stover, W. (2021) *Drafting X2RL: A Semantic Regulatory Machine-Readable Format*. MIT Computational Law Report.
14. Cvejić, A. et al. (2021) Automatic Transformation of Plain-text Legislation into Machine-readable Format. *Proceedings of the 11th International Conference on Information Society, Technology and Management*. pp. 50–55.
15. Ma, M. & Wilson, B. (2021) The Legislative Recipe: Syntax for Machine-Readable Legislation. *Northwestern Journal of Technology and Intellectual Property*. 19 (1). pp. 107–136.
16. Komarov, A.S. et al. (eds) (2019) *Grazhdanskoe i torgovoe pravo zarubezhnykh gosudarstv: uchebnik: v 2 t.* [Civil and commercial law of foreign countries: textbook: in 2 volumes]. Vol. 1. Moscow: Statut.
17. Wong, M.W. (2020) *Rules as Code: Seven Levels of Digitization*. Singapore Management University Centre for Computational Law. pp. 1–26. [Online] Available from: https://ink.library.smu.edu.sg/sol_research/3093/ (Accessed: 21.10.2023).
18. FINRA. (2023) *A New Tool for Compliance: FINRA's Machine-Readable Rulebook Initiative*. [Online] Available from: <https://www.finra.org/media-center/finra-unscripted/machine-readable-rulebook-initiative> (Accessed: 27.10.2023).
19. FinregE. (2023) *FinregE Digital, Machine Readable Regulation Libraries*. [Online] Available from: <https://finreg-e.com/machine-readable-regulation/> (Accessed: 28.10.2023).
20. Sozd.duma.gov.ru. (2023) *Bill No. 332033-8: On amendments to Article 16 of the Federal Law "On state regulation of the production and turnover of ethyl alcohol, alcoholic and alcohol-containing products and on limiting the consumption (drinking) of alcoholic products"*. [Online] Available from: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/332033-8> (Accessed: 29.10.2023). (In Russian).
21. Lyubimov, Yu. et al. (2019) Regulyatornaya gil'otina [Regulatory guillotine]. *Zakon*. 2. pp. 20–36.
22. Navas, S. (2019) The Provision of Legal Services to Consumers Using LawTech Tools: From "Service" to "Legal Product". *Open Journal of Social Sciences*. 7 (11). doi: 10.4236/jss.2019.711007
23. Ahalt, A.M.M. & Arthur, M. (2023) *What You Should Know about Online Dispute Resolution*. [Online] Available from: <https://montyahalt.com/know-about-online-dispute-resolution/> (Accessed: 29.10.2023).
24. Civil Justice Council. (2015) *Online Dispute Resolution: For Low Value Civil Claims: Civil Justice Council Report (2015)*. [Online] Available from: www.judiciary.gov.uk/wpcontent/uploads/2015/02/Online-Dispute-Resolution-FinalWeb-Version1.pdf (Accessed: 29.10.2023).
25. eBay. (2023) *Pol'zovatel'skoe soglasenie marketpleysa "eBay"* [User agreement of the eBay marketplace]. [Online] Available from: <https://www.ebay.com/help/policies/member-behavior-policies/user-agreement?id=4259#section2> (Accessed: 29.10.2023).
26. Barnett, J. & Treleaven, P. (2018) Algorithmic dispute resolution – The automation of professional dispute resolution using AI and blockchain technologies. *The Computer Journal*. 61 (3). pp. 399–408. doi: 10.1093/comjnl/bxx103
27. Yankovskiy, R. et al. (2021) Mashinochitaemoe pravo: pravovoy vyzov sovremennosti [Machine-readable law: the legal challenge of our time]. *Zakon*. 10. pp. 20–26.
28. Odintsov, S.V. & Lazareva, E.A. (2023) The levels of information objectification in the context of legal protection ability. *Vestnik RUDN. Seriya: Yuridicheskie nauki*. 27 (3). pp. 670–685. (In Russian). doi: 10.22363/2313-2337-2023-27-3-670-685

Информация об авторах:

Аксенов В.А. – аспирант кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: 1142220218@pfur.ru. ORCID: 0000-0003-1560-7633

Одинцов С.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса и международного частного права Российского университета дружбы народов (Москва, Россия). E-mail: odintsov_sv@pfur.ru. ORCID: 0000-0002-3403-3519

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

V.A. Aksenov, postgraduate student, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: 1142220218@pfur.ru. ORCID: 0000-0003-1560-7633

S.V. Odintsov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Peoples' Friendship University of Russia (Moscow, Russian Federation). E-mail: odintsov_sv@pfur.ru. ORCID: 0000-0002-3403-3519

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 04.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 04.12.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 343.241.2
doi: 10.17223/15617793/498/22

Принудительные работы в системе уголовных наказаний: неиспользованные возможности

Наталья Викторовна Артеменко¹, Нина Георгиевна Шимбарева²

^{1, 2} Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ nvartemenko@sfedu.ru / artemenko73@yandex.ru

² ngshimbareva@sfedu.ru / nina_shimbareva@mail.ru

Аннотация. Рассматривается проблема применения принудительных работ как относительно нового вида уголовного наказания. Основная гипотеза заключается в том, что потенциал данного наказания недооценен и используется в настоящее время явно недостаточно. Предлагается модифицировать принудительные работы и дополнить их принципом экстерриториальности, т.е. без привязки его назначения к месту жительства осужденного. Подобные изменения послужат импульсом для развития системы наказаний и дадут позитивный мультипликативный эффект.

Ключевые слова: уголовная политика, система уголовных наказаний, альтернативы лишению свободы, принудительные работы, использование труда осужденных

Для цитирования: Артеменко Н.В., Шимбарева Н.Г. Принудительные работы в системе уголовных наказаний: неиспользованные возможности // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 199–208. doi: 10.17223/15617793/498/22

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/22

Compulsory labor in the criminal penalty system: Untapped opportunities

Natalia V. Artemenko¹, Nina G. Shimbareva²

^{1, 2} Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

¹ nvartemenko@sfedu.ru / artemenko73@yandex.ru

² ngshimbareva@sfedu.ru / nina_shimbareva@mail.ru

Abstract. Addressing the problems of developing the criminal punishment system is now natural and predictable. One of the main problems in this field is creation of high-quality alternatives to imprisonment. Having drawn attention to compulsory labor in this regard, the authors set the aim of justifying the development of compulsory labor taking into account the urgent economic needs of the country. The article shows that, despite intensive legislative activities, the system of criminal penalties in the current Criminal Code of the Russian Federation is very conservative. For many years, the most prescribed type of punishment has been imprisonment. Meanwhile, the current situation by 2023 has actualized attention to such a specific segment of the workforce as convicts. Sharing the opinion about the possibility of using the labor of convicts to solve economic problems, the authors believe that the solution to this problem can be found in modifying compulsory labor as a type of criminal punishment. To substantiate the hypothesis, the method of content analysis of legal literature on the issue of the system of criminal penalties for the period of 2013–2022 was used; legislative activities in this area and available statistical data on the application of criminal penalties were examined. The location of correctional centers and sites functioning as correctional centers was also analyzed. All this made it possible to infer that the potential of compulsory labor is being insufficiently and inefficiently used. The main proposal of the authors is to supplement compulsory labor with the principle of extraterritoriality, namely, the possibility of its assignment without reference to the convicted person's place of residence. The new concept will require changes to the existing legal regulation of this type of punishment. Thus, the list of crimes for which compulsory labor may be assigned is also subject to adjustment. Compulsory labor should be applied for careless crimes, regardless of their category, as well as for intentional crimes of minor and medium gravity, or for intentional serious crimes committed for the first time. It is also necessary to review the restrictions established by Part 7 of Article 53.1 of the RF Criminal Code. Possible compulsory labor at the place of residence may be assigned to minors aged 16 to 18, as well as to persons of retirement age who have retained their ability to work and a desire to work. A clear and consistent positioning of compulsory labor in a new form as an "intermediate" punishment between imprisonment and its alternatives will emphasize the independent status of compulsory labor and increase the trust of courts in this type of punishment.

Keywords: criminal policy, criminal penalty system, alternatives to imprisonment, compulsory labor, use of convicts' labor

For citation: Artemenko, N.V. & Shimbareva, N.G. (2024) Compulsory labor in the criminal penalty system: Untapped opportunities. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 199–208. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/22

Один из главных вызовов, стоящих сегодня перед отечественной уголовной политикой, – вопрос о развитии действующей системы уголовных наказаний. Характерна практически единодушная оценка ее как чрезмерно репрессивной, затратной, разбалансированной и, как следствие, неэффективной. В связи с этим «вряд ли можно сомневаться в потребностях не “косметического”, а глубокого реформирования системы наказаний, точнее – ее модернизации в современных социально-экономических условиях...» [1. С. 91]. В многочисленных публикациях на эту тему встречаются рассуждения, которые привлекли внимание авторов настоящей статьи. Речь идет о наказаниях, связанных с трудом, и об использовании труда осужденных в интересах развития экономики России, решения конкретных народнохозяйственных задач [2]. И, действительно, контингент осужденных – это почти на 90% лица трудоспособного возраста [3], т.е. огромный внутренний резерв трудовых ресурсов, который в настоящее время практически не используется. На наш взгляд, один из самых чувствительных вопросов сегодняшнего состояния экономики России и ее развития – это даже не вопрос о рабочих местах, а вопрос о рабочих руках. По оценкам специалистов, безработица в стране находится на исторически низком уровне. Таким образом, сложившаяся в 2023 г. ситуация (сплетение неблагоприятных для страны геополитических, демографических, экономических и других проблем) требует нестандартных решений, мобилизации всех ресурсов и в этом плане заставляет посмотреть на потенциал уголовного и уголовно-исполнительного права с необычной точки зрения.

Наша гипотеза заключается в том, что действующая система уголовных наказаний не готова к интеграции с экономикой. Более того, она затратна и, по оценкам специалистов, которые мы поддерживаем, не обеспечивает достижение целей наказания. Но при определенной перенастройке может работать более эффективно, в том числе в сотрудничестве с реальной экономикой. Попробуем это обосновать.

Вначале обратимся к контент-анализу юридической литературы. Изучение массива публикаций (монографий, статей, материалов конференций разного уровня) за последние 10 лет наглядно показало, что по вопросу о системе уголовных наказаний и их отдельных видах написано огромное количество работ. При этом подавляющее большинство авторов концентрировались на историческом анализе или на внутренних характеристиках системы наказаний, которая, по мнению экспертов, перестала отвечать требованиям системности. Постоянно в научной публикационной повестке – детальный анализ недостатков применения отдельных видов наказаний. Многие из изученных публикаций содержат и позитивные предложения по совершенствованию системы наказаний. Обобщая их, мы выделили следующие:

Изменить иерархию видов уголовных наказаний [4. С. 29–36, 65; 5. С. 11–13]. В наибольшей степени это касается места штрафа в системе уголовных наказаний, степень репрессивности которого, по мнению специалистов, с течением времени существенно повысилась.

Выделить в качестве самостоятельных подсистем основные и дополнительные виды наказаний, а также обособить специальные виды наказаний для военнослужащих [5. С. 11–13]. Формирование указанных подсистем будет способствовать восстановлению системных характеристик перечня видов уголовных наказаний.

Вернуть конфискации статус вида уголовного наказания [6. С. 224–227], чему посвящено, пожалуй, наибольшее количество предложений специалистов. С момента утраты конфискацией данного статуса и вплоть до сегодняшнего дня в публикациях ученых и СМИ не утихает критика этого решения. Полагаем, дискуссия вокруг конфискации вызвана тем, что предупредительный (не карательный) потенциал у конфискации как вида уголовного наказания значительно выше, чем у конфискации как иной уголовно-правовой меры.

Расширить перечень дополнительных наказаний. Например, предлагается выдворение с территории страны иностранных граждан и лиц без гражданства, осужденных за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления, компенсация причиненного вреда или возложение обязанности загладить причиненный вред, опубликование приговора, лишение права и др. [5. С. 12–13; 7. С. 125–127]. Не со всеми из этих предложений можно согласиться, но тенденция очевидна.

Исключить арест и смертную казнь как неприменимые виды наказаний. Без комментариев.

Отдельного упоминания, на наш взгляд, заслуживают еще три предложения в силу их «революционности»:

Концепция мер безопасности Н.В. Щедрина. Исходя из идеи о том, что наказание представляет хотя и основную, но не единственную меру уголовно-правового воздействия, Н.В. Щедрин предлагал вместо существующей ныне «двухколейной» системы мер уголовно-правового воздействия (наказание и меры уголовно-правового характера) перейти на «четырёхколейную» и, соответственно, выделял четыре вида таких мер: санкции наказания, санкции безопасности, санкции восстановления и санкции поощрения [8. С. 6].

Создание системы наказаний для юридических лиц. Дискуссия о корпоративной уголовной ответственности естественным образом влечет за собой и предложения о выделении специальных видов наказаний для юридических лиц (предлагаются, например, такие виды уголовных наказаний, как предупреждение, в том числе с публикацией в СМИ, штраф, лишение лицензии и т.п., лишение права заниматься определенным видом деятельности, принудительная ликвидация и др.)¹.

Дополнение перечня иных мер уголовно-правового характера. В связи с предложением Верховного Суда РФ о введении в действующее уголовное законодательство категории уголовного проступка предполагается изменение юридической природы отдельных видов наказаний (придание им двойственного статуса): 1) обязательные работы как вид наказания и общественные работы как иная мера; 2) исправительные работы как вид наказания и ограниченно оплачиваемые работы как иная мера.

В изученных публикациях, посвященных системе и видам наказаний, звучали и предложения, ориентированные на использование труда осужденных в целях инфраструктурного и экономического развития страны. Но это, скорее, не новые идеи, а предложения реанимировать оставленные в прошлом ссылку, высылку, условное осуждение/условно-досрочное освобождение с обязательным привлечением к труду [11. С. 18; 12. С. 152–155; 13. С. 10]. Ностальгию по данным видам уголовно-правового воздействия мы не разделяем как минимум потому, что ссылка и высылка обладают негативным правоприменительным «шлейфом», а условное осуждение/условно-досрочное освобождение с обязательным привлечением к труду в настоящее время, по сути дела, преобразованы в принудительные работы.

Таким образом, обзор специальной юридической литературы за 10-летний период показал, что инновационные предложения о развитии видов наказаний, связанных с привлечением к труду, а также об использовании труда осужденных в реальной, а не пенитенциарной экономике практически отсутствуют.

Теперь проследим интенсивность законодательской деятельности в части регламентации уголовных наказаний. Всего федеральных законов, изменяющих текст УК РФ (как Общую, так и Особенную его части), на сегодняшний момент (со дня введения в действие) было принято 303 (здесь и далее по тексту информация представлена по состоянию на 01.09.2023. – Прим. авторов). Из них только треть касается Общей части УК РФ. Содержательный анализ поправок показывает, что большая часть из них связаны с регулированием уголовно-правовых отношений в сфере назначения наказания и освобождения от него. При этом некоторые из норм изменялись несколько раз. Например, в ст. 63 УК РФ «Обстоятельства, отягчающие наказание», изменения вносились 13 раз; в ст. 73 «Условное осуждение» – 11, в ст. 79 «Условно-досрочное освобождение от отбывания наказания» – 14, а в ст. 76.1 «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба», введенную только в 2011 г., – 11 раз. В итоге изменения в гл. 9 «Понятие и цели наказания. Виды наказаний» за период с момента принятия действующего УК РФ и до настоящего времени вносились 23 раза. Свою первоначальную редакцию удалось сохранить лишь трем статьям гл. 9: ст. 43 «Понятие и цели наказания», ст. 48 «Лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград» и ст. 55 «Содержание в дисциплинарной воинской части», что само по себе показательно. И вот почему. Статья 43 – концептуальная по содержанию. Следовательно, несмотря на многочислен-

ные публикации, существует профессиональный консенсус по поводу определения наказания и, главное, его целей. Стабильность содержания ст. 48 и 55 УК РФ можно объяснить, главным образом, их относительно невысокой востребованностью на практике и отсутствием проблем их применения. Что же касается других статей гл. 9 УК РФ, то они волатильны, и изменения в них вносились неоднократно, единожды только в ст. 51 «Ограничение по военной службе». Остальные нормы изменялись в среднем от 2 до 6 раз («рекордсменом» в этой части является ст. 56 УК «Лишение свободы», изменения в которую вносились 6 раз, на втором месте по количеству изменений ст. 46 «Штраф» и 57 «Пожизненное лишение свободы», претерпевшие изменения по 5 раз). Конечно, количество далеко не всегда означает существенность изменений. На наш взгляд, за четверть века действия УК РФ в систему мер уголовно-правового воздействия было внесено всего четыре принципиально значимых изменения: появление раздела VI «Иные меры уголовно-правового характера» и изменение статуса конфискации имущества (ФЗ № 153-ФЗ от 27.07.2006); введение в действие ограничения свободы с новым содержанием (ФЗ № 377-ФЗ от 27.12.2009); появление нового вида наказания – принудительных работ² (ФЗ № 420-ФЗ от 07.12.2011) и судебного штрафа (ФЗ № 323-ФЗ от 03.07.2016).

Заметно, что усилия законодателя были направлены в основном на поиск и активирование мер уголовно-правового воздействия, способных заменить в наказательной практике лишение свободы. Но решить эту задачу в полной мере не удалось, что подтверждается статистикой применения отдельных видов наказания. Действительно, наиболее очевидный факт – тенденция к снижению числа осужденных вообще и осужденных к лишению свободы, в частности. Так, по информации председателя Верховного Суда РФ В.М. Лебедева, за последние 20 лет численность лиц, осужденных к лишению свободы, сократилась более чем в 2 раза [15].

Посмотрим на данные судебной статистики за последние 10 лет (2013–2022) более детально (табл. 1) [3].

Таблица 1
Данные судебной статистики за 2013–2022 гг.
о применении отдельных видов наказаний

Показатель	2013 г.	2015 г.	2019 г.	2022 г.
Осуждено всего (лиц)	735 340	734 581	598 207	578 751
Из них				
Пожизненное лишение свободы	67	61	50	59
Лишение свободы на определенный срок	209 728	211 425	175 117	167 165
Условное лишение свободы	201 538	170 958	157 512	153 745
Содержание в дисциплинарной воинской части	275	191	108	81
Принудительные работы	–	–	1 406	3 139
Ограничение свободы	32 042	20 840	20 418	21 574
Ограничение по военной службе	140	205	238	253
Исправительные работы	75 778	60 821	50 021	48 566
Обязательные работы	73 172	74 093	99 655	86 311
Лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью	246	206	164	111
Штраф	116 176	86 758	74 754	73 491

Эти же цифры, но преобразованные в проценты, выглядят несколько иначе. Так, доля лиц, осужденных к реальному и условному лишению свободы, стабильна и, начиная с 2013 г., колеблется в диапазоне 52–56% от общего числа осужденных, в 2022 г. – 55,5%. Также с минимальными отклонениями продолжает оставаться стабильной доля лиц, осужденных к реальному лишению свободы, – 28–29%, штрафу (12–13%) и исправительным работам (8–10%). По образному выражению В.А. Уткина, сформировался своего рода устойчивый «пул» наиболее часто применяемых наказаний – лишение свободы реально и условно, исправительные работы, обязательные работы и штраф [1. С. 122].

Обращаясь к практике применения наказаний, связанных с привлечением к труду, следует отметить, что они составляют почти четверть всех осужденных (суммарно – это осужденные к обязательным и исправительным работам, ограничению по военной службе, принудительным работам). Причем доля таких лиц в общем числе осужденных за исследуемый период немного, но выросла с 20 до 24%, хотя в абсолютном значении цифры снизились: на момент написания статьи – это 138 256 человек.

На этом фоне закономерно, что сплетение различных факторов (разной направленности, содержания, масштабов проявления) – политических, демографических и др. – обусловило и внимание СМИ к такому специфическому сегменту трудовых ресурсов, как осужденные [16–19]. В настоящее время тревога по поводу необходимости освоения огромных российских территорий, обеспечения экономического и технологического суверенитета страны и соответствующих этим задачам перспектив рынка труда только усилилась. Соответственно, рассматриваемая тема еще более актуализировалась.

Следует подчеркнуть, что уголовное право не является регулятором экономики, но их связь очевидна, многоаспектна и разнонаправлена. С одной стороны, экономика и собственность являются важнейшими объектами уголовно-правовой охраны, с другой стороны, в уголовно-правовом дискурсе реально существуют такие понятия, как цена преступности, цена наказания, труд осужденных и в целом пенитенциарная (тюремная) экономика. Труд осужденных широко использовался раньше и используется сейчас практически во всех странах мира. Не является исключением и Российское государство. Сегодня в РФ применяются 4 вида «трудовых» уголовных наказаний: обязательные работы, исправительные работы, принудительные работы, ограничение по военной службе. Использование труда лиц, отбывающих лишение свободы, также весьма заметно, имея в виду, что труд признается важнейшим инструментом достижения цели исправления осужденных и элементом режима отбывания наказания. Кажется немало, но, тем не менее, высказывается мнение, что привлечение осужденных к труду может увеличить численность рабочей силы в России примерно на 150–185 тыс. человек и что пока этот потенциал не используется в должной мере, хотя бизнес остро нуждается в рабочих руках [20].

Разделяя мнение о возможности использования труда осужденных для решения экономических задач, полагаем, что достижение этой цели может лежать в плоскости модификации принудительных работ как вида уголовного наказания.

На наш взгляд, этот относительно новый вид наказания (применяется с 2017 г.) так и не завоевал доверие судов и остался «пасынком» действующей системы уголовных наказаний³, что видно из данных, представленных в табл. 2 [3].

Таблица 2

Принудительные работы в системе уголовных наказаний

Главы УК	Всего статей	Кол-во статей, в санкциях которых предусмотрено наказание в виде ПР	Всего осуждено, лиц	Число осужденных к ПР, чел.	Число осужденных к ПР, %
16	25	20	60 279	196	0,3
17	6	6	523	3	0,6
18	5	3	7 603	16	0,2
19	20	17	3 491	3	0,09
20	9	2	50 546, из них по ст. 157 – 48 927	593	1,2
21	17	17	227 807, из них по ч. 2–3 ст. 158 – 116 427	592	0,5
			ч. 2 ст. 161 – 8 090	1 176	
				545	
22	61	53	9 841	69	0,9
23	9	3	458	36	0,4
24	44	22	10 832	2	0,4
25	35	22	76 420	31	0,3
26	18	14	6 495	49	0,06
27	15	10	64 101, из них по: ст. 264.1 – 55 602	20	0,3
				751	1,2
28	5	5	280	631	1,1
29	26	9	668	0	0
30	19	13	8 687	11	1,6
31	25	17	13 471	7	0,08
32	23	15	35 841, из них по: ст. 317–319 – 12 903	111	0,8
				133	0,4
33–34	23	0	1 408	89	0,7
	11	1		1	0,07
Итого	395	249	578 751	3 139	0,5

Как мы видим, принудительные работы указаны в санкциях 249 из 395 статей Особенной части УК (учтены все статьи, если хотя бы в одной части предусмотрены принудительные работы). Конкретно, их содержат все статьи гл. 21 «Преступления против собственности» (17 из 17), в гл. 22 «Преступления в сфере экономической деятельности» они есть в санкциях 53 статей из 61, в статьях гл. 16 «Преступления против жизни и здоровья» – в 20 из 25, в гл. 19 «Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина» – в 17 из 20 и т.д. То есть законодательная представленность данного наказания в Особенной части УК очень высокая и не зависит от направленности преступлений. Правда, вызывает недоумение наличие принудительных работ в санкциях некоторых статей, например, ст. 313 «Побег из места лишения свободы, из-под ареста или из-под стражи» и ч. 2 ст. 314 «Уклонение от отбывания ограничения свободы, лишения свободы, а также от применения принудительных мер медицинского характера». Обращают на себя внимание, скорее в негативном плане, и санкции ч. 1 ст. 159.1, 159.2, 159.3, 159.5, 159.6 и 207 УК РФ, где принудительные работы указаны безальтернативно лишению свободы, что не согласуется с положениями ст. 53.1 УК РФ. В этой связи согласимся с Ю. Голиком, который еще в 2012 г. отмечал, что «к изменению санкций путем включения в них принудительных работ законодатель подошел, прямо говоря, механически» [21. С. 38].

Из представленных в табл. 2 данных также видно следующее: несмотря на то что возможность назначения принудительных работ предусмотрена практически в 2/3 имеющихся статей Особенной части УК РФ, суды ее игнорируют: число осужденных к принудительным работам по гл. 16 – 196 чел., или 0,3% от общего числа осужденных по этой главе; по гл. 19 – 3 491 чел., или 0,09%; гл. 21 – 1 176 чел., или 0,5%; гл. 22 – 36 чел., или 0,4% соответственно.

Полагаем, что такое «недоверие» судов к принудительным работам можно объяснить несколькими причинами, а именно:

Приверженность традиционным подходам к назначению наказания. Комментируя сложившуюся судебную практику, известный российский ученый А.И. Бойко отмечал несопоставимость количества реально совершенных в стране преступлений и назначенных за них видов наказаний, «...на сегодняшний день... на все это “богатство” (преступлений. – Авт.) суды отвечают преимущественно лишением свободы, штрафом и условным осуждением» [22. С. 74].

Противоречивость правовой природы принудительных работ. «Принудительные работы применяются как альтернатива лишению свободы в случаях, предусмотренных соответствующими статьями Особенной части настоящего Кодекса, за совершение преступления небольшой или средней тяжести либо за совершение тяжкого преступления впервые» (ч. 1 ст. 53.1 УК РФ). Толкование закона приводит к выводу о двойственной природе принудительных работ. С одной стороны, любое наказание, не связанное с лишением свободы, определяется как его альтернатива.

С другой стороны, законодатель фактически указывает на несамостоятельный характер принудительных работ, рассматривая их, прежде всего, в качестве заменяющего наказания. Такое законодательное решение осложняет самостоятельное назначение принудительных работ. По подсчетам Ф.В. Грушина, «особенности законодательного регулирования привели к тому, что подавляющее большинство осужденных (около 70%) отбывают принудительные работы на основании замены лишения свободы более мягким видом наказания в порядке ст. 80 УК РФ. Еще около 10% – это осужденные, которым принудительные работы назначены за злостное уклонение от более мягких видов уголовных наказаний» [23. С. 293]. Аналогичный вывод делает и П.А. Скобликов [24. С. 235–236].

Представляется неудачной формулировка ч. 2 ст. 53.1 УК, в соответствии с которой «если, назначив наказание в виде лишения свободы, суд придет к выводу о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, он постановляет заменить осужденному наказание в виде лишения свободы исправительными работами». И вот почему. Требование закона сначала назначить одно наказание (причем более строгое – лишение свободы), а потом заменить его другим (более мягким – принудительными работами) прямо противоречит ч. 1 ст. 60 УК РФ «Общие начала назначения наказания», которая предписывает обратную логику принятия решения: «Более строгий вид наказания из числа предусмотренных за совершение преступления назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания». На этот противоречивый алгоритм принятия решения о назначении принудительных работ обращал внимание и В.А. Уткин [1. С. 220]. Добавим, что практически тождественную нормативную установку содержит и ч. 1 ст. 73 УК РФ.

Наличие многочисленных ограничений для назначения принудительных работ. Перечень ограничений для назначения принудительных работ заметно шире, чем применительно к другим видам наказаний, связанных с трудом, и включает запрет на назначение принудительных работ несовершеннолетним, лицам, признанным инвалидами первой или второй группы, беременным женщинам, женщинам, имеющим детей в возрасте до трех лет, пенсионерам, военнослужащим. Полагаем целесообразным сократить этот перечень и максимально синхронизировать его с ограничениями, установленными для обязательных и исправительных работ. Правда, к этим ограничениям есть свои замечания, например, касающиеся возможности назначения обязательных и исправительных работ мужчинам, являющимся единственным родителем ребенка в возрасте до 3-х лет, в то время как женщинам в аналогичной ситуации они не назначаются. Однако этот вопрос заслуживает отдельного изучения.

«Схожесть до степени смешения» принудительных работ и лишения свободы, отбываемого в колонии-поселении. И один, и другой вид наказания отбываются в учреждениях уголовно-исполнительной системы хотя и с разным наименованием, но сопоставимыми условиями:

- осужденные проживают в специально предназначенных общежитиях;
- осужденные находятся под надзором администрации соответствующего исправительного учреждения;
- предусмотрены определенные ограничения свободы передвижения как в пределах территории колонии-поселения/исправительного центра, так и в связи с выходом за их пределы;
- осужденные обязаны подчиняться правилам внутреннего распорядка соответствующего учреждения и др.

Неслучайно даже предлагалось реформировать колонии-поселения путем их преобразования в исправительные центры, а большинство УФИЦ созданы именно там.

Принципиальное различие данных видов наказаний состоит в том, что принудительные работы – это, прежде всего, обязательный труд в условиях надзора за передвижением и поведением, а лишение свободы в колонии-поселении – это, прежде всего, изоляция от общества, хотя и с допущением элементов свободы передвижения, плюс возможное привлечение к труду.

Изучение дислокации исправительных центров показывает (рис. 1), что по состоянию на 08.06.2023 г. в РФ создано 377 исправительных центров (ИЦ) и участков, функционирующих как исправительный центр (далее УФИЦ) в 82 из 89 субъектов Российской Феде-

рации [25]. Территориально они сосредоточены преимущественно в густонаселенной экономически развитой европейской части страны и точно в отдельных регионах Сибири. Наибольшее количество ИЦ/УФИЦ расположено на территории Московской области – 16, далее идут Волгоградская область – 11, Республика Татарстан, Красноярский край, Новосибирская область – по 10 и, наконец, Краснодарский и Приморский края по 9, а на территории Пермского края, Кемеровской области-Кузбасса, Нижегородской, Оренбургской и Свердловской областей по 8 ИЦ/УФИЦ соответственно. Максимальная концентрация ИЦ/УФИЦ предсказуемо наблюдается не только в экономически развитых регионах, но и в регионах с более высоким коэффициентом преступности [26]. В первую очередь, это касается г. Москвы и Московской области.

Интересно также обратить внимание и на тот факт, что специально созданных ИЦ для отбывания принудительных работ, как мы можем судить по данным ФСИН, около трети (117) от общего количества мест, где осужденные могут отбывать данный вид наказания; преимущественно это УФИЦ, организованные «на базе» колоний-поселений (51) или исправительных колоний (193).

Рис. 1. Дислокация ИЦ/УФИЦ

Основываясь на данных о количестве осужденных к разным видам наказаний, в том числе к принудительным работам (в 2022 г. это 3 139 чел.), и информации о дислокации ИЦ/УФИЦ, мы не можем разделить оптимистичные оценки СМИ о том, что на пользу экономики могут быть задействованы более 150 тыс. чел. [20]. Тем более, что по признанию Директора ФСИН А. Гостева [27], действующие в настоящий момент ИЦ/УФИЦ рассчитаны на 40 тыс. мест. Даже если предположить резкое увеличение количество мест в

ИЦ/УФИЦ, то тогда нужно поставить вопрос о том, каким образом трудоспособных осужденных и кого именно из них можно привлечь к труду в тех регионах, которые в наибольшей степени нуждаются в развитии и соответственно в трудовых ресурсах?

Наше предложение заключается в дополнении принудительных работ принципом экстерриториальности. Иными словами, речь идет о назначении принудительных работ вне места жительства осужденного.

Полагаем, что такая «перенастройка» принудительных работ не увеличит существенно его карательное содержание, а только подтвердит место в системе в качестве «буферного» промежуточного наказания между «свободой и несвободой» [1. С. 222]: с одной стороны, лица, осужденные к принудительным работам, не относятся к числу лиц, отбывающих или отбывших лишение свободы, что в некоторых правовых ситуациях является принципиально важным, а с другой стороны, условия отбывания данного вида наказания предполагают строгий контроль за поведением и передвижением осужденных.

Концентрация исправительных центров в густонаселенных экономически развитых регионах, как было показано на рис. 1, обусловлена нормативным регулированием. Законодательство предусматривает, хотя и не гарантирует, отбывание наказания в пределах территории субъекта Российской Федерации, в котором осужденные к принудительным работам проживали или были осуждены (ч. 1 ст. 60.1 УИК РФ). В свою очередь, это объясняется стремлением сохранить социальные связи, что, по мнению законодателя, должно облегчить ресоциализацию после отбытия наказания. Общеизвестно, что уровень преступности выше в густонаселенных регионах, большую часть преступлений в них совершают аборигены – местные жители. Территориальный принцип, заложенный в основу исполнения наказания как лишения свободы, так и принудительных работ, влечет необходимость создания в густонаселенных регионах большего числа учреждений УИС, а это обуславливает концентрацию в них и лиц с криминальной жизненной историей. Возникает порочный круг (*circulus vitiosus*) – самоподдерживающаяся негативная нежелательная ситуация. Необходим новый подход, на основании которого исправительные центры должны создаваться не там, где выше уровень преступности и больше число осужденных, а там, где криминологически и экономически более обосновано.

Кроме того, сейчас самым радикальным образом изменилась социальная коммуникация, которая во многом переместилась из сферы непосредственного физического взаимодействия людей, в том числе и близких родственников, в электронное пространство. С помощью разумного регулирования использования осужденными мобильных средств связи, предоставления краткосрочных отпусков для посещения семьи с фиксируемой геолокацией передвижения осужденных и т.п. вопрос сохранения/поддержания социальных связей может быть снят. Тем более, что совсем недавно принятый закон «О пробации» [28], который вступает в действие с 01.01.2024, к числу основных обязанностей субъектов пробации относит восстановление и укрепление социальных связей осужденных, отбывающих и (или) отбывших лишение свободы и принудительные работы. В контексте этих положений нового закона просматривается признание фактической экстерриториальности при исполнении указанных видов наказаний.

Уместно отметить, что УК РФ не определяет конкретно место отбывания как принудительных работ, так и лишения свободы. Точное указание имеется

только в отношении исправительных работ: «Осужденный, имеющий основное место работы, отбывает исправительные работы по основному месту работы. Осужденный, не имеющий основного места работы, отбывает исправительные работы в местах, определяемых органами местного самоуправления по согласованию с уголовно-исполнительными инспекциями, но в районе места жительства осужденного» (ч. 1 ст. 50 УК РФ). Уголовно-исполнительный кодекс этому вопросу уделяет большее внимание, но правило, даже с исключениями, установленное в ст. 60.1 (относительно принудительных работ) и 73 (относительно лишения свободы) УИК РФ, далеко не всегда соблюдается, и на самом деле осужденные к лишению свободы или принудительным работам отбывают наказание в тех учреждениях уголовно-исполнительной системы, в которых на момент исполнения наказания есть места. Косвенно это также свидетельствует о том, что принцип экстерриториальности уже существует, но в вынужденном и искаженном виде.

Таким образом, дополнение принудительных работ принципом экстерриториальности, по сути, не будет означать введения дополнительных избыточных ограничений для осужденного.

При этом все же принудительные работы, отбываемые по месту жительства осужденного, должны сохраниться, т.е. этот вид наказания будет дифференцированным по аналогии с исправительными работами. В связи с этим считаем необходимым также пересмотреть ограничения, установленные ч. 7 ст. 53.1 УК РФ. По нашему мнению, серьезные (с учетом соответствующих требований ТК РФ) принудительные работы по месту проживания вполне могут назначаться несовершеннолетним в возрасте от 16 до 18 лет, а также лицам пенсионного возраста, сохранившим трудоспособность и желание трудиться. Тем более, что в последнем случае соответствующая ситуация уже попадала в поле зрения Конституционного Суда РФ, который признал, что достижение осужденным определенного возраста не является само по себе препятствием для применения принудительных работ. Важно учитывать «состояние его здоровья, в том числе с учетом перспектив его динамики на срок возможного отбывания данного вида наказания...» [29]. Более того, в ч. 2 ст. 103 УИК РФ «Привлечение к труду осужденных к лишению свободы» четко определено, что «осужденные, достигшие возраста, дающего право на назначение страховой пенсии по старости в соответствии с законодательством Российской Федерации... привлекаются к труду *по их желанию (выделено авторами)* в соответствии с законодательством Российской Федерации о труде...». Таким образом, исключение из принципа экстерриториальности необходимо предусмотреть для несовершеннолетних, трудоспособных лиц, достигших пенсионного возраста, а равно женщин, имеющих несовершеннолетних детей, а также мужчин, являющихся единственным родителем ребенка в возрасте до 18 лет.

Корректировки, по нашему мнению, требует и перечень преступлений, за которые могут быть назначены принудительные работы. В настоящее время это преступления небольшой или средней тяжести либо

тяжкие преступления, совершенные впервые. Предлагаем определить этот перечень иначе и распространить возможность назначения принудительных работ на неосторожные преступления с учетом того, что они могут теперь относиться ко всем категориям, за исключением особо тяжких. И количество судимостей в данном случае не должно играть никакой роли. Таким образом, считаем, что принудительные работы должны применяться за неосторожные преступления, а также за умышленные преступления небольшой, средней тяжести либо за совершенные впервые умышленные тяжкие преступления.

Отдельного внимания и изучения заслуживает потенциал принудительных работ как наказания за коррупционные преступления. Полагаем, что наказание трудом для осужденных за эти преступления будет более эффективным, чем кратные, миллионные, а потому неисполняемые штрафы. На потенциальную эффективность «трудовых» наказаний в отношении коррупционеров уже обращалось внимание в юридической литературе. Невысокий уровень применения принудительных работ предсказуемо объяснялся недостаточностью исправительных центров и мест в них [30. С. 170–171]. Однако сейчас ситуация изменилась. Как уже отмечалось выше, на территории 82 субъектов РФ созданы и функционируют более 370 ИЦ/УФИЦ и обозначена перспектива дальнейшего их развития. Считаем, что исправительный эффект честного труда с

удержанием части заработной платы в доход государства по отношению к коррупционерам в настоящее время недооценен.

В заключение подчеркнем, что принудительные работы в обновленном формате, по нашему мнению, вызывают позитивный мультипликативный синергетический эффект:

– для осужденных: получение новых профессий; работа, предполагающая получение заработной платы; возможность погашения ущерба (а это, в свою очередь, возможность условно-досрочного освобождения от отбывания наказания); возможность проживания с семьей и пр. Все это «работает» на ресоциализацию осужденного;

– для субъектов экономики: привлечение трудовых ресурсов, подготовка кадрового резерва, расширение производства [31, 32];

– для государства (помимо экономического эффекта, обозначенного выше): строительство объектов социальной инфраструктуры, освоение удаленных (труднодоступных) и новых территорий, развитие оседлости населения в таких территориях.

Но самое главное, подобная переориентация системы уголовных наказаний позволит снизить долю лиц, лишенных свободы, дать новый шанс и осужденным, и соответствующим территориям, а следовательно, обществу.

Примечания

¹ Этот вопрос активно обсуждается как в научной среде, так и правоприменителями. В частности, по этому поводу активно высказываются А.В. Наумов [9], а также руководитель Следственного комитета России А. Бастрыкин [10].

² Справедливости ради отметим, что принудительные работы – это не вполне новый вид наказания. Его новизна в названии, а вот содержательно – это, скорее, модификация ограничения свободы, к которому присоединили дополнительный «карательный компонент» в виде обязательного привлечения к труду. Гораздо большей новизной в этом плане обладает как раз таки ограничение свободы, получившее новое содержание (ФЗ от 27.12.2009 № 377-ФЗ), основанное на использовании новых технологий (электронные браслеты). Кстати, предложений об инновационных наказаниях, основанных на новых технологиях, в литературе пока нет, за очень редким исключением. Например, авторы настоящей статьи предлагали принудительное видеонаблюдение в отношении домашних абьюзеров [14. С. 50–51].

³ В числе действующих наказаний принудительные работы – одно из наиболее спорных. С момента его появления в УК РФ ведутся дискуссии о самостоятельности принудительных работ, противоречивом порядке их назначения, корректности названия и дальнейших перспектив применения вплоть до предложений об упразднении этого вида наказания к прежней концепции ограничения свободы.

Список источников

1. Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск : Издательский Дом Томского государственного университета, 2018. 240 с.
2. Сафонов А.Л., Песков С.О. Формирование источников резервной рабочей силы в России из числа осужденных // Социально-трудовые исследования. 2023. № 2. С. 38–49.
3. Данные судебной статистики // Судебный департамент при Верховном суде Российской Федерации. URL: <http://www.cdep.ru/?id=79>
4. Уголовный кодекс Российской Федерации (научный проект) / Н.А. Лопашенко, Р.О. Долотов, Е.В. Кобзева, К.М. Хутов ; под ред. Н.А. Лопашенко. М., 2019. 320 с.
5. Подвойкина И.А. Теоретические основы построения системы наказаний в уголовном законодательстве России : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2017. 44 с.
6. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс : в 10 т. Т. I: Понятие, цели уголовного наказания. Система уголовного наказания. Кн. 2. Цели, система и эффективность уголовного наказания / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2021. 760 с.
7. Уголовное право. Общая часть. Наказание. Академический курс : в 10 т. Т. II: Виды уголовного наказания: дополнительные, специальные, не применяющиеся / под ред. Н.А. Лопашенко. М. : Юрлитинформ, 2020. 736 с.
8. Щедрин Н.В. Основные направления реформирования системы мер уголовного воздействия: опыт законодательного проектирования // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2012. № 2. С. 5–13.
9. Наумов А.В. Уголовная ответственность юридических лиц (доктринальные и правотворческие аспекты) // Право и государство. 2017. № 1-2. С. 106–118.
10. Александр Бастрыкин выступил за введение уголовной ответственности для юридических лиц // Российская газета. 13.05.2023. URL: <https://rg.ru/2023/05/13/aleksandr-bastrykin-vystupil-za-vvedenie-ugolovnoj-otvetstvennosti-dlia-iuridicheskikh-lic.html>
11. Скиба А.П., Родионов А.В. О реанимации ссылки как уголовного наказания: правовые и экономические аспекты // Уголовно-исполнительное право. 2016. № 4. С. 17–21.
12. Милоков С.Ф. Российское уголовное законодательство: опыт критического анализа. СПб., 2000. 279 с.
13. Буш В.В. Принудительные работы как вид наказания в уголовном праве России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. 22 с.

14. Артемченко Н.В., Шимбарева Н.Г. Дети-жертвы семейного насилия: ответственность за «родительские» преступления // Российская юстиция. 2020. № 12. С. 47–51.
15. Вячеслав Лебедев принял участие в совещании председателей Верховных судов государств – членов ШОС // Верховный Суд Российской Федерации. 18.08.2022. URL: http://www.supcourt.ru/press_center/news/31459/
16. В России создали 367 исправительных центров на 40 тыс. осужденных на принудительные работы // ТАСС. 13.03.2023. URL: <https://tass.ru/obschestvo/17251091>
17. Использование труда осужденных признают социальным бизнесом // Право.ru. 02.06.2021. URL: <https://pravo.ru/news/232177/>
18. Башлыкова Н. Вердикт труда: к 2030-му в исправработках смогут задействовать всех осужденных // Известия. 26.05.2021. URL: <https://iz.ru/1168955/natalia-bashlykova/verdict-truda-k-2030-mu-v-ispravrabotakh-smogut-zadeistvovat-vsekh-osuzhdennykh>
19. Дробышева И., Мифтахутдинова Н., Набивачев С. Как используют труд заключенных на Дальнем Востоке // Российская газета. 10.03.2022. URL: <https://rg.ru/2022/03/10/reg-dfo/kak-ispolzuiut-trud-zakliuchennykh-na-dalнем-vostoke.html>
20. Виноградова Е. Эксперты предложили бороться с дефицитом кадров с помощью осужденных. Бизнес выразил готовность искать сотрудников в колониях // РБК. 21.06.2023. URL: <https://www.rbc.ru/economics/21/06/2023/649185d39a79473830be525a>
21. Голик Ю. Очередная модернизация Уголовного кодекса // Уголовное право. 2012. № 2. С. 29–34.
22. Бойко А.И. Современное правосознание и реформы в сфере противодействия преступности (диалектика классики и новаторства) // Вестник юридического факультета ЮФУ. 2022. Т. 9, № 1. С. 69–79.
23. Грушин Ф.В. Некоторые теоретические и практические проблемы системы уголовных наказаний // Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16, № 3. С. 291–295.
24. Скобликов П.А. Принудительные работы по УК РФ: история появления, практика применения, правовое регулирование, его дефекты и способы устранения // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 488. С. 232–241. DOI: 10.17223/15617793/488/25
25. Исправительные центры // Федеральная служба исполнения наказаний. URL: <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/>
26. Карта показателей преступности России // Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: http://crimestat.ru/offenses_map
27. Гостев А. ФСИН отчиталась о создании 367 исправительных центров для осужденных на принудительные работы // Коммерсантъ. 13.03.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5874028>
28. Федеральный закон от 6 февраля 2023 г. № 10-ФЗ «О пробации в Российской Федерации» // Российская газета. 09.02.2023. URL: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>
29. Постановление Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 8-П «По делу о проверке конституционности части седьмой статьи 53.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В.Н. Егорова» // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410364/
30. Бугаевская Н.В. Применение наказаний, связанных с трудовым воздействием в отношении осужденных за коррупционные преступления // IV Международный пенитенциарный форум «Преступление, наказание, исправление»: сб. тез. выступлений и докладов участников (к 140-летию уголовно-исполнительной системы России и 85-летию Академии ФСИН России): в 10 т. Т. 6. Рязань: Академия ФСИН России, 2019. С. 168–171.
31. К работе на донских предприятиях начали привлекать заключенных // Панорама. 19.07.2023. URL: https://www.panram.ru/news/biznes/k-rabote-na-donskikh-predpriyatiyakh-nachali-privlekat-zaklyuchennykh/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
32. Ozon трудоустроит более 500 осужденных // ТАСС. 24.07.2023. URL: https://tass.ru/ekonomika/18344141?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

References

1. Utkin, V.A. (2018) *Problemy teorii ugovolnykh nakazaniy: kurs lektsiy* [Problems of the theory of criminal penalties: a course of lectures]. Tomsk: Tomsk State University.
2. Safonov, A.L. & Peskov, S.O. (2023) Formirovanie istochnikov rezervnoy rabochey sily v Rossii iz chisla osuzhdennykh [Formation of sources of reserve labor force in Russia from convicts]. *Sotsial'no-trudovye issledovaniya*. 2. pp. 38–49.
3. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (n.d.) *Data from judicial statistics*. [Online] Available from: <http://www.cdep.ru/?id=79> (In Russian).
4. Lopashenko, N.A. (ed.) (2019) *Ugolovnyy kodeks Rossiyskoy Federatsii (nauchnyy proekt)* [Criminal Code of the Russian Federation (scientific project)]. Moscow: [s.n.].
5. Podroykina, I.A. (2017) *Teoreticheskie osnovy postroeniya sistemy nakazaniy v ugovolnom zakonodatel'stve Rossii* [Theoretical foundations for constructing a punishment system in the criminal legislation of Russia]. Abstract of Law Dr. Diss. Omsk.
6. Lopashenko, N.A. (ed.) (2021) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskii kurs: v 10 t.* [Criminal law. A general part. Punishment. Academic course: in 10 volumes]. Vol. I. Book 2. Moscow: Yurлитinform.
7. Lopashenko, N.A. (ed.) (2020) *Ugolovnoe pravo. Obshchaya chast'. Nakazanie. Akademicheskii kurs: v 10 t.* [Criminal law. A general part. Punishment. Academic course: in 10 volumes]. Vol. II. Moscow: Yurлитinform.
8. Shchedrin, N.V. (2012) Osnovnye napravleniya reformirovaniya sistemy mer ugovolnogo vozdeystviya: opyt zakonodatel'nogo proektirovaniya [Main directions of reforming the system of criminal measures: experience of legislative design]. *Kriminologicheskii zhurnal Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava*. 2. pp. 5–13.
9. Naumov, A.V. (2017) Ugolovnaya otvetstvennost' yuridicheskikh lits (doktrinal'nye i pravotvorcheskie aspekty) [Criminal liability of legal entities (doctrinal and law-making aspects)]. *Pravo i gosudarstvo*. 1-2. pp. 106–118.
10. *Rossiyskaya gazeta*. (2023) Aleksandr Bastrykin vystupil za vvedenie ugovolnoy otvetstvennosti dlya yuridicheskikh lits [Alexander Bastrykin advocated the introduction of criminal liability for legal entities]. 13 May. [Online] Available from: <https://rg.ru/2023/05/13/aleksandr-bastrykin-vystupil-za-vvedenie-ugolovnoy-otvetstvennosti-dlia-yuridicheskikh-lits.html>
11. Skiba, A.P. & Rodionov, A.V. (2016) O reanimatsii ssylki kak ugovolnogo nakazaniya: pravovye i ekonomicheskie aspekty [On the reanimation of exile as a criminal punishment: legal and economic aspects]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 4. pp. 17–21.
12. Milyukov, S.F. (2000) *Rossiyskoe ugovolnoe zakonodatel'stvo: opyt kriticheskogo analiza* [Russian criminal legislation: experience of critical analysis]. St. Petersburg: [s.n.].
13. Bush, V.V. (2015) *Prinuditel'nye raboty kak vid nakazaniya v ugovolnom prave Rossii* [Forced labor as a type of punishment in Russian criminal law]. Abstract of Law Cand. Diss. Krasnodar.
14. Artemenko, N.V. & Shimbareva, N.G. (2020) Deti-zhertvy semeynogo nasiliya: otvetstvennost' za "roditel'skie" prestupleniya [Children victims of family violence: liability for "parental" crimes]. *Rossiyskaya yustitsiya*. 12. pp. 47–51.
15. Supreme Court of the Russian Federation. (2022) *Vyacheslav Lebedev took part in a meeting of the chairmen of the Supreme Courts of the SCO member states*. 18 August. [Online] Available from: http://www.supcourt.ru/press_center/news/31459/ (In Russian).
16. TASS. (2023) *V Rossii sozdali 367 ispravitel'nykh tsentrov na 40 tys. osuzhdennykh na prinuditel'nye raboty* [In Russia, 367 correctional centers were created for 40 thousand people sentenced to forced labor]. 13 March. [Online] Available from: <https://tass.ru/obschestvo/17251091>

17. Pravo.ru. (2021) *The use of labor of convicts is recognized as social business*. 02 June. [Online] Available from: <https://pravo.ru/news/232177/> (In Russian).
18. Bashlykova, N. (2021) Verdikt truda: k 2030-mu v ispravrabotakh smogut zadeystvovat' vsekh osuzhdennykh [Labor verdict: by 2030, all convicts will be able to be involved in correctional work]. *Izvestiya*. 26 May. [Online] Available from: <https://iz.ru/1168955/natalia-bashlykova/verdict-truda-k-2030-mu-v-ispravrabotakh-smogut-zadeystvovat-vsekh-osuzhdennykh>
19. Drobysheva, I., Miftakhutdinova, N. & Nabivachev, S. (2022) Kak ispol'zuyut trud zaklyuchennykh na Dal'nem Vostoke [How the labor of prisoners is used in the Far East]. *Rossiyskaya gazeta*. 10 March. [Online] Available from: <https://rg.ru/2022/03/10/reg-dfo/kak-ispolzuiut-trud-zaklyuchennykh-na-dalnem-vostoke.html>
20. Vinogradova, E. (2023) *Eksperty predlozhili borot'sya s defitsitom kadrov s pomoshch'yu osuzhdennykh. Biznes vyrazil gotovnost' iskat' sotrudnikov v koloniyakh* [Experts proposed to combat the shortage of personnel with the help of convicts. Business has expressed its readiness to look for employees in colonies]. RBK. 21 June. [Online] Available from: <https://www.rbc.ru/economics/21/06/2023/649185d39a79473830be525a>
21. Golik, Yu. (2012) Ocherednaya modernizatsiya Ugolovnogo kodeksa [Another modernization of the Criminal Code]. *Ugolovnoe pravo*. 2. pp. 29–34.
22. Boyko, A.I. (2022) Sovremennoe pravosoznanie i reformy v sfere protivodeystviya prestupnosti (dialektika klassiki i novatorstva) [Modern legal consciousness and reforms in the field of combating crime (dialectics of classics and innovations)]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta YuFU*. 9 (1). pp. 69–79.
23. Grushin, F.V. (2021) Nekotorye teoreticheskie i prakticheskie problemy sistemy ugolovnykh nakazaniy [Some theoretical and practical problems of the criminal punishment system]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 16 (3). pp. 291–295.
24. Skoblikov, P.A. (2023) Forced Labor as a Type of Criminal Punishment: The History of Occurrence, Grounds for Appointment, Content, Defects in Legal Regulation and Ways to Eliminate Them. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 488. pp. 232–241. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/488/25
25. Federal Penitentiary Service. (n.d.) *Correctional centers*. [Online] Available from: <https://fsin.gov.ru/ispravitelnye-tsentry/> (In Russian).
26. Legal Statistics Portal of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (n.d.) *Map of crime indicators in Russia*. [Online] Available from: http://crimestat.ru/offenses_map (In Russian).
27. Gostev, A. (2023) *FSIN otchitalas' o sozdanii 367 ispravitel'nykh tsentrov dlya osuzhdennykh na prinuditel'nye raboty* [Federal Penitentiary Service reported on the creation of 367 correctional centers for those sentenced to forced labor]. *Kommersant*. 13 March. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/5874028>
28. *Rossiyskaya gazeta*. (2023) Federal'nyy zakon ot 6 fevralya 2023 g. № 10-FZ "O probatsii v Rossiyskoy Federatsii" [Federal Law of February 6, 2023, No. 10-FZ: On Probation in the Russian Federation]. 09 February. [Online] Available from: <https://rg.ru/documents/2023/02/09/probacia.html>
29. Consultant Plus. (2022) *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated February 24, 2022. No. 8-P "In the case of verifying the constitutionality of part seven of Article 53.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen V.N. Egorov"*. [Online] Available from: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_410364/ (In Russian).
30. Bugaevskaya, N.V. (2019) [Application of punishments related to labor influence in relation to those convicted of corruption crimes]. *Prestuplenie, nakazanie, ispravlenie* [Crime, Punishment, Correction]. Proceedings of the IV International Penitentiary Forum. In 10 volumes. Vol. 6. Ryazan: Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia. pp. 168–171. (In Russian).
31. Panorama. (2023) *K rabote na donskikh predpriyatiyakh nachali privlekat' zaklyuchennykh* [Prisoners began to be recruited to work at Don enterprises]. 19 July. [Online] Available from: https://www.panram.ru/news/biznes/k-rabote-na-donskikh-predpriyatiyakh-nachali-privlekat-zaklyuchennykh/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
32. TASS. (2023) *Ozon trudoustroit bolee 500 osuzhdennykh* [Ozon will employ more than 500 convicts]. 24 July. [Online] Available from: https://tass.ru/ekonomika/18344141?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

Информация об авторах:

Артемченко Н.В. – канд. юрид. наук, зав. кафедрой уголовного права и криминологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: nvartemenko@sfedu.ru / artemenko73@yandex.ru

Шимбарева Н.Г. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права и криминологии Южного федерального университета (Ростов-на-Дону, Россия). E-mail: ngshimbareva@sfedu.ru / nina_shimbareva@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

N.V. Artemenko, Cand. Sci. (Law), head of the Department of Criminal Law and Criminology, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: nvartemenko@sfedu.ru / artemenko73@yandex.ru

N.G. Shimbareva, Cand. Sci. (Law), associate professor, Southern Federal University (Rostov-on-Don, Russian Federation). E-mail: ngshimbareva@sfedu.ru / nina_shimbareva@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 23.09.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 23.09.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 343.8
doi: 10.17223/15617793/498/23

Осуществление контроля за осужденными к ограничению свободы: некоторые проблемные аспекты

Михаил Борисович Глазков¹, Евгения Игоревна Глазкова²

¹ Томский институт повышения квалификации работников ФСИН России, Томск, Россия, mikhail_nvkh@mail.ru

² Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, becki_00@mail.ru

Аннотация. Рассматриваются вопросы, с которыми сталкивается правоприменитель, исполняя запреты и ограничения при осуществлении надзора за осужденными к наказанию в виде ограничения свободы. На основании анализа выявленных проблем сделан вывод о необходимости внесения изменений в действующее законодательство, которые могли бы повысить эффективность исполнения данного вида наказания.

Ключевые слова: ограничение свободы, замена наказания более мягким видом, исполнение наказаний, наказания без изоляции от общества, уголовно-исполнительные инспекции

Для цитирования: Глазков М.Б., Глазкова Е.И. Осуществление контроля за осужденными к ограничению свободы: некоторые проблемные аспекты // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 209–216. doi: 10.17223/15617793/498/23

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/23

Monitoring of persons sentenced to restriction of liberty: Some problematic aspects

Mikhail B. Glazkov¹, Evgeniya I. Glazkova²

¹ Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia, Tomsk, Russian Federation, mikhail_nvkh@mail.ru

² National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, becki_00@mail.ru

Abstract. The article examines the issues law enforcement officers face when fulfilling prohibitions and restrictions in the supervision of persons sentenced to punishment in the form of restriction of liberty. The dynamics of the number of persons sentenced to such punishment for the period from 2010 to 2022 was studied, and it was inferred that to date this type of punishment has not been widely used. The order of supervision over the execution of restrictions imposed by a court verdict is considered: restrictions on changing the place of residence or stay without the consent of the specified specialized state body; restrictions in the form of a ban on leaving the territory of the relevant municipality; a ban on leaving the place of permanent residence (stay) at a certain time of day; a ban on visiting places of mass and other events and participating in these events. To consolidate the stated positions, the authors provide examples from law enforcement practice. Based on the identified problems of controlling the above restrictions, it is proposed to consider the possibility of supplementing Article 50 of the Criminal Code of the Russian Federation with a clause allowing the executive body to give consent to convicts to change their place of residence after release from a correctional colony. The analysis of the severity of crimes committed by persons sentenced to punishment in the form of restriction of freedom is carried out, on the basis of which it is proposed to form a list fixing the priority of using SAMPLE equipment to certain categories of persons released from places of deprivation of liberty, namely: those released from places of deprivation of liberty; those who committed grave and especially grave crimes; those who committed crimes against sexual freedom and inviolability; those who have committed repeated crimes; those who have committed crimes that have a public resonance, etc. Having studied the law enforcement practice of exercising control over the restrictions imposed by a court verdict, the authors highlight the need to consolidate in Item 33.1 of Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 258 dated 11 October 2010, On Approval of the Instructions for Organizing the Execution of Punishment in the Form of Restriction of Liberty, the concepts of mass events, other events and participation in them. In addition, it is noted that the courts, when passing sentence, prescribe a specific type of mass events or impose the specified restriction on convicts who have committed violations of the order and conditions of serving their sentences, on the recommendation of the Criminal Investigation Department, and indicate the type of mass event that the convict is prohibited to attend and to participate in it.

Keywords: restriction of liberty, substitution of punishment with milder form, execution of punishments, punishments without isolation from society, penal inspections

For citation: Glazkov, M.B. & Glazkova, E.I. (2024) Monitoring of persons sentenced to restriction of liberty: Some problematic aspects. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 209–216. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/23

В пенитенциарной науке после принятия в 2010 г. Федерального закона от 27.12.2009 № 377-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением в действие положений Уголовного кодекса Российской Федерации и Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации о наказании в виде ограничения свободы» и введения нового вида наказания в виде ограничения свободы не утихают споры о сущности этого наказания и проблемных вопросах, связанных с его реализацией.

Таблица 1
Динамика численности осужденных к ограничению свободы

Год	Количество осужденных к наказанию в виде ограничения свободы	Общая численность осужденных, %	Процент от общей численности осужденных	Разница с АППГ, %
2010	6 444	491 257	1,31	
2011	11 539	474 775	2,43	1,12
2012	24 285	465 740	5,21	2,78
2013	32 654	452 767	7,21	2,00
2014	27 080	433 674	6,24	–0,97
2015	12 604	306 448	4,11	–2,13
2016	28 161	423 092	6,66	2,54
2017	35 834	503 865	7,11	0,46
2018	38 370	509 965	7,52	0,41
2019	38 801	486 019	7,98	0,46
2020	38 559	463 716	8,32	0,33
2021	36 971	489 825	7,55	–0,77
2022	36 868	476 659	7,73	0,19

Анализ представленных показателей (см. табл. 1) [1], свидетельствует о том, что до настоящего времени указанный вид наказания так и не получил прогнозируемого широкого применения [2]. В период с 2010 по 2023 г. можно наблюдать незначительный рост лиц, осужденных к ограничению свободы, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях (УИИ), исключение составляет 2015 г., где можно наблюдать снижение как в абсолютных, так и в относительных показателях в связи с амнистией в честь 70-летия Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., объявленной Постановлением ГД ФС РФ от 24.04.2015 № 6576-6 ГД.

Доля наказания в виде ограничения свободы в общей массе лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях, не очень велика и в среднем не превышает 8%. Это обусловлено двумя обстоятельствами: во-первых, тождественностью с такой мерой уголовно-правового характера, как условное осуждение; во-вторых, недостатками правовой регламентации и, как следствие, с проблемами, возникающими в процессе его исполнения. О проблемных вопросах правоприменения при исполнении наказания в виде ограничения свободы написано множество работ. Так, например, А.А. Медведевым исследованы вопросы исчисления срока наказания и привлечения осужденного к уголовной ответственности при совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 314 УК РФ [3]. В указанном исследовании рассматривались практические

сложности исполнения ограничений и запретов, возлагаемых на осужденного приговором (постановлением) суда.

Начнем рассмотрение сложностей исполнения наказания в виде ограничения свободы с ограничения на изменение места жительства или пребывания без согласия указанного специализированного государственного органа. В практической деятельности довольно распространено явление, когда при освобождении из исправительной колонии осужденный убывает по адресу, по которому он проживал до водворения в места лишения свободы. Согласно п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 № 58 «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания» (далее – ПП ВС РФ от 22.12.2015 № 58), при замене наказания в виде лишения свободы более мягким видом наказания в виде ограничения свободы отсутствие факта регистрации по месту жительства или пребывания не будет основанием для вывода о невозможности применения указанного вида наказания. Так, за время отбывания наказания собственность осужденного может быть отчуждена либо может находиться в аварийном состоянии.

Осужденный вправе указать местом своего жительства адрес лица, с которым он находится в фактических брачных отношениях, не зарегистрированных в органах ЗАГС. Сюда так же можно отнести и иные примеры бытового характера, учитывая которые, осужденному будет необходимо сменить место жительства (пребывания). Потребность изменения места жительства осужденного может возникнуть и в связи с проблемами трудоустройства на территории муниципального образования, в которое осужденный направлен для отбывания наказания в виде ограничения свободы.

Начальник филиала УИИ не сможет удовлетворить ходатайство осужденного об изменении места жительства (пребывания), поскольку перечень оснований для изменения места жительства (пребывания) содержится в ч. 4 ст. 50 УИК РФ и является исчерпывающим.

Решением указанной проблемы могло бы стать дополнение ст. 50 УИК РФ пунктом, который бы разрешал исполнительному органу давать согласие осужденным на изменение места жительства в течение 1 месяца со дня освобождения из исправительного учреждения, но не позднее 14 дней после постановки на учет в УИИ по месту жительства. При этом представляется необходимым установить, что для решения вопроса об изменении осужденным места жительства начальнику подразделения УИИ необходимо провести проверку и установить наличие и обоснованность фактов, подтверждающих указанные причины, а также готовность родственников или иных лиц разрешить проживание осужденного по данному месту жительства. Указанное изменение могло бы помочь осужденному в ресоциализации после освобождения от наказания в виде принудительных работ или лишения свободы.

Реализация ограничения в виде запрета выезда за пределы территории соответствующего муниципального образования (МО) также имеет практические сложности в реализации. Часть проблемных вопросов была решена внесением в ПП ВС РФ от 22.12.2015 № 58 положений о возможности суда устанавливать ограничение в пределах населенного пункта, в состав которого входят несколько МО. Если населенный пункт является частью МО, то ограничения устанавливаются в пределах территории МО, а не населенного пункта.

Однако в данный момент не решен вопрос, касающийся ситуации, когда во время следования в пределах МО по маршруту осужденному приходится выезжать за его пределы, а потом снова возвращаться в указанное МО. При отсутствии возможности добраться в место назначения иным путем примененная к осужденному система электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ) будет фиксировать нарушение, за которое к осужденному будет применена мера взыскания, предусмотренная ч. 2 ст. 58 УИК РФ. Так, например, чтобы добраться из областного центра (г. Томск) до п. Апрель (МО г. Томск, Кировский район), необходимо проехать по дороге через п. Ключи (МО Томский район Томской области), таких примеров на территории Российской Федерации возможно привести большое количество.

Фактически, исходя из буквального толкования ограничения, возложенного на осужденного, выезд в указанное место, за исключением оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 50 УИК, осужденному запрещен, что в существенной мере ущемляет его права.

Множество сложностей возникает при рассмотрении фактической возможности контроля указанного ограничения УИИ. Зачастую сотрудники УИИ, осуществляющие надзор за осужденными к ограничению свободы, могут и не знать о том, что поднадзорное лицо покинуло территорию МО. Для помощи в надзоре за исполнением вышеуказанного ограничения ФСИН России успешно внедрено в практику применение системы СЭМПЛ. Как отмечал в своей работе Р.В. Комбаров, решением указанного проблемного вопроса была бы установка электронного мониторинга в отношении всех лиц, осужденных к ограничению свободы [4. С. 45]. Однако в настоящее время охватить электронным мониторингом всех лиц, осужденных к наказанию к ограничению свободы, не представляется возможным.

Таблица 2
Численность осужденных к ограничению свободы, в отношении которых применено оборудование СЭМПЛ

Год	Количество осужденных к наказанию в виде ограничения свободы	Количество осужденных, в отношении которых применено оборудование СЭМПЛ	Численность осужденных, %	Разница с АППГ, %
2018	38 370	3 527	9,19	
2019	38 801	6 629	17,08	7,89
2020	38 559	7 287	18,9	1,81
2021	36 971	7 005	18,95	0,05
2022	36 868	7 825	21,22	2,28

Анализ представленных данных (см. табл. 2) [5] свидетельствует о том, что процент применения оборудования СЭМПЛ от общего числа осужденных к ограничению свободы невелик. Это обусловлено тем, что преимущественно оборудование используется в отношении подозреваемых и обвиняемых с мерами пресечения, контроль которых со стороны ФСИН России является приоритетным [6]. Как показал выборочный опрос работников УИИ, проходящих повышение квалификации в Томском ИПКР ФСИН России, в связи с невозможностью стопроцентного охвата осужденных к наказанию в виде ограничения свободы окончательным оборудованием оно применяется к лицам, которые не склонны к нарушениям порядка и условий отбывания наказания. Из опроса 108 действующих сотрудников уголовно-исполнительных инспекций из 38 территориальных органов ФСИН России установлено, что в 83% случаев оборудование СЭМПЛ будет применено исходя из личности подозреваемого (обвиняемого) или осужденного (за исключением лиц, преступления которых имеют широкий общественный резонанс). Данные опроса подтверждаются статистическими данными о деятельности УИИ УФСИН России по Томской области, указанная тенденция подтверждается и статистическими данными других территориальных органов ФСИН России.

Таблица 3
Тяжесть преступления совершенных лицами, осужденными к ограничению свободы

Показатель	Количество осужденных	Осужденные, в отношении которых применено оборудование СЭМПЛ	Общая численность, %
По всем статьям УК РФ	1 147	85	7,41
За тяжкие и особо тяжкие преступления	248	13	5,24
За преступление против половой неприкосновенности несовершеннолетних	4	1	25

Анализ тяжести составов преступления, совершенных лицами, осужденными к наказанию в виде ограничения свободы, состоящих на учете в ФКУ УИИ УФСИН России по Томской области, в отношении которых применено оборудование СЭМПЛ (см. табл. 3) [7], показывает, что окончательное оборудование применяется к категории лиц, не имеющей высокой криминальной зараженности и не склонной к совершению повторных преступлений. Скорее всего, это возможно объяснить тем, что сотрудники УИИ как можно меньше хотят иметь дело со сложным порядком отработки нарушений, порчей или утратой дорогостоящего оборудования. В связи с указанной практикой теряется смысл использования оборудования и не достигаются цели, заложенные законодателем при внедрении в эксплуатацию СЭМПЛ. Возможным решением данного вопроса стало бы закрепление в подзаконных нормативных актах ФСИН России приоритета применения

оборудования СЭМПЛ к лицам: освободившимся из мест лишения свободы; совершившим тяжкие и особо тяжкие преступления; преступления против половой свободы и неприкосновенности; допустившим повторные преступления; совершившим преступления, имеющие общественный резонанс, и т.п.

Ряд авторов в своих работах выделяют в качестве проблемного вопроса контроль исполнения ограничения: «не уходить из места постоянного проживания (пребывания) в определенное время суток» [8, 9]. В обоснование своей позиции ученые приводят положения ч. 2 ст. 60 УИК РФ и п. 27 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы, утвержденной приказом Минюста России от 11.10.2010 № 258, в которых указано, что сотрудник УИИ лишен возможности посещать жилище осужденного в ночное время. С данным мнением не представляется возможным согласиться, так как указанные нормы не запрещают проверять осужденного в ночное время, если сотрудник надзорного органа во время проверки не входит в жилище осужденного, а проводит проверку удаленно, попросив поднадзорное лицо выйти для проверки на лестничную площадку или выглянуть в окно. Целью указанной проверки будет установление факта нахождения осужденного в месте исполнения своего наказания, без проведения каких-либо иных профилактических мероприятий. В таких случаях в рапорте или акте об указанных проверках целесообразно указывать то, что проверка проведена «без входа в жилище». Также во многих территориальных органах ФСИН России имеется опыт проверки осужденных в ночное время совместно с полицией в ходе специальных операций либо проверки осужденных к ограничению свободы сотрудниками полиции без участия сотрудников УИИ с последующим направлением оформленных в письменном виде результатов проверки.

Одной из острых проблем при контроле вышеуказанного ограничения и аналогичной обязанности у условно осужденных является ситуация, при которой осужденный, которому запрещено уходить из места постоянного проживания (пребывания) в ночное время, в целях уклонения от исполнения ограничения или обязанности предоставляет в контролирующий орган заведомо ложный трудовой договор о том, что он работает в ночное время в организации у родственников, друзей или иных знакомых, либо документ, в котором указано, что осужденный является индивидуальным предпринимателем и осуществляет трудовую деятельность в ночное время суток. В случае если организация находится в муниципальном образовании, где располагается контролирующий орган, осужденного возможно проверить по месту работы в ходе ночного рейда. В случае если рабочее место осужденного находится за пределами муниципального образования, проверить осужденного по месту работы в ночное время не представляется возможным. Кроме того, практика судебных решений не всегда поддерживает контролирующий орган в попытке пресечения умышленного уклонения от возложенного ограничения. Так, в качестве примера приведем случай из практики.

На учете УИИ состоял осужденный А., которому было запрещено покидать свое место жительства в ночное время с 22.00 до 06.00, если это не связано с выполнением трудовых обязанностей. Осужденным в контролирующий орган представлен документ, согласно которому А. зарегистрирован в Едином государственном реестре индивидуальных предпринимателей с основным видом деятельности «ремонт электронной бытовой техники», а также график работы, согласно которому ему установлена шестидневная рабочая неделя с режимом рабочего времени с 12.00 до 00.00 с выходным в воскресенье.

Во время проверки по месту жительства в 00.05 осужденный А. дома не находился, при разговоре с инспектором УИИ по телефону пояснил, что находится на работе и дома будет через 10 минут. При явке по вызову в УИИ для дачи объяснений по факту допущенного нарушения осужденный пояснил, что у него нет четкого режима работы и он не имеет возможности планировать свой рабочий день, так как не знает, какое количество заказов к нему поступит. Возвращаться домой в 22.00 он не имеет возможности в связи с большим объемом работы. В ночь, когда его проверяли по месту жительства, он работал по заявке. Инспектором УИИ в судебное заседание был представлен график работы из сети Интернет. На официальном сайте сервиса, в котором работает осужденный, был указан график работы: понедельник – пятница с 10.00 до 19.00, суббота с 12.00 до 17.00, воскресенье выходной, что подтверждалось фотосъемкой непосредственно на двери в месте дислокации магазина, в обоих случаях график работы аналогичен.

Несмотря на представленные в судебное заседание контролирующим органом аргументы, в удовлетворении представления судом было отказано по причине того, что УИИ не представлены достаточные материалы о нарушении, а осужденным представлена заявка по месту жительства на обслуживание компьютерной техники в день проверки с 21.00 до 24.00 для службы пассажирских перевозок (такси) [10].

К сожалению, в настоящее время имеется большое количество схожих по содержанию решений об отказе в удовлетворении представлений УИИ, после которых осужденные, чувствуя свою безнаказанность, продолжают допускать нарушения порядка и условий отбывания наказания и, делясь своим опытом с другими лицами, подрывают авторитет контролирующего органа, процесса исполнения наказания и достижения его целей. К аналогичным случаям можно отнести ситуации, при которых во время ночной проверки осужденный к ограничению свободы не открывает дверь и не отвечает на телефонные звонки.

Проблемы, связанные с практической стороной контроля, имеются и при исполнении ограничения «не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях». Указанное ограничение контролируется путем ежеквартального направления запроса в администрацию муниципального образования на перечень мероприятий, проводимых на ее территории.

Как правило, на указанный запрос приходит достаточно объемный ответ, количество мероприятий даже в небольшом городе с населением около 200 тыс. человек будет превышать несколько тысяч. Посетить все указанные мероприятия инспектор УИИ физически не в силах. Проконтролировать осужденного с помощью оборудования СЭМПЛ невозможно в случае изменения места или времени проведения мероприятия, а также когда осужденный в момент его проведения мог проходить мимо, не принимая участие в самом мероприятии, возможны и иные объективные причины.

Кроме того, трудности контроля ограничения заключаются в том, что сотрудник УИИ знает в лицо только тех лиц, которые состоят у него на учете либо на учете сотрудника, которого он замещает по должностным обязанностям. Учитывая изложенное, минимальна вероятность того, что на большом мероприятии, таком как, например, День города, с огромным количеством участников, сотрудник сможет распознать осужденного, состоящего на учете в филиале УИИ. Принимая во внимание тот факт, что общественные мероприятия проходят в нерабочее, как правило, вечернее или ночное время, осуществлять рейд не имеет практического значения, поэтому проведение указанных мероприятий по контролю ограничения «не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях» будет носить формальный характер.

Нарушения ограничения «не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях» во всех известных случаях выявляются сотрудниками полиции случайным образом, в рамках проведения профилактических мероприятий по контролю общественного порядка, например, если на массовом мероприятии осужденный нарушил общественный порядок и был привлечен к административной ответственности. В таком случае к осужденному будет применена мера взыскания за нарушения п. «д» ч. 1 ст. 58 УИК РФ как за нарушение общественного порядка, за которое осужденный был привлечен к административной ответственности, и п. «б» ч. 1 ст. 58 УИК РФ за несоблюдение без уважительных причин осужденным установленного судом ограничения «не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях». При данных обстоятельствах нарушается правило *non bis in idem*, согласно которому никто не может быть наказан дважды за одно и то же нарушение, указанное правило является универсальным принципом законодательного регулирования юридической ответственности и закреплено в актах международного права (п. 7 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, принятого 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН).

Проблемой контроля ограничения является то, что суд, устанавливая ограничение «не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях», не устанавливает конкретных мест и мероприятий, которые осужденному запрещено посещать, и осужденный и инспектор

УИИ не понимают в полной мере, какие именно места попадают под указанный запрет.

Вызывает немало дискуссионных вопросов и само понятие «места проведения массовых и иных мероприятий». В своих научных работах ряд авторов, таких как Н.М. Перетягко, А.А. Рождествина, отмечают, что речь идет о развлекательных местах, таких как кафе, бары, рестораны. Даже если брать настолько узкую трактовку, возникает множество вопросов с практическим контролем ограничения [11. С. 67]. В связи с этим указанная точка зрения является дискуссионной, так как законодателем на федеральном уровне не определены понятия массового и иного мероприятия.

Проведя анализ схожих с изучаемым понятий в нормативных правовых актах, мы увидим, что близкое по значению понятие закреплено в Федеральном законе от 19.06.2004 № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», где раскрывается понятие публичного мероприятия – это «открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств». Ссылаться на указанное понятие при применении уголовно-исполнительного закона мы не можем, так как само понятие «публичное мероприятие» в данной ситуации будет слишком узким и не в полной мере подходящим по смыслу. Применять указанную норму права по аналогии мы не можем в связи с тем, что указанное понятие имеет узкий профильный смысл и не в полной мере подходит по содержанию.

Различные понятия массового мероприятия могут быть и в законах субъектов РФ, например, в Законе Томской области от 15.01.2003 № 12-ОЗ «О массовых мероприятиях, проводимых в Томской области». Под массовым мероприятием в указанном законе понимается развлекательное, культурно-зрелищное, спортивное, рекламное, юбилейное и иное мероприятие, подготовленное физическими и (или) юридическими лицами в целях организации отдыха и обеспечения пользования благами культуры, проводимое на открытых площадках, включая прилегающие территории к зданиям и сооружениям, постоянно предназначенные или временно подготовленные для проведения массовых мероприятий, а также специально определенные на период их проведения площади, улицы, водоемы и другие территории, численность участников которого составляет 100 и более человек. В указанном законе есть и понятие «участники массового мероприятия» – лица, непосредственно задействованные в его проведении (творческие коллективы, музыканты, исполнители, спортсмены и т.д.), а также посетители массового мероприятия [12]. Применять указанное понятие на практике не представляется возможным, так как нормативные правовые акты субъекта РФ по юридической силе ниже нормативных правовых актов федерального уровня.

Понятие массового мероприятия дается и в письме МЧС России от 24.07.2014 № 14-7-3135 «О Методических рекомендациях по организации совместной работы территориальных органов МЧС России, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по обеспечению безопасности участников фестивалей и других мероприятий с массовым пребыванием людей», где указана иная трактовка: «массовое мероприятие – мероприятие, проводимое по согласованию с органами местного самоуправления, определенное по месту проведения, времени и количеству участников, от 50 и более человек, объединенных единством целей, интересов и потребностей политического, спортивного либо культурно-зрелищного, религиозного и иного характера» [13]. Использовать в практической деятельности указанные определения также не представляется возможным, поскольку ведомственные нормативные правовые акты МЧС России не распространяются на деятельность ФСИН России в данном случае.

Верховный Суд в п. 19 ПП ВС РФ от 22.12.2015 № 58 разъяснил, что при установлении ограничения на посещение определенных мест суду следует указывать признаки таких мест, например, мест общественного питания, в которых разрешено потребление алкогольной продукции, детских учреждений. Ограничение в виде запрета на посещение мест проведения массовых мероприятий и участие в них могут касаться как всех массовых мероприятий, так и тех из них, посещение которых и участие в которых, по мнению суда, будут препятствовать достижению целей наказания. Массовыми являются, например, общественно-политические (собрания, митинги, уличные шествия, демонстрации и др.), культурно-зрелищные (фестивали, профессиональные праздники, народные гуляния и др.) и спортивные (олимпиады, спартакиады, универсиады, соревнования по различным видам спорта и др.) мероприятия.

Исходя из проведенного анализа имеющихся трактовок понятия массового мероприятия, можно сделать вывод о том, что они могут проводиться не только для выражения политического мнения, но и в целях культурного или спортивного досуга. Представляется вполне обоснованной позиция Р.В. Комбарова и А.М. Потапова, которые отмечают, что мероприятия могут быть общественно-политическими, культурно и театрально зрелищными, спортивными и иными. Примерами массовых мероприятий могут быть марафон, велогонки, народное гулянье, карнавал, фестиваль, субботник [14. С. 36–37]. Так, например, ежегодно в Российской Федерации международным общественным гражданско-патриотическим движением по сохранению личной памяти о поколении Великой Отечественной войны во всех городах страны проводится шествие «Бессмертный полк». Участники ежегодно в День Победы проходят колонной по улицам городов с

фотографиями своих родственников – участников Великой Отечественной войны, подпольщиков, бойцов Сопротивления, тружеников тыла, узников концлагерей, блокадников, детей войны [15]. Участие в массовом мероприятии даже такого рода согласно требованию действующего уголовно-исполнительного закона будет запрещено. Но целесообразно ли лишать осужденного участия в подобного рода мероприятиях? Как было указано ранее, наказание в виде ограничения свободы назначается за преступления небольшой и средней тяжести либо в порядке замены наказания более мягким видом, в случае если осужденный встал на путь исправления и не представляет опасности для общества. Осужденный мог бы принимать участие в указанном шествии совместно с членами семьи, в том числе и детьми, что могло бы укрепить связи с родственниками, привить ему и детям культурные и патриотические ценности, что способствовало бы исправлению осужденного.

Для решения вышеуказанных проблемных вопросов при исполнении ограничения «не посещать места проведения массовых и иных мероприятий и не участвовать в указанных мероприятиях» контролирующим органом, необходимо учитывать два аспекта. Во-первых, необходимо закрепить в п. 33.1 приказа Минюста России от 11.10.2010 № 258 «Об утверждении инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» понятие массового мероприятия и иного мероприятия и участия в них. Во-вторых, суду при вынесении приговора необходимо прописывать конкретный вид массовых мероприятий либо возлагать указанное ограничение на осужденных, совершивших нарушения порядка и условий отбывания наказания, по представлению УИИ, и указывать вид массового мероприятия, которое запрещено посещать и принимать в нем участие осужденному. По возможности судам не следует назначать при вынесении приговора (постановления, определения) указанное ограничение, а оставить его на усмотрение начальника УИИ в качестве дополнительного. Начальник подразделения УИИ, в свою очередь, будет указывать в представлении конкретные места либо общественные мероприятия исходя из полного и всестороннего рассмотрения личности осужденного и особенностей местности муниципального образования, на которой проживает осужденный.

Таким образом, несмотря на то, что ограничения свободы относительно не новый вид наказания, в деятельности сотрудников УИИ остается множество спорных вопросов, разрешение которых уменьшит конкуренцию с другими видами наказания, не связанными с изоляцией от общества и мерами уголовно-правового характера, а также увеличит количество выносимых судебных решений. Считаем, что для разрешения проблемных вопросов, указанных в настоящей статье, возможно и целесообразно внести изменения в соответствующие нормативные правовые акты Российской Федерации.

Список источников

1. Статистические данные. Характеристика лиц, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях // Официальный сайт ФСИН России. URL: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (дата обращения: 04.09.2023).
2. Все о домашнем аресте // Интерфакс. 2010. URL: <https://www.interfax.ru/interview/118269> (дата обращения: 04.09.2023).

3. Медведев А.А. Некоторые проблемные вопросы исполнения в виде ограничения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2021. № 11. С. 12–15.
4. Комбаров Р.В. Актуальные проблемы исполнения уголовного наказания в виде ограничения свободы // Вестник Кузбасского института ФСИН России. 2019. № 3. С. 41–46.
5. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы : статистический отчет ФСИН-1 за IV квартал 2022 г., раздел 15 / Сведения о деятельности уголовно-исполнительных инспекций // АИС Статистика УИС ФСИН России (дата обращения: 04.09.2023).
6. Государственная программа Российской Федерации «Юстиция», утвержденная постановлением Правительства РФ от 15.04.2014 № 312 // Собрание законодательства РФ. 05.05.2014. № 18 (часть II). Ст. 2158.
7. Итоги деятельности учреждений, органов и предприятий уголовно-исполнительной системы : статистический отчет ФСИН-16 за IV квартал 2022 г., раздел 1 / Сведения о деятельности уголовно-исполнительных инспекций УФСИН России по Томской области // АИС Статистика УИС ФСИН России (дата обращения: 04.09.2023).
8. Комбаров Р.В. Современные пробелы применения наказания в виде ограничения свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2019. № 8. С. 17–21.
9. Звонов А.В. О проблемах исполнения наказания в виде ограничения свободы // Пенитенциарная наука. 2011. № 14. С. 30–32.
10. Постановление Северского городского суда Томской области от 04 мая 2022 г. по делу № 4/17-42/2022 // Архив Северского районного суда Томской области.
11. Перетятко Н.М., Рождествина А.А., Актуальные вопросы применения ограничения свободы и домашнего ареста : практ. пособие. Москва : КНОРУС ; Саратов : Макейт плюс, 2010. 96 с.
12. Закон Томской области от 15.01.2003 №12-ОЗ «О массовых мероприятиях, проводимых в Томской области» // Официальные ведомости (сборник нормативно-правовых актов, подписанных Главой Администрации Томской области). 20.01.2003. № 3 (33).
13. Письмо МЧС России от 24.07.2014 № 14-7-3135 «О Методических рекомендациях по организации совместной работы территориальных органов МЧС России, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по обеспечению безопасности участников фестивалей и других мероприятий с массовым пребыванием людей».
14. Комбаров Р.В., Потапов А.М. Особенности реализации запретов, устанавливаемых в отношении осужденных к ограничению свободы // Ведомости уголовно-исполнительной системы. 2018. № 2. С. 34–37.
15. Устав международного общественного гражданско-патриотического движения по сохранению личной памяти о поколении Великой Отечественной войны «Бессмертный полк» // Официальный сайт движения «Бессмертный полк». URL: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (дата обращения 04.09.2023).

References

1. Federal Penitentiary Service of Russia. (2023) *Statistical data. Characteristics of persons registered with penal inspections*. [Online] Available from: <https://fsin.gov.ru/statistics/> (Accessed: 04.09.2023). (In Russian).
2. Interfaks. (2010) *Vse o domashnem areste* [All about house arrest]. [Online] Available from: <https://www.interfax.ru/interview/118269> (Accessed: 04.09.2023).
3. Medvedev, A.A. (2021) *Nekotorye problemnye voprosy ispolneniya v vide ogranicheniya svobody* [Some problematic issues of sentence execution in the form of restriction of liberty]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 11. pp. 12–15.
4. Kombarov, R.V. (2019) *Aktual'nye problemy ispolneniya ugovolnogo nakazaniya v vide ogranicheniya svobody* [Current problems of execution of criminal punishment in the form of restriction of liberty]. *Vestnik Kuzbasskogo instituta FSIN Rossii*. 3. pp. 41–46.
5. Federal Penitentiary Service of Russia. (2023) *Results of the activities of institutions, bodies and enterprises of the penal system: statistical report of the Federal Penitentiary Service-1 for the fourth quarter of 2022, section 15*. (In Russian).
6. RF. Gosudarstvennaya programma Rossiyskoy Federatsii "Yustitsiya", utverzhennaya postanovleniem Pravitel'stva RF ot 15.04.2014 № 312 [State program of the Russian Federation "Justice", approved by Decree of the Government of the Russian Federation of April 15, 2014, No. 312]. *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 18 (II). Art. 2158.
7. Federal Penitentiary Service of Russia. (2023) *Results of the activities of institutions, bodies and enterprises of the penal system: statistical report of the Federal Penitentiary Service-16 for the fourth quarter of 2022, section 1*. (In Russian).
8. Kombarov, R.V. (2019) *Sovremennye probely primeneniya nakazaniya v vide ogranicheniya svobody* [Modern gaps in the application of punishment in the form of restriction of liberty]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 8. pp. 17–21.
9. Zvonov, A.V. (2011) *O problemakh ispolneniya nakazaniya v vide ogranicheniya svobody* [On the problems of execution of punishment in the form of restriction of liberty]. *Penitentsiarnaya nauka*. 14. pp. 30–32.
10. Archive of the Seversky District Court of Tomsk Oblast. (2022) *Resolution of the Seversky City Court of Tomsk Oblast dated May 4, 2022, in case No. 4/17-42/2022*. (In Russian).
11. Peretyat'ko, N.M. & Rozhdestvina, A.A. (2010) *Aktual'nye voprosy primeneniya ogranicheniya svobody i domashnego aresta: prakticheskoe posobie* [Current issues in the application of restrictions on freedom and house arrest: a practical guide]. Moscow: KNORUS; Saratov: Maket plus.
12. *Ofitsial'nye vedomosti (sbornik normativno-pravovykh aktov, podpisannykh Glavoy Administratsii Tomskoy oblasti)*. (2003) *Zakon Tomskoy oblasti ot 15.01.2003 №12-OZ "O massovykh meropriyatiyakh, provodimykh v Tomskoy oblasti"* [Law of Tomsk Oblast dated January 15, 2003 No. 12-OZ: On mass events held in Tomsk Oblast]. 3 (33).
13. Ministry of Emergency Situations of Russia. (2014) *Letter of the Ministry of Emergency Situations of Russia dated July 24, 2014, No. 14-7-3135: On methodological recommendations for organizing joint work of territorial bodies of the Ministry of Emergency Situations of Russia, executive authorities of the constituent entities of the Russian Federation and local governments to ensure the safety of participants in festivals and other events with large numbers of people*. (In Russian).
14. Kombarov, R.V. & Potapov, A.M. (2018) *Osobennosti realizatsii zapretov, ustanavliyaemykh v otnoshenii osuzhdennykh k ogranicheniyu svobody* [Features of the implementation of prohibitions established in relation to those sentenced to restriction of liberty]. *Vedomosti ugovolno-ispolnitel'noy sistemy*. 2. pp. 34–37.
15. Bessmertnyy polk [Immortal Regiment]. (2023) *Ustav mezhdunarodnogo obshchestvennogo grazhdansko-patrioticheskogo dvizheniya po sokhraneniyu lichnoy pamyati o pokolenii Velikoy Otechestvennoy voyny "Bessmertnyy polk"* [Charter of Immortal Regiment, the international public civil-patriotic movement to preserve the generation's personal memory of the Great Patriotic War]. [Online] Available from: <https://www.moypolk.ru/ustav-polka> (Accessed: 04.09.2023).

Информация об авторах:

Глазков М.Б. – преподаватель кафедры исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, и правового обеспечения деятельности уголовно-исполнительной системы Томского института повышения квалификации работников ФСИН России (Томск, Россия). E-mail: mikhail_nvkh@mail.ru

Глазкова Е.И. – ведущий юрисконсульт правового управления Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: bekki_00@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

M.B. Glazkov, lecturer, Tomsk Institute for Advanced Training of Employees of the Federal Penitentiary Service of Russia (Tomsk, Russian Federation). E-mail: mikhail_nvz@mail.ru

E.I. Glazkova, leading legal advisor of the Legal Department, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: bekki_00@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 22.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 22.12.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 343.98
doi: 10.17223/15617793/498/24

Высокотехнологичные преступления: концептуальные основы криминалистической методики расследования

Виталий Викторович Поляков¹

¹ Алтайский государственный университет, Барнаул, Россия, agupolyakov@gmail.com

Аннотация. Рассмотрены методологические основы построения криминалистической методики расследования высокотехнологичных преступлений. Описан состав основных и факультативных элементов, формирующих криминалистическую характеристику этих преступных деяний. Выявлены особенности криминалистической деятельности для различных этапов расследования высокотехнологичных преступлений. Показана роль ситуационного подхода для установления структуры и состава криминалистической характеристики расследования.

Ключевые слова: криминалистическая деятельность, криминалистическая характеристика, ситуационный подход, криминалистическая методика, противодействие расследованию, компьютерные преступления

Для цитирования: Поляков В.В. Высокотехнологичные преступления: концептуальные основы криминалистической методики расследования // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 217–224. doi: 10.17223/15617793/498/24

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/24

High-tech crimes: Conceptual foundations of forensic investigation methodology

Vitaly V. Polyakov¹

¹ Altai State University, Barnaul, Russian Federation, agupolyakov@gmail.com

Abstract. The conceptual ideas underlying the construction of forensic methodology of investigation of high-tech crimes are considered, the emergence and rapid spread of which is due to the digital revolution that has taken place in recent decades. For this group of criminal acts the system of forensic investigation techniques is described, presented in the form of two interrelated components (subsystems). Such components are criminalistic characteristics of high-tech crimes and criminalistic characteristics of their investigation. The composition of the main structural elements included in each of these subsystems is delineated. The structure of criminalistic characteristics, reflecting the totality of interrelations and interdependencies between these elements, is revealed. For the criminalistic characteristic of high-tech crimes, the sets of elements inherent both in all crimes and reflecting the peculiarities of certain groups of criminal acts are identified. The introduction of an additional optional set of elements characterizing the counteraction to the investigation is justified for the analyzed crimes. The composition of these elements is described, including, first of all, subjects of counteraction and ways of counteraction. In the case of a criminalistic characterization of crime investigation, the fundamental importance of periodization of criminalistic activity is shown. The specific features of this activity for the investigation of high-tech crimes, which determine the criminalistic characteristics of individual stages chronologically following each other, are considered. Such stages include the verification stage, preliminary investigation, trial, and the optional stage of resumption of proceedings due to new or newly discovered circumstances. The role of the situational approach is described, which ensures the identification of the structure and composition of the criminalistic characteristic of the investigation. As structural elements of the criminalistic characteristics of the investigation, the following are considered: criminalistic situations, determined criminalistic versions, criminalistic actions, forensic examinations, and the optional criminalistic methods of overcoming obstruction to investigation. The described concept is intended for the investigation of criminal acts included in the criminalistic group of high-tech crimes; its main provisions can also be used in the investigation of other crimes characterized by increased forensic complexity.

Keywords: criminalistic activity, criminalistic characteristics, situational approach, counteraction to investigation, computer crimes

For citation: Polyakov, V.V. (2024) High-tech crimes: Conceptual foundations of forensic investigation methodology. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 217–224. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/24

Введение

Произошедшая в последние десятилетия цифровая революция одним из своих последствий имела такое негативное явление, как возникновение и стремительное распространение преступлений, совершаемых с использованием информационных технологий. Среди этих преступлений на основе анализа судебно-следственной практики нами была выделена группа высокотехнологичных преступных деяний [1. С. 216], объединяемых характерными и устойчиво повторяющимися отличительными признаками. К основным из этих признаков можно отнести полноструктурный высокотехнологичный способ совершения, включающий в себя создание или модификацию специальных программных, программно-аппаратных и аппаратных средств преступления и дистанционный доступ к объекту преступного посягательства с помощью информационных сетей, групповую форму совершения преступлений, их многоэпизодный характер, наличие противодействия расследованию и ряд других [2]. Специфические характерные черты высокотехнологичных преступлений являются одним из факторов, вызывающих высокую криминалистическую сложность расследования. В качестве другого фактора, влияющего на сложность расследования, выступает серьезное отставание разработки частной криминалистической методики расследования этих преступлений от потребностей практики. Такое отставание имеет объективный характер, обусловленный тем, что развитие новых групп преступлений, по справедливому мнению Ю.П. Гармаева, «значительно опережает создание соответствующих методик расследования» [3. С. 4].

Более того, несмотря на то, что отечественной и зарубежной криминалистикой были заложены теоретические основы расследования преступлений, совершаемых с использованием компьютерных технологий [4–7], построению криминалистической методики расследования в случае высокотехнологичных преступлений препятствуют выявленные нами специфические трудности, связанные с использованием источников формирования данной методики [8]. Эти трудности отражают слабую адаптацию норм права к новым видам преступлений и сложности уголовно-правовой квалификации, недостаточность теоретических и методологических научных знаний, находящихся в стадии формирования, значительную техническую сложность сферы преступной деятельности.

Полагаем, что решение такой актуальной и явно назревшей задачи, как разработка криминалистической методики расследования высокотехнологичных преступлений, должно проводиться на основе общей криминалистической концепции, выступающей в качестве исходной методологической базы. В качестве методологической базы предлагается использовать концептуальные теоретические положения, заложенные в работах В.К. Гавло и его школы [9–11]. Важным достоинством этих концептуальных положений является их практикоориентированность, т.е. нацеленность на решение реально стоящих перед правоохранительными органами задач по расследованию и предупреждению

преступлений. Отметим, что такая ориентация криминалистической методики была заложена еще в истоках отечественной криминалистики. Так, Б.М. Шавер писал: «...частная методика – это, прежде всего, практическое инструктирование следственного аппарата в борьбе с преступностью» [12. С. 44]. В настоящей работе основные положения представляемой концепции развиваются и адаптируются для такой новой группы преступных деяний, как высокотехнологичные преступления.

Криминалистическая методика расследования преступлений как многоуровневая система

В отечественной криминалистике к концу XX в. сложилось понимание криминалистической методики расследования, в формулировке Р.С. Белкина, как сложной многоуровневой системы «научных положений и разрабатываемых на их основе рекомендаций по организации и осуществлению расследования и предотвращения отдельных видов преступлений» [13. С. 166]. Из приведенной трактовки следует, что наиболее глубокий анализ криминалистической методики достигается на основе системно-структурного подхода [14]. Согласно этому подходу, методика расследования криминалистической группы высокотехнологичных преступлений должна рассматриваться как система, представляющая собой совокупность взаимодействующих друг с другом компонентов (подсистем).

В основе криминалистической методики расследования лежат закономерности взаимозависящих, но принципиально разных видов деятельности, а именно «область противоправной деятельности и ее антипод – область раскрытия и расследования преступлений» [13. С. 207]. Это означает, что система криминалистической методики включает в себя две подсистемы, первая из которых, согласно мнению В.К. Гавло, описывает «закономерности преступной деятельности по совершению расследуемых событий отдельных видов преступлений» [10. С. 137], а вторая – «закономерности полезной деятельности субъектов, осуществляющих по закону раскрытие, расследование и судебное разбирательство отдельных видов преступлений» [10. С. 137]. Содержание этих двух подсистем определяется криминалистическими знаниями о преступлениях, объединенных в определенную криминалистическую группу, и о том, как происходит их расследование. Полагаем, что в обобщенном и структурированном виде эти знания принимают форму двух криминалистических характеристик – *криминалистической характеристики* определенной группы преступлений и *криминалистической характеристики расследования* этих преступлений. Можно сказать, что объектами первой из этих характеристик выступают группы преступлений, объединенных по криминалистически значимым признакам, а второй – криминалистическая деятельность по расследованию преступлений, входящих в такие группы. Данные характеристики тесно связаны, но описывают разные процессы и отражают разные закономерности.

Зависимость между характеристиками проявляется, прежде всего, в том обстоятельстве, что первая из них детерминирует содержание второй характеристики.

Приведенное структурирование криминалистической методики расследования определенной группы преступлений является принципиальной особенностью описываемой концепции. Представляется, что разделение криминалистических характеристик на два разных вида, отражающих закономерности криминальной и криминалистической деятельности, является важным и продуктивным как с точки зрения теории, так и с позиций практики. Методологические достоинства системного понятия «криминалистическая характеристика расследования преступлений», обеспечивающего с единых позиций описание состава элементов криминалистической деятельности и связей между ними, отмечались в криминалистических исследованиях [15. С. 153]. Так, Р.Л. Ахмедшин и С.Э. Воронин при анализе новых криминалистических дефиниций в качестве примера приводили криминалистическую характеристику расследования, понятие о которой «активно развивается в исследованиях барнаульской криминалистической школы» [16. С. 86].

Для иллюстрации роли криминалистических характеристик продолжим удачную аналогию с медициной, использованную В.Ф. Ермоловичем. Именно, «прежде чем лечить, необходимо знать, что представляет собой болезнь» [17. С. 270], т.е. необходима «медицинская характеристика» определенного вида болезней. Но далее, развивая эту мысль, нужно привлекать другую «медицинскую характеристику», содержащую описание способов и рекомендаций по лечению данных заболеваний. Совокупность этих «характеристик» выступает в роли медицинской методики лечения болезней данного вида, аналогично этому совокупность криминалистических характеристик образует криминалистическую методику расследования преступлений определенной группы.

Криминалистическая характеристика высокотехнологичных преступлений

Криминалистическая характеристика преступлений является одной из наиболее значимых категорий криминалистической методики. Продолжающееся активное обсуждение этой дефиниции в последние годы свидетельствует об актуальности связанных с ней вопросов [18–20]. Отдельно отметим, что понятие криминалистической характеристики успешно применялось к новым видам преступных деяний, так, И.В. Александров распространил его на экономические преступления [21. С. 25].

В наиболее краткой формулировке под криминалистической характеристикой преступлений понимаются «наиболее существенные признаки, отличительные свойства по совершению отдельных видов и групп преступлений» [9. С. 162]. В большинстве криминалистических исследований последних лет это понятие рассматривается как теоретическая модель [22. С. 69]. По-

лагаем, что можно согласиться с мнением А.С. Князькова, согласно которому «главное предназначение» криминалистической характеристики заключается в том, чтобы выступать в качестве модели определенной группы преступлений [23. С. 905].

На наш взгляд, структурные элементы криминалистической характеристики должны устанавливаться на основе ее понимания как гомоморфного образа соответствующих преступлений. Другими словами, их количество и состав должны отражать основные черты моделируемых преступных деяний (в рассматриваемом случае – высокотехнологичных преступлений), вследствие чего они должны различаться для разных групп преступлений [24. С. 23]. Представляется, что в общем случае могут быть выделены две различные совокупности элементов. Первая из них, являющаяся основной, характеризует непосредственно признаки и особенности преступных деяний. Она включает в себя, во-первых, элементы, присущие всем без исключения преступлениям, такие как способ, субъект (индивидуальный или коллективный), объект, следовая картина, обстоятельства места и времени. Во-вторых, в эту совокупность входят элементы, характерные только для определенных преступлений. Так, для высокотехнологичных преступлений примером такого элемента выступают специфические средства преступных посягательств (программные, программно-аппаратные и аппаратные).

Кроме того, полагаем, что отдельно может быть выделена факультативная совокупность структурных элементов криминалистической характеристики преступлений, описывающая противодействие их расследованию. Выделение такого факультативного элемента обосновано тем, что воспрепятствование законной работе правоохранительных органов подчиняется собственным закономерностям [25. С. 220], в определенном смысле выходящим за рамки самого расследуемого события. Для высокотехнологичных преступлений, как и для большинства преступлений, совершаемых организованными преступными группами, противодействие расследованию присутствует практически всегда. Состав элементов, отражающих противодействие расследованию высокотехнологичных преступлений, достаточно специфичен и включает в себя, прежде всего, субъектов противодействия, умышленно препятствующих деятельности правоохранительных органов, и способы противодействия, с помощью которых осуществляется воздействие на источники криминалистически значимой информации и субъектов расследования [26]. Возможен также учет иных элементов, представляющих менее значимыми, например, обстановки противодействия [27. С. 956].

Криминалистическая характеристика расследования высокотехнологичных преступлений

Понятие криминалистической характеристики расследования было впервые введено в работах В.К. Гавло и В.А. Образцова в конце прошлого века [28. С. 61; 29.

С. 25]. Полагаем, что, по аналогии с криминалистической характеристикой преступлений, криминалистическую характеристику расследования преступлений нужно понимать как теоретическую модель, описывающую основные признаки и особенности деятельности по расследованию преступлений, объединенных в определенную криминалистическую группу.

На наш взгляд, развитие криминалистической методики для такой новой группы преступлений, как высокотехнологичные преступные деяния, отличающиеся повышенной сложностью расследования, нуждается в понимании криминалистической деятельности как непрерывного поступательного процесса, охватывающего весь хронологический период данной деятельности. Это означает, что криминалистическая характеристика расследования высокотехнологичных преступлений должна охватывать все этапы, начиная от проверки сообщения о преступлении и до постановления приговора. Такой подход требует явного учета периодизации криминалистической деятельности, поскольку криминалистические действия для разных этапов существенно различаются [30. С. 86]. В силу этого криминалистическая характеристика расследования должна строиться в виде системы, включающей в себя в качестве взаимосвязанных компонентов (подсистем) характеристики расследования отдельных этапов, хронологически следующих друг за другом. Полагаем, что в соответствии с развиваемыми представлениями могут быть выделены следующие компоненты.

1. Криминалистическая характеристика проверочного этапа. Н.П. Яблоков и А.С. Князьков пришли к выводу «о существовании самостоятельного этапа в методике расследования преступления – этапа предварительной проверки первичных материалов» [31. С. 4]. Закономерности криминалистической деятельности, направленной на проверку сообщения о преступлении, составляют содержание криминалистической характеристики проверочного этапа. Подчеркнем, что для случая высокотехнологичных преступлений криминалистическая деятельность при проверке сообщения о преступлении в значительной степени определяет успех всего процесса последующего расследования.

2. Криминалистическая характеристика предварительного расследования. С позиций криминалистики этот этап является основным и изученным криминалистической теорией наиболее подробно и глубоко. Этап предварительного расследования традиционно разделяется на основе различных критериев на несколько подэтапов. При трехзвенной периодизации [32. С. 393] выделяются первоначальный, последующий и заключительный подэтапы (при фактически одинаковом содержании их названия у разных авторов различаются). Отметим, что большая часть криминалистических рекомендаций для преступлений, совершаемых с помощью информационных технологий, относится именно к предварительному расследованию.

3. Криминалистическая характеристика судебного разбирательства. Отечественные криминалисты уделяли серьезное внимание вопросам криминалистического обеспечения судебного следствия, включавшего в себя, по выражению Л.Е. Ароцкера, «возможность и

необходимость использования в нужных случаях криминалистических приемов и методов» [33. С. 13]. Р.С. Белкин подчеркивал важность вопроса «о разработке криминалистической методики судебного разбирательства» [32. С. 346]. В последние годы были проведены исследования различных криминалистических аспектов судебного следствия [34, 35]. Особая значимость разработки криминалистических рекомендаций для судебного разбирательства в случае высокотехнологичных преступлений обусловлена тем, что для данных преступных деяний криминалистическая деятельность на этапе судебного разбирательства значительно усложняется целым рядом дополнительных негативных факторов. К этим факторам относятся неоднозначность вопросов уголовно-правовой квалификации, недостаточный объем имеющейся судебно-следственной практики, трудности в доказывании, связанные со специфическими электронными доказательствами [36], необходимость специальных знаний, как правило, отсутствующих у субъектов судебного разбирательства, и т.д.

Полагаем также, что криминалистическая характеристика судебного разбирательства должна охватывать производство не только в суде первой инстанции, но и в более высоких инстанциях, о чем писал еще А.Л. Цыпкин: «...криминалистика важна и там... где производится кассационный и надзорный контроль» [37. С. 46].

4. Криминалистическая характеристика возобновления производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Эта вводимая нами криминалистическая характеристика является факультативной, присущей ограниченному числу преступлений, и описывает специфические закономерности криминалистической деятельности при возобновлении производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам. Представляется, что ее введение целесообразно именно для преступных деяний, чье расследование отличается высокой криминалистической сложностью, в частности, совершаемых преступными сообществами или многоэпизодных преступлений. Проведенный нами анализ судебно-следственной практики показал, что высокотехнологичные преступления могут содержать десятки отдельных эпизодов (см., например: уголовное дело № 1-61/2016 // Архив Первомайского районного суда г. Владивостока; Приговор Железнодорожного районного суда г. Красноярск от 28.09.2015 по делу № 1-325/2015 // Судебные и нормативные акты РФ : сайт. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/9kMFPk1qxOrr/> (дата обращения 11.09.2023)). В этих случаях после вступления в законную силу приговора вполне типично возникновение новых или вновь открывшихся обстоятельств, например, в результате расследования по другим уголовным делам.

Отметим, что специфика криминалистической деятельности при возобновлении производства по новым или вновь открывшимся обстоятельствам была рассмотрена с позиции теории криминалистических ситуаций Д.В. Кимом [38. С. 190]. В то же время нужно подчеркнуть, что эта специфика исследована криминалистической теорией явно недостаточно и требует, на наш взгляд, отдельного изучения.

Ситуационный подход как методологическая основа формирования криминалистической характеристики расследования преступлений

Построение криминалистической характеристики расследования высокотехнологичных преступлений в рассматриваемой концепции осуществляется на основе ситуационного подхода [39–41]. Его роль определяется тем, что теоретический аппарат, разработанный современной криминалистической ситуалогией, позволяет, по выражению Т.С. Волчецкой, «теоретически сформулировать, эмпирически проверить и затем практически рекомендовать различные типовые решения применительно к каждой из типовых ситуаций» [40. С. 139].

Ситуационный подход дает возможность установить структуру криминалистической характеристики расследования, т.е. выявить действующие между ее элементами связи. Примерный перечень структурных элементов для криминалистической характеристики предварительного расследования был предложен В.К. Гавло и включал в себя следственные ситуации, следственные версии и типичный комплекс следственных и иных действий [28. С. 61]. На наш взгляд, к структурным элементам криминалистической характеристики расследования высокотехнологичных преступлений могут быть отнесены:

- *криминалистические ситуации*;
- *криминалистические версии*, которые детерминируются криминалистическими ситуациями и выдвигаются на каждом этапе криминалистической деятельности;
- *криминалистические действия*, реализуемые субъектами расследования в соответствии с криминалистическими версиями с помощью конкретных тактических, технических и организационных приемов;
- *судебные экспертизы*, содержание которых определяется особенностями конкретных преступлений. Так, для высокотехнологичных преступлений основным видом судебных экспертиз является компьютерно-техническая экспертиза, которая назначается во всех без исключения случаях;
- *криминалистические методы преодоления противодействия расследованию*. Этот факультативный элемент соответствует аналогичному элементу криминалистической характеристики преступлений, его выделение обусловлено тем, что преодоление воспрепятствования расследованию высокотехнологичных преступлений требует разработки отдельных рекомендаций.

При использовании ситуационного подхода исходным понятием выступает криминалистическая ситуа-

ция. Полагаем, что в рамках рассматриваемой концепции принципиальным является понимание ситуации как открытой самоорганизующейся системы. В этом случае вся криминалистическая деятельность по расследованию высокотехнологичных преступлений, начиная от проверки сообщения о преступлении и до вынесения приговора, описывается как непрерывная эволюция криминалистической ситуации. Переход ситуации на качественно новый логико-познавательный уровень при переходе от одного этапа криминалистической деятельности к другому рассматривается как разрешение ситуации. С позиции теории самоорганизующихся систем такой переход может трактоваться как своеобразная точка бифуркации [42. С. 258].

При разработке криминалистической характеристики расследования высокотехнологичных преступлений на основе ситуационного подхода важнейшей задачей является построение системы типовых ситуаций, описывающих криминалистическую деятельность. Далее на этой базе строятся типовые версии и выбираются типовые криминалистические методы и тактические приемы, направленные на благоприятное разрешение возникающих ситуаций и, в конечном счете, успешное решение задач уголовного судопроизводства.

Заключение

В работе рассмотрены базовые положения концепции криминалистической методики расследования высокотехнологичных преступлений, являющейся методологической основой для криминалистического противодействия этим преступным деяниям. Рассмотренные положения включают в себя представление о криминалистической методике расследования как сложной системе, взаимосвязанными подсистемами которой являются криминалистическая характеристика преступлений и криминалистическая характеристика их расследования. С практико-ориентированных позиций проанализированы состав, структура и содержание этих характеристик. Отражена роль ситуационного подхода в построении криминалистической характеристики расследования.

Изложенная концепция ориентирована, прежде всего, на криминалистическую группу высокотехнологичных преступлений. В то же время полагаем, что ряд ее положений является достаточно общим и может быть использован для других групп преступлений, расследование которых отличается повышенной криминалистической сложностью.

Список источников

1. Поляков В.В., Слободян С.М. Анализ высокотехнологичных способов неправомерного удаленного доступа к компьютерной информации // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, № 1. С. 212–216.
2. Поляков В.В. Групповая форма совершения преступлений как один из признаков высокотехнологичной преступности // Российский юридический журнал. 2023. № 1 (148). С. 117–126. doi: 10.34076/20713797_2023_1_117
3. Гармаев Ю.П. Теоретические основы формирования криминалистических методик расследования преступлений. Иркутск : ИЮИ ГП РФ, 2003. 342 с.
4. Вехов В.Б. Компьютерные преступления: способы совершения и раскрытия. М. : Право и закон, 1996. 182 с.
5. Мещеряков В.А. Преступления в сфере компьютерной информации: правовой и криминалистический анализ. Воронеж : Воронежский государственный университет, 2001. 176 с.

6. Россинская Е.Р. Концепция учения об информационно-компьютерных криминалистических моделях как основе методик расследования компьютерных преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2021. № 2 (97). С. 190–200.
7. Leukfeldt E.R., Lavorgna A., Kleemans E.R. Organised Cybercrime or Cybercrime that is Organised? An Assessment of the Conceptualisation of Financial Cybercrime as Organised Crime // European Journal by Criminal Policy and Research. 2017. Vol. 23, is. 3. P. 287–300. doi: 10.1007/s10610-016-9332-z
8. Поляков В.В. Источники и принципы формирования частной методики расследования высокотехнологичных преступлений // Lex russica. 2022. Т. 75, № 6. С. 85–96. doi: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.085-096
9. Гавло В.К. Теоретические проблемы и практика применения методики расследования отдельных видов преступлений. Томск : Изд-во Томского университета, 1985. 334 с.
10. Гавло В.К. Теоретические и методологические основы и функции системы криминалистической методики расследования преступлений // Правовая реформа и актуальные вопросы борьбы с преступностью: сборник научных трудов. Владивосток : Изд-во Дальневосточного университета, 1994. С. 133–141.
11. Гавло В.К., Поляков В.В. Некоторые аспекты разработки криминалистической характеристики компьютерных преступлений // Раскрытие и расследование преступлений, сопряженных с использованием средств вычислительной техники : проблемы, тенденции, перспективы : материалы Всерос. конф. М. : МАКС Пресс, 2005. С. 14–18.
12. Шавер Б.М. Об основных принципах частной методики расследования преступлений // Социалистическая законность. 1938. № 1. С. 42–56.
13. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике. М. : Юрид. лит., 1988. 304 с.
14. Ображиев К.В. Системный подход в юриспруденции: теоретико-методологические основы // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. Т. 2, № 1. С. 89–96.
15. Комаров И.М. Криминалистические операции и следственные ситуации в системе криминалистической характеристики расследования преступлений // Ситуационный подход в юридической науке и правоприменительной деятельности : материалы Междунар. науч.-практ. конф. «Актуальные проблемы использования ситуационного подхода в юридической науке и правоприменительной деятельности», посвященной 10-летию научной школы криминалистической ситуологии / под ред. Т.С. Волчецкой. Калининград : Изд-во БФУ им. И. Канта, 2012. С. 153–161.
16. Ахмедшин Р.Л., Воронин С.Э. Моделирование в криминалистической деятельности. Красноярск : Сибирский институт бизнеса, управления и психологии, 2019. 281 с.
17. Ермолович В.Ф. Криминалистическая характеристика преступлений. Минск : Амалфея, 2001. 304 с.
18. Бессонов А.А. О сущности криминалистической характеристики преступлений // Вестник Поволжской академии государственной службы. 2014. № 6 (45). С. 45–51.
19. Грибунов О.П., Назырова Н.А. Эволюция взглядов на понятие и структуру криминалистической характеристики преступлений // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2020. № 2. С. 7–18.
20. Ищенко П.П. Нужна ли криминалистическая характеристика преступления в криминалистической методике? // Lex russica. 2020. Т. 73, № 3. С. 55–69.
21. Александров И.В. К вопросу о проблемах расследования современных экономических преступлений // Эксперт-криминалист. 2013. № 3. С. 19–21.
22. Россинская Е.Р., Семикаленова А.И. Информационно-компьютерные криминалистические модели компьютерных преступлений как элементы криминалистических методик (на примере «кибершантажа») // Вестник Томского государственного университета. Право. 2021. № 42. С. 68–803. doi: 10.17223/22253513/42/5
23. Князьков А.С. Криминалистика: курс лекций / под ред. проф. Н.Т. Ведерникова. Томск : ТМЛ-Пресс, 2008. 1128 с.
24. Косарев С.Ю. Криминалистические методики расследования преступлений: генезис, современное состояние, перспективы развития : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2005. 38 с.
25. Тишутина И.В. Современные проблемы криминалистической методики в свете идей профессора Н.П. Яблокова // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2023. Т. 25, № 1. С. 218–226. doi: 10.55001/2587-9820.2023.35.47.020
26. Поляков В.В. Криминалистическая классификация субъектов противодействия расследованию высокотехнологичных преступлений // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 2. С. 178–192. doi: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.178-192
27. Кузнецов А.А. Структура характеристики противодействия расследованию преступлений // Омские научные чтения : материалы Всерос. науч.-практ. конф., г. Омск, 11–16 декабря 2017 г. Омск : Изд-во Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, 2017. С. 955–958.
28. Гавло В.К. Криминалистический механизм преступления и его значение в расследовании // Актуальные проблемы усиления борьбы с преступностью : докл. науч.-практ. конф. Иркутск, 19 июня 1981. Иркутск, 1981. С. 59–61.
29. Образцов В.А. Объекты криминалистической методики расследования преступлений. // Алгоритмы и организация решений следственных задач : сб. науч. тр. Иркутск : Изд-во Иркутского университета, 1982. С. 9–25.
30. Лузгин И.М. Методологические проблемы расследования. М. : Юрид. лит., 1973. 216 с.
31. Яблоков Н.П., Князьков А.С. Этапность как метод структурирования предварительного следствия и повышения уровня его организации // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2012. № 1. С. 3–18.
32. Белкин Р.С. Курс криминалистики : в 3 т. Т. 3: Криминалистические средства, приемы и рекомендации. М. : Юристъ, 1997. 480 с.
33. Ароцкер Л.Е. Использование данных криминалистики в судебном разбирательстве уголовных дел. М. : Юридическая литература, 1964. 224 с.
34. Корчагин А.А. Криминалистическая характеристика судебного следствия в структуре типовой криминалистической методики предварительного и судебного следствия по уголовным делам об убийствах // Известия Алтайского государственного университета. 2016. № 3 (91). С. 112–117.
35. Махина С.Н., Цурлуй О.Ю. Криминалистическое обеспечение судебного разбирательства в России: современное понимание и направления развития // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2019. № 3 (38). С. 273–281.
36. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8 (129). С. 118–128.
37. Цыпкин А.Л. Судебное следствие и криминалистика // Социалистическая законность. 1938. № 12. С. 44–46.
38. Ким Д.В. Теоретические и прикладные аспекты криминалистических ситуаций: монография / под ред. В.К. Гавло. Барнаул : Изд-во Алтайского университета, 2008. 196 с.
39. Драпкин Л.Я. Основы теории следственных ситуаций. Свердловск : Изд-во Уральского университета, 1987. 164 с.
40. Волчецкая Т.С. Криминалистическая ситуология / Под ред. проф. Н.П. Яблокова. Москва; Калинингр. ун-т. Калининград, 1997. 248 с.
41. Поляков В.В. Следственные ситуации по делам о неправомерном удаленном доступе к компьютерной информации // Доклады Томского государственного университета систем управления и радиоэлектроники. 2010. № 1 (21). С. 46–50.
42. Бахтеев Д.В. Причинность и случайность как объекты восприятия в структуре криминалистического мышления // Всероссийский криминологический журнал. 2019. Т. 13, № 2. С. 252–261.

References

1. Polyakov, V.V. & Slobodyan, S.M. (2007) Analiz vysokotekhnologichnykh sposobov nepravomernogo udalennogo dostupa k komp'yuternoy informatsii [Analysis of high-tech methods of unauthorized remote access to computer information]. *Izvestiya Tomskogo politekhnicheskogo universiteta*. 310 (1), pp. 212–216.
2. Polyakov, V.V. (2023) A Group Form of Committing Crimes as One of the Signs of High-Tech Crimes. *Rossiyskiy yuridicheskiy zhurnal*. 1 (148), pp. 117–126. (In Russian). doi: 10.34076/20713797_2023_1_117
3. Garmaev, Yu.P. (2003) *Teoreticheskie osnovy formirovaniya kriminalisticheskikh metodik rassledovaniya prestupleniy* [Theoretical foundations for the formation of forensic methods for investigating crimes]. Irkutsk: IYuI GP RF.
4. Vekhov, V.B. (1996) *Komp'yuternye prestupleniya: sposoby soversheniya i raskrytiya* [Computer crimes: methods of commission and detection]. Moscow: Pravo i zakon.
5. Meshcheryakov, V.A. (2001) *Prestupleniya v sfere komp'yuternoy informatsii: pravovoy i kriminalisticheskoy analiz* [Crimes in the field of cyberinformation: legal and forensic analysis]. Voronezh: Voronezhskiy gosudarstvennyy universitet.
6. Rossinskaya, E.R. (2021) Kontseptsiya ucheniya ob informatsionno-komp'yuternykh kriminalisticheskikh modelyakh kak osnove metodik rassledovaniya komp'yuternykh prestupleniy [The concept of the doctrine of information-computer forensic models as the basis of methods for investigating cybercrimes]. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2 (97), pp. 190–200.
7. Leukfeldt, E.R., Lavorgna, A. & Kleemans, E.R. (2017) Organised Cybercrime or Cybercrime that is Organised? An Assessment of the Conceptualisation of Financial Cybercrime as Organised Crime. *European Journal by Criminal Policy and Research*. 23 (3), pp. 287–300. doi: 10.1007/s10610-016-9332-z
8. Polyakov, V.V. (2022) Sources and Principles of Private Methods Development for High-Tech Crimes Investigation. *Lex russica*. 75 (6), pp. 85–96. (In Russian). doi: 10.17803/1729-5920.2022.187.6.085-096
9. Gavlo, V.K. (1985) *Teoreticheskie problemy i praktika primeneniya metodiki rassledovaniya otdel'nykh vidov prestupleniy* [Theoretical problems and practice of applying methods for investigating certain types of crimes]. Tomsk: Tomsk State University.
10. Gavlo, V.K. (1994) Teoreticheskie i metodologicheskie osnovy i funktsii sistemy kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy [Theoretical and methodological foundations and functions of the system of forensic methods for investigating crimes]. In: *Pravovaya reforma i aktual'nye voprosy bor'by s prestupnost'yu* [Legal reform and current issues in the fight against crime]. Vladivostok: Far Eastern University. pp. 133–141.
11. Gavlo, V.K. & Polyakov, V.V. (2005) [Some aspects of the development of forensic characteristics of cybercrimes]. *Raskrytie i rassledovanie prestupleniy, sopryazhennykh s ispol'zovaniem sredstv vychislitel'noy tekhniki: problemy, tendentsii, perspektivy* [Discovery and investigation of crimes involving the use of computer technology: problems, trends, prospects]. Conference Proceedings. Moscow: MAKSS Press. pp. 14–18. (In Russian).
12. Shaver, B.M. (1938) Ob osnovnykh printsipakh chastnoy metodiki rassledovaniya prestupleniy [On the basic principles of private crime investigation methods]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 1. pp. 42–56.
13. Belkin, R.S. (1988) *Kriminalistika: problemy, tendentsii, perspektivy. Ot teorii – k praktike* [Forensics: problems, trends, prospects. From theory to practice]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
14. Obrazhiev, K.V. (2012) Sistemnyy podkhod v yurisprudentsii: teoretiko-metodologicheskie osnovy [Systematic approach in jurisprudence: theoretical and methodological foundations]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina*. 2 (1), pp. 89–96.
15. Komarov, I.M. (2012) [Forensic operations and investigative situations in the system of forensic characteristics of crime investigation]. *Situatsionnyy podkhod v yuridicheskoy nauke i pravoprimeritel'noy deyatel'nosti* [Situational approach in legal science and law enforcement]. Conference Proceedings. Kaliningrad: BFU. pp. 153–161. (In Russian).
16. Akhmedshin, R.L. & Voronin, S.E. (2019) *Modelirovanie v kriminalisticheskoy deyatel'nosti* [Modeling in forensic activities]. Krasnoyarsk: Siberian Institute of Business, Management and Psychology.
17. Ermolovich, V.F. (2001) *Kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniy* [Forensic characteristics of crimes]. Minsk: Amalfeya.
18. Bessonov, A.A. (2014) O sushchnosti kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy [On the essence of forensic characteristics of crimes]. *Vestnik Povolzhskoy akademii gosudarstvennoy sluzhby*. 6 (45), pp. 45–51.
19. Gribunov, O.P. & Nazyrova, N.A. (2020) Evolyutsiya vzglyadov na ponyatie i strukturu kriminalisticheskoy kharakteristiki prestupleniy [Evolution of views on the concept and structure of criminalistic characteristics of crimes]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomicheskie i yuridicheskie nauki*. 2. pp. 7–18.
20. Ishchenko, P.P. (2020) Nuzhna li kriminalisticheskaya kharakteristika prestupleniya v kriminalisticheskoy metodike? [Is a forensic characterization of a crime necessary in a forensic methodology?]. *Lex russica*. 73 (3), pp. 55–69.
21. Aleksandrov, I.V. (2013) K voprosu o problemakh rassledovaniya sovremennykh ekonomicheskikh prestupleniy [On problems in the investigation of modern economic crimes]. *Ekspert-kriminalist*. 3. pp. 19–21.
22. Rossinskaya, E.R. & Semikalenova, A.I. (2021) Information-computer forensic models of computer crimes as the elements of forensic techniques (using the example of “cyber blackmail”). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo – Tomsk State University Journal of Law*. 42. pp. 68–803. (In Russian). doi: 10.17223/22253513/42/5
23. Knyaz'kov, A.S. (2008) *Kriminalistika: kurs lektsiy* [Criminalistics: course of lectures]. Tomsk: TML-Press.
24. Kosarev, S.Yu. (2005) *Kriminalisticheskie metodiki rassledovaniya prestupleniy: genezis, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya* [Forensic methods of crime investigation: genesis, current state, development prospects]. Abstract of Law Dr. Diss. St. Petersburg.
25. Tishutina, I.V. (2023) Sovremennye problemy kriminalisticheskoy metodiki v svete idey professora N.P. Yablokova [Modern problems of forensic methodology in the light of the ideas of Professor N.P. Yablokov]. *Kriminalistika: vchera, segodnya, zavtra*. 25 (1), pp. 218–226. doi: 10.55001/2587-9820.2023.35.47.020
26. Polyakov, V.V. (2023) Forensic Classification of Subjects Counteracting Investigation of High-Tech Crimes. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 18 (2), pp. 178–192. (In Russian). doi: 10.17803/1994-1471.2023.147.2.178-192
27. Kuznetsov, A.A. (2017) [Structure of characteristics of counteraction to the investigation of crimes]. *Omskie nauchnye chteniya* [Omsk Scientific Readings]. Conference Proceedings. Omsk. 11–16 December 2017. Omsk: Omsk State University. pp. 955–958. (In Russian).
28. Gavlo, V.K. (1981) [Forensic mechanism of crime and its significance in the investigation]. *Aktual'nye problemy usileniya bor'by s prestupnost'yu* [Current problems of strengthening the fight against crime]. Conference Proceedings. Irkutsk. 19 June 1981. Irkutsk: [s.n.]. pp. 59–61. (In Russian).
29. Obraztsov, V.A. (1982) Ob'ekty kriminalisticheskoy metodiki rassledovaniya prestupleniy [Objects of forensic methods for investigating crimes]. In: *Algoritmy i organizatsiya resheniy sledstvennykh zadach* [Algorithms and organization of solutions to investigative problems]. Irkutsk: Irkutsk State University. pp. 9–25.
30. Luzgin, I.M. (1973) *Metodologicheskie problemy rassledovaniya* [Methodological problems of investigation]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
31. Yablokov, N.P. & Knyaz'kov, A.S. (2012) Etapnost' kak metod strukturirovaniya predvaritel'nogo sledstviya i povysheniya urovnya ego organizatsii [Stagedness as a method of structuring the preliminary investigation and increasing the level of its organization]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 11. Pravo*. 1. pp. 3–18.
32. Belkin, R.S. (1997) *Kurs kriminalistiki: v 3 t.* [Forensic science course: in 3 volumes]. Vol. 3. Moscow: Yurist".

33. Arotsker, L.E. (1964) *Ispol'zovanie dannykh kriminalistiki v sudebnom razbiratel'stve ugovolnykh del* [The use of forensic data in the trial of criminal cases]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
34. Korchagin, A.A. (2016) Kriminalisticheskaya kharakteristika sudebnogo sledstviya v strukture tipovoy kriminalisticheskoy metodiki predvaritel'nogo i sudebnogo sledstviya po ugovolnym delam ob ubiystvakh [Forensic characteristics of the judicial investigation in the structure of the standard forensic methodology of preliminary and judicial investigation in criminal cases of murder]. *Izvestiya Altayskogo gosudarstvennogo universiteta*. 3 (91). pp. 112–117.
35. Makhina, S.N. & Tsurluy, O.Yu. (2019) Kriminalisticheskoe obespechenie sudebnogo razbiratel'stva v Rossii: sovremennoe ponimanie i napravleniya razvitiya [Forensic support of judicial proceedings in Russia: modern understanding and directions of development]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo*. 3 (38). pp. 273–281.
36. Voronin, M.I. (2021) Osobennosti otsenki elektronnykh (tsifrovyykh) dokazatel'stv [Features of the evaluation of electronic (digital) evidence]. *Aktual'nye problemy rossiyskogo prava*. 8 (129). pp. 118–128.
37. Tsyppin, A.L. (1938) Sudebnoe sledstvie i kriminalistika [Judicial investigation and criminology]. *Sotsialisticheskaya zakonnost'*. 12. pp. 44–46.
38. Kim, D.V. (2008) *Teoreticheskie i prikladnye aspekty kriminalisticheskikh situatsiy* [Theoretical and applied aspects of forensic situations]. Barnaul: Altai State University.
39. Drapkin, L.Ya. (1987) *Osnovy teorii sledstvennykh situatsiy* [Fundamentals of the theory of investigative situations]. Sverdlovsk: Ural University.
40. Volchetskaya, T.S. (1997) *Kriminalisticheskaya situatsiologiya* [Forensic situational science]. Moscow; Kaliningrad: Kaliningrad University.
41. Polyakov, V.V. (2010) Sledstvennye situatsii po delam o nepravomernom udalennom dostupe k komp'yuternoy informatsii [Investigative situations in cases of unlawful remote access to cyberinformation]. *Doklady Tomskogo gosudarstvennogo universiteta sistem upravleniya i radioelektroniki*. 1 (21). pp. 46–50.
42. Bakhteev, D.V. (2019) Prichinnost' i sluchaynost' kak ob"ekty vospriyatiya v strukture kriminalisticheskogo myshleniya [Causality and chance as objects of perception in the structure of forensic thinking]. *Vserossiyskiy kriminologicheskii zhurnal*. 13 (2). pp. 252–261.

Информация об авторе:

Поляков В.В. – канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия). E-mail: agupolyakov@gmail.com

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

V.V. Polyakov, Cand. Sci. (Law), associate professor, Altai State University (Barnaul, Russian Federation). E-mail: agupolyakov@gmail.com

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 12.01.2024;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.*

*The article was submitted 12.01.2024;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.*

Научная статья
УДК 343.8
doi: 10.17223/15617793/498/25

Проблемные вопросы, связанные с исполнением уголовных наказаний в отношении иностранных граждан

Евгений Александрович Яковлев¹

¹ Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина, Москва, Россия,
yakovlev-ea86@mail.ru, ORCID: 0009-0001-4481-2866

Аннотация. Представлен анализ количества осужденных иностранных граждан российскими судами. Описаны существующие правовые процедуры в случае установления местонахождения осужденных в государствах их гражданства при нахождении за пределами Российской Федерации с неисполненным приговором суда. Выявлены проблемные вопросы по исполнению уголовных наказаний в виде лишения свободы и не связанных с изоляцией от общества в отношении осужденных иностранных граждан, сформулированы и обоснованы предложения по их устранению.

Ключевые слова: уголовное наказание, осужденный иностранный гражданин, розыск осужденных, уклонение от отбывания уголовного наказания, административное выдворение, экстрадиция, уголовно-исполнительная инспекция

Для цитирования: Яковлев Е.А. Проблемные вопросы, связанные с исполнением уголовных наказаний в отношении иностранных граждан // Вестник Томского государственного университета. 2024. № 498. С. 225–233. doi: 10.17223/15617793/498/25

Original article
doi: 10.17223/15617793/498/25

Problematic issues related to the execution of criminal penalties for foreign citizens

Evgeny A. Yakovlev¹

¹ Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russian Federation, yakovlev-ea86@mail.ru

Abstract. Foreign citizens who have committed crimes on the territory of Russia are subject to criminal liability on an equal footing with citizens of the Russian Federation. In connection with the fact that for the last three years the number of foreign citizens convicted by Russian courts has significantly increased, the conclusion about the relevance of the study is made. The aim of the study is to identify problematic issues of the enforcement of criminal penalties when establishing the fact of departure of a convicted foreign citizen from the Russian Federation. To reach this aim, the author used statistical, comparative-legal, formal-legal methods of research, a study of documentary sources, a method of interpretation of legal norms and legal forecasting, as well as applied the rules and techniques of formal and dialectical logic. When conducting the study, the author proposes to consider the peculiarities of sentencing, dividing the sentences of Russian courts into two groups: with deprivation of liberty and punishments not related to isolation from society. Thus, in the sphere of penalties in the form of deprivation of liberty there are cases when a convicted foreign citizen can leave the territory of the Russian Federation, since restrictive procedures are not applied to him/her. This occurs when imposing punishment in the absence of the defendant (in absentia) or when a decision is made to independently go to the place of serving the sentence in a settlement colony. At the same time, in the case of establishing the location of such a convicted person in the state of his/her citizenship, the further mechanism of execution of criminal punishment is not clear. Similar problems have been identified in the application to foreign citizens of criminal penalties not related to the isolation of convicted persons from society. Contradictions of legislative norms in various spheres have been revealed, which do not allow the execution of criminal penalties, as a convicted foreign citizen must be deported from Russia. It has been found that in many respects the problem under study is formed by the lack of grounds for extradition of the convicted person, as well as non-recognition of the sentences of the Russian court by the state in the convicted person's place of citizenship. Based on the results of the study, the author proposes several options for solving the problem under consideration: establishment of an unambiguous ban on the departure from Russia of a convicted foreign citizen until the criminal sentence has been served in full; development of the practice of concluding international treaties (agreements) with foreign states; establishment for foreign citizens of a new type of basic criminal punishment – “forced expulsion from the Russian Federation”; payment of compensation by the state of which the convicted person is a citizen; determination of the possibility to serve the sentence in the state of the foreign citizen's location with his/her voluntary consent.

Keywords: criminal punishment, convicted foreign citizen, search for convicts, evasion from serving a criminal sentence, administrative expulsion, extradition, penal inspection

For citation: Yakovlev, E.A. (2024) Problematic issues related to the execution of criminal penalties for foreign citizens. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 498. pp. 225–233. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/498/25

Исполнение уголовных наказаний в отечественной уголовно-исполнительной политике осуществляется как в отношении граждан Российской Федерации, так и применительно к иностранным гражданам и лицам без гражданства. Это обусловлено тем, что в ч. 3 ст. 62 Конституции Российской Федерации [1] установлено важное положение касаясь иностранных граждан – они пользуются правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации. Принцип равенства перед законом и судом закреплён и в ст. 4 Уголовного кодекса Российской Федерации [2]. Таким образом, при совершении деяния, подпадающего под признаки преступлений, предусмотренных УК РФ, лицо, независимо от принадлежности гражданства и иных индивидуально определяемых признаков, подлежит уголовной ответственности.

При вынесении приговора иностранные граждане отбывают уголовные наказания, назначенные судом, также наравне с гражданами Российской Федерации. Однако, как справедливо отмечает Э.В. Лядов, внесенные в последние годы серьезные изменения в законодательство Российской Федерации, связанные с миграционными процессами, определяющими правовое положение иностранного гражданина, порядка его въезда в Россию и выезда из страны, спровоцировали возникновение проблем при исполнении решений судов, вынесенных в отношении граждан других государств [3. С. 310].

Проблематика большого количества лиц, являющихся иностранными гражданами, совершившими преступления, обосновывается и статистическими данными. Согласно сведениям МВД России за 2022 г., в Российской Федерации выявлено 818 986 лиц, совершивших преступления, в том числе 33 193 иностранных гражданина (что составляет 4,1% удельного веса в общем числе выявленных лиц), из которых 27 218 имеют гражданство государств – участников СНГ (что составляет 82% удельного веса от иностранных граждан и лиц без гражданства) [4. С. 54]. Очевидно, что иностранными гражданами и лицами без гражданства совершается достаточно большое количество преступлений, в особенности имеющими гражданство государств – участников СНГ.

При этом с учетом особенностей трудовой миграции иностранных граждан, случаи совершения ими преступлений в крупных городах центральной части России значительно больше в сравнении с другими регионами. Так, в г. Москве в 2022 г. из 34 705 выявленных лиц, совершивших преступления, 7 372 (21%) – это иностранные граждане, из них 6 617 (90%) являются гражданами государств – участников СНГ. А, например, в Чукотской автономной области из 509 выявленных лиц, совершивших преступления, иностранные граждане составляют менее 1% (5 лиц) [5]. Следовательно, вопросы исполнения приговора в отношении иностранных граждан представляются актуальными,

особенно для регионов с большим количеством трудовых мигрантов из государств – участников СНГ.

Более того, за последние три года количество осужденных иностранных граждан в России существенно возросло. Так, по сведениям Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, в 2020 г. российскими судами осуждено 16 263 иностранных гражданина (из них 14 552 гражданина стран СНГ), в 2021 г. – 19 251 (17 553 гражданина стран СНГ), в 2022 г. – 21 802 (19 907 гражданина стран СНГ) [6]. Как мы видим из представленных данных, в сравнении с 2020 г. наблюдается рост количества осужденных иностранных граждан почти на 34%, основную их часть составляют граждане стран СНГ.

Важно указать, что условно приговоры судов можно разделить на две группы. Первую составляют решения суда о лишении свободы, вторую – о наказаниях, не связанных с изоляцией осужденных от общества. В отношении иностранных граждан выносятся и те и другие приговоры, и, соответственно, проблемные вопросы возникают как в первом, так и во втором случае.

Изначально предлагается рассмотреть проблематику при исполнении наказания в виде лишения свободы. Необходимо отметить, что при вынесении такого решения осужденный берется под стражу в зале суда, в дальнейшем, как правило, проблемных вопросов по исполнению приговоров в отношении иностранных граждан в указанных случаях практически не возникает, так как они следуют в исправительное учреждение, где будут отбывать назначенное наказание, под конвоем. После освобождения такое лицо подлежит выдворению за пределы страны, если не является гражданином Российской Федерации, в государство по месту гражданства.

Тем не менее ряд исследователей выделяют отдельные вопросы, связанные с обеспечением правового статуса осужденного иностранного гражданина во время отбывания им лишения свободы. Так, Т.С. Хван обращает внимание на проблемы реализации некоторых прав осужденными иностранными гражданами, а именно на информирование об особенностях отбывания наказания, использование современных способов переписки и видеосвязи [7]. Е.А. Дроздова выявляла проблемы взаимодействия осужденных иностранных граждан с администрацией мест лишения свободы в виду «языкового барьера» и освещает сложности предоставления переводчиков [8].

Не менее важные вопросы рассматривают А.С. Щаталов и Л.Л. Санташова, устанавливая недостатки нормативного регулирования процессуальной деятельности по передаче осужденных для отбывания наказания в государство их гражданства, на основе которых вносят актуальные предложения по совершенствованию действующего законодательства, а также

расширения перечня наказаний, в отношении которых возможна передача осужденных [9].

Вместе с тем в рамках данного исследования представляется необходимым обратить внимание на несколько иные проблемные вопросы, а именно на отсутствие в ряде случаев правовых процедур, связанных с исполнением приговоров российских судов в виде лишения свободы в отношении иностранных граждан в случае установления их местонахождения за пределами России в государствах, гражданами которых они являются. В частности, при наличии оснований, предусмотренных ч. 5 ст. 247 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [10], решение о лишении свободы может быть принято в отсутствие подсудимого (в заочном порядке). В таком случае вопрос исполнения приговора приобретает особую актуальность.

Во-первых, если местонахождение осужденного не установлено, его требуется разыскать. Но даже после того, как осужденный будет установлен в государстве, гражданином которого он является, возникает вопрос, каким образом будет исполняться приговор российского суда? Во-вторых, при вынесении решения о лишении свободы в заочном порядке, если еще во время судебного заседания стало известно о нахождении подсудимого за пределами территории Российской Федерации, также не понятен дальнейший механизм его исполнения.

Помимо изложенного, имеются случаи вынесения приговоров иностранным гражданам к лишению свободы в колонии-поселении, при этом принимаются решения о их самостоятельном следовании к месту отбывания наказания. Дело в том, что в случае принятия такого решения, осужденный находится на свободе до момента вступления приговора в законную силу и определенной даты его прибытия в исправительное учреждение, установленной в предписании для самостоятельного следования к месту отбывания наказания. В этот период времени осужденный никак не ограничен в передвижении и имеет возможность беспрепятственно покинуть пределы Российской Федерации. В этой связи актуально замечание ряда исследователей, которые справедливо полагают, что ключевой проблемой при реализации рассматриваемого института является уклонение от отбывания наказания осужденными, которым было предоставлено право самостоятельного следования [11. С. 79]. Следует отметить, что в такой ситуации осужденный объявляется в розыск на основании ч. 6 ст. 75.1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации [12]. Вместе с тем в последующем при установлении такого лица в государстве, гражданином которого он является, так же, как и в первом случае, возникает вопрос о дальнейшей возможности исполнения приговора российского суда.

Далее необходимо рассмотреть проблематику исполнения уголовных наказаний, не связанных с изоляцией осужденных от общества. Иностранному гражданину, признанному виновным в совершении преступления, могут быть назначены штраф, исправительные, обязательные и принудительные работы, лишение

права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, условное осуждение, также возможно применение отсрочки отбывания наказания и условно-досрочное освобождение от отбывания наказания.

Законодатель установил запрет на назначение иностранному гражданину только ограничения свободы (ч. 6 ст. 53 УК РФ), по остальным перечисленным видам уголовных наказаний такого не предусмотрено. Однако среди исследователей имеется неоднозначное мнение по этому поводу. Например, И.А. Петрова считает, что невозможность применения ограничения свободы к иностранным гражданам вызывает сомнение и законодатель допустил ошибку, включив данную категорию лиц в соответствующий перечень [13. С. 16]. Представляется, что доводы, приведенные автором, не совсем объективны, так как даже имея какое-то временное место жительства, иностранным гражданам будет проблематично исполнять установленные судом ограничения. Впрочем, мы согласны с позицией автора о затруднении применения к иностранным осужденным иных видов уголовного наказания, таких как исправительные и обязательные работы.

Необходимо подчеркнуть, что после вынесения приговора к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества, и во время их отбывания осужденный также находится на свободе и не ограничен как в перемещении по территории Российской Федерации, так и за ее пределами, в связи с чем возникают сложности в контроле за ними со стороны специально уполномоченных на это органов и учреждений. Более того, в некоторых случаях у осужденных иностранных граждан в период отбывания (исполнения) наказания заканчивается срок законного пребывания в Российской Федерации, и они должны либо сами выехать в государства, гражданами которых являются, или их могут выдворить за пределы страны на основании ст. 3.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях [14]. При этом каких-либо ограничений о применении данной процедуры в отношении осужденных, не отбывших уголовное наказание, не имеется. Часть 3 ст. 3.10 КоАП РФ закрепляет лишь то, что административное выдворение за пределы Российской Федерации не может применяться к военнослужащим – иностранным гражданам.

В этой связи следует выделить мнение исследователей-правоведов, что несогласованность уголовного, миграционного и административного законодательства России не позволяет в полной мере достичь целей наказания в отношении иностранных граждан, осужденных к наказаниям, не связанным с изоляцией от общества [15. С. 296]. Таким образом, возникает коллизия норм права: с одной стороны, необходимо исполнить приговор, с другой – нельзя оставить без внимания нарушение миграционного законодательства и необходимость применения административных процедур.

Применительно к данным ситуациям имеются противоречия и в других законодательных актах. Так, в соответствии с п. 2 ст. 28 Федерального закона от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации въезда в Российскую Федерацию» [16]

(далее – Федеральный закон № 114-ФЗ), выезд из Российской Федерации иностранным гражданам или лицам без гражданства может быть ограничен в случаях, если они осуждены за совершение преступления на территории Российской Федерации, до отбытия (исполнения) наказания или до освобождения от наказания, за исключением иностранных граждан или лиц без гражданства, условно-досрочно освобожденных от отбывания наказания, в случае отсутствия у них в соответствии с решением суда материальных обязательств перед потерпевшей стороной. Вместе с тем, как справедливо отмечает С.В. Перов, данные положения не могут быть применены, так как законодательством Российской Федерации не определен орган, уполномоченный принимать решение об ограничении выезда [17. С. 77]. В то же время в ст. 24 данного Федерального закона № 114 предусмотрено, что иностранные граждане и лица без гражданства, в отношении которых принято решение об административном выдворении за пределы Российской Федерации или о депортации, выезжают из Российской Федерации на основании данного решения.

Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [18] (далее – Федеральный закон № 115) также содержит нормы по ответственности иностранных граждан за нарушение миграционного законодательства. Более того в п. 5, 6 ч. 1 ст. 7 рассматриваемого Федерального закона установлено, что разрешение на временное проживание иностранному гражданину не выдается, а ранее выданное аннулируется в случае, если он осужден вступившим в законную силу приговором суда за совершение тяжкого или особо тяжкого преступления или за совершение преступления, связанного с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ, а также имеет непогашенную или неснятую судимость за совершение таких преступлений. Аналогичные нормы содержатся в п. 5, 6 ч. 9 ст. 18, в которых закреплено, что разрешение на работу иностранному гражданину не выдается, а выданное аннулируется, если он осужден вступившим в законную силу приговором суда за совершение преступления или имеет непогашенную или неснятую судимость. Таким образом, у иностранного гражданина при осуждении не имеется законных оснований для осуществления официальной трудовой деятельности, и в ряде случаев – для проживания на территории Российской Федерации. При этом в Федеральном законе № 115 могли бы быть урегулированы вопросы о возможном нахождении в Российской Федерации иностранного гражданина, осужденного к наказанию, не связанным с лишением свободы, по аналогии с другими случаями, предусмотренными в данном нормативном правовом акте (например, установленными в ст. 5).

Следует отметить и то, что некоторые исследователи полагают целесообразным в определенных случаях назначать выдворение иностранному гражданину в качестве субсидиарной меры уголовного наказания во избежание совершения им последующих преступлений [19. С. 71]. Однако данное мнение весьма спорно.

С одной стороны, действительно в таких случаях осуществляется профилактика совершения ими повторных преступлений, с другой – первоначальное значение отдается административному, а не уголовному наказанию, что, как представляется, является недопустимым. На наш взгляд, необходимо для начала определить, как и каким образом будет исполняться уголовное наказание, а затем с учетом первого применять административное выдворение.

Говоря об общей проблематике отсутствия механизмов по исполнению приговора российского суда в отношении иностранного гражданина, требуется обратить внимание на случаи, когда органы и учреждения, исполняющие наказания, первоначально не располагали информацией о местонахождении осужденного. В подобных случаях осуществляется сбор материалов об уклонении осужденного от отбывания наказания, по результатам изучения которых он может быть объявлен в розыск. Однако даже при установлении в процессе розыскной работы местонахождения осужденного в иностранном государстве, гражданином которого он является, появляются последующие трудности по исполнению в отношении него приговора, как в виде лишения свободы, так и наказания, не связанного с изоляцией от общества. В таких случаях подразделения и учреждения уголовно-исполнительной системы (УИС) Российской Федерации, ответственные за исполнение приговора, предоставляют соответствующие документы в Генеральную прокуратуру Российской Федерации для проведения экстрадиционной проверки и направления запроса о выдаче лица в порядке ст. 460 УПК РФ, а также Минюст России для работы по возможному исполнению приговора российского суда в иностранном государстве.

Вместе с тем в большинстве случаев из Генеральной прокуратуры Российской Федерации приходит отказ в экстрадиции, так как иностранное государство не выдает граждан своей страны, а из Минюста России поступает информация о непризнании приговоров или отсутствия оснований для этого. Это также обусловлено тем, что имеющимися международными договорами (соглашениями) не предусмотрена выдача лиц и признание приговора либо не раскрыт весь механизм реализации данного процесса. Например, Конвенцией о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам, заключенной в г. Минске 22.01.1993 [20] (далее – Минская Конвенция), установлено, что выдача не производится, если лицо является гражданином иностранного государства, куда направлен запрос (п. «а» ч. 1 ст. 57). Также в данном акте закреплено, что при решении вопросов о признании лица особо опасным рецидивистом, об установлении фактов совершения преступления повторно и нарушения обязанностей, связанных с условным осуждением, отсрочкой исполнения приговора или условно-досрочным освобождением, учреждения юстиции договаривающихся государств могут признавать и учитывать приговоры, вынесенные их судами (ст. 76.1).

Очевидно, что рассматриваемая Конвенция не решает возникающих проблемных вопросов, так как в

ней не предусмотрен весь перечень уголовных наказаний, по которым может осуществляться признание приговоров, а также это не обязанность, а только право учреждений юстиции, что является исключением императивности применения данной нормы. Кроме этого, не урегулирован вопрос дальнейшего исполнения приговора, если деяние, за совершение которого осужден иностранный гражданин в стране его пребывания и гражданства, не является уголовно наказуемым. Аналогичные вопросы возникают и при отсутствии международных договоров (соглашений) между заинтересованными государствами, не участвующих в Минской Конвенции. В этой связи актуально замечание Е.В. Середы, что правовая помощь, оказываемая в соответствии с международными договорами на практике, порой вызывает много вопросов [21. С. 220].

Частичным решением указанной проблематики может стать Конвенция государств – участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы, заключенная в г. Ашхабаде 11.10.2019 [22] (далее – Конвенция СНГ). В Российской Федерации в настоящее время осуществляется процедура ее ратификации, однако действие данного акта будет распространяться только на страны, участвующие в Конвенции, что, конечно, полностью не решит рассматриваемой проблематики. Более того, по смыслу применения Конвенции СНГ в ст. 5 определены случаи, когда в удовлетворении запроса о передаче исполнения наказания отказывается или может быть отказано. Это могут быть ситуации, например, не соответствия уголовного и уголовно-исполнительного законодательства двух заинтересованных государств, отсутствие согласия осужденного на отбывание наказания в государстве гражданства и возмещения им ущерба, причиненного преступлением и т.д. Поэтому возникает вопрос, как поступать органам и учреждениям, исполняющим наказание и российскому суду, вынесшему приговор, в случае отказа удовлетворения такого запроса?

Для реализации положений рассматриваемой Конвенции СНГ Минюстом России уже разработан и размещен проект федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части передачи исполнения наказания, не связанного с лишением свободы, а также применения условного осуждения или отсрочки отбывания наказания». Законопроектом планируется, что основанием для передачи исполнения наказания будет решение суда, принятое по результатам рассмотрения представления ФСИН России, обращения осужденного или его представителя, либо компетентных органов иностранного государства [23]. Однако и в данном законопроекте не предусмотрено дальнейших действий в случае отказа удовлетворения запроса российской стороны о передаче исполнения наказания в государство гражданства осужденного.

Кроме этого, возможно, будет иметь место и проблема несовпадения законодательных конструкций и подходов к исполнению наказания в различных странах, участвующих в Конвенции СНГ. Так, например А.П. Детков с воим исследованием приводит довод, что

в отличие от отечественного исполнения исправительных работ в Республике Казахстан данное уголовное наказание исчисляется исходя из расчетных показателей на момент совершения правонарушения. При этом наказание исполняется путем ежемесячного удержания и перечисления в Фонд компенсации потерпевшим от 10 до 50% из заработной платы осужденного [24. С. 72]. Указанное также может повлечь правовую неопределенность при реализации Конвенции СНГ в подобных ситуациях, а также споры между заинтересованными сторонами по порядку, срокам и особенностям исполнения наказаний.

Следует отметить, что ввиду неурегулированности данного вопроса в настоящее время подразделениями и учреждениями УИС, исполняющими приговор, не принимаются возможных мер по реализации уголовного наказания и взаимодействию с судами, вынесшими решение. Так, в случае установления подразделениями розыска УИС местонахождения в иностранном государстве осужденного, не отбывшего (не исполнившего) приговор к наказанию, не связанному с изоляцией от общества, информация об этом направляется в уголовно-исполнительную инспекцию (УИИ). В таких случаях вместо проведения работы по возможным вариантам исполнения приговора, УИИ повторно проводятся первоначальные розыскные мероприятия (ПРМ) и вновь направляются материалы для объявления розыска, хотя осужденный уже фактически не скрывается и установлено, что он проживает по известному адресу в государстве, гражданином которого является.

Например, в марте 2022 г. из правоохранительных органов Республики Узбекистан поступили материалы об установлении на территории данного государства разыскиваемого осужденного Д., состоящего на учете в одном из филиалов ФКУ УИИ УФСИН России по г. Москве (осужден к одному году лишения свободы условно). Несмотря на предоставление информации об адресе проживания фигуранта в Республике Узбекистан, сотрудники УИИ в апреле 2022 г. организовали повторное проведение ПРМ на территории г. Москвы. В июле 2022 г. материал ПРМ возвращен в филиал УИИ в связи с нахождением разыскиваемого в известном адресе за рубежом, однако в ноябре 2022 г. в отношении Д. в очередной раз начато проведение ПРМ в г. Москве.

Представляется, что в подобных ситуациях УИИ необходимо обращаться в суд, вынесший приговор, за разъяснениями возникающих при его исполнении сомнений и неясностей в порядке п. 15 ст. 397 УПК РФ. Позиция суда по данному вопросу необходима, так как, во-первых, требуется определиться, что дальше делать с приговором, во-вторых, его неисполнение может привести к должностным преступлениям со стороны сотрудников УИС. В то же время суд в отсутствие разъяснений по этому поводу Верховного Суда Российской Федерации в ряде случаев при получении обращения по таким вопросам принимает решения об истечении сроков давности обвинительного приговора и освобождения лица от уголовного наказания.

Например, гражданин Республики Казахстан Д., находясь на территории Томской области, в 2017 г. совершил преступление, предусмотренное ст. 264.1 УК РФ, относящееся к категории небольшой тяжести. В январе 2019 г. суд вынес обвинительный приговор в отношении Д. и назначил наказание в виде 210 часов обязательных работ, при этом рассмотрение дела проходило в отсутствие подсудимого. В связи с тем, что осужденный Д. не приступил к отбыванию наказания, он был объявлен в розыск. В 2022 г. удалось установить его местонахождение в Республике Казахстан. Правоохранительным органам данного государства Д. пояснил, что не знал о вынесенном приговоре, а для его исполнения в Российскую Федерацию въехать не может, так как его не выпускают из своей страны в связи с нахождением в розыске. Мировой судья Томской области принял во внимание данные обстоятельства и в октябре 2022 г. вынес решение об освобождении от отбывания наказания осужденного Д. в связи с истечением срока давности обвинительного приговора. Суд посчитал, что Д. не мог отбыть наказание по объективным независящим от него обстоятельствам и причинам.

В подобных ситуациях, как нам кажется, вынесение таких решений не в полной мере учитывает права всех заинтересованных лиц. И в этой части мы не совсем согласны с К.В. Михайловым, который полагает, что основанием освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда является утрата общественной опасности лица, совершившего преступление, которая происходит по истечении значительного промежутка времени после его осуждения за совершенное преступление [25. С. 127]. Безусловно, принятие подобных решений положительным образом сказывается на статусе осужденного. Вместе с тем остаются без внимания права и законные интересы лиц, признанных потерпевшими от преступных действий такого осужденного, в особенности если он не возместил им в полном объеме причиненный вред. В связи с этим отсутствие своевременных мер по исполнению приговора с учетом наличия у осужденного гражданства иностранного государства ставит под сомнение и обеспечение восстановления социальной справедливости в соответствии с ч. 2 ст. 43 УК РФ.

Необходимо подчеркнуть и то, что при установлении местонахождения осужденного в государстве, гражданином которого он является, в некоторых случаях данные лица не отказываются отбывать (исполнять) наказание, но ссылаются на отсутствие возможности выехать в Россию. Кроме этого, в последующем розыск лица на территории данного государства прекращается, но при попытке его выезда из страны он не может пересечь территорию Российской Федерации, так как в связи с его осуждением имеются вышеуказанные основания для отказа на въезд.

С учетом изложенного представляется, что вариантов решения рассматриваемой и исследуемой проблематики может быть несколько.

Первое – это установление однозначного запрета на выезд из Российской Федерации осужденному иностранному гражданину до полного отбытия (исполнения) уголовного наказания. В данный период не

должны применяться процедуры депортации и принудительного выдворения в связи с первостепенностью значения приговора за совершение преступления. При этом целесообразно устанавливать запрет на выезд еще на этапе предварительного расследования, т.е. он не должен прекращаться в случае направления уголовного дела в суд и в период вступления приговора в законную силу. Вместе с тем одновременно с постановлением приговора суд может выносить решение о принудительном выдворении сразу после отбытия (исполнения) наказания осужденным иностранным гражданином, т.е. данная процедура будет подлежать отсрочке, а не полностью исключаться в подобных случаях. Для реализации данного предложения целесообразно внести изменения в КоАП РФ, УПК РФ, в Федеральные законы № 114 и 115.

Второе – развитие практики заключения международных договоров (соглашений) с иностранными государствами, в которых будет определен порядок исполнения приговора в случае выезда осужденного из страны по месту осуждения, в государство гражданином которого он является. Одновременно с этим требуется определить для судов, вынесших приговор, дальнейшие действия, если деяние, за совершение которого гражданин осужден, не является уголовно наказуемым в стране его гражданства либо между странами отсутствуют договоренности по возможному исполнению уголовного наказания. Также должен быть установлен конкретный алгоритм действий и для учреждений и органов, исполняющих приговор, в случае получения подтвержденных сведений выезда осужденного в государство его гражданства.

Третье – установить для иностранных граждан новый вид основного уголовного наказания «принудительная высылка из Российской Федерации». Так, в случае совершения иностранным гражданином преступления, за которое может не применяться лишение свободы, разумно привлекать его к предлагаемому виду уголовного наказания. Данное предложение не является новеллой и рассматривалось многими исследователями [26–28], однако хотелось бы дополнить, что до момента вступления приговора в законную силу и реализации такого наказания осужденный должен содержаться под стражей либо иным образом ограничен в свободном передвижении. Также одновременно с вынесением приговора целесообразно устанавливать пожизненный или конкретно определенный срок запрета въезда для осужденного на территорию Российской Федерации. Ввиду сказанного целесообразно внести изменения в УК РФ, а именно в гл. 9 «Понятие и цели наказания. Виды наказания». В случае реализации данного предложения понадобится дополнить необходимыми нормами УПК РФ, а также определить и уполномоченный орган на исполнение данного наказания, им может быть как Федеральная служба судебных приставов (по аналогии с исполнением административного выдворения за пределы Российской Федерации), так и Федеральная служба исполнения наказаний (которой исполняется большинство уголовных наказаний и уголовно-правовых мер), для этого потребуется внесение изменений, в том числе в УИК РФ.

Четвертое – за совершение преступлений, например небольшой и средней тяжести, возможно предусмотреть на межгосударственном уровне выплату компенсации государством, гражданином которого является осужденный, для покрытия ущерба потерпевшей стороне и затрат, понесенных на осуществление правосудия. При этом такому осужденному также должен быть установлен запрет на въезд в Россию, а к еще находящемуся в стране требуется применение выдворения. В дальнейшем данное иностранное государство может предъявить регрессный иск к своему гражданину с целью возмещения затрат, связанных с компенсацией. Смысл рассматриваемого предложения состоит в том, что государство должно нести ответственность за своего гражданина, если он совершает уголовно наказуемое деяние в другой стране. Конечно, данная инициатива трудно выполнима, но вполне оправдана с точки зрения соблюдения интересов для государства, в котором было совершено преступление. В этой связи мы не совсем согласны с Ю.М. Колосовым, который полагает, что государство не может в полной мере нести ответственности за действия своих физических и юридических лиц на территории иностранного государства, ибо там не действует его национальное законодательство [29. С. 34]. По нашему же мнению, государство должно нести общую позитивную ответственность за своих граждан в части обеспечения личной безопасности членов общества в общемировом масштабе, их защиту от преступных посягательств. В этом смысле, если государство разрешило своему гражданину выезд из страны, то оно должно быть уверено (в том числе в лице своих государственных органов, которые должны проводить соответствующую работу), что за границей он будет вести себя правопослушно. Представляется, что указанное предложение может быть реализовано в рамках индивидуальных договоров между участвующими странами, при возникновении необходимости урегулирования рассматриваемых ситуаций. Применительно же к государствам – участникам СНГ, как к наиболее заинтересованным в данном случае (подтверждается приведенной статистикой совершения преступлений гражданами стран СНГ в России), возможно рассматривать совместное принятие Конвенции или других документов межгосударственного уровня, в которых целесообразно закрепить предлагаемый порядок выплаты компенсаций.

Пятое – при добровольном согласии иностранного гражданина отбывать наказание в виде лишения свободы в государстве его нахождения, в том числе покрытие материального и морального вреда перед потерпевшей стороной, предусмотреть такую возможность, даже если на момент его обращения не имеется

договоренностей об этом между странами. Думается, что это возможно путем определения такого порядка на уровне учреждений юстиции заинтересованных государств, также посредством заключения индивидуальных двухсторонних договоров, в том числе на принципе взаимности, для отправления справедливого правосудия.

Варианты решения могут быть и другими, но, как представляется, во всех случаях привлечения иностранного гражданина к уголовной ответственности требуется исключить его дальнейшее пребывание в стране (после отбытия наказания), а также возможный въезд в Российскую Федерацию навсегда или на определенный срок в зависимости от тяжести совершенного преступления. Близким членам семьи такого лица (супругам, детям, родителям), не имеющим гражданства Российской Федерации, рационально не продлевать право временного пребывания (проживания) в стране. Безусловно, это жесткие и радикальные меры, но видится выгодным, что они будут иметь воздействие на состояние общественной безопасности и возможное снижение преступности со стороны иностранных граждан. Также требуется, чтобы иностранные граждане осознавали данную меру ответственности, т.е. им необходимо это разъяснять при намерениях въезда или непосредственном посещении Российской Федерации (например, выдавать памятки, проводить соответствующую работу с представителями диаспор и т.д.).

Разумеется, что рассмотренные в данной статье проблемные вопросы не являются исчерпывающими и могут быть дополнены исследователями правоведов. Однако, как представляется, для исполнения приговоров российских судов на современном этапе разрешение обозначенной проблематики имеет наибольшую актуальность. Это не менее важно и потому, что в существующих условиях потока трудовой миграции иностранных граждан в Российскую Федерацию и развития данной сферы правоотношений, вопросы регулирования отбытия (исполнения) уголовного наказания при совершении ими преступлений приобретают особую значимость. Граждане Российской Федерации должны быть уверены в своей защищенности от возможных противоправных действий со стороны иностранцев, а в случае же совершения ими преступлений в России – на использование эффективных инструментов уголовно-правового и исполнительного воздействия с целью восстановления социальной справедливости. Выработка необходимых механизмов позволит в том числе развить взаимодействие в пенитенциарной сфере и будет способствовать реализации национальных целей государств в области уголовного судопроизводства и исполнения наказаний.

Список источников

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). Официальный текст Конституции РФ, включающий новые субъекты Российской Федерации – Донецкую Народную Республику, Луганскую Народную Республику, Запорожскую область и Херсонскую область // Официальный интернет-портал правовой информации. 06.10.2022. URL: <http://pravo.gov.ru>
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.
3. Лядов Э.В. Исполнение наказания, альтернативных лишению свободы, в отношении осужденных – иностранных граждан и лиц без гражданства // Современный ученый. 2019. № 2. С. 308–314.

4. Состояние преступности в России за январь – декабрь 2022 года. М. : ФКУ ГИАЦ МВД России, 2023. 66 с.
5. Показатели преступности России за период январь – декабрь 2022 года // Генеральная прокуратура Российской Федерации. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (дата обращения: 25.11.2023).
6. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020–2022 годы // Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <http://cdep.ru/?id=79> (дата обращения: 05.11.2023).
7. Хван Т.С. Проблемы реализации некоторых прав осужденными гражданами в местах лишения свободы // Петербургские Пенитенциарные конференции. Материалы конференций : в 4 т. СПб., 2021. С. 247–253.
8. Дроздова Е.А. Некоторые проблемы реализации прав иностранных граждан и лиц без гражданства, находящихся в местах лишения свободы // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 4. С. 152–154.
9. Шаталов А.С., Санташова Л.Л. Сущность и правовая природа передачи осужденных для отбывания наказания в государства, гражданами которых они являются // Человек: преступление и наказание. 2018. Т. 26 (1–4), № 2. С. 141–147.
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.
11. Грушин Ф.В., Плешаков А.М., Кутуков С.А. Самостоятельное следование осужденных к месту отбывания наказания: проблемы реализации // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 1. С. 75–81.
12. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ (ред. от 24.06.2023) // Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198.
13. Петрова И.А. К вопросу о пределах применения наказаний и иных мер воздействия в отношении иностранных граждан // Вестник института: преступление, наказание, исправление. 2013. № 3. С. 15–18.
14. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2023) // Собрание законодательства РФ. 2002. № 1. ч. 1. Ст. 1.
15. Первозванский В.Б., Строгович Ю.Н., Жилев Р.М. Выдворение за пределы Российской Федерации как альтернатива лишению свободы // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 296–298.
16. Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ (ред. от 04.08.2023) «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» // Собрание законодательства РФ. 1996. № 34. Ст. 4029.
17. Перов С.В. Актуальные проблемы депортации иностранных граждан, осужденных к уголовным наказаниям в Российской Федерации // Вестник института. 2018. № 43. С. 72–78.
18. Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.
19. Головастова Ю.А., Видова Т.А., Митяева Ю.В. Правовое положение иностранных граждан при исполнении уголовных наказаний: история, современное состояние, перспективы развития // Уголовно-исполнительное право. 2023. Т. 18 (1–4), № 1. С. 60–74.
20. Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам (Заключена в г. Минске 22.01.1993) (ред. от 28.03.1997) (вступила в силу 19.05.1994, для Российской Федерации 10.12.1994) // Собрание законодательства РФ. 1995. № 17. Ст. 1472.
21. Середа Е.В. Международное сотрудничество в сфере борьбы с преступностью: проблемы и пути их решения // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2019. № 2. С. 215–223.
22. Конвенция государств – участников Содружества Независимых Государств о передаче исполнения наказаний, не связанных с лишением свободы (Заключена в г. Ашхабаде 11.10.2019) // Единый реестр правовых актов и других документов СНГ. URL: <http://cis.minsk.by/> (дата обращения: 23.11.2023).
23. В Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации предлагается внести изменения // Минюст России. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48565/> (дата обращения: 23.11.2023).
24. Детков А.П. Проблемы назначения и исполнения уголовных наказаний в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства // Уголовная юстиция. 2022. № 20. С. 70–74.
25. Михайлов К.В. Современная уголовно-правовая регламентация освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора суда и некоторые перспективы ее совершенствования // Правопорядок: история, теория, практика. 2014. № 2. С. 125–129.
26. Хван Т.С. Высылка за пределы Российской Федерации как вид уголовного наказания // Государственная служба и кадры. 2019. № 3. С. 176–178.
27. Дворянсков И.В., Урда М.Н. Выдворение иностранных граждан и лиц без гражданства за пределы Российской Федерации: к вопросу о перспективах законодательного определения в Уголовном кодексе Российской Федерации // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: история и право. 2018. № 4. С. 137–144.
28. Жилев Р.М., Медведева И.Н. К вопросу о введении нового вида уголовного наказания – выдворения за пределы Российской Федерации // Уголовно-исполнительная система на современном этапе: взаимодействие науки и практики : материалы Междунар. науч.-практ. межведомственной конф. (16–17 июня 2016 г.) / под общ. ред. А.А. Вотинова. Самара, 2016. С. 230–232.
29. Колосов Ю.М. Ответственность в международном праве. 2-е изд. М. : Статут, 2014. 224 с.

References

1. pravo.gov.ru (2022) *The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020). The official text of the Constitution of the Russian Federation, including new subjects of the Russian Federation – the Donetsk People's Republic, the Lugansk People's Republic, Zaporozhye Oblast, and Kherson Oblast.* [Online] Available from: <http://pravo.gov.ru> (In Russian).
2. RF. (1996) Criminal Code of the Russian Federation of June 13, 1996, No. 63-FZ (was amended on August 4, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 25. Art. 2954. (In Russian).
3. Lyadov, E.V. (2019) *Ispolnenie nakazaniya, al'ternativnykh lisheniyu svobody, v otnoshenii osuzhdennykh – inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva* [Execution of punishment alternative to imprisonment in relation to convicted foreign citizens and stateless persons]. *Sovremennyy uchenyy*. 2. pp. 308–314.
4. Main Information Analytical Center of the Ministry of Internal Affairs of Russia. (2023) *Sostoyaniye prestupnosti v Rossii za yanvar'–dekabr' 2022 goda* [State of crime in Russia for January–December 2022]. Moscow: FКУ ГИАЦ МВД России.
5. General Prosecutor's Office of the Russian Federation. (2023) *Crime indicators in Russia for the period January–December 2022*. [Online] Available from: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/activity/crimestat> (Accessed: 25.11.2023). (In Russian).
6. Judicial Department of the Supreme Court of the Russian Federation. (2023) *Summary statistical information on the state of criminal records in Russia for 2020–2022*. [Online] Available from: <http://cdep.ru/?id=79> (Accessed: 05.11.2023). (In Russian).
7. Khvan, T.S. (2021) [Problems of implementation of certain rights by convicted foreign citizens in places of deprivation of liberty]. *Peterburgskie Penitentsiarnye konferentsii* [St. Petersburg Penitentiary Conferences]. Conference Proceedings. St. Petersburg: LOIRO. pp. 247–253. (In Russian).

8. Drozdova, E.A. (2017) Nekotorye problemy realizatsii prav inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva, nakhodyashchikhsya v mestakh lisheniya svobody [Some problems of implementing the rights of foreign citizens and stateless persons in prison]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 4. pp. 152–154.
9. Shatalov, A.S. & Santashova, L.L. (2018) Sushchnost' i pravovaya priroda peredachi osuzhdennykh dlya otyvaniya nakazaniya v gosudarstva, grazhdanami kotorykh oni yavlyayutsya [The essence and legal nature of the transfer of convicts to serve their sentences to the states of which they are citizens]. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. 26 (1-4):2. pp. 141–147.
10. RF. (2001) Criminal Procedure Code of the Russian Federation of December 18, 2001, No. 174-FZ (was amended on August 4, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 52 (I). Art. 4921. (In Russian).
11. Grushin, F.V., Pleshakov, A.M. & Kutukov, S.A. (2023) Samostoyatel'noe sledovanie osuzhdennykh k mestu otyvaniya nakazaniya: problemy realizatsii [Independent transportation of convicts to the place of serving their sentence: problems of implementation]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 18 (1-4):1. pp. 75–81.
12. RF. (1997) Criminal Executive Code of the Russian Federation of January 8, 1997, No. 1-FZ (was amended on June 24, 2023) *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 2. Art. 198. (In Russian).
13. Petrova, I.A. (2013) K voprosu o predelakh primeneniya nakazaniy i inykh mer vozdeystviya v otnoshenii inostrannykh grazhdan [On the limits of application of punishments and other measures of influence in relation to foreign citizens]. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie*. 3. pp. 15–18.
14. RF. (2002) RF Code of Administrative Offenses of December 30, 2001, No. 195-FZ (was amended on August 4, 2023). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 1 (I). Art. 1. (In Russian).
15. Pervozvanskiy, V.B., Strogovich, Yu.N. & Zhilyaev, R.M. (2018) Vydvorenie za predely Rossiyskoy Federatsii kak al'ternativa lisheniya svobody [Expulsion from the Russian Federation as an alternative to imprisonment]. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve*. 3. pp. 296–298.
16. RF. (1996) Federal Law of August 15, 1996, No. 114-FZ (was amended on August 4, 2023) "On the procedure for leaving the Russian Federation and entering the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 34. Art. 4029. (In Russian).
17. Perov, S.V. (2018) Aktual'nye problemy deportatsii inostrannykh grazhdan, osuzhdennykh k ugolovnym nakazaniyam v Rossiyskoy Federatsii [Current problems of deportation of foreign citizens sentenced with criminal penalties in the Russian Federation]. *Vestnik instituta*. 43. pp. 72–78.
18. RF. (2002) Federal Law of July 25, 2002, No. 115-FZ (was amended on July 10, 2023) "On the legal status of foreign citizens in the Russian Federation". *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 30. Art. 3032. (In Russian).
19. Golovastova, Yu.A., Vidova, T.A. & Mityaeva, Yu.V. (2023) Pravovoe polozhenie inostrannykh grazhdan pri ispolnenii ugolovnykh nakazaniy: istoriya, sovremennoe sostoyanie, perspektivy razvitiya [Legal status of foreign citizens in the execution of criminal sentences: history, current state, development prospects]. *Ugolovno-ispolnitel'noe pravo*. 18 (1-4):1. pp. 60–74.
20. RF. (1995) Convention on legal assistance and legal relations in civil, family and criminal matters (Concluded in Minsk on January 22, 1993) (as amended on March 28, 1997) (came into force on May 19, 1994, for the Russian Federation on December 10, 1994). *Sobranie zakonodatel'stva RF*. 17. Art. 1472. (In Russian).
21. Sereda, E.V. (2019) Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v sfere bor'by s prestupnost'yu: problemy i puti ikh resheniya [International cooperation in the fight against crime: problems and ways to solve them]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Obrazovanie i pedagogicheskie nauki*. 2. pp. 215–223.
22. Unified Register of Legal Acts and Other Documents of the CIS. (2023) *Convention of the member states of the Commonwealth of Independent States on the transfer of execution of sentences not related to deprivation of liberty (Concluded in Ashgabat on October 11, 2019)*. [Online] Available from: <http://cis.minsk.by/> (Accessed: 23.11.2023). (In Russian).
23. RF Ministry of Justice. (2023) *It is proposed to make changes to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation*. [Online] Available from: <https://minjust.gov.ru/ru/events/48565/> (Accessed: 23.11.2023). (In Russian).
24. Detkov, A.P. (2022) Problems of imposition and enforcement of criminal penalties for foreign citizens and stateless persons. *Ugolovnaya yustitsiya - Russian Journal of Criminal Law*. 20. pp. 70–74. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/20/12
25. Mikhaylov, K.V. (2014) Sovremennaya ugolovno-pravovaya reglamentatsiya osvobozhdeniya ot otyvaniya nakazaniya v svyazi s istecheniem srokov davnosti obvinitel'nogo prigovora suda i nekotorye perspektivy ee sovershenstvovaniya [Modern criminal law regulation of release from serving a sentence due to the expiration of the statute of limitations for a court conviction and some prospects for its improvement]. *Pravoporyadok: istoriya, teoriya, praktika*. 2. pp. 125–129.
26. Khvan, T.S. (2019) Vysylka za predely Rossiyskoy Federatsii kak vid ugolovnogo nakazaniya [Expulsion from the Russian Federation as a type of criminal punishment]. *Gosudarstvennaya sluzhba i kadry*. 3. pp. 176–178.
27. Dvoryanskov, I.V. & Urda, M.N. (2018) Vydvorenie inostrannykh grazhdan i lits bez grazhdanstva za predely Rossiyskoy Federatsii: k voprosu o perspektivakh zakonodatel'nogo opredeleniya v Ugolovnom kodekse Rossiyskoy Federatsii [Expulsion of foreign citizens and stateless persons from the Russian Federation: on the prospects for legislative definition in the Criminal Code of the Russian Federation]. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: istoriya i pravo*. 4. pp. 137–144.
28. Zhilyaev, R.M. & Medvedeva, I.N. (2016) [On introducing a new type of criminal punishment – expulsion from the Russian Federation]. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema na sovremenno etape: vzaimodeystvie nauki i praktiki* [Penal system at the present stage: interaction between science and practice]. Proceedings of the International Conference. 16–17 June 2016. Samara. pp. 230–232. (In Russian).
29. Kolosov, Yu.M. (2014) *Otvetstvennost' v mezhdunarodnom prave* [Liability in international law]. 2nd ed. Moscow: Statut.

Информация об авторе:

Яковлев Е.А. – канд. юрид. наук, старший преподаватель кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (Москва, Россия). E-mail: yakovlev-ea86@mail.ru. ORCID: 0009-0001-4481-2866

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

E.A. Yakovlev, Cand. Sci. (Law), senior lecturer, Kutafin Moscow State Law University (Moscow, Russian Federation). E-mail: yakovlev-ea86@mail.ru. ORCID: 0009-0001-4481-2866

The author declares no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 07.12.2023;
одобрена после рецензирования 30.01.2024; принята к публикации 30.01.2024.

The article was submitted 07.12.2023;
approved after reviewing 30.01.2024; accepted for publication 30.01.2024.

ВЕСТНИК ТОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Мультидисциплинарный научный журнал

2024. № 498. Январь

Председатель научно-редакционного совета Э.В. Галажинский
Главный редактор В.П. Зиновьев
Ответственный секретарь Н.А. Глушенко

Адрес издателя и редакции

634050, г. Томск, пр. Ленина, 36, Томский государственный университет. Журнал «Вестник ТГУ».
E-mail: vestnik@mail.tsu.ru

Подписано к печати 31.01.2024 г. Формат 60×84 1/8. Бумага белая писчая.
Гарнитура Times New Roman. Цифровая печать. Печ. л. 24,7. Усл. печ. л. 23. Тираж 50 экз.
Заказ № 5892. Цена свободная.

Дата выхода в свет 04.06.2024 г.

Редакторы: Н.А. Афанасьева, А.А. Цыганкова
Корректор – Е.Г. Шумская
Оригинал-макет А.И. Лелююр
Дизайн обложки Л.Д. Кривцовой
Редактор-переводчик – В.В. Кашпур

Журнал отпечатан на полиграфическом оборудовании
Издательства Томского государственного университета
634050, г. Томск, Ленина, 36
Телефон 8+(382-2)–52-98-49

Журнал «Вестник Томского государственного университета» является мультидисциплинарным периодическим изданием. Учредитель – Томский государственный университет. «Вестник Томского государственного университета» выходит ежемесячно, его подписной индекс 46740 в объединённом каталоге «Пресса России».

Полнотекстовые версии вышедших номеров выкладываются на сайте журнала: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>. Ознакомиться с вышедшими номерами и требованиями к оформлению материалов можно на сайте журнала.

Все статьи, поступающие в редакцию журнала, подлежат обязательному рецензированию. Публикации в журнале (в том числе и авторов-аспирантов) осуществляются на некоммерческой основе.

Tomsk State University Journal is a multidisciplinary peer-reviewed research journal that welcomes submissions from across the world. The Founder of the Journal is Tomsk State University. Tomsk State University Journal is issued monthly, and can be subscribed to in the Russian Press Joint Catalogue (Subscription Index 46740).

Full-text versions of the issues are available on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

The Journal does not charge paper submission, processing or publication fee from authors or authors' institutions.

The instruction for authors on paper submission is on the website of the Journal: <http://www.journals.tsu.ru/vestnik>

Издательство: Издательство Томского государственного университета.
Адрес: 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36.
Телефоны: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Сайт: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru

Publisher: Publishing House of Tomsk State University.
36 Lenin Avenue, Tomsk, Russia, 634050
Tel: 8(382-2)–52-98-49; 8(382-2)–53-15-28; 8(382-2)–52-96-75
Site: <http://publish.tsu.ru>
E-mail: rio.tsu@mail.ru